

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

HAUSHOFER KLAUSHOFFER

О ГЕОПОЛИТИКЕ

Annotation

Издание включает избранные произведения классика немецкой геополитической мысли Карла Хаусхофера (1869-1946), о научной деятельности которого в нашей стране практически неизвестно, а оценки его личности и его научного наследия неоднозначны. Впервые публикуемые на русском языке труды Хаусхофера позволяют читателю непредвзято, с позиций историзма оценить взгляды и концепции ученого, судьба которого в условиях нацистского режима в Германии оказалась глубоко трагичной.

- Карл Хаусхофер
 - ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
 - Границы в их
географическом и
политическом значении
 - ПРЕДИСЛОВИЕ
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - ВВЕДЕНИЕ
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - ГЛАВА I
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - ГЛАВА II
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - ГЛАВА III
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - ГЛАВА IV
 - ПРИМЕЧАНИЯ

- ГЛАВА V
- Освоение _____ русскими
северного побережья Тихого
океана и их вытеснение
островными державами
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА VI
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА VII
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА VIII
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА IX
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА X
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ГЛАВА XI
- ПРИМЕЧАНИЯ

- [ГЛАВА XII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XIII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XIV](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XV](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XVI](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XVII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XVIII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XIX](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XX](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- [ГЛАВА XXI](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XXII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XXIII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XXIV](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XXV](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА XXVI](#)
- [Прибавление](#) к
[заключительному слову](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [Панидеи в геополитике](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА II](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- [ГЛАВА III](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА IV](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА V](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА VI](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА VII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА VIII](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ГЛАВА IX](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [Статус-кво и обновление жизни](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [Континентальный блок:](#)

Центральная Европа —
Евразия — Япония 1

- ПРИМЕЧАНИЯ
 - ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
КОЛОНИАЛЬНЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
 - ПРИМЕЧАНИЯ
 - Послесловие
 - ПРИМЕЧАНИЯ
-

Карл Хаусхофер

**О геополитике:
работы разных лет**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В последние годы в России обострился общественный интерес к такой еще совсем недавно запретной теме, как геополитика. О ней уже написано немало книг и множество статей в научной и периодической печати. Появились даже учебники. Термин “геополитика” стал все чаще употребляться на всех уровнях власти.

Между тем отношение в этой области знаний далеко не однозначно. Оценки роли и смысла геополитики доходят до крайностей. Одни специалисты считают ее чуть

ли не универсальным средством решения как внутренних, так и внешних проблем. Другие относятся к геополитике сдержанно, вполне допуская при этом ее использование в разумных пределах. И наконец, третьи заявляют, что геополитика как подход давно исчерпала себя, а созданные на ее основе концепции — не более чем кабинетные умствования, причем по преимуществу маргинальные.

Подобный диапазон оценок сам по себе заслуживает внимания. К размышлениям на эту тему побуждает и недавний печальный исторический опыт, в частности опыт Германии 30-40-х годов XX

века, где теоретические аспекты геополитики использовались для обоснования нацистской экспансии, завершившейся величайшей трагедией для человечества.

Наиболее правильным и соответствующим нынешней ситуации выходом представляется, на наш взгляд, обращение к началам — к классике геополитической мысли, которая до сих пор практически неизвестна российскому читателю.

Издательство “Мысль” предлагает сборник трудов одного из основателей немецкой геополитической школы, оказавшей большое влияние на развитие западноевропейской

геополитической мысли, Карла Хаусхофера (1869-1946). Впервые в переводе на русский язык публикуются его работы “Границы в их географическом и политическом значении” (1927), “Панидеи в геополитике” (1931), “Статус-кво и обновление мира” (1939), “Континентальный блок” (1941), которые дают достаточно полное представление как о самой геополитике, так и об эволюции [с.5] геополитической мысли не только в Германии, но и в других странах с начала XX века вплоть до второй мировой войны.

Подготовка книги к изданию потребовала нескольких лет

интенсивного труда переводчика и автора послесловия И.Г. Усачева, профессора, доктора исторических наук, чрезвычайного и полномочного посла в отставке, для которого эта работа, к сожалению, стала последней. Перевод сочинений К. Хаусхофера, включенных в настоящее издание, сопровождается подробными комментариями. [с.6]

Границы в их географическом и политическом значении

*Обоим моим сыновьям
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическое военно-географическое самообразование, связанное со склонностью и долгом, а также служба за рубежом и ход войн дали мне возможность, исходя из собственной интуиции и опыта, изучить многие важнейшие вопросы границ на Земле в мирное и военное время, отчасти поверхностно — во время поездок и путешествий, отчасти основательно — в тяжелой ответственной борьбе за прочность границ на родине и за ее пределами.

Среди этих границ были не только германо-романский рубеж на

всем его протяжении от Фландрии вдоль Мааса и Мозеля до Вогез и Бургундских ворот, в Юре [1](#) и, кроме того, в пересеченных ландшафтах Швейцарии, итальянская альпийская граница; не только проницаемая германская граница с западными и восточными славянами во всех разновидностях — от Балтики до Карпат и нижнего течения Дуная и Дравы, — но и границы частей Света и морских акваторий: европейско-азиатская, азиатско-африканская, индо-тихоокеанская, северо-западная граница Индии и рубеж по религиозному и расовым признакам в Гималаях; индийско-китайские переходы в Индокитае, китайско-

японо-русская пограничная проблема
в Маньчжурии 2 и Монголии 3.
Наслоение физических,
биологических и
антропогеографических рубежей и
многообразных пограничных зон,
океанских и континентальных
контрастов с их переходными
формами в районах крупных рек и
морских побережий оживило мои
представления и добытые опытом
понятия, весьма далекие от теории.
Когда же я, наконец, — в противовес
столь сильному пограничному
инстинкту и пограничному
сознанию, которые мне довелось
почувствовать у чужеземных
народов, — поздней осенью 1918 г. в

качестве командира резервной дивизии, продвигаясь от лежавших в руинах имперских границ в глубь страны, испытал полную утрату инстинкта в вопросах границы собственной высокоодаренной нацией, ее слепое доверие к враждебной фразеологии, болезненно пережил вместе с ней самообман по поводу фактически неугасающей на границе борьбы за жизненное пространство на Земле, тогда возник стимул к этой работе и ее замысел, продиктованный собственной внутренней потребностью и предвидимой будущей склонностью моего народа.

[с.9]

То, что кажется само собой разумеющимся лидерам младокитайцев 4 относительно крупных концернов — грабителей мира, в 1914-1918 гг. вырвавших новые, более выгодные для себя границы, и что побудило их сказать с мрачной иронией: “После того, как они ограбили мир, они предложили ему приостановить грабеж” — это еще не стало ясным сегодня большинству населения Центральной Европы. Напротив, часть обманно лишавшихся своих границ культурных народов европейского Центра многократным, чудовищным грабежом и уродованием земли собственного народа в типично

германском самоистязании видела шаг к будущему, более справедливому решению всех пограничных вопросов человечества. Взгляд на наши тщательно составленные фундаментальные энциклопедии, а также довоенные труды о границах показывает нам, каким образом произошло это искажение национального жизненного инстинкта. Если в каких-нибудь пухлых томах мы находим слово “граница”, то это прежде всего математические и философские размышления о ней в широком толковании, далеко от географических и политических предпочтений. Факт, что граница и

переход между государствами (Staatsumzug) — прежде всего организация, охватывающая политическую, хозяйственную и культурную жизненную возможность, на чем, к примеру, делает сильный акцент “Encyclopaedia Britannica”, в большинстве работ, опубликованных в Центральной Европе, вряд ли обсуждается, а вернее не ставится на передний план. Насколько я знаю, ныне в Германии еще нет ни одной книги, на титульном листе которой прямо значится слово “границы” и которая проливает истинный свет на жизнь границы во всех ее контрастах.

Такое намеренно одностороннее

рассмотрение на основе путеводного геополитического мышления, насколько мне известно, предпринимается здесь впервые, с полным осознанием того, что в понимании политической географии я опираюсь на плечи Ратцеля [5](#), Зупана, Мауля [6](#) и предварительную работу многих политических союзов, но, к сожалению, все же больше на фундамент политической науки наших оппонентов, чем нашей собственной.

Но можно ли справедливым, обоснованным с позиций естественных наук, истинно социальным образом разрешить главную проблему физической

антропогеографии (как ее по праву назвал Пенк [7](#)), а именно раздел жизненного пространства при растущем давлении народов и сношений на становящейся обозримо все более тесной и малой Земле сообразно плотности населения, жизненной энергии, культурному и экономическому вкладу ее обитателей, если наука снова и снова не будет разрабатывать и обобщать для политики те ее незыблемые основы, которые могут стать надежными исходными точками для справедливого разграничения отдельных частей пространств и государственных структур нашей планеты? [с.10]

Если и на противоположной стороне умные и миролюбиво настроенные люди, добропорядочные европейцы, вроде Бернарда Шоу [8](#), называют нынешние внутренние границы Европы этнически неосновательными и противопоставляют им не защищенную с обеих сторон и демилитаризованную американо-канадскую границу [9](#) как идеал для континента, который благодаря своему сплочению хотел бы избежать очередной войны, то нужно лишь радоваться тому, что представители географии и истории, политических и экономических наук предоставляют дополнительные

основы для их прочувствованных суждений и предостережений. Именно истинный друг мира должен страстно приветствовать такую работу, направленную на познание границы, подобно тому как пожарный должен быть благодарен, если ему своевременно, до вспышки, показывают будущий или уже тлеющий очаги пожара. Конечно, маловероятно, что эти очаги будут выданы теми, кто обдeldывает свои делишки. Поэтому, как представляется, обращать внимание на не заживающие от ожога раны на теле народа — предпочтительный долг и право стесненных в пространстве наций, всех, кто

страдает от избыточной плотности населения и от урезанной, искалеченной ложно проведенными границами духовной жизни.

Такому долгу и такому праву должна удовлетворять эта книга о границах! Впрочем, она вряд ли понравится там, где почитают принцип “надо мной не каплет”. Вероятно, даже не понравится. Но этот принцип не только никогда и нигде не помогал миру в его поступательном движении, но и давным-давно вызывал обоснованное недовольство существующим положением, истошный крик о помощи, обращенный к слишком туго закрученным предохранительным

клапанам, яростные выпады против таких границ, которые воистину показывают, что они установлены и проведены не Богом, не природой, а есть шаткое создание рук человеческих.

Пусть наградой всем, кто любезно помогал в подготовке [этой книги], как и всем, кто занят пограничной работой на Земле, будет формирование сознания, создание полезных инструментов для установления более удобных и более прочных границ отдельных пространств будущего родного дома человечества. Из таких здоровых, жизнелюбивых структур могло бы затем возникнуть здание подлинного

союза народов, где не только счастливые и живущие в благоденствии нации, извлекающие выгоду из происшедшего насилия [10](#), но и все остальные наслаждались бы свободой дышать, трудиться, ценить свою землю и свое жизненное пространство в общем земном доме и где лишенные права на самоопределение многомиллионные древние культурные народы не стояли бы как неизменные обвинители, нищие, ограбленные, перед закрытыми дверями, перегороженными границами и перекрытыми дорогами в будущее, которое и для ныне властвующих, кажущихся счастливыми, остается

под опасной угрозой. **[с.11]**

ПРИМЕЧАНИЯ

Юра — система горных хребтов на границе между Францией и Швейцарией, давшая название юрскому периоду, в течение которого образовалось большинство гор этой системы. [с.12]

2 Маньчжурия — историческое наименование современного Северо-Восточного Китая. Происходит от названия раннефеодального государства Маньчжоу, существовавшего в первой половине XVII в на этой территории. В 1932 г была оккупирована Японией и провозглашена якобы независимым

государством Маньчжоу-Го.
Освобождена Советской Армией в
1945 г. в ходе войны на Дальнем
Востоке. [с.12]

3 Монголия — в средние века
центр Монгольской империи, затем
провинция Китая, получившая
независимость де-факто в 1911 г, с
1924 г. Монгольская Народная
Республика. [с.12]

4 Вероятно, имеются в виду
лидеры Гоминьдана — политической
партии в Китае, созданной в 1912 г.
До 1927 г играла прогрессивную
роль в борьбе за развитие
суверенного Китая, свободного от
засилья иностранного
империализма. Основателем

Гоминьдана был китайский революционер-демократ Сунь Ятсен.
[с.12]

5 Ратцель Фридрих (1844-1904) — немецкий географ и зоолог, в 1886-1904 гг. профессор географии Лейпцигского университета. Основоположник немецкой социологической школы, названной его учеником Челленом геополитической. Согласно воззрениям Ратцеля, особенности народа и занимаемого им пространства обуславливают особенности государства, его внутреннюю и внешнюю политику; само же государство он считал биологическим организмом,

подчиненным законам
биологического развития.

Представление Ратцеля о
государстве, требующем
определенного пространства,
послужило одним из источников
геополитики. Ратцелю принадлежат
общеземлеведческий труд “Земля и
жизнь” (русский перевод 1903-1906
гг.), имеющий подзаголовок
“Сравнительное землеведение”,
другие фундаментальные работы (см
об этом [с. 419](#)). [с.12]

6 Мауль Отто — видный
немецкий географ, сотрудничавший с
журналом “Zeitschrift fur Geopohtik”.
После прихода к власти фашизма
прекратил свое сотрудничество в

нем. Наряду с Пассарге
конструировал ландшафтные
границы путем механического
наложения на карту отдельных
элементов. [с.12]

7 Пенк Альберт — известный
немецкий географ (XIX-XX вв.),
занимавшийся изучением водного
баланса суши, картографированием
земной поверхности, формы которой
ставил в центр географических
исследований. Будучи участником
Международного географического
конгресса в Берне (1891), выступил с
предложением создать
Международную карту мира (в м.
1:1.000.000). Уделял большое
внимание страноведческим

описаниям. Под его редакцией в Германии в XX в. издавалась серия “Bibliothek Landerkundliche Handbucher”. [с.12]

8 Шоу Бернард (1856-1950) — выдающийся английский писатель, драматург и публицист. [с.12]

9 В 1817 г. США достигли соглашения с Великобританией о ликвидации военно-морских сил на Великих озерах и на озере Шамплейн с оставлением сил, необходимых лишь для сбора таможенных пошлин и налогов. Это соглашение известно как соглашение Раш — Багот. Однако США сохраняли свои верфи на озерах до 1825 г., а Великобритания — до 1834

г. После заключения Вашингтонского договора 1861 г. обе стороны по молчаливому согласию перестали поддерживать укрепления на американо-канадской границе и она стала “неохраняемой границей”.
[с.12]

10 Автор имеет в виду итоги первой мировой войны прежде всего для Германии, зафиксированные системой договоров, образующих Версальскую систему послевоенного устройства мира. Читатель не преминет заметить резко отрицательное отношение К. Хаусхофера к Версальскому договору, которое красной нитью проходит через все его работы,

представленные в данном томе.

В Версальском договоре содержался статут (устав) Лиги Наций, описание границ Германии с Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией, Австрией, Чехословакией, Польшей и Данией, определялись вопросы политического устройства Европы. Так, Германия обязывалась признавать и соблюдать все соглашения, которые могут заключить главные союзные и объединившиеся державы с правительствами Бельгии или Нидерландов в целях замены договоров 1839 г., [с.12] устанавливавших бельгийский

нейтралитет. Германия признавала переход к Бельгии округов Эйпен и Мальмеди, а также так называемой нейтральной и прусской частей территории Морене (см также [примеч. 34. С. 46](#)).

Люксембург выходил из состава Германского таможенного союза, Германия признала его полную независимость.

Германия обязалась уважать независимость Австрии в границах, которые были установлены Сен-Жерменским мирным договором 1919 г., признала независимость Чехословакии, граница которой была проведена по линии старой, существовавшей к началу первой

мировой войны, границы между Австро-Венгрией и Германской империей.

Германия обязывалась признать полную независимость Польши, отказаться в ее пользу от части Верхней Силезии, от прав на город Данциг (Гданьск) с округом, которые объявлялись вольным городом под защитой Лиги Наций. Данциг входил в пределы таможенной границы Польши, которой предоставлялось право ведения его внешних сношений и защиты интересов его граждан в других странах.

Устанавливалась новая граница между Германией и Данией. Эльзас-Лотарингия, отошедшая к Германии

согласно условиям Франкфуртского мира 1871 г., возвращалась под суверенитет Франции. В качестве компенсации за разрушение угольных копей на севере Франции угольные копи Саарского бассейна переходили на 15 лет под управление комиссии Лиги Наций. Имелось в виду, что вопрос о дальнейшей судьбе этого района решит плебисцит.

Германия была обязана провести демилитаризацию Рейнской зоны. Ей запрещалось содержать или строить как на левом, так и на правом берегу Рейна, к западу от линии, проходившей в 50 км восточнее реки, военные сооружения и содержать в

указанной зоне какие бы то ни было воинские части. Германия обязывалась снести все укрепления на островах Гельголанд и Дюне.

Эти территориальные изменения К. Хаусхофер представляет как ставящие Германию в невыносимое положение, лишаящее ее необходимого “жизненного пространства”. Столь же отрицательно К. Хаусхофер оценивает положения Версальского договора, касающиеся колоний. В результате этого договора бывшие германские колонии, а также некоторые арабские территории бывшей Османской империи были

распределены между победителями на основе системы мандатов от имени Лиги Наций, согласно которой государства-мандатарии устанавливали свою опеку над территориями, якобы неспособными к самостоятельному управлению. Так, Великобритания получила мандат на управление Западным Того, а также частью Камеруна и большей частью Германской Восточной Африки (Танганьика), германские владения в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому Союзу. Франция помимо мандата на Сирию и Ливан получила также мандат на Восточное Того и часть Камеруна; Бельгия — на

Руанду-Урунди; Япония — на Тихоокеанские острова к северу от экватора — Маршалловы, Каролинские и Марианские; Австралия — на остров Науру (совместно с Великобританией и Новой Зеландией) на бывшую германскую Новую Гвинею и острова Тихого океана к югу от экватора; Новая Зеландия — на острова Западное Самоа.

Серьезный урон понесли позиции Германии в Китае, где она пользовалась рядом привилегий и преимуществ, вытекавших из прежних германо-китайских договоров. Так, Германии пришлось уступить в пользу Великобритании

принадлежавшее ей имущество на территории британской концессии в Кантоне (Гуанчжоу), а в пользу Японии — все права и привилегии на территории Цзяочжоу.

Версальская система оказалась крайне неустойчивой и очень быстро проявила признаки распада. Не устранив коренных империалистических противоречий, приведших к первой мировой войне, эта система породила ряд новых между победителями и побежденными, равно как и между странами-победительницами, что ускорило образование новых военно-политических блоков, чреватое серьезными конфликтами. В

результате большинство положений Версальского мирного договора не выдержали испытания временем и были нарушены к началу второй мировой войны. Первым нарушением территориальных постановлений Версальского договора явилось вступление германских войск в марте 1936 г. в Рейнскую демилитаризованную зону. Следующим — захват Австрии в марте 1938 г. В конце сентября 1938 г. Гитлер с согласия Чемберлена и Даладье (“мюнхенский сговор”) захватил Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. была [с.13] оккупирована вся Чехословакия. Через неделю после

этой акции Германия аннексировала принадлежавший Литве Мемель (Клайпеду). Погоня за “жизненным пространством”, “справедливыми границами” привела к логически неизбежному финалу — второй мировой войне.

Следует также заметить, что К. Хаусхофер, представляя Германию пострадавшей в итоге первой мировой войны стороной, исподволь, с той или иной степенью открытости, снимает с нее ответственность за ее развязывание. Он не упоминает о том, что Версальский мирный договор устанавливал виновность Германии и ее союзников в развязывании первой

мировой войны. В договоре содержалось постановление о специальном суде над Вильгельмом II, а также о судебном преследовании лиц, “обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны”. Однако это осталось благим пожеланием на бумаге. Примечательно, что в трактовке этой проблемы Хаусхофер апеллирует не к историческим фактам, — хотя по многим темам проявляет высокую эрудированность в области всемирной истории, — а к психологии, или народной психологии, к ложно понимаемому “патриотизму”.

Вопрос об ответственности за

войну приобрел особую остроту еще в 1918 г. Например, британский премьер Ллойд Джордж отмечал: “Все более укреплялось мнение, что война сама по себе — преступление против человечества и что войны никогда не будут ликвидированы полностью, пока они не будут квалифицироваться как уголовные преступления, а инициаторы и подстрекатели войны не понесут заслуженного наказания” (*Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 90*). В связи с этим ставился вопрос о привлечении к суду кайзера Вильгельма II. Врученный на Парижской мирной конференции

германской делегации 7 мая 1919 г. текст мирного договора содержал статью, устанавливавшую ответственность Германии за развязывание мировой войны. Тогдашний германский министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау отказался подписать договор. В записке, представленной Брокдорф-Ранцау на предложенный ему проект договора, он выдвинул следующие возражения и контрпредложения.

Германия выступала против передачи Польше частей Восточной Пруссии и немецкой Померании, Данцига, передачи Польше и Чехословакии Верхней Силезии, отторжения от Германии Саарской

области и оккупации Рейнской области. Германия отказывалась нести ответственность за все военные расходы.

Германия соглашалась уменьшить свою армию до 100 тыс. человек, в вопросах территориальных уступок предлагала взять за основу программу Вильсона (уступка Эльзаса и Лотарингии, признание Данцига, Мемеля и Кенигсберга открытыми портами, проведение в Шлезвиге плебисцита, передача колоний под мандат Лиги Наций), выражала готовность уплатить 100 млн. золотых марок, восстановить разрушенные области Бельгии и Франции, принимала

обязательство поставлять Франции в первые пять лет по 20 млн., а в последующие пять лет — 8 млн. *т* угля, соглашалась на передачу в счет понесенных убытков части германского торгового флота. Германская делегация демагогически предлагала создать комиссию для выяснения виновников войны и их наказания.

После отказа конференции рассмотреть эти предложения Брокдорф-Ранцау покинул мирную конференцию и подал в отставку. Национальное собрание в Веймаре приняло резолюцию о необходимости подписать мирный договор, исключив из него статью об

ответственности Германии за войну. Однако нажим союзников вынудил немцев капитулировать и подписать договор с упомянутой статьей.

Хаусхофер объективно как бы продолжает линию германской делегации в Версале. Поскольку договор был подписан, то с юридической точки зрения он лишен возможности прямо отрицать ответственность Германии за войну, отсюда его уклончивый язык и обходные маневры.

Нюрнбергский процесс продемонстрировал не только уместность, но и международную необходимость привлечения к ответственности виновников

развязывания войны и проведения политики геноцида. Этот нравственный императив и международно-правовая норма поддерживаются всеми честными людьми на планете. [с.14]

ВВЕДЕНИЕ

Давление границ и теснота пространства тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой (Innereuropa). Настоящая книга, призванная привлечь внимание к беспристрастному исследованию границ в их географическом и политическом значении, обращена прежде всего к тем, кто живет в этой стесненности, а также ко всем, кто серьезно участвует в прочном, устойчивом восстановлении в естественных связностях пространства, где обитает человечество, разорванного и

разрушенного в результате его произвольного раздела.

Это касается в первую очередь Внутренней Европы, потому что ни в каком другом месте Земли так остро не проявляется в проведении границ противоречие между научно мыслящим веком и антинаучными, алчными и пристрастными действиями. Разве кто-нибудь мог бы посчитать возможным еще на рубеже столетия, когда на всех языках было написано так много светлого о будущем человечества, что всего два десятилетия спустя государственные мужи, члены ученых академий и обществ, якобы мыслящие категориями крупного пространства

народные лидеры окажутся готовыми провести границы государств и народов через большие города и их водонапорные башни и газовые фабрики, соорудить рубежи между рабочими и их каменноугольными шахтами, воздвигнуть там и сям барьеры между одинаково думающими, чувствующими и говорящими людьми.

Именно мрачное предсказание заката изувеченной в таком ослеплении Европы (Abendland) должно вдвойне заставить нас со всей суровостью объяснить, что сделали сами ее жители для его возможного ускорения из-за бессмысленных границ и

демаркационных линий.

“Кто не сознает темноты, тот не станет искать света”_.

Но если мы поднимем факел знания, то истинно происходящее, с которого снят покров, сотканный из фразеологии, предстает во всей своей гротескной бессмысленности.

Внутренняя Европа с ее географическим и политическим урезанием и увечьем жизненно необходимых структур, с невыносимыми границами жизненной формы в удушающе тесном жизненном пространстве — в каком разительном противоречии находится это [состояние] с представлением века и культурного

круга, которому Шпенглер_придал отпечаток фаустовского_стремления к жизни в безмерном, безграничном как лейтмотив. [с.15]

Понятно, почему такое обвинение в зреющем закате [Европы] вышло именно из духовной среды стомиллионного народа, который, к счастью или к сожалению, пожалуй, наиболее четко отразил эту фаустовскую черту характера, распространяя ее среди народов Земли в то время, когда он в том пространстве, где дышал, был невыносимо стеснен до минимальных пределов и поэтому первым в XX столетии глубоко в душе пережил возникающую у

человечества нужду в границах на перенаселенной Земле.

Были ли необходимы именно немецкому народу для воспитания у него чувства границы это страшное переживание, эта напряженность, побуждающая к восстановлению границ мирным путем при их добровольной либерализации или же к взрыву, — напряженность между идеалом беспредельности Вселенной, идеалом погруженного в самосозерцание “наднационального”, безразличного к пространству человека, и реальной жизнью великого народа Земли, больше всех сдавленного пространством в своем свободном

развитии?

Не была ли эта напряженность возможной только потому, что этот проникнутый духом Фауста народ достиг всех осуществимых духовных целей, подарил человечеству понятия и определения понятий, — только не той в правильной мере и в надежной форме разумной границы, ибо сам не знал, как ее найти?

Но такую судьбу он разделил с двумя самыми гениальными народами планеты: с эллинами — носителями сухопутной и морской культуры бассейна Эгейского моря, и теми, кто населял индийское жизненное пространство между Гималаями и Индийским океаном,

которые — как и немцы, были, видимо, духовно слишком мягкотелы, слишком аморфны, чтобы защитить и сохранить свою земную жизненную форму.

Именно в этом они не преуспели: границы действительного, которые они полагали выдвинуть все дальше вовне, пока те не совпадут с границами человечества в метафизическом [т.е. философском] смысле, затем — ибо сами не знали, как найти для этого меру, — проводились другими, причем весьма болезненно, ценой потери миллионов соплеменников и даже облика свободных, определяющих

свое место в жизни народов.

Так происходило в Священной Римской империи германской нации [5](#), в Элладе домакедонского периода и в подобных сказочным творениям эллинистических государствах [6](#), в становлении империи Ашоки [7](#) и более поздней при Великих Моголах. Если Акбар [8](#), величайший среди них, казался своим современникам “тенью бога на Земле”, подобно Периклу [9](#) и Александру [Македонскому] [10](#), Карлу Великому [11](#) и Фридриху Гогенштауфену [12](#), то уже для их внуков воздвигнутые на века границы их государств были преходящими, как облака. То же повторилось во Внутренней, или

Центральной, Европе после краха Второй [с.16] Германской империи [13](#), казавшейся очень прочной в Центре Европы. Однако уже в 1900 г. Теобальд Фишер [i](#) назвал ее эфемерой, ибо, как и после исчезновения первой [14](#), не стало больше надежной границы и какой-либо устойчивой формы, и крупный писатель того времени увидел на исходе века точно такую же безутешную картину, как Шиллер [15](#) — на рубеже XVIII-XIX столетий.

Но эта первая [империя] ни в коей мере не была чисто Германской империей, а римско-германской нацией с ее передвигающимися, подобно облакам при каждом порыве

ветра, границами. Никто не знает сегодня, идет ли дело к новой, третьей империи 16, столь горячо и страстно желаемой и ожидаемой многими. Во всяком случае тот хаос руин и мук, в котором мы ныне живем, не заслуживает названия империи: ведь от нее сохраняется лишь тень и апелляция о спасении права на жизнь. Ибо империя должна иметь границы, которые она способна защищать собственными силами!

Однако, чтобы третья империя стала когда-нибудь реальной в пространстве и во времени в Центральной Европе, необходимо постоянно поддерживать

представление, идею о ней в убедительной форме и в наглядных установленных границах. Необходимы также, насколько возможно, обоснованное признание тех границ, которые были привнесены извне ее жизненной форме, будь то заимствованные у природы, будь то установленные в результате человеческой деятельности, расовой воли и силового произвола, и ясное осознание их изменяемости или постоянства. Ведь любая полезная и стабильная граница — это не только политическая граница, но и граница многих жизненных явлений, и она сама по себе становится еще одной

жизненной формой, своим собственным ландшафтом со своими собственными условиями существования, более или менее широкой зоной боевых действий, предполем [17](#); крайне редко граница является линией, как ее легко мог бы провести юрист, человек, имеющий дело с документами, однако ее отвергают природа и жизнь, в которых нет ничего более постоянного, чем борьба за существование [18](#) в вечно меняющихся, непрерывно перемещающихся в пространстве формах.

Арена этой борьбы — прежде всего граница, которая лишь

цепенеет, будучи на самом деле мертвой и давно испытывающей действие сил, стремящихся устранить отмершее, а то, что еще полезно, использовать в новой жизни.

Таким образом, попытка рассмотреть границы в их географическом и политическом значении и проявлении по необходимости затрагивает последние рубежи, установленные нам [с.17] человеческим опытом [19](#). Это придает такой попытке — наряду с признанной политической необходимостью теоретической пропедевтики для практической пограничной работы — предельную духовную и художественную

привлекательность. Не будь этого стимула, невозможно было бы воздать должное невесомому, не поддающемуся учету и все же решающему, чисто духовному моменту в возникновении, существовании и исчезновении границы. А без такой перспективы возникло бы искушение свести познание границы в мелководье чисто материалистической [физической] географии и исторического рассмотрения, причем понимание границы такого культурного круга, как германский, пронизанного фаустовским натиском, не должно сглаживать различия.

Таков был главный соблазн, но и опасность предпринятой попытки рассмотрения именно с центральноевропейской точки зрения. И пусть с этим предостережением она идет своим путем на стыке науки и искусства, культуры и силы, показывая пропасти и наводя мосты, создавая фундаментальную основу всестороннего знания, — навстречу лучшему будущему, как позволяет на это надеяться современность [20](#), из потребностей которой и возник этот временный мост в виде данной научно-художественной книги. [с.18]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.17)

См.

весьма

примечательную статью: *Fischer Th.*
Das Deutsche Reich in seinen heutigen
Grenzen: eine Eintagsfliege! //
Geographischer Anzeiger. Justus Peter.
Gotha, 1900. № 1, ход мыслей которой
стал одним из сильнейших
побудительных мотивов к написанию
данной работы.

Абендланд (Abendland) — с
конца XVIII в. собирательное
название для средневековой
католической и христианской
Европы. В XIX-XX вв. это понятие
легло в основу теории, согласно

которой “Абендланд” (или Европа), восточная граница которой определялась, как правило, произвольно, является неким сообществом народов, которые культивируют западный образ жизни. “Закат Европы” (“Untergang des Abendlandes”) — выражение, повторяющее название книги О. Шпенглера “Закат Европы” (т. 1. М., 1993; т. 2. М., 1998). [с.18]

В своих сочинениях Хаусхофер часто использует понятия и образы, заимствованные из мифологии. Так, свет и тьма в мифологической модели мира — одно из основных противопоставлений. С мифа об отделении света от тьмы в

библейской традиции (“Бытие”) начинается творение. [с.18]

Шпенглер Освальд (1880-1936) — немецкий философ и историк, приобрел известность после успеха своего труда “Закат Европы” (1918-1922). Развивал учение о культуре как множестве замкнутых организмов (египетская, китайская, индийская и т.д.), как бы выражающих душу народа и проходящих определенный жизненный цикл. В 20-е годы выступал как публицист консервативно-национального направления. В 1933 г. отклонил предложение нацистов о сотрудничестве, за что гитлеровский

режим подверг его бойкоту. [с.18]

Фауст — один из неувядаемых образов мировой литературы, вечный вопрошатель о смысле человеческой жизни, воплощение загадок и противоречий; олицетворение дерзаний человеческого разума и в то же время сомнений в необходимости этого дерзания, неукротимого движения к неизведанному и постоянного вопроса о границах этого стремления, о пределах “дозволенного” при вторжении человека в жизнь Природы и Космоса.

Иное толкование приобрел этот образ в культуре и идеологии фашистской Германии: это

“сверхчеловек”, “истинно немецкий герой”, носитель идеи группового эгоизма, одержимый безжалостно-наступательной агрессией. [с.18]

Основана Оттоном I (912-973), германским королем с 936 г., первым императором Священной Римской империи (Sacrum Romanorum Imperium — Heiliges Romisches Reich). Священной она стала в 1254 г. В конце XV в. к этому названию были добавлены слова “германской нации”.

Священная Римская империя германской нации была этнически пестрым образованием. Помимо немецких территорий в ее составе было много славянских земель,

находившихся под властью австрийских и немецких князей, а также областей с итальянским, французским, валлонским и венгерским населением. Сама империя (после Вестфальского мира 1648 г. существовавшая чисто номинально как совокупность в основном мелких государств) официально прекратила существование в 1806 г. [с.19]

Эллинизм — период в истории стран Восточного Средиземноморья между 323 и 30 гг. до н.э., когда на месте державы Александра Македонского образовалось несколько государств: Селевкидов, Птолемеев, Пергам, Понтийское

царство и др., политический строй которых сочетал элементы древневосточных монархий и греческих полисов. Термин “эллинизм” был введен в науку немецким историком Дройзеном.
[с.19]

Ашока (268-231 до н.э.) — властитель империи Маурьев, занимавшей почти всю Индию и часть современного Афганистана. Сыграл важную роль в становлении буддизма как мировой религии.
[с.19]

Акбар (1542-1605) — падишах Индии из династии Великих Моголов. **[с.19]**

Перикл (490-429 до н.э.) —

вождь афинской рабовладельческой демократии. [с.19]

Александр Македонский (356-323 до н.э.) — царь Македонии с 336 г., основатель крупнейшей мировой империи древности. [с.19]

11 Карл Великий — король франков (768-814), основатель Римской империи средневековья. Коронован в Риме в 800 г. папой Львом III императорской короной, что служило знаком его власти над всем Западом.

В 843 г. в Вердене три внука Карла Великого делят его империю на три королевства, которые дадут начало, правда не сразу и после многочисленных войн, немецкой,

французской и итальянской нациям.

12 Гогенштауфены — династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138-1254 гг., в 1197-1268 гг. — также короли Сицилийского королевства.

Фридрих Гогенштауфен Барбаросса (1123-1190) — император Священной Римской империи (1152-1190). [с.19]

13 Под Второй Германской империей (“Deutsches Reich”) понимается созданная Бисмарком в 1871 г. Германия в результате ее объединения “железом и кровью”. Вторая Германская империя фактически рухнула в 1918 г., но в официальных документах это

название сохранялось в Германии до 1945 г. [с.19]

14 Т.е. Священной Римской империи германской нации. [с.19]

15 Шиллер Иоганн Фридрих (1759-1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения, один из основоположников немецкой классической литературы. [с.19]

16 Термин “Das dritte Reich” (“Третья империя”), переводимый в нашей обществоведческой литературе как “Третий рейх”, употреблен в книге немецкого искусствоведа, историка культуры Артура Мёллера ван дер Bruка “Das dritte Reich” (1923). Термин был

заимствован нацистами и использовался в пропагандистских целях. [с.19]

17 Предполье — полоса местности перед главной полосой обороны или укрепленным районом, включающим несколько оборонительных позиций и инженерные заграждения. Элемент построения обороны в армиях многих государств. [с.19]

18 Борьба за существование (*нем.* Kampf um Daseins) — крылатое выражение, связанное с широким признанием теории Чарлза Дарвина, которое содержится в заглавии его знаменитого труда “Происхождение видов путем естественного отбора,

или Сохранение благоприятствующих пород в борьбе за существование”.
[с.19]

19 Речь идет о границах Германии, установленных Версальским договором 1919 г. [с.19]

20 Оптимизм автора вполне оправдан. К моменту публикации этой книги (1927) Германия существенно улучшила свое положение внутри страны и на международной арене. Она преодолела последствия небывалой послевоенной инфляции (в 1923 г. одна золотая марка стоила 38,1 млн. бумажных марок), в 1924 г. приняла разработанный международной комиссией экспертов “план Дауэса”,

который предусматривал предоставление Германии займа в 200 млн. долларов для восстановления ее промышленного потенциала и регулирования уплаты репарационных платежей (132 млрд. марок). В 1925 г. были подписаны Локарнские договоры о гарантии ее западных границ (см. [примеч. 1. С. 170-171](#)), а в сентябре 1926 г. Германия стала членом Лиги Наций.

[с.20]

ГЛАВА I

ГРАНИЦА С ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Создание ясных картин границы, выразительного представления о ней, о проистекающем из этого пограничном инстинкте и в конечном счете о неизменно настороженном пограничном сознании — важнейшая цель данной работы. Всех этих предупреждений и

предостережений, как правило, не хватает немцам в большей степени, чем любой другой крупной нации на Земле, поддерживающей и создающей границы. Из этого следует, что именно нашему народу, занимающему промежуточное положение во Внутренней Европе, необычайно важно иметь живое представление о границе в контексте картины мира, которая и сама нуждается в четком детальном разграничении, ибо в противном случае она очень легко предается космополитической неопределенности и часто свойственной нам, немцам, аморфности. Прекрасным

воспитателем наглядного образа границ, пограничного инстинкта и пограничного сознания, столь нам необходимых, могут быть в противовес этому пограничные ландшафты. Ведь это поистине потрясающий факт, если один из первых немецких географов, Браун i, констатировал в 1916 г.: "...Задача заключается во внимательном изучении пограничных рубежей. Это изучение до сих пор при избытке антропогеографической работы внутри страны было удивительно запущенным и касалось только пограничных провинций на Востоке (Восточная Пруссия, Силезия)". (Пожалуй, еще и на Юго-Востоке:

Пенк, Фольц, Зигер [ii](#)!)

“Уже при простом знакомстве, при посещении провинций до сих пор ощущается пробел в изучении характера пограничного рубежа с географической точки зрения как типа ландшафта в сопоставлении с другими типами. Лишь школа Ратцеля” — к которой, разумеется, с особой гордостью я отнес себя задолго до войны, когда лично познакомился с ним, — “создавала в этом направлении фундаментальное, но нашла мало последователей”.

В той же книге Браун отмечал: “Самая важная политико-географическая проблема географии Центральной Европы заключается в

том, как провести ее политическую границу, используя естественные и исторически сложившиеся рубежи, чтобы, с одной стороны, сохранялось внутреннее единство промышленных и сельскохозяйственных ландшафтов, а с другой — чтобы границы создавали действительную зону защиты...”

“Юра, Вогезы, Лотарингия, Люксембург, Арденны и Фландрия являются западными границами”.

[с.21]

Все они как пограничные рубежи политической жизненной формы ныне утрачены, как границы земли народа находятся под угрозой и оспариваются в борьбе, лишь с

трудом узнаваемы местами именно в
типе ландшафта. И все это
произошло, прежде чем была
выполнена постулируемая
официальной наукой работа. Разве
это не поистине потрясающий факт,
как я выразился ранее? Разве это не
доказательство того, что и наука,
слишком много достигшая в
отдельных областях, основательно
недооценила свою
предостерегающую задачу в
отношении жизненной формы, в
условиях которой она процветала и
преуспевала? Разве не напрашивается
сама собой мысль о том, что,
вероятно, именно поэтому оплоты
этой науки в столь разочарованном

народе утрачены по сравнению с тем вниманием, которое проявлялось к ней прежде? Если мы в противовес этому негативному признанию выдающегося представителя нашей науки хотим составить ясное представление о позитивной стороне проблемы, о том, какую воспитательную роль играет геополитически и культурно-политически правильное, а равно и инстинктивно верное рассмотрение пограничных рубежей, необходимо опереться на известное описание, принадлежащее молодому Гёте_.

“Памятуя, что здание это [Страсбургский собор]_____было заложено на древней немецкой земле

и строилось в подлинно немецкую эпоху, а также и то, что по-немецки звучало имя зодчего, начертанное на скромном надгробии, я осмелился, вдохновленный величием этого произведения искусства, изменить *бесславное* название “готическая архитектура” и под именем “*немецкого зодчества*” вернуть его нашему народу. Далее я не преминул изложить свои патриотические взгляды, сначала устно, а потом и в небольшой статье, посвященной D. M. Ervini a Steinbach”_.

Нужно ли что-нибудь еще, как не пример юного Гёте, которого нельзя заподозрить в национальном

шовинизме, столь кроткого во всем, что присуще человеку, чтобы показать, как впечатление о границах своего народа в качестве неотъемлемого культурно-географического достояния, сначала увиденных и почувствованных, а затем понятых, воплощается в конкретное описание и творческий успех? Это несравненное слово Гёте — документ первостепенного культурно-географического значения для нашей рабочей проблемы и, разумеется, для того, что следует понимать под “углубленным” отношением к жизненному пространству и земле в духе и смысле Ратцеля.

При этом в высказывании Гёте отсутствует какая-либо политическая целенаправленность, какая-либо ставка на власть над этим утраченным пограничным пространством своего народа_. Как совершенно по-иному действенными могут стать лишь такие изложения, если они будут сопровождаться верным политическим инстинктом, подобным тому, который воплотился, например, в образцовых французских описаниях Эльзас-Лотарингии и рейнского ландшафта или в отношении Британской империи к горным границам и буферным зонам Индии, в труде японца [с.22] Уэхары, а еще раньше при первой угрозе

северной границе со стороны русских в защите северного рубежа Мамина Ринзо, Могами Токунаи_. Но в том же смысле, как сказал Браун о типе ландшафта пограничного рубежа, — пожалуй, скорее в морфологическом, чем в смысле Пассарге_, — как об изменяемом культурой ландшафте, в том же смысле, как описал молодой Гёте свой импульс относительно географического отпечатка на внешней пограничной культуре в противовес эстетике и искусствоведению, могут быть рассмотрены и почти все географические категории, которые как-то подводят к границам,

заимствованным у природы или определенным волей культуры. В дальнейших рассуждениях я использую лишь в качестве примеров вершину и перевал, плоскогорье и орографические поперечные пороги на реке_, отвесную скалу или просто каменную стену, крупную реку в ее разъединяющей и связующей способности, высокогорные долины, фирновые поля__и истоки рек, которые в конечном счете фиксируют на ледяном покрове вершин Альп или Гималаев навязанную природой границу водного хозяйства. Или же я ссылаюсь на то, как отношения воды и растений воздействуют на образование границ, но и стирают

их; как пояс болот и тайга, джунгли, реликтовые леса и мангровые заросли создают естественные границы растительного мира, но также как пояс саванн и степей, например североазиатский, образует естественный коридор от Дуная через Кавказ на Алтай_и далее на Маньчжурию, в котором наука повсюду открывает идентичные погребения!

Животный мир также создает естественные границы. Он закладывает подлинный организм границы роями мухи цеце, саранчи, малярийного комара, колоннами червей, постройками термитов в районах ВОЗМОЖНОГО

распространения других органических живых существ. Но он проводит ее и стаями зверей, которые служат пищей для крупных хищников в странствиях с островов Адмиралтейства вдоль мексиканского побережья в Антарктику. Животный мир действует, таким образом, в качестве устанавливающего границу, совершая при этом самые дерзкие переходы границ самого большого морского пространства планеты — индо-тихоокеанского.

А теперь бросим взгляд на океан, море, внутренние и прибрежные воды как границу и на отношение побережья к

противоположному побережью. Мы обнаруживаем, что и морская граница — вовсе не линия, а переходная зона сильной, пульсирующей жизни, которая и здесь устремляется вовне, к противоположному побережью. Мы знаем, что первый переход этой заимствованной у природы четкой границы, этого предполья, происходил, вероятно, не на первой полосе плоских берегов, а на таких побережьях, где рифы и рифовые выступы видимой на большом расстоянии цепи островов увлекали все глубже, вызывая искушение переступить границу! Даже такое крупное препятствие, как бушующий

прибой у Дуврского утеса, норвежские шхеры или пограничные рубежи мыса Кумари [с.23] (Индия) и мыса Дондра (Цейлон), не было для этого помехой. И именно в кажущихся особенно наводящими пограничных ландшафтах часто возникали связующие переходы. Таковы ставшие известными места переходов Пешавар, Венская котловина, Шанхайгуань, Пекин и Бамо____. Им выпадает роль естественного антропогеографического срединного положения и фильтра, что порой накладывает прямо-таки неприятный отпечаток на их характер как тип ландшафта, придавая ему вместе с

тем более высокую
жизнеспособность, что мы
отмечаем, например, в Берлине,
Токио и Харбине_(Маньчжурия).

Не каждому было дано, как
молодому Гёте, так же увлекательно
облечь в душевные слова впечатление
о границе или, как Гумбольдту [12](#),
найти возвышенные тона для своих
впечатлений о переходе из зоны
Атлантики в зону Тихого океана.
Именно личности, у которых центр
тяжести собственной жизненной
работы находился в совершенно
других областях, дают нам
блестящую хронику образного
воздействия естественного или
искусственно сформированного

пограничного мышления. И в таком смысле позволительно заронить слово о ценности описаний границы такого происхождения, как, например, описание границы в предисловиях к военно-историческим трудам, в отчетах разного рода научных экспедиций, а также об изображении всех проявлений малой войны в борьбе за существование, которые, естественно, должны особенно принимать во внимание плоскости антропогеографических трений, даже из них исходить [iii](#).

В связи с этим мы должны, наконец, вспомнить о зоне боевых действий мировой войны как об

одном из многих понятий, лучше всего поясняющих организм границы, и о ее наглядном воздействии, обозначившемся, например, цепочкой воздушных шаров от Северного моря до Юры на западе Внутренней Европы, и таким образом обозначить рубежи пограничного организма в той борьбе за существование, которая все-таки проникала на суше примерно на 128 км за пределы дальности стрельбы артиллерии [13](#), на глубину минных полей в землю и даже за пределы опасности, обозначенной на картах для авиации и подводных лодок [iv](#). [с.24]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.21) *Braun G.* Deutschland. 1. Aufl. Berlin, 1916. S. 311.

ii (с.21) *Sieger R.* Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung. Verhandlungen des XXI. Deutschen Geographentags. Berlin, 1926.

iii (с.24) Особенно показательными в этом направлении являются личные записки Наполеона I и его командиров подразделений о переходах пограничных зон (“Correspondance de Napoleon”) или многочисленные добротные работы французского Генерального штаба, а

также *Alombert et Colin*. Campagne de 1805 en Allemagne (с обширным приложением писем); *Moltke*. Briefe aus der Türkei // Gesammelte Schriften. Bd VIII; из более нового времени *Hamilton J.* A staff officer's scrap book. London, 1906 или “*Bilder-Atlas*” d. phot. Abtlg. d. jap. Gen.-Stabs 1905 о культурно-политической границе Кореи и Маньчжурии или Сахалина.

iv (с.24) *Ratzel F.* Die Erde und das Leben. Leipzig — Wien, 1901; *Braun G.* Op. cit.; *Sapper K.* Geologischer Bau und Landschaftsbild. Vieweg. Braunschweig, 1917; *Linnebach K.* Die gerechte Grenze im deutschen Wfesten. Berlin, 1926; *Curlis H.* Versailles-Vertrag. Berlin, 1919;

“Deutschlands Wasserwirtschaft”. R. Hobbing. Berlin, 1921; *König F.* Von der Not des Elsassertums in Geschichte und Gegenwart. Hochland, 1920; из англо-саксонского наследия: *Hill E.H.* The geography of international frontiers. London, Geogr. Journal Roy. Soc, 1906, II. P. 145, Bd 28; *Mack J.L.* The border line. Edinburgh, 1925.

Гёте Иоганн Вольфганг (1749-1832) — выдающийся немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель, иностранный член Петербургской Академии наук (1826). [с.25]

Впечатления Гёте относятся к тому периоду его жизни, когда он был студентом Страсбургского

университета (1770-1771). Готическому собору в Страсбурге, который явился для него истинным откровением, Гёте посвятил статью “О немецком зодчестве”, где выступил в защиту готической архитектуры, в которой ревнители Просвещения видели лишь проявление невежества и дурного вкуса. Но суждения Гёте не совсем точны: готическая архитектура (XII-XIV вв.) была не немецкого, а французского происхождения. Что же касается Эльзаса, то здесь издавна переплетались немецкие и французские традиции. И это переплетение традиций отражает Страсбургский собор, строительство

которого было начато в 1276 г. [с.25]

Блаженной памяти Эрвина из Штейнбаха (лат.). Эрвин из Штейнбаха, вероятно, главный зодчий Страсбургского собора. [с.25]

Для гражданского самосознания Гёте характерно, что он не признавал границ между государствами, устанавливаемых честолюбием и войнами, протестовал против всех форм угнетения. [с.25]

В начале XVIII в. в результате нескольких экспедиций (1711, 1713, 1719-1721 гг.), возглавляемых русскими исследователями, Россия начала активную деятельность по освоению Тихоокеанского побережья. Когда до японцев дошли

эти сведения, они в 80-е годы XVIII в. предприняли попытки исследования островов Южно-Курильской гряды. Наиболее известный японский географ и исследователь Могами Токунаи был первым из своих соотечественников, достигших островов Итуруп и Уруп в 1786 г. Высаживаясь на островах в конце XVIII — начале XIX в., японцы ломали пограничные знаки, вытесняли русских с островов, применяли угрозы и силу. [с.25]

Пассарге Зигфрид (1867-1958) — немецкий географ. Занимался разработкой теоретических основ региональной физической географии и ландшафтной типологией,

построенной исключительно на физико-географической основе. Автор фундаментального труда, посвященного основам ландшафтной географии (*Passarge S. Die Grundlagen der Landschaften. Bd 1-3. Hamburg, 1919-1920*). [с.25]

Орография — раздел геоморфологии, изучающий расположение и размеры горных хребтов, возвышенностей и других форм рельефа. [с.25]

Поля крупнозернистого льда в верховьях ледников. [с.25]

Алтай — горная система в Центральной Азии, простирающаяся на восток от Казахстана в Западную Монголию и Северный Китай. [с.25]

Бамо (Бхамо) — город в Северо-Восточной Бирме, в верховье судоходного участка реки Иравади. [с.25]

Харбин — город в Северо-Восточном Китае, главный город провинции Хэйлунцзян на реке Сунгари. [с.25]

Гумбольдт Александр (1769-1859) — немецкий естествоиспытатель-энциклопедист, географ и путешественник. Исследовал Центральную и Южную Америку, был на Урале и Алтае. Один из основоположников современной географии растений, геофизики, гидрографии. [с.25]

Речь идет о дальности стрельбы

немецкого чудо-оружия, терроризировавшего в годы первой мировой войны жителей Парижа. Как известно, дальность стрельбы артиллерии на протяжении целых пяти столетий не превышала 4-5 км, затем за несколько десятилетий перед войной 1914-1918 гг. достигла 30 км, а на заключительном ее этапе, в 1918 г., неожиданно увеличилась до 128 км. Этот скачок был следствием создания на заводах Круппа в Эссене дальнобойной пушки, получившей название “Колоссаль”. Орудие имело 110 футов (32,5 м) в длину и 40 дюймов (1,016 м) в диаметре. Первый выстрел по Парижу был сделан 23 марта 1918 г., последний

— 9 августа 1918 г. Всего немцы выпустили по Парижу 303 снаряда, из них 183 разорвались в центре столицы и на окраинах.

ГЛАВА II

О

БИОГЕОГРАФИЧЕС
СУЩНОСТИ
ГРАНИЦЫ.

ПОГРАНИЧНЫЙ
ЭМПИРИЗМ

Образы, навеянные личными
воспоминаниями о границах и

сопутствующими внутренними переживаниями, объективно возникли перед нами при первом же рассмотрении. Из этого следует вывод, что неизбежный ход развития, который ведет от картины границы и связанных с ней впечатлений к инстинкту границы, а через него к осознанию рубежей целых жизненных пространств и жизненных форм, мог бы быть особенно поучительным для нашего склонного к мягкотелости народа в большой переходной области Внутренней Европы, не имеющей многих заимствованных у природы убедительных границ.

Черты этого хода развития,

неотделимые от поверхности Земли и ею определяемые, запечатленные рельефом и строением местности, климатом, водным и растительным покровом, должны по необходимости быть объектом *географического* наблюдения, и именно этим путем нам следовало идти. Однако в момент, когда мы предложили основанную на опыте практику и в гармоничном соответствии с ней границевоспитующую теорию, доступную картографическому пониманию, единство жизни встало на нашем пути грандиозным препятствием! Правда, мы осознавали, что столкнемся с многочисленными проявлениями

неорганических и органических границ жизненных явлений на поверхности Земли, а со многими над ней и под ней. Но когда мы, правильно установив эти факты, хотели обозначить их на картах, то зиял неустрашимый провал. Так, мы нашли *фирновую* границу, но фирновый снег встречался и намного ниже ее, а вершины скал полны органической жизни над ней. Мы смогли установить *снеговую линию*, но убедились, с одной стороны, в том, что в отдельных ландшафтах Земли она непостижимо тянулась вверх, а с другой — в том, что на Неаполь и Нагасаки обрушивалась снежная метель. Мы нашли *границы*

лесов, идущие как по равнине, так и по возвышенности, но между ними и горными пастбищами, степями — некое промежуточное явление, которое нельзя поставить в ряд, — *зона борьбы!*

Повсюду, где хотелось тщательно провести границу, мы обнаруживали не линии, а только зоны, пояс самостоятельной жизни, заполненный борьбой! Не раз приходилось отмечать: здесь обратный процесс, здесь на полном ходу проникновение и со временем зону заполнит победитель. А вот уже на противоположных опушках показали и следы переселения — лишайников и мхов, буков и сосен,

белой или цветной рас. Знакомимся [с.26] ли мы ныне с уединенными тихоокеанскими “птичьими островами” — вроде Лейте__, вызывающего в нашей памяти описание ужасающих бедствий при разделе пространства запоздавшим потомством птичьего “пролетариата”, — или с окраиной какого-нибудь большого города, повсюду нам встречались подтверждения значимости взглядов Ратцеля__на пространство и границы, побуждающие нас настойчиво изучать эмпирику границы (сколь бы потрясающей она ни была для любящих мир), границу как *арену борьбы*, а не как разделительную

правовую норму, какой мы покажем ее в главе III.

В качестве арены борьбы изображает ее — в противоположность понятию границы, скажем, у Аристотеля — грандиозное биогеографическое пограничное мировоззрение, оставленное нам в наследство классической древностью: концепция Лукреция о границах пространства (I в. до н.э.). Эту точку зрения мы извлекли из незаслуженного забвения ради изумительного величия и красоты, воплощенных в образе метателя копья.

[И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:

Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,

Всё бесконечной она остается во всех направлениях.

Кроме того, коль признать, что пространство вселенной конечно,

То если б кто-нибудь вдруг, разбежавшись в стремительном беге,

Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,

Бросил с размаху копье, то, — как ты считаешь? — оно бы

Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,

Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?

То иль другое признать придется
тебе неизбежно,

Но ни одно не дает тебе выхода,
и согласиться

Должен ты, что без конца
распростерто пространство
вселенной.

Ибо мешает ли тут что-нибудь и
препятствием служит,

Не допуская копье до
намеченной цели домчаться,

Или летит оно вон, — оно
пущено все же не с края

Так я и дальше пойду и повсюду,
где б ты ни наметил

Крайних пределов, спрошу: “Что
ж с копьем, наконец, этим будет?

Выйдет лишь то, что нигде

никакого конца не поставить,

И для полета всегда
беспредельно продлится
возможность.

Кроме того, если всё необъятной
вселенной пространство

Замкнуто было б кругом и, имея
предельные грани,

Было б конечным, давно уж
материя вся под давлением

Плотных начал основных
отовсюду осела бы в кучу,

И не могло бы ничто под
покровом небес созидаться:

Не было б самых небес, да и
солнца лучи не светили б,

Так как материя вся, оседая всё
ниже и ниже

От бесконечных времен, лежала
бы сбившейся в кучу.

В самом же деле, телам начал
основных совершенно

Нету покоя нигде, ибо низа-то
нет никакого,

Где бы, стечения свое прекратив,
они оседали.

Все в постоянном движеньи
всегда созидаются вещи...][iii](#) [с.27]

Во всей мировой литературе мне
не известна столь образная
эстетическая интерпретация,
дополняющая научное убеждение
Ратцеля. Но это не картина вечного
мира — и на этой бескрайней
границе — отнюдь нет!

Как орган, как живое образование, подверженное исчезновению или росту, вовсе не застывшее, не линию узнаем мы границу в свете опыта — в противоположность понятию, внушаемому нам теорией, как видимостью границы между воздухом, морем, горами и отдаленными поясами растительности.

“Omne quod est igitur nulla regione viarum finitum est...” _Таким образом, я смог дать, исходя из опыта, только определение (дефиницию) понятия границы как “*периферического органа*” — подобного коже, — жизненной формы, закрытой на

ключ, “обозначенной на всем протяжении” и испытывающей напряжение, но живущей собственной полнокровной жизнью, защитного покрова, состоящего из жизненных форм, наполненных единой жизненной волей. Конечно, границу можно рассматривать и как *замкнутость* *жизненного пространства* в противовес другим пространствам, но лишь в той степени, когда она именно в результате разрушения очень многих заимствованных у природы границ одновременно отделяет родственные проявления жизни от других и как таковая становится более прочным рубежом.

Осознавая, без дополнительных рассуждений, *двумерность* таких образований, мы должны также признавать *высотные и глубинные границы* в пограничном организме биосферы. Это убедительно, даже если бы у нас не было в качестве практического доказательства великолепного, образцового исследования Ф. Ратцеля “*Hohengrenzen und Hohengurtel*” (“высотные границы и высотные пояса”). В этом труде содержатся данные о том, что граница животного мира, к примеру, простирается от 6000 м ниже уровня моря до 8000 м (высота полета) по сравнению с 400 и 6000 м границы

растительного мира, так что границы животного мира по вертикали вдвое больше, чем таковые у растительного.

Но это фактически необходимая — как при естественной границе, так и при культурно-географическом и политическом, а также хозяйственном понимании ее — высокая степень постижения наблюдений эмпирического происхождения, равно как и философского углубления, если мы хотим понять переменчивую природу границы и воссоздать для каждой жизненной формы “совокупность” ее внешнего покрова (Haut) во всем ее значении. И такой подход необходим,

чтобы прежде всего научиться различать между всегда опережаемой жизнью *статикой* границы и ее преобладающей в реальной жизни *динамикой*.

При таком рассмотрении нам раскрывается *относительность* границы! Ведь ее понятие возникает в постоянной борьбе, [с.28] которая разделяет ищущих категорический императив и неопределенные рубежи скрытой жизни, отягченной борьбой за существование в становящемся все более тесным пространстве.

Это, естественно, заметно и в определении *географического* понятия, которое нам предстоит рассмотреть.

Даже там, где есть надежда найти самые прочные границы, где, как мы полагаем, можно сразу же нанести линии, например, в отношении моря — самого могущественного жизненного пространства, принуждаемого при его воле, приспособлении или разрушении к покорению, — граница (прибойная кайма, выемка, приливы и отливы...) представляет собой естественно расширяющуюся и стягивающуюся полосу, которая часто заполнена хозяйственными предприятиями (например, добыча соли)! Достаточно лишь точно пройти вдоль морского побережья, пляжа или задать вопрос: где

кончаются территориальные воды? — или же, принимая во внимание статистику населяющих побережье “амфибионтов” в Южном Китае или Японии, спросить: кто является жителем побережья, реки или моря?

Провести четкую линию между *анэйкуменой* и *эйкуменой* на *суше* удастся лишь в отдельных местах и убедительно не всегда здесь, так как и считающиеся незаселенными пространства почти повсюду проницаемы при огромной воле к жизни. Обозначенная линия для признаваемых незаселенными зон пунктирна, произвольна, и при этом все равно, будет ли такая попытка

предпринята по отношению к подземной среде (*chtonisch*), т.е. определяемой почвой, или по отношению к климатической (*klimatisch*), т.е. определяемой осадками, нехваткой воды или ее избытком. Каждая раса, каждый народ, каждый путешественник и ученый проведут эту линию по-разному: русский, китаец, японец, малаец, тибетец; каждый по-своему нанесет ее, к примеру, на карту Северной, Центральной или Юго-Восточной Азии.

Закаленный житель горной страны, для которого снег естественное явление, еще может выстоять, в то время как живущий на

побережье японец, обитатель
романского Средиземноморья давно
уже перестали пассивно
сопротивляться суровостям климата!
Поселения якутов, жилища жителей
Шпицбергена, юрта тибетца, в
которой он теснится с семьей,
неприемлемы для поселенцев,
привыкших к мягкому климату.
Житель гор вновь селится над
горными осыпями Гольдау и Пльурса;
те, кто любят наслаждаться горячими
естественными ваннами в расщелине
кратера вулкана — чего лишен
житель лесов и равнин, — снова
покрывают террасами полей
Иводзиму, Сакурадзиму, Помпеи.

А для питающегося морскими

продуктами человека Южных морей — малайца вполне сносные условия существования там, где для немалайца они чудовищны; ведь последний не сможет, ныряя с ножом в зубах, добывать в рукопашной схватке под водой из буруна атолла крупную хищную рыбу. [с.29]

Следовательно,

относительность действует и здесь. И все же, сознавая ее, мы должны стремиться к ясным определениям границы. Необычайно убедительное предостережение политической географии состоит в том, чтобы, принимая во внимание все отличительные особенности, искать компромиссы и прежде всего

помогать находить их в практической политике — само собой разумеется, при самом благоприятном руководстве, обеспечивающем долговечность защищаемой этой границей собственной жизненной формы.

При этом большая трудность в том, что как статика и динамика границы, так и ее *психологическая и механическая констатация* находятся в постоянном столкновении. Необходимо только внести ясность в чудовищный разрыв между исследованиями вроде книги Э. Лукка “Grenzen der Seele” (“Границы души”) и авторитетными методами венской статистической школы вроде

применяемых статистическим семинаром в Венском университете (В. Винклер), посвященным вопросам населения, хозяйства и культуры сопредельных с германским бытом земель, и вытекающими из книги Эмануэля Жубера “Statistischen Forschungsmethoden” (“Статистические методы исследования”) (Вена, 1921 г.), помня при этом, что обе крайности важны для тех, кто исследует сущность границы. Или же представим себе скачок от метода восприятия психологии народов, использованного Стефаном Цвейгом в книге “Drei Meistern” (“Три

творения”) для различий британского, французского и русского самопредставления, к численному сопоставлению британцев, немцев, французов, русских, их примет. Однако как один, так и другой метод с его ложной концепцией типов, использованный сам по себе, обязательно ведет и к ложному пониманию разграничений. Из этого следует, без нужды в дополнительных разъяснениях, что для правильного воспитательного воздействия музеев в этнологии нельзя отделять *искусство* народов от других проявлений их жизни. Принцип “L'art pour l'art” в данном случае столь же ложен, как буйство

цифр и идея, стремящаяся видеть лишь массы и числа.

Следовательно, не противопоставляя философские, социологические и статистические подходы к понятию границы, можно все же приходить к мало-мальски сопоставимым результатам. Таким образом, мы ощущаем в одной из важнейших сфер эмпирической деятельности во имя сохранения на Земле нашего, как и любого другого, народного духа, что слишком точная и педантичная ведомственная разобщенность и факультетская обособленность — более чем препятствие, это одна из величайших опасностей! Если Вагнер как

географ-практик поучает нас, требуя видеть “четкие внешние границы как формы проявления прогрессирующих состояний”, то он все еще находится под впечатлением длительного мирного периода, который вовсе не правило, а скорее исключение, и подводит к полемическому выводу, что неясные внешние границы в Центральной Европе означают шаг назад! [с.30]

Эмпирика границы раскрывает более безжалостно, чем теория, и “относительную ценность языковой границы как границы культуры”, ее необыкновенное различие v — к примеру, между подобной валу языковой границей на Западе нашей

собственной народной земли с “камнями, выпавшими из великой стены”, и взаимопроникновением германцев [7](#), славян и жителей Промежуточной Европы (Zwischeneuropa) с их тремя большими, соприкасающимися языковыми образованиями на Востоке. Мы часто обнаруживаем, что общественные науки, поощряемые естественно лингвистикой, переоценивают языковую границу, и это, к нашему большому сожалению, привело, например, к насильственной эвакуации или вытеснению в чужеземные области дружественные малые народы, близкие по своей

культурной воле к нашей культурной почве и нашему государству (вопрос о мазурах, родственно-дружественные немцам словенцы в Каринтии [8](#), навязывание польского литературного языка в Силезии; вопрос о венедах; фризах [9](#) — как угнетенном меньшинстве и т.д.).

Стало быть, единое стремление к жизненной форме, к реализации своей культурной силы и хозяйственных возможностей, своей личности в растущем жизненном пространстве показывает нам *эмпирику* как решающий фактор для нации, охваченной желанием защищать границу. Такое понимание позволяет прийти к плодотворным

результатам и к жизненной
стойкости, к *стабильности* (vivere),
и она имеет примат над
философствованием и должна
оставаться таковой. [с.31]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.27) *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 595, где этот факт приведен как пример воздействия нехватки пространства.

(с.27) *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 550.

(с.27) *Lucretius Cams I.* Vers 659, 965 ff., 995 до примерно 1045.

(с.28) *Ratzel F.* Hohengrenzen und Hohengurtel // *Kleine Schnften.* Bd II. Munchen, 1906. S. 173.

v (с.31) *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 676.

Остров в Филиппинском архипелаге. [с.31]

Аристотель (384-322 до н.э.) — греческий философ и ученый-энциклопедист. В античной философии известен как создатель логики, стремился соединить формы мышления с бытием, объяснить логические категории в соответствии с объективной реальностью. [с.31]

Лукреций (99-55 до н.э.) — римский поэт и философ. Стоял на позиции познаваемости объективности мира. Поэма Лукреция “De rerum natura” (“О природе вещей”), написанная в традиции дидактического эпоса, уделяет большое внимание описанию явлений природы. Из всех сочинений античных материалистов полностью

сохранилась только эта поэма. [с.31]

“Все, что вокруг, отграничено в
некоем пространстве...” (лат.).

[с.31]

Анэйкумена — незаселенные,
непригодные для жизни человека
области; эйкумена — совокупность
заселенных человеком областей
земного шара. [с.31]

Искусство для искусства (фр.).
[с.31]

Германцы (лат. — germani) —
народ, принадлежащий по языку к
индоевропейской семье. В первых
веках н.э. у германцев были три
крупные группировки: 1) северные
германцы — оставшиеся в
Скандинавии племена, от которых

позже произошли датчане, шведы, норвежцы и исландцы; 2) восточные германцы — выделившиеся в результате переселения северных германцев в Среднюю Европу; к ним принадлежали готы, вандалы, бургунды, герулы, ругии и гепиды; 3) западные германцы — распавшиеся на североморские племена (кимвры, тевтоны, англы, варны, саксы, фризцы и др.), рейнско-везеро-германские племена (батавы, убии, хатты, херуски и др.) и приэльбско-германские племена [с.31] (лангобарды, свевы, семионы, маркомассы и др.). Внутриплеменная борьба приводила к частым распадам и новообразованиям племен и

союзов. В III и IV вв. многочисленные отдельные племена объединились в крупные племенные союзы алеманнов, франков, саксов, тюрингов и баваров. История большинства германских племен известна благодаря их взаимоотношениям с Римом. Многие германцы служили в римской армии в качестве наемников. В процессе великого переселения народов IV и V вв. западные и восточные германцы были той решающей силой, которая сокрушила Западную Римскую империю. На ее территории в V в. возникли государства англосаксов (Британия), франков (Рейнская область и Северная Галлия),

алеманнов (Юго-Западная Германия и Швейцария), бургундов (Юго-Восточная Галлия), свевов (Северо-Западная Германия), вандалов (Африка) и остготов (Паннония и Италия).

Англосаксы внесли существенный вклад в образование английского народа, франки и бургунды — французского. Основу немецкого этноса составили древнегерманские племена, объединявшие франков, саксов, тюрингов, алеманнов, баваров и др., смешавшиеся в первые века н.э. с романизированным кельтским населением на юго-западе и юге Германии и с ретами в Альпах.

Раздел Франкской империи в 832 г. выделил Восточнофранкское королевство с германоязычным населением, в начале X в оно стало называться Тевтонским (по имени древнегерманского племени тевтонов). В развитии этнических процессов в Германии сыграли также роль захват земель славян и пруссов к востоку от Эльбы и заселение их немецкими колонистами. В средние века сложились народности баварская, саксонская, швабская, франконская.

Каринтия — историческая область в Центральной Европе, в бассейне реки Драва, ныне территория Австрии (земля

Каринтия), бывшей Югославии (долина реки Межица) и Италии (Канальская долина). [с.32]

Мазуры — славянские племена, населявшие северо-восток нынешней Польши, район Мазурских болот; венеды — древнее название славян, впервые встречающееся у римского историка Плиния (I в.); фризы — древнегерманское племя, жившее в начале н.э. по побережью Северного моря, между реками Рейн и Эмс, словенцы — южные славяне, составляющие основное население Словении (адм. центр — Любляна); в XIII-XIV вв. были завоеваны австрийскими Габсбургами.

ГЛАВА III

БУКВА ЗАКОНА И НАТИСК ЖИЗНИ

Эмпиризм границы показал нам ее становление как зоны боевых действий, как трехмерное пространство борьбы. Однако правовой идеал, буква закона весьма охотно превращают ее в математическую, почти бестелесную черту, по меньшей мере в линию на карте, зафиксированное на бумаге буквами и цифрами понятие, которое

можно раз и навсегда определить и описать. Но такой границы, ее отчетливого проявления мы не найдем в реальной жизни нигде и никогда, ни в каком месте и ни в какое время. Тот, кто действительно не оберегал и не защищал свои рубежи, того они отчуждают и заставляют расплачиваться, даже если казалось, что их установление в ладу с буквой закона. Ведь разграничение есть требование природы; но его заостренность враждебна жизни, признак старения жизненных форм, доказательство быстро проходящей и исчезающей, а не наступающей и бьющей ключом жизни. В своей завершающей фазе неподвижность

означает смерть, отмирание, и из этого состояния в конце концов может снова забить фонтаном новое лишь после полного устранения прежних жизненных форм. Однако государства, как и народы и индивидуумы, должны больше думать о *memento vivere*, чем о *memento mori*__, если они хотят продолжить свое существование в этой тленности.

Итак, мы не спрашиваем: как происходит, что жизнь все-таки подчинилась букве закона (ведь этого она не делала никогда и нигде), но спрашиваем, как происходит, что эмпиризм границы до известной степени примирился с пограничной

традицией, в том числе и с созданными ею обозначениями, нормами?

Вслед за “как” мы снова обращаемся прежде всего к картине пограничной практики. Она находит свои выражение в пограничном (межевом) знаке, в контрольном колышке или в заимствованной у природы составной части границы — в пограничной скале, пограничном дереве, так расположенных или выбранных, что можно от одного к другому проложить линию, протянуть бечеву, межевую цепь, проволоку, если совсем нет созданной трудом человека разделяющей силы — забора, сетки,

стены. Однако и здесь приходится считаться со своеволием жизни, оспаривающим постоянство границы: межевой знак может погрузиться в землю, упасть, разрушиться, дуб — сгнить, металл — стать жертвой коррозии; следовательно, обозначенная ими граница снова будет нуждаться в страже и оборудовании! С тем чтобы самому стражу было надежнее, он ставит на всем ее протяжении особые, только ему хорошо [с.33] знакомые по форме, не местного происхождения так называемые свидетельства (Kunden) под пограничным знаком, вокруг дубового столба в известном только

ему, устроителю границы, ее хранителю, месте. Таким образом в земле и на земле создаются все без исключения руны как опора человеческой памяти.

Но зачастую в государстве и народе все еще сказывается древняя человеческая память, запечатленная в пограничных обозначениях и пограничных нормах, память о происхождении пограничных жизненных форм, которые в других местах давно исчезли. Они ведут нас к пониманию непостоянства границы в истории.

Так обретает свое значение картина успешно расширяющейся межевой границы (Flurgrenze), —

которую мы обозначили выше, — для отграничения более крупных жизненных форм. В пограничном дереве, пограничной стене, пограничной борозде, пограничном водотоке или в пограничном водоразделе как предпочтительных признаках границы и в словоупотреблении мы еще и сегодня видим отражение географического происхождения народов — земледельцев и скотоводов в противоположность поселенцам лесов и степей. Мы снова узнаем эти признаки, когда швед говорит “skrank” — предел, житель Восточной Азии — “kwan” — барьер и при этом думает об упавшем

срубленном дереве, когда житель леса принимает за праобраз границы (Mark, March или Mal) ствол дерева (Schnede, Sned, Schnedbaume), житель открытых равнин — лежащие камни (Laag, Schied, Steine), а хлебопашец — окраину леса. “Lira” — протяженная борозда у романских народов равнозначна окраине леса (Rain). Возникают тонкие оттенки [понятий], если романская пограничная традиция выступает наряду с германской, например граница (frontiere) наряду с borderland (Bord) — рубежом страны и boundary, если линия, защищенная стеной, лимесом___, и в речи противопоставляется защитным

полосам! Здесь мысль о
выкорчевывании границы резко
противостоит также мысли о
бережном отношении к ее
нетронутости: Ренштейг_, просека и
проходы против стены заповедного
леса. Предполье и линия,
трехмерный полнокровный организм
границы и бескровная и бестелесная,
в известной степени математическая
абстракция снова выступают и здесь
как контраргумент не в последнюю
очередь в мощной борьбе главного
государство-образующего народа
западноевропейской и
центральноевро-пейской культуры —
римлян против нордических рас и их
потомков, снова и снова

низвергавших его надуманные
государственно-правовые
пограничные конструкции.

Limes, finis, terminus — понятие
общности судьбы внутри однажды
проведенных границ, confinium,
confinatio — понятие сопредельного
пространства — все они в сущности
враждебны германскому, более
свободному восприятию границы —
хотя нордические саги о
переступавших границы
свидетельствуют об [с.34] остроте
германского, не менее
правосознательного, но лишь по
иному проявляющегося чувства
границы, например наводящее страх
перепахивание греховника лемехом

как искупление за нарушение границы и подлог. В таком совпадении понятий о святости проложенной границы сталкиваются два изначально здоровых, опирающихся на обширные — благодаря вспашке и корчеванию — пространства, выражающих межевое право воззрения, чью народную основу можно легче различить благодаря рубежам незаселенности, поверхностному покрову, анэйкумене, чем благодаря границам культуры с их премудростью. Ибо границы должны одновременно и разделять и быть проходимыми. Но как трудно соединить столь противоположные требования,

показывает уже старинный устав германской полевой службы, справедливо предостерегавший о дороге, улице как границе, к примеру, между форпостами. Так строго было обосновано внимание к границе в старой Европе, и из этой строгости германского, равно как и римского, межевого права (Agrarrecht) происходит выражение “verruckt sein” — “сойти с ума”, а также “delirare” (тождественное римскому “сойти с лиры” — с прямо проведенной борозды), в то время как производное французское слово “delirer” не столь наглядно. Это воззрение, берущее свое начало от границы, встречается и у

земледельческих народов далеко не повсюду. Напри мер, государственная философия Восточной Азии приходит к подобному производному понятию посредством сопоставления знаков [символов] зверя и короля, следовательно, человека, в ко тором возоблада ла жестокость. Иными словами, “сойти с ума” (verrückt sein, “delirare”) — привычная только европейцу картина, заимствованная из строгого представления о границе, свойственного германскому и романскому быту! Весьма сомнительно, смогло бы легче переходившее границы славянство со своей более “широкой душой” прийти к такой же языковой картине,

если бы ко времени образования понятий границы в Европе оно творчески отнеслось к ней.

Огромно поэтому и влияние римлян как государствообразующего народа на представления о границе европейского культурного мира и его распространяющегося по Земле культурного круга. Размышляя об уже затронутом непостоянстве границ в истории, мы имеем в виду главным образом этот круг наряду со свидетельствами нашего собственного прошлого. Подобно любой заимствованной у природы форме — укрытие, пограничный вал, ров все еще сохраняются и поныне, — граница согласно

известному выражению “aut Caesar aut Diabolus” , приписываемому одному из двух проводивших ее авторитетов, т.е. либо римская, либо чертова стена, умудренными людьми в католических частях Германии в общем и целом не рассматривается как вспомогательная (subsidiar) вместо обеих. Там, где эллинистическая культура вклинивается в исламский и индийский культурные ареалы, — также больше всего насыщенные руническими памятниками культурно-пограничных ландшафтов Старого Света — [с.35] там мы видим Александра Великого [Юллундур, Искендер] —

первопроходца новой всемирной истории, играющего роль, схожую с ролью Цезаря на Западе. На китайской культурной и на родной почве в роли творца границы выступает беззастенчивый сжигатель древних текстов Цинь Шихуанди_, инициатор строительства Великой Китайской стены_. Относительно границ немецкой культуры и оставшихся свидетельств ее широкого в прошлом распространения еще не появился труд, приводящий к общему знаменателю столь гетерогенные границы, как отчужденные замки [Тевтонского] ордена_____или университеты, сожженные или

разграбленные немецкие замки на Востоке, в Праге, Риге, Пеште, звонницы Гента, имперский орел Фридриха Барбароссы на соборе Сен-Трофим в Арле, постоянные дворы в наших колониях, гербовые камни великого курфюрста на побережье Гвинеи и имена немецкого происхождения в Англии, Франции, Андалузии, Ломбардии, готика и прочие свидетельства немецкой поэзии, искусства и мифов на утраченной пограничной земле. Не хватает крупного обобщающего труда авторитетного ученого, а также еще не сведены в большом синтезе следы чужеземного влияния на немецкую культурную народную

основу, давно исследованные во всех деталях: кельтские имена и славянские следы, многочисленные выведенные “Augusta” и “Colonia”_, большие и малые “castra” и “castella”

Более четко и конкретно уже разработана в целом борьба Рима с присущим ему государственным и имперским мышлением и германского восприятия права (Rechtsgefühl). Удовлетворенность римской формой, публичность (Satzung), чувство дисциплины подчеркивает Э. Целлер_именно в отношении границы и пантеона ее многочисленных божеств. В этом пантеоне имеются Термин_— бог

межевых знаков, еще и сегодня в регионе, говорящем на немецком языке, защитник порядка (его праздник — терминалий был приурочен к 23 февраля, к началу пахоты), Янус — двуликий защитник входов и выходов, Форкул защитник входных дверей, Лиментин — порога, Кардея (Карда) — богиня дверных запоров. Почти столь же богат набор божеств со специальными защитительными обязанностями, как на Дальнем Востоке, где даже самые спокойные места в доме доверены своеобразной группе богов-хранителей.

Однако заимствование чужих божеств любой жизненной формой

яснее всего указывает на втягивание ею в себя границ чужеземной культуры. Не считая более поздние переносы божеств Ближнего и Среднего Востока, в Рим в начале VI в. до н.э. государственными путями проникли культ Аполлона, в 496 г. до н.э. — Деметры, Персефоны и Диониса, в 291 г. до н.э. — Асклепия с чумой из Эпидавра и в 205 г. до н.э. как последний призыв в крайне бедственном положении, во время паники, вы званной Ганнибалом [18](#), — Кибелы, Великой матери богов из [с.36] Пессинунта, почитавшейся на Иде [19](#) (Верхняя Фригия) как защитницы границ, после того как — всего за 12 лет до этого — уже

почитали Венеру-Астарту, слияние эрицинской Венеры как симптом поворота к Греко-финикийской смешанной культуре Сицилии, где имелся ее храм [20](#). Стало быть, с одной стороны, борьба на границе против иноземных культов, а с другой — весьма интересная история, а именно наличие пережитков римских пограничных наименований, более того, проникновение жесткого римского представления о границе в германскую альменду [21](#) и более свободное понятие о праве выпаса. Из этого становится, например, понятным характерное столкновение правового чувства во всей германско-

романской пограничной области (долина Мюнстера [22](#), Вале [23](#), Тирольское нагорье). Даже права выпаса (Almrechte) в Пиренеях (Андорра [24](#), Арансаль) возникли из испано-готских прав выпаса. Все эти проявления сливаются в один большой ряд единого восприятия при столкновении различного пограничного права германцев и романских народов и все еще обостряют их обусловленную природой коллизию.

Итак, обобщая конкретные факты, мы все-таки очень хорошо видим в нескончаемой череде случаев возникновения границ и их реорганизации закономерное

уклонение от чистого произвола, характерного для картины современной политической власти, обнаруживаем прежде всего склонность к возврату, к восстановлению естественных, покровительствуемых природой пограничных форм 25 при воссоздании и возведении новых границ, которые выглядят в зеркале философской и естественнонаучной литературы совсем иначе, чем в зеркале юридической.

Это в особенности относится ко всем досадным исправлениям, — и прежде всего к понятию “живущих за пределами границ”, что нарушает правило, прямую линейную игру.

Возникают анклавные, остаточные состояния, в отношении которых важно осознать, идет ли речь о жизнеспособных, более того, весьма жизненных состояниях земной поверхности, определяемых ею процессами, единствами, которые в сущности сильнее, чем кажущиеся гораздо большими, но политически временными образования, или же о рудиментах в биологическом смысле, о преходящих состояниях, обреченных на отмирание, атрофию и в конечном счете на исчезновение. В то же время из ранее упомянутых остаточных форм резерватов могут возникать новые, безгранично жизнеспособные образования, хотя и

более мелкие виды рас, племен, типы людей и животных, которые в противном случае исчезли бы.

Из таких образований могут затем создаваться в *пограничной структуре стабильные ячейки*, которые в течение тысячелетий весьма успешно сопротивляются неестествен ному, линейному проведению границы. Временный способ кондоминиумов [26](#) на любых ступенях такого образования со свойственной ему замкнутой жизнью зачастую благополучно [с.37] ведет их через арены борьбы прибегающих к насилию крупных государственных образований, на пересечениях крупных культурных ареалов; затем

они добивались упорством “confinatio” как товарищества с общей вынужденной судьбой, с часто кажущейся непонятной принадлежностью друг к другу.

Такими геополитическими защитными препятствиями может быть объяснена часто вряд ли понятная из чисто исторического развития живучесть церковных, коллегиальных институций, их сохранение внутри островов, горных и котловинных ландшафтов (Швейцария, Фергана [27](#)) даже с неоднородным населением.

Наиболее тонкими и с точки зрения народной психологии благодатными задачами науки

является в данном случае проникновение во взаимодействие почвы и осознанных человеком потребностей — часто в наследие древних, закрепленных почвой и климатом обычаев, — чтобы установить причины сохранения осуществленного разграничения. Всякий раз обращаются к связи между определяемыми землей и возникающими на земле процессами и нравами людей. Не доказывалось ли ныне эта связь обычаем пасхальных костров, костров в день св. Мартина, поста и в день св. Иоганна в Рейнских провинциях, сохранением основных прав выпаса и свободным переходом даже через

жестко оспариваемые, укрепленные пограничные окраины___, правами национальных меньшинств, государственным или обычным правом (например, земля Саксония).

Основание для этого часто дают и бесспорно географически дифференцируемые правовые формы переноса границ и охраны всех без исключения: от обхода пограничных рубежей, от правовых форм при обновлении демаркации до известных крупных соглашений о мире iv, договоров о купле-продаже земли и людей (Флорида, Луизиана, Аляска, Панама, Каролинские и Марианские острова, как считается, были куплены!) 28, заявлений об

аннексии и подъемах флага. Во многих этих якобы правовых действиях на самом деле проявляется прежде всего представление о готовности к самоопределению (Selbstbestimmungsmündigkeit) и к простому навязыванию воли более сильного v, которое география и история иногда подтверждают, а чаще отвергают.

В этом детально выстроенном длинном перечне побудительных оснований (стимулов) первый — правовое понятие о районах, находящихся за пределами самой границы, и интересующее нас отношение к нему политико-географического и культурно-

географического [с.38] обозначения границы, когда в слишком укрепленных ячейках областей и земель чаще всего возникает затруднительное положение, связанное с тем, что оно нелюбимо централизмом и бюрократией и даже ненавистно им, но обуславливает самоуправлению и свободе желанные исключительные (привилегированные) положения.

Частному землевладению это понятие, конечно, хорошо знакомо; самостоятельность замыкающихся в себе крупных хозяйств по отношению к не понимающим свои жизненные потребности общинам мелких хозяев утрачивает свою

сущность; ныне, в демократическую эпоху, — это часто оспариваемое право.

Вопреки Пролеткульту культура — понятие аристократическое и остается таковым!

А чем же являются в политической географии Андорра, Сан-Марино, Фергана, Бутан и Непал, как не “ведущими обособленную жизнь частями областей за пределами границ”? Или в более крупных масштабах исторически своеобразная жизнь Богемии 29 по отношению к империи [Австро-Венгрии], государств на альпийских перевалах, высокогорного швейцарского

ландшафта между Боденским и Женевским озерами с их главными центрами — Цюрихом и Верном перед валом высокогорных кантонов по отношению к обширной северной и южной пойме (Vorland)? Разве не такие устойчивые состояния были приняты при быстрой инволюции (Ruckbildung) Британской империи после кажущейся кульминации охвата Индийского океана (Афганистан, Египет, Ирак, да и сама Индия!) почти в максимальном диапазоне правовых форм?

Самая первейшая возможность возникновения [пограничной аномалии] имеется, конечно, в первоначально нейтральных

пограничных зонах, в пограничных предпольях центральных пространств, на которых неприметно образовалась своеобразная жизнь. Ставший благодаря международной торговле известным случай — область Циндао 30 как особый случай китайско-корейского предполья вдоль рубежа Ялу — Тумынь и Байтоушань. Схожая пограничная аномалия возникла в Андорре из упорно сохранявшихся церковных прав, в Верхнем Арансале в Пиренеях — из испанских прав выпаса vi, которые вторгаются на северный склон, а также в небольшом захоронении на Клаузенпас в Гларнерланде.

Эти примеры показывают, что при заключении мирных договоров крайне важно установить подлежащую разрушению, благоприятную для народа принадлежность утраченных пограничных ландшафтов в церковных, по большей части более прочных присоединениях, в правах хозяйственного обмена. В негативном плане это доказывает в наши дни отторжение Эйпена и Мальмеди [31](#), а в позитивном — стремление епископства Саара к выходу. Ведь именно государство Саар — типичная аналогия с такими погранично-биологическими процессами [с.39] в других местах, и

прежде всего — это попытка найти выход на пути кондоминиума. Но что означает современное правовое понятие политико-географического кондоминиума для наблюдения за жизнью границы? Как раз для нас, жителей Внутренней Европы, оно приобрело исключительную важность. Саар, Рейнская область, Данциг (Гданьск), Мемель (Клайпеда), Верхняя Силезия [32](#) уже стали или были замаскированными кондоминиумами, каковыми ныне являются Маньчжурия, Монголия, Тибет [33](#), [бассейн реки] Или, Новые Гебриды, а Морене [34](#), Сахалин, Курильские острова, острова Рюкю еще недавно были. Соскользнуть туда

же собралась Юньнань, но ее спасла хозяйственная энергия китайцев, а не сила государства, тогда как Египет долго был фактическим кондоминиумом Турции, Франции и Англии. Следовательно, здесь налицо один очень значительный, выросший из опыта и эмпирики традиции и международного права вопрос, подвешенное состояние, при котором более упорная правовая воля часто определяет в конечном счете и более тонкое решение о биологически благоприятном местоположении. Именно проблема, насколько далеко идет фактическое отношение кондоминиума в вопросах имперских, земельных, расовых и

экономических границ, наиболее актуальна. В сущности это вопрос о существовании целого большого пограничного пояса Промежуточной Европы между Внутренней Европой и северо-азиатским пространством Советов, где полностью отсутствуют многие неестественные жизненные формы, действительные условия самостоятельной государственной жизни в естественном жизненном пространстве, в которых они могли бы осуществить *confinatio*.

Но и в Европе, где вместо восемнадцати государственных сообществ стало двадцать восемь, в то время как жизненное пространство не расширилось, а

сузилось, быть может, однажды скажут: “Go get you home, you fragments” [35](#), если эти новые образования нужны не более как политические инструменты.

Как возникают ныне границы кондоминиума, можно показать, скажем, на примере украинско-польской границы, внутригерманской таможенной границы (ср. главу XII), линии Керзона [36](#) между Советами и Польшей, линии Tiedje [37](#) (германо-датской) и линии Сфорцы [38](#) (Верхняя Силезия), вновь возникшего вопроса о Вильно [39](#).

Большую роль, однако, играет и хладнокровный перенос отношений

субсидиарного частного права в международное право, связанный с ростом Соединенных Штатов, Австралийского островного государства и Японии, не говоря уже о Британской империи. В этих регионах находятся применяемые с большим разнообразием при прецедентах кондоминиумы, приобретения по давности, просто покупки или покупки с принуждением и вымогательством. Так, заслуживают пристального внимания в качестве прецедентов “покупка” Флориды, Луизианы, Аляски, принадлежавших Дании Виргинских островов [40](#) — скрытая [с.40] принудительная покупка с

последующей незначительной компенсацией, замаскированное ограбление Панамы и Калифорнии, приобретения по давности Калифорнии и Техаса [41](#).

Разумеется, трудно разрешаема [проблема] во всех тех случаях, когда застывшая форма, отжившая буква закона с его внутренним правом утратили свое значение по отношению к эволюционному или революционному натиску жизни и в конечном счете должны быть опрокинуты естественной силой.

Здесь кроется воистину последний вопрос международного права, который больше подлежит рассмотрению лишь как вопрос

мнения и суждений, какие слишком скрыты за формами. Как нам представляется, наряду с этим существует противоречие одного из элементов романского права германскому, ибо мы, германцы, очень долго казались биологически более сильными. Но это общее противоречие, присущее всем опытным, государствообразующим народам, наконец, самому понятию “государство” в противовес “народной энергии”, всему нынешнему поколению против грядущего поколения, скрытому за буквой “posteror timeo” [42](#) праву, букве закона против природы.

Из этого противоречия

возгорается раздор между Советским Союзом и паназийцами и старыми колониальными державами — Англией и Францией; но из этого же противоречия бьет ключом точка зрения Тацита [43](#) на продававших самих себя германцев из пристрастия к азартным играм и противоборству, как и позже отношение швейцарского законодательства к вербовке в иностранные войска [44](#). Особенно сильные швейцарские коммуны, инстинктивно прочные геополитически, а также богатые территориально, как Цюрих, отменяют наем в иностранные войска, унаваживание земель чужих народов кровью и потом; напротив,

бедные древние кантоны используют наемничество как источник денег! “Chacun aspire a ce qui lui manque!” [45](#) — заметил швейцарский капитан, когда в Версале кто-то упрекнул его, что швейцарцы фехтуют за деньги, а французы — за честь! Древняя противоположность приверженного нравственности народного духа и рационалистической государственной идеи — бесцеремонно использовавшей преимущества созданного ею частного права периода упадка, — имеет последствия и ставит исходящую от народа энергию почти всегда согласно букве вне закона. Биологически более сильный

ощущает это в таком случае как беззащитность порядочного честного человека перед применяемой по отношению к нему без душевного трепета буквой закона. Однако они “это называют честью”!

Поразмышляем также о тех — а их число растет в результате слишком резкого проведения линии, — *кто не признает границ и кто разрушает их*. Не признающий границ и ее разрушитель — два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи как препятствие, а не защиту и

органическое [с.41] благодеяние. Эти два вида можно отчасти рассматривать и с географической точки зрения, учитывая их распространение, происхождение и влияние на политизированный культурный ландшафт.

Часто происходящие из экстремального смещения рас или же в своем становлении как физическая, так и психологическая наследственная масса принадлежащие к двум различным мирам, к двум зонам боевых действий, они, естественно, хотят отменить их границы, но в разном смысле. Если первые как урожденные граждане мира,

космополиты, потерявшие гражданство, попутчики любого Интернационала, под каким бы флагом он ни выступал — золотым или зеленым, красным или черным, не видят и не ощущают их, то вторые — враги границы, ее разрушители любой ценой, и они замечают границу, борются против барьера главным образом потому, что родились “на ее склонной к коварству стороне”.

Но по зрелому размышлению о чересчур тонком различии *между границами* те в обоих видах, кто слишком торопится извлечь пользу, делают здесь собственные наблюдения. В каждой зоне борьбы

царит только ей свойственная самостоятельная жизнь. С древних времен имелись люди, находившие в этом метании между двумя кругами силы свой собственный расчет, а в сочетании с опасностью и известную суровую свободу. И имелись другие, кто, умно служа двум господам, но лишь в той мере, в какой это было необходимо, время от времени находили возможность вырваться к свету. Так, Вольтер бросил якорь спасения между пуританской Женевой и становившейся все более небезопасной Францией, между именами Делис и Фэрней [46](#), разумеется полностью сознавая преимущества до известной степени

утерянного подданства. В своей книге “Ahnen” (“Предки”) Фрейтаг отобразил прекрасный пример того, что еще на раннем этапе развития германцев проживание за чертой границы было излюбленной побудительной причиной для постоянного существования небольших дружин, остатков племен и народов. Природа показывает нам аналогию на каждой меже, на каждой железнодорожной насыпи, где сохраняются жизненные формы, которые были бы в противном случае истреблены, но которые могут вновь ринуться в наступление.

Этим своеобразием пограничной межи всегда

пользовались одиночки и дружины, действующие на этой же основе крупные государственные жизненные формы. На такой биологической почве выросли цепочка государственных образований вдоль Гималаев, а также общности, которые, как “выпавшие из древней стены камни”, сопутствуют отходящей назад немецкой языковой границе на Западе. Из такого состояния поднялись до своего всемирно-исторического значения Савойя, Наварра [47](#) — по крайней мере в поколении своей династии, — земли Габсбургов [48](#) и Гогенцоллернов [49](#), области Маньчжурской династии [50](#).

Итак, мы полагаем, что и здесь действует эффективный геополитический [с.42] мотив, о котором мы уже писали, рассматривая, к примеру, вопрос о возникновении кондоминиумов — образований между границами с расширяющимися культурными, силовыми и хозяйственными организмами, но здесь рассматриваем лишь в новом свете [vii](#). [с.43]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.36) *Zeller E.* Religion und Philosophie bei den Römern. Berlin, 1866.

(с.38) *Aubin H., Frings Th., Muller J.* Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Bonn, 1926.

(с.38) *Kiesel K.* Petershüttly, ein Friedensziel in den Vogesen. Berlin, 1918.

(с.38) См.: *Wertheimer E. v.* Friedenskongresse und Friedensschlüsse in 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, 1917. "Handbuch der Politik". Bd VI, Urkunden. Berlin, 1926; "Wörterbuch

des Volkerrechts und der Diplomatic”, hrsg. von K. Strupp. Berlin und Leipzig, 1924.

(с.38) Так, между прочим, в отношениях между США и Филиппинами (см. *Russell B., Kimpfen E.* Die Ausbreitungspolitik der Vereinigten Staaten von Amerika. Берлш, 1923; *Nearing Sc. and Freeman* 1. Dollar-Diplomatic. Berlin, 1927).

vi (с.39) См.: *Tenot E.* La Frontiere. Paris, 1893. P. 367.

vii (с.43) Здесь особенно впечатляют прежде всего исследования Градманна о связи Лимеса и германского леса. Ряд суждений созвучен с работой Клаузевица “Starkere Kampfesform und

Kampfesform des Starkeren”, когда мы размышляем о линейной прокладе империалистического установления границы римским государственно-правовым народом по краю его средиземноморского пространственного оптимума и встречных ударах нордических, германских людских потоков вплоть до катастрофы. О духовном расшатывании романо-германской границы см.: *Bluntschli J.C. Romische Weltherrschaft und deutsche Freiheit. Berlin, 1872*; об англосаксонском синтезе см.: *Bernard. Imperium et libertas! London, 1901*. О регресе и закате, возвратном образовании культурных границ см.: *Schurtz H.*

Urgeschichte der Kultur. Berlin — Leipzig — Wien, 1912; о гуманитарной стороне проблемы см.: *Hildebrandt K.* Norm und Verfall des Staates. Dresden, 1921; *Freytag-Loringhoven.* Die staatlichen Grenzen in Europa. Berlin, 1921. О проблемах внутриплеменных границ в германской общине нашего времени см.: *Pe?ler W.* Niedersächsische Volkskunde. Hannover, 1922; *Aubin H., Frings Th., Muller J.* Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Bonn, 1926, и.а.

Memento vivere — помни о жизни (лат.); memento mori — помни о смерти (лат.). [с.43]

Руны (от др.-сканд. run — тайна)

— древнейшие германские
письмена, преимущественно у
скандинавов, сохранившиеся на
камнях, оружии, утвари и т.п.
Наиболее древние относятся ко II в.
н.э. [с.43]

Boundary — ограничение (*англ.*)

[с.43]

Лимес (*лат.*) — сооружаемые с
конца I в. н.э. на границах Римской
империи укрепленные линии
(граница империи), система
пограничных укреплений (валы (см.
[примеч. 7. С. 43](#)), рвы, сторожевые
башни, палисады и кастелы).
Наиболее известными считаются
Лимес, сооруженный в Британии при
императорах Адриане и Антонине

Пие, а также верхнегерманский и рецийский Лимесы, существовавшие примерно до 260 г. Безопасность Паннонии, Дакии и Мезии обеспечивалась многочисленными пограничными укреплениями. Из-за частых изменений границ восточных провинций там не существовало единого типа Лимеса. На границах Египта как особой части Распиской империи Лимеса не было вообще. Не установлено, где точно проходила линия пограничных укреплений римских провинций в Африке. Во всяком случае на южной границе Римской империи в районе пустыни Сахары были оборудованы довольно мощные укрепления типа кастел (см.

примеч. 16. С. 44). Изучением различных видов оборонительных сооружений эпохи Римской империи занимается специальная научная дисциплина — лимесология, получившая в последнее время распространение во многих странах. [с.43]

См. примеч. 8. С. 96. [с.43]

Limes — межа, межевой знак, пограничная линия, граница, рубеж, пограничный вал (*лат.*); finis — предел, граница, рубеж, край, территория (*лат.*); terminus — пограничный камень, межевой знак, граница, пределы (*лат.*). [с.43]

Например, валы римские — система пограничных укреплений

Римской империи, создававшиеся в I-II вв. Состояли из земляного вала или каменной стены рва и дозорных башен. [с.43]

Или Цезарь, или Дьявол (лат.). [с.43]

Трансформировавшееся в странах Азии имя Александра Македонского. [с.43]

Император Китая с 221 г. до н.э. В 213 г. до н.э. по указу Цинь Шихуанди, не считавшегося с древними традициями, были сожжены древние тексты. 460 наиболее видных оппозиционеров, в основном конфуцианцев, были казнены (закопаны живьем). [с.43]

Великая Китайская стена, или,

как ее называли в древности, “Стена, длиной в десять тысяч ли” (ли=576 м) тянется через весь север Китая с востока на запад. Построена в III в. до н.э. [с.44]

Тевтонский орден (орден немецких крестоносцев) — католическая духовно-рыцарская организация, возникшая в Палестине в конце XII в. во время крестовых походов. С XIII в. в Прибалтике на землях, захваченных Орденом у пруссов, литовцев, поляков, существовало государство Тевтонского ордена. Орден разгромлен в Грюнвальдской битве 1410 г. С 1466 г. вассал Польши. В 1525 г. его владения в Прибалтике

превращены в светское герцогство Пруссию. [с.44]

См. [примеч. 12. С. 19.](#) [с.44]

Курфюрстами в Германии назывались князья, имевшие право избирать императора Священной Римской империи (1256-1806). Было четыре светских курфюрста (Богемии, Саксонии, Пфальца, Бранденбурга) и три духовных — Майнц, Кельн, Трир. Здесь имеется в виду Фридрих Вильгельм (1620-1688), курфюрст Бранденбургский с 1640 г., так называемый великий курфюрст. Заложил основы прусского абсолютизма. При нем с Бранденбургом окончательно соединились герцогство Пруссия (до

этого — лен Польши) и ряд других земель. [с.44]

Имеются в виду поселения граждан одного государства на территории другого или в малозаселенных областях собственных стран. “Augusta” (Аугуста) — название многих значительных городов Римской империи, данное в честь императора Августа (63 до н.э. — 14 н.э.). Аугустой был назван также порт на Сицилии, основанный в 1232 г. Фридрихом II. [с.44]

Castra (лат.) — названия ряда городов, возникших из лагерей римских войск. Castellum (лат.) — небольшое древнеримское

укрепление. Различаются *castella tumultuaria* — спешно возведенное в целях выполнения непосредственных стратегических задач по охране границ и *castella murata* — долговременное фортификационное сооружение в пограничных укрепленных пунктах, окруженное стеной.

Существовали многочисленные кастелы вдоль границ, предназначавшиеся для когорт и ал, напоминавшие своим видом уменьшенный лагерь легионов. [с.44]

Термин — в римской мифологии божество границ, межевых знаков, разделявших земельные участки. Кроме большого

числа Терминов существовал культ одного Термина; изображавший его камень был помещен в Капитолийском храме, что символизировало нерушимость границ Рима и их постоянное расширение. [с.44]

Речь идет о Второй пунической войне (208-201 до н.э.). Ганнибал (247 или 246-183 до н.э.) — карфагенский полководец. Пунические войны между Древним Римом и Карфагеном продолжались с перерывами с 264 по 146 г. до н.э. Завершились победой римлян и превращением Рима из италийского государства в средиземноморскую державу. [с.44]

Ида — горная цепь на северо-западном побережье Малой Азии (южнее Трои), современный Каз-Даг. Его вершина Гаргар — центр культа Кибелы. Главное святилище Кибелы находилось в Пессинунте (Верхняя Фракия), оттуда оно было перенесено в Рим в 204 г. до н.э. вместе с культовым символом богини — черным камнем в форме фалла. Таким путем римляне хотели отвратить поражение во Второй пунической войне. [с.44]

В 205 г. до н.э. в Риме был учрежден государственный культ Венеры. В 215 г. до н.э. римляне освятили храм Венеры Эрицинской (т.е. Венеры с горы Эрике в

Сицилии). [с.44]

21 Альменда — право коллективного выпаса скота. Это право особенно распространено на высокогорных пастбищах Южной Германии, Австрии, Швейцарии. [с.44]

22 Мюнстер — город и порт в земле Северный Рейн-Вестфалия в северозападной Германии. В прошлом столица Вестфалии. Здесь был подписан Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне. [с.44]

23 Вале — кантон в Швейцарии. [с.44]

24 Андорра — ныне независимое государство,

расположенное на юго-западе Европы между Францией и Испанией. Вступившая здесь в силу 4 мая 1993 г. конституция положила конец действию средневековых феодальных законов, регулировавших политическую и общественную жизнь княжества. До этого времени Андорра находилась под двойным протекторатом Франции и епископства Сео-де-Урхеля (Испания) на основе договора 1278 г. [с.44]

25 Школа германских геополитиков питала особое пристрастие к естественным, или “природным”, границам. Понятно, естественные рубежи — горные

хребты, крупные реки, пустынные и заболоченные полосы — играли большую, а порой даже решающую роль в жизни народов, особенно на ранних этапах развития цивилизации. Однако с течением времени по мере повышения уровня научных знаний, технических возможностей и промышленных мощностей значение этих “природных констант” изменялось, изменялась потребность в сырье, в средствах сообщения, в условиях расселения людей. Казавшиеся в прошлом абсолютными, эти константы становились относительными, и такой процесс особенно быстро происходил в XX в.

Хаусхофер отдает себе отчет в происходящем, но политические потребности Германии оказывают свое влияние и побуждают его совершать частые экскурсии в историю с целью подтвердить ее претензии на передвижку своих границ, от которых немцы якобы были оттеснены. [с.45]

26 Кондоминиум (*лат. con* — приставка, означающая “вместе” и *dominium* — владение, совладение) — в международном праве одновременное совместное осуществление верховной власти двух или нескольких государств над одной и той же территорией (например, бывший Англо-

Египетский Судан; договорами 1887, 1909, 1914 гг. был установлен англо-французский кондоминиум над Новыми Гебридами). [с.45]

27 Регион в горах Узбекистана к юго-востоку от Ташкента. Находившийся на Шелковом пути — это один из старейших в мире освоенных сельскохозяйственных районов, а в прошлом также дорога, по которой двигались армии завоевателей. [с.45]

28 Например, территориальная экспансия США осуществлялась как путем захватов с применением вооруженной силы, так и посредством “покупок”: в 1803 г. США купили у Франции Луизиану, а

в 1819 г. у Испании — Флориду, до этого фактически захваченную американцами. В 1867 г. царское правительство продало США Аляску. Во время первой мировой войны США купили у Дании острова Сент-Томас, Сент-Джон и Санта-Крус (Вест-Индские острова). После окончания испано-американской войны — первой войны за передел мира — 10 декабря 1898 г. в Париже был подписан испано-американский мир. Испания отказывалась от Кубы, и вскоре остров был объявлен независимым. Но фактически он попал под протекторат США. Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины переходили к Соединенным Штатам.

На Филиппины претендовала и Германия, но Берлину удалось добиться лишь того, что Испания продала ей расположенные на Тихом океане острова, еще остававшиеся в ее владении, — Каролинские, Марианские и Палау. [с.45]

29 Богемия (Чехия) — страна боев. Первоначальное название территории, на которой образовалось государство Чехия. В 1526-1918 гг. официальное название Чехии (без Моравии) в составе Габсбургской империи. По Версальскому мирному договору 1919 г. эта территория вошла в состав Чехословакии. [с.45]

30 Циндао — город в Восточном Китае на южном побережье

Шаньдунского полуострова. В 1897 г. был захвачен Германией и превращен в военно-морскую базу. В сентябре 1914 г., во время первой мировой войны, японо-английские войска начали осаду города и 7 ноября того же года захватили его. О дальнейшей судьбе Шаньдунского полуострова см. [примеч. 9. С. 322.](#)[с.45]

31 Эйпен и Мальмеди (валлонские кантоны) и часть Морене (общая площадь 989 кв. км, население 61 тыс. человек) — округа, отошедшие по Версальскому договору от Германии к Бельгии. Их окончательная участь должна была быть решена путем плебисцита. Он состоялся 24 июля 1920 г.

Большинство голосов было подано за присоединение к Бельгии. [с.45]

32 С 1684 по 1697 г. и с 1792 по 1815 г. Саар принадлежал Франции. Договором 1815 г. Саарская область после настойчивых требований Пруссии была отделена от Франции. По условиям Версальского договора 1919 г. эта область передавалась под управление Лиги Наций сроком на 15 лет. Через 15 лет в Сааре должен был состояться референдум по вопросу о его дальнейшей судьбе. Угольные шахты Саара переходили в полную собственность Франции. С 1959 г. Саар стал 10-й землей ФРГ.

Левый берег Рейна оккупировался войсками Антанты на

срок от 5 до 15 лет. Эта территория объявлялась демилитаризованной зоной. Вдоль правого берега Рейна создавалась еще одна демилитаризованная зона шириной в 50 км. [с.45]

Входившие ранее в состав Германской империи древние славянские земли частично передавались Польше. Верхняя Силезия была оккупирована союзными войсками, 20 марта 1921 г. здесь состоялся плебисцит. При поддержке Франции Польша добилась передачи вопроса о принадлежности Верхней Силезии на рассмотрение Лиги Наций. Лига Наций разделила Верхнюю Силезию

между Польшей и Германией. К Польше отошло 30% территории с 400 тыс. населения, 95% запасов силезского угля, 23 из общего количества 37 доменных печей и т.д.

Для обеспечения выхода Польши к морю создавался “польский коридор”, отделявший Восточную Пруссию от остальной Германии. Находившийся в “польском коридоре” крупный порт Данциг (Гданьск) объявлялся “вольным городом” — самостоятельной территориальной единицей под управлением Лиги Наций. [с.45]

33 Тибет — район в Центральной Азии в пределах Тибетского нагорья. В XIII-XIV вв,

Тибет находился в зависимости от монголов. В XVII в. глава буддийской (ламаистской) секты гэлугба далай-лама стал духовным и светским владельцем страны. С конца XVIII в. в составе Китая (включен маньчжурской династией Цин). В 1965 г. создан Тибетский автономный округ. [с.46]

34 Морене — на прусско-бельгийской границе, возникла вследствие того, что Пруссия и Нидерландское королевство не могли договориться между собой о прохождении границы в этом районе на основе акта Венского конгресса 1814-1815 гг. и договора от 26 июня 1816 г. Кондоминиум

просуществовал до Версальского договора 1919 г. [с.46]

35 “Отправляйтесь домой, огрызки” (англ.). *Spakespeare. Coriolanus. Act 1. 226.* [с.46]

36 “Линия Керзона” — условное наименование линии, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. 12 июля 1920 г. лорд Керзон направил правительству РСФСР ноту с предложением немедленно приостановить военные действия и заключить между Польшей и Советской Россией перемирие с условием, что линия, намеченная в качестве восточной границы

Польши, “приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов, далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат”. Указанная в ноте линия разделения войск получила в дальнейшем название “линии Керзона”.

Керзон Джордж Натаниел (1859-1925) — лорд, британский государственный деятель и дипломат. В 1919-1924 гг. министр иностранных дел Англии. Вице-король Индии (1899-1905). Будучи вице-королем Индии, провел в 1905 г. раздел Бенгалии. [с.46]

37 Быть может, имеется в виду Андре Тардьё (1876-1943) — французский политический деятель, игравший роль ближайшего помощника и постоянного заместителя премьер-министра Клемансо на Парижской мирной конференции 1919 — 1920 гг. Именно ему было поручено отстаивать интересы Франции в 13 основных из 26 комиссий конференции. Его перу принадлежит записка об установлении по Рейну западной границы Германии и о межсоюзнической оккупации мостов через Рейн. Ему же принадлежит крылатая фраза “Немцы за все заплатят”. [с.46]

38 Сфорца Карло (1872-1952) — граф, итальянский государственный и политический деятель.

39 Вильно — официальное название Вильнюса до 1939 г. Известен с 1128 г. Столица Великого княжества Литовского. С 1795 г. в составе Российской империи. В 1920-1939 гг. город Вильно и Виленская область входили в состав Польши. С 1940 г. — столица Литвы.
[с.46]

40 Виргинские острова (датская Вест-Индия) — здесь в 1754 г. была создана датская колония. В 1917 г. были проданы США за 25 млн. долл.
[с.46]

41 Техас — штат на юге США.

Эта территория, открытая испанскими путешественниками в XVI-XVII вв. и первоначально являвшаяся частью Мексики, в 1836 г. была провозглашена независимой республикой, а в 1845 г. стала 28-м штатом США.

Калифорния — штат на Тихоокеанском побережье США. Была передана Соединенным Штатам Мексикой в 1847 г., а год спустя на ее территории было обнаружено золото, что вызвало большой приток золотоискателей. В 1850 г. Калифорния стала 31-м штатом США. [с.46]

42 “Опасаясь грядущих поколений” (лат.). [с.47]

43 Тацит Корнелий (55-120) — последний великий римский историк. Свои основные труды “История” и “Анналы” он посвятил истории Римской империи I в. н.э. Тацит написал также этнографический трактат “О происхождении германцев и местоположении Германии” (сокращенно “Германия”), в первой части которого рассказывается об общественном устройстве и быте древних германцев, их происхождении, во второй части характеризуются отдельные германские племена. [с.47]

44 За три века (до 1859 г., когда наемничество было запрещено

швейцарскими законами) Швейцария поставила иностранным армиям около 2 млн солдат, более 25 тыс. офицеров всех рангов, включая генералов и адмиралов. Наемные швейцарские части сражались не только в Европе, но и в Северной Америке, Африке, Индии. Уроженец Женевы Лефорт был одним из сподвижников Петра I. После 1859 г. швейцарская гвардия сохранилась только в Ватикане. [с.47]

45 “Каждый мечтает о том, чего ему недостает” (фр.). [с.47]

46 “Делис” (“Отрадное”) — усадьба Вольтера около Женевы; Фэрней — имение по ту сторону швейцарско-французской границы,

где он жил почти до своей смерти в 1778 г. Одной из своих корреспонденток Вольтер так разъяснял выгоду нового места жительства: “Левой рукой я опираюсь на Юрские горы, правой на Альпы; Женевское озеро расположено прямо против моих полей; я обладаю прекрасным замком на французской границе, убежищем Делис на территории Женевы и хорошим домом в Лозанне. Перекочевывая из одной норы в другую, я могу спастись от королей и армий...” [с.47]

47 Наварра — королевство в начале X в. — 1589 г. в районе Пиренеев. В 1512 г. ее большая часть

была завоевана Испанией, остальная (северо-восточная) в 1589 г. присоединена к Франции. [с.47]

48 Габсбурги — династия, правившая в Австрии (1282-1918), в Чехии и Венгрии (1526-1918), в Испании и ее владениях (1516-1700); императоры Священной Римской империи (1438-1806). В период наполеоновских войн Франц II (1792-1835) вынужден был отказаться от титула императора Священной Римской империи, сохранив за собой титул австрийского, а затем австро-венгерского императора. В результате поражения Австро-Венгрии в первой мировой войне и подъема национально-освободительного

движения, приведших к распаду монархии Габсбургов, император Карл I (1916-1918) отрекся от престола. По принятому Учредительным собранием Австрийской республики закону 1919 г. Габсбурги были лишены всех прав, изгнаны из страны, а их имущество конфисковано. Этот закон вошел в Государственный договор о восстановлении демократической и независимой Австрии (1955). [с.47]

49 Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов в 1415-1701 гг. (пруссских королей в 1701-1918 гг.). Основные представители — Фридрих Вильгельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II. [с.47]

императорская маньчжурская
династия Цин в Китае (1644-1911).

[с.47]

ГЛАВА IV

О ТРУДАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ГРАНИЦЕ

Труды о границе, литература о границе — что они нам до сих пор преподносили, в чем оставались перед нами в долгу, несмотря на многократные честные попытки создать некую теорию границы? Из какой бы основы ни исходить, пытаясь вывести философское или правовое образование научных

понятий и идеальное представление
о линии без собственного
пространства или же об арене
борьбы, зоне боевых действий,
эмпирику всеобщей
действительности, проблема всегда
выдвигала на первый план смелость
типизации! При этом первый путь
кажется больше романским, второй
— больше германским; и весьма
примечательно, что отдельные
представители немецких воззрений о
границе тем больше мудрствуют
вокруг этой проблемы, чем больше
они связаны своим происхождением
с романизированными ландшафтами
на Рейне и Дунае, и, напротив, тем
ближе к практическому идеалу

англосаксов, чем более
нордическими они себя чувствуют и
видят.

На самой высокой ступени, по
моему мнению, стоит Ф. Ратцель,
рассмотревший и признавший
справедливыми оба направления.
Сказанное им в “Gesetze des
raumlichen Wachstums der Staaten”
(“Законы пространственного роста
государств”) несомненно является
наиболее сжатым, цельным и
глубоким из всего, что сказано на
немецком языке о границе. Из этого
поистине классического сочинения
должна исходить политическая
география в определении каждого
понятия, как и пытался это сделать

О. Мауль__в своем последнем большом труде. Самые значительные новые соображения школ — британской, немецкой, французской — вновь возвращают к этим образцам идей Ратцеля не только в политических географиях или работах по всемирной истории на политико-географической основе, написанных его учениками — Гельмольтом, Диксом, Шёне_. Идеи Ратцеля продолжают звучать и в неустанных попытках Р. Зигера добиться ясных общих определений понятия сущности границы, и в стремлении Винклера все деяние умирающей монархии Габсбургов на ниве статистики поставить на службу

и пограничному мышлению.

Практически совершенно по-иному, чем самые выдающиеся поборники немецкой народной почвы, побуждения Ратцеля [с.48] подхватило перед войной англосаксонство, которому они были подсказаны таким авторитетом, как Макиндер__. След Ратцеля живо проявляется в деятельности Мэхена и Брайса в Америке, Керзона в Азии — в индийском гласисе_, Джонсона — в Африке, Грегори и Гриффита Тейлоров — в Австралии, занимающихся теорией границ и решением пограничных вопросов Л.В. Лайда_, сэра Т. Холдича_, Фосетта. На плечах Ратцеля, по их

собственному признанию, стоят нынешние лидеры французской политической географии Жан Брюн и Камиль Валло_.

Именно в трудах Ратцеля содержится органическое понимание границы в североамериканской литературе. Это освещенная с критических позиций этнография и историческая наука в Америке с ценнейшим послесловием К. Лампрехта_. В этом сотрудничестве двух выдающихся умов с присущей им способностью как к географическому, так и к историческому синтезу бьется настоящая творческая жизнь. Но, разумеется, к сожалению, чисто

академическое название труда вводит в заблуждение, скорее отталкивает, чем привлекает, искателей.

Особую значимость приобретает сочинение Фредерика Тернера “The significance of the frontier in american history” (“Значение границы в американской истории”), совпадающее по времени с первыми важными трудами Брукса Адамса, с главным периодом деятельности Мэхена, подготовившими нынешнее становление силового превосходства Соединенных Штатов. Ведь именно эта когорта воспитала многих, кто прославлял такую позицию, отточила политическое лицо Союза с его тихоокеанскими и

американскими целями Срединного моря, указала ему на приближение экономических циклонов, на экономическое обуздание мира — естественно, на некоторое время — в качестве первоочередной достижимой цели и границы, которые Соединенные Штаты должны переступить в стремлении к ней.

В то же время Тернер писал о “государственном строительстве в революционную эру” [viii](#) и обсуждал при этом проблему политической организации при избытке свободной земли — ныне нечто столь далекое от нас, живущих в Центральной Европе! Труды Шейкера “Man and

nature in America” (“Человек и природа в Америке”), Виндзора “Narrative and critical history of America” (“Описательная и критическая история Америки”), 1888 г., как и появившаяся позже по инициативе Ратцеля “Всемирная история” Гельмольта, указывают на схожую тенденцию культурногеографической совместной разработки географии и истории, их взаимного обогащения. [с.49]

Выводы Ратцеля относительно включения американского земного пространства во всемирно-историческое совокупное строение Земли (еще и сегодня в высшей

степени несовершенные, в общем и целом принимаемые в расчет в обучении и общественном мнении континентальной Европы) содержатся в работе “Geschichte, Volkerkunde und historische Perspektive” (“История, этнография и историческая перспектива”) [ix](#). Эти выводы, как и статья “Inselvolker und Inselstaaten” (“Островные народы и островные государства”) в отношении Японии, собственно, не что иное, как геополитика, но без этого обобщающего слова.

Изложение и структура “Британской энциклопедии” с точки зрения осознания пограничной ответственности совершенно иные,

чем одного из наших фундаментальных справочников. Японское суждение по данному предмету лучше всего представлено в работе Уэхары “The political development of Japan 1867-1909” (“Политическое развитие Японии 1867-1909”) [х](#), во введении, где содержится ценное описание неизменно присутствующего у японцев инстинкта в отношении опасности для конфигурации и внешней формы своей империи. К такому пониманию инстинкта безопасности мы у себя в Германии до сих пор еще не пришли и значительно позже, слишком поздно, под давлением мировой войны в

мимолетном благоразумии осознали упущенное.

Характерно, что научные инструменты для этого, частично созданные вечным раздором между национальностями старой Габсбургской монархии, преимущественно в угрожаемых частях пограничных провинций на Юго-Востоке были уже наготове, тогда как на Северо-Востоке и Востоке, на Висле и в Верхней Силезии они возникли на пустом месте. Так, Пенк и его школа выковали эти инструменты для польских провинций, Фольцдля Силезии, а теперь пытается под руководством Лёша создать для всех

границ личной энергией и инициативой “Шутцбунд” 6, который в действительности есть “Шутцбунд” для Внутренней Европы, — наиболее образцово в юго-восточной провинции, в Граце, где Р. Зигер стал естественным научным провозвестником, в то время как Вена и Инсбрук оставались на первых порах позади, пока там не начал работать И. Зёльх. “Grenzen” (“Границы”) и “Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung” (“Географическое учение о границах и его практическое значение”) xi — две работы Зигера, в которых его окончательно сложившиеся

воззрения приобрели преимущественно программное значение. Вполне достойна и литература, повлиявшая на него: сочинения британцев Керзона, Фосетта, [с.50] далее, как я знаю из частных бесед, Холдича и Лайда, шведа Челлена [7](#), немцев Ратцеля, Пенка, Фогеля, Зёльха. Так возникли две лучшие из многих отдельных попыток доступно разъяснить немецкому народу проблему границ. С тех пор мы усвоили, что нашему слабее сформированному индивидуальному народному своеобразию и его менее наивному самосознанию больше соответствует, если мы, не в пример своим предкам,

сообща возьмемся за туго мыслящие и ставшие малодушными массы, как это сделано в работе Фольца “Westdeutschen” (“Западные немцы”) и “Ostdeutschen Volksboden” (“Народная основа восточных немцев”), в двух великолепных томах Лёша: “Volk und Reich” (“Народ и империя”) и “Staat und Volkstum” (“Государство и народность”) — и в скромной серии Института зарубежья и Союза немцев за рубежом. Потрясающий успех становится, таким образом, среди немцев все большим,

Но если мы сравниваем — о японском или англосаксонском, о романском (движение Данте, Е.

Тэно: *frontiere*) вовсе нет речи — развитый таким способом с достаточно большим трудом пограничный инстинкт исконных меньшинств, живущих в Центральной Европе, например, с инстинктом поистине не переоцененных мною китайцев в их давлении на государство, то мы находим там [в Китае] задолго до наших министров и чрезвычайных комиссаров оккупированных областей гораздо более важные мероприятия по охране границы, по крайней мере в теории.

Речь идет о созданном 12 июля 1919 г., в разгар бушующей с 1911 г. гражданской войны в Китае, так называемом ведомстве обороны

границы с многочисленными бюро, комиссарами по защите границы определенных пограничных областей, например наиболее угрожаемой северо-западной границы (которая, впрочем, и в Индии является таким постоянным местом!), и притом наряду с собственной военной организацией. Все китайские наместники в Урге, Кобдо, Улясутай____, Маймеча подчиняются в определенных делах непосредственно соответствующему пограничному генералу — их естественному защитнику на внутренней линии. В 1920 г. комиссия по охране границы стала жертвой внутренней смуты и

честолюбия ее шефа; тяжелые потери на границе в Монголии явились следствием победы внутренних партийных распрей над разумной теорией границы. “Государственный комиссар для оккупированных областей” — схожий институт. Все на границе, что служит ее внешней защите, должно быть вне партийной борьбы, свободным от нее!

Мы завершаем этот беглый обзор литературы о границе, подводя итог такой констатацией: огромному богатству сфер проявлений противостоит немыслимая бедность, если не сказать убогость, литературы, в которой выделяются

лишь немногие работы и научные поборники. Этих стражей границ многочисленных народов следовало бы почаще приводить в трудноукрошаемые залы заседаний, состояние которых, по словам чешского лидера Палацкого____, предостерегает: “Если этот потолок рухнет, [с.51] чешская нация погибнет!” Речь шла о зале, где без малого сто лет назад родилось требование нынешней Чехословакии!

Наряду с крупными работами Ратцеля и его учеников, к числу которых принадлежат также предложивший первые формулировки Фёрстер и недавно присоединившийся Мауль, имеется

множество сугубо военно-географических монографий, рассчитанных на ограниченный круг читателей. Еще более скромнен он для изданий немецкого, французского, английского, русского, японского Генеральных штабов с отлично написанными предисловиями, для одного из первых, известных, к сожалению, только самому узкому числу географов-специалистов по границам, трудов Мольтке [Старшего]_.

Удивительно, но и хорошие работы по политической географии легко подвергаются опасности как бы походя подчеркнуть огромное значение границ, как об этом бегло

пишет А. Дикс в своей работе “Politische Erdkunde” (“Политическая география”) xii, предоставляя читателю самому сделать выводы. Схожим образом, к сожалению, написана и его более обстоятельная работа, в которой при всех ее достоинствах слишком слабо разработано понятие “граница” с точки зрения политико-географического, а также антропогеографического, хозяйственного и культурно-географического значения. Намного более последователен в рассмотрении проблемы О. Мауль в своей большой обобщающей работе “Politische Geographie”

(“Политическая география”) [xiii](#). Не меньшую заслугу имеет Е. Шёне, убедительный популяризатор Ратцеля, также разбросавший отдельные ценные замечания относительно границы в разных местах в своей книге “Die politischen Grenzen als periphereische staatliche Organe” (“Политические границы как периферические органы государства”).

Сопоставляя крупные систематизированные научные точки зрения, мы обнаруживаем прежде всего противоречие между констатацией и преодолением: ищущий человек в противовес человеку настроения по

необходимости испытывает огромную трудность из-за ограничений; несогласие между людьми ищущими и людьми импульсивными минимальное. Поэтому напряженность на германо-французской границе географически и этнопсихологически — одна из наиболее трудно поддающихся компромиссу на нашей Земле [xiv](#), что подробно обосновал Фробениус [13](#) и с культурно-морфологической точки зрения.

Далее, мы приходим к ценным результатам, если ставим в связь существующее на протяжении столетий в литературе отражение влияния переходной пограничной

области на одиночек и сопряженную с этим большую трудность переноса чувства границы на массы. Насколько велика дистанция между инстинктом и осознанным отношением к жизненному пространству, к “сопротивлению [с.52] экспансии”! xv Различным точкам зрения о разделяющей возможности границы вновь и вновь противостоит пронизывающая ее жизненность, разрушающая однородность населения, взрывная жизненная сила покоящейся на *lex lata* — действующем праве проблемы сознания, и мы узнаем в застывшем пограничном праве тот же самый симптом старения, как у людей,

страдающих атеросклерозом. Об этом достойном внимания культурных народов Запада Иен Гамильтон 14 написал в своей записной книжке xvi.

Большая часть имеющейся литературы ограничивается целью доказать разделяющую силу границ на хорошие и плохие, естественные, заимствованные у природы и чисто культурные, национальные, региональные и здесь провести априори разделения в теории, которые позже мы детально оценим.

При этом, само собой разумеется, наряду с рассмотрением по культурным кругам и другим наднациональным и

надгосударственным
пространственным разделениям
возможно и чисто народное.
Конечно, существуют совершенно
различные подходы к проблеме
теории границы — греко-
эллинистический, римский и
романский, немецкий и германский,
индийский, иранский, славянский,
китайско-монгольский. Но в
конечном счете необходимо
заниматься снова и снова крупными
группировками и разграничениями
между нейтральными, жизненными
формами, склоняющимися скорее к
букве закона, к линии защиты, к
жестокому сохранению своего, и
растущими жизненными формами,

устремленными в своем натиске вперед, к расширению границ. У первых действуют в данном случае в застывшей государственной позиции римский *limes*, Великая Китайская стена, французский пояс укреплений в качестве ставшего теорией принципа безопасности за счет разделяющего пространства, как это, наконец, доказал Е. Тэно: но, конечно, со скрытой за этим надеждой на возвращение утраченного защитного “гласиса” [xvii](#). [с.53]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.48) “Petermanns Mitteilungen”. 1896. S. 102 и 103.

(с.48) *Maull O.* Geographische Staatsstruktur und Staatsgrenzen // “Kartographische Zeitschrift”. 1919; *Idem.* Politische Geographie. Berlin. 1925. S. 133 ff. u. 602 ff.

(с.48) *Dix A.* Politische Geographie. Munchen — Berlin, 1921; *Idem.* Politische Erdkunde. Breslau, 1922; *Helmolt H.* Weltgeschichte. Bd I-VIII. Leipzig — Wien, 1913; *Schone E.* Politische Geographie. Leipzig, 1911.

(с.49) Roy. Soc. Geogr. Journal 1914.

(c.49) Roy. Soc. Geogr. Journal
1916 u. a. O.

(c.49) *Brunhes J., Vallaux C.*
Geographie de l'Histoire. Paris, 1921.

(c.49) *Ratzel F.* // Kleine Schriften.
Bd II. S. 350; *Idem.* Ethnographic und
Geschitswissenschaft in Amerika.

viii (c.49) Annual Report.
American Historical Association.
Washington, 1893.

ix (c.50) *Ratzel F.* // Kleine
Schriften. Bd II. S. 524-525. (c.50)

x (c.50) *Uyehara G.E.* The
political development of Japan 1867-
1909. London, 1910; весьма
достойный обзор общего отношения
японского народа к пограничным
проявлениям жизненных форм его

государства.

xi (c.50) *Sieger R.* Grenzen // "Deutsche Arbeit", 21. Jahrgang, Heft 3, Dezember 1921. Reichenberg — Berlin; *Idem.* Die geographische Lehre von den Grenzen und praktischen Bedeutung.

xii (c.52) *Dix A.* Politische Erdkunde. Breslau, 1922, S. 49-51, 76.

xiii (c.52) *Maull O.* Politische Geographie. Leipzig, 1911.

xiv (c.52) *Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd I. S. 171.

xv (c.53) *Schluter O.* Ferdinand von Richthofens Vorlesungen über allgemeine Siedlungs-und Verkehrsgeographie. Berlin, 1908. S. 75 u. 90.

xvi (c.53) *Hamilton J. A* staff

officer' s scrap book. S. o. Bd I.

xvii (с.53) Особенно

поучительные места прежде всего в трудах Ратцеля: “Anthropogeographie”. Bd I. S. 169; Bd II. S. 83; “Erde und Leben”. Bd II. S. 550, 606-617. “Gesetzen des raumlichen Wachstums der Staaten”. S. 102 и 103; “Politische Geographie”. S. 444-528 и.а.

Макиндер Хэлфорд Дж. (1861-1947) — британский ученый, геополитик, политический деятель. См. также [примеч. 1. С. 322.](#) [с.53]

Мэхен Альфред Тейер (1840-1914) — американский морской офицер и историк военно-морского флота. Придерживался геополитических взглядов, выступая

в качестве пропагандиста укрепления военно-морского флота США в расчете на наступательные действия в целях экспансии. Он сыграл немаловажную роль в том, что американские экспансионисты получили материальную базу и военные средства для оттеснения соперников США и колониальных захватов. Первой жертвой этой политики явились Гавайские острова, давно привлекавшие американцев. [с.53]

Гласис — земляная пологая насыпь (в сторону противника) впереди наружного рва, укрепления, крепости (см. об этом подробнее в [гл. XXIII](#)). [с.54]

Лампрехт Карл (1856-1915) — немецкий либеральный историк, автор многотомной “Истории Германии”. [с.54]

Адамс Брукс — американский политический деятель, сторонник верховенства США на мировых рынках и установления американского контроля над Панамским каналом. Автор книги “Закон цивилизации и упадка” (1895 г.). Упомянутые авторы во многом содействовали формированию концепции “предопределения судьбы”, порождавшей иллюзию о коренном отличии политических учреждений США от европейских, об американцах как “избранном

народе” и т.д. [с.54]

Шутцбунд (нем. Schutzbund) — военизированная организация социал-демократической партии Австрии. Создана в 1923 г. для обороны от наступления реакции, в защиту республики. [с.54]

Челлен Юхан Рудольф (1864-1922) — шведский ученый, юрист и государствовед, в 1901-1916 гг. профессор истории и политических наук Гётеборгского университета, в 1916-1922 гг. — Упсальского университета. Являлся членом парламента. Своим учителем считал Ратцеля. Впервые ввел термин “геополитика” в работе “Государство как форма жизни” (1916). Идеи

Челлена получили сразу же широкое распространение. Часть своих работ он опубликовал в соавторстве с Хаусхофером. [с.54]

Имеются в виду постановления Версальского договора 1919 г. [с.54]

Урга — русское название Улан-Батора до 1924 г. Кобдо и Улясутай — города в Монголии. [с.54]

Речь идет о северной части Монголии, которая в конце XVII в. была завоевана маньчжурами и названа ими Внешней Монголией в отличие от южной части Монголии, завоеванной ранее (Внутренняя Монголия).

В декабре 1911 г. монгольский народ добился провозглашения

государственной независимости. В результате русско-монгольского соглашения 1912 г. и русско-китайской декларации 1913 г. был выработан автономный статус Внешней Монголии, окончательно утвержденный Кяхтинским так называемым тройственным соглашением России, Китая и Монголии. Оно регулировало политические и территориальные вопросы, связанные с признанием автономии Внешней Монголии, остававшейся под формальным сюзеренитетом Китая. Китай обязывался не вводить в Монголию войска, не претендовать на колонизацию ее земель и не

вмешиваться во внутреннее управление. За Внешней Монголией признавалось право заключать договоры по торгово-экономическим вопросам. В 1921 г. на территории Внешней Монголии возникло независимое Монгольское государство, а в 1924 г. образовалась Монгольская Народная Республика. [с.54]

Палацкий Франтишек (1798-1876) — чешский политический деятель, историк и философ, иностранный член Петербургской Академии наук (1863). [с.54]

Мольтке Гельмут Карл-Бернгард фон (Старший) (1800-1891) — прусский фельдмаршал, начальник

прусского (с 1871 г. имперского) Генерального штаба в 1857-1888 гг., фактический главнокомандующий во время войн Пруссии с Австрией (1866) и Францией (1870-1871), военный писатель и теоретик. [с.54]

Фробениус Лео (1873-1938) — немецкий этнограф, исследователь культуры народов Африки. Рассматривал культуру как обособленный социальный организм. [с.54]

Гамильтон, сэр Иен Стандиш Монгейт (1853-1947) — английский военный деятель, участник колониальных войн в Азии и Африке. [с.54]

ГЛАВА V

РАЗДЕЛЯЮЩАЯ СИЛА НЕОБИТАЕМЫХ ЗЕМНЫХ ПРОСТРАНСТВ.

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЛЯ ЖИЗНИ ГРАНИЦЫ

Восприятие границы Катцелем как становящейся все более узкой вплоть до юридически и математически прочерченной линии, будущей арены борьбы за жизнь вытекает из создающей сильное напряжение противоположности, которая существует на стыке между наполненной жизнью землей и землей незаселенной (анэйкуменой). Это напряжение заставляет изучать, пожалуй, как сильнейшую, понятную с точки зрения как естественных, так и гуманитарных наук разделяющую силу в отношении границы незаселенного или же считающегося незаселенным земного пространства (мнимая анэйкумена?); оно, само

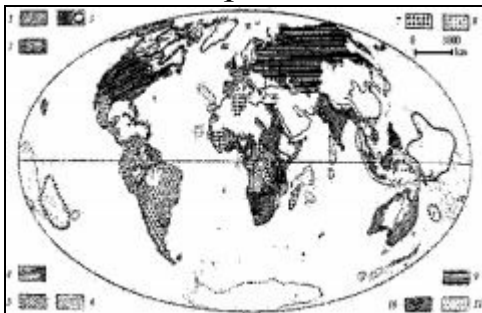
собой разумеется, имеет точно такое же значение как для экономики и физической географии и их проявлений в сфере сношений, так и для хорошо продуманных, проникнутых духовностью политических и культурно-географических планетарных мировоззренческих движений. Но и здесь в пересечении полярных пространств, арктической и антарктической анэйкумены, поясов пустынь, высочайших горных хребтов, поясов болот первобытного тропического леса (Teraí), океанских просторов (которые и сами, естественно, являются ареной борьбы за жизнь) мы видим

проницаемость *всех* *границ.*
Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики под нажимом англосаксов и Советского Союза. На планете больше нет “no man's land” — “ничейной земли”.

В этой констатации сразу обнаруживается *масштаб проблемы* противоречия между границей и анэйкуменой, значение признания того, что с быстро растущим оттеснением анэйкумены эйкуменой, с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения

усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшим образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах. Кто пытается ввести в заблуждение человечество на этот счет, неосознанно или сознательно потворствует лжи, даже если она продиктована состраданием и милосердием. Чем больше будут оттесняться незаселенные, а также считающиеся таковыми

пространства, тем все труднее
сохранить длительную
конструктивную прочность
естественных границ, тем все острее,
[с.55] немилосерднее борьба за
существование внутри
унаследованных границ.

Цифрами обозначены владения следующих государств:

I	1. Англия	8. Италия	
	2. Нидерланды	9. Россия	
	3. Германия	10. США	
	4. Дания	11. Другие государства	
	5. Испания	(государства Центральной	
	6. Португалия	и Южной Америки,	
	7. Франция	государство Конго) [с.54]	

Взгляд на масштаб и значение постановки вопроса о разделяющей силе необитаемости целесообразно исходит, пожалуй, из *определения понятий “эйкумена” и “анэйкумена”*, т.е. из понятий обжитых или сохраняющихся незаселенными пространств, которые встречаются в трудах Ратцеля, впервые опубликованных под заголовком “Über die Anwendung des Begriffs Okumene auf die geographischen Probleme der Gegenwart” (“О

применении понятия “эйкумена” в географических проблемах современности”), а также во втором томе “Antropogeographie” (“Антропогеография”) и “Erde und Leben” (“Земля и жизнь”).

Исследование представлений жившего до нас поколения о считавшихся непригодными для жилья пространствах, признанных естественными науками безусловно разделяющими зонами планеты, показывает, как далеко мы опередили эти представления на протяжении жизни одного поколения, которые в то время для любого человека, любого народа находились в совершенно другом месте, позволяя

выносить лишения сообразно их способности и технической оснащённости в борьбе за существование.

Нам необходимо лишь дополнить представления Ратцеля взглядами его учеников, прислушиваясь к мнению К. Хассерта о северной полярной границе обитаемой земли, какой он увидел ее в 1892 г., к Е. Шёне по поводу тропических зон__или к суждениям Бергера о возникновении понятия “анэйкумена” в его “Geschichte der wissenschaftlichen Geographic der Griechen” (“История научной географии греков”)_ , чтобы узнать, как быстро совершалось

развитие от тех первых формулировок понятия об отдельных образованиях анэйкуменных зон и поясов, например, в высотных границах и высотных поясах___. Сегодня мы признаем борьбу за освоение анэйкумены и понятие политически обеспеченной защиты в ней как крупную пространственную цель превентивной политики заселения, градацию этого понятия, скажем, от русского к китайскому и японскому, становящегося все более южным и океанским, как одну из мощнейших движущих сил политического действия на длительную перспективу и на более широких пространствах.

Как нам известно из физической географии, среди проявлений жизни на Земле, которые ведут к установлению границ анэйкумены, — прежде всего скрывание жизни вследствие холода [с.57] (лед в полярных или высокогорных областях), недоедание в результате отчуждения земли (исчезновение растительного покрова, опустошение пассатами, ветровая эрозия), неосвоение территорий из-за недостатка осадков, заражения почвы, засоления, гибели всходов от пожаров (похожая на чернозем земля на Суматре).

Как широко в этих проявлениях

все еще сохраняются остатки оттесненных укладов жизни человека, искателей сокровищ земли, необычно вооруженных для борьбы спорадических поселенцев, — это вопрос для обдумывания.

Мы знаем и совершенно иной тип сохраняющихся незаселенными земель, из коих одна часть считается высокопродуктивной, обладающей способностью к освоению, возникающей путем подавления многообразия жизни из-за переувлажненности. К этому типу относятся тундра и болотистые земли, а также прочие неисчерпаемо плодородные земли, где в результате засилья отдельных видов

растительного и животного мира, нашедших для себя оптимальные условия, другие жизненные формы не могут изменять свои границы; они могут переместиться туда, как только внешнее насилие, новые находки, например улучшения тропической гигиены, сломают это враждебное жизни, одностороннее пышное произрастание, развеют давление первобытного леса, в котором, по достоверному мнению Заппера, на плодороднейшей земле можно голодать из-за ее однообразия, полчищ саранчи, разносчиков тропической малярии, мухи цеце. И даже в наших умеренных зонах мы должны наблюдать за борьбой буков

и сосен, бросового леса и кустарников против строевого леса или же желтых лютиков_на пашне, чтобы знать истоки подобных явлений.

Этот взгляд на оттеснение анэйкумены и на раздвижение границ человечества, прежде всего культурного, по мысли Пенка, играет большую роль в расширении возможности пропитания народов Земли путем действенного превращения тропических земель в плодородные для культурных рас, причем в первую очередь имеется в виду тропическая гилея в Африке и Южной Америке. Правда, работа А. Швейцера в устье Конго_и последние

путешествия в Южную Америку показывают, как много еще предстоит сделать с самых азов, как, к сожалению, маловероятно, что белая раса преодолет эту форму анэйкумены не с позиций господства, а иным образом.

В противовес всем видам анэйкумены мы узнаем в возможно *плотном примыкании к ней для защиты* более мелких и становящихся все более крупными поселений и государственных жизненных форм инстинктивный и осознанный лейтмотив [с.58] существующей столетия дальновидной и крупнопространственной культурной

политики. Все равно, идет ли речь прежде всего о сохранении защитного пояса лесов, например, в еще сохраняющихся сегодня формах защиты в сельских поселениях к востоку от Мюнхена, о крупнейших центральноафриканских раскорчеванных участках, об обращении с хвойными лесами к востоку от Лимеса, как описывает их Градманн, или же об упорных битвах России (завоевание Сибири), Англии (борьба за Северо-Западный проход), Соединенных Штатов (овладение полярными районами), *обеспеченность защиты* играет решающую роль в истории России, американских государственных

образований, Ирана, поздних
центральноазиатских крупных
империй, Китая, в формировании
островных государств — Англии и
Японии, в трансформированном
морем государственным организме
Римской империи, в размере
образований Индийской империи, а
также в окаймленных границами
образованиях Ганзы, Тевтонского
ордена, альпийских государств на
перевалах. Кто утрачивает
обеспеченную защиту в
незаселенных местах, как, к
сожалению, северогерманская раса,
столь ущемленный германский рейх,
лишенный таковой на своих границах
, тот для удержания необходимого

жизненного пространства
принужден к неизмеримо большему,
длительному напряжению сил, к
более интенсивной борьбе за
существование, к большей
осторожности при возвращении в
состояние передышки.

Мы можем также научными
методами политической географии и
геополитики, и в добавление к тому
подключив историчные учения о
кинематике, установить отчетливую
градацию представлений об
отделяющей незаселенности у
отдельных рас и народов не только с
изменением времен, но и синхронно
по чисто локальным мотивам
привычки. Эти представления имеют

огромное политическое значение для определения границ, их сохранения и проведения у крупных народов, создавших свою государственность.

Для переоценки *представлений*, связанной с изменением эпох, сравним лишь один пример — отношение Рима, его певца Овидия, изгнанного в Томи, к тогдашним черноморским ландшафтам и более ранние эллинские восприятия Понта Евксинского, а также поздних черноморских резиденций, которые создал для себя избалованный западноевропеец, или Ялты, казавшейся властителям Российской империи раем на Земле. Сколько оттенков в точке зрения на

пограничное пространство —
понтийское, — восточных и
западных срединных стран на
зерновую биржу Афин,
“гостеприимные эллинские города”,
“место ссылки римлянина”, русскую
Ривьеру, ухоженный сад
рафинированного представителя
западноевропейской культуры из
дома Кобургов!

*Для различия точек зрения на
одно и то же пространство,
приблизительно синхронных по
времени, но только в одном случае
больше нордической,
континентальной, [с.59] а в другом
больше южной, океанской по
происхождению и воспитанию, быть*

может, наиболее типичным и бесспорным является пример отношения России, Китая и Японии к Приамурью.

Что позволяет нам простейшим способом разгадать мнимую загадку, почему русским удалось в баснословно короткое время пройти вдоль северной анэйкумены через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско_и лишь под сильным нажимом англосаксов, а позже китайцев и японцев вынуждено было отступить назад?

Решающим был все же тот факт,

что продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и поэтому проникал туда, в то время как другие крупные народы мира, в том числе восточноазиатские, с чьим жизненным пространством он скоро соприкоснулся, считали их непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением или даже придатком, примыкающим к враждебной для жизни северной полярной области. Таким образом русская экспансия в 1643 г. приблизилась к последнему крупному резервату культурного пространства Земли —

восточноазиатскому, который до этого из всех видов анэйкумены сохранялся как основательная область защиты: между полярной, пустынной, океанской, альпийской и тропической. Вопрос был близок к решению, окажется ли под защитой расширяющегося русского образования северный пшеничный пояс Земли вокруг всей северной зоны умеренного климата, или же он должен оставаться нарушенным в решающем месте сохранением обеспеченной защиты восточноазиатского мотыжного земледелия в северной необжитости. Перед китайцами лежали земли на Амуре, которые они считали

непригодными для жилья, не представляющими ценности для огосударствления. Они стояли на Амуре, как Древний Рим — на Дунае и Рейне, наблюдая за рекой, но ничего не организуя там. Все же степной инстинкт Маньчжурской династии защитил ее право на границу в договоре 1689 г., заключенном в Албазин-Нерчинске. Он отбросил русских назад до тех пор, пока нарастающее расчленение рушившейся Маньчжурской империи под ударами морских держав и внутреннего восстания китайского Юга (тайпинов) не помогло им наложить руку на тихоокеанское побережье Маньчжурии и затем на

район Амура (середина XIX в.).

Значительно позднее, чем китайцы, угрозу русских из зоны Амура почувствовали японцы. Островному государству, расположенному ближе к тропикам, до конца XVIII в. казалось, что северная анэйкумена начинается уже у пролива Цугару между [с.60] Хондо и Хоккайдо и крепости Матцумай в Дате на южной оконечности Хоккайдо как оборонительной линии для него достаточно. Лишь в конце XVIII в. японцы ощутили приближающийся натиск и встретили его благодаря спешным северным экспедициям на Сахалин и в богатые рыбой участки в устье

Амура под руководством Мамиа Ринзо и Могами Токунаи, которые впервые описал Западу Зибольд [viii](#). Но затем инстинкт безопасности быстро подтолкнул их собраться с силами для ответного удара: в начале по договорам о совместном управлении с проницаемой северной анэйкуменой через Сахалин и Курилы, затем к разделу, при котором океанские Курильские острова отошли Японии, а близкий к континенту Сахалин — России. Наконец, дело дошло до военного столкновения [14](#), в результате которого прежде всего Южный Сахалин вновь оказался в восточноазиатских руках и русские

были выброшены из коренных земель Маньчжурии. Прибрежная полоса у Тихого океана и земли севернее Амура остались в руках русских; тем самым Восточная Азия была вытеснена из северной анэйкумены, которую она с тех пор без устали стремится возвратить посредством переселения и экономической экспансии. Независимо от этого идет упорная борьба за кратчайшую северную воздушную линию, новейшими симптомами чего являются оккупация острова Врангеля Канадой, разъяснения Советов о том, что им принадлежит вся область, простирающаяся к северу от них до Северного полюса.

Таково на сегодняшний день состояние еще находящегося sub judice вопроса об обеспечении линии защиты в североазиатской анэйкумене. Оно указывает, с учетом рассмотрения по меньшей мере всей предыстории вопроса, какой широкий процесс происходит в людях и народах в результате борьбы за расширение обжитого пространства Земли вокруг полюса, моря, степи, высокогорья, за раздвижение границ человечества, которая ведется одновременно с продвижением державного мышления в считавшиеся незаселенными области. Этот процесс характерен для расширения

России в североазиатском и северотихоокеанском направлениях, придавая ему героический облик, хотя и привел к провалам в океанской политике вследствие продаж и Аляски, возвращения к политике охвата северной части Тихого океана, к столкновению с Японией____, которым снова противостоят континентальные приобретения (Монголия!)._.

Такие примеры кажутся столь убедительными, что мы фактически пришли к пониманию различной для любого человека и каждой группы людей мнимой анэйкумены — одной казавшейся только им непригодной для заселения, другой —

относительной анэйкумены в
противоположность абсолютной.
Простое [с.61] упоминание об этом
показывает, как мало достигнуто во
всех представлениях о границе и
пограничных спорах жесткими,
чисто правовыми понятиями и
научными дефинициями,
выработанными общественными
науками, как очень нужны повсюду
свидетельские показания,
заключения экспертов в области
географии, чтобы не оставить без
внимания противоестественный
вздор, закрепляющий позицию,
устранение которой означает скорее
всего борьбу и войну.

Освоение русскими северного побережья Тихого океана и их вытеснение островными державами

Возьмем лишь различное отношение романских народов, германцев, славян к лесу, а среди славян — обитателя северных подзольных земель в редколесье, затем в тайге и южного, обосновавшегося в степях и саваннах

жителя черноземья — великоросса и украинца! Истинный житель леса охотно укрывается в нем, тянется туда, соответственно размещая свои поселения. Еще и сегодня мы видим это в растянувшихся в длину с зарослями деревьев селениях. Землепашец и животновод, напротив, предпочитают плоскогорья, пояс саванн, корчуют лес, используя его как “пустынный пояс”, как анэйкуменную защиту. Итальянец видит защиту прежде всего в примыкающих Альпах, фирновых полях, через которые германец, пася скот и создавая право выпаса по ту сторону перевалов, перегоняет стада через седловину горы, тогда как для

индийца снеговой покров Гималаев — граница непригодного для жилья, обитель страшных богов, а для тибетца высокогорные северные долины — место постоянного жительства.

К *относительному значению границы анэйкумены* мы подходим также в противовес разделяющей силе воды во всех ее проявлениях на земной поверхности — проливов и рек, озер и морей, которые человеческими расами воспринимаются в корне различно. Для норманнов и малайцев мореплавание — нечто естественное; они воспринимают море как связующее, а горы, даже на

маленьких островах, уступают “людям, живущим внутри”, названным малайцами ториадья__, другим расам, сами же заселяют кайму побережья. Атолл для малайцев и полинезийцев — зона высокоактивной жизни и жизнеобеспечения, и он имеет для их пропитания гораздо большее значение, чем узкий коралловый риф с тонким слоем гумуса.

Определяющим для мировоззрения этих народов является их пантеистическое чувство единства с морем и его голубыми просторами. Море связывает такие расы, увлекает прелестью противоположного побережья; для тех, кто пробивается

к морю из внутренних областей, оно становится естественной границей. Из почти 18.000 км доступного побережья, которое китайцы все еще контролировали ко времени первого открытия доступа в страну [с.63] в середине XIX в., они потеряли свыше 10.000 км береговой защитной линии и оттеснены на 7100 км современной, не чувствуя в полной мере, какая опасность заключена в этом для их жизненного пространства. Японская прибрежная империя, напротив, расширяет в то же самое время свою защитную опору на море прямо-таки невероятным развитием побережья почти до 42.000 км (не считая

мандата прежней германской островной империи Южных морей_). Какое различие в мнении о ценности одного и того же географического, границеобразующего явления!

Решение одной из крупнейших проблем будущего человечества, перспективы исхода борьбы между индо-тихоокеанской и атлантической культурами лежит в оценке, вытекающей из *анэйкуменной разделяющей силы Тихого и Индийского океанов*. Если, конечно, не будет больше недооцениваться дальнобойность артиллерии, которая определяет судьбоносное различие между атлантическими и индо-тихоокеанскими геополитическими

основами развития человеческой культуры, силы и экономики, между экспансивным, эксцентричным атлантическим типом побережья и тихоокеанским с его замкнутыми, автаркичными_____и центростремительными процессами — как это различие обосновывает Э. Зюс____— и их неизбежными антропогеографическими последствиями.

Все эти тихоокеанские культуры, как и во многом родственные им индийские — после их созревания в высокогорных проходах северо-западной границы, — выросли между защищенными океанской, полярной, пустынной и горной

анэйкуменой пограничными
барьерами, которые теперь
разрушены и вследствие этого
обуславливают любое столкновение
и компромисс или разрушение
неприступного. Так происходит в
наиболее крупном
восточноазиатском, так — в
индийском культурном ареале, так
случилось с
центральноамериканским и
южноамериканским, чьи старые
носители, однако, с давних пор не
целиком были побеждены
атлантической культурой. Напротив,
сегодня как раз наблюдаются
обратные явления: в мексиканском
аграрном законодательстве, в

растущих новых кровопролитиях после длительного подавления индейцев (Бенито Хуарес, Порфирио Диас!)_, в развитии Перу, а также Боливии от атлантических представлений о существовании к более тихоокеанским, а также в чрезмерно растущих восточноазиатских расах на Гавайях, в регенерации малайско-полинезийских черт на Филиппинах, даже в Новой Зеландии и Японии. Эти возвратные процессы показывают, что их образование внутри анэйкуменной зоны защиты дает таким культурам столь стойкую силу сопротивления, что отдельные стремления к возвратным

проявлениям внутри изначально образованных границ могут вновь и вновь выходить наружу. [с.64]

Вероятно, колебания между атлантическими и тихоокеанскими влечениями и есть будущая проблематика тесных будущих связей Соединенных Штатов, кажущихся столь беспроблемными.

В этом кроется также доказательство огромных, покровительствуемых природой сил *анэйкуменных разграничений*, и поэтому мы поставили эти разграничения с точки зрения их действенности в отношении жизненных форм на первое место даже перед гораздо менее

авторитарно их разделяющим и
отграничивающим *морем!* [с.65]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.57) *Ratzel* *F.*

Anthropogeographie. Bd II; *Idem.* Erde und Leben. Bd II.

(с.57) *Hassert C.* Nordpolargrenze der bewohnten Erde. Diss. Leipzig, 1892: северные и южнополярные владения США, Британской империи, Советского Союза, Австралии, Новой Зеландии, Канады, норвежские на Шпицбергене; *Schone E.* Politische Geographie. S. 110.

(с.57) *Berger.* Geschichte der wissenschaftlichen Geographie der Griechen. Bd II. S. 135 ff. (с.57)

(с.57) *Ratzel F.* Hohengrenzen und

Hohengurtel // Kleine Schriften. Bd II. S. 175.

(c.58) *Rowland W.R. (Kalling R.)* Erlebnisse auf Sumatra // Zeitschrift für Geopolitik. 1924. S. 785.

(c.58) *Schweitzer A.* Zwischen Wasser und Urwald и другие публикации о его самоотверженной деятельности в тропических джунглях.

(c.60) Борьба России за расширение северной анзйкумены см.: *Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans.* Berlin, 1925.

(c.61) *Siebold Ph. Fr. von.* Nippon. Wurzburg u. Leipzig. 1897. Bd II. S. 207 ff. Енига содержит описание поездки Мамка Ринзо, которая была

предпринята по приказу сёгуна в 1808 г.

(с.61) О монгольской зоне защиты см.: *Reinsch P.S.* // “The Nation”, 3.V.1922 (New York).

(с.63) “Подзол” — преобладающий вид почвы в Северной России, светлая, с большим содержанием песка, лесная, малоплодородная в зоне умеренного климата, оставшаяся от ледникового периода, в противоположность “чернозему” — плодородной, черно-коричневой степной почве (часто на лёссовой основе) приблизительно южнее линии Лемберг (Львов) — Киев — Тула — Нижний Новгород — Казань — Пермь — Урал.

(с.64) Сравнение атлантических и тихоокеанских очертаний см.: *Sue? Ed. Das Antlitz der Erde. Bd II. S. 256.*
(с.64)

Тераи — полоса заболоченных равнин у южного подножия Гималаев, на высоте до 900 м, в Индии и Непале. [с.65]

Права СССР на районы Арктики, прилегающие к его побережью, были закреплены Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15.IV.1926 г., в котором территорией СССР провозглашались все “как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова”, расположенные в Северном Ледовитом океане до

Северного полюса в пределах между меридианами 32'04'35" в.д. и 168'49'30" з.д. Исключение было установлено для восточных островов архипелага Шпицберген, лежащих между 32' и 35' в.д. [с.65]

Желтые лютики — признак закисленной, теряющей плодородие почвы. [с.65]

Северо-Западный проход — морской путь на Запад из Атлантического океана в Тихий океан вдоль северного побережья Северной Америки через Канадский арктический архипелаг, море Бофорта и Берингов пролив. В течение многих веков исследователи (в том числе Себастьян Кабот, Генри

Гудзон и др.) пытались обнаружить Северо-Западный проход, чтобы использовать его в качестве торгового маршрута. В 1853-1854 гг. был впервые пройден пешком шотландцем Робертом Мак-Клуrom (1807-1873), в 1903-1906 гг. — Руалем Амундсеном. [с.65]

Немецкая Ганза возникла в 1356 г., в пору своего расцвета подчинила себе торговлю Северо-Восточной и Центральной Европы. [с.65]

Здесь автор имеет в виду Германию в границах, установленных Версальским договором 1919 г. [с.65]

Овидий Публий Назон (43 до н.э. — 17 н.э.) — древнеримский

поэт. Был сослан императором
Августом на берега Черного моря в
Томы (совр. Констанца в Румынии).
Томы — древний город, основанный
в начале VI в. до н.э. греками из
Милета. [с.65]

Речь идет о Фердинанде Кобурге
(1861-1942) — князе, затем царе
Болгарии (1887-1918), основателе
Кобургской династии, занимавшей
болгарский престол до ликвидации
монархии в 1946 г. [с.65]

Сан-Франциско — город и
морской порт на Тихоокеанском
побережье Калифорнии,
великолепная гавань, окруженная
почти со всех сторон сушей,
соединена с океаном проливом

Золотые Ворота. До 1846 г. был владением Мексики под названием Йерба-Буэна, после захвата Соединенными Штатами переименован в Сан-Франциско. В 1906 г. город был разрушен в результате сильного землетрясения. Подобное повторилось в 1989 г. В Сан-Франциско и по сей день сохранились следы пребывания русских в бухте Сан-Франциско в виде названия одной из рек — Русская, сохранилась и русская церковь. [с.65]

Имеется в виду деятельность землепроходца В.Д. Пояркова, положившая начало освоению русскими людьми Приамурья. В

1643-1649 гг. он руководил экспедицией, которая впервые проникла в бассейн реки Амур и достигла его устья. [с.65]

Нерчинский договор 1689 г. — первый договор между Россией и Китаем; разграничил сферы влияния обоих государств в Приамурье. [с.65]

Тайпинское восстание — крестьянская война в Китае в 1851-1864 гг. Повстанцы освободили значительную территорию в долине реки Янцзы [с.65] и создали свое государство “Тайпин тяньго” с центром в Нанкине. В 1864 г. восстание было подавлено. [с.66]

Одним из крупнейших достижений XX века в

международно-правовой области является утверждение принципа нерушимости границ как одного из отвечающих требованиям мирного сосуществования. Этот принцип зафиксирован в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), ранее он нашел отражение в решениях Организации Африканского Единства. Если в первом случае мы имеем дело с признанием европейскими странами, а также США и Канадой того, что территориальные претензии служили запалом к войнам, не раз прокатывавшимся по Европейскому континенту, то во втором случае явно

просматривается реакция на политику колонизации, не считавшуюся с коренными интересами народов, ставших ее жертвами. Именно в этом кардинальном вопросе взгляды Хаусхофера вступают в противоречие с международными реалиями.

Следуя идеям своего учителя Ф. Ратцеля, Хаусхофер считает нормальным, а точнее, вполне допустимым пространственное расширение государств, не исключая при этом и возможность такого расширения за счет освоения благодаря научно-техническому прогрессу ранее считавшихся непригодными для обитания земель.

При этом Хаусхофер если не прямо, то косвенно утверждает, что главным в таком процессе является сила, насильственный захват. По его мнению, ее цена — в обретенном новом пространстве (см. размышления автора на [с. 395](#)).

В его работах часто встречается формула “разбойники моря” и “разбойники степи”. Эта формула — не просто впечатляющая фразеология: с ее помощью К. Хаусхофер пытается представить себя противником империалистической, захватнической политики, противником порабощения других народов, что, впрочем, не мешает ему

доказывать “неизменность” прав
Германии на утерянные ею в
результате поражения в первой
мировой войне колонии.
Одновременно он вносит путаницу в
сам вопрос об историческом
формировании государств, ставя знак
равенства между естественным
передвижением народов и
“колониальными” захватами.

Нельзя не согласиться с
обоснованностью его суждений по
поводу колониальных захватов,
осуществленных, по его
терминологии, “разбойниками моря”
— прежде всего Великобританией,
Францией и в меньших масштабах —
Голландией, Бельгией, Испанией,

Португалией. Опираясь на мощь своих флотов, эти государства вторгались на другие континенты, присваивали огромные территории, превращали в данников жившие там народы.

Если обратиться к теме “разбойников степи”, то здесь картина иная. Как известно, степи расположены в восточной части Европы и в Азии, прерии — в Северной Америке, пампасы — в Южной. История распорядилась так, что расселение на этих землях, формирование на них государств происходило по-разному. В Северной Америке коренное население стонялось в резервации, а

освободившиеся земли посредством системы гомстедов передавались поселенцам, что, впрочем, не мешало путем спекуляций переходу огромных земельных площадей в распоряжение монополий. В Южной Америке процесс развивался иначе, но его результат был столь же плачевным для коренного индейского населения.

Что касается евразийских степей, то трактовать их заселение и образование на их просторах Российской империи, используя те же термины, значит искажать историческую правду, подменять ее вымыслом. С научной точки зрения совершенно несостоятельно ставить

знак равенства между, скажем, британской колонизацией и тем, что происходило на российском пространстве. В действительности на просторах России шел процесс собирания земель, заселенных русскими племенами; достаточно вспомнить Ивана Калиту — одного из первых объединителей русской земли. Что же касается дальнейшего хода развития, то процесс как бы раздвоился: с одной стороны, действовала центральная власть, но с другой — развивалось чисто народное движение на Восток, а также движение других народностей к объединению с Россией. [с.66]

Имеется в виду русско-японская

война 1904-1905 гг., завершившаяся
бесславым поражением России,
приведшая к тому, что Южная
Маньчжурия и Корея превратились в
протекторат Японии.

Маньчжурия, ближайшая к
Японии часть Китая, в то время
слабо заселенная и почти не
защищенная, представляла для
Японии огромный интерес как [с.66]
плацдарм, который мог бы быть
использован ею для дальнейшей
экспансии на Азиатском материке.
[с.67]

Под судом (лат.). [с.67]

Т.е. к русско-японской войне
1904-1905 гг. [с.67]

Малайцы ториадья —

негритосы, проживающие в отличие от береговых жителей внутри островов. [с.67]

Мандатная система была введена в 1919 г. главными державами Антанты для управления захваченными ими бывшими германскими колониями и отошедшими от Османской империи территориями. Дележ германских колоний был согласован на совещании Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа 6 мая 1919 г. и на заседании Верховного совета Антанты 7 мая 1919 г. Япония получила мандат на Маршалловы, Каролинские и Марианские острова; это был мандат класса С, дававший

право не допускать проникновения
иностранного капитала в
подмандатные владения. [с.67]

Автаркия (греч. —
самоудовлетворение) — имеется в
виду хозяйственный уклад страны,
производящей и потребляющей без
остатка все продукты, т.е.
обходящейся без импорта и экспорта.
[с.67]

Порфирио Диас (1830-1915) —
президент Мексики (1877-1880;
1884-1911). [с.67]

ГЛАВА VI

О “СЕРЕБРЯНОМ ПОЯСЕ”: МОРЕ КАК ГРАНИЦА

Прежде чем мы рассмотрим отдельные границеобразующие проявления моря с его то манящим, то угрожающим блеском, пусть оно предстанет перед нами как целостность в своей и соединяющей, и разделяющей силе. Именно как странам, занимающим срединное положение, нам следует пристально

наблюдать за планетарными противоречиями, от которых в настоящий момент мы все еще далеки, за противоречиями привычного для нас окружения, не углубляясь в детали хорошо знакомых картин. Однако в отношении моря как совокупности вливающихся друг в друга океанов мы обнаруживаем, что с прогрессирующим развитием судоходства его разделяющая способность все более подавляется посреднической, связующей ролью: следовательно, море становится непригодным как граница, соблазн экспансии в его направлении увеличивается, защитная сила ослабляется. И лишь огромные

морские просторы поддерживают ее.

Еще ждет своего решения одна из самых важных, крупных геополитических задач, а именно исследование тыла (Hereinrucken) сначала небольших, затем более крупных и, наконец, самых обширных морских пространств в истории____, их подвластности имперскому мышлению, синхронного оттеснения эллинского представления об океане, превратившегося в конце концов, как мифические южные праздники_, в иллюзию в поясе “славных” западных ветров — пожалуй, еще омыв Антарктический континент как сухопутная идея. Это понятие

заменяет “мировое море” в ином значении — совокупность океанов в качестве главного носителя международного общения, арены власти.

Большому развитию физической океанографии все больше сопутствует требование о равноценной разработке политической географии морей__, океанографической культуры, чем занимаются Бекманн и Рехе_. [с.68]

Ее составной частью явилось бы закрепление океанских пограничных различий частей моря, для чего полезны границы крупных течений, атоллов, барьерных рифов, оттенки воды, примеси неорганического и

органического происхождения. Но на практике прямая попытка и здесь сопряжена со многими трудностями. Где видно, как вытесняют друг друга теплое темно-синее течение Куроисио и холодное зеленое течение Оясио_, как светло-зеленые полные жизни полосы атолла погружаются из-за опоясывающих их приливов в бездонные пучины?

Чем больше физическая океанография с ее превосходными картами_____находит подходящие, полезные для политики, культуры и экономики названия и нормы при пограничном разделении частей моря и частей океанских пространств, Срединных, Окраинных

и Внутренних морей, тем надежнее становится ее непрерывное воздействие. Мотив морского обрамления как один из ведущих в политической географии, прежде всего по отношению к Внутренним и Срединным морям, а также, например, к Индийскому океану, разработал Дике_.

Его применение предусматривает распространение пограничного инстинкта и на моря, и на части морей, подобно тому как этот инстинкт активно проявлялся в Венеции в отношении Адриатики, как его развила Англия в отношении окружающих ее пяти и семи морей, в отношении канала_(пяти портов) и

позднее Океании_, а также всегда доказывала Япония сначала в отношении Внутреннего моря, позже — Японского моря, наконец, восточноазиатского прибрежного морского коридора. Такой инстинкт отсутствует, к сожалению, у северогерманцев, несмотря на всевозможные толки о “*dominium maris baltici*”_. Так, Балтийское море было временами датскими, шведскими, немецкими прибрежными водами и в какой-то момент ясновидения все прибрежные государства присоединились к конвенции Балтийского моря____, которая открывала широкую перспективу.

Однако она осталась сугубо
преходящим инстинктивным
действием, не имевшим
плодотворного политического
влияния_.

Вопрос об ответственности
народа прибрежного государства за
свой береговой шельф играет в
данном случае большую роль. Как,
например, могли Китай и Индия
позволить, чтобы обязанность
научного и технического наблюдения
за своим составляющим свыше 7000
км прибрежным шельфом у них
отняли; напротив, как
осмотрительно поступила Норвегия
(Нансен)_____, сохранив ее!
Соответствующая этой пограничной

работе задача заключается в постоянном внимании к воздействию береговой [с.69] границы как внутреннего стража. Примерно так ее рассматривал и картографически определил Лангханс в своей работе “Die wirtschaftlichen Beziehungen der deutschen Küsten zum Meere” (“Экономические отношения германского побережья к морю”), или П. Леманн в своей работе “Die deutsche Nordseeküste als Grenzwehr” (“Германское побережье Северного моря как граница обороны) , или позже Эрих Обет в описании Фландрии в качестве звена береговой границы в своей примечательной

работе “England, Europa und die Welt” (“Англия, Европа и мир”).

Как при обсуждении целых океанов, Срединных морей, крупных морских пространств, может, естественно, детально выстраиваться и размышление о различиях между морскими проливами и перешейками на суше, о каналах, зонах каналов, закрытых морях и частях моря (“mare clausum”), прежде всего связанный в научном отношении с точкой зрения океанографии вопрос о частях территорий, территориальных водах. Это обсуждение, возникшее отчасти из практических требований с точки зрения международного права, разумеется, снимая покров,

раскрывает большую
международноправовую
ненадежность отдельных частей
водного пространства. Именно
геополитический способ
рассмотрения мог бы обеспечить в
данном случае благоприятную
ясность, а для бесправных был бы —
проницательно используемый на
трибуне человечества [т.е. в Лиге
Наций] постепенно формирующимся
мировым общественным мнением —
очень полезен в противовес старым
привилегиям морского разбоя. Не
случайно первый призыв к
“свободному морю” 8 x и иному
морскому правопорядку,
определяемому не превосходством

силы и более мощными пушками, исходил от Нидерландов, т.е. от небольшого прибрежного государства, которое в своей системе каналов, дамб, в своем Het Y и Хелдере назвало собственными закрытые части моря, а также попыталось создать такие за океаном — Зондские острова (Sundareich) (рейсы Нидерландов через Японию!).

В Японии португальцы, голландцы, а также испанцы нашли, разумеется, идеал бесспорно отграниченного Внутреннего моря — Японское внутреннее море, ту несравненную школу мореплавания и рыболовства, которая стала исходной всех дальнейших попыток морской

экспансии Японской империи. Морская экспансия и господство над морем, хотя бы над частью пространства, всегда были весьма соблазнительной целью для устремленных вдаль морских и живущих на побережье народов, не потерявшей своей привлекательности вплоть до настоящего времени. [с.70] Русских и североамериканцев эта цель прельстила морем Беринга, британцев и североамериканцев — североамериканскими полярными водами. Советы утвердили в Белом море то, что царская Россия поначалу пыталась получить в Черном море, где некогда, сменяя

друг друга, мечтали о господстве над Понтом эллины, генуэзцы, турки. Со времени распада недолговечного Афино-Делосского морского союза Эгейское море снова и снова заманивало для новых заходов в порты.

Историко— географическая концепция создания островных государств и связанных с морем государственных и экономических организмов —политически плодотворный способ рассмотрения, особенно для преобладающей части немцев и жителей Внутренней Европы как региона, удаленного от моря, которые могли бы извлечь из завершенной истории и географии

Венеции весьма полезный,
связанный с океаном контрпример
расцвета и упадка ее своеобразной
континентальной империи. На арке
портала Дворца дожей в Венеции
sulle acque — над водой высечена
надпись, выражающая
квинтэссенцию уроков свободных
границ: “Venetorum urbs divina
disponente providentia in aquis fundata,
aquarum ambitu circumspecta, aquis pro
muro munitur. — Quisquis igitur
quoquomodo detrimentum publicis aquis
inferre ausus fuerit et hostis' patriae
judicetur nee minore plectatur poena
quam si sanctos muros patriae
violasset...”

Это — геополитическое

признание морских границ в классической форме! К столь весьма спорному вопросу о протяженности территориальных вод государства, о границе, отстоящей на три мили, и о дальности стрельбы артиллерии — на редкость примитивному мерилу протяженности прибрежных вод — в действительности постоянно примешиваются случаи, которые, между прочим, показывают, сколь еще далеко на практике человечество от состояния, когда оно умело бы заменять силу правом. Так, Испания и Швеция в вопросе о территориальных водах оспарируют трехмильную зону и хотят распространить свою власть дальше,

на четыре мили. Аналогичный случай в Белом море, где, пожелав противодействовать британской браконьерской рыбной ловле и контрабанде оружия и пропаганде, Советское правительство в 1922 г. прибегло к сильным контрмерам и на угрозы британского правительства ответило посылкой крейсера. Здесь, на северном побережье Советского Союза, налицо совершенно иной интерес по сравнению с Персидским заливом, где установлен британский контроль над ввозом оружия в Афганистан и Индию, где морская держава [т.е. Англия] хочет держать континент безоружным. Строгое исполнение понятия о трех милях,

возникшего из дальности стрельбы артиллерии, открывает, например, враждебному проникновению Японские окраинные моря, Азовское море. Во многих договорах все еще признаваемая дальность стрельбы артиллерии делает Внутреннее море [с.71] и Японское море, а впредь и Канал mare clausum, ибо дальность стрельбы артиллерии ныне 128 км, и если два берега сблизятся, то тем самым будет заблокировано пространство ранее открытого моря в 256 км. Это кажется похожим на дурную шутку; однако если поразмышляем, что Соединенные Штаты из схожей широко задуманной трактовки понятия своего побережья

объявили маршрут Манила — Ванкувер — Панама — Нью-Йорк американской каботажной трассой, то дело выглядит серьезнее. Надо признать, что могущественный и сегодня, как всегда, в состоянии играть правовыми понятиями. Для земных пространств с известными нам размерами ясно вырисовываются последствия того, сколь обесцененными могут стать в таком случае границы вообще. Попробуйте проложить 256 км, например, через Баден или Австрию! При таких масштабах Баден и Тироль исчезают как пространства, обладающие собственным правом на существование. Блокируйте для

свободного сообщения на карте мира в качестве эксперимента все морские пространства с проходом менее 256 км: восточноазиатский коридор Окраинного моря, Зондское море, разрежьте Средиземное море, закройте Северное и Балтийское моря, не говоря уже о Черном море и американском Срединном море. Представьте себе картину, как могли бы пролегать трассы международного сообщения через фикции государственного права при такой широте фактического понимания границ в таких обширных размерах, ведь как они и практически будут сужены американским, австралийским, чилийским,

турецким пониманием каботажного плавания. Это — использование права морской границы до крайних пределов, как его проводили Соединенные Штаты, с неслыханной грубостью новейшее законодательство Турции, а также начинает осуществлять Чили, сознательно перенимая все у англосаксонства, чтобы парализовать иностранное судоходство и таким образом подталкивать не заслуживающий доверия мир навстречу крахам или превентивному применению силы.

Американский билль Джонса — не что иное, как фактическое обновление Навигационного акта

Кромвеля; и это только удача для живущих в тени народов, когда в ответных ударах, наносимых корыстной монополевой эксплуатации, такие процветающие торговые колонии, как Гонконг (Сянган)_____и Шанхай, вдруг почувствовали, что бойкот и предупредительные забастовки китайцев__могут проложить здесь границу, которую безнаказанно не перейдешь. Однако в данном случае за движением самозащиты китайской морской границы стоит воля к сопротивлению 442 миллионов [населения].

Итак, на стыке суши и моря, вдоль границы между ними

возникает зона борьбы, а именно побережье. Следует строго различать между заманивающими в свои сети и привлекающими побережьями и побережьями как зонами обороны. Из раннего исторического опыта человечества известно, что обрывистые побережья с выступающими рядами утесов, с обозримыми [с.72] островами, побережья, изрезанные бухтами и фиордами, шхеры как вид побережья вызывали соблазн перехода в направлении моря. Монотонный плоский берег, в особенности если на него накатывается сильный прибой, повсюду скорее становился препятствием, к которому

прилаживается устремляющаяся сюда общность и при сильном давлении населения изнутри, как в целом северокитайская и индийская. Следовательно, мы четко различаем в политико-культурном и научном смыслах границы, образованные плоским и отвесным побережьем, крутым берегом, внутри отвесного побережья между стоящими параллельно или же перпендикулярно побережью горными цепями, причем параллельные затрудняют нарушение границы в направлении моря, а перпендикулярные ему способствуют .

Изрезанное, богатое гаванями

побережье и побережье монотонное, бедное гаванями позволяют морю вести себя в корне различно в качестве границы. При этом, разумеется, мы видим, что некогда знаменитые гавани с ростом тоннажа, допустимой осадки и вместимости судов утрачивают свою ценность, что число мировых торговых гаваней, вполне достаточных для крупномасштабного перехода границ в направлении моря или в направлении суши, сокращается. Последующие разновидности создаются, естественно, своеобразием прибрежья (юго-западное африканское побережье!), а также возможностью

его преодоления с помощью технических средств (пирс).

Эффективной инфильтрации способствует своеобразие моря как границы повсюду там, где оно разделяет народные общности или культурные круги и государственные образования. Она обусловлена уже естественным очертанием побережья: рифы, шхеры, лагуны, отмели, гафы, лиманы, пояс прибрежных мангровых зарослей, песчаные отмели — все эти отдельные формы ведут себя совершенно по-разному в отношении инфильтрации, обмена жизненными формами людей на их морской границе. Нужно лишь помнить об их

совершенно различной способности сопротивляться враждебной силе, высадке десантов и обстрелам или же о санитарном разграничении, карантине. Нужно лишь зорко следить за тем, как известные виды опорных островных пунктов на обширных побережьях сильно ослабляют оборонительную силу береговой границы. Острова Цинпу и другие опорные пункты торговли, архипелаг Мяодао и острова Чусянь в Китае, Мальта, Кипр, Додеканезы угрожали, таким образом, морским границам, перед которыми они расположены.

Особые географические
локальные условия побережья

играют при этом большую роль для оценки их разделяющей силы, а именно крупные реки, постоянные ветры в направлении суши, холодная вода, поднимающаяся из глубин, биологическая среда должны приниматься во внимание. Как следует рассматривать такую задачу, образцово показывают, например, Дофлейн [с.73] в своей работе “Ostasienfahrt” (“Путешествие в Восточную Азию”), или антропогеограф Гравелиус__, или военный географ Фурсе-Септанс_.

Этот в высшей степени изменчивый характер моря как границы еще больше оттесняет сила приливов и отливов. Во Внутренних

морях эта сила имеет едва заметное влияние, однако в Восточной Азии, в отдельных частях канадского побережья она создает даже при нормальных отношениях широкий пояс амфибийной жизни, в особенности в устьях крупных рек. И граница моря — мнимая, слишком легко проведенная несведущей сухопутной “крысой” линия между твердью и водой — становится из-за этой игры побережья тоже трехмерным, растущим от линии к предполью телесным органом, где обретают пространство многочисленные хозяйственные предприятия, пространством, где, как, например, в Японской империи,

имеющей побережья протяженностью свыше 41.000 км, 7-8 млн. человек непосредственно, а еще больше опосредованно находят себе пропитание. В Южном Китае миллион людей постоянно живут на реках и в прибрежных водах.

Для переходных форм береговой границы между сухопутными и морскими формами, главным образом в связи с устьями крупных и мелких рек, можно было бы привести в качестве примера южнофранцузскую пустошь в устье реки Кро ко времени ее превращения в твердый плодородный грунт, покрытый илом от паводка горной реки Дюранс: явное переходное

образование! К такому переходному образованию относится и индийский штат Кач — барьер, “прибрежная страна” площадью 16.834 кв. км с населением в полмиллиона человек. Еще сто лет назад она была сушей, затем в 1827 г. вновь стала островом, когда в результате землетрясения, разрушившего дамбы на реке Инд, заполнился ранее высохший морской залив, образовав солончак величиной в 60.000 кв. км. Здесь 17.000 кв. км некультивируемой в полной мере земли ведут себя безропотно зависимыми по отношению к 60.000 кв. км переходного между сушей и морем амфибийного пограничного организма.

Показательным является, наконец, пример Фейри Флетс — песчаных отмелей в устье Янцзы ниже устья Хуанпу, на которой стоит Шанхай; причем речь идет о дальнейшем существовании мировой гавани — Большого Шанхая. Кто в состоянии определять и поддерживать регулирование фарватера шириной в 200 м и глубиной по меньшей мере 12 м, проходящего через два мощных отложения ила и песка? Ведь расходы составили бы 10 млн. таэлей, или около 60 млн. германских марок. Был бы возможен государственный заем с выплатой 3% за счет морской таможенной

пошлины и 3% портовой пошлины на стоимость доставленных и выгруженных товаров, которые будут взиматься в Шанхае. [с.74] На долю Англии приходится 37% объема перевозок, Японии — 25, Китая — лишь 22, Америки — 11, всех остальных — 5%! при морском тоннаже 12 млн. *т*, при стоимости товаров 940 млн. таэлей. Стало быть, Китай принимает участие, но бразды правления — в чужих руках. Вернее всего, это своеобразный отрезок водной границы, присмотр за которым лучшим образом обеспечивают сегодня шведские инженеры, а младокитайцы, хотя и ценят Шанхай как источник больших

доходов, но ненавидят его как фильтр для проникновения чужеземцев.

На этот пример постоянно меняющегося устья Янцзы (который побуждает вспомнить о близком соседе — Хуанхэ, о прорывах и изменениях ее русла на пути к береговой границе) мы обращаем внимание в связи с изменениями границы по отношению к морю вследствие перемещения побережья, о чем считает нужным упомянуть Вагнер_и что мы наблюдаем в различных местах Земли — на Аляске, в Норвегии, Японии, Поццуоли_, устьях Инда и Ганга, с уничтожающими последствиями для важных портовых городов, а также

для Формозы (Тайваня). В отдельных случаях это — перемещения на сушу известных и соперничающих портовых городов во всемирной истории (Равенна?)_, в других — временное погружение в воду из-за землетрясения на море и суше таких значительных городов, как Иокогама и Токио, Сан-Франциско и Икике или Вальпараисо_, и исчезновение многих других в воде и пламени. Следует различать существующие на протяжении столетий постепенные и катастрофические (подобные удару) изменения границы. Скверное место, свидетельствующее об их силе, — округа столь благословенной бухты Токио, там, где начинается расселина

Фудзи_с мощным провалом (Fossa magna)_____в напряженном и испытывающем колебания, дугообразном теле земли Японской империи. Уже однажды здесь, на границе между сушей и морем, в климатически очень благоприятных условиях главный город Камакура оказался в опасном пограничном положении между отвесным побережьем и морем, и Йокогама — Токио были близки разделить такую же судьбу.

Весьма скромно то, что предпринимает человек, чтобы посредством береговых сооружений между сушей и морем преодолеть столь насильственные изменения

границ природой. Все же это нельзя недооценивать; по мнению Ратцеля [xvii](#), значительный объем культурного изменения на побережье, ценность пограничных сооружений сделаны трудом человека. Надо больше обращать внимание на то, что однажды преподнесла нам война в качестве урока, а именно намытая коса Ньюпорта [xviii](#) и бои у Изера, славу за которые недавно оспаривали друг у друга [с.75] король Бельгии и маршал Фош [25](#), служат предостережением: более внимательно учитывать как стратегические, так и тактические возможности быстрой передвижки

границ на побережье между сухопутным и водным полем боя, чем мы делали это перед опытом во Фландрии [26](#), хотя этому уже предшествовали в качестве уроков в истории побережья Гёзы [27](#), оборона Нидерландов и сражение при Хеммингштедте.

Строительство и разрушение Гельгоlanda [28](#), переоценка Альса [29](#) как опорного пункта защиты границы и угрозы ей, Хеллы как немецких и польских входных ворот на границе Балтийского моря, а также столь могущественное средство обороны, как болезнь гафов [30](#), побуждают нас к дальнейшим, более пристальным наблюдениям.

Эта область наблюдения тем важнее, чем во все возрастающем масштабе будут действовать такие изменения на побережье в результате использования приливов и отливов, создания соляных полей на прибрежных нуждающихся в соли землях (Южная Франция, Япония, Ляодунский полуостров) [xix](#), увеличения расходов на строительство гаваней, дорог на побережье, возрастающей перевалки товаров с суши на море. Итак, мы сможем в ближайшем будущем с научной точки зрения исследовать различие между природным и измененным культурой побережьем и на море, аналогично тому, как это

происходит, например, в отношении Цюрихского озера с его уже преимущественно измененными культурой берегами.

При этом необходимо также разъяснять, что в сравнении с Внутренней Европой с ее скромно развитым побережьем (в целом Центральные державы в охраняемой прибрежной пограничной области контролируют немногим более 3000 км береговой линии!) ясно выраженные морские жизненные формы совсем по-иному проявляют бдительность на своей морской границе. Это касается не только Англии или Японии, для которых это — абсолютно жизненные вопросы,

но и Нидерландов, которые хотя и могли бы прожить без своей заокеанской островной империи, но только в политической безвестности — в тесноте и нужде.

В отношении нидерландских колоний в Юго-Восточной Азии некоторые превосходные отправные точки для понимания того, какую преобладающую роль играют береговая граница, отношение к морю для их связи и сохранения, дают “Mit-teilungen fur die Au?enbesitzungen des Encyclopaedischen Buros”. Таким образом, превосходные, просто, но целесообразно выполненные обзорные карты правовой лексики

внешних владений xx или приложения об обстреле побережья являются весьма поучительными для исследований границ прибрежных вод. [с.76]

В высшей степени ценные уточнения тех мест, где подстерегают антропогеографические напряженности, где следует предотвратить разрывы или где верят в надежное право собственности, дает и дислокация войск. И чрезвычайная, при скромных средствах почти невыносимая ответственность из-за бездорожья и восприятия столь широко развитой береговой границы, лежащая бременем на более мелких

жизненных формах, вытекает из таких карт и показывает, как легко могут возникнуть конфликтные случаи, если их желают, из одних явно не достаточных возможностей управления в таких областях морских границ. Итак, морская граница означает и благо и опасность. Она предполагает для своего поддержания неусыпный пограничный инстинкт, присущий наблюдателям за морем с очень хорошим слухом, каковым почти всегда образцово владели крупные островные государства, определяемые океаном жизненные формы Земли: Афины и Венеция, Британия и Нидерланды, Япония, а

также Соединенные Штаты с
момента их поворота к
тихоокеанской морской мощи. [с.77]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.68) Такая попытка
предпринята Джеймсом Фэйргривом
(см.: *Fairgrieve J. Geographie und
Wfelmacht. Berlin, 1925*), а также
Джеймсом Джонстоном (см.:
*Johnstone J. A study of the Oceans.
London, 1926*); адмирал сэр
Реджинальд Кастанс (*Custance R. A
study of war. London — Bombay —
Sidney, 1924*), исходя из морской
стратегии, развивал в стиле
Клаузевица военно-географические
методы; Мэхен попытался решать эти
же вопросы для американского
Срединного моря, Лаутензах — для

трех Срединных морей, а я в своей
“Geopolitik des Pazifischen Ozeans” —
для самого крупного моря на Земле.

(c.68) См.: *Haushofer K.*
Geopolitik des Pazifischen Ozeans;
Philippson A. Mittelmeerländern;
Richthofen. Meer und Kunde vom Meer;
Ratzel F. Meer als Quelle der
Volkergröße u. a.

(c.68) *Boeckmann K. von.* Vom
Kulturreich des Meeres. Berlin, 1924;
Reche W. Tangaloa. München, 1926.

(c.69) См.: *Doflein F.*
Ostasienfahrt. Leipzig — Berlin, 1906.

(c.69) См.: “Zeitschrift der
Gesellschaft für Erdkunde”. Berlin,
1913. S. 388, 395. (c.69)

(c.69) *Dix A.* Politische

Geographie; Weltpolitisches Handbuch.
2. Aufl. Berlin — München, 1923.

(с.69) Конвенцию о Восточном
(Балтийском) море между
сопредельными державами см.: *Merz*
A. Die Ostsee als Kriegsschauplatz.
Leipzig — Wien, 1917; *Wegemann G.*
Die Ostsee als germanisches Meer
//“Petersmanns Mitteilungen”. 1915.

(с.69)

(с.70) *Langhans P.* Die
wirtschaftlichen Beziehungen der
deutschen Küsten zum
Meere//“Petersmanns Mitteilungen”.
1900; *Lehman P.* Die deutsche
Nordseeküste als
Grenzwehr//“Petersmanns Mitteilungen”.
1915.

(c.70) *Obst E.* England, Europa und die Welt. Berlin, 1927 (русск. перевод: *Эрх Обет.* Англия, Европа и мир. М.; Л., 1931).

(c.70) *Hugo Grotius de Groot.* De jure belli et pacis. Paris, 1625.

(c.71) *Maull O.* Griechisches Mittelmeergebiet. Breslau, 1922.

(c.73) *Philippson A.* Die Typen der Küstenformen. Berlin, 1893.

(c.73) “Zum Freiheitskampf in Siidostasien”. München — Leipzig, 1923.

(c.74) *Gravelius.* Zur Antrophogeographie des Wassers. Dresden, 1905.

(c.74) *Furse-Septans.* Expéditions militaires d'outre-mer. Paris, 1897.

(c.75) *Wagner H.* Lehrbuch der Geographie. 9, Auflage. Bd I. S. 319.

(c.75) *Ratzel F.* Erde.und Leben. Bd II. S. 292.

xviii (c.75) *Keller H.* Die Überschwemmungen in Flandern // Petermanns Mitteilungen, 1915. S. 171.

xix (c.76) На Ляодунском полуострове с его сильно изрезанным побережьем, включающим примерно 40 более мелких островов, жило около 3 / 4 миллиона в большинстве своем китайцев за счет амфибийных предприятий по добыче соли, прибрежного рыболовства и случайной портовой работы.

xx (c.76) Издатель:

“Encyclopaedisches Buro”, 1904-1914.

Вероятно, автор имеет в виду роскошные празднества “Обручение с морем”, которые ежегодно устраивались в Венеции в день Вознесения Господня. В этот день дож Республики отправлялся в открытое море на роскошном корабле и бросал в волны кольцо в знак соединения с морем. [с.77]

Курисио (Японское течение) — теплое течение Тихого океана у южных и восточных берегов Японии. Оясио (Курильское течение) — холодное течение на северо-западе Тихого океана, идущее на севере и юге вдоль восточных берегов Курильских островов и острова

Хоккайдо. [с.77]

Имеется в виду Ла-Манш
(Английский канал). [с.77]

Океания (Oceania) —
центральные и южные части Тихого
океана и прилегающие к нему моря с
особенно большим скоплением
островов (более 10 тыс.). Она
включает острова Австралии, Новой
Зеландии, Полинезии, Микронезии,
Меланезии, Папуа. [с.77]

“Владении Балтийским морем”
(лат.). [с.77]

Балтийское море принадлежит к
числу замкнутых или полузамкнутых
морей (подобно Черному и
Японскому морям, Персидскому
заливу), т.е. это морское

пространство, окруженное
территорией нескольких государств.
В данном случае здесь действуют
нормы международного права, в
соответствии с которыми
прибрежные страны вправе
устанавливать границу
территориальных вод
экономических зон. На водное
пространство, расположенное за
пределами территориальных вод
прибрежных государств,
распространяется соответствующий
режим открытого моря. Балтийские
проливы (Большой и Малый Бельт,
Зунд) являются единственным
водным путем из замкнутого
Балтийского моря в Северное. Режим

балтийских проливов складывался постепенно. Был закреплен в конвенциях, заключенных по инициативе России в 1780 г. в связи с объявлением вооруженного нейтралитета и предусматривавших, в частности, право участников этих конвенций устанавливать режим Зунда и обоих Бельтов, включая закрытие доступа в Балтийское море для военных кораблей небалтийских государств. Соглашение 1800 г. между Россией, Данией и Швецией вновь подтвердило особый характер режима балтийских проливов.

Копенгагенский трактат 1857 г. об отмене пошлин, взимаемых доселе с купеческих судов и грузов

при проходе через проливы (Зунда и
обоих Бельтов), провозгласил свободу
торгового судоходства на Балтике.
Этот трактат является действующим
международным соглашением в
отношении Балтийских проливов.
[с.77] Проход военных кораблей, а
также пролет самолетов через
Балтийские проливы являются
свободными и, будучи составной
частью режима Балтийских
проливов, осуществлялись на основе
международного обычая. С 1992 г.
существует Совет государств
Балтийского региона (Дания,
Германия, Латвия, Литва, Норвегия,
Польша, Россия, Финляндия,
Швеция, Эстония). [с.78]

Нансен Фритъоф (1861-1930) — норвежский полярный исследователь и общественный деятель. С апреля 1920 г. — верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, с августа 1921 г. — руководитель акции Красного Креста по оказанию помощи голодающим в Советской России. В 1922 г. Нансену была присуждена Нобелевская премия. [с.78]

Имеется в виду Гуго Гроций (1583-1645) — один из основателей теории естественного права и науки международного права. Его взгляды изложены в трудах “Свободное море” (1609) и “О праве войны и мира” (1625). [с.78]

Хелдер — главная военно-морская база Нидерландов в Северном море. [с.78]

Зондские о-ва (название происходит от зунда или сунда — названия племен на Яве) — группа островов, основная часть Малайского архипелага (Индонезия), естественный барьер между Индийским и Тихим океанами. [с.78]

Португальцы появились в Японии в 1542 г., а испанцы — в 1584 г. В 1639 г. страна была закрыта для внешних сношений, испанцы и португальцы изгнаны и только голландцам разрешалось иметь свои фактории в Нагасаки. [с.78]

Афино-Делосский союз

(симмахия) — образовался во время греко-персидских войн (V в. до н.э.) для борьбы с персами. Входившие в него союзники платили особый взнос (форос) в общественную казну на Делосе. Гегемоном союза были Афины, и с течением времени союз превратился в афинскую державу (архэ). [с.78]

“Город Венеция, подчиняясь божественному провидению, возник на воде, водой был обмыт и опоясан, пользуясь водой как своим укреплением. Кто осмелится когда-либо нанести ущерб общинной воде, тот будет подвержен опале как враг Отчизны и должен понести суровое наказание, как если бы он оскорбил

священные стены Родины” (лат.). [с.78]

“Закрытое море” (лат.). [с.78]

См. [примеч. 10. С. 78.](#) [с.78]

Билль Джонса — закон о переходе к США контроля над Филиппинами, принятый в 1916 г. “Навигационный акт” Кромвеля, принятый в августе 1651 г., по сути дела против Голландии, предусматривал, что в Англию можно ввозить иностранные товары только на английских кораблях и только из мест происхождения этих товаров. [с.78]

Гонконг (Сянган) — бывшая британская зависимая территория на юго-восточном побережье Китая,

примыкающая к китайской провинции Гуандун. 1 июля 1997 г. вступило в силу Соглашение между британским и китайским правительствами, по которому Китай вновь обрел суверенитет над Гонконгом. [с.78]

Имеется в виду Сянганская антиимпериалистическая стачка моряков (12 января — 8 марта 1922 г.), а также сянган-гуанчжоуская забастовка (19 июня 1925 — 10 октября 1926) в знак протеста против расстрела демонстрации, учиненного иностранной полицией 30 мая 1925 г. в Шанхае. [с.78]

Пощуоли — порт в Тирренском море на западе Италии, близ

Неаполя. [с.78]

Равенна — город вблизи Адриатического побережья на северо-востоке Центральной Италии. Был важным центром во времена Римской империи, в V в. н.э. стал столицей Остготского королевства в Италии, а позднее служил столицей Византийской империи в Италии. В XIII в. город стал независимой республикой, в 1509-1859 г. — владение папы Римского. Когда-то город располагался на берегу и был окружен лагуной, ныне находится в глубине суши из-за аккумуляции наносов реки По. [с.78]

Икике — порт в Чили, Вальпараисо — главный порт Чили,

один из важнейших портов на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Основан испанцами в 1536 г. Подвержен землетрясениям, последнее в 1906 г. [с.78]

Фудзи — самая высокая гора Японии (3776 м), действующий вулкан на острове Хонсю в 88 км к западу от Токио. Имеет красивую конусовидную форму, а ее вершина до 10 месяцев в году покрыта снегами. Последнее по времени извержение Фудзи произошло в 1707 г. [с.78]

“Великая впадина” (лат.). [с.78]

Камакура — город-курорт на побережье острова Хонсю, к югу от Токио. Современная Камакура стоит

на месте древнего города, столицы Японии в 1192-1333 гг. [с.79]

Фош Фердинанд (1851-1929) — французский военный деятель, маршал Франции, Великобритании и Польши. Во время первой мировой войны командовал армией, затем группой армий, а с апреля 1918 г. до конца войны — вооруженными силами Антанты. Автор ряда работ по стратегии и тактике войны. Один из инициаторов планов военной интервенции в Советскую Россию в 1919 г. [с.79]

Фландрия — историческая область в Западной Европе. На протяжении веков являлась ареной многих сражений. Вероятно, здесь

имеются в виду сражения во Фландрии во время первой мировой войны (1914 и 1918 гг.), не увенчавшиеся успехом для Германии. Здесь, на реке Ипр, немцами впервые было применено химическое оружие.
[с.79]

Гезы (“нищие”) — во время Нидерландской революции XVI в. вначале прозвище нидерландских дворян, вставших в 1565 г. в оппозицию испанскому господству, затем — боевое имя народных повстанцев — партизан, ведущих на суше и на море борьбу с испанцами.
[с.79]

Гельголанд — о-в в Северном море, у берегов Германии. С 1717 г.

он принадлежал Дании, в 1807 г. был захвачен британским флотом и позже официально передан Великобритании. В 1890 г. отошел к Германии в обмен на о-в Занзибар и Пембу (Африка). Важнейшая военно-морская база Германии в обеих мировых войнах. В 1947 г. его военно-морские сооружения и объекты были уничтожены мощнейшим неатомным взрывом, в 1952 г. возвращен ФРГ. [с.79]

Альс — остров на Балтике, у восточного побережья Ютландии (Дания), от которой его отделяет пролив Альс (Альсенсунд). В 1864-1920 гг. принадлежал Германии.

Гаффы — береговые лагуны

главным образом в устьях рек южного побережья Балтийского моря, отделенные от моря узкими песчаными косами. [с.79]

ГЛАВА VII

О ПСИХОЛОГИИ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ТИПАХ

“Очень много говорят о хороших и плохих, о естественных границах, почти не утруждая себя размышлениями”. Таков мрачный вывод одного из самых видных политиков и антропогеографов, сделанный в этой сотрясаемой

стонами атмосфере.

После рассмотрения крупных единств: необитаемого (анэйкумены), как признанного разграничителя жизни на Земле, моря в качестве постижимой стихии в ее превращении из разделителя пространств в дружественно связующую человечество, — мы должны разложить на составные части многообразие проявления *проблемы государственных границ* и ее детальных картин, создающих естественные и заимствованные у природы рубежи разделения народов.

При этом о “хороших” границах можно говорить, пожалуй, лишь там, где таковые многих областей жизни

худо-бедно расположены под
прикрытием благодаря морю или —
теоретически — всех, которые
благодаря анэйкумене совпадают
пространственно с незаселенностью,
непригодностью для жилья. Там,
стало быть, возникают прочные,
защищенные границы, которые
сохраняются тысячелетиями или по
крайней мере, вновь возрождаясь,
всегда доказывают свою
разделительную способность. Это
касается и страдания нашей нации,
чье жизненное пространство в
меньшей степени, чем почти у всех
других великих народов Земли, было
защищено такими границами, что
чем больше отсекались

географические переходные зоны, чем больше отдельные естественно разделяющие линии включались в силовой, культурный и хозяйственный организм внутриевропейского перехода, тем дальше отдалялось оно от основ своего расового образования. Увы, это имело значение, ибо, с одной стороны, это пространство втиснулось в романский культурный круг, омоловив его, но и разрушив, а с другой — оно ворвалось в мир Востока — принося, правда, культуру и зрелость, но, естественно, и неудобство из-за притязаний на порядок — или же одновременно и желанное, и внушающее страх

вступило в чересполосно
расположенные заокеанские
владения: в общем и целом одно из
наиболее проблематичных, не
знающих границ фаустовских
мироощущений среди других стран
Запада! Это было трагедией
немецкого народа, который вышел на
сцену как более молодой среди
зрелых или как более зрелый среди
молодых, обеими сторонами
принимаемый, обе растревожив и
оплодотворив, но нигде не понятый
справедливо, подобно индийцам и
эллинам. Этим он мешал в
достижении твердой и ясной формы
народами больше, чем другие.
Отсюда проистекает также его

внутренняя [с.80] трудность прийти к соглашению о надежных границах. Множество речей о хороших и плохих, благоприятных и неблагоприятных границах создают у него в конечном счете скорее путаницу, чем ясность, там, где это происходит не по причине весьма надежной формы опыта, а из-за столь широко распространенного отрицательного отношения к проявлениям границ на Земле. Именно у жителя Внутренней Европы переживание, связанное с границей, предшествовало рассуждениям о границе и теории границы.

Исходя из научной точки зрения,

следовало бы в сущности говорить лишь о согласованных, компромиссных, несостоятельных границах, затем почти для всех жизненных форм — о сообразующихся с природой рубежах или о спорных, разорванных границах, затем о почти всегда таящих напряженности, вызывающих соблазн, противоестественных состояниях. К совершенно отчетливому осознанию, о какой стороне — темной или светлой — в отдельных случаях идет речь или какая берет верх, ведет затем разработка определяющих неорганических и биогеографических потребностей

соответствующего участка границы,
соответствующего рубежа и
добросовестное изучение
исторических и биологических
“обозначений”. Тот, кто помогает
создавать и проводить
противоречащие природе границы,
тому должно быть ясно, что он тем
самым развязывает шедшую на
протяжении тысячелетий борьбу,
какая неоднократно навязывалась
узколобой, корыстной перекройкой
семейных владений (вроде
Каролингов, Сальеров,
Гогенштауфенов, Габсбургов_) за счет
границ крупных народов или
французским домогательством
отодвинуть подобно некоей Фата-

моргане “естественную границу” (“frontiere naturelle”) в восточном направлении, противопоставленную понятиям “нейтральная” (“neutre”) и “расчлененная” (“demembree”).

Когда мы спрашиваем нашего западного соседа, где граница “естественная” (“naturelle”), т.е., по его понятию, стабильная, а где она “нейтральная” (“neutre”), т.е. ничейная, ради одолжения или жалости, повсюду находится в естественном равновесии, охраняя природные условия и силы по ту и по эту сторону, и где она “расчленена” (“demembree”), т.е. может, по его понятию, изменяться, то, без сомнения, не играла роли так часто

представляемая им “теория гребней” (“theorie de cretes”), водоразделов — (в таком случае он не должен был бы переступать гребни Вогезского леса, водораздел между Роной и Рейном), — но наряду с инерционным и тщеславным моментом истории поддается искушению, которое зачастую мы находим обоснованным в отношении границы и ее земельной подосновы. Каменный уголь, калий, железная руда совершенно особого вида — лотарингская железная руда и возможности ее использования, нефть вызывали соблазн, как в других местах — золото (калифорнийское,

восточносибирские залежи с
последующими перемещениями
границ, маньчжурские
месторождения полезных
ископаемых и изменение границы
между Внутренней Могаолией и
Маньчжурией!), нефть (Мексика,
Месопотамия_, Персия_), а также
никель (Тихий [с.81] океан), цинк
(Малайский полуостров и
выдвинутые по отношению к Сиаму
британские Малайские провинции).
Мы обозначаем на картах границы
месторождений благородных
металлов, каменного угля, калия,
железа, меди, цинка и нефтеносные
пласты и при этом впадаем в
искушение перенести границы на

досягаемую поверхность! Мы говорим об экономических районах и областях производства питания районов горных промыслов и, естественно, должны также уметь их отграничивать. Однако зачастую это нелегко сделать. Так, при попытках посредством особого отграничения выделить особенно богатые полезными ископаемыми промышленные и горные области как гетерогенные организмы из их естественных жизненных форм это удавалось! Как немногие отдавали себе отчет в том, что такое естественные и противоестественные границы Саара, Рурской области, как

немногие знали, что Рурская область, — отграниченная по тем же принципам, как и Саарская область, — должна была бы быть в пять раз больше, чем Саар, что в сущности рассмотрение сети коммуникаций и стремительного изменения длины (ширины) квадрата ее координатной сетки, плотности ее линий было надежнейшим средством для сопоставления этих разграничений по Саару, Руру и Рейну, Верхней Висле в Верхней Силезии, где разрушен ныне бессмысленными разрывами разумный, четко действовавший механизм экономики. Подобно географии полезных ископаемых

можно говорить также о географии строительных материалов, о некоей “ограниченной территории” кафедрального собора, на основании чего позволительно сделать выводы о тончайших элементах народной и расовой основ, участвующих в проведении границы, о разграничении или взаимодействии больших и малых пространственных образований, о проницательных и близоруких людях . Народные подосновы часто обнаруживают при этом сопоставимые проявления воздействия природных богатств.

Подобное относится и к исследованиям о связях границы и *вида почвы*, об их влиянии на

растительный покров среды обитания коренных оседлых жителей и условия существования человека и животных, странствующих по свету. Эти связи не всегда столь ясны, как в уже упоминавшихся случаях отношения темных, тяжелых, доброкачественных индийских черноземов, на которых поселились позже более сильные арийские поселенцы, продвинувшиеся также в Декан, и более бедных красных латеритных земель, зачастую еще покрытых лесом, которые достались более ранним, более древним племенам, дравидийским и додравидийским расам, бхилам и гондам. Необычно богато и

многоступенчато внешнее проявление этих связей, которое обнаруживает все ступени границы владений — от запечатленного в Священном Писании изречения: “Дуновение ветра течет над очагами, и ты их больше не узнаешь...”, от мест, где только зоркий глаз [с.82] арабского шейха, пасущего стада монгола еще высматривает границы владений в кажущейся вольной степи, вплоть до межи, туго натянутой колючей ограды, пограничной стены, простоявшей тысячелетия, искусно отколотой вертикальной скалы, отмечающей ревниво оберегаемую зону охоты на крупного зверя.

Степные выпасы, границы рыболовной зоны в открытом море с их опознавательными знаками — развевающимися белыми лентами на раскачиваемых ветрами жердях, с буйками и отметками на земле для дальнорских степных и морских бродяг (номадов) и межа осмотрительного хлебопашца являются здесь, пожалуй, хорошим прототипом и символом разграничения для дальнорских и привыкших к большим пространствам, бродящих по суше, бороздящих моря людей и для людей, привязанных к почве, привыкших к скученности, но совершенно по-иному приросших к земле.

Однако с географической точки зрения особенно поддаются анализу связи, которые господствуют между границей и атмосферой и ее проявлениями. Как широко можно было бы проследить их в антропогеографии — что, увы, имело место лишь в отдельных случаях, — это доказывают, например, работы В. Кребса о политическом значении климатологии_____. В них подтверждаются связи между средней периодичностью около 5,5 года в колебании муссонов, периодичности ливней и засухи в Восточной Азии и голодом, эндемическими и становящимися из-за изменения уровня грунтовых вод

пандемическими заболеваниями населения и политическими беспорядками. И все эти воздействия следовало бы как-то отграничить и обозначить фактически на карте. Заблуждения в отношении границ, например, проникновения муссонных осадков в более северные области, если речь идет о театре военных действий, могут стать столь роковыми, как ошибочное мнение русских в 1904 г. о невозможности операций в Маньчжурии в сезон дождей, и от этого заблуждения их мучительно исцелил военный успех японцев в это время_. Из Альп и Гималаев нам приходят многократные наблюдения за

границами распределения света и образования облаков, правильных разграничений определенной окраски облаков и формы облачности, изложенные Геймом в высоконаучном и художественном исследовании “Luftfarben” . Однако самые определенные и грандиозные проявления дает нам ветер, регулярно дующий с точностью часового механизма зимой с гор, а летом — в горы, и связанное с распределением осадков появление муссонов и их границ.

Как отчетливо отражается и в атмосфере разграничение гетерогенных жизненных пространств в тонких завесах

перистых [с.83] облаков,
пролетающих как отпрыск муссона
над плоскогорьями Тибета в
противовес своенравным, богатым
осадками облакам, которые встают
на дыбы над южной стеной могучей
высокогорной стремнины в
Черрапунджи или над Тераем или
концентрированной массой
обрушиваются на долину Ганга и
Пенджаб____, в конце концов
перекатываясь через Гат или
высокогорные границы
меридиональных русел рек в
Индокитай. Это климатическое
явление дало имя южнокитайской
земле Юньнань: облачный Юг!
Никто не поддался бы искушению

назвать так Гуанси или Шэньси. Подобные проявления границы, но меньшего масштаба, показывает перспектива на Север и Юг от Ароза — Вайсхорн, в климатическом рубеже самой высокой вершины Альп.

Там, где одновременно возникает особенно очевидная, отчетливо видимая граница благодаря совпадению многих рубежей естественных зон вблизи нее, — даже в изменениях цвета почвы (чернозем по сравнению с красным латеритом!) в почвенной подоснове, вывернутой наружу (каменноугольные отвалы, отсеvy рудного тела), в очертаниях земли

(выезд на равнину, переход возвышенностей моренных насыпей в монотонный хребет третейского периода или в покрытые щебнем равнины), или там, где вдобавок совпадают климатические границы, рубежи распространения растений и животных с такими переходами, — там, вероятно, еще способные к пересечению границы переселенцы часто убеждаются в целесообразности остановок в истории, и притом не какой-то Цезарь, Александр [Македонский], Аларих или Карл [Великий], а на длительный срок господствующая заурядная масса тех, кто шел по их следам.

“In omni autem proelio oculi pnni vincuntur...” — сказал Цезарь. Это же можно сказать о неожиданном исчезновении в культурном ландшафте или об отставании привычных людям спутников — растений и животных, как и об изменениях хорошо знакомой конфигурации страны. Римлянин был бы озадачен, если бы вдруг он не увидел виноградной лозы и благородного каштана, вспаханного поля и всего того, что знал по сельским поэмам (георгикам) как симбиоз сопутствовавших ему растений, а сам оказался бы среди тенистых хвойных лесов, высокогорных пастбищ, дубовых рош

или топей. И почти 2000 лет спустя, в 1805 г., во время марша поздней осенью по швабско-баварскому высокогорному плато полководцы Наполеона писали домой жалостливые письма об его необжитости, и по этим письмам сегодня вряд ли можно узнать излюбленные дачные места северян. Лавр и прочие вечнозеленые вытеснены падубом, пихтой, тисом — жалкими эрзацами для средиземноморского, романского человека.

Малайско— полинезийский склад японца отпугивает его от миграции в северном направлении, где привычные ему растения-

спутники -рис, чайный куст, бамбук — уже не растут, хотя все эти при вида переселились именно из южнокитайско-малайского культурного региона позже в японский, скорее северный растительный мир основного острова. Еще сегодня бросаются в [с.84] глаза такие сопутствующие явления, как общность границ понтийских, чешских поселенцев с известными, не терпящими засухи растениями, венгров — со степными эриками, романских народов — с благородным каштаном, японцев — с рисом, бамбуком, чаем, южных китайцев — с рисом, северных китайцев — с просом, культуры

Кишуа_ — с кукурузой, картофелем, какао, которая поразила уже воинов Писарро_. Эти факты в свою очередь были связаны с определенными осадками и их границами.

Так сказывается при рассмотрении границы в этой явно аподиктической_ форме слишком далеко идущее высказывание Ханна: “Любое сельское поле ценно постольку, поскольку оно богато осадками”. Фактически отношение к потребности в воде, к раннему воспитанию, связанному с расточительством или бережливостью воды, в большой мере обосновывает установку людей по отношению к границе, в

особенности к разграничению через наиболее частые естественные, а потому наиболее понятные границы: по водотоку (Wasserlauf).

Их создает обильно текущая или бережно сохраняемая драгоценная влага. Древняя человеческая память продолжает оказывать действие в частых, упорных и затяжных схватках за воду и за доступ к ней как “древнейшему достоянию человечества”_. В ее установке к этому [достоянию] прежде всего различаются привыкший к бережливости поселенец и расточительный. В столь различной установке к границе по водотоку коренится одно из самых тяжелых по

своим последствиям романо-германских противоречий, пожалуй, наиболее глубокое в древнем расовом наследстве, между средиземноморским, североатлантическим человеком, как и альпийцем вообще, и пришедшим с Востока степняком. Выходец с “Ближнего Востока”, средиземноморец — грек и римлянин и все произошедшие из их корня рано познают во времена засухи в бедных осадками странах хитроумное установление границы подхода к воде, даже периодические соглашения. Для них крупная река, просто река как граница — близкие понятия.

Германец, как вообще житель областей, богатых осадками, внутренне противится разделению области реки или крупной реки; река, крупная река, ее бассейн — для него единое целое; против водоразделов он охотно создает широкий защитный пояс, который предназначен лишь для обслуживания пастбища, лесосеки с зонами охоты, общие выпасы, общинную собственность — а не как романец — хитроумную теорию границ по водоразделам. Он охотно образует свои провинции, как, впрочем, и японец, и живущий в горах индеец, из единообразных, замкнутых в себе речных областей с

целым, выступающим хинтерландом

В трех главных формах идет нам навстречу (противится) в природе *водораздел* в своем устанавливающем границу влияния: в высотной форме, в горном гребне, подковообразной окраине плато, в заросшем лесом хребте, в топи и болотах, где [с.85] часто удивительным образом сталкиваются слухи о непроходимости и факты действительной непроходимости, где фантазия и разум реагируют на них весьма различно, а техника действует без всяких исключений неумолимо в сторону перемен. Горные железные дороги, туннели создают новые

проходы, гидротехнические
сооружения меняют само
направление русла воды,
прокладывают даже водоразделы, и
один ставший особо известным спор
(Чили — Аргентина о границе
водораздела, улаженный благодаря
британскому решению, т.е. сэру
Томасу Холдичу)___показал, что
водоразделы проходят вовсе не по
вершинам гор, где их обозначили при
заключении соглашений о границе, а
разрывают Кордильеры широкими
седловинами. То же самое
показывает нам практика прокладки
границы по водоразделу как почти
невозможной в больших лесных
заболоченных областях, даже где

такие явления, как разветвление крупной реки на протоки, не противоречат им.

Если речь идет о разновидностях неслыханного многообразия сухопутных границ на основе упорядочения и типизации, что мы заранее хотим попытаться сделать, прежде чем подойдем к некоторым наиболее важным из них, то обнаруживается и в деталях в качестве плодотворной отправной точки грандиозного порядка и проникновения в биологическую сущность сухопутных границ при самых различных условиях существования борющийся дуализм: *враждебность сношениям* — в

высшей степени глубоко в своеобразии именно сухопутной границы — и *необходимость сношений*. Удивительной проверкой этого была для тех, кто ее знал, просека на германо-французской границе в Вогезах.

Здесь первоначально пролегали права выпаса. Работа Кизеля “Petershuttly, ein Kriegsziel in den Vogesen” (“Петерсхюттли — одна из целей войны в Вогезах”) указывает на нее, выдавая нам по ту сторону “расчлененной границы” (“frontiere demembree”) против Франции, Галлии_одно, вовсе не романское название, например Петерсхюттли, и родственные. Мечта о проходимости

границы и более широкой перспективе, с одной стороны, обороноспособности — с другой, порождала постоянный спор о тенденции ее растягивания, невзирая на местные интересы, и желание использовать локальные преимущества — подобно тому как это определенно проявляется на швейцарских кантональных границах или на баварско-тирольской границе из-за побуждений и выгоды охотников. Французская ясность (clarte), а также косность форм, желающие ограничить сильное жизненное влечение и фаустовский натиск, обостряют противоречие, которое часто снова возвращается

при прокладке сухопутных границ с помощью различных географических средств. Надежно соответствует и ведет к ним четкая, устоявшаяся граница более сильной пограничной формы; но надежна и непостоянная пограничная форма, которая по сути дела принадлежит более сильному; она сохраняется, даже если более сильный снова отбрасывается в результате [с.86] собственной мягкотелости и отсутствия инстинкта к такой возможной форме защиты во времена более скромной, ослабевшей силы своей жизненной формы. Конечно, сухопутная граница Германии на Западе в конце концов похожа на разрушенную стену, из

которой выпали многие весьма ценные камни прежней постройки, которые лежат на чужой, а по меньшей мере уже не на своей земле; восточный же ее рубеж подобен крупному хозяйству, которое растрчивает свое имущество, разбросанное в чужих владениях, и всякая попытка собственного экономического объединения вызывает глумление, но также срывает чуждые объединения.

Многое в этих состояниях из-за отсутствия убедительных, согласованных сухопутных границ, которые на другой стороне протаскивают через внутреннюю часть этого достаточно пестро

созерцаемого на карте построения с нежелательной щедростью, было причиной и привело к позиции, которую один умный французский политик назвал “emboite” — “заключенная в ящик”. Но и сухопутные границы, которые кажутся на крупномасштабных картах столь же убедительными, как Урал, разрыхляются при пересечении, становясь, как мне известно по собственному опыту, малоубедительными; пограничный камень Европы по ходу “сибирского тракта” со всеми его сентиментальными воспоминаниями — скорее памятник бюрократическому произволу, чем

установившей границу природе. И обзор литературы следует также начать со стыдливого признания, что нет убедительного труда о психологии границы, который был бы справедлив, лишь “рассматривая историю применительно к ее собственным целям” — “*inclinationes rerum in proprios fines*” (Фома Аквинский). [с.87]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.82) *Ratzel F.* Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten // Petermanns Mittheilungen. 1896. S. 105-106.

(с.83) *Krebs W.* Die politischen Kompetenzen der Khmatologie; *Idem.* Durren, Hungersnote und Unruhen in China // Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik. Wien, 1892, 1895.

(с.83) *Frh von Tettau.* Vorgeschichte und Geschichte des russisch-japanischen Kneiges Berlin, 1911.

(с.83) *Heim A.* Luftfarben. Zurich,

1912.

(с.85) *Lucka Em.* Urgut der Menschheit. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924.

Каролинги — королевская (с 751) и императорская (с 800) династия во Франкском государстве. Название династии происходит от Карла Великого. После распада его империи в 843 г. Каролинги правили: в Италии до 905 г., в Германии до 911 г., во Франции до 987 г.

Салическая (Франконская) династия — династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1024-1125 гг. Основатель Конрад II. Главный представитель Генрих IV.

О династии Гогенштауфенов см.
[примеч. 12. С. 19](#) и [примеч. 13. С. 310](#). [с.87]

Месопотамия (Двуречье) — область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат в Западной Азии (в основном территория Ирака). [с.87]

Персия — официальное название Ирана до 1935 г. [с.87]

Сиам — официальное название Таиланда до 1939 г. и в 1945 — 1948 гг. [с.87]

Дравиды — группа народов Южной Индии, объединенных по признаку общности языков. Наиболее многочисленными народами, входящими в эту группу,

являются тамилы, телугу, малаяли и каннара. [с.87]

Номады (от *греч.* слова “*νομο*” — пастись) — группы людей, постоянно меняющие места стоянок. Часто это кочующие по обширным пространствам скотоводческие племена. Номадные племена, в основном выходцы из азиатских степей (скифы, сарматы, гунны, мадьяры, татары), вызывали крупные перемещения народов, способствуя культурному обмену между областями, удаленными друг от друга на большие расстояния. Они освоили необозримые просторы степей, недоступные для земледельцев пустыни и полупустыни, создали

свою [с.87] культуру,
приспособленную к местным, часто
экстремальным условиям.

Взаимодействие земледельцев и
кочевников являлось важнейшим
элементом хозяйственной системы
древнего мира. [с.88]

См. [примеч. 7. С. 224.](#) [с.88]

Аларих I (395-410) —
вестготский король. В 410 г. взял Рим
и разграбил его. [с.88]

“В каждом сражении первым
побеждает глаз...” (*лат.*). [с.88]

Наполеон Бонапарт (15.VIII.1769
— 5.V.1821) — французский
полководец и политический деятель,
в 1799-1804 гг. — первый консул, в
1804-1815 гг. — император Франции.

[с.88]

Речь идет о культуре инков, империя которых охватывала территорию нынешних Эквадора, Боливии, Перу и северной части Чили. [с.88]

Писарро Франсиско (1470/75-1541) — испанский конкистадор, участвовал в завоевании Панамы и Перу, разграбил и уничтожил государство инков — Тауантинсуйо. [с.88]

Аподиктический (греч. *apodeiutikos*) — достоверный, основанный на логической необходимости, неопровержимый. [с.88]

Хинтерланд (нем.) —

местность, прилегающая к промышленному или торговому центру; независимая территория, граничащая с колониями; 2) удаленные от побережья внутренние районы, глубокий тыл; в геополитике территория, являющаяся опорой для основного владения. [с.88]

Разногласия между Аргентиной и Чили по вопросу делимитации морской границы на южной оконечности Южной Америки возникли еще в начале XIX в. В историю они вошли как конфликт пролива Бигла. Спор был разрешен лишь в конце 1970-х годов. [с.88]

Галлия — историческая область в Европе, занимавшая территорию

между рекой По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия), по существу теперешняя Франция, Западная Швейцария и Бельгия.
[с.88]

Фома Аквинский (1225-1274) — теолог и философ, монах-доминиканец. Перевел с древнегреческого труды Аристотеля.
[с.88]

ГЛАВА VIII

СУХОПУТНЫЕ ГРАНИЦЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ МАГИСТРАЛИ

В соотношении сухопутных границ и транспортных магистралей, которые пересекают границы, обслуживая более крупные пространственные организмы или устремляясь к ним как к отграниченным государственным

жизненным формам, — проблема, стало быть, во внутреннем разногласии именно высокоразвитой границы, в заложенном в ней самой противоречии между ее враждебностью общению из-за соображений защиты по возможности закрытого на ключ окружения и возрастающим с обеих сторон давлением в пользу контактов, задачей посредничества во взаимопонимании двух сторон, а также “тактичной” передачи собственному Центру дающего стимул эмоционального впечатления об испытываемом другой стороной искушении и о собственной реакции на это вплоть до готовности

выполнить его приказ. Итак, выражаясь языком биологии, периферический орган государства готов ко всем возможным состояниям — от дыхания и испарения кожи до образования защитного рогового покрова, до превращения в опорный орган со свойственной ему ассимилирующей, всепоглощающей силой.

Только необычайно богато оснащенные природой и хорошо подготовленные народные переходы (Volkerpforten), оформившиеся в благоприятном месте обычно хорошо закрытых границ, выполняют столь многосторонние требования. Поэтому особенно полезно

исследовать столь известные в истории переходы в Бургундии, Моравии, Индии, ландшафт перевала в провинции Шэньси_(Китай)_, в какой мере они справлялись с этими требованиями из-за чересчур сильного бремени таких неблагоприятно сложившихся переходных ландшафтов, как Фландрия, Ломбардия, Наварра, Силезия, на века вперед приписанных к военному оркестру (orchestra belli) и подавленных как собственный ландшафт, пока наконец их пограничная проблема не была решена на основе естественных компромиссных линий и застыла или окаменела.

В связи с такими исследованиями естественно стремление выяснить виды образцово защищенных границ и границ, через которые проходят коммуникации, где дает волю своим страстям та или другая пригодность, а противоречия чахнут. Как интенсивно пульсировало, например, железнодорожное сообщение на некоторых пролетах узкой [с.89] бельгийско-германской границы старого Германского рейха, пока она не была искалечена к обоюдному ущербу, но какой не представляющей ценности в качестве барьера оказалась там технически совершенная крепость! Напротив, с

каким вялым биением пульса происходило движение через русскую границу, несмотря на девять существовавших линий, но какой прочной была ее заградительная способность по ту и другую сторону. Однако как к тому же шутит искусственное пренебрежение, а именно на польско-русских коммуникациях на Висле перед 1914 г. или по Верхнему Рейну сейчас. Чем был Диршау (Тчев) перед перекройкой границ в Версале в сношениях между Западной и Восточной Европой, а также с Данцигом и чем стал: некогда важный распределитель кровяного давления на охраняемой продольной

связи под защитой границы, ныне структурная помеха в ней. Аналогичные движения вспять наблюдаются в Зундгау, в Меце, а также в бывших опорных пунктах пограничных коммуникаций Туле и Вердене, весьма разочарованных в своих послевоенных ожиданиях.

Однако это не местно возникшее препятствие особого польского или французского недоверия, а *всеобщее проявление изменившегося геополитического положения*, которое теперь особенно рельефно проявилось в Диршау, где заглох огромный транзитный железнодорожный вокзал, постепенно зарастающий травой и

сорняками. Повсюду, где царит недоверие, полицейская и юридическая формальная точка зрения противостоит коммерческой, переступающей формальные границы, продвигающей избыток энергии и благ; в сущности это столь часто проявляющееся противоречие действия и мнения “lex lata” в противовес предоставляющему свободу действий в будущем “lex ferenda”! При этом несомненно форсированно развивается в качестве коммуникационно-географического закона признанная тенденция растягивания мировых коммуникаций, естественная наука и стремительный, восстающий против

препон дух идут рука об руку с торговцем, со способным к расширению народным духом, против пограничных и таможенных окаменелостей, против ограниченных уже в момент сооружения, во многом устаревших, изживших себя форм и преград любого рода.

Непосредственная аналогия с гидравликой — попытайтесь хоть раз перекрыть большим пальцем руки свищ на водопроводной трубе и посмотрите, как долго удастся это выдержать! — учит каждого, способного к естественно-научному наблюдению, что *застывшая оборона* (Defensive) против всякого

текущего, даже осязаемого флюида
бесперспективна! Как безнадежны
чисто запретительные попытки
блокады против духовного и
экономико-географического
движения и стремления, которое
должно восприниматься лишь
культурно-географически! Им
успешно противостоит только более
сильно устремленная вперед жизнь,
удерживающая в любом случае
продолжительное время
благоразумную раздробленность,
выход наступательных сил по образцу
укрепленных откосов горного ручья.
[с.90]

Этот общий вывод доказывает,
что любая попытка подрыва и

рассечения естественных сухопутных и водных путей искусственными, насильственно проведенными и установленными границами на длительный срок в ущерб обоим заключившим договор государствам, так же как и участвующим в общении дальнейшим соучастникам, рано или поздно благодаря неумолимой встряске непризнанных коммуникаций приводит к устранению таких препятствий. Так происходит с известной попыткой обойти “Центральные державы” окольным путем в европейских сношениях Запад — Восток. Но так происходит и в более широких рамках с пренебрежением к

проблеме Трёхречья в указанном Р. Челленом месте в Центральной Европе между Рейном, Дунаем и Вислой_. Сказанное справедливо для любого другого важного переходного или промежуточного ландшафта между Советами и древними культурными государствами Восточной Азии: в Маньчжурии, между Амуром, Ляохэ и Ялуцзян, где существует совершенно аналогичная проблема Трёхречья и где проявляется в ставших столь актуальными спорных вопросах относительно Китайско-Восточной железной дороги__ее постоянное коммуникационно-географическое воздействие. И здесь русскими была

сделана даже попытка обхода с помощью Амурской железной дороги, но и здесь, в Маньчжурии, зона напряжения между океанскими островными державами и замкнутыми степными государствами только тогда может остаться в своих границах, если она сильна как самостоятельная жизненная форма и является хозяином своих основных магистралей — точно так же, как во Внутренней Европе! Многие выводы можно провести оттуда к столь сильно в своей геополитике затуманенному силовому полю между Рейнской областью, расположенными уступами землями

Дуная и ландшафтом Вислы!

Во всех трех ситуациях большую роль играет также вопрос о том, насколько широко можно сдерживать блокаду границы в областях с высокой плотностью коммуникаций, с высокоразвитыми основными магистралями против давления населения извне, против по необходимости неизбежного, незаметного переселения наряду с контролируемой иммиграцией, которые можно отразить с помощью силы, оборонительной охраны или войск.

Задача несомненно облегчается, если удастся создать промежуточную зону в виде таможенных границ,

отделяющих пограничные области и округа от хинтерланда; если, следовательно, можно создать организации, промежуточные структуры, о которых мы уже упоминали как о понятии особой замкнутости — “confinatio”, пограничного сообщества внутри более крупных общин, “замкнутого пространства” — “confinium”.

Итак, следует сразу же прояснить отношение между fines — рубежом и confinium — замкнутым пространством. Confinium! [с.91] Это многозначное слово, переводимое как пограничный рубеж, пограничная полоса, пограничная земля, совокупность

отграниченности, передает
естественное ощущение
труднопостижимого единства жизни.

В старой Австрии, в Южном
Тироле имелись “романские
замкнутые пространства”; *confinium*
называлась также славонская
военная граница____, чисто
пограничный орган, творение
принца Евгения__против турок.
Существовало устройство
“приграничного округа”,
порожденное верным пограничным
инстинктом старых господствующих
слоев имперского государства,
который позже им был утрачен в
процессе быстрого отмирания.
Аналогичное происходило,

отразившись в именах, с “имперской землей” Эльзас-Лотарингия; аналогичное — с областью Босния, которая управлялась общим министром финансов: защитный орган Венгрии, в основном оплачиваемый Австрией с ее более высокой квотой. Однако собственная организация рубежа вводит опасное понятие *буфера*, понятие *зоны гласиса*, которая не принадлежит органически к целому, может быть отторгнута от него извне без существенного ущерба, потому что именно она не была органически включена. Это следует особо принимать в расчет при образовании пограничных транспортных узлов,

транзитных железнодорожных
вокзалов (Вервье-Гербешталь!
Верхняя Силезия, Одерберг)! Как
неизменно продолжающие
привлекать противоположную
сторону удобные осязаемые
сооружения, они легко пробуждают
на той стороне страстное влечение,
особый соблазн к действию близ
границы, чей пульс — протекающее
все время перед глазами богатство.

Политическая мудрость римлян
завещала нам наказание замкнутым
пространством: изгнание,
заключение, ограничение, которое
запрещает объявленным вне закона
все выходы из окруженного
пространства, т.е. в первую очередь

подчеркивает враждебность такой границы сношениям. Оно возродилось снова как интернирование, как пребывание в определенном крае, в определенном месте, как обязательность своевременной прописки в самой мягкой форме, а обернулось его самой грубой формой — концентрационным лагерем бурской войны__, национальным изгнанием немцев в результате англосаксонского колониального господства и благодаря Франции__. Только следуя обстоятельствам, можно увидеть здесь аналогию. Во всех устроенных по имперскому образцу, растущих в силовом

отношении державах есть “пределы” (fines) и “фронты” (frontes), каковыми уже всегда ощущались государственные границы Римской империи, в качестве переменчивых предполий, по меньшей мере в добрые времена биологической жизненности. “Limes”, Реннштейг_, ряды окопов — более поздние виды несостоятельной жизненной силы. Хорошие времена позволяли добиваться своих прав перед заграждениями и пограничными валами путем окрашивания кровеносной системы империи на дорожных картах в более яркие тона, но без указания самих границ. Как внушительна, например, [с.92]

мраморная карта римских дорог в музее на Капитолии!___Только постепенно становящаяся все более замысловатой сеть дорог показывает конечные стадии и переходные пространства империи. Это позволяет в отношении “fines” узнать огромное значение понятий “дороги” — римские (via), китайские (tao-do), о чем напоминает выражение: “All human progress resolves itself into the building of new roads”_. Но каждая новая дорога, разумеется, пересекает, преодолевает границу по меньшей мере в представлении поколения, при жизни которого она была построена.

“Natio” и “imperium” — схожие

многозначные ключевые слова, унаследованные от Древнего Рима. Гёте перевел нацию как “Volkheit” — “народный дух”; а что есть в сущности “imperium”? Как естественное слово оно всегда было известно римскому, британскому государствообразующим народам в своей способности к изменению, но как спорно оно для нас, подобно слову “рейх”! Способность римского государствообразующего народа создавать понятия для всего его окружения и потомков была на Востоке, пожалуй, достигнута лишь китайцами, которым мы, например, благодарны за китайский символ границы, в то же время

способствующий восприятию, примерно сопоставимому с нашей оградой, с обсаженным растениями укрепленным валом.

Надзор за сношениями на стыке сухопутных и морских, морских и речных коммуникаций намного легче, чем за сухопутными путями сообщения, тем не менее развитие железных дорог, больших двухколейных сквозных линий с огромными транзитными железнодорожными вокзалами, действующими как порты, сближает отношения. Сравните, например, убедительные труды молодого Виссмана об изоляции старого австрийского железнодорожного

сообщения_____с изображением китайской морской таможни и ее контрольной сети — одного из самых действенных и дешевых сооружений по надзору за перемещением иностранцев у крупных народов и в обширных экономических областях. Еще больше задача облегчается при въезде в Соединенные Штаты, которые, как Япония, соорудили лишь несколько крупных въездных ворот для обслуживания своих потребностей, сдерживая тем самым нежелательный приток, в особенности чужих рас. Но здесь сухопутная граница с Канадой и в особенности с Мексикой обнаруживает в общении между

границей и людьми большое место, где просто возрождаются, как страсть к алкоголю, отношения, свойственные раннему историческому этапу. Однако и эти наиболее защищенные среди крупных жизненных форм Земли, даже лучше всего защищенные современными техническими средствами пограничные области, испытывают текучесть сношений людей и капитала, прежде всего как излюбленного средства соблазна и возбуждения народов. Именно соблазн [с.93] средств сообщения должен способствовать своей исключительно искусной ловкостью победе общения над границей. Как

бессилен барьер против опиума во всей Азии — от Персии до Японии!

Богатые наблюдения за отношением между возможностью отграничения и давлением коммуникаций, учитывая нежелательные побочные проявления, позволяют выявить последствия распространения пандемических болезней вдоль основных магистралей через границу. Ценные исследования в этом направлении опубликовал Пех-Винн, например, в своих картах переносчиков чумы, в картографическом наблюдении за распространением чумы тарбаганом ; было также установлено

распространение холеры,
инфлюэнцы_.

И все же медицинской географии недостает обобщающего материала наблюдений. Именно для отражения такого массового смертельного врага человека, как пандемические эпидемии, уносящие жизни людей болезни в их поразительном проявлении, еще требуются скорее всего те или иные уходящие в прошлое наблюдения. Но как часто обращали внимание лишь на симптомы, побочные явления и боролись с ними, позволяя беспрепятственно пройти истинным виновникам! Однако как свободно удавалось опасным политическим

бациллоносителям преодолеть даже хорошо защищенные границы!

Именно перед лицом почти миллиона прокаженных в Китае, полностью разваленных многих наблюдательных служб против холеры и чумы в охваченной боями современной Азии возникают здесь серьезные опасности на узких предполях культуры, которые в действительности не представляют собой широкого, основательного мира культуры, и его защита ныне значительно хуже, чем, быть может, даже во время тифозных лагерей мировой войны.

Из развития *санитарных границ* происходит, собственно говоря, и

понятие “кордон”, которое прежде всего предусматривает наблюдение на большую глубину сопредельной территории. В памяти в данном случае воскресает картина лесного пожара, когда действует как защита встречная полоса огня. Просеки, траншеи вдоль железной дороги, кроличья изгородь, проволочный забор — все они домогаются той же максимально вытянутой, просматриваемой линии. Естественно, здесь есть опора, главная помощь от разделяющих частей моря. Они защищали от высокоинфицированных областей благодаря строгой береговой гигиене островного карантина Японскую

империю; они облегчили ей, как мы знаем из истории, одну из наиболее совершенных блокад границы в период 1636-1854 гг., когда ни один человек не мог фактически пересечь в том или ином направлении вопреки воле правительства сегуна границу империи с ее развитым побережьем, охватывавшим тогда около 27 тыс. км. [с.94]

Однако, возможно, в этом скрывается приятное предзнаменование, что желтый флаг “карантина”, который своим столь устрашающим цветом знака “желтого Петра” возвещает по праву грозную блокаду, для многих все же и цвет эйфории. Видимо, все же таковы

дружественные возможности
развития, чтобы и защитные, и
коммуникационные функции
границы со временем привели к
лучшему взаимопониманию, чем это
может признать сегодня
объективный, склонный к
сопоставлениям географ и
геополитически мыслящий
исследователь с наилучшими
намерениями, чем существуют
сейчас. Здесь было бы первое
практическое поле деятельности для
провозвестников пан-Европы_, Лиги
Наций_ и “тысячелетнего рейха” — но
для этого им следовало бы
практически взяться за тернии и
крапиву_, но на такое способны лишь

аскеты и пророки дела, а не слова_.
[с.95]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.89) *Langenbeck R.* Die burgundische Pforte // Pet. Mittlg. 1915. S. 49; *Hassinger H.* Die mährische Pforte und ihre benachbarten Lander // Abhandlg. d. Geogr. Ges. Wien, 1914. XI. Nr. 2; *Mackinder.* Lectures on the relations of history to geography in Europa and Asia // Geo. Journ. Roy. Soc. London. Bd II. S. 157, 261; *Krause F.E.A.* Geschichte Ostasiens. Gottingen, 1925.

(с.91) *Kjellen R.* Das Problem der drei Flusse // Studien zur Weltkrise. Munchen, 1917. S. 75-90.

(с.93) *Wissmann H.v.* Die

westostlichen Verkehrslinien Europas 1914 und 1924 // 25. Zeitschrift für Geopolitik. 1925. Bd I. S. 311.

(c.94) *Wutschke J.* Die geographische Verbreitung von Krankheiten // *Petermanns Mitteilungen.* 1921. S. 53; *Oberhummer E.* Medizinische Geographie. Lubeck, 1909.

(c.95) О соотношении сухопутных границ и транспортных магистралей см. также: *Demolins E.* Comment la route crée le type social. Paris, 1903; *Vidal de la Blache.* Principes de Geographie humaine.

Шэньси — гористая провинция на севере Центрального Китая, к югу от Внутренней Монголии. Область

наиболее ранних поселений древнекитайской цивилизации. [с.95]

Тчев — город и порт в Польше на Висле. [с.95]

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена Россией в 1897-1903 гг. После русско-японской войны 1904-1905 гг. южное направление КВЖД отошло к Японии и названо Южно-Маньчжурской железной дорогой. С 1924 г. КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 г. СССР пришлось продать КВЖД властям Маньчжоу-Го. Дальнейшая судьба КВЖД связана с итогами второй мировой войны и образованием КНР. В 1952 г.

Советское правительство безвозмездно передало права на КВЖД правительству КНР. [с.95]

Военная граница в Хорватии и Крайне была создана еще в XVI в. Это была полоса поселений “крестьянской милиции”, т.е. жителей или переселенцев, наделенных землей, освобожденных от налогов и барщины и иногда получавших денежные пособия. За это они обязаны были иметь оружие и лошадей, а в случае войны защищать пограничную область. В течение XVIII в. была создана внешняя граница на востоке и юго-востоке империи Габсбургов. При Карле VI, а затем при Марии-Терезии

и Иосифе II были созданы славонская, банатская и трансильванская военные границы, опоясавшие владения Габсбургов.

[с.95]

Принц Евгений Савойский (1663-1736) — представитель младшей ветви герцогов Кариньяно, один из выдающихся полководцев Европы. Воспитанный во Франции (его мать была племянницей кардинала Мазарини), он прославился на службе у австрийских Габсбургов. Современники называли его “некоронованным королем страны”.

[с.95]

Речь идет о созданном в ходе

англо-бурской войны
концентрационном лагере для
невоюющих (женщин, детей и
стариков). Во время войны буры
переходили к партизанским
способам борьбы. Командование
британской армией во главе с лордом
Китченером ответило на это
стратегией “выжженной земли”.
Жестокое обхождение и
невыносимые санитарные условия
привели к смерти около 20 тыс.
человек.

Вспомним также о концлагерях
нацистского режима в Германии,
известных жестоким обращением с
узниками и нечеловеческими
условиями их содержания. На

судебных процессах, состоявшихся после краха “Третьего рейха”, открылись [с.95] многие ужасающие подробности содержания узников концлагерей, злодеяния эсэсовской охраны, пытки, избиения, медицинские эксперименты на людях, умерщвление с помощью газа. [с.96]

Автор имеет в виду передел германских колоний после первой мировой войны. [с.96]

Реннштейг — древняя пограничная дорога между Тюрингией и Франконией. Франкония — историческая область Германии, ныне в составе земли Бавария. [с.96]

Римляне были признанными мастерами дорожного дела. Это проявлялось как в искусстве выбора трассы будущих дорог, так и в их соответствии условиям почвы и строительному материалу. Римские дороги постоянно расширялись и благоустраивались. Вдоль них создавались почтовые станции, постоялые дворы, сторожевые заставы, мильные столбы, мосты, виадуки, в случае необходимости пробивались туннели.

По существу картами дорог, дошедшими до нас из античности, являются остатки высеченного на мраморе плана застройки Капитолия (Капитолийский план города, или

“Forma urbis Romae”, около 200 г.).
[с.96]

“Прогресс человечества
осуществляется благодаря
строительству новых дорог!” (англ.).
[с.96]

Тарбаган — забайкальский
сурок. [с.96]

Имеются в виду обсуждавшиеся
в 20-е — начале 30-х гг. XX в. в
кругах европейских интеллектуалов
планы объединения Европы.
Подробнее см. [примеч. 9. С. 239](#) и
[примеч. 13. С. 275](#). [с.96]

Лига Наций — созданная в 1919
г. международная организация,
имевшая целью, согласно ее Уставу,
развитие сотрудничества между

народами и гарантию мира и безопасности. Формально была распущена в 1946 г. [с.96]

Здесь автор использует библейские образы. Тернии — сорняки, заглушающие посеянное поле, враждебное человеку растение, символ несправедливых дел, реальной и духовной бесплодности, а также гибели и разрушения. Крапива, как и тернии, — сорняк, символизирующий запустение. [с.96]

ГЛАВА IX

ОБ ИСКУССТВЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГРАНИЦ

“On boundary making” — так в разгар охватившего мир военного психоза сэр Томас Холдич, один из испытаннейших практических творцов границ в новейшей истории, отец ставшего знаменитым разграничения между Чили и Аргентиной, озаглавил свое сочинение, открыв тем самым тайну.

Это был тот самый человек, который дал меткое определение “безмерной стоимости географического невежества”, а уж он-то понимал кое-что в деле.

Итак, в простом словосочетании “делание границ” заключена все же доля мрачной политической иронии, со времен Шекспира еще не полностью вымершей в англосаксонстве. Можно ли “делать” и устанавливать границы, или же их следует не часто “создавать”, а еще лучше “разрешать им быть”, если они считаются благом для отграниченных? В действительности проведение границ — поистине высокое искусство. Недаром в

древности это считалось “делом богов” и было облечено разнообразными народными преданиями и эзотерическими государственными философами в блеск мистерии_.

Решающее различие, стало быть, в том, является ли создаваемая граница односторонне авторитарной, устанавливаемой путем насилия другой стороны, как, к сожалению, многие границы человечества, или же она возникает и вырастает из обоюдного самоопределения. О том, какая нелепость зарождалась в результате авторитарной компиляции (искажения) границ за зеленым столом [переговоров] при, как

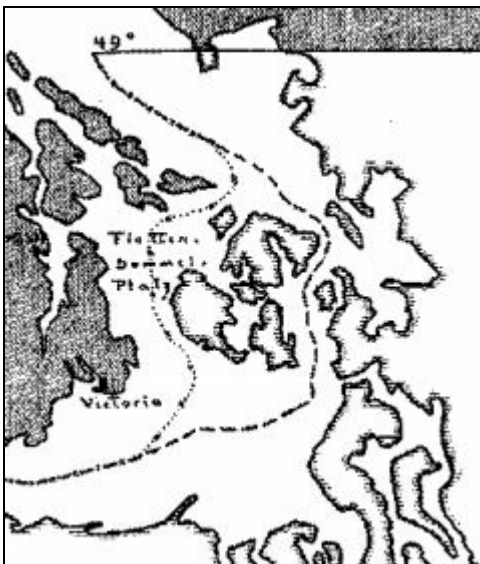
правило, всеобщей географической необразованности народных и государственных представителей, откровенно рассказывает сэр Томас Холдич. Для него, практика индийско-афганского и чилийско-аргентинского разграничений, на первом плане проблема практической пригодности границы, прежде всего возможность ее проведения при переносе с зеленого стола на местность. Дипломатическая компиляция границы возникает для него чаще всего лишь при попытке ее демаркации.

Опытнейший специалист по разграничению [владений]

Британской империи беспощадно разоблачает, предчувствуя еще во время бушевавшей мировой войны то, что раскрыло потом заключение мира 1919 г., продемонстрировав неясность понятий, неосведомленность не только в географической реальности вещей, сущности дела, но и в простейшем искусстве чтения карт дипломатами, ведущими государственными мужами и парламентариями.

В качестве смягчающего обстоятельства следует лишь признать, что наука, на первых порах принимавшая участие, при [с.97] всем избытке понятий также внесла мало ясности и сама создала для

занятым честным поиском в ней и сетующих неразбериху в понимании политических, общественно-политических и государственно-правовых, пригодных в естественно-научном смысле, естественных и дарованных природой границ, что вполне пригодились для ловли рыбы в мутной воде, для замешательства формальных душ и их сознательного или неосознанного заблуждения.

Американо-канадская граница в проливе Хуан-де-Фука, отделяющем канадский остров Ванкувер от территории штата Вашингтон (США)
Flotten-Sammelplatz — пункт

сосредоточения военно-морских сил
Victoria (Виктория) — главный город
Ванкувера, административный центр
провинции Британская Колумбия
(Канада)

С реальной, эффективной,
имеющей практическое значение
границей мы были знакомы до сих
пор как компромиссом между
резкими отклонениями во взглядах.
Имеют ли при этом место все же
такие аномалии, как даже при
отношении Ратцеля (который все-
таки является поборником здравого
человеческого разума, порожденного
жизнью, против формалистов) *к*
границе по[с.98]градусам, которую

он обозначает как “природную”? Значит, продуманная линия должна быть естественной границей, хотя она, например между Канадой и Соединенными Штатами, на расстоянии более 2 тыс. км проведена наобум, напрямик, и на выход к Тихому океану, где она сливается с образовавшимися (генетическими) поистине природными границами, ведя к абсолютно абсурдным геополитическим отношениям на границе, изображенным мною на собственной схеме в книге “Геополитика Тихого океана” . Такой промах дает затем Г. Вагнеру, и впрямь хранителю формы,

возможность как защитнику фактически в данном случае признанного Ратцелем естественного права выступить против него.

Нужно, однако, хоть раз самому — где возможно, с хорошей лупой в одной руке и цейссовским биноклем в другой — осмотреть снеговую линию, границу леса или иной растительности, “подножие” горы, “главный гребень”, “водораздел” в тропиках, попытаться установить пограничное предполье болота, даже линию берега моря (уже ботанический сад обнаруживает замысловатость поддержания зоны отмелей!), не говоря уже об истинной прибрежной линии в

мангровом болоте, чтобы убедиться, что жизнь не терпит так называемые аккуратные разделы, что природа не расположена к прямым, проведенным на картах линиям, часто насмехается над ними. Даже линия улицы, линия строений, т.е. нечто искусственное, на совершенно прямой улице изобилует правовым коварством и сервитутами — от развесистого дерева, отношения к организму улицы и его многочисленным правам до свободно бегающей собаки. Насколько резка бездна в общем плане между практикой и теорией!

Сэр Томас Холдич в своем сочинении о “делании границ”

говорит с жестокой издевкой о проведении границы “у подножия горы”, которая со всеми разновидностями, таящими в себе неожиданные неприятности, переходит в другие виды ландшафта, или же о границе “в трех километрах южнее течения реки”, при определении которой надо снова искать крайне опасный для жизни переход через реку в нескольких сотнях метров, то и дело обходить непреодолимые обрывы плоскогорья, а тысячелетние права выпаса и трассы общения постоянно пересекаются подобным же образом, как, например, имело место на венгерской, румынской и

южнославянской границах в бывшей Венгрии.

Практика проведения границ сталкивается прежде всего с многочисленными остаточными состояниями (рудиментами), с которыми ей приходится разбираться. “Подвластные”, тесно связанные малые пространства, картографически доступные пониманию, и незафиксированные, традиционные состояния пограничного общества нематериального и материального типов, транзитные права, права выпаса, религиозные территориальные притязания, проистекающие из древнеримского

[с.99] разделения на провинции, культурные структуры, берущие свои истоки из давно исчезнувших имперских образований, политическая зависть, экономически важные доступы к реке, права водопоя, заявки на разработку полезных ископаемых должны быть подвергнуты девальвации. Сказываются признаки былой утраты инстинкта, следы юридического своеправия; но, разумеется, и упорное удержание претензий и прав, как, скажем, в случае с благоприобретенными сервитутами в частных владениях, — причины, которые часто сильнее вновь возникших границ. Как упорно

придерживается, например, и нынешний Китай, “цветущее Срединное народное государство”, своих суверенных прав в отношении внешних территорий, исходя из опыта, что оно, временно утратив их, вновь обрело, как только волна пошла вверх, поскольку лишь в критический период сохранялась претензия. С подобной же планомерностью и целеустремленностью успешно действует римская церковь.

В целом же мы находим гораздо большую свободу и надгосударственного движения земельных владений на планете, больший обмен пространством, чем

полагает оперирующее малым пространством центральноевропейское представление о делании границ на длительный срок. “Безопасность” не есть правило, а исключение.

Важным для понятия “делание границ” является прежде всего представление исполнителя об изображаемом и неизображаемом на границе. Многие сервитуты допустимо изобразить на картах и таким образом зафиксировать; другие полностью не поддаются начертанию в горизонтальной проекции и ее возможностям.

Как раз понятие “углубление” в родную землю и жизненная форма

отечества с установленными
рубежами исключают чисто
плоскостное изменение
пространства как окончательное и
удовлетворительное. Ибо в таком
случае такие типично однозначные
сооружения, культурные
свидетельства, как имперские
крепости Эльзаса, фигура
рыжебородого в Кайзерсберге,
который теперь перекрестили в
“Свободную гору” (как будто с этим
исчез бы Гейлер из религиозной
немецкой истории!), Страсбургский
кафедральный собор, должны были
бы пойти вспять!

Даже если мы интересуемся
границами высокоразвитых

культурных ландшафтов, то и тогда обнаруживаем при самой примитивной границе выпаса, при пересечении привычных летних и зимних перегонов на выпасы раннего культурного ландшафта то же самое противоречие между прокладыванием границы на бумаге и на местности. Например, Берлейн в книге “A difficult frontier” (“Трудная граница”) точно указывает, что практически невозможно провести современную границу между Албанией и государством южных славян по Белому Дрину, что здесь преграждают путь участки, захваченные простым грабежом лишь к выгоде итальянских заправил. В

декабре 1926 г. мы видим вновь возродившимся это опасное место. Схожее таят в себе Вогезский лес (Мюнстерталь!) и Вале. [с.100]

Для значимости нашего собственного представления о нетронутых и ставших культурным ландшафтом границах, с одной стороны, и созданных искусственно — с другой, ценно то, что мы такие различия ищем, например, в глубинах морей и рек, где они достаточно легко обнаруживаются в зажатом в тиски фатерланде (глубины Химзе, окопы на Рейне). Здесь хорошо видно, что вырастает на протяжении столетий из состояния культурного равновесия в

противовес неустойчивым пограничным территориям, что следует понимать под переходным фильтром, под развитыми или еще скрытыми состояниями на границе.

Центральной, или Внутренней, Европе с ее высокой плотностью населения стало почти чуждым явление — *предусмотрительный перенос* границ на новые, привлекательные для культивирования земли: та работа, из которой на основе искусства топографии выросла практика городского строительства в Соединенных Штатах, чему обучался в молодости Джордж Вашингтон_. Еще раньше мы в Центральной

Европе оказываемся, к сожалению, в положении наблюдателей за *обратным развитием*, ибо и наша немецкая граница почти повсюду показывает стадии отхода, позволяя иногда думать о стянувшихся на теле биологических рубцах, об откатывающемся к морю отливе, о тающем в Альпах глетчере. Разве такие названия, как Англия, Франция, Ломбардия, Андалузия, — не свидетели возвратного образования границ народов?

К плодотворным сравнениям, навеянным воспоминанием, которое все же может быть близко и многим читателям, подводит также рассмотрение “фронтов” мировой

войны как временных границ с почти всеми свойственными им жизненными проявлениями границы. Как мало фактически изменилось благодаря формальным мирным договорам в напрашивающихся здесь аналогиях, показывает изучение изощренных увечий границ, появившихся с тех пор вследствие Версальского договора, например из толкования части II, ст. 28 мирного договора о доступе к Рейну и Висле. При этом становятся очевидны и дальнейшие нарушения договора даже в отношении этих искалеченных прав, как и в результате нарушения части IV, раздела VII, ст. 156-158

Вашингтонской конференцией___: следовательно, и де-факто и де-юре это уже многократно продырявленный документ. Подобное кропанье сказывается по всей Земле: в старой империи Габсбургов, в Албании__, в южной части Тихого океана (Науру)_. Даже граница между Аляской и Канадой в качестве приобретенного силой чужеземного наследия, в данном случае русско-английского договора 16 (28) февраля 1825 г., как обнаруживается, обременяет нового приобретателя.

Это благоприятное стечение обстоятельств, что суровейшие повороты против неспособности создать границы, против непомерной

стоимости географического
невежества исходили из
англосаксонских источников, и мы
должны присоединиться к ним,
проявив учтивость к пока еще
господствующей в современном
[с.101] мире расе. Особо ценные
конструктивные замечания, прежде
всего об изображаемом и
неизображаемом на картах языковых
границ, содержатся в книге Н. Кребса
об альпийских странах___и в
сопроводительном слове Р. Зигера и
доктора М. Сидарича к
лингвистическим картам Тироля,
Каринтии, Штирии и Бургенланда_.

Материалы для сравнений дают
нам опыты почти всех экспедиций по

обозначению и устройству границ, например германо-французской в Камеруне, и их эмпирика непосредственно связана с двумя следующими главами [этой книги] о различном отношении мира природы и мира духа к биологически правильной, требованиями жизни на Земле защищенной и санкционированной границе и с вопросом: необходимо ли воспитание пограничного чувства? Весьма щепетильным ответом на него мы по необходимости завершим первую часть этих исследований. Затем последуют разработки об отношении исследователя границ к понятию “искусственные границы”.

Однако предпосылка таких исследований — то, что условия существования жизненной формы, к которой принадлежишь сам, так вообрал в себя, что неестественные увечья и совершенные над ней насилия столь же болезненны, как подобные действия на собственной коже. Лишь благодаря такому восприятию к научной объективности будут присовокупляться и необходимая тонкость восприятия в отношении враждебного жизни противоестественного делания границ, и чувство, что, борясь против него в собственном деле, борешься против такового в интересах

человечества. Именно это чувство необходимо немцу, чтобы хоть как-то верить в справедливость своего дела.
[с.102]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.99) *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. S. 147. Abb. 5.

(с.102) *Krebs N.* Landerkunde der osterreichischen Alpen. Stuttgart, 1913.

Одно из прекраснейших географических сочинений о Земле, содержит почти неисчерпаемый материал о борьбе за справедливую границу немецкого народа в Альпах и за приемлемые транспортные границы в этом важнейшем пограничье Европы.

“О делании границ” (англ.).
[с.102]

Мистерии (греч. *mysterion* —

тайна, таинство) — у древних греков и римлян, у народов Востока тайные религиозные обряды, к участию в которых допускались только посвященные. [с.102]

Вероятно, имеются в виду взаимоотношения между итальянским государством и Ватиканом, завершившиеся 11 февраля 1929 г. подписанием Латеранских соглашений.

Латеранские соглашения положили конец “римскому вопросу”. Договор признал образование на территории города Рима суверенного государства Ватикан; финансовая конвенция урегулировала финансовые

отношения сторон; конкордат определил права и привилегии католической церкви в Италии. [с.102]

Т.е. Фридриха Барбароссы; см. [примеч. 12. С. 19.](#) [с.102]

Гёйлер фон Кайзерсберг (1445-1510) — немецкий проповедник, мастерски владевший языком простого народа. [с.102]

Серия мирных договоров, подписанных странами Антанты с Германией (Версаль, 28 июня 1919 г.), с Австрией (Сен-Жермен-ан-Ле, 10 сентября 1919 г.), [с.102] с Болгарией (Нейи сюр-Сен, 27 ноября 1919 г.), с Венгрией (Версаль, Большой Трианонский дворец, 4

июня 1920 г.), с Турцией (Севр, 10 августа 1920 г.), зафиксировала создание новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, определила их территории и внесла ряд изменений в старые границы. В числе этих новых государств было Королевство сербов, хорватов и словенцев, образованное 1 декабря 1918 г. (с 3 октября 1929 г. — Югославия). Оно вообрало в себя как некоторые ранее существовавшие южнославянские государства, так и отделившиеся от Австро-Венгрии славянские земли. Но отдельные участки его границы с Италией, Австрией и Албанией долгое время оставались неурегулированными.

Спорными считались также некоторые территории на границах Югославии с Венгрией, Болгарией и Румынией. Отдельные спорные территориальные проблемы были урегулированы в ходе двусторонних или многосторонних контактов. (См., например, подписанный в Рапалло 12 ноября 1920 г. договор между Югославией и Италией.) [с.103]

Вашингтон Джордж (1732-1799) — крупный государственный деятель США. В годы Войны за независимость был главнокомандующим североамериканской армией. Первый президент США. [с.103]

Вашингтонская конференция (12

ноября 1921 — 6 февраля 1922) — конференция США, Великобритании, Китая, Японии, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Португалии, которая зафиксировала новое, создавшееся после первой мировой войны соотношение сил в Китае и бассейне Тихого океана. Важнейшие решения конференции: Договор четырех держав. Договор пяти держав; Договор девяти держав. См. также примеч. [17](#) и [18. С. 310](#). [с.103]

Албанский вопрос рассматривался как на Парижской конференции, так и в ее кулуарах. Обсуждались проекты превращения Албании в подмандатную

территорию Италии, раздела между соседями. Провозглашение независимости Албании на Ассамблее в Люшне в 1920 г., а затем ликвидация в результате всенародной борьбы итальянских, французских, греческих и сербских оккупационных зон привели к восстановлению албанского государства в границах 1913 г. 17 декабря 1920 г. Албания была принята в члены Лиги Наций, хотя не признана официальным большинством участников этой организации. [с.103]

С 1888 г. остров Науру стал частью германского протектората Новой Гвинеи. С 1920 г. под совместным управлением

Великобритании, Австралийского союза и Новой Зеландии. В 1942-1945 гг. находился под оккупацией Японии, с 1968 г. существует как независимое государство. [с.103]

По условиям версальского урегулирования Бургенланд, входивший в венгерскую часть империи Габсбургов, был передан Австрии. [с.103]

ГЛАВА X

ОТНОШЕНИЕ МИРА ПРИРОДЫ И МИРА ДУХА К БИОЛОГИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНОЙ ГРАНИЦЕ

О неспособности чисто гуманитарных наук (теологии, юриспруденции, оторванных от земли или боящихся ее общественно-

политических наук) создать биологически правильные, т.е. маломальски прочные на века (стабильные) и способные к переменам (эволюционные), убедительные границы, вместо биологически неверных, нестабильных, а поэтому чреватых войнами и переворотами, свидетельствует нынешняя судьба Земли, и в особенности Европы: ибо те, кто представлял эти науки, до сих пор обладали влиятельным голосом при установлении границ.

Г.Э.Г. Катлин исследует, должно ли влияние общественных наук всегда неизбежно отставать от естественных . Он не ставит под

сомнение факт. Где же “Град божий” и его покой? Где “Вечный мир”, где “Свобода морей”, где так прочно подтвержденная экономикой еще в 1914 г. невозможность длительной войны? Куда исчезли из практики разграничения борющихся за существование жизненных форм на поверхности Земли все возвышенные и чванные слова, которыми гордятся гуманитарные науки при паузах в борьбе и которые улетучиваются, как только она вновь начинает бушевать? Civitas dei, pax aeterna, lieberum mare, jus gentium....

Естественная наука более трезво и более уверенно стоит на земле в отношении проблемы границы, не

витает в облаках, покуда еще не готов строительный грунт. После серьезного анализа и стольких сомнений она нуждается в синтезе и противопоставляет “Ignorabimus” одного выбора борьбы за существование другому, который с самого начала ориентирован на текучесть целостности и, как нам кажется, более смело смотрит в лицо природной данности.

Но именно ввиду порчи и искалечения Внутренней, Центральной и Промежуточной Европы *важность позитивных решений* представляется нам актуальной. Предварительным условием этого является, видимо,

изучение земных пространств,
вынужденных чаще всего испытывать
напряженность из-за
неестественных, антибиологических
границ, по образцу исследования,
предпринятого К. Лёшом для
изучения панъевропейского
мышления. [с.104]

Ведь вовсе нельзя исключать
опасность того, что дерзкие на слова
представители экстремистского
утопического противоположного
полюса именно в среде сбитых с
толку гуманитарными науками
многомиллионных масс добиваются
их опрометчивого согласия и при
этом достигают практически
возможности рокового влияния. Эта

опасность уже угрожающе близка
именно ввиду несомненного кризиса
скорее гуманитарных наук, чем
естественных, и об этом
свидетельствуют только что
появившиеся различные, широко
распространенные работы.

Главные области потрясений
Европы
Заштрихованы государства —

главные области потрясений Европы: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Болгария

Два противоречия, имеющие огромное географическое значение, подчеркивают связь географии и социологии с противоположных полюсов. С одной стороны, это идеи *Монтейна* о передвижении жизненных форм в жизненном пространстве сообразно их способности заполнять границы, которые — исходя из литоральной (голландской) ориентации автора — касаются, естественно, лишь континентальных жизненных форм,

например Европы, ибо островные и прибрежные жизненные формы прочно [с.105] закрыты морем и побережьем! Монтейн представляет мышление неопределенного перемещения границы по Земле сообразно натиску жизни, следовательно, нового передела земельных владений народов каждые несколько лет согласно рождаемости, “Тайка”_в целом, как ее испытали японцы уже в 645-652 гг. нашей эры_.

С другой стороны, мы видим роль неомальтузианства_в качестве хранителя границ, как, например, домыслил ее воображением социолога Уэллс_, т.е. точку зрения

обладателей пространства, обрекающую на принудительный застой народы, не имеющие достаточных резервов жизненного пространства, и исходящую из представления о возможном ограничении рождаемости в перенаселенных, имеющих тесное пространство жизненных формах. Эта точка зрения, если внести ясность, родом из опустошенного войной, окруженного землей манчестерского быта_. Таковы две особенно резкие противоположности с сопутствующими им экономическим эгоизмом и материализмом в своей грубейшей форме. Вокруг этих [точек зрения]

могут сталкиваться при этом
поборники классовой борьбы —
работодатель и наемный работник,
капиталист мирового масштаба и
социалист!

“Мы раскрасили это
[пространство] на карте в красный
цвет и затем оставили
пустующим”, — заявляет
австралийский друг людей, имея в
виду, с одной стороны, огромные
резервы территорий Северной
Австралии для 30 млн. жителей и
констатируя — с другой, что
поблизости, в азиатской части Земли,
происходит регулирование
перенаселенности, например в
китайской провинции Гуанси, в

результате численность населения из-за голода и массовой смертности колеблется между 6-16 млн. и что в 1920 г. свыше 21 млн. в долине Хуанхэ фактически не имели никаких иных средств пропитания, кроме древесной коры, растительных остатков и внешней благотворительности.

Но именно в сфере пограничных идеологий экономический эгоизм проявляет себя как прескверный советчик и фальсификатор. Мы знаем это по столь близкой нам рейнской и альпийской границам, об этом напоминает нам возникновение империи Лотарей__и истребление народов на протяжении более чем

тысячи лет, потому что главная составная часть владения Каролингов на Маасе и Мозеле должна была оставаться неприкосновенной для старейшин, дабы сохранить в одних руках важнейшие культурные и хозяйственные пути — а именно связь Рим — Рона — Рейн — для духовных движений и торговли того времени. Так гуманитарные науки в пору своего засилья устанавливают нежизнеспособные границы, хотя они продолжают действовать, не поддаваясь корректировке с помощью естественно-научных знаний. [с.106]

Этот особенно захватывающий

опыт можно дополнить многими другими острыми случаями, скрытыми проблемами, каковые имеются в Южной Америке, или примерами угасающих, заостеневших образований, как в Пиренеях. Однако образцом, особенно достойным упоминания, представляется нам папа римский Александр VI¹. Определенная им граница, а затем одним из его наследников повторно проведенная, ставшая всемирно известной демаркационная линия между испанским и португальским империализмом, будучи разрушенной в 1493 и 1506 гг., действовала до 1845 г. в своих последних формальных

обозначениях. Лишь 1 января 1845 г. Филиппины, входившие на основе этой линии в границу времени испанско-американского государства, подключились к календарю Восточной Азии, к которому они принадлежат согласно природе движения Солнца!

Еще и сегодня вследствие такого произвольного проведения границы большая Бразилия с ее 30 млн. португалоговорящего смешанного населения существует как самое крупное государство и одновременно как чужеродное тело в испански-колонизованной Латинской Америке. Это создает на границе скрытое напряжение, которое возникло там

из-за того, что огромные пространства, завоеванные извне, были расчленены и разграничены согласно локально чуждым, созданным гуманитарными науками представлениям, в то время как внутренние границы прежних колониальных государств только теперь в силу внутренней естественной необходимости постепенно приводятся в равновесие .

Существенные разъяснения о большей или меньшей способности отдельных интеллектуальных сообществ признать биологически правильные границы, установить ранее сохранявшиеся также при

временном перемещении дает, например, сравнение иерархического Атласа___с другими в качестве особенно устойчивых, проверенных краеведением разграничений, о чем можно узнать из трудов Б. Песслера_. Британская точка зрения изложена в работе Э.Г. Хилса “The geography of international frontiers”___или более широкие взгляды, учитывая военную историю, в работе Л.В. Лайда “Types of political frontiers in Europe”_.

Самые резкие противоречия среди новейших имен, как мне представляется, — в сочинении А.М.М. Монтейна “Ein neues [с.107] Volkerrechtsprinzip” с дальнейшим крайним развитием идей Ратцеля о

постоянном смещении и передвижении границ, а также в сообщениях Уэллса и его друзей с Вашингтонской конференции.

Эти сообщения, лейтмотив которых обращен ко всем жизненным формам с большой плотностью населения, с постоянным ростом населения и сильным напором жизни (Внутренняя Европа, Италия, Япония и Китай), — не что иное, как открытое или закамуфлированное напоминание о необходимости приноровиться к неомальтузианству. Но это в сущности нечто иное, чем грубое изречение Клемансо о “vingt millions de trop” или Людовика XIV. Точка зрения Фенелона в отношении

рейнской границы, высказанная в его знаменитом письме, настолько обличительна, что нам, с внутриевропейской точки зрения, нечего к ней добавить.

“Это была с самого начала чисто реваншистская война, поэтому все расширения территории, которым она содействовала, были несправедливы с самого начала. Разумеется, Вашему Величеству кажется, что заключенные мирные договора должны прикрывать эту несправедливость; но мирные договора, как известно, побежденные подписывают не по доброй воле. Естественно, их подписывают, когда одному к горлу приставят нож.

Подписывают, как отдают свой кошелек, когда нет выбора: деньги или жизнь.

Это даже не позволяет выставить в качестве аргумента, что Вы имели право известные места удерживать потому, что они служат укреплению Ваших границ. Никогда у нас не было потребности беречь свою безопасность, не было права отбирать землю у нашего соседа. Вы властно продиктовали мир и его условия, вместо того чтобы урегулировать его справедливо и умеренно. Поэтому такой мир не может быть постоянным. Вы ни разу внутри границ не придерживались этого, столь бесцеремонно Вами

продиктованного мира. В разгар мира Вы продолжали вести войну и новые захваты! Такое поведение возбудило против Вас и противопоставило Вам всю Европу. Даже нейтралы с нетерпением ждут дня, когда Вы ослабеете и станете покорным”.

Таков Фенелон. Разве это не сохраняет силу и сегодня?

А Уэллс, столь настойчиво цепляясь за самобытность идей, не знает в этом случае ничего иного, кроме избитой мудрости рантье: “Надо мной не каплет!” Потому что это подходит британской, французской, бельгийской и нидерландской колониальным

империям (а также временно до их перехода точки насыщения в Северной Америке (примерно в 1950 г.) и Соединенным Штатам) в пределах их пространств с плотностью населения соответственно 7, 9, 15 и 26 человек на кв. км, а другие крупные жизненные формы должны довольствоваться своими богоданными малопространственными связностями при плотности населения от 133 (Германия) до 200 (Южная и Центральная Япония), [с.108] до 140 и более (Италия). Так может продолжаться до тех пор, пока другие, более жизнеспособные расы,

вынужденные [обстоятельствами], не обратятся за своей долей — хотя именно сильнейшие, обладающие жизненным рвением расы современных белых культуртрегеров пришли в упадок как раз благодаря этому методу. Япония же отвергает его.

Однако подобными пошлостями такой очень остроумный, духовно богатый человек, как Уэллс, в своих сочинениях о Вашингтонской конференции и в последующие годы попытался убаюкивать одну даму, объехавшую большую часть Востока — древнего культурного пояса Старого Света, по поводу сокращения рождаемости в Восточной Азии

такой же покорностью своей судьбе в урезанном пространстве, какая, как полагали, уже достигнута во Внутренней Европе. Как мало на самом деле была достигнута цель, какое крушение потерпели, следовательно, посланцы гуманитарных наук со своей позицией вечных границ растущих народов на Дальнем Востоке, ныне это отражается пламенем в освободительном движении в Южном Китае, в мятеже сельскохозяйственных рабочих на Яве (где плотность населения достигает 300 человек на кв. км) и в выборе самоопределения в Индии. Итак, в этих точках зрения мы не

находим ничего нового, кроме запутанных формул для старых аргументов, уже часто выдвигавшихся экономическим эгоизмом.

Однако фактически новыми в известной степени являются попытки Монтейна гуманитарное и естественно-научное знание склонить к сотрудничеству в осознании границ, которые должны изменяться соответственно жизнеспособности. Вместо сдавливания Внутренней Европы при любой терпимой мере завинчиванием предохранительного клапана, как это происходит ныне (причем взрыв границ рано или

поздно неотвратим), полагает Монтейн, следует сохранять на будущее возможность продвижения на Восток всех европейских жизненных форм. При этом необходимо смягчить суровость далекоидущего права выбора подданства и защиты прав меньшинств. Следовательно, это был бы возврат в обратном смысле к переселению народов, причем только чисто разумный расчет, который как раз и создал “привязку к земле”, исключает все невесомые ценности. Вслед за этим каждый должен решать по разумению вопрос: вера или родина? Либо крепко держаться за свою родину, но при допущении

чужеземного господства, либо сменить подданство, переселившись под отодвигаемым на Восток флагом! Это предполагает некую степень рационализма, и его подсказывает лишь сложившийся в долголетней практике тип новой американской фермы — с проволочной оградой, грудой консервных банок, освоением новых земель, если хищническое хозяйствование на первом участке истощило почву.

Вспоминают об указанной Ратцелем опасной беде, которую мыслящие крупным пространством государственные мужи из [с.109] заморских государств могли бы причинить Европе своими

представлениями о сопоставимости пространства, обращаясь к исторически столь малопространственной, но глубоко укоренившейся в почве коренной области____. В предложенном пространстве мысли Монтейна нереализуемы. Они еще менее осуществимы физически, чем морально, на такой обремененной историей почве, как центральноевропейская, несмотря на взаимное общение населения между Элладой и Ангорой_. Однако эти мысли указывают скорее на все еще плодотворную крайность, чем на неспособную к развитию косную точку зрения, проповедуемую

Уэллсом в качестве представителя англосаксонства.

Эта небольшая работа Монтейна, рассматривающая с естественно-научных позиций [проблему границ] и называющая ряд других интересных инициатив в схожем направлении, более плодотворна возможностями, более богата начинаниями, из которых могут подняться свершения будущих дней, чем косное противопоставление однажды ниспровергнутых параграфов: последняя мудрость, к которой до сих пор обращались на практике попытки гуманитарных наук, склоняющихся к изменению

нетерпимого состояния в проведении границ на бумаге вопреки существующему жизненному праву свободно дышать.

Естественнонаучная сторона географии побудила по крайней мере рассмотреть также проблему перенаселенности Земли как необходимую проблему переноса границ. Когда же возобладает разум?

Но чтобы всю энергию обновленного народа снова направить на обретение достаточного жизненного пространства после огромных постыдных, пустых затрат, нужен единый, целостный взгляд всех слоев населения, понимание

недостаточности нынешнего
жизненного пространства и
несостоятельности его нынешних
границ. Он может быть достигнут
лишь благодаря тому, что весь народ
будет воспитан не на тупом чувстве
давления недостаточного жизненного
пространства, нехватки воздуха,
мучительной скученности, а на
осознанном чувстве границы во всем
ее охвате. Такому воспитанию
должны служить как гуманитарные,
так и естественные науки. Именно к
вопросу о возможности и пути
воспитания *осознанного чувства*
границы мы и обращаемся как к
кульминации нашего исследования!
[с.110]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.104) *Catlin G.E.G.* The science and method of politics. London, 1926 (в этой работе автор рассматривает связь политики с историей, этикой и социологией и исследует, должны ли общественные науки по необходимости отставать от естественных).

(с.104) *Loesch Karl C. von.* Paneuropa-Völker und-Staaten. Eine Untersuchung der geopolitischen Grundlagen // “Staat und Volkstum, Bucher des Deutschtums”, 2 Bde. Berlin, 1926. Превосходно аргументированное, подкрепленное

отличными картами сочинение, перекликающееся с лейтмотивом К.Ф. Мейера: “Есть политические тезисы, которые имеют свое значение для холодных умов и осторожных рук, кои, однако, становятся пагубными и непригодными, как только они произнесены наглым ртом или написаны наказуемым пером...”

(с.105) Среди скептиков впереди О. Шпенглер, автор работы “Der Untergang des Abendlandes”, и Динглер, автор сочинения “Der Zusammenbruch der Wissenschaft”. Munchen, 1926.

(с.106) *Montijn A.M.M.* Ein neues Volkerrechts-Prinzip. Haag, 1919,

Belinfante.

(с.107) О демаркационной линии римских пап см.: *Baum A.* Die Demarkationslinie Papst Alexanders VI. Diss. Bonn, 1890; *Wagner H.* Lehrbuch der Geographie, 9. Aufl. Bd I. S. 838.

В 1493 г. и 1506-1845 гг. фикция действовала непосредственно, а опосредованно она действует и сегодня.

(с.107) *Streit P.* Atlas hierarchicus. Paderborn, 1913.

(с.107) Разграничения Нижней Саксонии, как они были предложены Б. Песслером на 22-м заседании немецких географов в Карлсруэ.

(с.107)

(с.107) *Hills E.H.* The geography

of international frontiers // Geogr. Journal Roy. Soc, London, 1906. Bd XXVIII. II. S. 145.

(c.107) *Lyde L.W.* Types of political frontiers in Europe // Geogr. Journal Roy. Soc. London, 1925. S. 127ff.

(c.110) В настоящее время каждому европейскому государственному деятелю следовало бы попытаться немного поучиться в Азии или Америке пространственному смыслу, учитывающему скромные европейские масштабы и опасность, которая кроется в незнании крупных внеевропейских представлений о пространстве. Важно, чтобы в

Европе знали, как политические масштабы нашей части Света обыгрываются в азиатских или американских представлениях о пространстве. Поведение европейских государств, по меркам азиатского взгляда, может соблазнять к планам опасной дерзости...” (см.: *Ratzel F. Politische Geographie. Kap. XIV*).

Ниже тут же.

“...История обращена назад и поэтому легче теряет пространственный масштаб для настоящего и ближайшего будущего...”

Град божий; Вечный мир;
Открытое море; Гражданское право

(лат.). [с.111]

Не узнаем (не знаем и не узнаем) (лат.) — указание на предел в познании того или иного явления.

[с.111]

Взгляды К. Хаусхофера на различные пандвижения, т.е. на движения, стремящиеся объединить на той или иной основе — географической, этнической, религиозной и т.п. — народности, нации, страны, континенты, изложены в отдельной работе, включенной в данное издание его научных исследований. [с.111]

Тайка (букв. — великая перемена) — девиз реформ, осуществленных при японском

императоре Котоку (645-654), которые привели к созданию в Японии раннефеодального централизованного государства.

Неомальтузианство — обновленный вариант мальтузианства; в обыденном представлении — отказ от детей в браке. [с.111]

Уэллс Герберг Джордж (1866-1946) — английский писатель, один из родоначальников научной фантастики и футурологии. Пытался создать собственную концепцию всемирной истории (“Краткий очерк истории”, 1922; русск. изд. “Краткая история человечества”. М.-Л., 1924). Сколь бы сложны и противоречивы

ни были идейные и художественные искания Г. Уэллса, он решительно выступал против политической реакции. [с.111]

Имеется в виду манчестерство — обобщенная критическая характеристика действий капиталистических дельцов, рожденная по ассоциации с одним из центров раннего капитализма в Англии — Манчестером. [с.111]

Манчестер — промышленный город в северо-западной Англии. Основанный в римские времена, он в новое и новейшее время превратился в центр английской хлопчатобумажной промышленности, стал вторым после

Лондона банковским центром. В XIX в. город дал название манчестерской школе экономики и был штабом фритредерства во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Кобден утверждал, что введение “свободной торговли приведет к изменению облика мира, ликвидации милитаризма, постоянных армий и империй, и люди станут одной семьей и будут свободно пользоваться плодами своих трудов”.

Имеются в виду Лотарь I (795-855) и его сын Лотарь II (826-869).
[с.111]

Александр VI Борджа (1476-1503) в 1493 г. разделил мир между Испанией и Португалией

специальной буллой, согласно которой Испании предоставлялись права на все земли к западу от линии, предложенной папой, а Португалии — на земли к востоку от нее. В результате переговоров между Португалией и Испанией в июне 1494 г. был заключен Тордесильясский договор, содержащий условия раздела между обеими державами сфер колониальных захватов в Западном полушарии. [с.111]

Клемансо Жорж Бенжамен (1841-1929) — французский государственный и политический деятель, дипломат, премьер-министр Франции в 1906-1909 и 1917-1920 гг.,

председатель на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг., сыграл значительную роль в выработке Версальского мирного договора 1919 г. [с.111]

“Лишние двадцать миллионов”
(*фр.*). [с.111]

Фенелон Франсуа (1651-1715) — французский писатель, педагог, ученый, религиозный деятель, сторонник просвещенной монархии. Его идеи оказали огромное влияние на развитие общественно-политической мысли конца XVII-XVIII вв. Теорию Фенелона высоко ценили в век Просвещения за смелую критику абсолютизма и за высокие гуманистические принципы. [с.111]

Имеется в виду Людовик XIV (1638-1715) — французский король с 1643 г. Вел многочисленные войны, в том числе Деволюционную войну (1667-1668), Голландскую войну (1672-1678), войну с Аугсбургской Лигой (1688-1697), войну за испанское наследство (1701-1714) и т.д. [с.111]

О правах меньшинств см. [примеч. 5. С. 341](#). [с.111]

Древнее название столицы Турции Анкары (до 1930 г.). [с.111]

ГЛАВА XI

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ГРАНИЦЫ

В одном решающем, судьбоносном именно для немцев вопросе рассматриваемая в нашей работе проблема достигает своей кульминации: существует ли воспитание чувства границы на географической основе, которое может иметь всеобщую значимость для культуры, политики и

экономики? Является ли чувство границы объективным, поддающимся научному изучению и изложению, делая в конечном счете политическую волю инстинктивно достаточно безопасной и позволяя почувствовать любое исходящее извне давление на собственные границы с почти телепатической чуткостью, за что Уэхара прославляет японцев. Существует ли некое вечно настороженное чувство границы, которое повсеместно применимо — даже для тончайших, едва уловимых антропогеографических разграничений, как и для простого, очевидного коммуникационного,

оборонительного или
экономического рубежа, для как раз
еще постижимого с географической
точки зрения духовного разделения,
как и для четких, заимствованных у
природы и ею установленных границ,
вплоть до изменяемого человеком
климатического рубежа_и внешне
неизбежного разъединения с
помощью незаселенности? Если
подобное воспитание существует, то
в таком случае оно может, стало
быть, опереться лишь на зримые,
осязаемые остатки, —
запечатленные, подобно рунам, в
связанных с Землей и определяемых
ее процессах на поверхности
планеты.

Именно они должны быть исходными для такого, по необходимости прежде всего геополитического воспитания — без робости перед сложным культурным ландшафтом, — ведущего к продуманным высокодуховным последствиям. Торный путь указывает И. Зольх в серии своих сочинений, начинающейся “рассмотрением естественных границ в научной географии” и содержащей, кроме того, превосходно аргументированную дискуссию с современными трудами о границе в ценнейших примечаниях. Из труда Зольха вытекает примечательный факт, а именно:

[с.112] в области исследований границы мы можем прямо различать два исключительных исторических и географических типа образований как наиболее впечатляющих. Поборники первого типа отдают предпочтение островным и морским народам, а поборники второго — народам, живущим в горах (группа Зингер, Зольх, Мауль, как всегда, исходят из своего первого влечения — северной известняковой альпийской пограничной зоны), в то время как степь — широкопространственная стихия, накладывающая сильный отпечаток, естественно, отступает на задний план в этой интеллектуальной

борьбе_.

Исследуя впечатления о воспитателях, представляющих в нашей науке не одиночек, а группы, образующие школу, мы различаем с пользой для себя *интенсивный* и *экстенсивный* методы работы — один скорее углубляющийся регионально, другой — скорее идущий вширь. При этом первым пользуются преимущественно поборники народов гор, побывавшие в горных ландшафтах, долинах, высоких плато и на их окраинах с обрывистыми склонами и ставшие благодаря опыту крупными, зрелыми исследователями; вторым — больше те, кто обучен в основном чувству

границы на морском жизненном опыте; в Германии — это Пенк, Фольц, Заппер, Берманн, Тукерманн и др., в Британии — Керзон, Фосетт, Холдич, Лайд, Перси М. Роксби, Земп-ле и др., в Америке — Фрезер и Мэхен.

Редким является, собственно говоря, использование одним и тем же исследователем обоих методов рассмотрения, как это характерно для универсального метода Ратцеля, который, с одной стороны, признает антагонизм между океанской и континентальной [жизненными формами] самым крупным в судьбе народов, а с другой — воздает должное своеобразию гор и их

укромнейших отдельных переходов — метода, представленного в его непревзойденном сочинении “Alpen inmitten der geschichtlichen Bewegungen” (“Альпы во время исторических движений”). Кроме того, воспитание с учетом ландшафта, народных и даже племенных различий, одним словом ландшафтного происхождения и шлифовки, как правило, в жизненном деле пограничного воспитания добивается прочного признания.

В целом у народов переход от эмпирики, от пограничного инстинкта к осознанному научному наблюдению совершается поздно.

Еще реже и позднее — почти всегда для соответствующей жизненной формы слишком поздно — следует второй шаг от осмысленного научного наблюдения к планомерному воспитанию, и это тем более вызывает удивление ввиду раннего, а то и внезапного появления отдельных наблюдений. Даже созерцание удивительных проявлений осознанного восприятия границы, ее сознательной защиты, например в древних культурных империях, как в Римской, Китайской, Индийской, поверженных [с.113] молодыми народами, скорее пугает их; они робко взирают на стены и пограничные оборонительные

сооружения на чужбине (в которых видят подавление своего чувства силы, своей широкой пространственности), так что это зрелище побуждает их учиться, как надо возводить и защищать границы. Большие различия, связанные с происхождением, выступают при этом и внутри нации, и тем резче и неожиданнее рядом, чем гениальнее народы, вожди.

К наиболее знаменитым, исторически достаточно подтвержденным примерами нашего народа наряду с записками Цезаря о гельветах и алеманнах — одним из самых ранних памятников, блестяще передавших чувство границы у

германских племен, принадлежит ставшее известным благодаря истории готов Иордана_ требование короля гепидов__— Фастиды к остготам: они должны уступить ему земли, потому что гепиды “благодаря крутым горам и густым лесам чувствовали себя слишком стесненными”, — требование о расширении границы, которое затем ведет к сражению на реке Олт. Это скромный сюжет из целой трагедии взлома границы на Дунае, описанной Иоганном Бюлером в богатой источниками работе “Die Germanen in der Völkerwanderung” (“Германцы в переселении народов”).

Среди этих источников один из

поразительных — “Vita Severini”
 (“Жизнь святого Северина”) —
 апостола Норики_, содержащий одно
 из немногих достоверных
 наблюдений за удивительным
 пограничным инстинктом баваров в
 отношении области их обитания в
 районе баварского и южнобогемского
 леса, вокруг которого они кружились
 словно вокруг своей оси в ходе
 колонизации, не упуская из виду эту
 стену леса, обширную лесную
 крепость Богемии, — место их
 изначального расселения.
 Разумеется, это пример
 привязанности баваров к родине уже
 в ранние времена в
 противоположность столь многим

другим германским племенам — андалузцам, ломбардам и прочим, которые, не имея границ и опоры, исчезли вплоть до имен в чужой народности. Борьба романского и германского пограничных образований, развивавшегося при этом чувства границы, естественно, одна из поучительнейших для Внутренней Европы сокровищниц, добытая трудами Юнга и Бидерманна и вновь прокомментированная Р. Борхардтом на удачно выбранном, одном-единственном примере отношения германцев и романских народов к “вилле”, т.е. на контрасте романского и германского земельных владений.

Обобщая отдельные проявления
возможностей группового
воспитания чувства границы, а у нас
их предостаточно, мы сразу же
обнаруживаем огромнейшую
опасность ведущего к бесплодности
воспитания в одном направлении,
одной слишком резкой [с.114]
дефиниции, одностороннего
юридически и исторически
ретроспективного видения границы,
любой казуистики, любого поиска
линии во что бы то ни стало, как
противящейся законам жизни на
Земле и поэтому обреченной на
провалы точки зрения
биологического вида. Об этом
следует предупредить особо, так как

она — именно из излишней справедливости, педантичного правдолюбия, а также явной неговорчивости — как раз в Центральной Европе соответствует определенным предпочтениям в гуманитарных науках и побуждает их приверженцев, склонных к чистому анализу, вовсе не заниматься созиданием.

Однако в *практике* воспитания чувства границы необходимо *видеть* ее предполя, знать переходы и принимать их в расчет, а также состояние атмосферы, ветра, обтекающего их пределы, их ясные очертания. Это привносит в политико-географическую картину

противостояния жизненных форм государств и народов, культурных кругов и хозяйственных культур, отграниченных друг от друга, пограничную фразеологию, некую форму политического “лицемерия”.

Характерно, что островные народы с их более прочувствованной атмосферой *намного легче*, чем континентальные народы, принимают в расчет данный факт, острее противопоставляют краски, гораздо резче видят побережье против побережья. Достаточно вспомнить картины Тернера, Уистлера_, а также японских или раннекитайских художников, изображающих прибрежные

ландшафты!

“Широкая” русская натура, у которой иные задатки, сохранила подвижный образ восприятия границы, возможно, благодаря атмосфере северного леса; этот образ — продукт скорее подзольной зоны, чем черноземной на Украине и в просторах степи со свойственным им смешанным душевным настроем.

Следовательно, сравнительные наблюдения за границей и здесь необходимы в переносном смысле! Они побуждают к особой тонкости, где речь идет о *культурно-географическом чувстве границы*. Здесь существуют в особенности религиозно-географические и

церковно-организационные
разграничения, которые
обнаруживают тонкий инстинкт
пограничных исследователей, чья
многогранность может побудить к
обобщениям. Исследования Вюста о
трансформации буддизма в ламаизм
при переходе большой естественной
границы__ — Гималаев, различное
поведение церкви в отношении
образования церковных приходов в
горах и на равнине служат указанием
на то, как следует проводить такие
исследования. Следует учитывать и
наслоения культур, на что обращает
внимание Понтен в своих
художественно-географических
изысканиях. [с.115]

Где, к примеру, можно разграничить замедленный ритм образа действий, характерный для особенно устойчивых структур горных стран (как показывают новые швейцарские исследования в области искусства) по отношению к пространствам с нормальным ритмом развития? Где эти нормальные пространства снова находят границы с пространствами, у которых опережающий в разрезе времени темп культуры, как собственно долины Рейна и Роны и части средиземноморского побережья?

Культурно-географические симптомы часто выдают куда более

ощутимо, чем политические, грядущие политические переносы границ и переоценки, и я пытался это проследить в “Geopolitik des Pazifischen Ozeans” для тихоокеанского региона.

В свете сказанного *политическое чувство границы* (чувство такта в соприкосновении!) представляется нам, пожалуй, привитым воспитанием своеобразием индивидуумов и народов. Кто хочет этому содействовать, должен по необходимости, испробуя все дополнительные средства, выходить за пределы чистого наблюдения за властью и искать прежде всего в

политическом силовом поле Земли образцы в высшей степени утонченного периферического ощущения пространства незаурядной личностью государства, воплощенного во всех отдельных ячейках государственного строительства, а не только, как чаще всего, в отдельных частях народа, сословий и классов. Такой образец с завидной силой обнаруживается в Японской империи, и это я пытался доказать в вышедшей под тем же названием книге_.

Трудности, которые сохраняются в распространении чувства общности целой нации в отношении ощущения границы (например, из-за такого

внутреннего своеобразия структуры, как замкнутость жизненного пространства в Германии), для географического исследования вполне постижимы. К счастью, это и пути воспитания к их преодолению, иными словами, *ощущение границы индивидуумом и массой* в своем взаимодействии доступно не только социологическим и психологическим методам исследования, но и чисто географическим с особым коэффициентом полезного действия_.

Необходимо при этом вспомнить, например, о восприятии климатических рубежей Гельпахом, изложившим свои наблюдения в

основопологающих научных
исследованиях, посвященных
“геопсихическим явлениям”. Эти
наблюдения близки каждому знатоку,
сопоставляющему собственное
земное пространство и отдельные
чуждые ему по своей сущности
пространства. Разумеется, такие
исследования находятся лишь в
самом начале; еще недостает важных
наблюдений. [с.116]

Но почин сделан! Что он может
быть положен географическим, а не
только геофизическим,
метеорологическим методом,
показывает, например, труд Гейма об
особенностях ветра, подобного тому,
который возникает только на

окраине Альп, высоко над морем, на подходе к холмогорью, следовательно, совершенно отчетливо географически “отграничено” возможное место его возникновения благодаря такому своеобразию. Опираясь на отдельные строительные камни, можно найти путь к рассмотрению индивидуального и массового психического ощущения в связи с давлением на периферические органы жизненной формы по аналогии с геопсихическими явлениями, которые нельзя отвергать и для культурно-географических и политических напряженное! ей, таких, как примеры блокады

(изоляции), и для опасностей внешнеполитического приближения границы.

В подобной воспитательной работе, конечно, требуется высшее слияние образного воздействия искусства с научным обучением — и это слияние выступает в достойном похвалы, возникшем без особых усилий, зрелом, насыщенном серьезнейшей наукой произведении А. Гейма, написанном им в последние годы жизни. Оба направления могут идти рука об руку лишь по узкому скальному гребню, и срыв то в фантастику и мистику, а то в поучительную трезвость уже не возникает в сознании как

психически действенная опасность. Постоянно настороженная творческая совесть создателя, предварительная научная работа должны предотвращать такой срыв. Наивысшая личная “деликатность”, с одной стороны, хорошее знание “психологии толпы” и силы, поднимающей энергию, тонус, возбудимость, настроение индивидуума — с другой, — предпосылка для эффективной способности воспитания чувства границы в нациях.

Совершающаяся на инструменте творческой силы воображения игра (imagination creatrice) — чтобы не вызывать крайнего раздражения при

ином творческом воображении — предполагает тончайший научный контрольный аппарат создателя. “Настройка и результат” [_____](#), взаимосвязь которых следует рассматривать не иначе как интуитивную при формировании предпосылок искусного воспитания, — таковым является создание атмосферы для геополитического отдаленного чувства! — должны быть приведены в тончайшее равновесие. Следствием этого будет плодотворное, убедительное, основанное на философском знании и все-таки ведущее к практическим делам, к боевому участию как личности,

[с.117] так и масс воспитание чувства границы. Наконец, оно может помочь предвидеть натиск на границу отдельных лиц, групп и масс.

Лишь в таком случае воспитание становится осознанным возвратом к инстинкту самосохранения — на более высоком уровне! **[с.118]**

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.112) *Uyehara G. E.* The political development of Japan 1867-1909. London, 1910. В своем весьма характерном введении о психологии японского народа и его позиции по вопросу о границе Уэхара пишет о “напоминающей дракона конфигурации [Японских] островов”, которую запоминает как абсолютно убеждающее очертание каждый школьник; об “инстинкте самосохранения” и о том, что “японский народ инстинктивно ощущает любую опасность, угрожающую его национальному

существованию, потому что в сознании его страна всегда представляется господствующей. Это не означает какое-то постоянное предостережение или раздражение против какой-либо другой нации”.

(с.112) *Hellpach W.*

Geopsychische Erscheinungen. 2. Aufl. Leipzig. 1917. (с.112)

(с.112) *Solch J.* Die Auffassung der natürlichen Grenzen in der wissenschaftlichen Geographie. Innsbruck, 1924.

(с.113) *Ratzel F.* Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten // *Petermanns Mitteilungen.* 1896; *Idem.* Politische Geographie. 3. Aufl.; *Antropogeographie*, Bd II.

(c.114) *Buhler J.* Die Germanen in der Volkerwanderung. Leipzig, 1922.

(c.114) *Jung H.* Romer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck, 1877; *Bidermann H. J.* Romanen und ihre Verbreitung in Österreich. Graz, 1877.

(c.114) *Borchardt R.* Prosaschriften. Berlin, 1920.

(c.115) *Ratzel F.* Politische Geographie. 3. Aufl. S. 179.

(c.115) *Wust W.* Der Lamaismus als Religionsform der hochasiatischen Landschaft // "Zeitschrift für Geopolitik". 1924. Bd I. S. 295.

(c.116) *Ponten J.* Anregungen zu kunstgeographischen Studien // "Petermanns Mitteilungen". 1920. S. 89-

(c.116) *Haushofer K.* Das Japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, 1921.

(c.116) См., например, *Campeano.* Militar-Psychologie. Bukarest, 1904; *Ribot.* L'imagination creatrice. Deutsch. Bonn, 1902.

(c.117) Намеки Рибо в книге “L'Imagination creatrice” касательно отношения прирожденных крупных лидеров, как Наполеон, к использованию этой силы, чтобы вывести людей за пределы своих границ, возвысить ощущение привлекательности естественных и искусственных границ, могли бы

быть, как доказывает переписка Наполеона или его становление (см.: *Colin. Education militaire de Napoleon*), очень ценными для воспитания чувства границы. Аналогичные примеры дают жизнь и деятельность лорда Керзона, его размышления об индийском “гласисе”, воспитательная работа Мэхена в Соединенных Штатах относительно морских пространств американского Срединного моря и Тихого океана, а также упомянутый ранее труд Е. 'Гэно “*La frontiere*” (“Граница”).

Алеманны — известное с конца III в. римское название германцев, живших в верховьях Дуная и Рейна.

Гельветы — кельтский народ, первоначально занимавший территорию между Майном, Неккаром и Альпами. С течением времени были романизированы, со II в. н.э. это имя не упоминается.
[с.118]

Иордан — историк VI в., автор ценного сочинения “De origine actibusque Getarum”, посвященного истории готов. Готы в III-IV вв. представляли собой весьма активную историческую силу на северо-восточных рубежах Римской империи, основное звено в сложной цепи процессов, именуемых Великим переселением народов.
[с.118]

Гепиды — восточногерманское племя (первоначально часть готов), развившееся в самостоятельный народ. Около 270 г. при короле Фастиде переместились к границам римской провинции Дакия. Около 400 г. были покорены гуннами.
[с.118]

Северин (ум. 482), причислен к лику святых. В 454 г., уже в зрелом возрасте, пришел из Паннонии в Норик. Возглавил его оборону против германцев. Норик — область кельто-иллирийских племен, занимавшая приблизительно территорию современной Австрии, с II в. подверглась опустошительным набегам соседних племен. В VI в. был

занят славянами, часть его отошла к Италии. [с.118]

Тернер Уильям (1775-1851) — британский художник, один из крупнейших английских пейзажистов, великолепный акварелист, своими колористическими исканиями во многом предвосхитивший импрессионистов. Уистлер Дж. (1834-1903) — американский художник. [с.118]

Буддизм — одна из трех (наряду с христианством и исламом) мировых религий. Возникла в Древней Индии в VI-V вв. до н.э. Ламаизм — тибето-монгольская форма буддизма. [с.118]

ГЛАВА XII

ИСКУССТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

Возвысить полное жизни современное понимание сущности границ и привлекательное восприятие естественных и искусственных границ индивидуумами, группами, нацией в целом мы признали наиважнейшей целью в воспитании чувства границы. Достигнув этой цели, такое воспитание должно в конечном счете

воплотиться в более высокое осознание принадлежности друг другу, в более сильное чувство единства жизненной формы всего народа, даже в почти телепатическую чуткость отдаленной пограничной опасности, что мы наблюдаем в Японии. Только тогда народ способен и в более высоких рамках организации части Света или человеческой общности в целом вносить свой вклад в мировую культуру как сплоченный, отграниченный природой и искусством характер, а не как шизофреническая личность, чье достижение при всей гениальности будет в конце концов развеяно

ветром и сломлено
целенаправленным инородным
нажимом на границе.

Что такое возвышение возможно
без околичностей для естественной,
данной природой границы
средствами географии, географии
культуры или экономической
географии, явствует из имеющегося у
нас опыта. В отдельных, особенно
характерных проявлениях —
водораздел, крупная река, горы,
растительный пояс и т.д. — такую
возможность все еще приходится
исследовать, тогда как для моря и
анэйкумены она уже налицо. Труднее
обстоит с вопросом относительно
понятия *“искусственная граница”*.

Может ли пройти мимо этого географ, задача которого объяснить все изначально находящиеся в пространственной связи с поверхностью Земли явления и их обратное воздействие на преобразование этой поверхности? Может ли он сказать, что их объяснение — лишь дело политики, экономической науки, наконец, таможенника или пограничного контролера? Или же он не должен все-таки пытаться на более высоком уровне, исходя из, пожалуй, единственного, действительно еще всеобщего образования нашего поколения — географического, дать *объяснение, описание* по крайней

мере в таких минимальных пределах, когда вступают специалисты с их профессиональными разъяснениями? Это ключевой вопрос данной главы!

Естественный ландшафт и культурный ландшафт, подверженные частому распаду, кажутся вечным беспокойством, лежащим в основе проблемы учения об искусственных границах. Насколько широко, согласно Зупану__, можно [с.119] обозначить искусственные границы в качестве “невидимых”? Границы, которые все же сильно разделяют как данное Землей в своем влиянии на властные, культурные, правовые жизненные формы, границы,

которые при видовых и расовых различиях определенных преобладающих типов даже в переходных ландшафтах переносятся из жизни на карты, могут ли они быть объяснены по своему месторождению как разделительные зоны, которые как границы культурного круга, как искусственные географические разграничения ставят культурно-морфологические, но разрешимые картографически проблемы?

Предметом весьма обширной научной проблемы, инициированной Пассарге, несомненно было бы сведение воедино и сопоставление всех префиксов [к слову] география и

их комментирование. Фактически
немногие проявления жизни при
описании их географически нельзя
дополнить впереди стоящим словом
“география” как составной частью, а
именно: антропогеография
(Antropogeographie), география
архитектуры (Architekturgeographie),
география народонаселения
(Bevölkerungsgeographie), география
строительных материалов
(Baustoffgeographie), география
торговли (Handelsgeographie),
военная география
(Militargeographie), география
растений (Pflanzengeographie),
география искусства
(Kunstgeographie), география

культуры (Kulturgeographie),
религиозная география
(Religionsgeographie), география
колонизации (Siedlungsgeographie),
география городов (Stadtgeographie),
география животного мира
(Tiergeographie), география средств
сообщения (Verkehrsgeographie),
география укреплений
(Wehrgeographie) и экономическая
география (Wirtschaftsgeographie).
Это — всего лишь несколько
общепринятых вариантов, выбранных
из многих!

География океанов
(Ozeanogeographie), география морей
(Geographie der Meere), география
континентов (Geographie der

Festlander) и многое другое только из-за неуклюжести словообразования защищены от подобного применения; но в смысловом отношении существуют и они. Аналогичным образом можно было бы поступить при подборе общепринятых выражений для искусственных границ путем присоединения впереди стоящих составных частей к слову “граница”. Например, уже прижились внутренняя таможенная граница (кит. Likin), “линия”, финансовая граница, военная граница, укрепленная граница, правовая граница, морская таможенная граница и внешняя таможенная граница. Граница

территориальных вод, рыболовная граница, граница между прибрежным, внутренним морским рыболовством и рыболовством в открытом море в их связи с дальностью стрельбы артиллерии, границы “дрейфа”, салюта, граница запретной зоны для подводных лодок, твердые санитарные границы — все они, как мы видим, в новейшее время играют слишком серьезную, важную роль, чтобы пристальнее рассмотреть их возможное, стремительно вспыхнувшее значение, оспорить их объективность, тем не менее называя все это “искусственными границами”. [с.120]

Особенно противоестественные внутренние границы можно описать как “чисто административные границы” и таким образом мягко уклониться от окончательного обесценения с географической точки зрения, которое они в противном случае испытали бы. Зупан хотел представить внутренние границы лишь как “законодательные” (legislative), как будто этим было бы легче оправдать сумасбродство при проведении границы, чем самой географией, если она устанавливает границы, не выдерживающие критического взгляда естественных наук.

К сожалению, и здесь

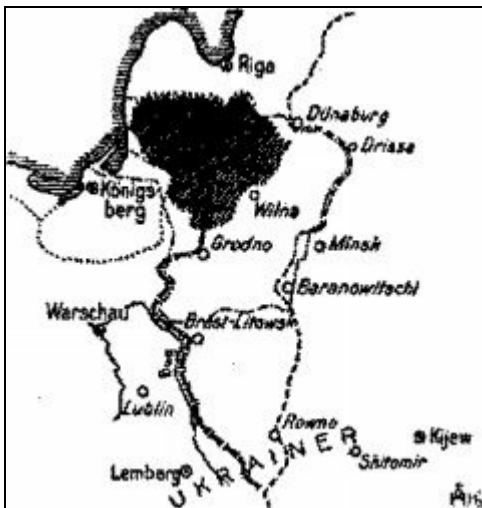
фактически также обнаруживаются постоянные *переоценки*, и география с ее арсеналом средств прилагает все усилия, чтобы поспеть за быстрыми переменами облика культурного ландшафта, например, в индустриальных районах. Старый метод съемки местности давно несостоятелен; на помощь должна прийти аэрофотосъемка. Так, в этой постоянной переоценке становится типичным не только *перенос дальности стрельбы артиллерии* от нескольких сотен метров до нынешних 128 км — от побережья до противоположного побережья, — т.е. увеличение до 256 км, в два раза, но и рост промышленной зоны, границы

большого города. Постигание этих перемен экономическая география все же не может с уверенностью уступить одной только экономической науке, совершенно не вооруженной картографическими инструментами для их учета.

Предвидя такие практические случаи, навязываемые нам вызовом времени, мы можем во всяком случае подойти исторически и к *развитию искусственных границ*. Тогда уже в собирательстве и ранней культуре можно обнаружить необычайно раннее проявление маркшейдерских прав, и сегодня все еще запечатленных в сборе ягод и грибов, в сборе плавника. Быстрый подъем

приводит к весьма
усовершенствованным, но все же
хорошо узнаваемым по признакам
охотничьим и рыболовным границам,
границам степных выпасов с их
летучими, галопирующими
кочевниками; рубежам предполий
защитного леса наших предков, еще и
сегодня проходящих вокруг
африканских государств, которые
вряд ли заметит не занимающийся
охотой. Жители лесной зоны охотно
ищут *охраняемые рубежи*, кочевой
народ — *границы сношений* и при
искусственных формах границы;
древний обычай накладывается и на
искусственное образование!
Наилучшим образом запечатленные

типы мы находим, следовательно, там, где в чистом виде сохранился контраст лесного, степного и лёссового ландшафтов с более редкими саванного типа древесными насаждениями (Hart). Наряду с этим существуют переходные страны, где необычайно трудно провести научно обоснованные искусственные границы, как мы это установили, исследуя романо-германскую культурную границу, как это произошло с германо-польской культурной границей_, [с.121] русско-польской и другими на линии Керзона_перед Рижским договором_.

Линия Керзона и пограничные
вождедения Литвы

Особую географическую
привлекательность имеет вопрос,
насколько широко реальные

культурные границы можно представить как искусственные. Ведь часто они существуют в “культуре” в узком смысле, например достаточно зримо уже в обработке земли — контраст выпаса и пашни, влаголюбивой и сухолюбивой растительности (рис — просо) — и время от времени находятся в неразделимом взаимодействии с искусственно созданными границами, например германский хвойный лес — с Лимесом длиной 542 км, монгольские выпасы открытой степи — с Китайской стеной протяженностью 2450 км. В обоих случаях искусственная граница, запечатленная на Земле,

была одновременно связана с рубежами культур: римской и китайской [с.122] системами сельского хозяйства, с одной стороны, и германским кочевым производством на лесных и лёссовых поверхностях и монгольским в открытой степи — с другой.

Религиозно-географические границы или, точнее, границы мировоззрений, доступные пониманию с точки зрения общественных наук (социологические) и все же одновременно запечатленные Землей, ею определяемые (геополитические) — как они *проявляют себя* в пространстве, так

что они должны быть восприняты и учитываться географией, — сколь тягостным для них может быть взаимообогащение?

Прежде всего здесь есть определяемая землей, выросшая на почве форма культового места, храмового сооружения, могильника, ступы, мечети, могущественной ортодоксальной церкви с куполами и греческим адитоном, ранней римской церкви, развившейся из базилики__; здесь существуют в соперничающих религиях столь примечательные контрасты, как между буддийской терой и синтоистской мией_в Японии или между постройками ислама и

дравидийской культуры Индии, что — наряду со множеством мелких святынь — придает конструкции пограничного рубежа вполне доступный пониманию важный географический отпечаток.

Далее, существуют местные градации священных фигур, например типа Будды, распятия, заменяющей символы иератической плоской декорации ислама. Эти градации указывают, как далеко распространялись культурные покровы, вплоть до культурного слоя, оставленного ими, который все-таки должен быть также обозначен картографически, отмечен границами и осмыслен, подобно

определенным видам могильников с их предметами культа.

Имеются настоящие сухопутные границы, проведенные антропогеографическими рунами самых разных культурных кругов: Турфан_, Гвалиор_, Ангкорват_, Илион (Троя)__, где, сняв напластования культурных слоев, можно было бы установить отдельные проявления границ.

География не должна упускать из виду даже обозначения границ блуждающими по Земле носителями знаков рубежей, запечатленных, к примеру, в определенных предпочтительных видах животных или в различиях людей, как

отличаются в Индии друг от друга те, кто почитает Шиву, а кто — Вишну_.

В данном случае внутри тех же самых рас проложена четко узнаваемая широкая искусственная граница между группами людей, которую обычно прокладывают расовые различия между расами. Знание этих границ даже в отдельном случае должно было бы заставить географию и политику остановиться на этом. Есть, однако, много случаев, и они встречаются по всей Земле, — не только, скажем, семито-арийский антагонизм, противостояние цветных против белых, кровных японцев против айнов и эта_, малайцев и полинезийцев —

жителей побережья против ториадья — обитателей внутренних районов в Тихом океане, которые являются одной из наиболее распространенных [с.123] политико-географических сил, вызывающих напряженность, противопоставляя типы людей, расы, виды, касты и в конечном счете личности.

Даже такое различие, как его изволила признать, например, “Манчестер гардиан” (июнь 1922 г.), а именно противоположность между людьми алчными, жаждущими владеть (possessive men, men of property, of a having nature)_и людьми робеющими (unpossessive men)_, причем в довершение всего

жаждущий приобретений тип вовсе не совпадает со стремящимся владеть — было бы, вероятно, весьма доступно картографической, отграничивающей деятельности. Согласно этой точке зрения можно было бы наверняка отграничить как отдельные, так и общественные группы, нации. Естественно, с такой точки зрения подлежали бы разграничению и эпохи (“Викторианский век” —, “Сага о Форсайтах”).

Как противостояли друг другу, скажем в Бисмарке и Лассале повелитель и пособник власти, в качестве совершенно понятных ведущих типовых групп населения и

предостережения сохранить
социологические границы
“дружественно связующими”, этому
учит отношение Бисмарка к Лассалю
в позитивном и негативном смыслах

Проведение искусственных границ между невесомым, имеющим к ним отношение, — высокое искусство, которому мы можем во многом поучиться у оппонентов и у географии культуры с ее новыми и смелыми методами. “Африканский атлас” Л. Фробениуса определенно является примером смелой, культурно-географической решимости в поиске и установлении границ, при которой, разумеется, все

встает на самородность основ! Фактически нам необходимо иметь культурно-географические и экономико-географические *основательные карты*, затем атласы в таком объеме, какой в обозримое время недостижим (к этому идеалу ближе всего подошли Соединенные Штаты с их колоссальными денежными ресурсами), чтобы с их помощью получить такие данные для проведения искусственных границ, которые обеспечили бы верное с точки зрения границ мировидение.

Все же трудность задачи не дает основания на длительное время отказаться от ее решения лишь в пользу столь несовершенной

эмпирики, где ныне возникла
слишком широко открытая наукой
брешь. Именно интенсивная
разработка искусственных границ во
время войны выдающимися
представителями географии
показывает все-таки наряду с их
готовностью помочь и осознание
упущений! Однако она показывает в
послевоенной работе и несомненный
поворот к лучшему, поворот,
которому тщетно противятся
отдельные представители старых
школ. [с.124]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.119) *Supan A.* Leitlinien der allgemeinen politischen Geographie. Leipzig, 1918.

(с.121) *Hanslick.* Kulturgrenze und Kulturzyklus in den polnischen West-Beskiden. Gotha, 1907. “Petermanns Mitteilungen”. Erg.-Heft 158; *Grund.* Der Kulturzyklus an der deutsch-polnischen Kulturgrenze Wien, 1918; *Preasent H* Russisch — Polen // “Petermanns Mitteilungen”. 1914. II. S. 259; *Kaindl R.F.* Grenze zwischen west — und osteuropaischen Kultur Karte I // “Petermanns Mitteilungen”. 1917. S. 6.

Здесь несовпадение немецкого и

русского языков: в немецком языке все перечисленные виды “географии” пишутся слитно. [с.124]

См. [примеч. 36. С. 46.](#) [с.124]

Рижский мирный договор 1921 г. подписан после окончания польско-советской войны 1919 — 1920 гг. По Рижскому мирному договору была установлена граница, передававшая Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Договор действовал до 17 сентября 1939 г., когда в связи с распадом Польского государства были аннулированы все договоры и соглашения, заключенные с Польшей. [с.125]

Ступа — монументальное сооружение буддийского культа в

виде полусферы, иногда снабженной шпилем; известны в ряде стран Востока — Индии, Индонезии, Бирме, Монголии и др.

Греческий адитон — священная часть храма, алтарь, у древних — жертвенник.

Базилика — прямоугольное вытянутое здание, разделенное внутри продольными рядами колонн или столбов на несколько частей — нефов. Средний неф обычно выше боковых. У древних римлян базилика служила для целей с массовым участием — торговли, суда и т.п. Впоследствии в форме базилики строились христианские храмы.

[с.125]

Мия (дзинту) — синтоистское
святилище, связанное с
императорским домом. [с.125]

Турфан — город в Синцзян-
Уйгурском автономном округе
(Северо-Западный Китай, в горах
Тянь-Шаня), к юго-востоку от г.
Урумчи. Главные
достопримечательности — мечеть
Сугон и остатки древнего города
Гаошан, который в период 200-400
н.э. был центром процветающей
цивилизации. [с.125]

Гвалиор — город в Северной
Индии, знаменит своей крепостью
(525 г.), включающей дворцы, храмы
и святилища. [с.125]

Ангкорват — самый

выдающийся памятник кхмерской культуры эпохи расцвета Кхмерского государства. Комплекс монументальных архитектурных сооружений, храмов, дворцов, созданных неизвестными зодчими. [с.125]

Троя (Илион) — древний город на северо-западе Малой Азии. Известен по древнегреческому эпосу. Обнаружена в 1870-х годах немецким ученым Генрихом Шлиманом при раскопках холма Гиссарлык. [с.125]

Вишну — один из главных богов индуистского пантеона, бог Солнца и хранитель всего живого. Шива — один из трех верховных богов (наряду с Брахмой и Вишну) в браhmaизме и

индуизме. [с.125]

Айны и эта — представители коренных племен, населявших преимущественно северную часть Японских островов и Курильской гряды. [с.125]

См. [примеч. 17. С. 67.](#) [с.125]

Собственнический, владеющий собственностью, обладающий таким характером (*англ.*). [с.125]

Не собственник (*англ.*). [с.125]

Речь идет о времени правления английской королевы Виктории (1819-1901), которое составило целую эпоху британской истории, получившую название викторианской (1837-1901) и ставшую своеобразным символом,

олицетворявшим мощь
Великобритании. После смерти
Виктории Англия вступила в новую
эпоху, когда ее казавшиеся
незыблемыми принципы были
поставлены под сомнение ее
соперниками. [с.125]

Бисмарк Отто фон (1815-1898) — князь, государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Провел объединение Германии под главенством Пруссии с помощью династических войн (“железом и кровью”).

Лассаль Фердинанд (1825-1864) — немецкий писатель, политик, основатель Всеобщего германского рабочего союза. Лассаль полагал, что

мирной легальной агитацией за
введение всеобщего избирательного
права, за устройство
производительных ассоциаций
можно постепенно превратить
Прусское государство в так
называемое свободное народное
государство. Находился в тайных
сношениях с Бисмарком. [с.125]

ГЛАВА XIII

**ГРАДАЦИЯ
ПОГРАНИЧНЫХ
РУБЕЖЕЙ ПО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ВАЖНОСТИ,
ВЕЛИЧИНЕ И
ЦЕННОСТИ
ПРОСТРАНСТВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ**

РАЗГРАНИЧЕНИЮ

Если мы попытаемся определить достоинство и значение границы по политической важности, величине и ценности подлежащих разграничению пространств, то ближе всего подойдем к общепринятым понятиям границ частей Света и земного пространства, границ империи и государства (с проблемой наднациональных связностей), границ земель, провинций и округов (обремененных территориальной проблемой), наконец, границ поселений, которые снова разделяют

аналогичные или противоположные поселения на два больших типа городской и сельской границ, где обнаруживает свой злой умысел в результате жесткого, дисгармоничного импульса урбанизма проблема разрастания городов за счет сельской местности.

Однако мы сразу же признаем, как мало говорят нам эти широко распространенные понятия, как они в сущности относительны, ибо могут быть изменены извне в результате соответствующего международно-правового, государственно-правового процесса и местного законодательства буквально одним росчерком пера, хотя и не без того,

чтобы по-иному использовать самые мелочи в их биологической самобытности. Здесь животрепещущий вопрос между абсолютным и относительным действием. Естественно, мы можем просто вычислить грубую механическую величину давления на границу из глубины подлежащего защите пространства и, показав его составные части, сравнить давление-частное (Druckquotienten).

Но уже здесь начинается несоответствие между шириной и глубиной пространства и не связанной с этим плотностью населения, кинетической энергией, а она способна столь серьезно

изменить его ценность, что при менее обширном пространстве может быть намного более мощной и обладающей большей силой инерции, чем при более обширном, и действующей иначе, сообразно тому, как укреплен соответствующий “хинтерланд”, пространство которого, естественно, снова разделено на прочные [с.126] структуры округов и ячеек, так сказать, поперечными перегородками или же не разделено и безбрежно переполняется населением.

Если мы попытаемся выяснить правдоподобные границы частей Света, или частей мира, следовательно, границы

пространства самого крупного масштаба, то умалывается значение некоторых известных в истории зон борьбы: Геллеспонта, Босфора, Геркулесовых столбов___, Урала, Кавказа, зоны Суэцкого канала (Пелузий_и Газа_с их серией битв) и “ворот слез” (Баб-эль-Мандеб)___, перешейков между Северной и Южной Америкой, не только уже проглоченной Севером [т.е. США] Панамы, но и Никарагуа — столь оспариваемых в 1927 г., — Теуантепека____. Равно как и знаменитой “линии Уоллеса”, ожесточенная борьба за которую ведется до сих пор, естественно лишь в сфере науки, и которая хотела

отграничить географически в австрало-азиатском Срединном море современную “Terra Australis”, животный и растительный мир Азии, — смелая, теперь почти безнадежная попытка. Плотность населения Юго-Восточной Азии и незаселенность Австралии позволяют, конечно, подозревать здесь не только зону научных сражений будущего.

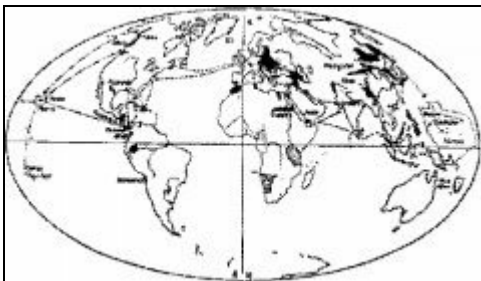
А разграничены ли части Земли, части Света так, как это мы спокойно делаем по-школьному? Продвигаясь от одного океанографического рубежа к другому, мы свыкаемся с распространением тихоокеанского

типа вокруг Зондских островов далеко в Индийский океан, который обычно считается самостоятельным пространством. Мы признаем течения Босфора в сущности лишь затопленной речной долиной, Дарданеллы, Гибралтарский пролив, а не только искусственные Суэцкий и Панамский каналы, которые нужно рассматривать в совокупности не просто благодаря изобате или фарватеру, — отдельными канальными зонами. Мы обнаруживаем в сущности физически не делимую, сообщающуюся поверхность воды, сливающиеся культурные границы и другие антропогеографические

образования, продолжающиеся по ту и другую сторону, не изолированные водотоком естественные условия существования, как Новые Кордильеры, пояс пустынь Старого Света, африканский метод ирригации в качестве хозяйственно-географической необходимости по обе стороны Гибралтарского пролива и дальше в направлении Испании.

Итак, даже у границ, представляющихся нам сквозь тысячелетия традиционными и устойчивыми, мы видим крупные формы, которые охватывают весь земной шар и лишь локально на протяжении всех разграничений играют взаимопроникающую роль

важного малого крепостного укрепления (Kleinfestigungswerk). Напрашивается мысль о том, что только охватывающие Землю планетарные крупные формы, подобные растянутым дугам западной части Тихого океана, молодым горным цепям Старого и Нового Света, огромным частям моря, как [с.127] Атлантическая расселина, имеют право постоянно разделять большие части Земли.

Зоны боевых действий на границах континентов

Но подобное внутреннее разделительное право и связанная с ним сила отграничения не подошли бы соответственно таким формам, какие обязаны своим существованием скорее местным капризам природы, как и человечества, чем крупным закономерностям. Однако развитие человечества, устанавливающего границы своих крупных пространств, происходило, к сожалению, не согласно столь широким географическим представлениям. Прежде долгое время на нас

наводили ужас географические представления, какие недавно получены передвижением “крепостей (замков) страны” (Landfesten), изменением казавшихся незыблемыми, терпимыми рубежей на таком пути, чтобы и это считать лишь возможным или дискуссионным. Итак, приводящий нас в замешательство избыток пограничных оборонительных сооружений на малом пространстве все же приятнее, чем внушающее тревогу общее правило, из которого проистекают последние и самые второстепенные практические случаи; а именно избыток, который от упомянутых выше планетарных

пограничных проявлений опускается до уровня топографически доступной пониманию малой формы, до технически управляемого, столь привычного сегодня разграничения, например между сельскохозяйственной, лесохозяйственной, садоводчески используемой землей, до спора о стоимости полезной сельскохозяйственной земли и своеобразии строительной площадки на периферии большого города, вытекающего из абсолютно фиктивных мнений о цене.

И здесь на повестке дня переоценка ценностей. Стоит лишь вспомнить о тех маленьких

алеманнских сельских общинах, которые, не обладая прозорливостью, некогда разделились вблизи водопада Шафхаузена_____чисто межевой границей и затем внезапно испытали, сколь глубока пропасть между участием в мировой войне и нейтралитетом, между приятным изобилием и голодом, между свободой мировой торговли и блокадой части мира, пропасть, образовавшаяся на границе их полей, которая прежде все же была проложена для другого, а не для такого разделения. Или же уясните себе, что еще и сегодня большая часть жителей баварского происхождения враждебно

противостоит переоценке своей границы с Богемией — от внутренней границы к расовому рубежу, своей границы по реке Зальцах — от границы округа к имперской границе. Она все еще не понимает, что здесь не должны больше проходить ставшие небезобидными рубежи между добрыми соседями, а внушающие недоверие, подлежащие охране границы рас, земель и государств. Или же посмотрите, как граница Ялу — Тумыньцзян в Корее в течение одного поколения из бывшего в раннем средневековье пограничного предполья между культурно-родственными областями стала

тщательно охраняемой границей островного государства [т.е. Японии] против двух огромных континентальных держав, из едва обозначенной переселением туда-сюда, [с.129] свободно передвигаемой линии — хорошо охраняемым рубежом между в корне различными политическими и экономическими системами!

А как вести себя со скрытыми, внутренними границами — если даже ценность политических внешних границ, невзирая на глубину пространства, вдруг претерпевает такое изменение?

Какой здесь порядок?
“Легислативное” (законодательное),

“историческое” или же
“биографическое” определение
внутренней границы вплоть до самых
незначительных политических
пространств и расчлененных
пространств? Здесь, пожалуй, лучше
всего стоит на страже по отношению
к противоестественному, абсолютно
гибельному для народа коварству
осознание того, что нет и не может
быть абсолютно заброшенного места
в некоей жизненной форме и даже в
столь маленькой ячейке, которая не
является ответственной ее частью.
Нигде не сказано, что именно данное
окружное управление, данная
община — часто поспешно и
бестолково разложенные на зеленом

столе согласно частноправовому удобству — ни за что не станут ответственной частью, уязвимым местом границы великой державы, культурным рубежом между крупными расами, брешью в торговых системах и хозяйственных организмах, контрабандным центром мирового хозяйства, политической пробоиной, ведущей государственный корабль к потоплению.

В свете этого рассмотрения перед нами предстает важность строительства государственных структур в отдельности, превосходства *прочной ячейки* жизненной формы, построенной как

водонепроницаемая система, в противовес ячеисто-рыхлой, неустойчивой, федералистски расслабленной системе, а с другой стороны — сверхцентрализованной и окостеневшей.

Обладающий верным инстинктом народ должен так построить каждую мельчайшую ячейку, чтобы ее граница была способна однажды стать границей самой крупной жизненной формы. Это обеспечивает только “водонепроницаемая система”, надежно защищая от наводнения.

Какую долговечную силу имели и сохраняют еще сегодня французские провинции в

противовес управлению (власти),
произведенному Наполеоном
разделению на департаменты, хотя
оно было, пожалуй, хорошо
продуманным централизмом. Это
разделение в основном приводилось
в порядок и обозначалось по системе
рек, подобно весьма оберегаемому
естественному качеству отдельных
японских ландшафтов, в которых
можно использовать карту
водоразделов почти как
административную карту. Здесь
обнаруживается имманентная логика
естественного разделения, если
человек ее не перечеркивает! Гларус,
Фергана, Богемия, китайская
провинция Цзянси также являются

такими прочными бассейновыми государствами (Beckenstaaten) с границами по водоразделам.

Тем не менее вопрос о Бельфоре показывает — как теперь усвоили во Франции, — что политико-географические проблемы [с.130] следует серьезно обсуждать и с географической точки зрения. Стремление прежде всего заполнить естественные ландшафты, принудительно выселить население одной долины (Talschaften), высокогорного плато, котловины и объявлять вне закона их границы — это подтверждается по всей Земле. Однако и границы населенных пунктов, городские границы

(Верхняя Силезия — предостерегающий пример) должны были бы сооружаться именно так! Но как поздно была осознана эта сторона задачи городского строительства! Чрезвычайно поучительна большая сила сопротивления гармоничной с природным ландшафтом, в свои границы сознательно вросшей и встроенной Каринтии по сравнению с нынешней раздробленной, ослабленной Штирией.

Но в Каринтии нет даже средних городов с подвижным рабочим населением для использования в ее строительстве, подобных Грацу и Бруку. Мы видим, что сельское и

городское население в целом по-разному, а вернее инстинктивно, приспособливается к проблеме границы. Инстинкт трудового населения в значительной степени тогда вернее, когда оно, как в Саарской области, является оседлым и даже имеет собственное небольшое владение. Поэтому закрепление труженика на земле — не только этическое, моральное и социологическое, но и государственно-биологическое требование прочности границ с чисто материалистической точки зрения. Его следует поддерживать тем более там, где сохранение существования общей жизненной

формы стоит на первом плане в государственной-правовой мысли и восприятии. Нужно закреплять и создавать истинно коренное население, а не вечных странников, если вообще хотят углубленного, связанного с оседлым образом жизни отношения жизненной формы к жизненному пространству, на чем как раз делают акцент консервативные партии. Разумеется, оседлый житель в спокойные времена менее удобен, менее раболепен, чем не имеющий опоры; однако даже в самые бурные времена он тверже стоит на земле и умеет более крепко держаться за нее.

Следовательно, именно

консервативные партии должны быть противниками сгона крестьян. Крепкое крестьянство и мелкие, но жизнеспособные домовладельцы и владельцы дворов с минимумом средств существования, не подлежащих, как в старом Китае, конфискации и закладу, — это наиболее созвучная основа для умного патрициата в духе жизнеустойчивой японской феодальной структуры, которая в силу прочности своего принципа uime i mujitsu так долго сохраняет свой авторитет.

Какие именно опасности при новом разграничении Ирландского свободного государства с Ольстером

выявились в результате неумного обращения с ирландским сельским населением; с какой неоспоримостью Донегол, Литрим, Каван и Монахан оказывали давление на упрямо державшееся за Ольстер [графство] Фермана (с памятной битвой у местечка Эннискиллен) и помогли там создать прямо-таки немыслимо опасный выступ, которого тщетно пытались избежать иным проведением [с.131] границы, но это не было осуществлено из-за прочного устройства обжитых границ провинции.

Здесь хорошо сохранилась большая прочность старых границ

провинции по отношению к более поздней границе большого пространства!

Но для нас, немцев, пожалуй, самый поучительный пример — ячеистая структура западной границы немецкой народной и культурной почвы, истинный кладезь благоразумия. Какими структурно прочными оказались в сравнении со структурно непрочными габсбургскими графствами и фогствами (вотчинами монастырей) Эльзасский союз десяти городов, граница имперского города вообще по отношению к чужезычным миграционным потокам, как долго сохраняется отграниченное природой

графство Зальм. Как совершенно по-
иному сохранился прочно запертым
— несмотря на страдания — старый
рейнский Курпфальц на обоих
берегах Рейна по сравнению с более
поздними образованиями —
баварским Пфальцем _____ и
конгломератом Бадена! Как покарало
незнание геополитического факта,
что все естественные границы
пересекали Рейн, что особым
выделением Рейнской впадины
(Rheingraben) (конкуренция железных
дорог, упущения в мостостроении и
др.) играли только на руку
противнику, для которого было
важно разрушить естественную связь
в единстве равнины Верхнего Рейна.

Как жестоко отомстило то, что по хребту Вогезов вообще проложили биологически неверную имперскую границу, в то время как именно здесь для защиты равнины Верхнего Рейна следовало бы расширить анэйкумену, пойдя на жертвы в другом месте!

Чтобы, кроме того, продемонстрировать некоторые ныне ставшие известными “школьные” случаи и более древние особой международноправовой и биогеографической поучительной силы, обратим внимание, как в корне различно ведут себя океанское и приморское (litorale) японское государство и речное (potamische) и континентальное китайское по

отношению к чужеземным опорным пунктам (Wachstumsspitzen) на их морских окраинах. Как заботливо поступала старая и поступает новая Япония, стремясь привязать к побережью и блокировать чужие опорные пункты, поскольку их нельзя отделить лагунами, как Осиму или Хирадо, лежащие на островах, или как Иокогаму. Напротив, как неопределенно отграничивает Китай концессии в Тяньцзине, Шанхае, Шанхайгуане, а также полунейтральную область Циндао!

Как не подозревавшая возможностей чужеземного десанта Россия заботливо обустроила в Дайрене_ (Даляне) именно то место

против Порт-Артура, где позднее высадились японцы. Как мало думал немецкий флот о защите “хинтерланда” Цзяочжоу__, против возможной угрозы оттуда. Как осмотрительно поступила Франция при новом расчленении важной территории Бельфора_. Как плохо проведено разграничение в Верхней Силезии, в Саарской области! [с.132]

Как прискорбно дает о себе знать недостаточно развитое пограничное чувство в вопросе Большого Гамбурга, — органическом, гармоничном проведении городской и земельной границ, какую жалкую роль играет оно при прокладке автомобильной

дороги от Манчестера на Ливерпуль через 15 общин, из которых 4 традиционно городские, 2 имеют конституцию города, 5 застроены как город и 4 — как село, в вопросах роста Бирмингема, Ливерпуля, Плимута-Девонпорта, а также Большого Лондона, Берлина, Нью-Йорка, Токио и треугольника городов Осака — Кобе — Киото, в вопросе Большого Шанхая.

Несомненно, мы стоим вообще перед ухудшением пограничных состояний, вызванным цивилизационным заблуждением стареющего жизненного и культурного круга, — все более растущей опасностью механизации,

разрушения истинных культурных ценностей все тем же цивилизационным заблуждением.

Вчитайтесь в слова Бенджамена Анри Констан де Ребека_ (1814 г.): “De l'esprit de conquete et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation europeene” __, которые цитирует Монтейн в своем “Новом принципе международного права”. Конечно, против этого понимания самым ужасным образом грешит идея Монтейна о переселении народов и их жизненных форм по Земле — даже не осознавая этого, — представляемая одной из многих добропорядочных, страстных идей, которые появились после войны,

причем и идеи Ратцеля были глубоко неправильно поняты.

Итак, именно этот вопрос приобретает все большую важность.

[с.133]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.126) Урбанизм, разрастание городов является опасностью для разумной политики населения, которая кроется в одностороннем росте больших городов и поглощении ими сопредельных земель и была осознана довольно поздно (см.: *Ratzel F.* Die geographische Lage der gro?en Stadte // *Kleine Aufsätze.* Bd II. S. 437ff).

(с.126) См.: *Wagner H.* Lehrbuch der Geographie. 9. Aufl. Bd I. S. 830 — 831; *Sieger R. u. a.* Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung. Berlin, 1925. S.

209-210.

(с.127) *Brunhes J. L'irrigation.* Paris, 1902; *Vidal de la Blache.* Principes de Geographie humaine. Paris, 1923.

Давление-частное
(Druckquotienten) исчисляется так:
число жителей всех соседних
государств, с которыми имеется
общая сухопутная граница, делится
на число жителей собственного
государства. [с.133]

Древнее название
Гибралтарского пролива. [с.133]

Пелузий — стратегически
важный пограничный город к
востоку от дельты Нила, который
господствовал над военными и

торговыми путями из Египта в Азию. Особое значение он приобрел в момент столкновения между персами и Египтом (VI в. до н.э.), а также во время борьбы Селевкидов и Птолемеев за господство в Палестине (III и II вв. до н.э.). [с.133]

Газа — древний город в Южной Палестине. Издавна служил перевалочным пунктом в торговле между Аравией, Египтом и Восточным Средиземноморьем. В 332 г. до н.э. Газа была осаждена и захвачена Александром Македонским. [с.133]

Баб-эль-Мандеб — пролив между Красным морем и Аденским заливом в Индийском океане

шириной 27 км. Разделяет Аравийский полуостров и восточное побережье Африки. [с.133]

Теуантепек — перешеек в Мексике между Атлантическим и Тихим океанами. Ширина около 200 км. [с.133]

Суэцкий канал — судоходный канал длиной 171 км, без шлюзов, связывающий Средиземное море (г. Порт-Саид) с Красным морем, сооружен в 1859-1869 гг. Фердинандом Лессепсом, обеспечивает кратчайший путь для международного судоходства между Европой и Азией. В 1875 г. канал попал под контроль [с.133] Великобритании. После 1888 г.

Британия выступила гарантом нейтралитета статуса канала В 1956 г. национализирован Египтом.

Панамский канал, соединивший Атлантический и Тихий океаны (длина 80 км, ширина 150 м), был открыт 15 августа 1914 г. Экономическое значение канала состояло в сокращении протяженности морских путей в Мировом океане. Но более важным было его политическое и военное значение. Стремясь обеспечить контроль над зоной канала, США требовали от Панама ее отделения от Колумбии. 3 ноября 1903 г. Панама провозгласила свою независимость. 18 ноября 1903 г. был

заключен американо-панамский договор, согласно которому зона канала отдавалась в аренду США; под их контролем канальная зона находилась до 1979 г., когда она была возвращена Панаме. [с.134]

Имеется в виду знаменитый Рейнский водопад, самый большой по ширине — 150 м — в Альпийской Республике. Шаффхаузен — город в кантоне одноименного названия в северной Швейцарии, присоединенный к Швейцарской конфедерации в 1501 г. (находится в анклавe, вдающемся в соседнюю страну на 20 км). [с.134]

Ялуцзян (*кит.* Ялу), Амноккан (*кор.*) — пограничная река между

КНР и КНДР. Тумыньцзян (*кит.*), Туманган (*кор.*) — пограничная река между Китаем и КНДР, в низовьях между КНДР и Россией. Течет в узкой долине между Северо-Корейскими и Восточно-Маньчжурскими горами. [с.134]

Имеются в виду Китай и Россия (СССР). [с.134]

Гларус — кантон в Швейцарии с административным центром того же названия. Население немецкоговорящее. [с.134]

Бельфор — департамент Франции с центром того же названия в верховьях Рейна, на границе со Швейцарией. Административный центр Бельфор занимает

стратегическое положение в горном проходе (так называемые Бургундские ворота) между Юрой и Вогезами. Символ города, напоминающий об осадах 1814, 1815 и 1870 гг., — громадный лев, высеченный из песчаника скульптором Фредериком Бартольди (1834-1904), автором статуи Свободы в Нью-Йорке. Бельфор имеет систему фортификаций, построенную военным инженером Людовика XIV Вобаном (1633-1707). [с.134]

“Видимость силы не есть сила, и действительная сила избегает видимости” (яп.) [с.134]

С 1801 по 1921 г. Ирландия входила в состав Соединенного

королевства. Англо-ирландская война 1919-1921 гг. привела к признанию временного отделения 26 графств Ирландии и образованию Ирландского свободного государства. В 1921 г. на основе компромиссного англо-ирландского договора Ирландии был предоставлен статус доминиона Великобритании, за исключением Северной Ирландии, которая осталась под английским господством. В печати Северную Ирландию называют Ольстером (это 6 бывших графств бывшей ирландской провинции Ольстер: Антрим, Арма, Даун, Лондондерри, Тирон, Фермана). В 1937 г. Ирландское свободное государство

стало суверенным (Эйре). [с.134]

Эннискиллен — главный город графства Фермана (Северная Ирландия). В начале XVII в. город перешел во владение сэра Уильяма Кола. В 1613 г. город получил привилегии от английского короля Якова I и был заселен англичанами. [с.134]

Пфальц — историческая область на юго-западе Германии. Верхним Пфальцем называется территория в Баварии (в бассейне реки Дунай), в отличие от Рейнского, или Нижнего, Пфальца (ныне округ земли Рейнланд-Пфальц). [с.134]

См. [примеч. 30. С. 45](#). [с.134]

Далянь (Дальний) — порт в

Китае на Желтом море. Дайрен — японское название. Был основан Россией под названием Дальний на территории, полученной ею от Китая во временную аренду на основе конвенции 1898 г. В 1904-1945 гг. оккупирован Японией. Освобожден Советской Армией в августе 1945 г. [с.134]

Цзяочжоу (иногда неверно называемая Киаочао) — бухта на южном побережье Шаньдунского полуострова. 14 ноября 1897 г. Германия высадила здесь свой десант, используя в качестве предлога убийство двух немецких миссионеров. 6 марта 1898 г. было заключено германо-китайское

соглашение, по которому Китай передавал Германии порт Циндао с окрестной территорией на побережье бухты Цзяочжоу на началах аренды сроком на 99 лет. В окружающей 50-километровой зоне германские войска пользовались правом свободного передвижения, китайские же войска могли быть введены туда не иначе как по соглашению [с.134] с Берлином. Одновременно цинское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железных дорог в Шаньдуне. Таким образом Шаньдун превращался в сферу германского влияния. [с.135]

По условиям Франкфуртского мирного договора 1871 г. между Францией и Германией последняя аннексировала железорудный бассейн к западу от Тионвиля, взамен чего возвратила Франции крепость Бельфор. [с.135]

Девонпорт — пригород Плимута в графстве Девон (Англия). [с.135]

Констан де Ребек Бенджамен Анри (1767-1830) — французский писатель и публицист. [с.135]

“Дух завоевания и узурпация в их соотношении с европейской цивилизацией” (*фр.*). [с.135]

ГЛАВА XIV

О СТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ

Если бы мы смогли, скажем, в духе Ратцеля и Мауля__увидеть органично ход становления границ в их географическом проявлении, развитии и возвратном образовании от неопределенного пограничного пространства к пограничному предполью, от него к пограничной полосе, к пограничной черте, к пограничной линии, то и для

отграниченных пространств
фактически можно было бы
допустить, скажем в духе Шпенглера,
нормальный рост и ранний расцвет,
высокое развитие, поздний расцвет,
увядание, гибель и распад всех
отграниченных жизненных форм —
вплоть до возрождения — как
неудержимый, обусловленный
законами природы процесс, в
котором ничего нельзя было бы
изменить. У нас был бы в крайнем
случае выбор в признанном
неизбежным закате культурного
круга___сыграть роль внутренне
устоявшего Марка Аврелия__, или
смирившегося Луция Вера__, или
сумевшего преодолеть крах Коммода

, или способствовавшего разложению, приведшему к развязке, Гелиогабала (Элагабала)____. Мы вынуждены были бы, возможно, еще позволить самим себе сказать в знак благодарности за нашу стоическую добродетель в стиле Марка Аврелия, что мы лишь остановили в сущности желательный закат. Но не столь схематически простым выглядит положение вещей при тщательном, детальном исследовании хода развития границ, если мы располагаем одной из увлекательных, проявивших интерес к географии и истории геополитических работ “Картины из германского прошлого” Фрейтага____, которая показывает

борьбу между германскими и романскими народами к западу от Рейна и к югу от Дуная, — являясь примером того, как можно подойти к данной задаче полнокровно и плодотворно.

Прежде всего мы должны допустить, что вполне возможно как замедленное, так и ускоренное развитие сообразно различиям в способности отдельных лиц и народов оценить границы в истории именно вследствие более или менее верного понимания расами, как и индивидуумами, пригодности естественных рубежей в качестве границ. И в этом — еще одно обоснование планомерного

пограничного воспитания!

Два убедительных примера в пользу этого имеются на Западе и Востоке Евразии в отношении все той же самой избыточной энергии номадов “оси истории” (“pivot of history”) — римлянин Юлий Цезарь и китаец Цинь Шихуанди.

Вероятно, характерно также, что у одиночек, как и у народов в целом, применение умно выстроенной теории границы может [с.136] очень хорошо осуществляться другими личностями, отдельными или объединенными в группы общностями, и это доказывает использование греческой теории в практике строительства Римской

империи, германской (а именно теории Ратцеля) в деятельности строителей Британской империи не менее значительно, чем сохранявшаяся со сменой поколений китайская пограничная практика Монгольской и Маньчжурской династий, индийская пограничная практика Великих Моголов, прошедших сквозь фильтр персидской культуры. Здесь даже были пространства и времена, когда благодаря посредничеству Тандхары сомкнулись эллинистическо-римский и китайский опыты укрепления границы.

Вероятно, в данном месте правомерно обратиться именно к

опыту Юлия Цезаря и Цинь Шихуанди, оказавших влияние на ход становления границ, который без них протекал бы в совершенно ином темпе.

Как проницательно, опережая свое время, Юлий Цезарь распознал возникновение границы из пограничного предполья, позволяют видеть его знаменитые “Записки о галльской войне” (“De bello Gallico”), где он пишет: “Чем больше опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыри, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из

своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами”_____. Эту весьма практическую точку зрения великий римский геополитик подтверждает таким сообщением: “Свебы____, по получении точных сведений о римской армии, со всеми своими союзными войсками, которые они успели набрать, отступили к самым отдаленным границам своей страны: там есть огромный лес по имени Бакенский; он идет далеко в глубь

страны и служит естественной стеной для херусков и свебов против их нападений и разбойничьих набегов друг на друга. При входе в этот лес свебы и решили выждать приближение римлян”_.

Тогда Цезарь благоразумно не пошел туда, как позже поступил Вар, а совершил ложное нападение в другом месте и был счастлив, что смог благополучно возвратиться, так как в отличие от римских полководцев позднего времени точно знал пределы своей ударной силы по отношению к незнакомой местности и народному духу или догадывался об этом.

И в других местах своих

сочинений Цезарь, умный, практичный политический географ и основатель империи, записал отличные наблюдения в отношении географии границ. Можно только снова и снова сожалеть, что один из самых зрелых трудов по политической географии мира (так как, очевидно, [с.137] он был продиктован весьма умелому личному секретарю ясным, свободным языком приказа, который еще и сегодня выделяет носителя командной власти по призванию) слишком рано сделался грамматическим тренажером для учеников и тем самым утратил собственную политическую

воспитательную ценность, будучи как раз достаточно зрелым для более взвешенного обучения.

Подобным же образом было бы в высшей степени привлекательным сопоставить по мемуарам Наполеона, Бисмарка, Мольтке или Фр. Листа их отношение к понятиям границы и пространства. Какая сокровищница опыта в них заключена, раскрывает в конечном счете взгляд на жизнь Цезаря или Наполеона как путешественников, на их способность к преодолению расстояний и овладению пространствами, — выделяя такую жизнь из усредненности, — а также на установление порядка,

преподнесенный ими своему поколению.

Жизнь Цезаря, географа и путешественника, родившегося в 100 г. до н.э., показывает, что в возрасте 24 лет он впервые совершает поездку на Восток через Аттику, Малую Азию, Родос, два года спустя как действующий проконсул Британии предпринимает поход в Киликию в качестве добровольца и в 28 лет становится членом военного совета. В 34 года он претор, впрочем весьма недовольный по поводу запаздывания, — лишь в 41 год достигает самой высокой должности в Республике, после чего тем не менее дважды побывал в Испании и

участвовал в сомнительном, охватившем почти все страны Средиземноморья заговоре. На лучший организаторский возраст — между 41 и 48 годами жизни — выпадает беспокойное время порабощения Галлии и затем та блестящая поездка через страны Средиземноморья, которая описана в “Записках о гражданских войнах” (“De bello civile”). Уже в 56 лет богатая жизнь обрывается в результате известного заговора.

“Эгоцентризм и правонарушение” обернулись против него. Ведь после Суллы римское государственное право для гениального человека больше не

столь уж внушительно, и все же Цезарь как создатель границ, вероятно, на четыре столетия сдержал переселение народов, проложил и закрепил на две тысячи лет великую границу Человечества! Как творца и блюстителя границы мы должны причислить его к образцовым умам человечества. Безусловно, он был одним из самых блестящих политических географов не только в теории, и мы должны были бы благодарить Бога, если бы смогли воспользоваться его услугами на четыре или более лет . В незначительной “войне железных дорог” он сумел бы быстро освоиться.

На восточной окраине пояса кочевников, столь успешно огражденного Цезарем в его устремлении на Запад, — Цинь [с.138] Ши-хуанди, первый правитель из династии Цинь (221-207 до н.э.), подобие великого создателя границы Центральной Европы, пограничное творение которой по неведению Цезарь бросил из-за отдаленных последствий и уступая давлению, но, разумеется, не умалив свой след в этом.

Цинь Шихуанди создал 36 крупных областей Китая, ввел унификацию мер и весов и, укрепив таким образом внутреннюю

службе опорных земледельческих колоний разбилось еще больше, чем о Великую стену, вторжение сунну (гуннов); их набег отклонился на Запад, время от времени гунны вторгались в Индию и области Пшдхары, а затем со всей силой обрушились на формирующийся германский мир и рушившуюся Римскую империю, прежде всего на пограничные бастионы династии Юлиев — Клавдиев на Рейне и Дунае. Так волны народов, ударившись о добротные пограничные бастионы, рикошетируют по всему евразийскому пространству, если его рассматривать достаточно широко в

его связностях. Сеть дорог Цинь Шихуанди, часть его дворцов, водопроводов, каналов, мостов сохраняются и поныне; но борьба против “грамотеев” (“Literati”), ученых его империи, в которых он в отличие от Цезаря видел самое крайнее зло, ему не удалась, несмотря на умерщвление пятисот из них и сожжение классических книг. И еще сегодня его имя, не сопоставимое с именем Цезаря на Западе, остается империалистическим детским пугалом для китайского культурного мира, о долговечности которого так хорошо заботился его пограничный инстинкт. [с.139]

Но этим не была решена проблема, у истоков которой он стоял и которую увидел на сотни лет раньше, чем его современники, — проблема отграничения китайского культурного мира от Центральной Азии, сегодня более чем когда-либо актуальная.

На эту самую крупную, связанную с сухопутной границей проблему планеты, если учитывать ее чисто пространственную протяженность (свыше 15 000 км!), обращает внимание профессор И. Яно (Университет Киото), широко обсуждая, но с сугубо японо-британской точки зрения пограничные вопросы Китая. Он

пытается доказать, что, согласно пониманию Срединного царства — нынешней Китайской республики, Маньчжурия, Монголия, Тибет, Или якобы являются еще частями Китая, что, по его мнению, чистая фантазия. Следовательно, ныне имеется фактически одна государственность на Земле, составляющая почти четвертую часть всего ее населения, о которой собственно никто не может точно сказать, основываясь на международном праве, включают ли ее границы свыше 4 или почти 10 млн. кв. км!

“Тибет сегодня — практически британский протекторат”, — полагает японец Яно, “Монголия из-

за соглашений с Россией и собственной неспособности Китая ее поддерживать независима. Однако в отношении Маньчжурии (здесь становится очевидным японский подвох!) Лян Цичао разъяснил, что она якобы с пятого тысячелетия была китайской землей, но на основании отдельных случаев доказуемо, что Ли Хунчжан в 1895 г. не раз отваживался объявить “священную область” династии Цзинь_китайской”.

Во всяком случае работа Яно и ей подобные показывают, как спорно и как сомнительно право на Маньчжурию с ее миллионом квадратных километров территории и с примерно 33 млн. населения.

Достоверно, что обширное пространство с давних пор снова и снова объявлялось независимым его командующим (тухун, военачальник) Чжан Цзолинем____, что он самостоятельно вел переговоры с Россией и Японией, покупал оружие у Англии и Франции, имел при себе японского советника.

Фактически именно в ходе развития 1911-1927 гг. огромные территории так называемого Внешнего Китая из прочной пограничной структуры превратились в пограничную переходную зону опаснейшего вида; в настоящий момент Юньнань, как и Сычуань, больше не включается в

этот неустойчивый по своей принадлежности пояс лишь потому, что непреодолимый натиск китайского народа здесь, на Юге, экономическая сила китайского поселенца снова вырвали их у власти Франции и Англии, а колонизаторская и экономическая энергия китайцев доведет это до конца также с Внутренней Монголией и Маньчжурией, затем с другими окраинными землями, — но не без критических поворотов!

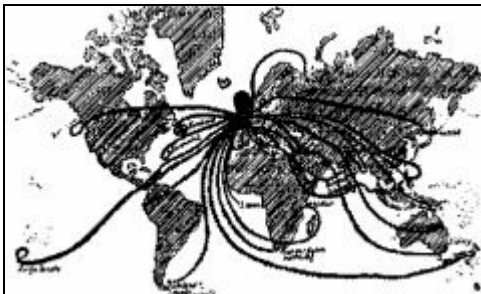
В связи с этим поучительно исследовать кажущиеся и сегодня прочными линейно развивающиеся границы, как быстро они переключались от экстенсивного к

интенсивному действию и какие при этом происходили изменения. Если, например, Вольтер [с.140] отзывался о Канаде как о всего лишь нескольких квадратных милях легко переносимого снега, то Франклин_в то же самое время принял ее за высшей степени способную в будущем к развитию землю.

При исследовании таких переходов наблюдение за ходом развития границ в островных государствах и трансформированных морем экономических организмах облегчалось для нас тем, что они в сущности развивались и совершенствовались лишь как один тип границы — морской границы, ее

“серебряного пояса”.

Прежде всего тип границы — *заокеанской границы* (Überseegrenze) трансформированного морем государственного и экономического организма — от своего возникновения до упадка является, как правило, важной составной частью океанской жизненной формы, совершенно непонятной в странах, удаленных от моря: спрут, направляющий свои высокочувствительные щупальца к опорным пунктам (Wachstumsspitzen) на противоположных побережьях (карикатурная схема Британской империи!).

*Британская империя как
морская жизненная форма в
карикатурном изображении*

Для жителя побережья — это
обыденная картина, однако для
земель, удаленных от моря, — всегда
непонятная. Такой способ
отграничения может оказаться
катастрофическим в результате
проигрыша одной-единственной

морской битвы, например как способ отграничения Афинской морской державы, но чаще всего завершается эволюционно в результате свертывания, сокращения жизненных путей, как у Венеции, Генуи, Тернате, Гавайев, вероятно, в обозримое время у Британской метрополии.

Такому процессу обыкновенно противостоит — как несовместимое — противоречивое развитие сухопутных (континентальных) жизненных форм, которое с своей стороны вряд ли может быть понятно островному человеку из-за их континентальной привязанности к земле, массовых перемещений, [с.141] переходов,

перенапряженности, склонности к исторической ломке, к революционному развитию, при котором пограничный организм, как правило, умирает в результате борьбы и новообразования, смены мандатов (ko ming) на управление, также сказывающихся локально, обычно в первую очередь на границах.

Так большой инстинкт безопасности в ходе развития границ в океанских и приморских жизненных формах противостоит беспрестанному обновлению опыта в континентальных жизненных формах, что сопряжено с опасностью обоюдных ложных пониманий.

Речные жизненные формы находятся посередине и склоняются то к одному типу, если господствуют океанские и морские влияния, то к другому, если становятся решающими проживание на материке, потребность в плоскогорье, в своеобразии степи. Отсюда же и сила прецедента, традиций, “социума” и их воплощения в Венеции, Англии, Америке, Японии, на островах Юго-Восточной Азии — также в вопросах границы. Эта сила, напротив, находится в противоречии с растущей апатией от окраин к центру Старого Света, где державы на “оси истории” (“pivot of history”) во многом

безучастнее во внешних вопросах их жизненных форм, часто меняются внутри, осуществляют сдвиги в гораздо более резком противоречии между метрополиями, жизненно важными частями и окраинными ландшафтами, чью неприкосновенность принимает весьма подозрительно островная и морская держава.

И все— таки становление границы в целом показывает скорее долговечную силу, более частый возврат культурных и естественных, поэтому снова и снова заимствуемых, уже апробированных границ, даже прямо-таки склонность к возрождению.

Было бы исключительно плодотворным с этой точки зрения отыскать в истории и географии примеры и образцы генетического сооружения границ, прежде всего проследить их тождественные перемещения и преобразования, как это мы смогли сделать особенно при сравнении феодальных границ в Западной и Восточной Евразии, скажем хода развития границ Японии, Пруссии и Германии, сопоставляя их колониальное продвижение в северо-восточном направлении, оттеснение Китая и Внутренней Европы от морской границы, от контакта с побережьем на протяжении XIX столетия

(внутриевропейский мир — от более 2700 км до менее 1200 км, китайский — от свыше 17000 км до 7100 км), теснота жизненного пространства самых многонаселенных жизненных форм Западной и Восточной Евразии с наднациональной имперской традицией и в результате этого неслыханно усиливающееся в нем [пространстве] пограничное давление, которое должно вести к насильственным прорывам! За пределами столь стесненных пространств с давних пор ощущается аналогия с океанскими притеснителями, как и с Советами, и даже опасение делать из этого выводы для совместной обороны.

[с.142]

Здесь манометр пограничного давления показывает неестественно низкий уровень хода развития границы и предвзрывные состояния на Янцзы и Хуанхэ, как на Дунае, Рейне и Висле, — не говоря уже о Маасе и Мемеле (Немане), Эше и Бельте! **[с.143]**

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.136) *Maull O.* Politische Geographie. S. 133 ff. und 601 ff.

(с.136) *Freytag G.* Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Illustrierte Ausgabe. Bd I.

(с.137) *Цезарь Ю.* Записки о галльской войне. VI. 23.

(с.137) Там же.

(с.138) См. *Giehrl H.* Der Feldherr Napoleon als Organisator Betrachtungen über seine Verkehrs— und Nachnchtenmittel, seine Arbeits— und Befehlsweise. Berlin, 1911.

(с.142) *Brooks Adams.* The New Empire (Deutsch als “Das Herz der

Welt”). Wien, 1909. S. 249-253 и.а.

Т.е. закате Европы. См. [примеч. 1. С. 18](#). [с.143]

Марк Аврелий Антонин (121-180) — римский император с 7 марта 161 г. [с.143]

Вер Луций Аврелий (130-169) — римский император с 7 марта 161 г., соправитель Марка Аврелия. [с.143]

Коммод М. Аврелий К. Антонин (161-192) — римский император с 17.III.180, сын Марка Аврелия, последний император из династии Антонинов. [с.143]

Гелиогабал (Элагабал) — римский император сирийского происхождения; родился в 204 г., правил с 218 по 222 г. Прославился

своими бесчинствами, жестокостью и дебошами. Был убит преторианцами. [с.143]

Гандхара — часть современного Афганистана, где до похода Александра Македонского и создания империи Маурьев существовала племенная республика. [с.143]

Свебы, или свевы, — согласно Цезарю германское племя, обитавшее в районе Майна и Неккара. [с.143]

Херуски — германское племя, обитавшее по Среднему Везеру. [с.143]

Вар Публий Квинктилий (род. ок. 46 г. до н.э.) — римский полководец. В 9 г. н.э. в битве в

Тевтобургском лесу потерпел поражение от германских племен под руководством Арминия. [с.143]

Лист Фридрих (1789-1846) — немецкий экономист, сторонник активного вмешательства государства в экономическую жизнь. По его инициативе в 1819 г. была создана Общегерманская ассоциация промышленников и коммерсантов, добившаяся создания в 1834 г. Германского таможенного союза (Zollverein) в составе Пруссии, Гессен-Дармштадта, Баварии, Вюртемберга, Гессенского курфюрства, Саксонии и Тюрингских государств (к 1854 г. распространил свое влияние на всю Германию, за

исключением Мекленбурга и Любека). Таможенный союз сыграл значительную роль в экономическом подъеме Германии и стал первым шагом на пути к ее политическому объединению. За свои либеральные взгляды Лист был выслан из Германии. Жил в США, где в 1827 г. опубликовал работу “Очерк американской политической экономии”. Получив американское гражданство, вернулся в Германию, с 1834 г. был консулом США в Лейпциге. В 1841 г. вышел его самый значительный труд “Национальная система политической экономии”. Жизнь Листа оборвалась трагически: доведенный до отчаяния прежде

всего финансовыми трудностями, он покончил с собой

Заслуживает внимания его теория, известная как “автаркия больших пространств”. Согласно этой теории полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями.

Киликия — древнее название восточной части южного побережья Малой Азии. [с.143]

Сулла Луций Корнелий (138-78 до н.э.) — римский полководец и

политический деятель. В 83 г. до н.э. он провозгласил себя диктатором (на неопределенный срок). Его диктатура была направлена против демократических установлений Римского государства. Сулла передал суды в руки сенаторов, ограничил полномочия народных трибунов и тем самым лишил опоры тех, кто требовал “республики предков”.
[с.143]

Намек на первую мировую войну. **[с.143]**

Клавдии — древний патрицианский род, старейшие представители которого, в частности Аппий Клавдий, слыли образцами добродетели. Юлии —

древнеримский патрицианский род. Из этого рода произошел Цезарь, усыновивший будущего императора Августа, основателя династии Юлиев — Клавдиев. [с.143]

Ли Хунчжан (1823-1901) — сановник феодального Китая. С 1870 г. наместник столичной провинции, руководил внешней политикой правительства. [с.143]

Цзинь — государство и династия в Китае (1115-1234) К середине XII в. в его состав входила территория современного северо-восточного и северного районов Китая и часть территории современного автономного района Внутренняя Монголия (КНР). [с.144]

Чжан Цзолинь (1876-1928) — китайский генерал, в период русско-японской войны 1904-1905 гг. был главарем банды хунхузов, действовавшей на стороне Японии в Маньчжурии, в 1911-1913 гг. фактический правитель, а с 1916 г — диктатор Маньчжурии. В 1928 г пытался переориентироваться на США. Погиб во время взрыва, организованного японской разведкой. [с.144]

Франклин Бенджамин (1706-1790) — американский государственный деятель, ученый, просветитель. [с.144]

Молуккские острова. [с.144]

ГЛАВА XV

ОЦЕНКА ГРАНИЦ ПО КАЧЕСТВУ И ТИПАМ

В основу любой оценки границ по точности разработки (качеству) и способности, учитывая аналогичные проявления, быть поставленными в родственные ряды (типы) мы должны, естественно, положить количественную и генетическую предварительную работу. Протяженность и структура границы,

испытываемое ею давление и свобода ее образования могут быть установлены механически, объективно определены в ходе ее становления, прежде чем мы рискнем высказать ценные суждения, а нам, несомненно, следует сделать это, принимая во внимание совершенствующуюся оценку качества и типов.

Вагнер и Зигер, как мы уже отмечали, установили механические основы, исчисление давления-частного, а Мауль и Дике еще более расширили их. Уже при простом рассмотрении карт нам бросились в глаза известные прописные истины, коим, пожалуй, недоставало

политического расчета. Так, превосходство японской, отступающей от материка, сильно изрезанной тихоокеанской береговой границы и удаленной, монотонной японской морской границы, которые соотносятся как 4:1, сопоставимо, скажем, с ненормальным пограничным давлением на Германию, усилившимся в результате договоров, заключенных в предместье Парижа___, или на Цислейтанию_уже перед войной из-за авантюристического устройства границ.

Пограничное давление, испытываемое соучастником союза [т.е. Цислейтанией], по

обыкновенно не бросалось в глаза в Германии только вследствие того, что Габсбургскую монархию всегда рассматривали как целое, не обращая внимания на то, что она состояла из двух частей, притом одна другую при случае хладнокровно брала измором. Во Франции эти отношения при оценке политической воли к сопротивлению и жизнеспособности учитывались более внимательно.

Следовательно, неприкрытый нажим на границу — если он не будет осознан народом — недостаточен как воспитатель: иначе такое отсутствие подозрительности в отношении растущей пограничной опасности в Германии и Австрии

нельзя было бы противопоставить тонкому чувству границы в защищенной природой Японии.

В то время как, например, в коренной баварской земле ныне все еще не представляют себе ясно, что в результате соглашения о восточных границах_ее основные ландшафты [с.145] восточнее и южнее линии Хоф — Нейштадт — Регенсбург — русло Дуная (вверх по течению) — Донауэшинген — Нейштадт в Шварцвальде лишены всякой пограничной защиты (примерно как некогда Галиция_в роли “гласиса” за Краковом и Перемышлем (Пшемислем), в Японии имеются образцы раннего возникновения

пограничного инстинкта уже начиная со времени перенесения национального святилища, храма Солнца, из Нара_в Исэ, в одном древнем сказании при 12-м императоре, что доказывает появление еще в древности предрасположенности к защитным устройствам.

Следовательно, количественная предварительная работа должна всегда принимать во внимание не поддающиеся учету ценности (Imponderabilien), без коих невозможно вынести ценные суждения. В данном случае налицо одна из самых трудных задач географии, и эту сторону, как мне

кажется, недостаточно оценил Вагнер, делающий слишком сильный акцент на математических расчетах. “Остается остаток, который не делится”, — справедливо полагает Челлен.

Но мы должны прикоснуться к этим ранам, потому что здесь становится очевидным немецкое национальное заблуждение, словно рок тянущееся через всю нашу историю, включая времена, когда становление нашего могущества как нации, казалось, достигло своей кульминации. Необходимо только наряду с этим наугад выбранным из многих примером пограничного инстинкта из истории Японии как

контраст привести высказывание Карла V_: “Если бы одновременно турки стояли под Веной, а французы — перед Страсбургом, я, не раздумывая, поспешил бы на помощь Страсбургу” (в чем был прав думавший мировыми масштабами император, желая отвести угрозу от немецкой земли), но зато надо помнить глупые, задорные напевы “вольности князей”: “Меци Магд не приняли приглашение императора к танцу...” Как будто не неудача при Меце стала исходным пунктом крушения германской западной границы! Не лучшим было, например, столетия спустя поведение германского рейхстага с

его неполноценным рассмотрением вопроса о Цаберне_незадолго до войны и многое другое.

Немецкая история как раз изобилует преимущественно утратами инстинкта такого рода. Ф. Эндрес однажды взял на себя смелость составить доводы в пользу этого из ранней истории____, основываясь на сочинениях римских писателей.

Поражает, когда сравниваешь, каким способом Япония в процессе исторического развития без обиняков перешла от инстинктивных действий к защите жизненной формы в своих границах, ибо таковыми являются уже перенос столицы из Нара в

Киото (Хэйян) в 794 г., действия в
Корее в 1874-1909 гг., захват
островов Бонин, Рюкю (Нансей),
Формоза (Тайвань) и многое другое_.
[с.146]

Всем этим распоряжается
теперь японская мировая держава —
несмотря на то что она, пережившая
расцвет одновременно с нашей
Второй империей, до сих пор
подвергалась тем же опасностям, —
не нанося ущерба своим
национальным святыням в их
естественном, хорошо защищенном
благодаря внешним укреплениям
земном пространстве. А как
прогулялись мы?

Кафедральный

собор

Страсбурга, имперский орел церкви
Сен-Трофим в Арле, костел Девы
Марии в Данциге (Гданьске),
императорский дворец в Познани,
замок в Тироле, Фогельвайд-хоф,
[готический] собор св. Витта в
Праге, Карлштейн, где некогда
хранились знаки имперского
достоинства, Мархфельд и Прессбург
(Братислава), Кронштадт_, Ауэрсберг,
Рункельштейн, Либенберг, Герхардс-
Мер, Хохкёнигсбург, Мюрбах... а
также Гейлер_исповедальной церкви
в Кайзерсберге... Марбург____и
радующийся народовластию Гент с
его древнегерманскими звонницами
— все это явно утраченные
пограничные знаки и отчасти

святыни истории нашего народа!

Следовательно, лишь в том случае если мы, исполненные высоких помыслов, проведем количественную подготовительную работу и сравнительное исследование хода развития, тогда сможем наметить достаточные основы качественной типизации по культурно-географическим, политическим и экономико-географическим периферическим функциям и тем самым, конечно, заложить ценный фундамент для созидания. И. Зёльх_, особенно своим рассмотрением естественных границ в научной географии, и С.Б. Фосетт_ в своей книге “Frontiers” при строгом

различии frontier (границ) и boundary (рубежей) и своим анализом функций понятия “frontier”, и своим взглядом на их эволюцию наиболее осознанно и последовательно, как мне кажется, пошли дальше Ратцеля и Зигера.

Такую типизацию, разделение на группы и ряды можно было бы осуществить согласно следующим политико-географическим точкам зрения, которые, естественно, могут указать лишь одну рекомендацию о систематизации среди многих возможных.

Первую группу (I) можно было бы образовать из отчетливо продвинутых вперед, ставших

опорным органом (Greiforgan) с военно-географической точки зрения *наступательных границ*. Опорные пункты на границе (Wachstumsspitzen), горловины коммуникаций (Verkehrsköpfe), как их великолепно описывает Ратцель в книге “Gesetzen des raumlichen Wachstums der Staaten” (“Законы пространственного роста государств”), характерны для многообъемлющей жизни такой границы: Гонконг (Сянган) с Коулуном (Цзюлун) по отношению к Южному Китаю, Пешавар и Кветта по отношению к Восточному Ирану; так ощущается Мексикой граница по Рио-Гранде, а нынешней Германией

Первая мировая война.

Шармская западня

К I группе примыкает высокоорганизованная, насыщенная коммуникациями, всегда успешно продвигающаяся, развивающаяся граница (II). Ее можно было бы назвать с военно-географической точки зрения *границей наचेку*. Насколько широко можно было бы рассматривать таковой западную государственную границу [Германии], русскую с ее построенной на французские деньги по чисто стратегическим соображениям железнодорожной сетью в канун 1914 г., именно с присущими им соответственно

такими тонкостями, как военно-географическая [с.148] западня — “шармская дыра” (trouee de Charmes) и польская железнодорожная сеть? Виделись ли они такими, когда германский штаб придерживался еще возможности русского отступления в глубь [страны] и оставления на произвол судьбы всей этой пограничной организации, когда левое крыло [немецкого] войска после битвы в Лотарингии бегом устремилось прямо на Эпиналь и шармскую западню?

Средняя, третья ступень (III) — *граница равновесия*, с обеих сторон одновременно и разграничивающая, и соединяющая инстинктивно

верные или осознанные жизненные формы и одна из прочнейших пограничных жизненных форм, которая может быть создана только при обоюдном понимании. Временами ее двусторонняя безопасность — симптом прочности благодаря состоянию кондоминиума, как казалось длительное время для Люксембурга и Мореснета, особенно пока Люксембург был в руках голландцев_, как примерно могло бы быть с широко задуманной автономией, предоставленной пограничному ландшафту в Эльзасе, Южном Тироле если бы... по ту сторону осознали ее преимущество.

Четвертый тип — *укрепленная*

граница (Schutzgrenze) в состоянии обороны. Она часто имеет сильные, подкрепленные крупными средствами оборонительные сооружения с обеих сторон, известную предрасположенность к поощрению враждебных переходных коммуникаций и защитных зон. Опытный глаз очень легко отличит высокоразвитую в военно-техническом отношении оборонительную границу от границы начеку. В первом случае основу составляют добротные отстроенные долговременные укрепления: крепости не могут маршировать! Так, именно укрепление Верхнего Рейна было явным симптомом нежелания

немецкой стороны нападать в этом месте. Оно, следовательно, могло скорее успокоить, чем возбудить, Базель. Выдвинутые вперед ramпы, подготовка коммуникаций, проложенные железнодорожные пути (как в Пешаваре, Мерве, Кветте) и уже подведенные к чужим крупным рекам средства для наведения мостов — признаки намерения перейти границу! Закладка Англией пирсов в Зебрюгге (Бельгия) и Эсбьерге (Дания), подготовленные возможности для высадки десанта, предмостные укрепления, принудительный демонтаж крепостей у соседей, как на германском Рейне_____, —

недвусмысленные признаки того, что речь идет не только о защите и безопасности.

Наконец, пятый тип (V) — *распадающаяся граница* (Zersetzungsgrenze), разоруженная, брошенная на произвол судьбы, открытая для проникновения, подрыва, вылазок, вторжения в чужие опорные пункты и центры сношений. Промежуточные области с неустойчивым состоянием населения, расчлененность на малые пространства (дезорганизация) делают ее распознаваемой. Со своей стороны она будет разлагаться именно более сильными, растущими жизненными формами благодаря

центрам сношений и опорным пунктам, в результат воздействия на душевное состояние ее жителей.
[с.149]

Агрессивные и оборонительные сооружения средств сообщения легко различимы при равной грузонапряженности сети коммуникаций (плотности (интенсивности движения) железных дорог).

Еще один тип, который следует скорее рассматривать как подвид третьего, как разновидность границы равновесия, — спокойная, близкая к анэйкуменной граница.

Границы тем надежнее и безопаснее, чем больше они

одновременно окаймляют области с сырьевыми ресурсами и заселенные; иными словами, *спокойная, инертная граница* (Tragheitsgrenze), удобная для пограничных сношений, может долго оставаться неизменной, как и совсем не вызывающим соблазна, замкнутым видом границы. На противоположной стороне существует, естественно, повышенная опасность, где впадают в искушение узнать, что находится на поверхности земли и под ней; признаки выходящих пластов (соль, калий, каменный уголь, железная руда) оказывают свое воздействие. Именно так могут возникать авантюристические отношения на

границе: проходы, соединяющие залежи (Берхтесгаден — Халлейн), штольни, которые с военно-технической точки зрения должны быть отгорожены, как между калийными копиями в Верхнем Эльзасе севернее Мюльхаузена; и здесь, разумеется, любому доступны пределы величин (залежи калийных солей между Мюльхаузенем и Баденом, бассейн Брие, каменный уголь Верхней Силезии, золотой прииск на Амуре). Насколько сильно противостоит таким отношениям соблазна разделяющая способность меридиональных русел крупных рек между Китаем и Индией, скажем, в противоположность уже больше не

разделяющим сегодня афганским пограничным горным районам. Там, где геология, морфология ландшафта, климат, биогеография взаимодействуют в установлении границ, мы имеем как раз наилучшие границы; но самые лучшие всегда там, куда не приходит человек, — в анэйкумене!

Противопоставляя чрезмерно полнокровную, тонизирующую, *легко возбуждающую границу* (Reizgrenze) спокойной или заостеневшей, малокровной, *застойной границе*, можно также, вероятно, прийти к плодотворным антропогеографическим (т.е. геополитическим) выводам.

Тонизирующие, вызывающие
искушение границы активно или
пассивно обнаруживают по
отношению к той или иной
жизненной форме аналогичные
состояния. Они показывают с
антропогеографической точки
зрения повышенный подвод связи,
внезапное изменение давления
населения, его более свободное
отношение к земле, более ранний,
чем в ее “хинтерланде”, переход от
натурального хозяйства, от автаркии
к чисто денежному хозяйству или к
состоянию монокультуры, более
раннюю социальную
дифференциацию, разделение труда,
но и порчу нравов, более быстрое и

более глубокое смешение рас, в том числе в животном мире и в мире хозяйственных растений, о дальнейшем распространении которых заботятся затем области [с.150] свободных портов, открытых портовых зон, транзитных вокзалов, передовые опорные пункты всех видов, горловины коммуникаций, колонии портов (как в Китае)_, международные колонии (шанхайский сэттльмент)_. Они часто образуют почти самостоятельные миниатюрные транзитные государства, настоящие центры и подцентры распределения, к которым имеет обыкновение прицепляться система ячеек (по

образцу большевистской)_.

При этом географические проявления родственны, идет ли речь о размещении опорных пунктов на море (Данциг, Гонконг, Сингапур), на озерах и реках (Линдау, Констанц, города на реке Инн, Зальцбург), на горных перевалах (Партенкирхен, Клеве-Плюрс), на кромке горных зон (Пешавар, Верона, Беллуно, Герц), в проломах лесных зон (Москва), на проходах через зыбуны [персидские торговые пункты по окраине солончаковых пустынь___Биканер, Джайпур].

Повсюду	неудержимо
усиливающаяся	жизненность
проявляется	также культурно-

географически в чрезвычайно богатом смешении стилей, поглощении и дальнейшем распространении местночуждых образцов строений и изделий и лейтмотивов культуры (отражение греческого в культуре Гандхары, турфанские находки, англо-индийский колониальный стиль, новокаталонский стиль в архитектуре).

Антропогеографические, покрытые многими рунами пограничные знаки народов и культур особенно поучительны в пространственно связанных, хорошо обозреваемых местах. Таковы Гвалиор, Ангкорват, Пекин и Мукден (Шэньян),

Анурадхапура____, Москва, в особенности Кремль, а также Вена и Мюнхен.

Часто имеет место изоляция особо возбуждающих пунктов в противовес политико-географическим жизненным формам, очень сильным по характеру и здоровым. Так поступала Япония по отношению к Осима и Хирадо_, Китай в случае Кантона против Шамьяна____, столь же внушает опасения как фильтр Восточный Лондон в Англии, Вена в отношении австрийских альпийских земель; имперские города создавались как сепаратные районы (Нюрнберг — Фюрт!), но и у государств иногда

вырастает на такой почве стремление формироваться как особые органы. На этой основе выросли альпийские государства на перевалах: Савойя_, древние кантоны, Тироль, распространившие свое господство над Альпами крупные епископства — Зальцбург и Фрейзинг.

Совсем иную картину являет окостеневшая или окостеневающая *инертная граница*. Она обнаруживает большие различия, смотря по тому, возникает ли граница вследствие внутреннего застоя (Япония между 1636 и 1854 гг., старевшая Венеция) или же окостеневает, испытывая давление в результате [с.151] принуждения

извне или же блокады или же создавая препятствие любым возможностям внешнего воздействия, которое внутри становится причиной, мешающей естественному общению и кровообращению. Подобными проявлениями изобиловали старые и новые австрийские границы, отношения между Сербией и Центральной Европой были таким образом отравлены из-за венгерских препятствий на границе.

Еще одна возможность представляется, если мы согласимся с разделением Е. Тэно_. в коем мы различаем расчлененные, непризнанные, изнасилованные

границы (demembree), расслабленные и ratione temporum, слишком терпеливые (tolerandae)_, слишком переливающиеся через край и слишком забытые (neutre)___и естественные, постоянно ощущаемые как обоюдно желательные (naturelle)_. В этом смысле современное немецкое государство, за исключением немногих мест, окружено “frontiere demembree”. Как нейтральные (“neutre”) можно было бы ощущать швейцарскую и голландскую границы, как естественные (“naturelle”) — лишь побережье (Wasserkante), но по меньшей мере с тем же правом на оборону, как у всех

других соприкасающихся с морем, суверенных государств.

Исследуя формы инфильтрации (Überwallung), следует в широчайшем объеме привлечь процессы развития биогеографии и биологии. Мы видим, где прорывается веление сердца, возникают новые коронные образования, развиваются все формы концентрации сооружений в качестве защитного панциря. Вместе с тем мы видим и опасность гипертрофированного развития и признаем, что жизненные формы всегда лучше приспособляются к нападению, опасности, неопределенности, чем к щедрой и длительно благоприятной погоде.

“Хи йори ми то” — партии прекрасной погоды — так называли в Японии политические образования, которые при неблагоприятных погодных условиях распускались и переставали действовать. Многие проявления жизни государства слишком мало исследованы с точки зрения того, сколь неприступными они могли бы стать особенно на внешних постах.

Сила и гомогенность внутренней структуры выражается, естественно, и на границах, во внешней структуре, точно так же становятся очевидными изуродование, линии прорыва, зарубцевавшиеся раны в образовании

границ и их прочности.

Налицо одна совершенно справедливая аналогия, если мы — исследовав на контрасте внешнего блеска и внутренней прочности — обратимся к пограничным образованиям, к видам границ на основе представлений о контактном метаморфозе и его богатым красками, интересным, но менее сохранившимся окаменелостях и, следовательно, признаем культурно-географический, политический и экономический контактный метаморфоз в пограничных проявлениях людей.
[с.152]

Разграничение по пограничным достижениям культуры, силы и

экономики, из которых мы повсюду
извлекаем полезное, облегчает нам
поставить в один ряд отдельные
проявления и необходимое
признание непрочных, готовых к
распаду опасных мест, в отношении
которых мы, в Центральной Европе,
были излишне доверчивы. [с.153]

ПРИМЕЧАНИЯ

(c.145) *Cheradame A.* L'Europe et la question d'Autriche-Pans, 1901.

(c.146) *Suddeutsche Monatshefte.* 1919.

(c.147) *Solch J.* Die Auffassung der natürlichen Grenzen in der wissenschaftlichen Geographie. Innsbruck, 1924.

(c.147) *Fawcett C.B.* Frontiers. A study in political geography. Oxford, 1918.

(c.151) *Grunfeld E.* Hafenkolonien und kolonieähnliche Verhältnisse in China, Japan und Korea. Jena, 1913.

(c.151) Cp.: *Tan Malakka.*

Indonesia. Moskau, 1924.

(с.151) *Niedermayer O.V.* Unter der Glutsonne Irans. Dachau-Munchen, 1925.

(с.152) *Tenot E.* La frontiere. Paris, 1893.

См. [примеч. 1. С. 133](#). [с.153]

Имеется в виду Версальский мирный договор 1919 г. [с.153]

Т.е. Австрию, в отличие от Транслейтании — расположенных за рекой Лейтой (приток Дуная) владений тогдашней Австро-Венгрии: Венгрии, Трансильвании (Семиградье), Хорватии, Славонии. [с.153]

Речь идет о границах Германии, установленных после первой

мировой войны на основе версальского урегулирования. [с.153]

Галиция — историческое название части западноукраинских и польских земель, захваченных Австрийской империей по первому разделу Речи Посполитой (1772 г.) — Восточная Галиция и третьему (1795 г.) — Западная Галиция.

В 1772— 1918 гг. провинция Габсбургской империи (официальное название королевство Галиции и Лодомерии с великим герцогством Краковским); с 1918 г. -в составе Польши. В 1939 г. Восточная Галиция в составе Западной Украины воссоединилась с СССР. [с.153]

Нара — древний центр культуры

и религии на о. Хонсю. Первая императорская столица (710-784) и важный центр буддизма. Город-музей. [с.153]

Карл V (1500-1558) — римско-германский император в 1519-1556 гг. и испанский король с 1517 г.; под его управлением оказалась огромная империя (Испания с колониями, Нидерланды, италийские, австрийские и германские земли). Пытался осуществить планы создания “мировой христианской державы”. Вел войны с Францией, Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с Реформацией в Германии. После заключения с немецкими протестантами

Аугсбургского мира (1555 г.) отрекся от престола и ушел в испанский монастырь. [с.153]

К 1559 г. Франции в результате Итальянских войн, продолжавшихся 40 лет, удалось отбиться от враждебных поползновений империи Карла V. В Като-Камбрези был заключен мир, в результате которого была укреплена восточная граница Франции (приобретение трех важнейших крепостей в Восточной Лотарингии — Меца, Туля и Вердена). [с.153]

Цаберн — город в Эльзасе, отторгнутом Германией в результате франко-прусской войны 1870-1871 гг. Политика насильственной

германизации, насильственного внедрения германской культуры вызвала бурные протесты в Цаберне, а затем и почти во всем Эльзасе. В связи со сложившейся ситуацией германский рейхстаг огромным большинством голосов принял резолюцию против имперского германского правительства.

Япония с первых лет после незавершенной буржуазной революции вела захватнические войны. В 1879 г. она аннексировала о-ва Рюкю, в 1895 г. в результате войны с Китаем установила господство над Тайванем и Пескадорскими о-вами. Поражение России в русско-японской войне

1904-1905 гг. позволило Японии присоединить к своей территории южную часть Сахалина и захватить у Китая Ляодунский полуостров. В 1910 г. была аннексирована Корея, которая представляла собой мост, ведущий с японских островов на континент, к тому же она занимала ключевую позицию у входа в Японское море. Военная экспансия сопровождалась экспансией идеологической: повсюду на захваченных территориях сооружались синтоистские святилища.

Формоза (*порт.* — прекрасный) — название о-ва Тайвань, данное португальскими моряками в XVI в. и

употребляемое в современной западноевропейской и американской литературе. [с.153]

Кронштадт — немецкое название г. Брашов (Румыния). Исторической достопримечательностью города является готическая церковь “Черная” [с.153] (XIV-XVII вв.). Многие жители Брашова — потомки переселенцев из Германии, появившихся здесь еще в XIII в. [с.154]

См. [примеч. 5. С. 102](#). [с.154]

Марбург (Марибор) — город в Словении на реке Драва, у границы с Австрией. [с.154]

Пешавар — город в Пакистане

вблизи Хайберского прохода на шоссе, ведущем в Афганистан.

Кветта — административный центр Белуджистана, нынешней провинции Пакистана в юго-восточной части Иранского нагорья.
[с.154]

После Венского конгресса 1815 г. Люксембург был передан голландскому королю Вильгельму I, с 11 мая 1867 г. провозглашен навечно нейтральным государством, пользующимся гарантиями внешних держав. [с.154]

Автор имеет в виду условия Версальского договора 1919 г. [с.154]

Сеттльмент — район города в колониальной или

полуколониальной стране, в данном случае в Шанхае, заселенный и управляемый иностранцами и изъятый из подчинения местной власти. [с.154]

Анурадхапура — город на севере Шри-Ланки. В древнее время (V в. до н.э. — начало XI в. н.э.) столица первого Сингальского государства. Архитектурный заповедник. [с.154]

Острова в Японском море. [с.154]

Шамянь — остров напротив западной части Гуанчжоу (Кантона), где находились иностранные концессии. [с.154]

Савойя — бывшее герцогство в юго-восточной Франции,

граничившее с северо-западной Италией. С XI в. управлялась Савойской династией, часто подвергалась нападению соседних стран. В 1790 г. была объединена с Сардинией и Пьемонтом в Сардинское королевство. В 1861 г. была уступлена Франции. [с.154]

Временного толка (*лат.*). [с.154]

Толерантная (*лат.*). [с.154]

Нейтральная (*фр.*). [с.154]

Естественная (*фр.*). [с.154]

ГЛАВА XVI

ГРАНИЦА ПО ВОДОТОКУ

Граница по водотоку (Wasserlaufgrenze) или граница по водоразделу (Wasserscheidegrenze) в их противоречии, выбор между ними — ибо возведенные в принцип они несравнимы и непримиримы — с точки зрения народно-психологического и международно-правового преимущества, значения и ценности среди всех

предпочитаемых природой и наукой типов границ, пожалуй, стоили человечеству больше всего крови и головной боли. Лишь склонные к наступательности и злоупотреблениям жизненные формы, такие, как Франция и третья Италия__, использовали последнее средство, чтобы вести игру вокруг то одного, то другого, как единственно оправданного рубежа естественных единых пространств и, смотря по обстоятельствам, с ее помощью оторвать клочки земли у сопредельных государств и народов, хитростью выманить или завладеть ими, воспользовавшись глупостью соседей. Они используют то учение о

“крупной реке как естественном барьере”, то “теорию гребней” (“theorie de cretes”), а когда их уличают в непоследовательности, то возражают слабосильному: да, мужик — это нечто иное!

Такое противоречие следует, пожалуй, по праву оценивать как первое среди отдельных географических явлений, устанавливающих рубежи на лике Земли. Если мы обратимся к существу проблемы границ по водотоку, по рекам или крупным рекам, которые повсюду в мире играют такую роль, — по Рейну, Дунаю и Висле, Евфрату и Араксу, Инду и Иравади — Салуину —

Меконгу, по Хуанхэ и Амуру, Лоренцо и Рио-Гранде, то оно, вероятно, заключается в том, что ставят народы и их поборники границ на первый план: *разделяющую способность* крупной реки или же единство жизни. Но данный вопрос намного глубже связан со складом души народа, историческим опытом расы и воздействием жизненного пространства, которое ее воспитало, чем с переменой исторического опыта и политического местожительства. Общее становление (Großwerden) в бедных или богатых водой ландшафтах, закрепление ранее испытанной силы

разграничения не только самой крупной реки, но и ее речной долины, ярусных лесов, отмелей, первоначальной речной границы здесь сильно сказывается.

Все же и граница по водотоку претерпевала существенное экономико-географическое изменение. Охотник и пастух воспринимали значение водостока прежде всего как водопой со свободным доступом, земледelec, в особенности на степных окраинах, — как орошение_. Лишь позднее на передний план [с.155] выдвинулось значение коммуникации, а в новейшее время — вопрос о получении энергии,

который в одном поколении, когда связующая роль крупных рек перешла к железным дорогам, до такой степени доминирует, что прежние права плавания, прохода рыбы, лесосплава, короче говоря, вся свобода крупных рек отошли на задний план, с тем чтобы в максимальной степени выжать из них только энергию (гидростанции на Изере, энергия реки Инн, сооружения на Верхнем Рейне).

Можно пойти еще дальше, разделив реки на энергетические и транспортные. Например, Инд, Салуин и Хуанхэ следует отнести скорее к первым, Ганг, Янцзы и Иравади — скорее ко вторым. На

таких крупных реках, как Рейн, принимая во внимание их политическое влияние, допустимо различать энергетические ступени от транспортных участков; перевалочные пункты между ними, как Базель, Страсбург, приобретают исключительное значение, поскольку оказывают помощь их торговой и промышленной возможности. Какие сдвиги произошли, например, на участке Базель — Мангейм! Итак, разделительная сила рек как границы претерпевает постоянную переоценку и явно в том смысле, что с прогрессирующим регулированием течения разделяющее отходит на задний план, а на передний

выступает связующее единство жизни речной долины крупной реки.

Но в рамках этого всеобщего закона, который, например, в вопросе о Рейне действует в пользу немцев, а в других местах, как на Висле, создает опасность, мы, естественно, сталкиваемся — соответственно изменчивому географическому проявлению водотоков, рек, крупных рек — с множеством запутанных отдельных явлений. Мы говорим о старых и молодых реках или о крупных реках, однако понимаем, что в соответствии с этим своеобразием при создании границ они проявляют себя по-разному, образуя излучины, петли,

рукава, острова с пойменным лесом, старицы, вымощенные булыжником берега, с широкими, но под воздействием культуры быстро приходящими в упадок, враждебными сношениям поясами и зонами, или углубляя рвы, овраги, крутые обрывы, при родственных геологических силах даже целые зоны ущелий_.

Меняющийся уровень воды на отдельных реках, точно прослеживаемый, периодический (Нильские пороги), а на других стремительно меняющийся и не поддающийся учету (верхние пороги Янцзы, меридиональные русла рек)_с различием в уровнях от 20 до 30 м,

истоки крупных рек Юго-Западной Африки, реки Оранжевой делают возможность их перехода в одном случае слишком сложной задачей, в другом — слишком строго регулируемой, почти ритуальной церемонией. [с.156]

Рядом с крупными реками, развивающимися в некое подобие фабричного канала, даже рядом с самыми современными силовыми установками мы находим на одной и той же реке такие изначальные участки, как те, что на реке Инн между Розенгеймом и Крейбургом; рядом с нефтяными промыслами на берегу каёмчатой Волги, которые можно видеть во время длящейся

целыми днями поездки, — ее уединенный степной бег; на Дальнем Востоке — рядом с паровым судном — охота коряков на оленей у запруды.

Если мы теперь поставим в связь ранее упомянутую различную народно-психологическую установку и изменчивое проявление водного потока в естественном и преобразованном культурой ландшафте, то нас вряд ли удивит, что в проблеме водотока в качестве разделительной линии можно найти границу как тончайшей народно-психологической, так и политико-географической “*Arcana imperii*”.

После первоначального

заселения, после вытеснения и переселения расы земля, изначально ее воспитавшая, еще долго выдает себя своим фиксируемым отношением к водной границе. Жители Передней Азии, испытывающие нехватку воды, развили прямо-таки изощренное право доступа к редким водопоям и колодцам, к живительной, сохраняющей стада влаге. Почти все племенные распри между Месопотамией и Сирией велись за источники воды.

Греческое восприятие границы во многом совпадает с переднеазиатским. Совокупное средиземноморское пограничное

образование является образованием нарастающего иссушения земли. Сколь точно среди прочих различают воду тюркские народы: они говорят о “сладкой воде”, отличают каждый отдельный источник по вкусу.

На пути через культуру Средиземноморья восприятие водной границы превращается в романский народный инстинкт и французскую международно-правовую точку зрения. У германцев — наследников изначально богатых водой поселений — принципиально иное отношение к границе по водотоку: они игнорируют ее, склонны к ее нарушению. Ведущие исследователи культуры (Надлер)

называли именно франков народом, живущим у рек. Но живущий у рек народ обитает на обоих берегах. Мало границ по крупным рекам имеют и муссонные станы, но как умно сформировали они накопление воды. Государство на крупной реке, речное государство, систему больших рек они знают гораздо больше, так же как политическое единство (ландшафт Ганга, Пенджаб, Бирма, Сиам, Кашмир). Только в своих пограничных ландшафтах в отношении бедных водой областей (Инд, Пенджаб) они налагают отпечаток своими правовыми представлениями об использовании водных ресурсов.

Уже на основании этого прослеженного нами восприятия я хотел бы поддержать теорию некоей нордической германской родины и считать правдоподобным, что и переселение во [с.157] Внутреннюю Азию индийских ариев_, а также китайцев, образующих государство на реке, вероятно, могло возникнуть под давлением растущего иссушения первоначально богатой водой земли.

Пограничные нравы германцев воспитаны вовсе не бедными водой или совершенно изнывающими от жажды ландшафтами, и народы ведут себя в этом отношении абсолютно неизменно.

Границы по Эльбе и Янцзы,

играя соответственно родственную роль у немцев и китайцев, — преходящие состояния. Перекрытые крупными реками единства как жизненные формы быстро формируются именно в течение прежнего колониального раздела, а также в Японии в Канто_.

Реки как весьма известные постоянные границы вроде Дуная под именем Данувий и Истр_и Рейна под именем Ренус_, в представлении *римлян*, как Рубикон, Рона, Галлис, которыми богата история средиземноморских стран, в области германских поселений редки. Граница Ликус — Лех между алеманнами и баварцами — как

различные другие южногерманские разделения уже при колонизации — римского происхождения. Лишь однажды в Крестьянскую войну немцы серьезно вели борьбу за нее.

Определенный естественный ущерб — в силу закона перемещения противительно вращению Земли — непременно происходит для восточного соседа при направлениях течения с Севера на Юг или с Юга на Север.

На созданных таким образом основах осмысливают лишь историческое развитие известной границы по крупной реке, а именно границы по Рейну, — от удобной, легко обозначаемой и определяемой,

хотя и на протяжении русла
меняющейся “первоначальной”
демаркационной линии (романского
идеала, исходя из которого Цезарь и
его последователи создали Рейнскую
и Дунайскую границы Римской
империи), к представлению о
единстве речной системы как
некоего целого, как некой единой,
неразделимой жизненной формы,
которую мы можем обозначить и
обосновать как преимущественно
германскую. Мы видим, что внутри
германской народной и культурной
почвы племенные, культурные,
епископальные границы повсюду
проходят перпендикулярно течению
крупных рек: фризско-

рейнфранкские, франко-
алеманнские, баваро-швабские
(через Дунай!).

Исходя из этого германского восприятия логично развивается дополнительное, — хотя даже если естественное единство крупной речной системы нарушается в какой-то форме насилием, которое германское чувство ландшафта никогда не признает интуитивно, — что такое разделение только тогда “правильно”, т.е. равноправленно с главной тяжестью удара водного потока долины, ручья, реки, крупной реки, ее руслом, когда оно может создать тальвегу известную устойчивость. Однако из общего

границеобразующего проявления
крупной реки могут быть
использованы и весьма различные
частичные проявления: русло реки;
дорога через долину, именуемая и в
романско-говорящей [с.158] области
“тальвег”; это могут быть
односторонне проведенные
береговые границы, границы по
дамбе (как на Висле), такие, как на
Верхнем Рейне, которые по меньшей
мере разрешают доступ к реке, хотя и
нет права на не отвечающее нормам
возведение своих строений, своих
мостов, или такие, которые, как на
Висле, превращают установленный
доступ к реке в фарс, так что дамбы
на противоположной стороне,

подъездные пути, возможности использования земли остаются односторонней собственностью извлекающего выгоду. Границу крупной реки можно сделать постоянно кровоточащей раной на теле народа также посредством отвода воды, односторонним использованием энергии, правом на строительство односторонних, питающихся из крупной реки каналов, как Эльзасский.

В таком свете Германия видит, или по меньшей мере так следовало бы видеть, *рейнский вопрос* и его геополитическое значение_____. Аналогии этому, как мы отметили во вступительном слове, находятся на

границе Японской империи — на Ялуцзян и Тумыньцзян в Корее в отношении, разумеется, включенной в сеть японского хозяйства Южной Маньчжурии, на Амуре между Китаем и Советским Союзом, на обремененной “опасностью для всего мира” границе Рио-Гранде между англосаксонской и испанской Америками. Эти опасности возрастают, потому что во всех этих случаях проблема содержания границы путем симбиоза речных и железнодорожных трасс, более или менее защищенных сопутствующих дорог на соответствующем расстоянии от пограничной крупной реки, важных — в своем

пограничном своеобразии им параллельных — энергетических водоводов (снабжение энергией Бадена вдоль Рейна) была тесно увязана с вопросами правильной (абсолютной) границы по крупной реке.

Воскресший антагонизм в отношении границы по крупной реке, как правило, свойствен многим государствам на реках (речные образования Ратцеля), которые были образованы вокруг хорошо ухоженных, а также неукротимых и заброшенных рек в низменностях, как некогда вокруг Нила, Хуанхэ и Инда (государства Пенджаба), и ныне на Висле государству Польша,

которому, как полагали, следует гарантировать участки от истоков до устья, допуская резкую несправедливость против труда тех, кто действительно укротил реку.

Дополнительная трудность для постоянства границы на крупной реке проистекает из того, что именно своеобразие [с.159] крупных рек, таких, как Хуанхэ, Инд, Висла или Тигр, в периоды неустойчивости государств, когда они должны были бы поистине доказать свою разделяющую силу, часто не действует в результате переноса и внезапного смещения русла вследствие недостаточной гидрологической работы. Так,

собственно, реагируют Хуанхэ в периоды государственной неурядицы в Китае разрушительными наводнениями и изменениями русла, а также Висла, Инд и крупные реки Индокитая.

Совершенно особые, сопоставимые географические проявления с сопоставимыми геополитическими последствиями являют каскадные ландшафты Дуная и Янцзы. Обе эти крупные реки в первую очередь — транспортные магистрали, имеющие, однако, четкие, важные для государственного образования ступени с уклоном, с некоторыми привлекательными именно для замкнутого

политического образования
мульдами и посредническими
округами____. Однако точное
исследование
государствообразующего своеобразия
Дуная_____выдает внутреннюю
биогеографическую
неправдоподобность известных,
часто отстаивавшихся основ
Дунайской монархии, признание
которых запечатлено в легенде. Но
несовместимое противоречие в
государственном праве и правовой
философии между границей по
водотоку и границей по водоразделу,
пожалуй, позволяет убедительно
доказать всю проблему трех рек
Германии, как ее назвал Р. Челлен_.

Междуречье в “Промежуточной Европе”, которое в двухтысячелетней истории отражает в миниатюре судьбы классического месопотамского Двуречья вследствие борьбы вокруг его речных границ, — это Бессарабия_xii_. Здесь на долю полосы земли, составляющей около 45.000 кв. км, с абсолютно гетерогенным населением выпала сомнительная честь вслед за проблемой трех крупных рек Внутренней Европы — Рейном, Дунаем и Вислой — и вылупившимся Изонцо_образовать границу Европы по водотоку между Прутом и Днестром, о которой много говорилось. В самом узком месте две

судьбоносные реки сближаются до расстояния 22 км, сухопутная граница с сопредельной, ныне живущей в том же самом союзе Буковиной равняется 55,5 км — расстояние по географической широте основного центра власти Кишинева (Хизи́нау) — 77 км, самое большое растяжение при впадении рек в Дунай и берегом лимана — 198 км. [с.160]

Из— за своеобразия двух многократно оспаривавшихся речных границ известная страна видится отчетливейшим образом: оказывавший ранее услуги сообщению, проходимый для плоскодонных пароходов, по

меньшей мере на небольших участках, извилистый Днестр сегодня по причине навязанного пограничного своеобразия полностью парализован с точки зрения ценности реки как коммуникации и источника энергии. Нынешний Днестр -это всего лишь отличная подпора для контрабанды между разными экономическими системами — Советским Союзом и капиталистической Румынией и арена политических происков, очаг войны не только в Европе, но и в мире; тем более что Япония и, само собой разумеется, Советский Союз еще не признали границу по Днестру и более чем сомнительно, что кто-то

действительно вступился бы за нее.

Вся история Бессарабии, — отлично изображенная фон Угшом в нераздельной связи с геополитическими условиями существования этого узкого клочка земли, — важное обвинение превратностям природы, делающим невозможной границу по крупной реке, ведущим к расколу единых жизненных областей, и это тем пагубнее лежит бременем на соседях, чем больше развивался или мог развиваться культурный прибрежный ландшафт, чем чаще единоплеменные слои населения и расы издревле пересекали реку, оставляя на ее берегах лишь местно

чуждые противоречия силы.

Здесь граница по водотоку, —
здесь граница по водоразделу!

Если называют *frontieres naturelles*, то приходится отклонить либо одну, либо другую форму или же по меньшей мере подчеркивать естественное право одной, вуалируя право другой. Нельзя одну жизненную форму согласно мнимо справедливым принципам разрывать и калечить в том месте, где как раз пригодна, в соответствии с “*theorie de cretes*”, граница по водоразделу, как Тироль по перевалу Бреннер, если совсем рядом, в Пустертале, эту теорию отбрасывают. Теория водоразделов при всем научном

остроумии не может наилучшим образом, творчески выработать в Пиренеях и Приморских Альпах постоянные, на длительный срок естественные границы, и их так отменяют на Вогезском гребне, что вмещиваются на Верхнем Рейне не только по реке, нет, но и через нее. Наряду с этим в Пиренеях, на Гаронне водоразделы в ряде случаев снова кладут под сукно; и в Трансильвании, в Карпатах, где естественный каскадный ландшафт области Чик образует редкостное природное единство, где некогда Венгрия (долина Тротуш!) также вмещивалась через водоразделы, время от времени забавлялись

взаимной игрой, при которой наука Юго-Восточной Европы в поисках доказательств не поспевала за внезапным политическим переломом.

Из самого беглого рассмотрения границы по водотоку вытекает с точностью одно: она становится все сложнее [для охраны], чем больше русло реки развивается в рамках культурного ландшафта, чем более освоенным оно становится. Все пограничные реки мира — Рейн, Дунай, Висла, Прут и Днестр, Инд, [с.161] Шатт-эль-Араб__, Амур, Красная река__, Рио-Гранде — становятся в возрастающей степени исходной точкой политических

волнений и угроз не только для соседей, но и для всех, для мира во всем мире, чем больше возрастает их коммуникационная и энергетическая ценность, чем нераздельнее хозяйственное развитие по обоим берегам связывает соседей, чем больше враждебный жизни и сношениям облик крупной реки отходит на задний план перед дающими энергию и дружелюбно связующими процессами. [с.162]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.155) *Ratzel* *F.*

Antropogeographie. Bd I. S. 210;
Brunhes J. L'Irrigation, des conditions
geographiques. Paris, 1902.

(с.156) Так, Пенк разработал
эффективную естественную границу
для Южного Тироля — район
расселины в альпийской пойме
(Alpenvorland).

(с.156) *Bouterweck K.* Das Land
der meridionalen Stromfurchen in indo-
chinesischen Grenzgebiet //

“Mitteilungen der Geogr. Gesellschaft”.
Mtinchen. Bd XIII. 2. H., 1918/19.

(с.159) *Stegemann H.* Kampf um

den Rhein. Berlin, 1924; *Wentzke P.* Rheinkampf. 2 Bde. Berlin, 1925, *Levy F.* Entwicklung des Rhein— und Maas-Systems. Freiburg, 1921.

(с.159) “Все это превращает границу Рио-Гранде между англосаксонскими и латиноамериканскими владениями в Новом Свете в зону достойной наблюдения опасности для международного мира” (“The Economist”. 22.I.1927. S. 141).

(с.159) *Keyser E* Der Kampf um die Weichsel. Leipzig, 1926; *Haushofer K* Die Weichsel, eine gefährdete Wirtschaftsstraße // “Deutsche Rundschau”, 1923, 2 H.; *Haushofer A.* Der Staat Danzig // “Zeitschr. d. Ges. f.

Erdkunde". Berlin, 1926.

(с.160) Хуанхэ протяженностью около 4000 км и с бассейном 980000 кв. км начиная с 602 г. до н.э. меняла свое устье не менее десяти раз (*Herrmann A. Das Problem des Hwangho // "Zeitschr. d. Ges. f. Erdkunde". 1916, II. Heft*).

(с.160) Для Венского бассейна труды Гёйдериха и Зигера.

(с.160) Относительно способности Дуная к образованию государств ср.: *Vogel W. Rhein und Donau als Staatenbildner // "Zeitschrift für Geopolitik". 1924, II; Haushofer K. Tux Geopolitik der Donau // "Volk und Reich". 1925.*

(с.160) *Kjellen R. Studien zur*

Weltkrise. Munchen, 1917.

(с.160) Для Месопотамии: *Hesse F.* Mossul-Frage. Berlin, 1925.

(с.160) *Uhlig C.* Die bessarabische Frage. Eine geopolitische Betrachtung. Breslau, 1926.

(с.162) *Hassert C.* Die anthropogeographische und politisch-geographische Bedeutung der Flusse // Zeitschrift fur Gewasserkunde. 1899; *Arltdt Th.* Naturliche Grenzen und staatliche Bruckenkopfe // “Zeitschrift fur Politik”. IX. 1916; *McKinney H.G.* Intercolonial water rights as affected by federation. Sidney, 1900.

Под формулой “третья Италия” режим Муссолини понимал борьбу за гегемонию Италии в Европе. Эта

формула имела нечто общее с идеей германского “Третьего рейха”. [с.162]

Государственная тайна (лат.).
[с.162]

Арии (арийцы) — так называли себя ираноязычные племена (мидяне, персы и др. в Иране, скифы и сарматы, древние народности Средней Азии и др.). Ариями назывались также племена, распространившиеся во второй половине 2-го тысячелетия до н.э. в Индии и именуемые в науке индоарийскими. Древнеиранские и индоарийские языки очень близки друг другу, а говорившие на них племена, как показывают древнейшие памятники словесности

индийцев (Ригведа) и иранцев (Авеста), имели много общего в хозяйстве, быте, социальном строе, культуре, религии.

Слово “арии”, помимо индоиранских, в других индоевропейских языках определенно не засвидетельствовано, и употребление данного термина в отношении других индоевропейцев, в частности германцев, не имеет под собой научных оснований.

Токийская равнина. [с.162]

Греки именовали Дунай фракийским названием “Истр”, в римское время он получил второе название “Данувий” (или “Данубий”). Со времени Августа

Дунай стал границей Римского государства с северными варварами.
[с.162]

Рейн (*лат. Rhenus*) от кельт. Rinos — река. После победы Цезаря над вождем свевов Ариовистом в 58 г. до н.э., двукратного форсирования Рейна (в 55 и 53 гг. до н.э.) и окончательного завоевания Галлии в 50 г. до н.э. он становится одной из важнейших границ Римского государства, отделявшей его от Германии. [с.162]

Галлис — река в центральной части Малой Азии, впадает в Черное море. С 550 г. до н.э. (время Кира) была естественной границей между Мидийским царством и Персией.

Рубикон — стекавшая со склонов Апеннин и впадавшая в Адриатическое море река. Точная идентификация с какой-либо из современных рек затруднена. Получила известность благодаря знаменитым словам Цезаря “Жребий брошен!”.

Рона — река, берущая начало на территории швейцарского кантона Вале. Протекает через Женевское озеро и впадает в Средиземное море.
[с.162]

Границы по судоходным пограничным рекам, если иное не предусмотрено международным договором, устанавливаются, как правило, посередине главного

фарватера реки или по тальвегу (*нем.* Talweg — дно долины, дорога через долину) — линии, соединяющей глубокие точки дна реки. [с.162]

Бессарабия в X-XI вв. была заселена фракийскими и восточнославянскими племенами. Входила в состав Киевской Руси. В XIV в. на территории Бессарабии возникло Молдавское княжество, вскоре подпавшее под власть турок. Попытки Петра I освободить Молдавию успеха не имели (Прутский поход [с.162] 1711 г.). В 1812 г. по Бухарестскому мирному договору Бессарабия вошла в состав России. По Парижскому миру 1856 г. Измаильский уезд Бессарабии

отошел к Румынии, в 1878 г. (Берлинский конгресс) Бессарабия была возвращена России в обмен на Добруджу. В январе 1918 г. была оккупирована Румынией, став, таким образом, предметом советско-румынского конфликта, который был разрешен летом 1940 г. возвращением в состав СССР Бессарабии. В настоящее время независимое государство Молдова. [с.163]

Изонцо — река в Италии и Югославии. Во время первой мировой войны итальянские войска провели на этой реке 11 сражений против австрийских войск, но успеха не имели. [с.163]

Шатт-эль-Араб является водной границей между Ираном и Ираком.
[с.163]

Красная река — река в северной части Вьетнама, вблизи границы с Китаем. [с.163]

ГЛАВА XVII

ВЫСОТНАЯ ФОРМА: ОЧЕРТЕНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДОРАЗДЕЛ КАК ГРАНИЦА

**(гидрографическое и
морфологическое**

установление границы)

Высотные формы, проявления очертаний Земли, особенно если они одновременно являются водоразделами, действуют как устанавливающие границы лучше всего, чем более враждебны они жизни, чем более препятствуют сношениям. Районы ущелий, пояса болот, которые выдают себя выступающими наружу грунтовыми водами, как Тераи — болотный гласис Гималаев, могут разделять более действенно, чем даже высокие хребты гор, подступающие к районам

проходимых перевалов, преодолевая
которые живущие в горах кочевники
или полукочевники осуществляли
права выпаса. Освященная греками,
извращенно выстроенная
романскими народами “theorie de
cretes” в некоторых местах более
чувствительна к своим пробелам,
чем в продолжающейся столетия
борьбе за речные границы вокруг
Эбро и Рейна самой блестящей
романской государственной формы
— французской, которая рано
постигла необходимость поставить
пограничные теории на службу своей
практической политике.
Оттесненная от Эбро, граница в
конце концов вклинилась в Пиренеи.

Вместе с тем она успешно оттеснила немецких соседей от Вогезской стремнины, а также вопреки собственной пограничной теории — от крупной реки [т.е. Рейна], полностью принадлежащей немецкой культурной почве. Итак, на очень важных участках нашей границы мы, немцы, изнемогаем от несовершенного обязательства наших противников из-за их собственных, старательно разработанных теорий о границах; но в отношении этих мест мы можем по меньшей мере сражаться с ними их же собственным научным оружием на форуме мирового общественного мнения.

Однако гидрографическо-

морфологические элементы, почти исключительно преобладающие в создании жизненных форм и прокладке их границ, имеющие ценность и применимые, встречаются редко. Обладающая исключительно высокой способностью к сопротивлению внутренняя структура японской метрополии почти целиком поκειται на строительстве ячеек по водоразделам; способные противостоять кантоны Швейцарии являются единообразными долинами внутри водоразделов: Ури (Рейс), Гларус (Линт), Вале (Верхняя Рона); Берн — преимущественно кантон реки Ааре. Котловинные ландшафты,

как Фергана, Богемия, Сычуань, Кашмир, будучи особенно устойчивыми, единообразными, недвусмысленно основанными на системе рек и границ по водоразделам с одним-единственным, чаще всего глубоко [с.164] прорезанным выходом, являются предвидимыми политическими образованиями.

Но даже при отграничении крупные формы, разделенные водой, образованные ею мелкие формы обнаруживают свое непостоянство. Водоразделы в чистом виде, одновременно как протяженные горные цепи, редки; некоторые из обычных горных границ на самом

деле вовсе не водоразделы, а разорванные, как Гималаи, мощными водотоками — крупными реками Непала, Индом и Брахмапутрой, как Хинган — Амуром, Карпаты — Альтом.

Весьма разнообразно действуют в установлении границ горы, горные цепи, нагорья, дугообразные окраины плато, с одной стороны, ущелья, теснины, расщелины, останец — с другой; какие многообразные картины показывали, например, извилистое течение Зайле между Вогезами и Мозелем и сопутствующая ему игра высотных форм по отношению к довоенной границе.

Картина водораздела в природе, являясь более чем очевидной, обнаруживает богатство запутанных форм! Крайне редко совпадают причудливая теория старых картографических методов и действительность в линии хребта с равномерно расходящимися с той и другой стороны горными штрихами, указывающими направление течения воды. Уже старые горные формы с их спокойной сводчатостью (кривизной), наклонными желобами (Kastenformen) превращают водораздел в целую широкую зону; в расщеченных горных кряжах он идет зигзагом то туда, то сюда: самая высокая точка или хребет, источники

образующегося водостока находятся на противоположных сторонах горного массива. Даже верховое болото, влажный луг, район источников без особенно приметного рубежа или даже подземный горизонт сообщающихся источников, карстовые области с поглощающим колодцем по соседству — как трудно оформляют они поиск по водоразделу, который в таких случаях не имеет никакой политической силы, кроме как неудобного и враждебного сношениям действия своих сопутствующих проявлений.

Отличное определение водораздела Филиппсоном с его вертикалью от точки пересечения

обеих линий падения позволило нам в научном отношении выйти из трудного положения, но оно не может быть во многом полезным практической политике_.

Со времен Аристотеля мы встречаемся в политике с трудностью именно в определении понятия “водораздел”. Мы обнаруживаем, к своему удивлению, что Александр Гумбольдт недооценивал способность гор выступать в роли водоразделяющей и устанавливающей границу силы, считая возможным соединение каналом Атлантики и Тихого океана в девяти местах, в то время как обладающая великолепным слухом

североамериканская политика вследствие своих возможностей в будущем окончательно [с.165] положила руку лишь на два (Панама, Никарагуа), готовясь к дальнейшим планам (вопрос об Атрато).

Кто уже наблюдал на практике проведение границ в горах, а именно в регионах с большим пространством вне Европы, вполне представляет, как мало на самом деле знают о Земле — в том объеме, который для ученых, занятых поиском задач будущего, имеет нечто почти утешительное, но для политической науки — постыдное. В Гималаях, на меридиональных руслах рек между Индией и Китаем, в районе

Яблонового хребта (Забайкалье) и Станового хребта (Восточная Сибирь), в южноамериканских пограничных полосах еще скрыты проблемы, в сравнении с которыми покажется вполне безобидной проведенная в никуда разделительная линия папы Александра VI____, отторгавшая Филиппины на 300 лет от их естественного жизненного пространства и от их принадлежности к истинному календарю____, а Бразилию — от остальной Латинской Америки. Пограничный спор между Чили и Аргентиной с его поистине соломоновым решением благодаря

сэру Томасу Холдичу был испытанием этого. Еще многие другие проблемы кроются, например, в установлении границы в проливе Хуан-де-Фука_, где непосредственно на расстоянии двух с половиной тысяч километров континентальный рубеж научного хладнокровия наталкивается на резко детализированные вопросы доступа к побережью, или в вопросе об инфильтрации на Дунае_, который показывает, как природа посредством постоянных отводов от агрессивной системы крупной реки с глубоко размытым основанием непрерывно принуждает к изменениям более слабую, с высоко

расположенным течением сточных желобов даже там, где они не создают условия для человеческих жизненных форм.

Особая тема — психологическая привлекательность для народов окраинных плато в качестве границ, которые на одной стороне часто тянутся как отграничивающие горизонт горы (сопки на Амуре, Декан, Вогезы на равнине Рейна!) и запечатлелись в душе народа как готовый, признанный рубеж, а на другой действуют лишь как соблазн, как бы разыгрывая медленную сцену незаметного подъема в доступные окраины, с которых направляется легкий, заманчивый, снизу трудно

запрещаемый спуск в раскинувшиеся перед жадными взорами богатые долины. Так действовала граница в Вогезах на стоявших на ее высоте французов, что не осознали до конца на немецкой стороне. Так действует проницательный взгляд на Пекин с гор за рекой Нонни, а также с южных склонов Альп на ландшафт долины По — “тучную ломбардскую равнину”, которая уже в воззвании [с.166] Наполеона I к Итальянской армии играет столь возбуждающую роль.

Правильно признав опасность такого искушения, Третья Италия весьма настойчиво ратовала на Севере за теорию водоразделов,

прокладывая рискованную границу от Изонцо вверх в необжитое, от предгорий Южного Тироля на Бреннер и Мальзерхайде, и желая проложить ее и дальше на Запад. Уже из воспоминаний Бабура, великого покорителя Делийской империи Моголов_, мы знаем, сколь опасный соблазн возбуждает у бедных, но воинственных горцев созерцание сверху, с пограничных вершин долины Инда, и еще третья Афганская война__, восстание в Вазиристане_показали, что с такими психологическими склонностями на границе не следует шутить. В равной мере это относится и к истории Месопотамии и вечным набегам

горных племен в Двуречье. И дальше к востоку, в Гималаях, история показывает, впрочем менее массовые, проникновения монгольских народов в индийское предполье с плоскогорий, так что убедительное завершающее воздействие мощного белого вала, каким он представляется, скажем, из Дарджилинга или [Симлы](#), односторонне; не следует забывать, что еще в середине XIX в. даже целый пограничный вал (Непал, Сикким, Бутан, Бхопал) платил дань китайцам, как Бирма, Сиам и весь Индокитай, и еще совсем недавно одной влиятельной личности — сэру Уильяму Бердвуду при посещении им

границы китайцы доказывали свое право на Бамо и Иравади как свободные гавани Teng Yuen.

Право и жизнь — тот, кто до сих пор прислушивался к нам, не должен никогда забывать это — именно на границе находятся в беспрестанной борьбе. Это вряд ли обнаруживается в какой-нибудь правовой области лучше, чем в области права высокогорного выпаса, которое, без сомнения, иногда входит как ископаемое (Fossil) в современную структуру общения в Альпах, Пиренеях, Вогезах, еще властно вдается в индийские, африканские, азиатские границы областей (полевые межи).

Эти древние права выпаса, как любые другие на родной народной почве, достойны уважения, и их позаботились закрепить для себя при переселении народов германские общины и так крепко удерживали свое старое право на землю коренного населения на северогерманской равнине, как вандалы Гейзериха____, некогда господствовавшие в Северной Африке.

Однако жестко удерживаемые права выпаса при бурном переселении народов освятили переходы границ, которые при всем том распространились на обширное пространство между Теодулпас и

долиной Аостаи Монтавон и Пацнаун; права выпаса сохранили местные пограничные трения в Вогезах, которые пережили длительное время — от взлета аббатства Ремире-монт (Remiremont) как светского владения до возврата долины Мюнстерапод немецкое господство; а совсем недавно в Альпах, в Верхнем Этцтале, право выпаса для местных жителей [с.167] раздули в международно-правовой вопрос. Ни мощь старой царской России, ни охрана китайских границ во времена расцвета Маньчжурской империине оказались достаточно сильными, чтобы пресечь зимние и летние переселения киргизов. Из-за

высоты перевалов и относительной жидкотекучести (Dunnflussigkeit) сообщения между Индией, англо-индийским Тибетом и Восточным Туркестаном__его выравнивающее культуру постоянное воздействие легко недооценивается; и оно (воздействие) во всем своем значении (в том числе распространение буддизма!) может восстанавливать способность нарушать границы права выпаса, караваны. Схожим образом миграционный поток туда и сюда взламывает границы и отменяет их по обе стороны между Маньчжурией, Хили, Монголией и Забайкальем_.

Исследуя такие процессы, мы

выясняем большое историческое значение пояса пастбищ и сопредельных нагорных пажитней (Almboden). Ландшафты высокогорных пастбищ, как на Памире, высокогорные долины Чика, горные окраины вдоль китайского Шелкового пути_, а также огромная зона культуры кочевников (номадов), которую мы постоянно познаем по захоронениям от Дуная до Маньчжурии как раннее культурное единство, воспитали те вождистские натуры, за которыми последовали многие в крупномасштабных переходах границ в истории, в создании степных империй, в нашествии гуннов, монголов и

тюрок.

Несомненно, своими набегами они причиняли порой мучительную боль и порой разбивались об “искусственные линии” из почти нерасчлененных границ (Пенк), которые должны были защищать от них старые культурные пространства, а порой и фактически защищали на протяжении столетий, как римская граница [Лимес] по Рейну и Дунаю, поселения и укрепленное предполье Великой Китайской стены, пограничные сооружения Индии на Северо-Западе, так что поток отводился в совершенно иные русла, на другой конец Евразии. Однако грандиозный противоположный

ритм перехода границы и сохранения границы, который наделяет историю Старого Света эффектным мотивом постоянства, вероятно, ведет свое происхождение из противоречия между нарушителем границ — скотоводом, кочевником или полукочевником — естественным сторонником права свободного выпаса и оседлым пахарем — творцом малой границы, вспаханной межи, прочной ячейки. Мы видим, что отдельные естественные, единообразные ландшафты с прочными структурами выстроены именно по принципу границы водораздела и они вряд ли доступны уничтожению, но все же и

затопленные, снова возрождаются в той же форме.

Япония с ее структурой чисто речных маленьких областей, гидрографических единств, части Швейцарии, особенно Граубюнден, части Тюрингии, вообще старых германских областей [с.168] построены по этому принципу, и ему лишь в качестве противовеса должна присоединяться какая-либо крупная связующая система, как в Японии — море, охватывающее всю жизненную форму: в противном случае такие ландшафты становятся границей прямо перед носом, перекрытыми тенью собственной колокольни, что британец шутя называет “pennywise

but poundfoolish”_, за своими слишком тесно запертыми засовами, “заключенными в ящик” (emboitement), как некогда один умный француз сказал о Германии.

Такой опасности подвергаются в особенности *государства на перевалах*, и поэтому посвятим им здесь краткое рассуждение. Государства на перевалах — древняя, в определенной степени примитивная форма, и современные скоростные коммуникации усложняют их некогда оправданные условия существования. Основанием таких государств часто служит то, что высокие гребни гор с прилегающими к ним по обеим

сторонам горными пастбищами, пажитнями и долами сами оказываются для жизни и связи более дружественными, чем район узкого ущелья и расселины, которому сопутствует чаще всего подножие горы внутри горного массива перед стоком горных потоков на равнины. Благодаря этому жизненное пространство становится достаточным для самостоятельных миниатюрных государственных образований, которые, однако, всегда находятся под угрозой навязывания им извне условий существования, могут оказаться в конечном счете в сфере влияния альпийской поймы. Государства на перевалах,

следовательно, примитивная, архаическая форма и, будучи однажды разрушенными, могут с трудом снова восстановиться. В Савойе, Тироле, на Кавказе, а также в Трансильвании они были разрушены извне. В Швейцарии они все еще существуют в старых кантонах и в своей связи с Тичино, а также в Граубюндене, который еще и сегодня со своими тремя диалектами — Ruschlav, Misox и Bergell — показывает, каким явно выраженным самостоятельным государственным образованием на перевале он был в то время, когда еще владел Вормсом (Бормио), Фельтеном и Клеве (Кьявенной). Но более чем спорно,

могли бы истинные государства на перевалах Швейцарии пережить период поглощения Гельвеции без поддержки городов-государств альпийской поймы — Берна, Цюриха, Сант-Галлена.

Из государств на перевалах Гималаев в настоящее время все еще существуют Кашмир, Непал, Бутан, Бхопал, в известных формах также Сикким; мотивы перевалов присутствуют в истории Сербии и Болгарии, Боливии и Перу, а в Новом Свете чистыми государственными образованиями на перевалах были Пенсильвания, Панама и Теуантепек.

Но в то время, когда развивавшиеся в коротковолновых

ударах сношения отзвучавшего средневековья благоприятствовали миниатюрным государствам на перевалах, так что Альпы изобиловали рудиментами такого вида и все значительные монастыри (Андекс, Химзеклёстер), епископства (Зальцбург, [с.169] Фрейзинг) искали основание для образования государства на перевале, сегодня требуется более крупная составная часть формы для поддержания жизнеспособности такого государства; и пространства великодержавного прошлого, как Монголия, Афганистан, китайские внутренние ландшафты Сычуань и Юньнань, сохраняют сегодня

характер государства на перевале.

Чем больше границы в горах проявляют тенденцию к сопряжению, тем больше государства на перевалах, естественно, ими охватываются; они каменеют, приобретают архаические черты, сохраняют стиль запаздывания в политике наряду с таковым в культуре и экономике.

Если мы попытаемся еще раз установить противоречие, взвесив некоторые из его практических применений, то оказывается, что с прогрессом культуры и цивилизации, индустриализации и ростом плотности населения граница по водотоку становится более

проницаемой, изменчивой, более охваченной борьбой, а граница по водоразделу в форме вертикальной проекции, напротив, все более и более закрепляется, склоняется к сцеплению и стыку, следовательно, разделяет с большей перспективой на постоянство. Рассматриваемая чисто научно, немецкая народная почва, следовательно, подвергается наибольшей опасности южнее Бреннера, вероятно, меньше всего на Рейне, больше на Висле и еще больше в области Богемского леса и южнее Судет.

Со справедливым чувством Пенк, Зигер и Зёльх признали наибольшую опасность именно на

южнотирольской границе и выковали для нее на разумных основах добытое из малых форм и исторических поселений оружие, которое затем британские критики присвоили себе (см., например, “Манчестер Гардиан”, 2 февраля 1927 г.).

Психологические аспекты границы по водотоку, как и горной границы, всегда привлекали в рабочее поле политической географии блестящих наблюдателей и самые светлые умы. Н. Кребс, Ратцель, Заппер, Мауль_пришли к выводам основополагающей ценности. Исполненное душевной глубины отношение между горой и

человеком, между человеком и крупной рекой лежит в основе проблемы, и, пожалуй, это дало нам право поставить беглый и сжатый обзор этой темы в виде примера в центр отдельных исследований__.

[с.170]

ПРИМЕЧАНИЯ

(c.165) *Philippson A.* Studien über Wasserscheiden. Leipzig, 1886.

(c.166) *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Berlin, 1925.

(c.166) *Gohringer.* Die Donauversickerung // “Karlsruher Tagblatt”. 118. Jahrg. № 334. 3.XI.1921.

(c.166) *Kiesel K.* Petershuttly. Ein Friedensziel in den Vogesen. Berlin, 1918; *Steinitzer H.* Zur Psychologie des Alpinisten. Munchen, 1907; *Freshfield D.* On mountains and mankind // “Roy. Soc. Geogr. Journ.”. Bd XXIV.

(c.168) *Ratzel F.* Gesetze des

raumlichen Wachstums der Staaten // “Petermanns Mitteilungen”. 1896; *Idem*. Antropogeographie, II.

(с.170) См.: *Krebs N.* Landerkunde der Österreichischen Alpen; *Ratzel F.* Alpen inmitten der geschichtlichen Bewegung; *Idem*. Hohengrenzen und Hohengurtel; *Sapper.* Gebirgsgrenzen; *Maull O. K.* Bayerischen Alpengrenzen.

(с.170) *Gomperz H.* Philosophie des Krieges. Gotha, 1915.

Согласно постановлению Версальского договора, Германия не была привлечена в Лигу Наций при ее создании. Как уже упоминалось, она вступила в эту организацию в 1926 г. после принятия ею плана Дауэса (см. примеч. 20. С. 20) и

подписания Локарнских договоров.
[с.170]

Локарнские договоры (парафированы в Локарно 16 октября 1925 г.) подписаны в Лондоне 1 декабря того же года. Основной документ — заключенный Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией гарантийный пакт (Рейнский пакт) о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны. Относительно своих восточных границ Германия обязательств не давала. Судьба Локарнских договоров, как известно, печальна: в

1936 г. Германия расторгла их и ремилитаризировала Рейнскую зону. [с.171]

Аtrato — река в Колумбии, русло которой могло бы быть использовано для прокладки канала, соединяющего Атлантический и Тихий океаны. [с.171]

См. [примеч. 9. С. 111](#). [с.171]

Хуан-де-Фука — пролив, по которому проходит самый восточный участок границы между США и Канадой. [с.171]

Бабур (1483-1530) — основатель государства Великих Моголов, потомок Тимура (Тамерлана). [с.171]

В течение XIX и в начале XX столетия Англия стремилась

захватить территорию Афганистана. С этой целью были развязаны три войны (так называемые англо-афганские войны); первая (1838-1842) окончилась поражением Англии; вторая (1878-1880) — установлением английского контроля над афганской внешней политикой; после третьей (1919) Англия признала независимость Афганистана. [с.171]

Вазиристан — горная область в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана на границе с Афганистаном. В 1893 г., когда в качестве границы между Афганистаном и Британской Индией была установлена линия Дюранда,

Вазиристан стал независимой территорией. В 1947 г. вошел в состав Пакистана. [с.171]

Симла — курортный город в Северной Индии в предгорьях Гималаев; в колониальный период летняя резиденция (временная столица) вице-короля. В период засушливой погоды на равнине в Симлу переезжали правительственные учреждения Индии. [с.171]

Вандалы — восточногерманское племя, заселявшее первоначально п-ов Ютландия, а с I в. до н.э. — территорию между Одером, Вислой, Судетами, Карпатами. В 429-439 гг. под руководством Гейзериха

захватили римскую Северную Африку и обосновались на территории современного Туниса. Королевство вандалов стало первым германским королевством на земле Римской империи. Вандалы известны в истории своими захватами и грабежами. Гейзерих (428-477) — вождь вандалов и аланов, основатель суверенного государства после занятия Карфагена. Государство вандалов было признано Римской империей в 442 г. и в 474 г. Византией. В 445 г. Гейзерих разграбил Рим. [с.171]

Аоста — город в Италии, в Альпах. [с.171]

Мюнстер — город и порт в

земле Северный Рейн-Вестфалия (Северо-Западная Германия). В прошлом столица Вестфалии. Здесь был подписан Вестфальский мир (1648), положивший конец Тридцатилетней войне. [с.171]

Под Маньчжурской империей понимается период правления в Китае в 1644-1911 гг. маньчжурской династии Цин, которая пришла к власти в результате завоевания Китая маньчурами. Свергнута Синьхайской революцией 1911-1913 гг. [с.171]

Туркестан — название в XIX — начале XX в. территории в Средней и Центральной Азии, населенной тюркскими народностями.

Восточный Туркестан — провинции Западного Китая, Западный Туркестан — среднеазиатские территории царской России, северная часть Афганистана. [с.171]

Великий шелковый путь — огромное историко-культурное пространство со множеством маршрутов, по которым шло международное общение от Китая до западных предгорий Азии в древности и в средние века. [с.171]

“Бережет пенс, а теряет фунт” (*англ.*); русский эквивалент: “скупой платит дважды”. [с.171]

Так называемые ретороманские языки, подгруппа романских языков, на которых говорит часть населения

Юго-Восточной Швейцарии и
Западной Австрии. [с.171]

Бормио — ныне
бальнеологический курорт в Италии
в Ретийских Альпах, близ границы со
Швейцарией. [с.171]

Гельвеция — древнее название
Швейцарии В результате
Тридцатилетней войны (1618-1648)
получила статус суверенного
государства. В 1798 г войска
французской Директории вошли в
западную часть Швейцарии. При
поддержке Франции Швейцарский
союз был преобразован в
Гельветическую республику.
Гельветическая республика
подписала военный союз с Францией

и тем самым оказалась вовлеченной в войну с антинаполеоновской коалицией. Но Гельветическая республика просуществовала недолго. В 1803 г. Наполеон восстановил прежнее устройство. По решению Венского конгресса 1815 г. Швейцария составила Конфедерацию из 19 самоуправляющихся кантонов. Была восстановлена ее независимость, очерчены новые границы. В ее состав вошли еще три кантона: Вале, Невшатель, Женева. [с.172]

Чешский, или Богемский, лес — залесенный горный хребет на чешско-германской границе. Служит естественным рубежом между

Богемией и Баварией. Его протяженность 190 км, абсолютная высота — до 1042 м. [с.172]

ГЛАВА XVIII

РАСТЕНИЯ В РОЛИ РУБЕЖЕЙ. ГРАНИЦЫ ФЛОРЫ

Там, где ряды растений в виде плотных зон и поясов разделяют с известным постоянством хозяйственные предприятия людей, государственные образования и политические жизненные формы, должна идти речь о пограничных предполях, оказывающих влияние на рассечение разделенных областей

обитания посредством внешнего вида земли (chtonisch) или метеорологических условий (klimatisch). Свойство разделять народы имеют прежде всего обширные области лесов и болот, труднопроходимые лесные ярусы с заболоченными полосами, часто испытывающие внезапное изменение рельефа местности из-за подъема уровня грунтовых вод. Особенно памятны человечеству типы границ муссонных стран, богатых осадками, государств сарматов_или Амазонии_с едва определимыми из-за разросшегося влажного леса водоразделами, границы Судана с притоками Нила, покрытыми

болотными растениями.
Сопутствующий пояс заболоченных
равнин и дремучих лесов Гималаев
— Тераи, все еще защищающий
сегодня Непал и другие
высокогорные государства от полного
поглощения Индо-Британской
империей, бирмано-китайское
предполье дремучего леса в верхнем
течении Иравади и Салуина, болота
Припяти и Рокитно проявили себя в
древней и новой истории как
политически действенная
разделительная сила, которой
обладает растительный покров.
Океанографический эквивалент
этого — легенда о непреодолимом
Саргассовом море.

Однако и пояс хвойного леса алеманнов_, и земляные укрепления лесной крепости Богемии, и ныне исчезающий Коленвальд_как рубеж фламандцев и валлонов, и Вогезский лес, и 68,4 процента лесной и болотной границы Польши против 31,6 процента открытой — всё это растительные границы, играющие большую, а зачастую и решающую роль в истории Западной и Промежуточной Европы.

Лесные и заболоченные области могут вступить в жизненное содружество (симбиоз) с некогда установившимися границами по водотоку (Wasserlaufgrenze) и границами по водоразделу

(Wasserscheidegrenze), усиливающее разделяющую способность, или, [с.173] приняв в отдельных местах противоположное направление, не допускать их влияния, как в лесной зоне Верхней Силезии. Они могут — подобно пойменным ярусным лесам, зонам обмеления — быть сопутствующими проявлениями водотока, как отдельные важные, сопровождаемые ярусным лесом границы крупных рек Южной Америки, или же выступать в роли водораздела, например, как сообщающиеся области источников. На влажных полях проходов Тауэрна, в японских высокогорных пустошах с рыхлым вулканическим грунтом, с

плотно устоявшимися окраинами, в
грунтовых источниках, высыхающих
топях, в Шпреевальде с его
амфибийным характером каждый
может легко установить, сколь
сильно отграничительное действие
региона как целого и как трудно
проложить границу внутри него,
даже если не прибегать в качестве
примера к совершенно
непросматриваемым и
труднопроходимым субтропическим
и тропическим ландшафтам (опыты
комиссий по демаркации границ в
Камеруне, Новой Гвинее, в
государстве Конго__, в ландшафте
Верхнего Нила, Амазонии,
пограничный патруль фельдмаршала

Бердвудса на бирманско-китайской границе_.

В таких случаях следует обращать особое внимание не только на распространение и границеобразующую способность растительного покрова в меридиональном и широтном направлениях, но и на очертание границы, на продольный профиль, как это убедительно показал в своем исключительно богатом и побуждающем к личным наблюдениям исследовании Ф. Ратцель “Hohengrenzen und Hohengurtel”____. Описывая наши альпийские долины, он утверждает, что там, как правило, можно

установить по меньшей мере пять отчетливо узнаваемых растительных границ с сильным антропогеографическим обратным действием на расселение и политическое деление, которые разграничивают пять зон, из коих две благоприятны, а три враждебны и трудны для поселения и сношений. Первая зона — *терраса долины*, приемлемая для жилья, с поселениями, укрепленными откосами, пригодная для пахоты, с проложенными дорогами; далее неблагоприятный для дорог и сношений *лес на отвесной скале*; затем вновь благоприятная для сношений узкая заселенная,

пригодная для животноводства зона пастбищ; и, наконец, скалы и фирновый снег. При этом изменение между террасами посредством промежуточной прокладки дополнительной ступени может, естественно, умножаться.

Обращаясь к экзотическим образцам вулканического ландшафта, мы находим и здесь весьма четкие зоны растительности; их описал А. Гофман в книге “Waldungen des Fernen Ostens” (“Лесные массивы Дальнего Востока”), дополненной впечатляющими диаграммами и тонкими личными наблюдениями на примере Японии. [с.174]

Особенно подходят для

наглядности даже отдельные конусы вулканов: часто используемые в этих целях лесная зона и снежная шапка столь отчетливо обозначенной Фудзиямы, конуса яванских вулканов, Килиманджаро. С другой стороны, идя по следам Ратцеля, наводящим на проблему, а также стимулированный Понтеном__, М. Земпле__изложил наблюдения относительно растительной границы и географии строительных материалов. При этом обнаруженный, часто безупречный по своему происхождению строительный материал, на основе которого реконструировались формы культуры, помогает доказать связь между преодолимыми и

непреодолимыми препятствиями
растительно-географического
характера и разделениями
политических структур.

Труднее привести такие
доказательства для подтверждения
связи между плотными
насаждениями растений и обильным
водотоком в особенности для пояса
болот, заболоченных лесов и
аналогичных проявлений, ибо не все
они столь отчетливо навязывают
культурные, силовые и экономико-
географические различия,
испытанные в историческом
развитии, как болота Рокитно и
Припяти, где уже в новое время
разыгрались события военной

истории (вывод руководящих командных служб по незнакомым болотным дорогам!), напоминающие о провале наступательных операций римлян в германских заболоченных лесах.

Такие заболоченные леса и простирающиеся к морю приречные болота Ирландии, защита Терая, необычайные трудности британских и французских экспедиционных вылазок против защищенных прибрежными болотами западноафриканских государств___, трудности умиротворения на длительное время до известной степени прикрытых растительностью пограничных

пространств в Малайском архипелаге, Малайских провинциях, Индокитае (Манипур, Сиам) — отнюдь не единичное явление.

Важно при этом, что различие между естественными джунглями и вторичными, на месте выкорчеванных, узнаваемо еще в течение 100 лет; и только спустя 100-120 лет оно начинает сглаживаться. Даже в благоприятных для роста растений областях это различие сохраняется долго, пока природа снова не восстановит защиту растений во всей своей первозданной силе; значительно дольше, естественно, — в умеренных зонах. Прежний, неоднократно

использовавшийся в военное время еще в 1805 г. для защиты лес “Эрлайха” на южном берегу озера Аммер ныне совсем исчез! [с.175]

Однако история Центральной Европы учит, что такие лесные и заболоченные области как пространства защиты сыграли очень большую роль и в сдерживании враждебных рас (вельши, вальхи, валы — к югу от Дуная, венеды — в Шпреевальде); новейшее развитие авиации показывает, что полное исчезновение таких пространств делает народы во время войны еще более безоружными, чем со своими поясами лесов, чью прикрывающую силу никоим образом не вытравить

из памяти населения Галиции или Польши, сновавшего между войсками туда и сюда, пытаюсь укрыться с частью своего имущества, и считавшего условия своего существования просто невыносимыми, в то время как на Западе при равных обстоятельствах для него вообще не было бы никаких возможностей выжить.

Какую охранную роль сыграли в локальной политической жизни Италии, как и Испании, маки_, под покровом которых был рожден Наполеон спасавшейся от опасности матерью; как трудно было преодолеть войну в зарослях и изгородях Вандеи____, Тироля,

Швейцарии по сравнению с Гельвецией, Бельгией и Северной Францией, Трансваалем и Оранжевой республикой; как вдвойне опасна война в субтропиках, где они, например в Юго-Восточной Азии, в определенной мере благоприятствовали сопротивлению, и лишь ослабление центральной власти в Китае сделало возможным колониальный успех французов, которым он противостоял в предполье аннамо-китайской границы?_____Сколь бессильной оказывалась неоднократно тактика регулярной армии в Соединенных Штатах в противостоянии войне кустарников и изгородей_____, в

благоприятствуемой растительным покровом предполий лесов малой войне, так что в конечном счете в Индии, Северной Америке, Испании всемирно-исторические решения свелись к непреодолимости границ растений всеми средствами ведения войны и транспортной техники.

В Центральной Европе общей картине как естественного, так и измененного культурой ландшафта чуждо одно явление, которое поэтому заслуживает особого упоминания здесь, — это высокорасположенный, обсаженный водоток. В других культурных ландшафтах Земли, в Ломбардии (решение Мадженты , пожалуй,

зависело от этого, как и некоторые наполеоновские битвы!), Китае, Индии и Японии водоток имел абсолютно решающее значение для ценности внутренней границы разделенных ландшафтов, естественно, и при отмене внутренних границ действительным или условным состоянием войны. На дважды предпринимавшийся японцами поход в Корею и Юго-Восточную Маньжурию влияло, например, вплоть до повторения форм отдельных операций, даже тактики (Ялу!), своеобразие высокорасположенных водотоков между обсаженными растениями дамбами; для японцев это

своеобразие было чем-то естественным, тогда как для русских — почти чуждым: отсюда различная сноровка при их преодолении.
[с.176]

Одно абсолютно примечательное явление мы обнаруживаем при защите границы Сингальского государства на Цейлоне против вторжения дравидов и тамиллов из Индии. Там шла речь о высокоразвитой области культуры с высокоразвитыми ирригационными сооружениями, с одной стороны, и неслыханным буйным растительным миром как следствием обильных осадков — с другой. Мы видим планомерное перемещение джунглей

вперед-назад как подвижную границу обороны уже не способной к сопротивлению высокой культуры, совершенно аналогично тому, как мы обнаруживаем применение Римской империей лесозащитных границ и пояса болот.

В связи с этим явлением следовало бы подумать о дальнейшем обогащении растительной защиты малых и межевых границ, на основе которых часто (также по Пенку) складываются более крупные и значимые границы. Обсаженные растениями плотина, шоссе, заросли кустарника, искусственная живая изгородь в любой форме выделяются в очертании культурного ландшафта

как разделительные линии: например, укрывающие от мистралья, столь примечательные ряды кипарисов в Провансе, тополя Ломбардии и Венеции, обозначившие, между прочим, путь наполеоновской армии и выделявшиеся на фоне ландшафта, плантации масличных и плодовых деревьев. В военной истории известны также ряды туй Коломба у Меца; мешавшие атакам насаждения плодовых деревьев Вёрта и Мадженты; кактусы Мексики, которые болезненно почувствовали северные непрошеные юсти при первом походе североамериканцев против Латинской Америки ,

колючие изгороди и кустарник, с помощью которых австралиец, марокканец и южноафриканец весьма эффективно защищают границы полей, угодий и дорог. Живая изгородь британско-французского ландшафта каналов по обе стороны — во французском департаменте Норд и в британском Кенте — тоже пограничная форма, весьма затрудняющая обзор и движение, даже столь ухоженному культурному ландшафту дает первоначальный импульс, но наверняка и более надежную защиту, испытанную способность — и это подтвердит любой, познавший на военном опыте различие между

маневренными битвами в
департаменте Норд с живыми
изгородями или в обширных
распаханных пространствах
Пикардии.

Наблюдения на сей счет поэтому
ценны, ибо отдельные народы уже в
мирное время благоразумно, в меру
возможностей предусмотрели эту
защиту, создавая, как французы,
многолетним трудом свои дороги и
ведомства по управлению речными
коммуникациями, включая
взращенное уже Наполеоном I
действенное управление. А иные
народы — как мы — признали
значение такой “коррекции счастья”
лишь в войне, когда они под

впечатлением жестоких потерь в пограничной борьбе позднее [с.177] и мучительнее осознали, как важны помощь естественной и искусственной маскировки, искусство камуфляжа_.

Благодаря упреждающим посадкам растений с раскидистой кроной вдоль важных просматриваемых улиц и дорог, лиственных и хвойных деревьев определенной высоты и направления именно обороняющаяся сторона, размещенная bona fide____на пограничной земле, могла бы сохранить чрезвычайно много жизней бойцов ландвера и ландштурма____, преимущественно

отцов семейств, мирных жителей. Это запоздалый, слишком запоздалый вывод о том, что даже у обороняющегося, располагающего превосходящими техническими средствами, у подвергшегося ударам военно-воздушных сил народа определенное профилактическое прикрытие коммуникаций было бы заповедью самосохранения.

Итак, и большие, исторически признанные границы народов, и малые формы, из которых складываются многие из них, запечатлевают тот факт, что растительный мир накладывает важный отпечаток на разделение жизненных форм человечества,

напоминая о том, что им нельзя безнаказанно пренебрегать, что каждый народ должен знать картину своего культурного ландшафта сверху донизу, со всем его растительным покровом и во все времена года. Растительная граница и граница между людьми могут находиться в отношениях складывающегося сотрудничества (симбиоза) или разрушительного противоречия (антитезы); она может допускать преобладание внутри естественных или искусственных различий; она может быть подчеркнута посредством вида грунта (chtonisch) либо длительного погодного воздействия (klimatisch) — но всегда

нуждается в заботливом внимании.
[с.178]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.173) См. доклады Кингдона Варда (“China Express and Telegraph”, London 5 и 12.V.1927), где содержатся особенно ценные сведения о состоянии пограничных зон между Китаем, Индией, Бирмой.

(с.173) *Gradmann R.* Das mitteleuropäische Landschaftsbild nach seiner geschichtlichen Entwicklung. G. Z. 1901; *Idem.* Beziehungen zwischen Pflanzengeographie und Siedlungsgeschichte. G. Z. 1906; “Der obergermanisch-romische Limes und das frankische Nadelholzgebiet” // “Pet Mittlg.”, 1899.

(c.173) *Levy-Leyden F.* Arbeiten
uber die Siedelungen in Flandern. v. O.

(c.174) *CM.:* “Zeitschnft fur
Geopolitik”. 1927. Bd. I. Marzheft.

(c.174) *Ratzel F.* Kleine Schriften.
Bd II. Munchen — Berlin, 1906; *Idem.*
Hohengrenzen und Hohengurtel.

(c.174) *Hofmann A.* Waldungen des
Fernen Ostens. Wien, 1913.

(c.175) *Ponten J.* Anregungen zu
kunstgeographischen Studien // “Pet.
Mittlg.”, 1920.

(c.175) *Churchill E. S.* Unfluence
of geographical conditions on Japanese
agriculture // Geo. Journ. Roy. Soc, Bd
XL.

(c.175) *Septans.* Les Expeditions
anglaises en Afnque. Paris, 1895; *Furse-*

Septans. Expéditions militaires d'Outre-Mer. Paris, 1897.

(с.177) О борьбе между человечеством и джунглями *Doflein* *F. Ostasienfahrt*.

(с.178) Маскировка трассы, ведущей в Донон, к западу от Страсбурга, посадки вдоль дорог и железнодорожных насыпей в Эльзас-Лотарингии в качестве защиты против наблюдения, маскирующее прикрытие, потребовавшие малых расходов на полосу укреплений в мирное время, сохранили бы в 1914 г много жизней ландверу и ландштурму. Дополнительная деталь: в богатом зеленым и парками Владивостоке в 1904 г. безрассудный

командующий позволил уничтожить наилучшее прикрытие, потому что он однажды что-то слышал об очистке гласиса.

Сарматы — объединение кочевых скотоводческих племен (аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.); упоминаются уже Геродотом. В VI-IV вв. до н.э. жили на территории от реки Тобол до Волги. Постепенно распространились дальше на Запад до низовьев Дуная, вытеснив родственные им племена скифов из Северного Причерноморья. В IV в. н.э. разгромлены гуннами. [с.178]

Амазония — природная область Южной Америки в бассейне реки

Амазонка, в основном на территории Бразилии, а также Перу, Колумбии, Венесуэлы и Боливии. Здесь сосредоточено около / площади всех влажных тропических лесов мира. [с.178]

Саргассово море — в центральной части Атлантического океана. Названо так из-за скопления плавающих по его поверхности саргассовых водорослей. [с.178]

Высокий Тауэрн — горный хребет в Восточных Альпах, в Австрии. [с.178]

Конго — колонии в Африке: Бельгийское Конго, Португальское Конго и Французское Конго, или Французская Экваториальная

Африка. В данном случае имеется в виду Бельгийское Конго. [с.178]

Т.е. во время наполеоновских войн. [с.179]

Маки (*фр. maquis*) — лесные заросли, чаща. [с.179]

Департамент на Западе Франции, являвшийся центром роялистских мятежей во время Великой французской революции XVIII в. [с.179]

Аннамом китайские императоры называли территорию Северного и частично Центрального Вьетнама, находившуюся под их господством в VII-X вв. Позже употреблялось как название всей страны, а в период французского

колониального господства (1884-1945) — как административное название Центрального Вьетнама.
[с.179]

В ходе Войны за независимость американцы, бывшие хорошими охотниками в силу жизненных условий, применили рассыпной строй с использованием природных укрытий против английской регулярной армии, действовавшей в колоннах, и в итоге добились успеха.
[с.179]

Маджента — город в Ломбардии, на севере Италии, к западу от Милана, возле которого 4 июня 1859 г. в ходе австро-итало-французской войны 1859 г.

объединенная франко-сардинская армия (54 тыс.) Наполеона III нанесла поражение австрийским войскам (58 тыс.) Ф. Дьюлаи. Победа при Мадженте способствовала подъему национально-освободительного движения в Италии. [с.179]

Впервые Корея подверглась нападению Японии в XVI в. Войска и флот Кореи нанесли тогда чужеземцам тяжелое поражение. В 1910 г. Япония объявила Корею своей колонией. [с.179]

Речь идет о крушении древнесингальской культуры на Цейлоне под натиском воинственных пришельцев из Южного Индостана.

В средние века она возрождалась и снова пала. [с.179]

Имеется в виду американо-мексиканская война 1846-1848 гг., развязанная США. В результате войны Соединенные Штаты захватили / мексиканской территории (американские штаты Техас, Нью-Мексико, Аризона, Верхняя Калифорния, Невада, Юта, часть Колорадо и часть Вайоминга, составляющие почти треть нынешней территории США). [с.179]

Пикардия — историческая провинция на Севере Франции, между Нормандией и Фландрией. Во время первой мировой войны здесь произошло крупное сражение.

[с.179]

По доброй воле (*лат.*). [с.179]

Ландвер (*нем.* Landwehr) —

категория военнообязанных запаса
второй очереди и создаваемые при
мобилизации второочередные
войсковые формирования;

ландштурм (*нем.* Landsturm) —

категория военнообязанных запаса
третьей очереди и формировавшиеся
из них в военное время

вспомогательные части в Пруссии,
Германии, Австро-Венгрии и других
государствах в XIX — начале XX в.

[с.179]

ГЛАВА XIX

ГРАНИЦЫ ГЛАВНЫХ РАСТЕНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

**Столкновение
различных
хозяйственных**

форм. Сопутствующие культурные растения как свидетели границы

Рассмотрение границ главных растений мирового хозяйства (например, пшеница и рис в Индии, просо и рис в Китае), обусловленного ими столкновения различных хозяйственных форм друг с другом (например, превалирующее пастбищное и луговое хозяйство против зернового, орошаемое или

суходольное, на террасах и мотыжное, или засеянное льном и на живом тягле), наконец, исследование основных сопутствующих человечеству культурных растений как свидетелей границ — съедобного каштана и винограда для романской культуры, бамбука для малайцев, риса, чая и бамбука для японцев, маиса, какао и картофеля для перуанцев и тому подобное — лишь частная область большой проблемной зоны растительной границы в ее обратном воздействии на разграничения человеческих общностей.

Однако для эмпирики границы и ее научного рассмотрения это одна

из тончайших областей наблюдения и еще далеко не исчерпанная. Даже о понятиях экстенсивного и интенсивного использования земли, о границах постоянных или подвижных, меняющих свое местоположение культур в экономической географии нет единодушия.

Определенный ключ [в подходе к проблеме] дает нам более простая и более очевидная возможность наблюдения за культурами окраинных хозяйственных областей, в особенности пояса пустынь Старого Света. Окраины пустынь, степные переходы, кромки лугов направляют быстрее и

беспрепятственнее как антропогеографические образования (пояс кочевников севернее понтийского, кавказского, алтайско-монгольского ландшафтов), так и перемещения культурных растений. И даже сами границы мы часто изучаем по определенным формам их прорыва или перехода, которые закономерно совершаются, легче различаются.

Границы ледникового периода и вечной мерзлоты, как и границы распространения пустынь, надолго запечатлеваются в уплотнениях на извилистых тропах кочевий, даже если они уже устарели, даже исчезли.

Распространение границ
отдельных культурных растений
далеко за первоначальные
оптимальные области их
произрастания часто, как у рас
человека, навязывается при особом
раскрытии [с.180] постоянной
ценности и испытанных качеств
именно на отвоеванных границах:
пример тому — распространение
oryza sativa_и чая из исконных
областей в Ассаме_, охватившее весь
муссонный ландшафт, винограда,
фруктов (из верхней долины Инда, из
Пянджа). Пшеница — всеобщее
достояние потянувших на запад и
юг из Внутренней Азии арийских
племен_, переселявшихся на восток

китайцев; лишь позже они переходят на рис.

Широкое разворачивание пшеничного пояса показывает, сколь актуальна проблема перестройки обширных земельных пространств и соперничества с культурой риса и проса в его попытках найти опору в северной анэйкумене. Так следует понимать стремление русских распространить пшеничный пояс на всю умеренную зону на Севере в более крупной связности. В русско-японской войне и ее предыстории становится ясным внутреннее переплетение границ главных растений мировой экономики с границами господства человека;

становится очевидным и противоположное устремление извилистого потока русских переселенцев в сторону Тихого океана, просачивающегося на Запад китайского через Внутреннюю и Северную Азию к хозяйственным растениям.

Именно другу мира непреложный факт вездесущности этого соперничества *между* главными растениями мирового хозяйства и его воздействия на столкновение различных хозяйственных форм дает весьма обильную пищу для размышлений. История свидетельствует о постоянных перемещениях границ

культурных растений, о регулярном в ранние периоды расширении пахотных полей на высотах, где ныне больше занимаются животноводством, виноградниками на горных террасах (Кельгейм — Винцер! берег Дуная! Заале!), а маис или овощи растут лишь в ухоженных огородах. Тщательное наблюдение за нынешними границами в районе Вогез и Гарда, где давно исчезли следы римской культуры земледелия, обнаруживает все еще рассаженные строго в квадрате на полосах и участках виноград, каштаны и пинии, кроны пиний над тремя другими сопутствующими растениями римских “Георгик” — виноградной

лозой, оливковым деревом, каштанами! Это — земля позднеримского времени, где занимаются виноградарством, с примыкающими к ней участками под вспомогательными средствами (откорм скота), с обустроенными виноградниками (каштанами — поскольку съедобный каштан, согласно Шарфеттеру, является типичным сопутствующим романским народам на германо-романской границе деревом) и пиниями как прочной опорой для этого растения.

Симптомом ослабления или обновления силы народов и рас на границах служит также продвижение

и отступление вызывающих соблазн культурных растений. Существует взаимосвязь между выращиванием мака и порочным потреблением опиума, выращиванием конопли и потреблением гашиша.

Соперничеством между пшеницей, просом, рисом до краев заполнен мир, и это неразрывно связано с переносом границ [с.181] силовых и экономических организмов. Соперничают друг с другом и волокнистые растения, хлопок пробивается вперед!_Внутри кажущихся исключительными по значимости областей имеют успех, например, маис в тех районах Соединенных Штатов, где не бывает

заморозков__, или овес (Северная Европа), гречиха, рожь с более или менее ограниченным, переменным экономическим влиянием.

Волокнистые культуры также борются не только между собой, но и с другими сырьевыми продуктами животного происхождения (шелк, шерсть). (Хлопковый пояс, отделение Судана от Египта в имперско-британском духе главным образом из-за дохода от хлопка__.) Как безжалостно вытесняет бразильская каучуконосная гевея смешанный, богатый древесиной девственный лес на Индокитайском полуострове, особенно в объединенных Малайских провинциях, и переносит нажим

вывозящих древесину и каучук ландшафтов на другие места при посредстве экспортирующих рис ландшафтов. Какой глубокий отпечаток налагает, например, на наполеоновское и более позднее время соперничество между сахарным тростником и сахарной свеклой, приводя к континентальным блокадам, передвижкам границ, таможенной системе с новыми крупномасштабными ограничениями. К перемещению границ великофейные, чайные и опиумные войны.

Именно в наше время мы испытали огромные передвижки в Калифорнии, решительные

изменения плотности населения и перенесение расовой и государственной _____ границ в Маньчжурии, Судане в ходе изменений в географии растительного мира.

Но здесь речь идет о том, чтобы не только видеть убедительные многочисленные примеры силы, политики, но и обнаруживать господствующий над всей природой феномен и в нашей крайне ограниченной отечественной сфере наблюдения, видеть его в борьбе за существование между буком и елью, в чудодейственной борьбе наших лугов, во мхах на пне дерева, дабы убедиться в *закономерности*

происходящего.

Лишь из осознания вездесущей силы борьбы за существование в пространстве и во времени, ее всеобщей необходимости и неизбежности поднимается ввысь в полной убежденности и осознание необходимости продуманной пригодности и факта симбиоза животных и человеческих рас с растениями в рамках известных границ; в связи с этим убежденность в поучительности [с.182] сравнительного наблюдения за природой среди обоих и понимание, что многие жизненные формы и народы — которые в силу своей индивидуальности научились яснее

видеть самих себя — пошли в этом
намного дальше, чем большинство
жителей Внутренней Европы, так что
и им, следовательно, предстоит
добиться значительных успехов в
этом направлении. Прежде чем
забавляться мыслью о закате некоего
культурного круга, непременно
приходит требование сначала
наполнить его так же хорошо на
весьма существенных направлениях,
как это сделали многие другие
[народы] со своим культурным
пространством. Поэтому для нас
основой ценности является столь
красиво доказанный Шарфеттером
целенаправленный симбиоз
римлянина со съедобным каштаном

и виноградом, араба — с финиковой пальмой, жителя островов Южных морей — с кокосовой пальмой, малайца — со столь свойственным морской и прибрежной культуре бамбуком, континентального германца — с неперменной суходольной растительностью, чеха — с *andropogon-ischaemum* степных лугов, мадьяра — со *stipa capillata*, ковылем понтийских степей, палеоазиата — с ивой (магическим реквизитом), западнотихоокеанской культуры — с триадой: рис, чай, бамбук, восточнотихоокеанской — с маисом, какао, картофелем, чьи регулярные прямоугольные посадки удивили уже первых конкистадоров.

Для германцев, особенно на их разбросанной границе (Streugrenze) на Востоке, следует поставить в такие отношения бук, как для славян — липу, для англосаксов — дуб, для кельтов — тис.

Со старой индо-яванской культурой переместились определенные виды трав, подтверждая свое прошлое присутствие еще и сегодня в местах, из которых их спутник-человек давно удалился. Лишь остатки строений еще свидетельствуют об этой связи. Мировые религии или локальные культы, возникшие в определенных земных пространствах, также перенесли с собой сопутствующие

растения как свидетелей границы. Так, с исконными культурами Средиземноморья были перенесены плющ, лавр и масличное дерево, христианство почитает пришедшую из средиземноморских стран пальму, а кельтские жрецы — тис; буддизм заботливо опекал *figus religiosa* — священный баньян, который он повсюду забирал с собой и насаждал (распространяя его благодаря цепкости многоствольного дерева), и цветок лотоса, а японская религия — синто оберегала вечнозеленую ветку сакаки как тотем и украшение могилы, которую в чужих ландшафтах заменял лавр.

Свидетели границ из царства

растений зачастую раскрывают
самим народам в затаенных
исторических испытаниях
неосознанные границы их
оптимального расселения как
рабочую область, в которой еще
много можно было бы создать из
начал. Из растительного мира нашей
наиболее стесненной баварской
[с.183] родины Троль называет
несколько таких пограничных
свидетелей, и его высказывания
побуждают нас к серьезным
размышлениям_____.

Ибо
биогеографическая граница
растений-сухотлюбив (xerothermen),
распространяющихся по континенту
вопреки океанскому влиянию

побережья, — проблема, которая для Германии вообще могла бы дать и антропогеографический повод к размышлениям о преобладании ее континентального или океанского предопределения и наклонности. Скромный *adonis vernalis* является таким свидетелем границы для преимущественно сухопутного основного направления немецкого жизненного пространства.

“Немец не понял моря”, — негодуя селовал однажды Тирпиц . Да, сугубо континентальному человеку вообщe труднее понять море, чем океанскому, и, если хотели, чтобы немец вел себя более понимающе, подобно другим

континентальным народам, следовало бы понимание этого лучше привить и внушить большинству преимущественно континентальных немцев!

Аналогичное положение, но в еще более узких рамках, *betula nana* (карликовой березы ледникового периода, не путать с *betula humilis*!) — типичного свидетеля границы того, что мы понимаем под “нагорьем”. Мы еще находим ее во всей пограничной зоне нагорья: в Шенрамской топи около Рейхенхалля, в окаменелых останках в Кольбер, в Галлерфильц и Оппенридер к юго-западу от Бернрида, у Эшенлохе, Штепперга,

Эминга у Гармиша, Роттенбуха, Виггенсбаха у Кемптена, Рейххольцрида. Мы делаем акцент на остатке таких свидетелей, ибо он доказывает, что добросовестно составленное краеведение вполне может содействовать этой значительной области жизни.

Важным связям между растениями и людьми, о многих из которых догадывались и которые неоднократно затрагивали, все еще недостает тщательного обсуждения. Лишь частично выяснено отношение между границами культуры и ядами для народа, например табаком, вином, гашишем, опиумом, грибным отваром, в их окутанном тайной,

обоюдном размежевании между странами-производителями и кругами потребителей. Все еще отсутствует естественно-научное объяснение факта, почему дар природы в одном месте Земли — всегда только умеренно используемое лекарство, в другом — истребитель людей; все еще нуждается в объяснении экономическая подоплека таких нарушений границ, как опиумные войны.

Нам хорошо освещают путь отдельные удачные работы: об огромном числе потребителей, интересующихся распространением культуры садового риса и размерами

его урожая, о столь [с.184]
решающем в качестве основы мощи
белой расы северном и южном
поясах пшеницы вокруг Земли_.

Возможность постепенного
иссушения важных культурных
областей Старого Света напугала
человечество_, и оно обратилось к
поиску исчезающих границ ранее
имевшейся жизни и ее растительно-
географических свидетелей. Или
внутренняя борьба между
текстильными и
продовольственными растениями
(хлопок против других
плантационных культур), между
чувствительными к холоду и
морозоустойчивыми видами злаков

(маис против пшеницы) позволила создать работы, подобные американским атласам.

Но, несмотря на испытания мировой войны, в области исследований связей между главными растениями мирового хозяйства и обусловленного их распространением соперничества различных хозяйственных форм, таких, как орошаемое и суходольное выращивание риса, длительное время не проводилась работа, которой они заслуживали; лишь в отношении немногих ландшафтов Земли в условиях нужды, вызванной экономической блокадой, было ясное представление, чем, собственно,

жила поселившаяся там масса людей. Это не достойное человечества состояние, и оно сулит мало надежд на решение в течение ближайших столетий его неслыханных, но подлежащих решению задач будущего, пожелай человечество ограничить и справедливо распределить перенаселенность, навстречу которой оно идет, если будет и дальше расти так, как сейчас.

Именно вопросы границы наиболее продуктивных областей, важнейших и, стало быть, по доходности существенных для расширяющихся хозяйственных растений, распределение и разграничение особенно

плодородных субтропических и тропических земель, которые могут дать значительный рост доходов, будут затем играть решающую роль_. Незначительная серьезность, с которой массы ведущих культурных стран стараются только лишь увидеть проблему перенаселенности Земли, но к которой с необычайной строгостью присматриваются знатоки, дает мало надежд, что эта обширная проблема границы будет своевременно осознана во всей ее масштабности.

Верно лишь одно: обладатели резервных пространств Земли обманулись бы, поверив, что зажатые в тиски на своей народной почве

миллионы китайцев, немцев, итальянцев и японцев без попытки справедливого проведения границ добровольно согласятся голодать перед лицом пустующей колонизованной земли, занятой приблизительно 6 млн. австралийцев, владеющих [с.185] пространством, где могут жить 60 млн. человек. Но даже если Внутренняя Европа решится на это, сотрудничающие со 143-миллионным Советским Союзом 448 млн. китайцев, яванцы, плотность которых составляет 300 человек на 1 кв. км, уже показали, что у них нет такой доброй воли. [с.186]

ПРИМЕЧАНИЯ

(c.180) *Hehn V.* Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Ubergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das iibrige Europa. Berlin, 1874.

(c.182) Cp.: *Goulding.* Cotton and other vegetable fibres. London, 1917; *Todd J.* The World's Cotton corps. London, 1915; *Finch.* Geography of the World's Agriculture; *Clerget P.* La Geographie des testiles; *Dunstan W. R.* The present position of Cotton cultivation; “Manchester Guardian Commercial” 29.VII.1926.

(c.182) *Finch and Baker.* Atlas of American agriculture. Washington, 1917;

“Geography of the World Agriculture”, 1917; *Reed*. Atlas über Frost und Saat. 1920; *Simkhowitsch* W.G. Hay and history // “Political science quaterly”. New York, 1913, XXVIII, Nr. 3. Sept. 1913.

(c.182) *Adams Brooks*. Amerikas ökonomische Vormacht. Wien — Leipzig, 1908.

(c.182) *Haushofer* K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Berlin, 1925.

(c.183) *Scharjetter* R. Pflanzen— und Völkergrenzen // “Petermanns Mitteilungen” 1910. Bd I.

(c.184) *Troll* K. Xerotherme Einwanderer in der Münchener Flora // “Mittlg. Bay Botan. Gesellschaft”. 1920.

(c.184) *Bachmann* C. Karten der

Reisverbreitung // “Petermanns Mitteilungen”. 1912; *Schumacher H.* Der Reis. Munchen, 1917, *Copeland E.B. Rice.* London, 1924 u.a.

(c.185) *Unstead J. Fr.* Climatic limits of wheat cultivation // “ Roy. Soc. Geogr. Journ.” XXXIX u XLII; *Schindler.* Der Wfeizen in seinen Beziehungen zum Klima. Berlin, 1893; *Maurizio A.* Getreidenahrung im Wandel der Zeiten. Zurich, 1916.

(c.185) *Gregory J.W.* The dead heart of Australia. London, 1906.

(c.185) *Niklas H.* Bayerns Bodenbewirtschaftung unter Berucksichtigung der geologischen und klimatischen Verhaltnisse. Munchen, 1917.

(с.185) *Gregory J. W.* The menace of Colour. London, 1925.

Рис (лат.) [с.186]

Ассам — северо-восточная провинция Индии. [с.186]

См. [примеч. 3. С. 162.](#) [с.186]

Судан — государство на северо-востоке Африки, к югу от Египта, с выходом на побережье Красного моря. Северо-восток страны был частью древней Нубии. В XIII в. Судан находился под властью арабов, в 1820-1822 гг. был захвачен Египтом. В результате восстания махдистов в 1881-1898 гг. стал независимым от своего северного соседа, но с 1898 г являлся кондоминиумом Великобритании и

Египта В 1956 г. стал независимой республикой. [с.186]

Весенний адонис (*лат.*). [с.186]

Тирпиц Альфред-Фридрих (1849-1930) — германский адмирал и политический деятель. В 1897-1916 гг. военный министр, руководил созданием морского флота Германии. [с.186]

ГЛАВА XX

ГРАНИЦЫ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И РАС ЧЕЛОВЕКА

Установить границы видов животных и рас человека, переходные пространства между главными центрами их происхождения и обитания (в становлении которых они, как правило, совпадают с наиболее благоприятными ландшафтами, с оптимальным пространством), затем

изучить пространства все еще
возможного распространения и
регионы угасания или изменения, а
где исполнимо, связи между
областями, производящими
привычное им питание, определить
их помощников и врагов в мире
животных — такова цель учения о
расах (Rassenkunde)_применительно к
границам.

Проблема заключается в том,
чтобы привить наблюдателю острый
взгляд на соприкосновение рас друг с
другом (Rasseneinanderlegung), как и
на их смешение
(Rasseniiberschiebung), каким,
например, обладают Ленц и Шейдт_.

Однако смешение, контактный

метаморфоз встречаются гораздо чаще, чем строгое разграничение. Труд Хена — достойное уважения свидетельство этого.

Спокойное совершенствование рас и прозрачность их обоюдного разделения на доступной для контактов Земле редки, хотя мы и считаем вполне возможным — в противовес склонным к сильным преувеличениям расово-историческим идеологиям — преобразование общепризнанных, новообразование смешанных рас человека как видов из нынешних отличий, весьма малоустойчивых перед практикой. Именно наблюдения в Восточной и Северной

Азии, к примеру в Маньчжурии, за созданием хуторов (Mansen) среди русских, корейцев, маньчжуров, китайцев и палеоазиатов убеждают нас в этом.

И кажушиеся ныне еще необычайно чистыми, находящиеся в особо благоприятных условиях расы, как японцы, все же результат смешения весьма разнородных потоков переселения в “резерваты”: острова или островные дуги (Япония), горные ландшафты и котловины (бассейн Ангары (Angaraland), Фергана, долины басков, переходные плато в Гималаях, западный склон Памира, Гиндукуша).

Замещение рас часто обнаруживается во внешне благоприятных единых ландшафтах (Восточная Анатолия)____. Явления возврата действуют в направлении передвижения границ. Вновь образованные границы должны быть найдены, подобно тому как изучают породы коневод, любитель голубей, как в ботаническом [с.187] и акклиматизационном садах сначала искусственно создаются условия для развития пришлых видов — причем для созданного на побережье альпинария или извлеченного, будто по волшебству, в засушливой области болота, сооруженного на равнине из щебня региона пестрого песчаника,

для довольно дорогих лошадей и видов крупного рогатого скота, овец, свиней, кур и голубей без обиняков признают, учитывая практический опыт, то, что все еще нередко оспаривается в отношении людей.

Наше внимание больше всего привлекает расположение полосами в направлении Восток — Запад в наиболее потрясенных переселениями [народов] пространствах Старого Света, соответственно географической структуре цепи гор в Северной и Центральной Азии, линии полос переселения между ними или севернее вдоль них. Так располагается неоднократно

испытывавшая давление, частично также прорывавшаяся полоса Урал — Алтай со своими легко устанавливаемыми по агглютинирующему языку остатками народов, так располагается полоса русской колонизации в Северной Азии — “заглохший, извилистый поток в неупорядоченном русле”; так тянется навстречу ему, растекаясь в западном направлении, позднекитайский поток, частично вновь восстанавливавший прежнюю колонизацию там, где некогда проходил раннекитайский поток вдоль Шелкового пути, затем протискивался в долины Вэйхэ и Хуанхэ, подобно более позднему

вторжению несших ислам рас. Повороты на Юг мы узнаем повсюду в тех местах, где структура идущих в направлении Тихого океана горных хребтов и каскадов принимает вид преимущественно меридиональных.

Горы, лес и заболоченные регионы (Южная Африка!) предстают перед нами как защитники остатков рас и народов. Так проявляют себя Кавказ, склоны Алтая и Тянь-Шаня, обширные долины романских народов и латинов в Альпах. Так все еще сохраняются баски в Пиренеях, армяне в высокогорных долинах ландшафта Арарата, который они справедливо изобразили на своем

гербе.

Окрестность ландшафта Хайберского прохода__в особенно подходящих для обороны долинах скрывает многие расовые границы, в то же время часто совпадающие с границами провинций. Вдоль Гата держатся гонды, вудары и бхилы (Bhils), в Гималаях — гуркхи__и многие другие чуждые собственно индийскому расовому смешению горные племена, в продольно расположенных переходах Малайского полуострова — обнаруженные Мартином и недавно Шебестой племена сенои и семанг, эквивалентом которых на Цейлоне являются ведды__.

По— особому часто действуют кольцевые горы и плоскогорья, оберегая виды животных и расы человека и помогая удерживать постоянные границы. Так закрепляются сингальцы (сингалы) по отношению к дравидийской расе и напору тамиллов из Передней Азии, в конечном счете скопившиеся на крошечном пространстве плоскогорья (вокруг Полоннарува-Канди)____, негритосские жители [с.188] внутренних районов, моро и ториадья на Филиппинах, на Зондских островах по отношению к малайцам и тагалам.

Еще труднее, естественно, проследить географические границы

животного мира и человеческих рас в субтропиках и тропиках, чем границы растительного мира, всегда больше привязанные к почве. Отличными вспомогательными конструкциями могут при этом оказаться смелые оригинальные рабочие гипотезы, например широко задуманное Лео Фробениусом разделение Африки на хтоническую, теллурическую и лесную культуры. Однако такие конструкции, конечно, требуют детальных доказательств.

Здесь благодатная почва для индивидуальной работы в полевых условиях. Трудность наблюдения за расовыми и племенными границами, а также за границами видов,

подтверждаемыми и
засвидетельствованными в языковых
и культурных отличительных
признаках, достаточно велика даже
на знакомой, родной почве.
Попытайтесь, скажем, в
пространстве между Аммерзе,
Хуозигау, Верденфельсом и
обширной языковой котловиной
романской культуры на выходе к
долине реки Лех между древними
монастырями Вельфов_проследить
швабско-баварскую племенную
границу! Как вмещивается там
алеманнский и баварский обычай,
даже диалект, к тому же с
добавлением “влахских” и
альпийских остатков!

Обработка дерева,
использование металла, керамика,
способ строительства,
землепользование и содержание
скота — все это должно помочь; и
все-таки создаются, как доказывают
работы Б. Швейцера,
многочисленные карты с
различными вводящими в курс дела
легендами почти для каждого
характерного (бытового) слова, для
каждого обычая, хотя они и в целом,
в главных линиях своих границ, часто
совпадают или сближаются.

Понятно, что подобные работы,
которые ведутся на стыке особенно
прочно сохраняющихся рас и племен,
в отчетливо отграниченных

переходных областях (по понятным причинам раннего осознания значимости проблемы), возникают по предпочтению. И поэтому такие образцовые начинания в Швейцарии, как, например, швейцарско-верхнеитальянский языковой атлас Яберга и Юда_.

Но в него включены также замкнутые расовые образования и расовые смешения, как французы_и нижние саксонцы; и более высокая ступень пограничного чувства при этом становится очевидной, смотря по тому, рано или поздно начата работа (разработки германо-польских языковых и расовых [с.189] границ Пенком и Фольцем,

разграничение Восточной Европы венской школой после войны)_.

Естественно, столь разнородные, сложные государственные образования, как старое государство Габсбургов, хотя и вызывали жгучий познавательный интерес, но меньший для обсуждения общественным мнением, что само собой понятно. Когда же закрывают глаза на дешевую насмешку в опубликованной в Париже галерее монархов, представившей седовласого императора Франца-Иосифа “вавилонским царем” без всякой иронической подписи, то напрашивалась как бы сама собой

характерная аналогия с Хеттским царством_, с его точно таким же на девяти языках государственным архивом_, что явилось для археологов благоприятной случайностью наряду с возможностью лингвистических разгадок и сопоставлений. Однако уже тогда признали, что столь шаткие, охватывающие внешние связи, самые различные племена и расы границы имеют мало права считаться прочными. Географическое основание для" исторических выводов, которые в отношении таких жизненных форм призывают к осмотрительности, должно было исходить только из этого!

Если появляется опасность

одной или нескольких рассекающих территорию государства расовых границ, непосредственно угрожая даже таким государственным образованиям, как Хеттское царство и Габсбургская империя, то косвенно она стоит и перед всем человечеством с его политической структурой и его надеждами на более широкое сплочение. Конечно, такие работы, как Лотропа Стоддарда, Мэдисона Гранта и Дж. В. Грегори — что выдают уже их подстрекающие названия (Rising Tide of Colour; Menace of Colour; Menace of the Underman) — грубые, вульгарные, режущие ухо фанфары; однако они все же показывают благодаря

воздействию их переводов, как восприятие немецких трудов Понтера пробуждает сознание жителей Внутренней Европы к рабочему полю, которое, как они слишком долго верили, можно уступить несуществующей предусмотрительности некоей несуществующей расовой теории.

Несомненно, многое вызывает возражение в отношении беззастенчивых американских обобщений европейских расовых границ, например, в книге Стоддарда “Race realities of Europe”; и все же лучше, что американцы знают эти грубые расовые границы внутри Европы, чем они почти ничего не

знают о том, как иногда их знаменитый 14 пунктами президент Вильсон_, что, пожалуй, никто в них не верил, кроме Германии. [с.190]

Конечно, позволительны некоторые незначительные возражения против “Geopsychische Erscheinungen” Гельпаху_, вероятно, скорее против его “франконского лица” или различия между Metrotypus и Mimotypus. И все же лучше, что немцы вообще проявили интерес к наблюдениям в духе Гельпаху над тем, какое сильное воздействие оказывают условия ландшафта, состояние погоды и отношение людей друг к другу, чем если они впадают в полузабытье, не

имея личной установки относительно этих поистине важных для их будущего вопросов; и лучше, что они изучают расовые границы, прежде всего глазами Понтера видят исчезающие, хорошие, неотъемлемые части расы, чем ничего не видят.

Бессмысленно отрицать, что антропология в области теории познания расовых границ, расовых видов и расовых смешений из-за сверхпедантичной точности и намеренного восторга науки о культуре, учений о государстве и экономических учений точно так же осталась виноватой в отношении необходимой популяризации неуязвимых знаний, как

антропогеография продолжительный период со времени Ратцеля, — и лишь под давлением войны нужно было срочно наверстывать то, без чего невозможно было добиться все еще абсолютно необходимого, своевременного массового действия.

Таково неприукрашенное состояние вопроса; и когда ныне время от времени на арене научной борьбы возникает нечто такое, что выглядит нежеланным гостем, то следует признать, что оно проникло туда через слишком обширные промежуточные пространства, слишком широко открытые не соприкасающимися друг с другом специальными научными

дисциплинами, в отдельных рабочих полях которых утрачена добросовестная основательность, позволяющая видеть необходимые связи (стыки).

Именно поэтому стало возможным при недавнем крупномасштабном переносе границ, что наука, привлеченная по случаю, играла столь малую роль генерального управляющего (какую предназначал для нее Челлен), не раз ограничиваясь ролью архивариуса, что, напротив, грубые обманы со стороны руководящих государственных мужей с помощью беззастенчивых фальсификаций, например, со стороны

Промежуточной Европы
(Zwischeneuropa) — польской,
чешской, французской, а также
итальянской — остались
безнаказанными, более того, были
оплачены территориальными
расширениями, что политико-
географическая неосведомленность
таких мужей, как Ллойд Джордж и
Вильсон, вошла в поговорку.

Итак, передвижка границ,
особенно в Европе, в их
географических формах состоялась
затем почти без участия науки, хотя и
при протестах научных
представителей главных стран,
извлекавших выгоду, как доказало
демонстративное отмежевание

Кейнса_и Перси М. Роксби (“Far Eastern question in geographical settling”), — и это еще требует существенных корректив. [с.191]

“Остаток”, который по меньшей мере должна была бы объяснить наука союзнических и ассоциированных (объединившихся) держав, лучше всего отражает работа Дж. Боумена “The New World. A study in political geography”_, в которой за счет больших средств Нью-Йоркского географического общества самые худшие грехи в отношении правды о расовых границах при политическом послевоенном преобразовании мира прикрываются фиговым листком, не способным скрыть изъяны.

Почитайте хотя бы то, что сказано там о Внутренней Европе, Индии и Восточной Азии. [с.192]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.187) *Scheldt W.* Allgemeine Rassenkunde Munchen, 1925; *Stoddard L.* Race realities of Europe New York, 1924.

(с.187) *Hehn V.* Kulturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1874.

(с.189) *Frobenius L.* Das unbekannte Afrika. Munchen, 1923.

(с.189) *Pe?iler W.* Niedersächsische Volkskunde. Hannover, 1922 о культурно-географическом и лингвистическом разграничениях земель нижнесаксонских племен.

(с.189) *Jaberg K.* (Bern) и *Jud J.*

(Zurich) i швейцарско-итальянских языковых разграничениях // “Neue Züricher Zeitung”. 23.I.1922.

(c.189) *Guillieron J.* Atlas linguistique de la France. Paris, 1902-1910.

(c.190) *Volz W.* Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926.

(c.190) *Stoddard L.* Race realities in Europe. New York, 1924; *Grant Madison.* The Passing of the Great Race. New York, 1923; *Gregory J.W.* The menace of Colour. London, 1925.

(c.190) *Gunter H.F.R.* Rassenkunde des deutschen Volkes. München, 1924; *Idem.* Kleine Rassenkunde Europas. München, 1925.

(c.191) *Hellpach W.* Geopsychische Erscheinungen. Leipzig,

1917.(с.191)

(с.192) *Bowman J.* The New World. A study in political geography. London — Sidney, 1922.

Говоря о расовых учениях, автор имеет в виду широко распространившиеся в середине XIX в. в западной социологии идеи, основные положения которых сводились к следующим утверждениям: социальная жизнь и культура — продукт расово-антропологических факторов, расы не равны между собой, расовые смешения вредны для общественного и культурного развития и т.д.

Особенно крайнее развитие эти идеи получили в Германии, где

приверженцы расовой доктрины создали миф о превосходстве “арийской расы”, к которой в первую очередь относились немцы. Расовая доктрина стала составной частью нацистского мировоззрения в “Третьем рейхе”. От всех жителей Германии требовали доказательств своего “арийского происхождения”, без чего человек объявлялся неполноценным и подвергался преследованиям. См также рассуждения Хаусхофера на тему о расах в работе “Панидеи в геополитике”. [с.192]

Анатолия — установившееся в древности греческое название Малой Азии. Обычно применяется к

полуострову на Западе Азии и относится в основном к территории Турции. [с.192]

Агглютинирующие языки — языки, в которых слова и форма слов образуются преимущественно путем агглютинации, например тюркские и финно-угорские. [с.192]

Ладины — группа ретороманцев в Южном Тироле [с.192]

Хайберский проход — перевал в горах Гиндукуш на границе между Пакистаном и Афганистаном. Длина 53 км, ширина 15-130 м, высота до 1030 м. В течение долгого времени перевал имел большое торговое и стратегическое значение, через него проходил путь, по которому

завоеватели проникали в Индию. В 1839-1947 гг. (с перерывами) на Хайберском перевале располагался британский военный гарнизон. [с.192]

Гуркхи (собственно непальцы) — группа консолидирующихся народов Центрального и Юго-Восточного Непала, в соседних районах Индии. Язык непальский, индуисты. [с.192]

Сенон — группа племен в Малайзии и Таиланде; семанги — группа негри-тосских племен бродячих охотников в Малайзии и Таиланде; ведды — древнейшие обитатели Шри-Ланки. [с.192]

Полоннарува — город в Северо-

Восточной Шри-Ланке. Стала столицей Цейлона после того, как сингалыцы покинули Анурадхапуру. В XII в. являлась важным буддийским центром. Впоследствии была покинута людьми; в XX в. на ее месте построен новый современный город. [с.192]

Вельфы — немецкий княжеский род, герцоги Баварии (с 1070 г.) и Саксонии (с 1137 г). [с.192]

Франц-Иосиф (1830-1916) — австро-венгерский император, вступил на престол в 1848 г. Называл себя монархом старой школы. В течение всего своего правления выступал против каких-либо либеральных реформ, подавляя

всякие попытки народов добиться независимости в рамках многонационального [с.192] Австрийского государства. С большим трудом примирился с австро-венгерским дуализмом, провозглашенным 12 марта 1867 г. [с.193]

Хеттское царство — существовавшее в XVIII — начале XII в. до н.э. военно-рабовладельческое государство в Малой Азии, создавшее высокую культуру. В период расцвета (XIV-III вв.) охватывало обширную территорию. Соперничало с Египтом в борьбе за господство в Передней Азии. [с.193]

В Богазкёе (Хаттусе) архив

сохранил нам богатую хеттскую литературу, содержащую тексты официального характера (указы царей, анналы), а также мифы, легенды. Благодаря этому архиву стала известной одна из самых ранних автобиографий — “Автобиография Хаттусили III”.
[с.193]

Вздымающаяся волна цветных; угроза цветных; угроза недочеловека (*англ.*).

Вильсон Вудро (1856-1924) — президент США в 1913-1921 гг., профессор истории и теории государства. Автор “14 пунктов”, предложенных им в основу мирных переговоров по окончании первой

мировой войны в послании конгрессу 8 января 1918 г. Они, в частности, предусматривали: открытые мирные договоры; свободу морей; свободу торговли; освобождение и восстановление Бельгии; возвращение Эльзас-Лотарингии Франции; исправление границ Италии согласно национальным признакам; создание независимого Польского государства; образование союза государств — Лиги Наций и др. [с.193]

Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945), граф Дуайфор — британский государственный и политический деятель, дипломат, в 1916-1922 гг. премьер-министр Великобритании.

Сыграл значительную роль на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. и при выработке Версальского мирного договора 1919 г. [с.193]

Кейнс Джон Мейнард (1883-1946) — профессор-экономист, член английской делегации на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Выступил с резкой критикой Версальского договора. В знак протеста подал в отставку еще во время самой конференции. Автор известной работы “Экономические последствия Версальского договора”. [с.193]

ГЛАВА ХХІ

ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПЕРЕНОСА ГРАНИЦ

Как обнаруживает себя, как неумолимо совершается незаметно происходящий на первых порах, а затем становящийся неудержимым, внутренне оправданным перенос

границ, чьи естественные условия мы до сих пор исследовали? В каких формах мир признает их политико-географическое изменение? В этих вопросительных пассажах очерчен некий важнейший геополитический круг вопросов.

Чрезмерно раздражающее или фактически бескомпромиссное, безбрежное давление народа, тесность перенаселенного культурного ландшафта в противовес изголодавшимся по людям обширным, но недозаселенным естественным областям, проблема переселения отдельных лиц, групп или племен, целых народов и рас, ее причины и следствия лежат в основе

переноса границ.

Но подготовленные таким образом формы переноса границы, естественно, всегда столь же различны по своей сути, как это являет природа во всех других областях: скажем, в физике и химии — при смешивании жидкостей, как инфильтрация инородной субстанции и затем неожиданное появление новой смеси или почти неуловимое изменение цвета и новое смешивание; в геологии — происходящая глубоко под поверхностью земли интрузия, которая лишь постепенно становится явной, или же сильное вулканическое извержение; или в биологии —

поначалу спокойное, бесшумное — в
противовес зримо затемняющим
воздух стаям саранчи —
перемещение насекомых и мышиных
стай, при котором незваных гостей
замечают лишь тогда, когда поле
усыпано зрелыми зернами, а в доме
исчезают припасы.

Но при насильственных
действиях волей-неволей приходят в
столкновение целые слои населения,
подобно выпираемым ударами
льдинам на наших горных озерах, то
хаотически громоздящимся друг на
друга узкими поясами, то
пробивающимся в широкие плоские
поля.

Так по аналогии с процессами в

природе фактически может последовать и взлом границы, ее перенос в самых различных и часто доказуемых формах: посредством уменьшения подточенной снизу, подмытой окраинной области, вытеснения инородных частей, насильственного перемещения извне добывающихся власти слоев, и находящийся под угрозой пограничный ландшафт — если он не хочет стать жертвой — противостоит этому впитыванием, как это успешно делала уверенная в победе китайская раса [с.194] в отношении всех иноплеменных вторжений, или путем противодействия, или путем

контрудара. Подобная деятельность по подрыву границ сравнима то с подтачиванием каплями текущей воды, то с молниеносным, сокрушающим ударом парового молота, то с действием труднее всего выдерживаемого гидравлического давления, но при этом испытанию всегда подвергается *прочность границы* некоей жизненной формы.

Прочность границы! Ее исследование показывает нам в конечном счете через целый ряд исторических испытаний в ее географических проявлениях, а также в ее формальных фиксациях огромное превосходство гибкого, биологического, всем нарушителям

живо противодействующего пограничного понимания и сохранения границы. “Во все времена, когда искусство приходило в упадок, оно приходило в упадок из-за художников”, как и искусство управления государством, особенно в его первейшей задаче — формальном поддержании границ, с одной стороны, сохранении пульсирующей за этой формой и наполняющей ее повсюду жизнью — с другой. Самый худший враг действенного сохранения границы — неизменный формализм при ее установлении. Велик соблазн, исходя из этой точки зрения, последовать за контригрой позитивных и негативных границ,

как, скажем, русско-англо-индийской в Центральной Азии, русско-монгольской на Памире и Или, вплоть до Маньчжурии, романско-англосаксонской в Америке.

Если детально проследить процессы переноса границ, не учиняя насилия над развитием, то придем к тому, что следует различать преимущественно океанский, определяемый морем и преимущественно континентальный, определяемый сушей типы перенесения и изменения границы со множеством промежуточных форм, например речными, прибрежными и многими другими. Получают подтверждение слова

Ратцеля, что именно в результате океанского (талассийского) или континентального антагонизма вытесняется одна из важнейших жизненных форм, какую вообще можно найти среди политико-географически определимых.

Далее, во многих случаях замечается неоспоримое пристрастие к одному из двух крупных, и в стратегии и в тактике ставших — как противоположные полюсы — традиционными понятий: “окружения” и “прорыва”; очевидно, что сложно устроенные государства, такие, как океанские, окруженные морем образования, часто предпочитают все без исключения

“окружение”; централизованные державы, разумеется чаще континентальные, чем прибрежные, образования, склоняются к форме “прорыва”, сосредоточения сил в одном месте, зачастую с упорными повторениями в том же самом пункте вторжения.

Частые формы расширения и перенесения границы — распространяющиеся одинаково направленно с границей под углом [с.195] или перпендикулярно, пронзая или охватывая, полосы поселения или группы поселений. Реже надвигающееся подобно валу пришлое переселение растекается по стране, как, скажем, польское в

Рурской области. В Лотарингии переселение иностранцев распространялось полосами. Типичными для таких полос вторжения в чуждые пограничные пространства являются формы, подобные уже упоминавшимся русско-сибирским полосам поселений в Северной Азии. Но и более ранняя римская, и более поздняя китайская колонизация — как и вшснувшаяся между Уралом — Алтаем русская — предпочитали форму дорог и полос.

В дугообразных формах тихоокеанского побережья Америки, в прибрежных продольных долинах Северной и Южной Америки

перенос границ проявляется в полосах колонизации. Таким же образом рука об руку с переносами границ идут полосы переселений в Африке (земли реки Барка, Северная Африка и Суданский пояс; тектонический разлом восточноафриканских озер).

Появление *ряда государств* с соответствующим перенесением границ в наиболее убедительной постоянной форме известно нам из истории раннекитайских государственных образований в долинах рек Хуанхэ и Вэйхэ. Мы видим, как долго поддерживалась там связь с вероятно изначальными территориями (Lander) китайского

государственного образования вдоль позднее возникшего Шелкового пути, как во времена слабости она была утеряна, но найдена вновь и при каждом сильном правительстве снова открывается, а затем, в более мелких пограничных ландшафтах, снова истощается и цепенеет.

В одном из своих исследований на примере достаточно известной мне жизненной формы муссонных стран — Японской империи я попытался детально доказать, по каким основным географическим направлениям происходило перенесение границ растущей империи. Формирование японских сухопутных границ в их

многообразной, полной перемен
форме особенно поучительно,
потому что искусно игравшее на
океанских пограничных формах
(островная дуга) государство искало
соответствующие формы и на суше, а
потому экспериментировало с ними.
Там мы находим — далеко
выдвинутую за признанную вскоре
неблагоприятной речную границу
Ялуцзян — Тумыньцзян —
исключительно искусно
построенную, самую большую с
экономической точки зрения
укрепленную сеть автономных
железнодорожных зон — в целом
более 22 000 кв. км — и права на
речное судоходство на протяжении

7000 км, которые развиваются на основе явно китайского, японского и русского монопольного образования, т.е. совершенно противоположной излюбленному методу — интернационализации немецких водных путей (Рейн, Эльба, Дунай, похищение Вислы). Итак, здесь в первую очередь насыщение коммуникаций посредством [с.196] управляемой гибкой сети, которое готовит при возможности перенесение границы в сторону Маньчжурии, пытается благодаря народам, живущим на материке, сдержать угрозу границе на корейском направлении.

Расширение границ Японии

При этом права на речное судоходство были обеспечены на естественных водных путях на протяжении более чем 6000 км

(только система Амура — 6000 км)
(и все-таки стоит усилий сравнить с
Внутренней Европой!), расширены
благодаря прибрежному рыболовству
и правам берегового
предпринимательства [с.197] на
одном из самых богатых рыбой
побережий (Охотское море,
побережье Японского моря у
русского берега, Сахалин), в то время
как обычно в важнейших
рыболовных зонах Мирового океана
существует почти полная
англосаксонская монополия, от
которой значительная доля достается
прежде всего Канаде.

В подготовке переноса границ,
которая обсуждается в литературе,

можно до известной степени различать разнообразные как национальные, так и народные методы. Мы считаем наиболее разработанным французский, некогда римский метод подготовки к нападению посредством необоснованных утверждений об угрозе безопасности — возникший на основе почти тысячелетнего, планомерного разграбления на Западе немецкой народной земли, — затем следуют русский и англосаксонский методы и построенный главным образом на их основе японский, аргументирующие все свои действия соответствующими ключевыми словами, например

“открытые двери и равные возможности для всех” и пр.

Странное ощущение, что жизненные формы, ориентирующиеся на оборону, несравненно хуже знают в результате научной работы на приграничной земле, как защищать свои границы от неблагоприятного переноса, когда другие, агрессивные державы в состоянии подготовиться к взлому границ и расширению земельных пространств!

Чтобы успешно отразить перенос границ, следует в сущности отказаться от юридической косности или пассивной инертности и просто установить моральное и физическое

устройство границы согласно немецкому слову “организация”, понимая под этим подкрепление (Belebung), подразделение “на части” (Durchgliederung). И именно такое “подкрепление”, такое “подразделение” народного сопротивления или лучше противодействия не позволит смотреть сквозь пальцы ни на какую область хозяйственного, культурного или государственно-политического пробуждения жизни, по крайней мере на чрезвычайно важное распределение земли в пограничных областях, на заинтересованность уже укоренившихся или еще не имеющих в народной почве корней народных

слоев. Там, где не удалось привить большинству позитивное отношение к жизненному пространству — и пусть чрезмерно завышено то, что написал Кайзерлинг 2 y, и не только он один, о знаменитом метафизическом, любовном отношении к нации в Японии — как влияние высокоорганизованной народной почвы, — там может быть на длительный срок утрачена всякая другая материальная и духовная работа на пограничной земле. Присмотримся все же к тому, как в местах, где вследствие крайне ограниченной пространственной опоры и слабеющей [с.198] энергии масс, нам, немцам, противостоит

окрепшее чуждое население, добивающееся переноса границы, и как при датской колонизации в Северном Шлезвиге_нас поразила неподозреваемая жизненность! И эта жизненность в основном заслуга одного человека: Грундтвига!

Справедливо предупреждали тогда из Апенраде: “В движении датских кругов за большее использование земли в Северном Шлезвиге есть стремления посредством широкого переселения поднять численность населения и создать места для новых жилищ”. Это — жизненная сила исходившего от Грундтвига движения, первоначально вызванного к жизни

болью лишь одного человека по поводу проявления косного застоя своей расы! Исходят из соображения, что Северный Шлезвиг необычайно слабо заселен (опасность, которая нависает и над нынешними немецкими восточными провинциями!): на квадратный километр там приходится всего 43 человека против 75 в остальной Дании. Поэтому самые крупные комплексы владений, в первую очередь давние прусские государственные земли (домены), должны быть разделены, и почти к каждому пасторату в Северном Шлезвиге присоединены разделенные угодья и основные из

них розданы многим мелким крестьянским дворам.

Болезненный вопрос лишь в том, почему в Пруссии между 1864 и 1918 гг. никто не увидел северную пограничную проблему с этой стороны? Не слишком ли сильно полагались на формальное право 1864 г., не выполненное в одном существенном пункте?

“Здесь принимается во внимание не только социальный, но и национальный момент” (будто в какой-либо пограничной области это можно было бы разделить!). “В Северном Шлезвиге насчитывается 36 доменов; из них 4 расположены в округе Хадерслебен, 4 — в округе

Апенраде, 4 — в округе Зондербург и 3 — в округе Тондерн. Эти домены располагают в целом 12000 га земли. Все они должны быть постепенно раздроблены и переданы крестьянским дворам. Такая же судьба ожидает и имения герцога Эрнста Понтера в Графенштейне. О всеобщем раздроблении земель пока еще речь не идет, потому что Дания получила государственные земли от германского правительства на договорной основе, а срок действия многих договоров еще не истек”.

Это лишь случайно ставший достоянием гласности район неверной пограничной земельной политики, весьма распространенной

и в других местах. Грабеж западными славянами земель в Польше, Богемии (Чехии), Югославии, экспроприация имений немецких крупных собственников в Балтийских странах могут использоваться для той же игры. Так идет аграрная революция в Юго-Восточной Европе преимущественно за счет немецкого права на пространство и землю.

Всю проблематику прав национальных меньшинств — а их предпосылкой все же было бы географическое и статистическое [с.199] рассмотрение проблемы переселения и всех переносов границ в народной и культурной

почве — показывают, например, “Worterbuch des Volkerrechts und der Diplomatic” Штруппа_или работа Курта Вольцендорфа “Grundgedanken des Rechts der nationalen Minderheiten”

Однако прежде чем заняться определением права, следовало бы прийти к мало-мальски согласованному пониманию права и правового воззрения, к их соответствующей географической основе, но именно поистине жизненная работа по переносу границ показывает, что сегодня еще невозможна серьезная попытка создать такие основы всеобщей надгосударственно признанной

законности и справедливости
Следовало бы как можно раньше
усвоить мрачный взгляд Дж
Бейклесса, изложенный в книге “The
origin of the next war”
 (“Происхождение следующей
войны”).

Нынешняя ситуация с
границами в Европе стала
планомерно разрабатываться загодя
во многих французских книгах, в
названиях которых говорится в
первую очередь не о Франции, а о
Европе “L'Europe et la question
d'Autriche”, “De l'Empire Ottoman”, но
в сущности речь идет о перенесении
границ в пользу французской
жизненной формы И при этом

имеется сходство с русской и англосаксонской литературой о границах Поэтому высокие союзные и объединившиеся державы_имели достаточно военных целей — даже совершенно открыто признанную цель грабежа земли, — а мы, в центральных державах, не имели никакой: за это на нас возложили в наказание в глазах мирового общественного мнения вину за войну — в конце концов потому, что мы не понимали, как превентивно защищают границы! [с.200]

ПРИМЕЧАНИЯ

Wundt W. Elemente der
Volkerpsychologie. Leipzig, 1912.

(c.195) *Ratzel F.* Politische
Geographie. Munchen, 1923. S. 517-
520; *Idem.* Anthropogeographie. Bd II.
S. 433.

(c.196) *Haushofer K.* Das
Japanische Reich in seiner
geographischen Entwicklung. Wien,
1921.

(c.198) *Obst E.* England, Europa
und die Welt Bern-Grunewald, 1927.

(c.198) *Keyserling H.* Das
Reisetagebuch eines Philosophen
Munchen — Leipzig, 1921.

(c.200) *Strupp K.* Wolrteibuch des Volkerrechts und der Diploma tie Berlin — Leipzig, 1924.

(c.200) *Wolzendorff K.* Grundgedanken des Rechts der nationalen Minderheiten. Berlin, 1921.

(c.200) *Bakeless J.* The origin of the next war London, 1926.

Интрузия (от *позднелат.* intrusio — вталкивание) — процесс внедрения в толщу земной коры расплавленной магмы. [с.200]

Кайзерлинг Герман (1880-1946) — немецкий писатель и философ-иррационалист, проповедовавший возвращение к целостности бытия через обращение к восточной мудрости (“Путевой дневник

философа” 1919 г). [с.200]

Шлезвиг-Гольштейн — с 1949 г земля в составе ФРГ Первоначально две самостоятельные части — герцогство Шлезвиг (с XI в) и графство (с XII в), с 1476 г герцогство Гольштейн. С 1368 г объединены под властью графов Гольштейна, с 1460 г — в персональной унии с Данией. В середине XIX в в Шлезвиг-Гольштейне развернулось национально-сепаратистское движение немецкого населения. В результате датской войны 1864 г Гольштейн перешел под управление Австрии, Шлезвиг — под управление Пруссии. После австро-прусской

войны 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн стал прусской провинцией. По плебисциту 1920 г (в [с.200] соответствии с условиями Версальского договора 1919 г.) Северный Шлезвиг перешел к Дании. Именно результаты этого плебисцита имеет в виду автор, рассуждая о положении в Шлезвиге. [с.201]

Грундтвиг (Николай Фредерик Северин) (1783-1872) — датский писатель, реформатор церкви и школы, представитель консервативного крыла крестьянской демократии. [с.201]

Автор имеет в виду страны-победительницы в первой мировой войне и их союзников. [с.201]

ГЛАВА XXII

ОБОРОНА ГРАНИЦЫ И ГРАНИЦА ОБОРОНЫ

**(ВОЕННО-
ТЕХНИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ГРАНИЦЫ)**

За короткий период внешний вид и сущность военно-географической границы претерпели большие и вполне очевидные изменения. Тем не менее несомненным представляется непрерывный процесс: оборонительные сооружения, ставшие крепостями отдельные формы укрепленной границы, как и ее приобретающее все более важное значение слияние в одну организованную, согласно широким воззрениям, линию обороны, всегда отстают от ее прочей, географически объяснимой жизни в области культуры, власти и экономики. Ведь

то, что относится к технической сфере в защите границы, устаревает с каждым днем, но то, что принадлежит к сфере духовной, остается вечным и потому символичным.

Каждое укрепление, продуманное оборонительное сооружение как воплощение строительных достижений, обустройство границы, броневое прикрытие ее защитников, а именно укрепленные замки, крепости, пограничные и заградительные заставы, земляные укрепления — перед гласисом и собственно военной границей (Славония)_или при равных условиях перед полными

жизни пограничными ландшафтами с хинтерландом (Восточная Пруссия), перед, как правило, своеобразно разработанной организацией коммуникаций в пограничной области (старые имперские земли) — все это по необходимости проявление взглядов на оборону военно-географических границ, характерных для определенного времени; и, как все техническое, в момент завершения изменений они должны принадлежать прошлому.

Очень редко представляется возможным при широком видении первых направлений следовать какое-то время при обустройстве

границы за изменением этих взглядов; на более длительные периоды это никогда не удастся.

Невозможно установить и какого-либо развития, скажем, в смысле Шпенглера, а речь скорее идет об усиливающемся и ослабевающем ритме между накоплением разобщенных средств защиты границы, их слиянием в единые или согласованно действующие укрепленные границы во всем охвате жизненной формы, а также о предпочтении жизненно важным частям при пренебрежении другими — или о сознающем силу, высокомерном пренебрежении обороной прочно связанных с землей

и местностью пограничных поселений в пользу сношений, развития железных дорог, в пользу уподобления границы трамплину.

Этот диапазон изменений непосредственно связан с политическим осознанием силы и географическим самопознанием [с.202] жизненных форм, образующих их народов, созданных ими государств и может, естественно, наблюдаться и исследоваться также как симптом, запечатлевший ступени их культурно-исторического развития и жизненной энергии. Сообразно возобладанию чувства растущей силы или стремления к безопасности из-за

ощущения убывающей энергии
становятся предпочтительными
локальная защита границы,
поселения крепостей и благодаря
строительству сильная, привязанная
к местности, защищенная охрана ее
или же организация сношений. Это
превращение можно очень ясно
установить на примере известных в
мировой истории оборонительных
пограничных сооружений, а именно
Лимеса, Великой Китайской стены,
ряда приграничных крепостей
Гогенштауфенов в Вогезах,
восточнофранцузского пояса
укреплений и фортков; это
превращение говорит о том же, о чем
могли бы поведать многочисленные

годовые кольца дуба, — о добрых и плохих временах его роста.

Поэтому крайне важно проследить перемены в суждениях, которые представлены в трудах, посвященных фортификационному делу, примерно со времени возникновения взглядов Наполеона I на оборону границ и границы обороны, и при этом установить, как меняются там и здесь точки зрения на укрепление границ и границ владений между крупными европейскими жизненными формами — разумные, оправданные успехом, справедливые, с одной стороны, и неразумные, обреченные на неудачу — с другой. Каждое новое

поколение должно именно в вопросах обороны границ приобретать все заново, дабы владеть тем, что оно унаследовало от своих отцов, — а оно получает это зачастую от противника!

Целесообразный, но преходящего значения отправной пункт при этом — сугубо личные столкновения идейных лидеров французской и голландской школы фортификации (последовательницы старогерманской) — Вобана__и Кухорна__при осаде Намюра__, описанные Маколеем [5 i](#).

Потом предмет опыта плавно переходит от французских последователей Вобана,

воспитателей Наполеона_, с одной стороны, и Фридриха Великого_ — с другой, к Наполеону I, крупному автору, изложившему свой опыт, правда в виде разбросанных уроков, в многотомной переписке. Заслуживающую внимания выборку из этой переписки составил австриец Влашютц_, [с.203] целесообразно дополнив ее противоположным опытом эрцгерцога Карла 7 iv и Клаузевица_ и создав непреходящей ценности труд в качестве исходного пункта в реформировании европейского мышления об обороне границ и пограничных укреплений на пороге XIX в.

Тем не менее сводные воззрения

Наполеона хорошо выражены, например, в оценке линии Адидже_, обороны речного рубежа (замечания о Peschiera, его суждения о проходах в горах, о крепости Бард)_ , польских условий обороны границ с помощью пятой стихии — распутицы, в которой все застревает, значения Данцига и Торна (Торуни)____, управления войсками на марше вдоль крупных рек (Дунай 1805 и 1809 гг., укрепление Пассау_, переход у Вены, вдоль важных горных границ, через многочисленные речные участки).

Опыт Наполеона был прежде всего и наиболее близко принят в Германии, а не в самой Франции, он ведет к идеям новопруссских

фортификаций через обобщенный ход мыслей Клаузевица__, которые затем, к сожалению, снова разделились на преимущественно географические (Роон, Риттер) и преимущественно военно-технические (Генеральный штаб), лишь Мольтке [Старший] объединил в одну систему рассеянные во многих местах мысли, которая, как и система Наполеона, сложилась в обширный труд его жизни_.

Эта интеллектуальная работа по проблеме обороны границ частично систематизирована также Шрётером, частично — Большим Генеральным штабом__, однако с известной робостью перед дальнейшим ходом

дел и обсуждением широко афишируемых грандиозных идей. К сожалению, как раз некоторые особенно умные военно-географические наблюдения Мольтке (Австрия 1859 г., Турция, оборонительное сражение по эту сторону границы у Марнгейма, подготовка к одновременному походу на Восток и Запад_) не были полностью оценены.

Затем на передний план выходит вновь крепнущая французская идея обороны страны с помощью сопряженного оборонительного пояса. Клар_, Е. Тэно_ и Ф.М. фон [с.204] Донат___освещают ее с австрийской, немецкой и

французской стороны; Бриалмонт практически способствует появлению обороны Румынии против России и создает ядро укреплений Бельгии, которое, однако, не было обеспечено родственными по духу людскими боевыми резервами. Следствием переоценки стационарных оборонительных средств, изготовленных на основе новой технологии получения черных металлов, чему способствовал Бриалмонт, является затем идейная борьба между ним и баварцем Зауэром, который при этом предупреждал о практическом обесценении недостаточно защищенных в духовном отношении

Люттиха (Льежа) в 1914 г., Бухареста в 1916 г. То, что несколько лет спустя стало само собой разумеющимся действием, а именно: применение новой технологии получения черных металлов в строительстве укреплений, остававшемся до сих пор, как всегда, далеко позади технических средств времени, например в труде Мейера “Месяц обороняется бронетанковыми силами фронтов” могло показаться отсталостью, как и революцией, и все же было лишь подтверждением всеобщей как географической, так и военно-технической и давно укоренившейся в экономике эволюции! Отступление Австрии, а

также вопреки барьерам гор Италии подтверждает работа Тойлова о возведении полевых укреплений_.

Особые элементы представлений о обороне границ, исходя прежде всего из индийского опыта, продемонстрировали британцы сэр Томас Холдич в географическом применении, лорд Робертс__в колониальном военнотехническом осуществлении от Дели до Кандагара и Кабула, Китченер_в практике своего Нильского похода_и еще больше при окончании Бурской войны_. Начиная с этого времени появляется новая серия отдельных военно-исторических сочинений_, не говоря уже о массовых изданиях,

посвященных русско-японской войне, за которой снова следует отнюдь не быстрое, но остающееся на высоте военно-географического знания изменение опыта фортификации. Перед [первой мировой] войной этот процесс хорошо изобразил Н.Ф. Мауде, обладающий способностью к точному наблюдению, а после войны откровенно изложил Ф. Зеессельберг в своей обобщающей работе “Stellungskrieg 1914-1918” (“Позиционная война 1914-1918”) в широкой трактовке, выходящей за рамки названия книги. [с.205]

В нынешней ужасающей реальности у Германии вообще нет

никаких пограничных укреплений и абсолютно никакой формы обороны границ, пожалуй, за единственным исключением — крепости Летцен в Восточной Пруссии, уцелевшей там по меньшей мере как реликт, напоминающий о том, как должно располагаться и как выглядеть такое пограничное укрепление. На всем остальном ареале немецкой народной почвы дозволены лишь скромные устаревшие оборонительные мероприятия в узком центральном пространстве: его теснота наиболее ясно и наглядно показывает, какие территориальные потери понесли немцы во Внутренней Европе в

результате проигранной войны. Согласно [Версальскому] договору, лишились всякой возможности обороны не только области, лежащие к западу от Рейна и к югу от Дуная, но даже на Рейне, как и на побережье, признан отвод любой обороны в нашу сторону на глубину около 50 км.

Центральные ячейки, транспортные узлы, такие, как Кёльн на Рейне, Карлсруэ, Мангейм-Людвигсхафен, Фрейбург, Аугсбург, Мюнхен, Регенсбург, полностью находятся вне пределов какой-либо возможности обороны; Берлин в трех переходах, лишь в 90 км от границы обороны; Силезия — восточнее

Одера, юго-восток немецкой народной земли, вся область расселения баваров лишены всякой возможности создания защиты. Сопоставьте то положение, в каком оказался весь ареал немецкой остаточной жизненной формы, в сравнении с надежно защищенными соседями лишь в насмешку заслуживавший названия империи, с ужасным, глубоким и истинным чувством боли, пронизывающим описание Е. Тэно в “La frontiere” [xxi](#) новой французской границы после 1870 г. — разорванной, расчлененной, неузнаваемой, забывающейся, которая все же лишь в узком месте и лишь в отношении

соседа понесла ущерб во время более раннего ограбления. Ведь in argumentum ad hominem 14, в практическом случае очевиден довод, почему укрепление границы и оборона границы как идея не должны исчезать из общественного мнения на немецкой народной почве, из школы и воспитания, особенно из высшей школы, до тех пор, пока все другие народы Европы также по меньшей мере не дадут согласие на разоружение своих границ, на разоружение примерно на глубину самой большой дальности стрельбы артиллерии своего времени по ту сторону немецкой народной почвы как само собой разумеющийся

компромисс. Вместо этого общественное мнение Внутренней Европы поворачивает в ложную сторону, к целеустремленно конструируемому французской политической наукой понятию “безопасность” (surete). Исходя из этого, мы должны здесь более широко изложить развитие трудов, посвященных разработке пограничной обороны и рубежей обороны, ибо лишь на этой основе можно проводить опыты в современной истории. [с.206]

Исследуя ныне ценность укрепления искусственных границ — а этому, как нам кажется, учит история и ход мировой войны в

Европе, — мы обнаруживаем в соответствии с более ясным пониманием того, чего хотели с политической точки зрения добиться от войны, что французско-русской стороной проблема была более четко продумана.

Укрепленный район (region fortifiée) как целое длительное время в сущности выполнял свою цель, задерживая силы наступающих во Франции и Польше, но почти нигде не являясь отдельным полем боя, малым заграждением, а также крупной защищенной горловиной коммуникаций (Verkehrskopf).

Ряд заградительных фортов от высот Зундгау до Мааса с Эпиналем,

Тулем и Верденом позади по причине подготовленного ландшафта и населения все же приостановил — вопреки наполовину выполнявшемуся, но тем не менее признанному руководящим плану Шлиффена — слишком мощный удар левого фланга германской армии. Даже “trouee de Charmes” — известная и часто описываемая как стратегическая ловушка — смогла хитростью добиться, что VI [германская] армия была на волосок от бегства, для чего она и сооружалась, но, когда дело приняло серьезный оборот, в разгар кажущегося успеха, ее опасность была все-таки упущена из вида и

недооценена. Однако и линия по реке Сан, — столь высмеянная Тойловом, — линия болот около реки Нарев с ее устаревшими заградительными позициями, итальянская полоса горных укреплений полностью, и притом не один раз, выполнили свою цель в качестве сооружений, способных сдерживать наступление. Естественно, географический локальный колорит отдельных обороняемых пограничных пространств проявлялся по-разному, но известные общие характерные черты все же сохранились: например, трудность, возникшая повсюду при ведении военных операций из-за большого

скопления населения, роста городов, “урбанизма”. Особенно отчетливо это показали Лилль, Лодзь, Лемберг (Львов), Варшава, Брюссель, Киев, Бухарест. Отныне Вена, расположенная в открытой котловине, Берлин со своей подвижной массой населения, с отстоящей от него на 90 км внешней пограничной обороной предрасположены к схожим переживаниям.

Фактом является и то, что степень разоружения Везера, единственного, еще сравнительно крупного немецкого водотока, который можно обозначить как “немецкую многоводную реку”

(“Deutscher Strom”)____, также недостаточно осознана немецким народом. Наши рельсопрокатные станы фактически принадлежат иностранцам, и использование их мощной структуры на военные цели скоро станет секретом полишинеля; для чужеземцев мы сооружаем и новые водные пути, о которых возвестили с таким шумом.

Ни один иностранец в Индии и Китае не осмелится сегодня потребовать больше самой малости того, что житель Пфальца молча переносит на немецкой земле; в праве на самоопределение [с.207] мы фактически опустились ниже уровня многих развивающихся муссонных

стран; и Ханькоу, и Гонконг, и Кантон (Гуанчжоу), и Мукден (Шэньян) имеют совсем иную оборону морских или сухопутных границ, чем Гамбург, Мюнхен или Кёльн.

После такого беглого рассмотрения трансформации понятия “оборона границы” во Внутренней Европе в результате войны и популярного после нее, вначале не предусмотренного в этом объеме у противников коммуникационно-географического разоружения своего населения благодаря своеобразной заслуге своего внутриполитического большинства, кажется почти

излишним бросить еще один взгляд, вдаваясь в подробности, на техническое осуществление и на уроки хода войны. И все-таки этот взгляд необходим и поучителен, например, принимая во внимание события в западной части Тихого океана, означающие, что в мире наступают возможные перемещения силы (Machtverlagerungen), которые смогли бы быстро освободить нас от известных оков в обороне границ, если мы решимся в этом участвовать. А для этого, разумеется, следовало бы предварительно знать самое необходимое.

Поддержание границы в боееспособном состоянии требует

прежде всего тщательной,
кропотливой работы всех в
государстве во имя достижимой
пограничной обороны, но без
ревности ведомств, без столь
вредного в прежней Германии
принуждения для всех понимающих
толк в военном деле, в общественном
мнении внутри страны с воплями о
тройном количестве того, что надо
было требовать как минимальное от
ограниченных еще и сегодня в
буквальном смысле слова
многовековым партикуляризмом
народных представителей. Ведь это
незнание меры, естественно,
вызывает страх за границы.
Излечение от этого недуга

обуславливает воспитательно-техническую подготовку и возрождение чувства границы у всех, как, скажем, этому содействовали сочинение Тэно и школа Жильбера — Бонналя — Фоша — Ланглуа во Франции. Это важнее, чем игра в разного рода солдатики, замена недостающих боевых машин деревянными макетами, недостающих авиаэскадрилий рассказами о поражении вражеских самолетов сказочными, направляемыми сверху лучами. А для этого желательно воспитание с использованием особого природного блага — рек и горных преград, морских и болотных ландшафтов, как

это доказали на деле в истории пограничных боев Летцен, а ранее Мантуя 18, а также знание того, какое сдерживающее влияние оказывают на сношения индустриальные ландшафты, подобно тому как это выжал из невзрачного опыта пограничных сражений 1870 г. Верди (Verdy) в своей работе “Ereignisse in den Grenzbezirken” (“События в пограничных округах”) xxii.

Труд Зеессельберга, обобщающий скорее реальный опыт, чем процесс мышления, является первым шагом к этому. Здесь [с.208] многим нашим союзам и объединениям отечественных

обществ следовало бы искать уроки, которые действительно могли бы послужить будущему; но это требует самоотверженной и спокойной и потому менее заметной работы, а не нелепых фантазий на местности, меняющих направление подобно флюгеру, что с военно-технической точки зрения имеет для обороны границы не больше практического значения, чем для географии драматические переживания в стиле описывающих путешествия книг Карла Мейя.

Психологическая ориентация всего народного духа на всесторонний характер проблемы обороны и защиты его жизненной

формы — которая далеко выходит за рамки решений о линейных и оборонительных зонах, — чем мы пренебрегали перед войной больше, чем другие народы, из-за исключительно ведомственной способности и стремления к разладу, чтобы не сказать к казуистике (в чем добросовестно участвуют высшие школы с их недоброжелательной факультетской разобщенностью) и что открылось нам на войне как первое и наиважнейшее требование. Там, где эта ориентация была налицо, она действовала, исходя из растущего понимания важного значения коммуникаций, их связующей способности, ценности

организованной подготовки в противовес накоплению застывшей и омертвевшей или ведомственной, слишком скованной, слишком недальновидной обороны.

Это противоречие стояло за кулисами обстоятельств, приведших к решению на Марне_, за которой лежала молниеносная цель — Париж, а в психологическом плане — к роковому промедлению у Меца_, похоронившему многие инициативы, и к столь длительному сдерживанию Верденского маневра_, неожиданно обернувшегося катастрофой. Уроки обороны границы в войне 1914-1918 гг. укрепили мое убеждение, сложившееся уже перед войной и

подкрепленное опытом Японии, которое иногда, конечно, считалось в Германии военно-политической ересью, что не может быть ничего более ложного для политической жизненной формы, чем отдать оборону ее периферических органов армии и Генеральному штабу, морскому флоту и Адмиралтейству, иным ведомствам, будь они весьма умелыми в своей сфере деятельности, или даже только ведомству иностранных дел, которое, войдя в раж, в документах, докладах, нотах легко теряет контакт с душой народа, как потеряли его Гольштейн и его школа_. Недаром Япония, учтя один из ценнейших результатов

опыта войны 1905 г., создала равноправную — наряду с двумя министерствами вооруженных сил и Большим Генеральным штабом — комиссию по обороне страны (одну из очень хороших организаций, если она выживет и не станет ископаемым) — Кюоикю-Хомбу (Kyoiku-Hombu), главный штаб по воспитанию. Главная цель этой организации — поддерживать контакт между настроением народа, общественным мнением и ведомствами сухопутной армии, флота, коммуникаций, внутренней структуры, а конечная цель — сохранить внешнее окружение жизненной [с.209] формы.

Несомненно, и при этом могут быть ошибки. Но от худшей неудачи защищает уже многогранность ведомства и его контакты с прессой, и это во всяком случае лучше, что предусмотрено такое учреждение, стимулирующее лучшие умы, чем импровизация post festum из случайных находок во время войны. Для нового пробуждения благоразумия в пользу возрождения пограничных укреплений, живой, действенной пограничной обороны необходимо, следовательно, прежде всего распространение геополитического убеждения в его охватывающей весь мир, повсюду ощущаемой необходимости, а это

убеждение ныне отсутствует у большинства нашего народа. “Убеждающая карта” (“suggestive Karte”) [24](#) [xxiii](#) как требование должна здесь стать прежде всего его долгом: вначале в смысле укрепления границы по крайней мере в том, чтобы пробуждать у населения волю к поддержанию границы, затем волю к расширению в ареале народной земли, связанной с оружием духа, применение которого должно предшествовать любому другому в защите границы. “Я был вынужден объединять Европу оружием; то, что идет вслед за мной, должно быть убедительнее, ибо дух всегда побеждает шпагу...” — так писал

Наполеон с острова Святой Елены
королю в Рим, и в его распоряжении
поистине был опыт, касающийся
сущности пограничных укреплений и
рубежей обороны. Франция неплохо
справилась с его применением.
[с.210]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.203) В своей книге “The history of England from the ascension of James the second” (“История Англии от воцарения Якова II) Маколей пишет: “Научной частью по осаде Намюра руководил Кухорн, которого соперничество подтолкнуло проявить все присущее ему искусство. Три года он испытывал унижение от того, что укрепленный им город был взят его учителем Вобаном. Теперь снова овладеть им, после того как укрепления были усовершенствованы Вобаном, было бы благородным отмщением...” Это

был удачный поворот в способе борьбы, основанном на использовании ландшафта с укреплениями и крепостями в противовес универсальному техническому способу, сторонником которого был Вобан.

(с.203) *Colin J.* L'Education militaire de Napoleon. Paris, 1901.

(с.203) *Wlachutz W.* Bedeutung der Befestigung in den Kriegen Napoleons. Wien, 1905.

(с.204) *Angeli* Erzherzog Karl als Feldherr und Heeresorganisator. Wien, 1896, *Osterreich C. von.* Ausgewahlte Schnften. Bde I-VI. Wien, 1893 ff.

(с.204) General *Clausewitz C. von.* Vom Kriege. Berlin, 1905.

(с.204)

Неожиданное

сопротивление известной с XI в крошечной, но для экипажа непреодолимой горной крепости Бард на отвесной скале над выходом из долины Аоста (391 м над уровнем моря) как пограничного пункта на перевале, где в мае 1800 г 400 австрийцев сдерживали 8 дней войска Наполеона, чуть было не привело к краху похода на Маренго.

(с.204) *Clausewitz C. von. Vom*

Kriege. S. 247; см также Frh. von Freytag-Lonnghoven. Studien uber Clausewitz. Berlin, 1904.

(с.204) *Moltkes mihtarische Werke.*

Berlin, seit 1892; Idem. Gesammelte Schnften.

(c.204) *Sthrotter J.* Die Bedeutung der Festungen in der gro?en Knegefuhrung auf Grundlage der Moltkeschen Operationsentwurfe Berlin, 1904.

(c.204) “Die Festung in der Kriegen Napoleons und der Neuzeit” (hrsg. von Gro?en Generalstabe Berlin, 1905).

(c.204) *Klar.* Franzosisch-deutsche Grenze. Wien, 1892.

(c.204) *Tenot E.* La frontiere. Bordeaux — Paris, 1893.

(c.205) *Donat F.M.* von. Befestigung und Verteidigung der deutsch-franzosischen Grenze. Berlin, 1894.

(c.205) *Brialmont H.A.* Les regions fortifiees. Brussel, 1890.

(c.205) *Toilow*. Landerbefestigung.
Hannover.

(c.205) *Lord Roberts*. Forty one
years in India. London, 1900.

(c.205) *Groser*. Lord Kitchener,
story of his life. London, 1901.

(c.205) Отдельные военно-
исторические сочинения, изданные
Большим Генеральным штабом
(Берлин с 1906 г), "Erfahrungen au?
ereuropaischer Kriege neuester Zeit. H.
37-38.

(c.205) *Maude N.F*. Moderne
Strategie. Leipzig, 1905.

(c.205) *Seesselberg F* Der
Stellungskneg 1914-1918. Berlin, 1926.

xxi (c.206) *Tenot E*. La frontiere
Bordeaux — Pans, 1893.

xxii (с.208) *Verdy du Vernois I. von.* Studien über den Krieg; *Idem.* Ereignisse in den Grenzbezirken. Berlin, 1891.

xxiii (с.210) *Haushofer K.* Die suggestive Karte. Berlin, 1922.

Славония — историческая область на Балканах в Хорватии, расположена между реками Драва и Сава. Первоначально часть древнеримской провинции Паннония, в VII в. стала славянским государством, с XVI в. находилась под турецким господством. В XVII-XVIII вв. Славонией называлась восточная часть междуречья Дравы, Дуная и Савы. Официальное название этих земель в XVI — 1918

г., входивших в Габсбургскую империю, — Триединое королевство. [с.210]

Вобан Себастьян Ле Претр де (1633-1707) — маркиз, французский военный инженер, маршал Франции (1703). Изложил научные основы фортификации, построил и перестроил свыше 300 крепостей, один из основоположников минно-подрывного дела. [с.210]

Кухерн Менно (1641-1704) — голландский военный инженер, крупнейший авторитет в вопросах фортификации. [с.210]

Намюр (*фр.*), Нэмен (*фл.*) — крепость, ныне город в Бельгии. Первоначально древнее укрепление

кельтов, в средние века арена борьбы между Голландией, Германией и Францией. В период первой и второй мировых войн укрепления Намюра, предназначавшиеся для прикрытия бельгийской территории от германского вторжения, были обойдены противником и не сыграли своей роли. Место последнего отчаянного наступления фашистских войск в Арденнах в 1945 г. [с.210]

Маколей Томас Бабингтон (1800-1859) — английский историк, член Петербургской Академии наук, поэт, литературный критик, общественный и политический деятель. [с.210]

Фридрих II (Великий) (1712-

1786) — с 1740 г. прусский король из династии Гогенцоллернов. Вел завоевательные войны (Силезские войны 1740-1742 и 1744-1745 гг., Семилетняя война 1756-1763 гг., участие в первом разделе Польши 1772 г.), в результате чего территория Пруссии почти удвоилась. [с.210]

Эрцгерцог Карл (Карл VI) (1685-1740) — австрийский эрцгерцог и император Священной Римской империи с 1711 г. Вел войны за испанское наследство, с Османской империей и др. [с.211]

Адидже — река в Северо-Восточной Италии, берущая начало в Ретийских Альпах и текущая в южном направлении на протяжении

408 км до впадения в Адриатическое море между Венецией и устьем реки По. Вторая по длине река Италии. [с.211]

Торунь (*нем.* Торн) — город на севере Польши, на реке Висла, к северо-западу от Варшавы. [с.211]

Пассау — город в Баварии (Южная Германия), расположен при впадении в Дунай рек Инн и Ильц, у австрийской границы. [с.211]

Т.е. война на два фронта — против России (на Востоке) и Франции (на Западе). [с.211]

Китченер Хартумский Горацио Герберт (1850-1916) — граф, английский генерал, к концу жизни получил звание фельдмаршала.

Прославился своей жестокостью при покорении Судана в конце XIX в., в англо-бурской войне 1899-1902 гг. и в Индии. С 1914 г. военный министр. 5 июня 1916 г. погиб по пути в Россию с военной миссией, когда корабль, на котором он находился, подорвался на немецкой mine. [с.211]

Англо-бурская война 1899-1902 гг. — одна из первых войн империалистического типа. Она была тесно связана с борьбой за монопольную эксплуатацию огромных природных богатств Южной Африки и многочисленных племен и народностей, составлявших коренное население страны. Германия в англо-бурском конфликте

поддерживала буров. Она стремилась под видом оказания помощи бурским республикам и сохранения там мира и порядка в кратчайшие сроки и в наибольшей степени обеспечить в них усиление германского влияния. [с.211]

Аргумент, с помощью которого приводят в замешательство противника, противопоставляя ему его собственные слова или действия (*лат.*). [с.211]

План Шлиффена (1905 г.) — план ведения Германией войны против Франции и России. Разработан начальником Генерального штаба А. фон Шлиффеном. Согласно этому плану,

намечалось ударом через Бельгию на Париж блокировать главные силы французских войск, разгромить их, а затем перебросить силы на Восток и уничтожить армию России. Опыт первой мировой войны доказал авантюристичность этого плана. Однако его идея, несмотря на печальный итог, была заимствована фашистами и положена в основу теории “блицкрига” — молниеносной войны. [с.211]

Шармская западня (*фр.*) — место в Вогезах на Мозеле, где шли бои во время первой мировой войны. [с.211]

Везер — река в Северной Германии, образуется слиянием рек

Верра и Фульда в земле Нижняя Саксония, протекает в северном направлении на протяжении 292 км до впадения в Северное море. [с.211]

Вероятно, имеется в виду война за Мантуанское наследство (1628-1631). Это часть Тридцатилетней войны 1618-1648 гг., которая велась между испанскими и австрийскими Габсбургами, с одной стороны, и Францией — с другой. [с.211]

Битва на Марне (5-12.IX.1914 г.) — встречное сражение между англофранцузскими и германскими войсками во время первой мировой войны, в ходе которого было остановлено продвижение германской армии к Парижу.

Марнское сражение знаменовало собой перелом в кампании 1914 г. на Западном фронте. Германский план быстрого разгрома Франции потерпел крах. Имело значение и то, что для отражения наступления русских войск в Восточной Пруссии Германии пришлось перебросить туда два корпуса и одну кавалерийскую дивизию. [с.211]

Мец — военная крепость, ныне промышленный город на северо-востоке Франции на реке Мозель, недалеко от границы с Германией. Расцвет города начался в XIII в., когда он был вольным городом в составе Священной Римской империи. В 1552 г. был захвачен

французским королем Генрихом II. Официально отошел к Франции в 1648 г. После франко-прусской войны был аннексирован Германией (1871 г.). Возвращен Франции в 1918 г., после окончания первой мировой войны. [с.211]

Верден — с XVII в. крепость, прикрывавшая пути к Парижу с северо-востока, в первую мировую войну центр укрепленного района, состоявшего из 4 оборонительных позиций глубиной 15-18 км и сыгравшего важную роль [с.211] в срыве планов германского командования (Верденская операция 1916 г., получившая название “верденская мясорубка”). В ходе этой

операции людские потери Франции составили 358 тыс., Германии — до 600 тыс. человек. [с.212]

Гольштейн Фридрих фон (1837-1909) — немецкий дипломат, в 1861-1868 гг. атташе в Петербурге, Рио-де-Жанейро, Лондоне и Вашингтоне, в 1871-1876 гг. второй секретарь посольства в Париже, затем работал в МИДе Германии, был одним из доверенных лиц канцлера. В 1878 г. секретарь Берлинского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1877-1878 гг. С середины 80-х гг. в оппозиции к Бисмарку, пытался подорвать отношения с Россией в пользу союза с Англией. После отставки Бисмарка и до 1906 г, когда

был отправлен канцлером Бюловом в отставку, оказывал большое влияние на внешнюю политику Германии. Не имел ясной, реалистической концепции внешней политики. Исходя из ложного понимания ситуации, проводил на рубеже веков политику лавирования между Англией и Россией. [с.212]

После праздника (*лат.*). [с.212]

Т.е. карта, которой ответ как бы подсказывается. [с.212]

Одиноким остров вулканического происхождения в южной части Атлантического океана, известен как место ссылки (1815-1821) и смерти Наполеона. Был открыт португальским

мореплавателем Жуаном да Новой. Он назвал его в честь матери императора Константина Великого, чей день памяти совпал с открытием острова. [с.212]

ГЛАВА XXIII

КУЛЬТУРНО- ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАНИЦЫ

Культурно-географическая и политическая организация границы, призванная наряду с чисто военнотехническими формами защиты

оберегать рубежи своего народа,
ищет области, которые притом еще и
географически понятны, но не
привязаны только к оборонительным
сооружениям, укреплениям и
коммуникациям, дабы разумным
оживлением (Belebung) и
разделением (Gliederung)
пограничной деятельности народа
укреплять границу, сделать
защитников способными к ее
переносу в будущем. В основе ее
установки по пограничной проблеме
лежит мнимое противоречие,
которое существует между
попечением и заботливым
сохранением самого пограничного
ландшафта и ролью этой

организации в качестве защитного гласиса на службе власти, инструмента силы, используемого для обороны ее определенно признанного весьма ценным хинтерланда, чем пограничная область при обстоятельствах обязана пожертвовать.

Между этим противоречием нужно найти связующее звено. Попытка часто заканчивается, разумеется при соответствующей силе народного духа, тем, что понятие “пограничная область” меняется в смысле закладывания новых пограничных провинций.

Понятие “гласис” и идея меновой стоимости земли

несовместимы. В одном случае легко возникает желание участок пограничной полосы перед собственно линией сопротивления, с самого начала определенный как территория боевых действий (Kampfgelande), превратить по возможности в открытый и не представляющий ценности, но исключающий военное использование живой силы (выжигание мешающей обзору растительности, очищение гласиса!). В другом случае растущее кровавое давление, высокое развитие коммуникаций хинтерланда невольно ведут к притоку именно в пограничную полосу более сильной

жизни, способной к сохранению и защите, к возникновению полноценных опорных поселений, которые нужно снова защищать, в связи с чем повышается кровяное давление границы. Происходят процессы как при самозащите богатого соками хвойного леса от губящих его насекомых. Вредители, короеды легче проникают именно туда, где жизнь парализована, застыла, а не туда, где она особенно интенсивна и где вытекающие сок, смола поглощают их.

Постоянное ловкое проникновение через две столь трудно сопоставимые антропогеографические

противоположности — мучение для всех земель с гласисом, среди коих мы выделяем [с.213] в качестве географических типов вызывающую на протяжении четырех тысячелетий возбуждение индийскую северо-западную границу, длящееся все-таки тысячу лет или многие столетия испытание левобережных рейнских ландшафтов, особенно Фландрии, позже Бельгии, Эйпен-Мальмеди, Эльзас-Лотарингии; подверженные разрыву ландшафты (Zerrlandschaften) между Внутренней и Промежуточной Европой — Галиция__и между Восточной и Промежуточной Европой, например Литва, Балтийские страны и Бессарабия.

Исторические типы из прошлого с более или менее завершенными процессами показывают нам перешеек, связывающий Пелопоннес с материком, “agri Decumates” , граница Римской империи по Дунаю и далее вниз по течению реки с ее валами Траяна , образец крупнейшего масштаба, о котором мы уже упоминали, а именно организация китайского пояса пашен с девятью полевыми хозяйствами за [Великой] Китайской стеной. В условиях гораздо меньшего пространства развивается организация границы в средние века с характерными для них конфликтами между ее группами замков — скажем, между

Эльзасскими и Жерардмерскими или Ремиремон-Ромбахскими, с поясами сарацинских_____башен стран Средиземноморья или посадами церковей Трансильвании с приданной им коллективной оборонительной организацией, с картинами округов Центральной Европы времен турецкого господства, как это было ярко выражено в долине, расположенной в верховьях реки Тротуш! И все же средневековье в пору своего расцвета знает обширное строительство границ_.

Послевоенная картина Европы показывает нам некоторую возможность движения вспять, как и изоляции пограничных организаций,

если соответствующий участок территории был вообще отделен в соответствии лишь с его географическим значением. Это влечет за собой большую опасность — по крайней мере в теории — превращения повсюду отдельной части полноценной для нации народной почвы в особые условия гласиса. Такое движение вспять демонстрируют нам современная картина Эльзаса и предмостных укреплений на Рейне (что было бы невозможно в данной форме, если бы с правого берега Рейна были больше выдвинуты на передний план через реку связующие коммуникации и пограничная полоса щедрее

подпитывалась бы из хинтерланда), превращение Эдж в Альто-Адидже_, страдания Восточной Галиции_и Бессарабии_.

Гораздо поучительнее действуют ландшафт гласиса в Маньчжурии и, пожалуй, самый чистый тип современного организованного пограничного ландшафта — индийский гласис со своим прототипом — индийской Северо-Западной пограничной [с.214] провинцией, которая являет собой величественную пространственную картину индийского гласиса, разработанного лордом Керзоном, — примерно сходную с пространственной картиной времен

Цезаря в Рейнско-Дунайском пограничном образовании рода Юлиев — Клавдиев и их наследников.

При образовании, движении вспять и изоляции (блокаде) пограничных организаций хинтерланда или противостоящих жизненных форм следует четко различать между деятельностью государства, народа, групп, частного лица и индивидуума (личности), ибо любая деятельность имеет географически и политически совершенно иную форму, проявляющуюся в организации защиты пространства.

И здесь, вероятно, уместно

обсудить с этой точки зрения некоторые практические случаи, особенно реальную историю хорошо исследованного и знакомого мне по собственному опыту участка высокоорганизованной границы — индийской северозападной границы. Затем, разумеется, с пользой противопоставить ему подобный же, завершённый в теории и на практике процесс из прошлого и, наконец, противоречие локально ограниченной, организованной по типу “полиса” городской границы в виде “центров роста” (Wachstumsspitze). Ратцель показывает нам их как всеобщее явление, Грюнфельд — на кромке

китайского побережья, Мерц_ — как заокеанскую форму; “центры роста” могут рассматриваться и в качестве единственно доступного обсуждению вида высокоорганизованных пограничных щупалец и протяженной чувствительной связи с направляющим организмом.

Однако мы должны констатировать, вероятно, отрадный для нас, живущих во Внутренней Европе, вывод, добытый собственным опытом и наблюдением за длительным многовековым развитием границ, — превосходящую силу культурной воли в сравнении с абсолютной властью и насилием, а

также экономической силой. В развитии и восстановлении столь огромных организованных пограничных пространств, как пространства индийского и китайского культурного круга, — которые мы хотим рассмотреть теперь при детальном исследовании индийской северо-западной пограничной полосы — мы узнаем, как в микрокосмосе одного-единственного “центра роста”, все-таки снова и снова природу, “позволяющую твердыне истекать духом, прочно оберегая его творение! ...”. И в этом утешение: ведь и при нашей организации границы у нас осталось духовное оружие, и лишь

оно представляется нам на долгие времена торжествующим, если сохраняется воля к его применению. Речь идет лишь о том, чтобы позволить *чужой* твердыне, силе и их опорам исчерпать себя, а *собственное* духовное оружие надежно сохранить. Младокитайцы [с.215] в своей борьбе против империализма показывают нам, как следует вдохновляться задачей крупного масштаба

На деле пограничный оборонительный пояс, который до сих пор сохранял восточноазиатскую культуру, индийскую по меньшей мере до вторжения чужеземной власти из-за моря (с растущим

тоннажем массовых коммуникаций), — так что задача ее ассимиляции (уравнения) с западной цивилизацией является крупнейшей из стоящих ныне перед человечеством, — демонстрирует, пожалуй, грандиозное развитие культурно-географической и политической организации границы в свете четырехтысячелетнего исторического движения и опыта.

Напротив, все европейские пограничные проблемы, даже унаследованные от эллинистической и римской мировых империй, относительно молоды, и об этом у нас легко забывают из-за односторонней трактовки истории

средиземноморских стран как всемирной истории, и в противовес этой пограничной проблеме они затрагивают преимущественно малое пространство.

Так как в другой книге [я](#) рассмотрел вопросы пограничного оборонительного пояса восточноазиатских культур, и он все еще сохраняется в своем изначальном смысле, в то время как индийский северо-западный оборонительный пояс, претерпевший огромные переоценки, движение вспять и перемещение, т.е. несравненно богаче поучительными уроками, мы ставим здесь на передний план более близкую и более далекую историю и

географическое и политическое
появление индийской Северо-
Западной пограничной провинции

Прежде всего какой
представляется она сегодня? Как
чисто пограничный орган, у которого
своеобразие организации
пограничной линии превалирует над
всеми другими — собственной
жизнью, экономическим
использованием, благополучием
населения.

Выкроенная 9 ноября 1901 г из
многострадальной, более крупной
пограничной полосы — Пенджаба_,
она была возведена в ранг провинции
наподобие Декуматских полей,
Хорватской военной границы___,

русского Запорожья.

В предначертанной форме, в форме сугубо пограничного назначения, выдвинутая перед западным берегом Инда против Центральной Азии, новая провинция была образована таким образом, что два округа — Пешавар и Кохат отделили как целое, а затем от трех обширных округов — Банну и Дера-Исмаил-Хан на юге и Хазара на севере — отторгли важные части главной территории Пенджаба, который в то время был и пограничной землей, и центром ландшафта, и дополнили постоянные границы от Белуджистана до Читрала, номинально

принадлежащего Кашмиру.

В 1901 г. это географическое пограничное образование охватывало пространство в 42.645 кв. км (13.197 кв. миль) с [с.216] населением 2.125.480 человек (плотность 50 человек на 1 кв км) при весьма неравноценном использовании земли, около 1.000.000 га (2.559.000 акров) были хорошо обустроенными землями, из коих около четверти миллиона га (717.000 акров) искусственно орошаемых. Расходы пограничной провинции в три раза превышали доходы. Стало быть, перед нами картина чисто пограничного органа. Новое реформирование китайских

провинций, сопредельных с Монголией и Тибетом, — другой образец, который, правда, недавно полностью провалился в Сычуани_.

Афганистан как сфера

интересов России и Англии

englischer Besitz — владения
Англии

russischer Besitz — владения
России

englische Kraftlinien —
английские силовые направления

russische Kraftlinien — русские
силовые направления

Преобразование Эльзаса,
особенно когда стали реальностью
новые транзитные дороги через
Вогезы, Эльзасский канал,
исключительное владение
французами Верхним Рейном — еще
один подобный пример из первой

четверти XX в. До 1918 г. Галиция была такой пограничной структурой, от которой ныне сохраняются как остаточное [с.217] состояние только страдания рутенов (русинов)___в Восточной Галиции. Русская прибрежная провинция к югу от Амура, Северная Маньчжурия с русским проникновением является, вероятно, уже находящимся в процессе обратного образования пограничным организмом Российской империи, нынешнего Советского Союза; Южная Маньчжурия, возвращенная из-под русского влияния Японией, затем в сравнении с торжествующей экономической способностью

китайцев, пожалуй, придаток, не дающий результатов в попытках роста.

И в отношении индийской Северо-Западной провинции никоим образом не является установленным, могла ли она, будучи небольшой частью Пенджаба, устоявшего четыре тысячи лет в качестве пограничного организма Индии, продержаться в роли собственной пограничной структуры. Уже ее бесхозяйственность, которая, естественно, давала о себе знать в жалобах заинтересованных лиц при каждом визите высокой персоны (вице-короля), ставила под сомнение ее жизнедеятельность. Ведь

существуют удивительно неожиданные переходы между гипертрофированной пограничной территорией, центрами развития, горловинами коммуникаций, как только им будет перекрыт приток их хинтерланда и его структура изменяется.

Именно северо-западную индийскую границу следует рассматривать лишь в крупной связи ландшафта порогов Инда от северо-западного изгиба, давшего имя индийской крупной реке, до побережья Синда_. К этой границе устремлялись волны арийцев: первая, вероятно между 1700-1500 гг. до н.э., прошла севернее Кабула через

Хайберский проход, вторая между 1000-550 гг. до н.э. — предположительно дальше к северу через Читрал и ущелье Инда. Вслед за этим возникли государственные образования в Пенджабе, в стране порогов с ее характерной формой лежащей восьмерки, сквозь которую пробивались почти все военные походы и которая в настоящее время также еще опоясывается и прерывается железными дорогами. Южнее ландшафта проходов и порогов Пенджаба с Дели — важным пунктом сосредоточения мощи Индии в ее юго-восточном уголке (Zipfel), за который постоянно велась борьба, преимущественно ландшафте

сражений на земле основанной древней Индрапастхы__теснится, кроме того, водосборная область пустыни Тар__с точно так же замедляющей движение горной местностью Раджпутана__позади, которая направила движения народов на эту лежащую восьмерку и от которой они тянутся дальше в долину реки Нарбада. В 512 г. до н.э. ландшафт порогов Инда становится персидской провинцией, повернутой, как и сегодня, в сторону Индии, обращенной фронтом на юго-восток, управляемой персидским сатрапом, имя которого продолжает жить и поныне в индийском слове “кшатрапа” [сатрапия, т.е.

провинция]. Как в своеобразную персидскую пограничную провинцию Александр Великий врывается туда словно в свою вотчину. В 326 г. до н.э. мы обнаруживаем его в пределах собственно Индии на подступах [с.218] к густонаселенной долине Ганга, но либо его войско, либо осознание пределов своей силы заставляет его отступить, и он возвращается к Инду_. Несмотря на свое короткое пребывание в Индии, Александр оставил там вечную тень своего имени и греческий обиходный язык — который представляется нам неким подобием английского языка того времени, употреблявшегося в

быту, — и этот язык долго, до VIII в., сохраняется, несмотря на то что правителем провинции Инда Чандрагуптой_____было создано государство Маурья. В 185-130 гг. до н.э. нынешняя Северо-Западная провинция — свидетельница расцвета Греко-Бактрийского царства смешанной культуры. Но уже в 160 г. до н.э. юэчжи_изгоняют саков_через горы Каракорум в Сейстан__и Пенджаб, где мы находим их в 110 г. до н.э., в 60-57 гг. до н.э. парфяне преодолевают пограничный порог, а в 60 г. н.э. — юэчжи-кушан_, и как предупредительный жест мощное пограничное государственное образование, намного позже

охватившее Афганистан, Пенджаб и Кашмир. Итак, афганская мечта о власти путем реставрации этой пограничной империи (Grenzreich) имеет много примеров (прецедентов) в истории индийской северо-западной границы. Здесь уместно вспомнить слова хорошего знатока Индии Иена Гамильтона: “В Северной Индии и Непале достаточно человеческих ресурсов, чтобы подорвать основы неестественного общественного устройства Европы, если она однажды отважится покончить с милитаризмом, что преисполнит ее, однако же, более возвышенным идеалом, чем погоня за богатством и

роскошью, которая способна создать это богатство”_.

“Маха— Кшатрапа”__, снова становящийся самостоятельным наместником мощного естественного пограничного ландшафта, появляется затем в Пенджабе провозвестником схожих явлений, как, например, позже гайквар в Бароде_, низам в Хайдарабаде, а также тухун Чжан Цзолинъ в Маньчжурии в качестве исторически хорошо знакомой фигуры на обширном пограничном ландшафте с географически замкнутой жизнью, а именно продвигающегося по службе правителя пограничного округа (который превращается из

наместника в его владыку), или, иначе, хранителя границы. С течением времени величие самостоятельного пограничного ландшафта на Инде было ослаблено с моря! В 712 г. в Синде, а в 935-1010 гг. в Пенджабе появляются арабы, и языки общения ислама заменяют собой утрачивающую свой колорит устную речь Эллады.

В 1191— 1193 гг. эта пограничная полоса переживает победу над изнеженными Газневидами, которых вытеснили в Пенджаб гуриды -таджики, принявшие ислам.

В 1526 г. пограничный ландшафт вновь подвергается

испытанию: на призыв о помощи
наместника Пенджаба Даулат-Хан-
Лоди сюда вторгается Бабур. Но
основатель империи Великих
Моголов, один из интереснейших
летописцев всего [с.219]
магометанского мира, Бабур, умирает
уже в 1530 г., и его сын Хумаюн был
вынужден уступить источники силы
государства — Кабул и Западный
Пенджаб, ядром которого является
нынешняя Северо-Западная
провинция, своему брату Камрану;
новая империя (“рейх”) остается в
подвешенном состоянии до тех пор,
пока вновь не стала пограничным
ландшафтом. Пенджаб все более
формируется как судьбоносный

ландшафт Индии. После сикхского периода 26, вероятно, отсюда последует спасение от краха господства [Ост-Индской] компании 27 благодаря так называемому мятежу Лоуренса 28.

Если бы рухнул Пенджаб, обрушилось бы и британское господство — “британский радж”, — хотя и до “свараджа” _____ — самоуправления было еще далеко, да и сегодня оно все еще не готово.

В 1888— 1894 гг. мы видим здесь Лансдауна в роли создателя “Корпуса имперской службы”, Элджина _____, наводящего порядок в Читрале, напряженность в Пенджикенте, продвижение в Памир,

набрасывающее русскую тень на границу_.

В 1899— 1905 гг. в равной мере осведомленный и в географии и в политике лорд Керзон создает, наконец, два собственных пограничных организма, которые, как он полагал, необходимы Индии на дальних подступах для защиты изнутри:

Северо-Западную пограничную провинцию, которой первоначально сопутствовал успех, и временно Восточную Бенгалию с Ассамом_, где на восточную часть гималайской границы накатывались волны более поздних и более слабых потоков народов (тайшанские и тибето-бирманские племена в VI в. и

в 1228 и 1540 гг., но где за этим стояло давление китайского населения и государственно-правовое притязание, например, на Бхамо_, Аракан). На Востоке ввиду внутренних осложнений в Бенгалии лорд Керзон не добился успеха, подобного тому, какой сопутствовал ему на северо-западе; все же по дороге, пройденной Янгхасбендом, Тибет проскользнул в сферу англо-индийского влияния.

[Первая] мировая война и третья Афганская война, последовавшая за ней, вероятно даже вытекающая из ее побуждений на Среднем Востоке, но в характерном для Азии замедленном ритме, показали, в

какой мере выросло творение лорда Керзона, выдержав испытания в бурях практики. Уже во время войны произошли беспорядки в Хазаре (120 км восточнее Пешавара на Верхнем Инде, январь 1915 г.), в Малаканде (60 км севернее Пешавара) у Оракзай, у Африди и на границе Курам, а также в Читрале и Вазиристане, позже вылившиеся в настоящее восстание. Все это смогла отразить пограничная провинция в рамках своей оборонительной организации. Это, естественно, оказалось невозможным в третьей Афганской войне, когда при беспорядках в индийском хинтерланде стало необходимым

такое объявление [с.220]
позиционной обороны, что на
границе с Афганистаном вряд ли
можно было держать надлежащие,
действующие в полевых условиях
войска, и 8 августа 1919 г. в
Равалпинди был заключен
малопочетный мир, возвестивший об
окончании длившейся со 2 мая
военной кампании. Он полностью
освободил Афганистан, несмотря на
обременительные уступки, от
существовавшей до сих пор опеки
над его внешней политикой и вывел
его из пояса индийского гласиса
между Тибетом — Кашмиром —
Читралом на севере и Келатом на
западе.

Разлады внутри пограничной организации, а также между ней и правительством в Симле, которые в большой степени несут вину за неблагоприятный исход ведшейся с давних времен наиважнейшей пограничной войны на северо-западной индийской границе, раскрыл Артур Мур (“Lessons of Afghan war” — “Уроки афганской войны”, Пешавар 7 апреля 1922 г.). Об этом же писала “Таймс” 4 мая 1922 г.: лорд Рэдинг — мудро и предусмотрительно провел государственный корабль через бурные воды во время смуты. Его умелые действия и личная осведомленность, умение

ориентироваться в ландшафтах, которые со времен арийцев, Александра [Македонского], Махмуда Газневида, Тимура, Бабура, Надир-шаха считаются воротами Индии, будут прославлены. Для знатоков очевидна геополитическая связь этой пограничной конструкции со стабильностью или неустойчивостью Индийской империи, и это делает происходящие там события весьма интересными с политико-географической точки зрения. “Многое изменилось, а горы остаются вечными; теми же остались и тропы, на которые ступали первые завоеватели. Но природные бастионы нужно защищать, и побуждаемые

Россией афганцы попытались использовать на них свою силу...” “Наша защита — не одни только горы, но и характер наших отношений с различными племенами горцев — вазирами, афридами, махсудами...” Это и есть признание первостепенного значения осознанной организации границы, как и использование всякой, еще весьма сильной естественной защиты.

Под впечатлением столь естественного пограничного опыта испытанных защитников границы стоит ли, например, географу колебаться между присоединением остатка восточных провинций

Пруссии к другим провинциям или же их сохранением любой ценой в некоем собственном пограничном организме, как пограничная провинция Позен [Познань]___— Западная Пруссия? При этом всегда будут приноситься экономические жертвы, и их должно нести государство в целом, если оно не хочет закрепить свое увечье.

Весьма характерно, что здесь должно было автоматически произойти разделение занятых урегулированием международной и национальной сторон. Хотя новая провинция имела лишь 312.000 жителей на площади 7.789 кв. км, разведенных в самых широких

местах только на 30 км, а в самых узких — на 5-10 км, это была собственная, границу осознающая, границей живущая [с.221] организация, которая все определяла и которую не могут заменить зависимый круг, расчленение.

Кого привлекает исторический прецедент индийской Северо-Западной провинции, остатков восточных провинций Германии, побуждая к сравнительному рассмотрению, тот находит аналог этому в истории римских пограничных образований на Севере, а также в сохранившихся названиях тех провинций, которые остались в основном пространстве, примером

чего является [деятельность] Траяна_.

Из истории нашей малой южногерманской родины один такой прецедент описывает Нарцисс в своей книге “Bayern zur Römerzeit” (“Бавария в римское время”), в разделах которой: Реция_и римская область на Майне; военная организация и гражданское управление; гражданская жизнь; римские дороги; лагеря когорт и полевые укрепления; столбы Лимеса (чертова стена!); важнейшие римские населенные пункты и крепости; римская культура; христианизация — изложены примечательные аналогии к этой столь актуальной проблеме.

Наряду с литературой,

посвященной конкретно Лимесу. и другими специальными работами достигнутый [научный] результат является подтверждением слов Гёте: “Кому дано судить о том, что глупо, а что умно, об этом предки безусловно не думали...”, если мы сравниваем римскую провинциальную организацию Южной Баварии с новейшими творениями лорда Керзона и Рэдинга и с печальной необходимостью остатков восточных провинций [Германии] или, быть может, Баварской северной области в грядущем. Но великий стимул приходит в краеведение скорее благодаря такому истинному проникновению в культурную

историю земли, на которой мы живем; мы видим также, что не исчерпаны ее вопросы и толкования минувшего в свете политико-географических связей, насчитывающих четыре тысячи лет.

Рассмотрим особо, пожалуй, последний, самый высокоорганизованный участок границы, горловины коммуникаций которого были выдвинуты вперед эллинами и римлянами и еще задолго до них культурой, на примере которой они учились сами (Тартесс). Это воскрешенная и превосходно описанная Ратцелем форма “центров роста” (Wachstumsspitze), рожденных инстинктом или намерением

продвинуть в чужеземную жизнь
иные жизненные формы.
Заимствованное из географии
растительного мира и биологии, это
выражение исключительно
примечательное. Его чаще всего
применяют там, где недостаточно
организованные, охваченные
распадом жизненные формы
пронизывались новой жизнью,
причем, само собой разумеется, при
плоскостном распространении
жизни на некогда разделенной
поверхности Земли всегда “древнее
право где-то должно быть
ликвидировано, а новое создано”.
Можно также допустить, что
естественно, [с.222] серьезные

заблуждения относительно степени отмирания местной жизни и возможности внедрения чужой именно при чужеземной жизненной форме. Весьма яркий пример тому — развязывание (начало) блокады и отторжения чужих “центров роста” в Китае. В особенности абсолютно искусственно построенный Шанхай — чужой нарост на теле китайского государства (вопрос Большого Шанхая)__, который очень трудно вновь привести в порядок.

Итак, без нарушения права и его ломки обходится лишь там, где речь идет о дальнейшем распространении жизни на незаселенные или считавшиеся доселе незаселенными

области (определение анэйкумены по Ратцелю, ср. гл. V). Самые большие и отрадные успехи человечества связаны, естественно, с расширением эйкумены, хотя далеко не всегда по нравственным мотивам! Лишь в наше время, когда даже ледовый мир полярных областей большей частью политически поделен (между Австралией, Новой Зеландией, Британией, Канадой, Соединенными Штатами, Советским Союзом, Норвегией), свобода действий для подобных великих дел по расширению жизненного пространства человечества ограничена.

Ранее мы признали и границу

эйкумены относительным понятием. Почти всегда при организации пограничной области в добавление к этому задето и нарушено еще какое-нибудь жизненное право. Мы видим отличные исследования границ также благодаря любому расширению понятия “эйкумена”, благодаря ограничению понятия мнимо непригодной для освоения земли в результате поступательной истории культуры. Мы видели, как для греков Понт Ахейнос превратился в Понт Эвксинский и как побережье того же самого Черного моря стало снова малопочитаемым Овидием, который был сослан в Томы, или Пушкиным,

который, находясь в Бессарабии, воспел римлян как единомышленников и не подозревал, что Euxonograd с его роскошными садами некогда обозначил синтез великолепных культур, соприкасавшихся друг с другом.

Каким все же родственным было возникшее в Средиземноморье отрицательное отношение римлян — для которых с виноградной лозой, благородным каштаном, плющом, итальянской сосной и кипарисом ассоциировалось понятие “обитаемая земля” — к германской провинции с ее туманами и снегом зимой, с комарами летом, где ныне находятся всемирно известные

курорты, или неприятие
французскими маршалами
Наполеона швабо-баварских
предальпийских ландшафтов, где
затем их внуки принимали
водолечение по методу доктора
Кнейппа. Мы также изучили
различное отношение японцев,
китайцев и русских к северной
эйкумене в качестве важнейшего
политического мотива при их
подходе к организации пограничной
области, увидев, как при образовании
новых хуторов (Mansen) китайцами,
русскими и палеоазиатами китайцы
сталкиваются с теми же вопросами,
с какими столкнулась наша
колонизация на землях Вислы.

[с.223]

И устремление американцев на Запад в поисках лучших земель, равно как и внедрение зимостойких сортов пшеницы, преодоление мухи цеце, сонной болезни, а затем малярии, ледовых барьеров Карского моря, орошение засушливых земель, — все это деятельность по расширению рубежей прикладной географии посредством живой организации границ! Таким образом, мы видим здесь один из сильнейших политико-географических мотивов к работе, от которой наш народ был отрезан из-за последствий более чем трехсотлетнего развития__. Причина достаточная, чтобы отныне привлечь

к этой работе усиленное внимание.
[с.224]

ПРИМЕЧАНИЯ

(c.214) *Lozynsky M.* Ostgalbiens Ruf nach Gerechtigkeit // “Frankfurter Zeitung”. 66. Jg. 27.1.1922, Nr. 71; *Kjellen R.* Die politischen Probleme des Weltkriegs. Berlin — Leipzig, 1916.

(c.214) *Uhlig C.* Die bessarabische Frage. Eine geopolitische Betrachtung. Breslau. 1926.

(c.215) *Ratzel F.* Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten; *Marz J.* Das Schicksal überseeischer Wachstumsspitzen // “Zum Freiheitskampf in Sudostasien”. Kurt Vowinkel Verlag, 1923.

(c.216) *Haushofer K* Dai Nihon

Betrachtungen über Groß Japans
Wehrkraft Weltstellung und Zukunft.
Berlin, 1913.

(c.219) *Hamilton J.* A staff
officer's scrap-book. P. 8.

(c.220) *Obst E.* England, Europa
und die Welt. Berhn-Grünwald, 1927;
Ratzel F. Politische Geographie.
München, 1923.

(c.222) *Narziss F.* Bayern zur
Romerzeit. Regensburg, 1905.

(c.223) "Far Eastern Review".
1926. Bd XXII. № 7. Juli.

См. [примеч. 5. С. 153](#). [c.224]

Декуматские поля (лат.
Decumates agri) упоминаются у
Тацита в "Германии". Относятся к
области, расположенной к востоку от

верховьев Рейна. [с.224]

Траян Марк Ульпий (53-117) — римский император. Известен своей заботой об укреплении границ Римской империи вдоль Рейна и на Дунае (Лимес и вал в Добрудже); см. также [примеч. 4. С. 43](#). [с.224]

Так, с конца IX и на протяжении всего X в. в империи Каролингов повсюду сооружаются крепостные стены вокруг небольших городов и воздвигаются многочисленные крепости с использованием естественного рельефа местности, имеющие стратегическое значение, или создаются искусственные возвышенности. Со сказочной быстротой росли замки. Целью всего

этого было создание эффективной защиты от вторжений норманнов, сарацин и венгров. [с.224]

Сарацины (*греч.*) — в древности арабское бедуинское племя, обитавшее в пустыне северо-западной Аравии и Синайского п-ова. Византийские и христианские авторы средневековья называют сарацинами всех арабов или же всех мусульман, а иногда даже всех христиан. [с.224]

Альто-Адидже — германоязычная область на северо-востоке Италии. С 1992 г. автономная область, расположенная в северной части бывшей области Трентино — Альто-Адидже. [с.224]

Пенджаб — область в северо-западной Индии и Пакистане, обширная плодородная равнина, пересекаемая Индом и его пятью притоками, отсюда ее название Пенджаб, что в переводе с хинди означает Пятиречье. С XI в. находился под властью мусульман, в XV в. стал центром сикхского движения, а в конце XVIII в. здесь было создано сикхское государство. В 1849 г. было завоевано англичанами и стало частью Британской империи. В 1947 г. Пенджаб был поделен между Пакистаном и Индией. [с.224]

См. [примеч. 4. С. 95](#). [с.224]

Сычуань — самая большая и

самая населенная провинция в юго-западном Китае в бассейне реки Янцзы. Известна своим антиимпериалистическим и антиправительственным восстанием 1911 г., ставшим последним толчком к Синьхайс-кой революции 1911-1913 гг. [с.224]

Рутены (русины) — прежнее название в Австро-Венгрии русского населения, проживающего в Карпатах, Галиции, Буковине, Венгрии. [с.224]

Синд — ныне провинция в Южном Пакистане. Бывшая часть Британской Индии (с 1843 г.). [с.224]

Индрапастха — древний индийский город, существовавший с

начала первого тысячелетия до н.э.
на месте средневекового и
современного Дели. [с.224]

Тар (Тхар) — наиболее
засушливая юго-западная часть
Индо-Гангской равнины по
левобережью Инда (в Индии и
Пакистане). [с.224]

Раджпутана (Раджастхан) —
историческая область в Индии
(букв. — страна раджей). В средние
века здесь сложилось около 20
раджпутанских княжеств (отсюда
название территории Раджпутана).
Раджпуты — военно-феодалная
каста, сословие в средние века.
[с.224]

Весной 334 г. до н.э. Александр

Македонский устремился на Восток, широко пропагандируя идею панэллинского единства в деле освобождения малоазийских греков от персидского владычества. В 325 г. до н.э. он достиг берегов Инда, но неожиданно прервал свой поход в “страну чудес”. Александр достиг только самой восточной реки Пенджаба Гифасиса и, следовательно, побывал лишь в незначительной части Индии. Немецкий историк И. Дройзен характеризует отказ войска Александра Македонского продолжать поход как историческую необходимость, ибо, завоевав Индию, он мог потерять Запад, т.е. все ранее

захваченное. [с.225]

Чандрагупта (Маурья) — древнеиндийский правитель и основатель династии и государства Маурьев в IV-III вв. до н.э. [с.225]

Бактрия (Бактриана) — историческая область в Средней Азии, к северу от Гиндукушского хребта, по обе стороны от Амударьи, с главным городом Бактра (Балх). Ныне на этом месте Вазирабад (Пакистан). В IV в до н.э. входила в империю Александра Македонского, в III-II вв. до н.э самостоятельное государство — Греко-Бактрийское царство. Во II в. до н.э. завоевана кочевниками. [с.225]

Юэчжи — древний народ

Бактрии и Индии (122 до н.э. — 450 н.э.). [с.225]

Саки, или скифы. [с.225]

Сакистан. [с.225]

Парфяне — древние племена, жившие на северо-востоке Иранского нагорья. В III-II вв. до н.э. подчинили большую часть Персии и основали Парфянское царство, просуществовавшее до III в. н.э. [с.225]

Клан юэчжи, распространивший свою власть на Северную Индию. [с.225]

“Маха-Кшатрапа” (санскр.) — Великая Сатрапия, т.е. край, управляемый деспотом. [с.225]

Барода — княжество в Западной

Индии с главным городом того же названия. Хайдарабад — бывший княжеский штат на юге Центральной Индии, занимал большую часть Деканского плоскогорья. До воссоединения с Индией в 1948 г. штатом управляли мусульманские низамы. [с.225]

Газневиды — династия, правившая в Газневидском государстве (X-XII вв.). При Махмуде Газневи (998-1030), когда это государство достигло наивысшего могущества, в него входили территории современного Афганистана, ряд областей Ирана, Средней Азии, Индии. [с.225]

В 1765-1849 гг. в Пенджабе

сикхами — последователями сикхизма (секты в индуизме в XVI-XVII вв.) было создано свое государство после долгой борьбы с Великими Моголами. [с.225]

Ост-Индская компания была создана в 1600 г. группой английских купцов. Явилась важным орудием колониальной политики Англии в Индии, сыграла значительную роль в первоначальном накоплении капитала.

В 1858 г. английский парламент принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория была провозглашена императрицей Индии.

Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской империи контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии. [с.225]

Лоуренс Джон Лэйрд Мейер (1811-1879) — британский администратор в Индии, преимущественно в Пенджабе. В награду за подавление восстания сипаев 1857 г. был назначен вице-королем Индии (1864-1869). [с.225]

Сварадж (*санскр.*, букв. — свое правление) — основной лозунг

национально-освободительного движения в колониальной Индии с начала XX в. [с.225]

Элджин Виктор Александр (1849-1917) — лорд, английский политический деятель, в 1894-1899 гг. вице-король Индии. [с.225]

Раздел Бенгалии был проведен лордом Керзоном в 1905 г. По разделу западная часть Бенгалии, Бихар и Орисса были выделены в отдельную провинцию Бенгал (с центром в Калькутте), а восточная часть составила новую провинцию — Восточный Бенгал и Ассам. Целью данной акции было нанесение удара по национально-освободительному движению в Бенгалии, углубление

индусско-мусульманских противоречий. Этот раздел вызвал взрыв недовольства. В 1911 г. раздел Бенгалии был отменен, и ее территория (за исключением Бихара и Ориссы) была восстановлена в прежних границах. [с.225]

См. [примеч. 10. С. 25.](#) [с.226]

Рэдинг Рудус Даниел Айзеке (1860-1935) — английский юрист и государственный деятель, в 1921-1926 гг. — вице-король Индии. [с.226]

Надир-шах (1688-1747) — военачальник Персидского государства, изгнавший в 1730 г. из страны завоевателей-афганцев. В 1736-1747 гг. шах Персии. Совершил

ряд грабительских походов в Индию, Среднюю Азию и на Кавказ. [с.226]

Автор имеет в виду территории, которые получила Пруссия в результате разделов Польши в конце XVIII в. Познань (*нем.* Позен) — промышленный город в Западной Польше на реке Варта. В XIII в эта территория была заселена немецкими колонистами, в 1793 г. отошла к Пруссии в результате второго раздела Польши. С 1815 г. центр Познанского великого княжества, образованного на отошедшей к Пруссии по решению Венского конгресса 1814-1815 гг. части территории Варшавского княжества. Бисмарк называл

Познань “сухожилием в теле Пруссии”. После Познанского восстания 1918-1919 гг. в составе воссозданного Польского государства. [с.226]

Реция — альпийская область, населенная в древности ретами. Романизированные потомки древних ретов сохранились в швейцарском кантоне Граубюнден под названием ретороманцев. Реция была завоевана римлянами в 15-13 гг. до н.э., а при императоре Клавдии стала римской провинцией. [с.226]

Тартесс — согласно античному преданию, древний город в Южной Испании, имевший высокую городскую культуру. Основан до 1100

г. до н.э., разрушен в 500 г. до н.э., возможно, карфагенянами. Его преемником стал Гадир (современный Кадикс), основанный финикийцами в 9 г. до н.э. Территория Тартесса была захвачена и романизирована римлянами. [с.226]

Pont Axeinos (*греч.*) — негостеприимное море; Понт Эвксинский — гостеприимное море; см. также [примеч. 7. С. 65](#). [с.226]

Имеется в виду период истории Германии начиная с времен Тридцатилетней войны (1618-1648). [с.226]

ГЛАВА XXIV

ГРАНИЦЫ НЕМЕЦКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА

Лишь только найдя в себе достаточно мужества прислушаться к тому, о чем говорят факты в пространстве, мы, руководствуясь данными изучения границ и признав очевидную несогласованность между областью расселения немецкого

народа и границами немецкого государства, сумеем воспринять удручающее впечатление от этого результата увечий и насилия не как повод для отчаяния, а как стимул к работе.

Лишь только заранее приняв как данность то, что в 1918 г. мы — во временном отношении — лишились более трех столетий пространственного развития, а в пространстве, утратив 72.697 кв. км родной земли и 2.650.000 человек населения обороняемой области__, остались без нескольких важнейших для нас культурных ландшафтов; что теперь мы не можем считать мало-мальски защищенными с военно-

географической точки зрения ни весь левый берег Рейна на площади 31.313 кв. км, ни 50-километровую зону по правому берегу; что мы лишились и на побережье всякого действительного права на оборону также на глубину 50 км внутрь страны, а на Востоке и на Юге еще в 1927 г. отказались от обеспечения защиты техническими средствами всей территории, которая расположена за пределами крохотного треугольника Сенсбург — Кенигсберг — Мариенбург в Восточной Пруссии, и восточнее или южнее линии Кониц (Хойнице) — Кюстрин (Костшин) — Бреслау (Вроцлав) — Бриг (Бжег) — Нейсе

(Ныса) — Вальденбург — Гёрлиц —
Баутцен — Кёнигштайн — Хоф —
Нойштадт — Регенсбург —
Донауэшинген — Нойштадт в
Шварцвальде; что лишь между
Кюстрином и Эльбой, между
Франкфуртом и Эгером (Огрже)
остается стратегически легко
отсекаемое неполноценное
образование, эта прекрасная для
Европы мишень при ударах с
воздуха, — лишь тогда мы встанем на
почву фактов! Это означает помимо
прочего и то, что мы увидим
высокоорганизованные и опасные
для нас системы пограничных
укрепленных линий, находящуюся
под чужой властью сеть железных

дорог, интернационализированных водных путей, пространственно чуждых каналов, то, каким тяжким бременем это легло на наш народный и экономический организм, — и все это мы увидим уже не сквозь завесу самообольщения, под покровом которой многих ослепляет и вводит в заблуждение деятельность немецких исполнительных органов на иностранной службе.

Некоторые из этих ограничений движения далеко превосходят все, что даже после краха 1918-1919 гг. можно было бы [с.227] потребовать от запутавшегося в самом себе народа, например лишение самостоятельности железных дорог в

1924 г. и отказ от обороны границ всей земли северо-восточнее среднего течения Одера и южнее линии Бриг — Нейсе — Глац (Клодзко) в 1927 г., а также оголение в военно-техническом отношении целой области расселения баваров, в результате чего вражеские танковые корпуса могут, не встречая сопротивления, двинуться не только на Вену, Линц, Грац, Инсбрук, но и на Регенсбург, Штраубинг, Пассау, Мюнхен, Аугсбург, так что иностранным державам ничто не помешает наложить руку как на линию Дуная, так и на линию Рейна. Многие ли теперь отдают себе отчет в том, сколь удобно стрелять из

находящихся на французской земле
орудий по Фрайбургу, Карлсруэ,
Мангейму и Людвигсхафену, с
итальянской — по Инсбруку,
Гармиш-Партенкирхену,
Мюнхену? — как, впрочем, и по
Цюриху, Берну и Куру.

Если только мы вспомним, что
всего лишь несколько лет назад
связанных косами поборников
китайского самоопределения вели в
заточение и на казнь, что
пограничное и основное
пространство древней Срединной
империи было покрыто в качестве
“сфер интересов” чуждыми красками
и флагами, а ее реки бороздили
вражеские военные корабли, ее

железные дороги принадлежали иностранцам, что золотonosная сеть морской таможни с ее иноземным управлением опутывала огромную страну и что все это рухнуло в течение одного года под действием воли, — пусть лишь воли к экономическому обособлению, но воли, исходившей от неорганизованной в военном отношении 448-миллионной массы, — тогда мы, ввиду перемещения водоворота силы в сторону Тихого океана, экономического циклона в Америку, сможем надеяться, что уже ныне живущие поколения увидят и у нас спасительные перемены.

Предпосылкой к этому должно
явиться, однако, ясное ощущение и
осознание невыносимости
существующего состояния и трезвое
понимание истинного положения дел
самим пострадавшим народом. Имея
в виду общую картину немецких
границ, нельзя не заметить одного_:
противоположности между
отчетливой, сопряженной и
органичной западной границей
немецкой народной и культурной
почвы и языковой области, между
относительным постоянством
западной языковой границы_и
многократно изломанной,
протянувшейся тремя выступами,
подвижной восточной границей

контактного метаморфоза с ее доходящими до Волги рассеянными поселениями.

Конечно, то, что сейчас происходит, выглядит довольно мрачно, оставляя впечатление всеобщего и едва ли преодолимого [с.228] состояния упадка, повседневной утраты культурного, языкового и народного достояния, лишь кое-где восполняемой свежими созидательными усилиями, цель которых — вернуть то, что было в большей мере потеряно из-за мягкотелости расы и пошло на пользу чуждой жизни. В ходе изложения мы уже указали на то, сколь поучительна задача, — каким

бы мучительно горьким ни был ее результат, — собрать вместе и представить народу сведения о понесенных нами потерях, о которых все еще говорят названия на картах, архитектурные сооружения, гербы, изображения. При этом здесь следовало бы обсудить вопрос о потерях, понесенных островками нашего языка в иноязычной среде.

Если мы рассмотрим с использованием выработанных масштабов линию нынешних границ территории нашего народа, как их представили читателю Фольц, Пенк и Лёш в своих отличных сочинениях, синтезирующих искусство описания с картографическим искусством, то

увидим, что она обнаруживает такое же своевольное многообразие, какое служит нашему народу, даже в его разделенном на обособленные части внутреннем пространстве, стимулом культурного развития и всемогущим роком (Machtverhangnis). Вспомним хотя бы о разделяющей силе Рёнских гор!

Уже общее рассмотрение контуров нашей народной и культурной почвы при резком контрасте западного и восточного типов ее границы показывает нам опасность нашего напряженного положения в переходной области Внутренней Европы, неоправданность чувства

самоудовлетворенности — такова уж наша геополитическая судьба — и при этом, разумеется, невыносимость длительного существования нынешнего положения. Такое впечатление производит уже один только взгляд на карту, один лишь факт политических перемен, если бы он живо открылся духовному взору нашего народа, как это утверждал Уэхара__о японцах, как индийцу значительно облегчают понимание его положения три крупные определяющие категории, указывающие на границы: море, Гималаи и область перед Индом; как в отношении англосаксонских

государств можно сказать, что представление о своем серебряном поясе стало их второй натурой.

Ни в одном из четырех подверженных потрясениям регионов Старого Света, расположенных между “разбойниками моря” и “разбойниками степи” (ведь именно так, безжалостно, но справедливо, учит нас воспринимать их британец Макиндер со своих островов, находящихся в сравнительной безопасности), ограниченный в своем провинциальном кругозоре филистер, мнящий себя и свое государство всегда счастливыми, не представляет такой смертельной

опасности для собственного государства, как [с.229] во Внутренней Европе. Однако нигде подобный тип не встречается так часто, нигде не бывает столь трудно разбудить в нем инстинкт границы; а между тем у других народов, как мне довелось наблюдать, он воспламеняется сам собой при первых же признаках внешнеполитической нестабильности, проявляясь как подлинная чуткость даже при отдаленной угрозе.

Если бы удалось побудить большинство нашего народа хотя бы только мысленно пройти вдоль нынешних границ его государства,

оно было бы, как мы уже сказали, поражено, увидев, что весьма немалая часть отчизны, так же как, возможно, и собственные родные места (например, это касается жителей всех городов Бадена, старой Баварии с Мюнхеном и Регенсбургом), даже в соответствии с договором [Версальским], живет абсолютно вне всякой возможности государственной вооруженной защиты: как птица на жердочке, не могущая улететь.

В таком случае оно — пусть даже находясь в более трудных условиях, чем те, что мы описали выше, говоря о примечательных типах [границ], — постепенно нашло

бы в своем окружении примеры почти всех видов опасных границ или пограничной напряженности. Мы не можем, следовательно, как многие другие крупные народы на Земле, приспособиться главным образом к какому-либо одному или к нескольким предпочтительным видам границ, таким, как серебряный пояс моря у Великобритании и Японии; мощные горные цепи Гималаев на севере индийского жизненного пространства; зоны анэйкумены, пояс пустынь и сходящиеся горные хребты, как это свойственно китайской культурной почве или обширным частям Советского Союза;

опоясанная поросшими лесом горами Богемия, на две трети защищенный заболоченными лесами ареал Польши. Мы должны примириться чуть ли не со всеми видами границ, которые встречаются в зоне, установленной нам после войны. Перед войной мы также имели все виды границ в тропиках, хотя этот факт так никогда и не был осознан органами, политически представляющими государство (несмотря на всю возложенную на них ответственность), характер территории которого предрасполагает к напряженности. Среди этих границ были водоразделы, образованные

высокогорьями и джунглями тропических островов (Новая Гвинея), устья крупных рек и речные бассейны с ярусными лесами и джунглями (Рувума и Кунене), пояс заболоченных лесов (Камерун), вулканический массив (Килиманджаро), тектонические впадины озер Восточной Африки, необычайно деформированные подступы к рекам и морю (мыс Каприви, Замбези, Конго), аномалии, такие, как исключительно неблагоприятная в политико-географическом отношении граница по реке Оранжевой, эксклав залива Уолфиш-Бей; к их числу принадлежали также освоенные

позже рубежи морских и океанских пространств, вулканическая дуга океанских островов (Марианские острова), атолловые образования (Jaluit) и коралловые рифы как барьеры. Неутомимый труд старательных комиссий по демаркации границ филигранно [с.230] отчеканил их контуры из первоначально лишь едва намеченных рубежей, из простых и открытых линий раздела между зонами интересов, и проявленная при этом географическая искусность достойна, пожалуй, более доброго и признательного воспоминания, чем то, какое находит у большинства немецкого народа

засвидетельствованный таким образом колонизаторский успех.

В пограничном предполье, окружающем ныне ту часть немецкой народной почвы (467.303 кв. км Германии, 78.000 кв. км Австрии), которая еще осталась после войны хотя бы под частичным контролем немецкой общности от 3.150.000 кв. км Германской империи и 675.000 кв. км государства Габсбургов 1914 г., есть как пограничный ландшафт на редкость цельная территория — Каринтия. В этом сильном едином природном ландшафте различается пограничье ярко выраженного восточного типа — с рассеянными поселениями, с

прямо-таки искусственно
расчлененными ландшафтами — и
сильно замкнутое западного типа, те
“древние стены, перед которыми
лежат выпавшие их части”, или,
иначе говоря, такие государственные
образования, ни одно из которых
теперь больше не находится в
политической близости с остатками
империи германской нации. Это
Нидерланды и Швейцария, ставшие
такими по вине Габсбургов, при
ликвидации Первой империи выше
всего поставивших лишь достояние
своего дома и фамильные интересы;
это Люксембург и Эльзас-
Лотарингия — по вине Второй
империи Гогенцоллернов, которая не

знала ни как вовлечь их в сферу своего влияния, ни тем более как удержать их там.

Так разделяются на рубежах Каринтии два общеизвестных типа границ немецкой народной почвы — тип восточный и тип западный. (Подобное было бы невозможно на рубежах Штирии, увы разрушенной изнутри.)

Вот почему свой краткий обзор [границ] с достигнутой здесь точки зрения мы предпочитаем начать не с побережья, идя от него далее по суше, а именно с данного места на пограничном предполье. Ибо в противном случае мы должны были бы двигаться от оголенной в ходе

исторического процесса границы
Северной провинции, которой к тому
же дозволено распоряжаться лишь на
50 км в глубь народной земли, тогда
как Каринтия — не считая долины
Канала — удержала за собой
единственную прочную предвоенную
границу немецкой народной почвы,
которая в настоящее время еще
является государственной: хребет
Караванке. Это оказалось
возможным лишь благодаря
естественной прочности этого
цельного ландшафта в пограничном
организме, прочности, побудившей
голосовать за немецкую Каринтию
даже ее иноплеменных, но
родственных в культурном

отношении жителей. [с.231]

Пожалуй, каждому немцу следовало бы хоть раз в своей жизни подняться с благоговейным чувством к вершинам Караванке, прийти в Зал сословий Клагенфурта и постоять там в раздумье.

К западу от мощного естественного и цельного ландшафта Каринтии, от рубежа, где еще возвышается на своем изначальном месте постигнутая в ее истинном смысле Ратцелем древняя стена первой Священной Римской империи германской нации (ибо венецианское государство южнее Карнийских Альп никогда не было частью немецкой народной почвы), и далее вплоть до

Ла-Манша и Северного моря длинным рядом тянутся теперь “выпавшие камни” самой разной величины; подвергшаяся насилию коренная земля возведенного в графство Тироля; небольшой, тяготеющий к Швейцарии феодальный реликт Лихтенштейн; древние хранители имперского перевала — Граубюнден, Вормс, Вельтлин, Клеве, старинные кантоны, города Берн и Фрайбург (Фрибур) и столь долго сохранявший верность империи Базель (в настоящее время все — члены Швейцарской Конфедерации или уже оторваны от нее повернувшей вспять романской волной); Савойя точно так

же государство на перевале;
Мемпельгард, стражник Бургундских
ворот; Эльзас — отторгнутая часть
естественного единства
Верхнерейнской равнины;
Лотарингия; уменьшившийся в
объеме Люксембург; старинные
имперские епископства Мец, Туль и
Верден; хранитель Мааса Люттих
(Льеж); так пламенно оспариваемая
Фландрия, Нидерланды. Но эта
повсюду — кроме Каринтии —
отброшенная назад к ущербу для
Германии стена на руинах Тироля —
земли на перевале — пала жертвой
требования границы по водоразделу,
которое было хитро внушено
Италией мировому общественному

мнению, — границы, не совпадающей с линией раздела между народами и расами, фактически проходящей не по гребню горного хребта, а вдоль естественной исторической оборонительной линии горных теснин. При этом были принесены в жертву связи между народами и права выпаса по обе стороны горного хребта. Между тем вблизи этих мест, в Пустертале, где проведение границы по водоразделу противоречило бы итальянским претензиям, этот принцип не был соблюден!

В то время как изначально существовавшие небольшие

государства на перевалах и в долинах северных известняковых Альп, такие, как Верденфельс, Берхтесгаден или скрепляющее австрийскую и баварскую части баварского плато архиепископство Зальцбург, лежавшие между Тиролем, этой расширяющейся областью на перевале, и возвышающимся к франконским уступам баварским предальпийским государством, были поглощены, — в то самое время в качестве алеманно-альпийской границы, имевшей даже политическое значение, все же остался укрепленный рубеж Арльберга и перевала Монтавон-Пацнаун между Тиролем и

Форарльбергом; при этом он оставался таковым, даже когда родственный переходный ландшафт Альгой (Альгойские Альпы) [с.232] выпал из связи западных и восточных военных дорог, соединявших коренную часть Австрии с Передней Австрией, Брайсгау и Зундгау. От северной окраины Лихтенштейна через Боденское озеро — рассекая старинное герцогство алеманнов по его естественной оси от Констанца через Райхенау — и до Базеля сохранился тогда среди родственных соседей рубеж, который изначально формировался от района к району из мелких отрезков и первозданной

альпийской и верхнерейнской границы, тот рубеж, который последний раз был испытан в Швабской войне и сохранялся до наших дней в своем старинном стиле, возможном лишь у добрых соседей, т.е. при жизненных формах, тяготеющих к совместной мирной жизни.

Однако на изгибе Рейна у Базеля, на повороте от верховьев Рейна к Верхнему Рейну, от течения, используемого исключительно для производства энергии, к течению, используемому в транспортных целях, уже усвоивший, начиная от Кура, алеманнский темп и как раз в этой части своего бассейна

стесненный водоток, прорвавшись отсюда на более широкий путь, устремляется к своей великой героической судьбе. Здесь идет борьба между осуществляемой путем нападения романской идеей барьера крупной реки и идеей насильственно разрушенного естественного рубежа между народами (Вогезского леса), — та борьба, которая со времен Юлия Цезаря придает границе Рейна и Вогезов кровавый и трагический характер. А ведь то, что Вогезы являются окраиной плато, климатической границей, лесной зоной с возможностями выпаса, с чередованием разнородных групп и языковыми различиями, могло бы

сделать их одной из самоочевидных естественных границ между крупными жизненными формами этой части Света. Впрочем, этот естественный рубеж нарушен двумя широкими проходами, через которые происходит передвижение народов: Бургундскими воротами и низиной Цаберна. Но незначительная — около десяти километров — ширина их благоприятных для транспорта путей намного уступает разделительной силе горной цепи протяженностью свыше 260 км. Битш с его отчетливой границей, образованной пестрыми песчаниками, — наряду с разделением лес — высокогорье —

типичный рубеж между областями, будучи хорошей природной защитой для внутренней границы, которая, пролегая между Эльзасом и Лотарингией, убедительно показала свою способность длительное время служить разделительной силой, но это не граница великой державы. К северо-западу от этого рубежа ныне идут через разделительные зоны, в изложении Фогеля, три большие полосы переселений против верхнего течения Мозеля, Мааса (Мёза) и Соммы, на которые в основном обрушилась атака франков. Ее след показывает откат этой народной волны, по большей части поглощенной ландшафтами-

резерватами западной и альпийской расы, и здесь оставившей после себя “выпавшие камни”. Их самым важным венцом крепостей, предательски отданных Франции протестантскими немецкими князьями, были епископства [с.233] Мец , Туль и Верден 4, прежде оплоты империи на линии Мозель — Маас — Ригель. Заслуживает еще особого упоминания сильная природная граница — Коленвальд (Арденны), который в течение длительного времени образовывал разделительную зону между фламандцами и валлонами; затем через сеть каналов таких ранее совершенно нижненемецких,

связанных с морем городов, как Гент и Брюгге, она достигает Северного моря.

И вот мы стоим на *побережье*, которое отделяет всей протяженностью своей береговой линии непригодную для сообщения часть Северного моря в Немецкой (Гельголандской) бухте от подходящего для плавания, но мало удобного для обороны протяженного побережья Балтийского моря на Кимврийском полуострове (полуостров Ютландия). На Кимврийском полуострове мы видим две противоборствующие речные границы — река Айдер и река Кёнигсау, — так же как и

использование в качестве границы двух довольно разных береговых образований: глубоко врезающихся в сушу фиордов с городами во входящем угле на востоке и разбросанных у берегов островков на мелководье западной стороны. Обратимся к грубым подсчетам без сопутствующих пояснений, и пусть цифры говорят так, как в другом месте камни:

Кратчайшая прямая линия, км	
Выход к морю излучины Гогландшфелен	Длина береговой линии Австрии в период [первой] мировой войны на Адриатике
около 5100	около 750
Находившийся под немецким контролем выход в Северное море в период расцвета Ганзы	Выход к морю политической удерживаемой колонией народная почта после [первой] мировой войны: 300+823
около 3700	около 1120
Контролируемый Германскими союзом до его ликвидации выход к морю	Часть побережья города-государства Данциг (Гданьск) (с польскими внешнеполитическим представительством)
около 2400	около 55
Длина береговой линии Германии в период [первой] мировой войны: без колоний! 330+1025. Северное и Балтийское моря	
около 1355	

Гельголанд после ликвидации его военных сооружений оставлен на медленное, но верное и неудержимое разрушение морем; канал Норд-Остзе (Кильский канал) демилитаризован и беззащитен, так же как береговой ландшафт на расстоянии 50 км в глубь страны.

Таков безмолвный язык побережья, этой части немецкого народного организма, чья угасающая жизнь еще в 1901 г. была наглядно представлена на карте, опубликованной в “Petermanns Mitteilungen”. К приведенным данным добавим разнемечивание и искусственное отстранение от управления реками Рейн, Эльба,

[с.234] Одер и Дунай тех, кому принадлежат прилегающие к этим районам земли, а также полную потерю Вислы и Мемеля (Немана).

И устье Вислы, и Мемель, вероятно, могли бы рассматриваться, подобно явлениям западной границы и остаткам немецких позиций в Латвии, Курляндии (Курземе), Эстонии, как “выпавшие камни”, те, что на Западе упали по обе стороны развалившихся строений, если бы в действительности они не были превращены в форпосты чуждого роста. Данциг (Гданьск) должен был так или иначе ускользнуть в руки Польши, Мемель (Клайпеда) уже сейчас из-за откровенного

предательства Лиги Наций, о котором, к сожалению, слишком быстро забыли, отдан литовцам как скудная компенсация за Вильно (Вильнюс). Гораздо более похожа на такой обломок прежнего державного здания старейшая и почтенная колония, возникшая в ходе переселения нашего народа на Восток, — Восточная Пруссия, подобно тому как долгое время стояло герцогство Лотарингия, атакуемое со всех сторон волнами французского прибоя. Восточная Пруссия — это единственная, все еще не обвалившаяся руина огромного германского поселенческого выступа в

балтийском моренном ландшафте, результат отступления самого северного из трех поселенческих клиньев, продвинувшихся далеко в глубь Восточной Европы, из которых второй, с севера обходивший Судеты и терявший свое острие на востоке Верхней Силезии, был представлен силезским германством, в то время как третий клин проник через Верхнюю и Нижнюю Австрию вдоль Дуная, через Зальцбург, Альпенклёстер и Штирию в направлении Альп и к их восточному подножию.

Навстречу им выдвинулся из-за множества рассеянных поселений трудноотделимый стык польского,

чешского и словенского встречного клина. Однако беда для рас, которые отчужденно относятся друг к другу и тем не менее вынуждены жить бок о бок в этой широко растянутой полосе Промежуточной Европы, состоит в том, что важные и сами по себе осуществимые географические связи и связности по эту и по ту сторону границы не складываются политически. Что же касается собственно немецкой стороны, то она не сумела при повторной колонизации создать действительно взаимосвязанные широкие заселенные полосы в нынешних долинах крупных рек и долинах, оставшихся от талых вод ледниковой

эпохи, а труднопроходимость естественной области Богемии и неприступность ее лесов помешали сквозной колонизации древнего германского пути между Одером и заболоченным Дунаем, пути, который на заре германской истории, точно так же как и в Богемии, из-за недостаточно развитого политического инстинкта частично отклонился в сторону. Это — подлинный срединный путь переселений, следовательно, внутренний восточный путь в противоположность любому окраинному речному пути, который некогда вел варягов от Западной Двины через Киев по Днепру к

Византии, и он был (в своей Моравской лощине и впадине Одера) как торговый [с.235] путь к германским племенам известен уже грекам. Большую роль при образовании германской восточной границы на Висле играет контраст между моренными образованиями и безлесными лёссовыми ландшафтами — которые при первом переселении германских племен на Запад получили предпочтение как полосы переселения — и предпочитавшимися при повторной колонизации землями лесных ландшафтов, лучшими, хотя и более трудными для освоения и обработки, лежавшими в долинах, созданных в

ледниковую эпоху талыми водами, с их водными системами и каналами. При повторной колонизации в долинах крупных рек и низинах наряду с ограниченной крестьянской колонизацией проходит и городская, которая приобретает решающее значение. Ее градообразующий, но и сам уже урбанизированный поток теперь не осваивает всю территорию вокруг, но способствует тому, что немецкое расселение на восточных землях, в Польше и Юго-Восточной Европе, приобретает “диффузный” характер. Так возникают многочисленные островки языковых образований.

Иной раз немецкого поселенца

— не только урбанизированного — вводило в заблуждение чувство, будто благодаря немецким династиям он еще связан с родной землей, замкнутой народ—ной основой, через пространства, на которых фактически из-за их скученности все же прерывалась культурная и хозяйственная связь. Так было в королевской земле старой Саксонской Трансильвании, в Банате и в Бургенланде, который, так же как Эгерланд, был продан якобы немецкой династией и который единственный из утерянных кусков народной земли воссоединился после мировой войны, — разумеется, страшно изуродованный и

грабительно лишенный своего
естественного транспортного узла
Эденбурга и всех без исключения
“бургов”_, по которым он назван_.

Если мы спросим себя, согласно
последним геополитическим
обоснованиям, почему — при взгляде
с точки зрения исследователя
границы — на немецкой народной
почве именно в вопросе об
отношении к обороне границ столь
вопиющим образом разнятся между
собой, с одной стороны,
благоразумие
государствообразующего народа,
взращенное восприятие народностью
жизненно необходимых и
необязательных частей народной

почвы, которая при такой
скученности населения повсюду
одинаково священна, и, с другой
стороны, значительно более
сознательно охраняемая основная
структура? Далее, если мы спросим
себя, почему, например, в свое время,
когда император Карл V признал
невосполнимую потерю ключевых
крепостей западной границы, его
народ мог насмешливо распевать в
его адрес задорную песню о том, что
ему отказали в танце важнейший
пограничный оплот “Мец” и главный
оплот “Магд”? Мы обнаружим затем
при детальном исследовании как
причину тот факт, что именно в
нашем жизненном пространстве

[с.236] внутренние границы и постоянная воля к его сохранению почти повсюду сильнее, чем естественная внешняя защита, физический орган внешнего покрова и периферическое чувство обороны государства — В этнопсихологическом и моральном отношении. Нас, немцев, во многих местах — там, где не понимают эту самоубийственную ориентацию, — прямо-таки обвиняли в национальной извращенности.

Совершенно очевидно, что эта объективность, доходящая до самоистязания, до неприязни народа к собственной жизненной форме, идущая на пользу чуждым,

насилующим нас народам и государствам, эта удивительная смесь политической ограниченности с местными интересами, тупости в практике с космополитической, возвышающейся над народом несбыточной мечтой в теории — эта смесь качеств, которые совершенно несовместимы на практике, но временами уживаются между собой даже в таких натурах, как Гёте, — едва ли может быть понятна сыновьям замкнутых естественных жизненных форм. Во всяком случае именно психологическими предпосылками я попытался объяснить руководящим японским персонам наше поражение в 1918-

1919 гг.

К тому же в нас, в немцах, нужно еще долго преодолевать нелепое представление, будто стоит лишь нам испытать собственную потребность передышки в защите границы, как тотчас же такая потребность возникает и у враждебного соседа, и что тем самым, т.е. путем самоусыпления, преодолевается худшая фаза кризиса в борьбе за пространство. Даже заслуживающие самого серьезного отношения свидетельства сохраняющейся у противника воли к борьбе, такие, как проект будущей Европы согласно сербским архивам (заметка в “Petermanns Mitteilungen”,

1920), не вызвали никакой настороженности у тех, кто так охотно верит в международные примирительные слова; и граф Куденхове-Калерги_____под гром аплодисментов построил свою “пан-Европу” на прочном отчленении Внутренней Европы. Один только Лёш указал на несостоятельность самой конструкции этого здания_.

То, что идея пан-Европы, представляемая как некое пацифистское творение, втянула бы и нас, грабительно лишенных пространства, в ожесточенные битвы французского, бельгийского и нидерландского империализма за колонии, на это именно в кругах

“друзей мира” предпочитают закрывать глаза. Впрочем, все эти наши бедствия имеют причиной два момента: первый — особенность нашего жизненного пространства, основательно разбитого внутренними границами на ячейки, и второй — рано проявившийся внутренний настрой нашей высокоодаренной, но склонной к шизофреническим катастрофам народной общности. [с.237]

Поэтому на постоянное воздействие нашей природной среды, которое в сочетании с определенным пороком национального характера способно порождать опасные бури, следует, с одной стороны, ответить

постоянным воспитательным действием и бдительностью в отношении назревающей опасности вредных вспышек и проявлений. Но с другой стороны, именно из самой истории наиболее одаренных народов, таких, как индийцы и эллины, которые обладают сходными чертами характера, тоже обусловленными и усиленными влиянием ландшафта, черпаем мы надежду! Она проистекает от переданного нам уже Ратцелем геополитического познания большей долговечности деяний, совершаемых в истории многотипными группами людей, и особенно многотипными народами и расами. Однотипный

легче себя истощивает, его
однотипно конгениальный родовой
ландшафт (такой, как
средиземноморский или
месопотамский) быстрее
обнаруживает признаки
истощенности, хозяйственного
истощения, и творческая сила
живущих на его почве парализуется
вместе с ним. Но у многотипных
людей и рас после истощений
отдельных пространственных зон
отдельные части расы или народа
восстают вновь из беспрестанно
регенерирующей обширной народной
почвы: целые ландшафты находятся в
полузабытии и грезят там еще с
гордой уверенностью о том, что их

расцвет впереди, в охраняемых
прежних состояниях. Может
случиться и так, что камни, на
протяжении столетий отвергавшиеся
строителями как бесполезные и
мешающие, вновь станут угловыми
камнями_____, которые будут
поддерживать границы и на которых
будет надежно покоиться в грядущих
столетиях столь необходимое новое
здание Европы, и прежде всего ее
Центра! Но сначала предстоит,
разумеется, передвинуть разного
рода камни, дабы те не давили своей
тяжестью на замурованную жизнь,
как сегодня сдавливают ее со всех
сторон границы немецкого народа и
государства. [с.238]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.227) *Winkler W.* Statistisches Handbuch des gesamten Deutschtums. Leipzig, 1927.

(с.228) В сжатой, лаконичной форме это сделано в речи Э. фон Дригальски о немецких послевоенных границах в свете контраста между их конфигурацией на Западе и на Востоке.

(с.228) Представлено хорошими картами в статье: *Borries E. von.* Geschichtliche Entwicklung der deutschen Westgrenze // "Petermanns Mitteilungen". 1915. S. 373, 417. Taf. 49, 58.

(с.229) См., напр.: Das Sprachgebiet der Siebenburger Sachsen einst und jetzt // Petermanns Mitteilungen. 1920. S. 131; *Langhans P.* Die deutsch-tschechische Sprachgrenze in Nordbohlen // Petermanns Mitteilungen. 1899. S. 73 ff.

(с.229) *Uyehara G. E.* The political development of Japan. P. 15-17.

(с.231) Карты, демонстрирующие итоги голосования в Каринтии, приводит, в частности, М. Вутте (*Wutte M.* Karntens Freiheitskampf. Klagenfurt, 1922).

(с.236) О Бургенланде прежде всего в работах Р. Зигера.

(с.237) Ср. статью Ф. Эндерса в “Suddeutsche Monatshefte” (1919).

(с.237) *Loesch K.C. von.*
Paneuropa — Volker und Staaten // Staat und Volkstum: Bucher des Deutschtums. Bd 2. Berlin, 1926. S. 7-50.

На границе Баварии и Гессена.
[с.238]

По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. большая часть Каринтии вошла в состав Австрии (земля Каринтия). До 1920 г. сохранялась неясность в отношении границы в районе Клагенfurта. В результате плебисцита 10 октября 1920 г район Клагенfurта остался за Австрией. [с.238]

Швабская (Швейцарская) война

1499 г. — война между Швейцарским союзом, с одной стороны, и императором Священной Римской империи Максимилианом I из династии Габсбургов и Швабским союзом (союз рыцарей, имперских городов, а затем и князей Юго-Западной Германии) — с другой. Окончилась утверждением фактической независимости Швейцарии. Граница между Германией и Швейцарией складывалась исторически начиная с XIV в. (когда к образованному 1 августа 1291 г. “вечному союзу” кантонов Швиц, Ури и Унтервальден стали присоединяться кантоны, находящиеся на севере будущего

государства: в 1351 г. — Ааргау, в 1499 г. — Тургау, в 1501 г. — Шафхаузен и Базель) и в дальнейшем определялась договорами; за последние столетия она не претерпела существенных изменений и все это время являлась стабильной (происходили [с.238] лишь обмены небольшими территориями в целях спрямления дороги, для удобства проведения железной дороги и т.д.). [с.239]

См. [примеч. 8. С. 153](#); [примеч. 20. С. 211](#) и [примеч. 21. С. 211-212](#). [с.239]

См. [примеч. 39. С. 46](#). [с.239]

См. [примеч. 39. С. 46](#); [примеч. 52. С. 370](#). [с.239]

Крепостей (нем. Burg — крепость, замок). [с.239]

См. [примеч. 7. С. 153](#). [с.239]

В начале 20-х годов XX в. в Европе в условиях обозначившегося политического, экономического и культурного кризиса оживились панъевропейские идеи и настроения. Фламандский писатель и политический деятель Куденхове-Калерги выдвинул идею объединения европейских стран. В 1923 г. вышла в свет его книга “Пан-Европа”, а в следующем году он обратился с письмом к членам французского парламента, где подробно изложил свои взгляды на панъевропейское движение. В основе предложений

Куденхове-Калерги лежала идея объединения Европы перед лицом трех сил — СССР, США и Великобритании. В “Новой Европе” существенная роль отводилась Германии как форпосту “против агрессии с Востока”.

В 1926 г. в Вене состоялся первый Панъевропейский конгресс, на котором было объявлено о создании Панъевропейского союза. Почетным президентом Союза стал министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, удостоенный в 1926 г. Нобелевской премии мира. Членами Союза были такие видные политические деятели Франции, как Э. Эррио, Л. Блюм и П. Бонкур,

немецкий банкир Я. Шахт и бывший канцлер Германии Й. Вирт, писатели Томас и Генрих Манны, ученые А. Эйнштейн, З. Фрейд и др. Проекты Куденхове-Калерги, носившие расплывчатый характер, не получили широкой общественной поддержки, и панъевропейское движение вскоре пошло на убыль. См. также [примеч. 13. С. 275](#). [с.239]

Автор использует библейский образ углового камня, отвергнутого строителями (Пс. 117:22). [с.239]

ГЛАВА XXV

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СПОСОБА РАССМОТРЕНИЯ ДЛЯ ПРОБЛЕМ ГЕРМАНСКИХ ГРАНИЦ

Геополитический способ
рассмотрения, цель которого —

представить функционирующие в определенном жизненном пространстве жизненные формы политики как обусловленные одновременно и стабильной географической средой, и динамикой исторического процесса, имеет для всех проблем, связанных с границами, большое преимущество, ибо он больше, чем всякий другой подход, позволяет видеть эти проблемы независимо от какой-либо партийно-политической установки и мировоззренческой односторонности, пользуясь естественно-научными и биологически корректными методами. В то же время он весьма

полезен для философии истории, ибо не подвержен искажениям со стороны социологических и общественно-политических доктрин и избавляет от той значительной доли предвзятости, которую они обыкновенно порождают.

С учетом же двойственности периферической функции границы геополитический подход выступает как необходимость, и в гораздо большей степени для того партнера, который при проведении границы был ущемлен в отправлении его жизненных функций, чем для того, который получил от этого преимущества. Ибо для обделенного естественно напомнить миру о

биологически ненормальном, а значит, вредном для развития всего человечества проведении границ, подобном тому, какое имело место в Верхней Силезии. Например, пользующийся преимуществом будет в лучшем случае молчать и владеть, а в худшем — попытается лицемерием в собственных интересах заранее замутировать “источник истины осторожностью на свой аршин”; деятельность, которая в высшей степени запутала все немецкие пограничные проблемы, даже в восприятии самого пострадавшего народного организма.

Больше того, отдельные структуры пограничных ландшафтов

— край, область, отдельное поселение — обладают собственной жизнью, той жизнью, которая вполне различима с геополитической точки зрения, но о которой находящаяся под угрозой и отстающая в своем развитии жизненная форма осведомлена, как правило и к своему великому ущербу, хуже, нежели форма растущая. Последняя, естественно, интересуется территориями, возлагая надежду, что вскоре они достанутся ей, и она геополитически планомерно подрывает их и “мирно проникает” туда или по меньшей мере пытается на них влиять, особенно через близкие ей части, отщепенцев или

“социальные страты”.

Таким образом, при геополитически акцентированном исследовании границ речь идет о поэтапном исследовании. Сначала [с.240] должны быть изучены пограничные жизненные пространства и жизненные формы как таковые — для Германии это, к примеру, Северный Шлезвиг, Эйпен-Мальмеди, Саарская область, Пфальц, Лотарингия, Эльзас, Форарльберг и Тироль, Каринтия, Штирия, Бургенланд, Моравия австро-венгерской диаспоры, старинные герцогства Аушвиц и Затор, Восточная Верхняя Силезия, Восточные провинции (Ostmarken),

Данциг, Мемельская область, в которых прежде всего, смотря по обстоятельствам, следует поддерживать прочное сознание единства ландшафта, особенно в тех из них, которые наши противники с полным знанием дела пытаются расчленить административно, такие, как Эйпен-Мальмеди, Эльзас, Тироль и земли по Висле.

Мощный инстинкт, связанный с землей, устойчивость областей и своеобразие общин помогают именно при попытках расчленения провинций добиваться крупного национального успеха. Примечательный пример этого мы видим не только в Каринтии, но и в

провинции Бенгалия, попытка расчленения которой не удалась, и это также следует учитывать, ибо немецкая школа геополитики в развитии своих взглядов не может ограничиваться одними лишь германскими границами. Точно так же нам следует проявлять острую бдительность, чтобы попытки разорвать на куски “подмандатные территории” и отдать их в руки держав-грабительниц, ловко выдернув из-под международного контроля (все же предпочтительного), своевременно были доведены до сознания мирового общественного мнения, особенно общественного мнения Соединенных

Штатов, которые демонстрируют большую приверженность принципу “открытых дверей”. И здесь, следовательно, настоятельно необходим бдительный геополитический контроль.

Следующий этап касается сохранения отношений отторгнутых и находящихся под угрозой частей с общей структурой более крупной жизненной формы в культуре, экономике и политике. И здесь геополитический способ рассмотрения может уберечь от роковых ошибок, какие мы допустили в Германии. Ведь уже со времен германского поселения на Рейне в этом регионе вполне

закономерно и оправданно складывались отношения, соединявшие оба берега реки всюду, где развивалась мощная политическая жизнь. Ибо в противоположность романской германская идея исходила из желания формировать крупную реку не как границу, а как жизненную артерию. Любое соперничество железнодорожных систем, проходящих вдоль крупной реки, любое несовершенство связи через нее, любая прерванная постройка моста, любое использование реки в качестве внутренней границы было, следовательно, геополитической ошибкой; и, например, увековечение

состояния имперской земли, использованное Бисмарком как средство решения преходящих задач, стало крупнейшим геополитическим прегрешением, какое только тогда могла совершить Германская империя. Напротив, симбиоз Мангейм — Людвигсхафен — это одна из сильнейших [с.241] скреп (связей), которыми мы владеем на переходе от Верхнего Рейна к Среднему; и он до известной степени способен возместить прежнее влияние Пфальца на Рейне.

Прямо— так авантюристическим, смехотворным с политической точки зрения предприятием была попытка

обременить цислейтанскую часть
Дунайской монархии всем
административным весом Галиции
при ее весьма хилой связи с
хинтерландом, в то время как
Венгрия пользовалась полной
защитой, подобающей земле, которая
рассматривается как гласис, а не как
периферийная часть империи.
Французские геополитические
труды, среди них известная работа
Шерадама “Европа и австрийский
вопрос” (“L'Europe et la question
d'Autriche”), уже в 1902 г. разоблачили
нездоровую геополитическую
структуру Цислейтании__, прежде
всего с точки зрения
геополитического исследования

границы, в то время как в говорящей на немецком языке культурной области закрывали на это глаза.

С другой стороны, у нас существует почти забытая и во время ее появления замеченная лишь в военных кругах работа француза Е. Тэно “Граница” (“La frontiere”) — образец того, как после глубоко прочувствованного ущерба, нанесенного границе, в народе может вновь пробудиться сознание собственных границ.

Но самое большое преимущество, которое имеют геополитические занятия национальными пограничными областями, состоит в том, что, из

какой бы партийной позиции эти занятия ни исходили, они могут принести пользу каждому члену народной общности и представляют собой верную гарантию того, что поборники самых различных мировоззрений могут объединиться на основе ясных и бесспорно полезных принципов, таких, как преобладание определенных языков, рас, строительных форм в единых пограничных областях, единство ландшафтных типов, ориентированных на общую систему коммуникаций и являющихся неразделимыми, а значит, прямо-таки принуждающими к сотрудничеству, равно как

подтверждаемый мировой практикой факт, что нельзя длительное время игнорировать никакое положение дел, если оно связано с историческим и демографическим развитием, с правом на самоопределение.

Поскольку же теперь факты, особенно касающиеся права на самоопределение, навязывания чуждых языков, отказа в религиозном образовании на родном языке, снижения продуктивности почвы на единицу поверхности (на подмандатных территориях!) , говорят чаще в пользу угнетенных, лишившихся земли в результате грабежа, а не в пользу грабителей,

мы в высшей степени живо заинтересованы в том, чтобы повсеместно ярко освещать эти факты на основе геополитического метода. Напротив, мы должны признать потенциальную общность всех народов, испытывающих такое же, как и мы, давление, в какой бы части Света они ни жили, как predetermined судьбой сообщество и потому изучать его с помощью геополитики — при этом чем более развиты, чем более неестественно защищены, [с.242] но бесспорно достойны права на самоопределение народы, тем лучше.

Там, где численно более сильное, скрепленное общими

интересами сообщество сталкивается с тем же насилующим культуру, власть и экономику противником, там часто выявляются неожиданные возможности сотрудничества, которые, однако, снова требуют геополитической подготовки общественного мнения.

Что касается способа сделать такую геополитическую подготовку позитивной, то здесь могут служить образцовыми геополитическое исследование Э. Тиссена “Версаль и после него” (“Versailles und Fortsetzung”), изданное К. Фовинкелем (Берлин, 1924) и освещающее свой предмет в основном с северогерманской точки

зрения, труды Н. Кребса о Южной Германии, К. Заппера о Вогезской области (Страсбург, 1914, 1915), Р. Зигера о Штирии и Австрии в целом, а также работа И. Зёльха о проведении границы Тироля, более действенные для читателей Южной и Центральной Германии и Австрии.

Существует, наконец, и *метод косвенного геополитического воспитания*, который нацелен на то, чтобы на примерах, совершенно далеких от злопамятства, скажем Индии и Восточной Азии, тренировать инстинкт и интеллект в направлении сохранения пограничной и жизненной формы родины. Уже удачный выбор

иностранных трудов в хороших переводах может быть весьма полезным для этого. Ведь какие уроки для всех политических партий Германии, для проблемы сохранения государства и его отдельных пограничных областей содержит, к примеру, книга Картхилла “Lost Dominion” (“Утерянное господство”), или в плохом немецком переводе просто “Verlorene Herrschaftsfähigkeit”, с поэтому мы настоятельно рекомендовали ее одному предприимчивому немецкому издательству для выпуска на немецком языке (К. Фовинкель. Берлин, 1924).

Мы должны также извлечь для

себя пользу из профилиппинской
деятельности Рассела,
дружественной Китаю
геополитической работы Рида и
Рассела, Саркара как поборника
паниндийского культурного
движения, равно как и из научной
пропаганды Советов.

Здесь содержится предостаточно
уроков, прямо или косвенно
пригодных для использования в
процессе отвечающей немецким
интересам работы в пограничных
областях, но извлечение этих уроков
требует, разумеется, большой
осторожности, знания местных
персоналий и реальных условий; и
как раз тут должна быть приведена в

действие геополитическая выучка.

Ибо для Германии уже давно недостаточно среднего результата, который, как мы полагали прежде, можно позволить себе в обучении нашей внешней службы, так же как и политических лидеров в этой области, — если Германия хочет надеяться вновь занять место, подобающее ей соответственно численности ее населения, а также культурным, военным и хозяйственным (но, увы, не политическим) достижениям среди народов, к которым [с.243] она теперь уже не относится из-за недостатка силы, пространства и самоопределения.

Посмотрите лишь на то, как ведущие умы угнетенных народов, переживающих сейчас мощный подъем, сформировались именно благодаря изучению народной психологии, геополитики, естественно-научным наблюдениям, исходя, казалось бы, из гуманитарных и определяемых волей начал — от лидеров Филиппин (Рисаль_), младоиндийцев (Саркар, Дас_, Ладжпат Рай_) и младокитайцев (Сунь, Ку, У, Чан)_____до геополитических воспитателей советской дипломатии в Азии; ибо Советы располагают здесь бесспорно весьма выдающейся службой наблюдения и подготовки

специалистов в области проблем границ, которую совсем недавно вновь отметили Свен Гедин (при обсуждении экспедиции полковника Козлова в Центральную Азию), а затем Эрих Обет и о которой свидетельствуют такие книги, как “Красная Гота” (“Rote Gotha”) (Ежегодник Коммунистического Интернационала по проблемам экономики, политики и рабочего движения) или вышедшая в Москве в 1924 г. книга Б.И. Доливо-Добровольского “Тихоокеанская проблема”.

В осознании того, что время геополитического устранения чересполосицы, нового

перераспределения силы на Земле с окончанием мировой войны не закончилось, а лишь началось, повсюду разворачивается лихорадочная геополитическая деятельность, затрагивающая как раз проблемы границ, как бы следуя крылатой фразе Шекспира: “Готовность — это все!” Мы должны в современном состоянии проблемы немецких границ в случае перемен почти ничего не потерять, зато вернуть очень многое. Ведь мы не решились бы приободрить себя однажды словами Франциска I, сказанными им после сражения при Павии: “Потеряно все, кроме чести!”

Именно честь была потеряна

прежде всего, и не в самой войне, а из-за способа, каким мы ее как народ в целом недостойно закончили, поверив вместе с введенным в заблуждение большинством, что свобода-де может возродиться в обновленном виде из покорности и дезертирства.

Уважение, честь и сила должны быть вновь обретены — именно положение дел в этой области отражают, подобно показаниям самого чуткого манометра, проблемы германских границ. Таковы блага, которые связаны не столько с материальным благополучием, сколько с ростом и возрождением в обширной народной среде

подорванных, отравленных и требующих обновления, но не поддающихся измерению ценностей народного духа; этому помогает и учит обозревающий мир геополитический способ рассмотрения с его отчасти устыжающими, а отчасти воодушевляющими возможностями сопоставления; он каждый раз ведет от сумеречного состояния [сознания] и незнания к знанию и по этому единственному пути — к политическому умению и воле, прежде всего к утраченной безопасности через преодоление самих себя, через свои границы и их проблемы. [с.244]

ПРИМЕЧАНИЯ

См. [примеч. 3. С. 153](#). [с.245]

См. [примеч. 18. С. 67](#). [с.245]

Рисаль Хосе (1861-1896) —

просветитель, писатель, ученый,
лидер

национально-
освободительного

движения
Филиппин. В 1892 г основал

Филиппинскую лигу — первую
национальную

политическую
организацию. Деятельность Рисаля

оказала большое влияние на
формирование

национального
самосознания филиппинцев. [с.245]

Дас Читта Ранджаи (1870-1925)

— видный деятель национально-

освободительного движения Индии, один из руководителей Индийского Национального Конгресса. [с.245]

Ладжпат Рай (1825-1928) — видный общественный деятель Индии, занимал ряд руководящих постов в Индийском Национальном Конгрессе. [с.245]

Т.е. Сунь Ятсен, Веллингтон Ку, У Пэйфу и Чан Кайши.

Сунь Ятсен (1868-1925) — китайский революционер-демократ, возглавлял борьбу в Китае против маньчжурской династии Цин. Под его руководством были созданы первые китайские революционные организации. В декабре 1911 г. был избран первым временным

президентом Китайской республики
В 1912 г основал партию Гоминьдан.
В 1917-1925 гг. возглавлял
революционное правительство
Южного Китая.

Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюнь) —
китайский дипломат, участник
конференции в Сан-Франциско (1945
г.) по разработке Устава ООН.

У Пэйфу (1878-1939) — видный
представитель китайских
милитаристов, обладавших реальной
властью в том или ином регионе
страны. В частности, У Пэйфу
представлял чжилийскую клику.

Чан Кайши (Цзан Цзешу) (1884-
1975) — китайский военный и
политический деятель,

генералиссимус, с 1927 г глава гоминьдановского режима в Китае. После окончания войны с Японией в 1945 г. развязал в стране с помощью США гражданскую войну. В 1949 г., после поражения, бежал на Тайвань, где был президентом Китайской республики. [с.245]

Павия — город в Северной Италии, у которого 24 февраля 1525 г., во время Итальянских войн 1494-1559 гг., войско императора Священной Римской империи Карла V разгромило армию французского короля Франциска I, который был взят в плен. [с.245]

ГЛАВА XXVI

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНО СЛОВО

Завершая размышления о будущем и заключительным словом исследование, которое наряду с научно апробированными и многократно подтвержденными, объективными констатаци-ями непременно содержит и некоторые

оценочные суждения субъективного свойства (если, конечно, целью данного исследования были сколько-нибудь полезные умозаключения, а не мнения типа “non liquet” или “ignorabimus”), автор чувствует прилив свежих сил и бодрости, обозрев с достигнутой им вершины собственный путь, видит, как другие, начиная свое восхождение с иных исходных позиций, все же достигают весьма близких результатов.

Речь идет прежде всего о толковании Фрайера, которое я, завершая настоящий труд, обнаружил в подтверждение своих идей в его содержательной и глубокой по смыслу книге “Der Staat”

(“Государство”):

“Увиденное извне (а государство должно быть рассмотрено здесь извне вовнутрь, ведь извне вовнутрь оно и строится!), государство есть не что иное, как замкнутая цепь, неотъемлемыми звеньями которой являются безопасные или обороноспособные границы, благоприятные гласисы, маршруты движения войск и военно-морские базы, укрепленные позиции и стратегические дороги, источники сырья, гавани, рынки и промышленные площадки, примирение интересов населения и взаимодействующие на основе разделения труда провинции...”

Найдя в движении мира
подтверждение своим
естественнонаучным и философско-
историческим взглядам у защитника
правовой идеи, и ученый,
занимающийся проблемами границ,
обретает утешение, поднимая завесу
будущего не спеша и терпеливо
бережной, ищущей мудрости рукой.
Поскольку честный научный поиск
имеет на это право, пытливый взор
глубже проникает от подобных
представлений к связям между
подвижными, все еще чреватými
конфликтами состояниями границ
человечества и чаяниями
Внутренней Европы; и здесь
обнадеживающая связь очевидна.

Подобно тому как из гигантского пожара так называемой мировой войны, пылавшего с 1914 г. до... (?), в других старых культурных областях Земли возникло и расцвело движение за самоопределение угнетенных, — этот побочный продукт войны, крайне нежелательный для истинных возбудителей [с.246] борьбы, — так и этот внеевропейский импульс мог бы, с другой стороны, содействовать избавлению от ига потерпевшей крах Внутренней Европы, сковывая действия тех, кто насилует ее границы.

Как мы теперь видим, именно в результате чрезмерной жестокости

договоров и принуждения с помощью
лукавой казуистики многие люди
фактически связывают свои надежды
на светлое будущее в огромной мере
с разрушением границ,
установленных несправедливым
насилием. И отсюда в условиях
общей угнетенности рано или поздно
между Советским Союзом, Китаем и
паназиатами, а также между другими
угнетенными, униженными,
эксплуатируемыми и каждодневно
оскорбляемыми народами возникает
чувство единения и как следствие
возможность совместных действий.

Даже такая одержимая
пацифизмом личность, спокойно
мирящаяся с сохранением

современного правового состояния
неслыханного унижения древних
крупных культурных народов,
недостойно стесненных в
пространстве, как поборник пан-
Европы граф Куденхове-Калерги,
категорически признает, что он и
представить себе не может, каким
образом должен сам собой, без
войны, решиться спор о
разграничении цветных и белой рас в
индо-тихоокеанском пространстве —
между столь густо заселенными,
испытывающими давление
резерватами людей и столь мало
заселенными, крайне нуждающимися
в людях резервными пространствами
Земли, как соответственно

муссонные страны и Австралия, или между тихоокеанским англосаксонством, империалистически наступающим на Тихий океан. Он только верит, что его пан-Европа — несмотря на обременительную принадлежность к ней бельгийской, нидерландской и французской колониальных империй — сможет остаться в стороне от этого спора. Но какое у нас, в подвергающейся непомерной эксплуатации Внутренней Европе, есть основание помогать своим молчаливым согласием сохранению во владении враждебных и безжалостных к нам эксплуататоров, запертых для нас заморских

эксплуатируемых земель, участвуя, скажем, в союзах, которые хотят увековечить такую несправедливость? Мы когда-нибудь предъявим миллионам людей, заинтересованных в крушении нынешней системы фиктивных границ, самые общие данные статистики и тогда увидим, сколь ужасающе велико численное превосходство таких людей, а следовательно, чем может обернуться подлинно демократическое волеизъявление по вопросам существующего распределения власти и пространства на Земле и их разграничений!

К по меньшей мере 75 млн. недовольных немцев присоединятся тогда 448 млн. из китайского народного государства, 320 млн. индийцев и 143 млн. жителей Советского Союза, 25 млн. населения французской колониальной империи в Индокитае и 55 млн. — нидерландской в Индонезии, 12 млн. филиппинцев, 4,5 млн. человек на Цейлоне, которые через большую часть [с.247] органов своего общественного мнения, на представительных международных конгрессах уже высказались о том, что они хотят изменить нынешнее состояние границ в мире. Но кроме названных миллионов, которые уже

сами по себе составляют большинство, даже великие державы современности пока что не решились, к кому им следует примкнуть в случае решающего столкновения. Это 85 млн. населения великой Японской империи, включая и 20 млн. корейцев, мнение которых следовало бы также спросить. На конгрессе в Брюсселе голоса Египта и стран Северной Африки были услышаны слишком отчетливо, чтобы они могли составить компанию блюстителям теперешнего состояния, так же как голоса Турции Кемаля-паши, Ирака с его неоднократно распускавшимся народным представительством из-за выражаемых им протестов, или же

Персии и Афганистана, получивших гарантии безопасности со стороны Советов_. Таким образом, хранители нынешних границ не могут апеллировать к мнению большинства малых и больших народов Земли, якобы допущенных к самоопределению, и им остается лишь ссылаться на правовой титул, силы, власти, на произнесенные кротким Спинозой грозные слова: “Quisquis tantum juris habet, quantum potentia valet”___. Но производит жалкое впечатление, когда тот, кто, сам пользуясь насилием, взывает о помощи к международному жандарму. А ведь, как нам известно, именно так поступали эксплуататоры

и угнетатели против тех угнетенных, которые в целях своей защиты от насилия прибегли к экономической силе оборонительной забастовки, как это происходило в 1925-1927 гг. в Китае, или к одному только “отказу от сотрудничества со злом” чуждой власти, как в индийском движении Ганди.

Впрочем, тот, кто всматривался в эти отношения, не прибегая к помощи очков, искажающих преломление света и краски, и узрел открывшуюся перед ним страшную несправедливость, должен будет признать, что просвет на горизонте, часто возникающий перед сильными грозами в качестве “false dawn”_, на

самом деле краснее, чем хотелось бы сегодняшним, носителям власти и хранителям границ на Земле. Во всем этом больше настроения заката мира (Weltuntergangsstimmung), когда хотят говорить о гарантиях взаимной безопасности (Rückversicherungen), взаимной защиты заурядности, к которым все больше склоняются разного рода политические партии центра в странах, где парламентаризм не является самобытным, выросшим на местной почве явлением.

Именно геополитически образованный должен констатировать, что те, кто особенно явно стремятся отвратить закат

Европы (Untergang des Abendlandes)_,
своей половинчатой позицией в
вопросах границ многое делают для
того, чтобы он произошел; и что
часто те, кто вызывают подозрение в
неслыханном радикализме, мнимые
сокрушители скрижалей, такие, как
духовные лидеры китайского Юга и
решительные поборники границ,
[с.248] смелые межевальщики между
национальным, народным,
берегущим границу и
интернациональным, упраздняющим
расовые различия, стирающим
границы между мировоззрениями,
вероятно, иногда вопреки их воле
способствовали тому, чтобы
благодаря справедливому

обновлению границ создать более устойчивую структуру будущего.

Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и к храбрым народам, укрепляя и обессиливая их подобно яду, заставляя их растратить и проспать унаследованное пространство и будущее собственных детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними, но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без усталости окликать их как сомнамбул до тех пор, пока они

не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы.

Еще более веское право на такой оклик и призыв, чем то, что дает сугубо научная работа в области проблем границ, человек обретает в случае, если в течение всей своей жизни он честно сражался за эти некогда протяженные и гордые границы своей народной общности не только в мирное, но и в военное время, не только пером и карандашом, но и оружием, на Востоке и Западе и самого себя уложил как скромный камень в массив рубежей собственного народа. И если бы этот народ каждого, кто дает ему добрый или

недобрый совет в вопросе о его границах, подверг испытанию, где же тот был, когда границы народа оказались в опасности, этот народ, вероятно, получил бы лучшие советы относительно географического и политического сохранения своих границ.

Прибавление к заключительному слову

Достичь полноты из-за обилия материалов невозможно, отсюда неизбежные в любой работе некоторые целесообразные ограничения уже при их отборе, а именно: какие из них должны быть использованы, а какие только названы или какие, при всем к ним внимании, оставлены в стороне.

И все же каждый должен попытаться создать заверченный собственный образ границ своей

государственной, народной и культурной почвы, даже если такой образ пригодится лишь строителям храма (Munster) грядущих времен!
[с.249]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.246) *Freyer H. Der Staat.*
Leipzig, 1925.

Неясно (лат.).

См. [примеч. 2. С. 111](#).

Имеются в виду советско-афганские договоры от 28 февраля 1921 г. о дружбе и от 31 августа 1926 г. о нейтралитете и взаимном ненападении, а также [с.249] советско-иранские договоры от 26 февраля 1921 г и от 1 октября 1927 г (последний — о гарантии и нейтралитете). [с.250]

“Право каждого простирается так далеко, как далеко простирается

определенная ему мощь” (*Спиноза Б.* Богословско-политический трактат // *Спиноза Б.* Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 203. Пер. с лат. М. Лопаткина). [с.250]

Ложная заря (*англ*) [с.250]

См [примеч. 1. С. 18](#). [с.250]

Панидеи в геополитике

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИКЕ ПАНИДЕЙ

Убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы,

широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве, становясь поддающимися описанию и реальными явлениями на просторах Земли в понятных, имеющих мировое политическое значение формах, даже если их предвозвестники категорично уверяют: “Царство Мое не от мира сего”__, как христианство, или же устремлялись к нирване”__, как буддизм.

Подобный опыт показывает нам, вплоть до сегодняшнего дня, по меньшей мере сквозь семь тысячелетий__, что человечество

нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе. И этот опыт можно рассматривать и изучать до известной степени как застывший, окаменевший, принадлежащий прошлому, не более как ожившие руины, а отчасти (и при этом гораздо больше, чем кажется на первый беглый взгляд) — как вполне еще жизнестойкие образования или жизненные формы будущего, способные воскреснуть из небытия и

даже искусно уклониться от пытливового вмешательства науки.

Но как ловко ценители панидей — дипломаты и государственные мужи затуманивают ради национальных в своей основе целей эти превращения. В тот момент, когда панидеи воплощаются на просторах Земли — и пусть это происходит в скромных формах родового наследства апостола Петра или нынешнего Ватикана, в исполнительных органах Второго или Третьего Интернационалов, Панамериканских союзов или объединенного всемирного государства, в протоколах Пантихоокеанского союза, в журнале

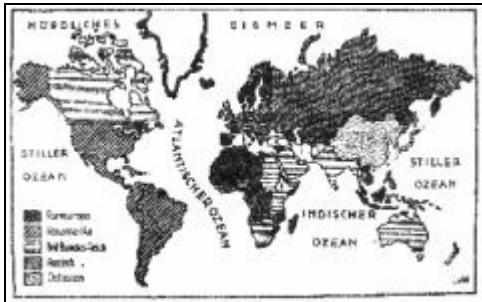
“Пан-Европа” с его точной картой мира на обороте, — они тотчас же становятся добычей науки о пространстве в ее применении к государственной оформленной воле, объектом геополитики, которая исследует определяемые Землей, происходящие на ее почве процессы при каждом воплощении власти (силы) в пространстве, ее разделении, перераспределении, динамике, даже если речь идет о влиянии идей и их носителей.

Итак, наряду с атрибутами политического величия на реальной почве (*auf dem Rücken der Erde*), руническими и межевыми (пограничными) знаками,

оборонительными сооружениями
наподобие [с.253] Великой
Китайской стены, наряду с воротами
и гербовыми колоннами (в
возведении которых особенно
преуспевали иберы — испанцы и
португальцы), наряду с рубежами
культуры, которые для скрытого
империализма более коварны, чем
осознавал кое-кто из их творцов
(ямен у китайцев___, купола
мусульманской мечети и
ортодоксальной [православной]
церкви, звонницы католических
храмов и пагоды буддистов,
монастыри-крепости, римские
дороги и акведуки), следовало бы
наблюдать прежде всего за земным

образом жизни, путями носителей панидей как вершителей власти на планете, дабы воздать должное их следам, их поступкам в настоящем и будущем. Из этого становится ясным далее, насколько широко возможно исследовать в столь сжатых рамках осуществимость панидей в политическом пространстве, их долговечность и их сущностные, обусловленные природой черты, зафиксировать их диапазон (Umrî?) в нескольких схемах, подтвердить документально, где ныне действующие панидеи размежевываются (abgrenzen) или пересекаются, каким ожидаемым возможностям они при этом идут

навстречу, и как можно шире показать, каким образом передовые борцы за эти идеи могли бы обойти опасности, вняв предостережениям геополитики, главная задача которой в предвидении без каких-либо оговорок (*prognose sine ira et studio*)_.

Разделение Панъевропейским союзом Куденхофе-Калерги земного пространства по панидеям (середина 20-х годов XX в.)

PanEuropa — пан-Европа

Panamerica — пан-Америка

Britbundes-Reich — Британская

федеративная империя

Russischbundes-Reich —

Российская федеративная империя

Ostasien — Восточная Азия

“Идите и научите все народы” —

таков лейтмотив Нагорной

проповеди, но, рассматриваемый с

точки зрения [с.254] геополитики, он

все же выражает и мысль о власти в

пространстве. Уже в прошлом эта

мысль отчетливо пересекается с

другой: “Tu regere imperio populos,

Romane, memento!” И такие

категорические императивы панидей — из-за которых те обе, однако же, скрещивали мечи в двухтысячелетней борьбе духовного и светского__в Центральной Европе — пересекаются, сталкиваются, заполняют становящееся все более тесным пространство, хотя их созидатели ходили босыми, лишь с нищенской сумой в монашеском облачении, как Будда, или же как мечтательные подпаски с посохом, подобно основателю мировой империи Ирана__. Впрочем, монах-император Ашока__, прежде чем изменить свои убеждения, вел кровавые миссионерские войны; а радующийся миру граф Куденхове-

Калерги, украсивший свой журнал *картой пан-Европы*, в [первой] мировой войне по меньшей мере был равнодушен к подавлению движения многих миллионов за самоопределение. Однако если мы попытаемся рассмотренные в таком свете панидеи прошлого, протекавшие процессы их инкарнации (воплощения) отделить от таковых в современной жизни, то узнаем, сколь жизнестойки однажды осуществленные панидеи, так что совсем немногие следует считать отмершими, но даже и в этих случаях вовсе нет уверенности в том, что они не возродятся в новых движениях, имеющих политическое значение для

всего мира. Разве мы не видим, что не только Ленин, но и граф Кайзерлинг_преисполнены гордости тем, что в них есть частица татарской, урало-алтайской крови, что их влекут в прошлое притягивающие связи с Батыем и Чингисханом? Разве мы не находим в достопочтенных новых атлантах Монгольского народного государства гордость за прародителей — евроазиатские Монгольские империи отзвучавшего средневековья? Разве мы не видим, как обретает новую жизнь в русской, европейской, а также в китайской и индийской литературе великий завоеватель, первый создатель паназиатской

мировой державы Чингисхан? Вместе с тем нам следует чуть помнить об обновлении ликторской связки (fascio)_в некоем третьем Риме!

Мы видим, что почти все панидеи прошлого — и среди них многие появившиеся задолго до святилища панэллинского (т.е. всегреческого) Зевса, который подарил нам путеводное слово, — как-то действенны и по сей день. Это панидеи, возникшие на основе религиозных верований Передней и Средней Азии, как идеи мировой державы Ирана, панидеи эллинизма_, Рима, монголов, иберов, англосаксов, китайцев. Разве мы не узнаем без

труда их продолжающееся действие в примирении церквей____, в панисламизме__, в движении за Великую Испанию и латинизацию_, в панславизме__и в движении за Великую Британию. Даже огни жизни древних восточноиранских связностей (Zusammenhangen), — столь чудовищно растоптанных монголами, — вновь тянутся вверх, подобно индонезийским, к рунам которых в диаспоре принадлежат такие выдающиеся памятники культуры, как Ангкорват и Боробудур . При этом [с.255] мы признаем “панидеями” только те, которые, — возвысившись *над* откровенно завоевательским и эксплуататорским

мышлением, — выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически *ко всем*, а не только к одержавшему верх господствующему слою. В число этих идей следует включить и пангерманскую как наиболее умеренную и подивиться тому, насколько она мало наступательна в сравнении с другими панидеями.

Ведь ее все же никогда не осеняла мысль, которую сегодня многие из находящихся на переднем плане панидей с редкой непринужденностью считают само собой разумеющейся, а именно объединить целые континенты или

части Света под знаком известных путеводных воззрений в области культуры, власти и экономики.

С того момента, когда после завершения [первой] мировой войны стало известно, что столь страстно желаемая многими идеалистами консолидация всей планеты в едином сообществе народов — даже в столь шаткой и бессильной структуре, как женевская [т.е. Лига Наций], — не удалась (поскольку в ней отсутствовали две основные жизненные формы — Соединенные Штаты Северной Америки и Советский Союз, а еще больше власть и воля к подлинному равноправию ее членов и к

действенной защите меньшинств), на переднем плане вновь появилась исподволь осуществленная еще в 1900 г. в Австралии мысль об объединении одной части Света в качестве промежуточной ступени к фактически еще не созревшему подразделению (Durchgliederung) структуры всей Земли.

Но при этом быстро обнаружились две очень большие трудности, а именно то, что отдельные части Света, крупные материковые ландшафты в ходе своего развития совершенно поразному преуспели на пути к этой цели и что прежде всего представленное еще Ратцелем в

столь ярком свете континентально-океанское противоречие заставило считаться с собой.

Из больших традиционных “частей Света” (имеется множество новых классификаций, и среди них предложенные Э. Банзе__, но не вошедшие в обиход) уже однажды оформлялась пан-Азия, но затем распалась. Пан-Австралия еще в 1900 г. консолидировалась в Австралийское сообщество (Commonwealth), однако без своего океанского дополнения (Новой Зеландии)__, на которое сильно рассчитывали при его создании, конструкция получила мнимое равновесие и оставалась столь

неудовлетворительной, что у порога всенародное голосование по поводу ее перестройки. Пан-Африка все еще стояла на перепутье и зависела прежде всего от вопроса расовой эмансипации. Пан-Америка располагала международно признанными основными образованиями, но с 1900 г., похоже, бездействовала. Пан-Европа была сокровенной мечтой. Однако именно между этой сокровенной мечтой и возможностью ее осуществления вклинились в качестве парализующей силы морские панидеи, носители которых [с.256] предстали как прочное следствие былого морского всемирно-

политического образования вокруг романского Средиземноморья — средиземноморской Римской империи, а позже ислама, и устойчивое присутствие морских панидей крупных островных народов и островных государств — англосаксов и японцев, равно как и паназиатские связи Советов и сопредельных с ними государств. Не только в Срединных морях Земли, а именно в романском, где панидеи составляли существенное содержание того, что мы так долго называли всемирной историей, в американском, где Соединенные Штаты защищают свою более скромную морскую панидею (наряду

с крупной тихоокеанской), в австрало-азиатском, где панмалайская идея восстала против колониальных держав, но и в океанах они уже отчетливо набросили свои пересекающиеся тени, вступив в борьбу с континентальными образованиями.

При этом три океана проявляли себя по отношению к образованиям панидей совершенно по-разному. В *Атлантическом океане*, который долгое время во многих случаях был разделяющим рвом мировой политики, четко определились меридиональное и широтное размежевания: раздел Север — Юг между англосаксонскими, исконно

северогерманскими и иберийскими коренными и колониальными народами (Stamm-und-Kolonialvolker) (где Запад противостоял колониально-политическому образу действия посредством мятежей, доктрины Монро, панамериканских идей, но дополненных умной культурной политикой) и проходящая с Востока на Запад демаркационная линия (Scheidemark) германо-иберийского раздела. В *Индийском океане*, где, “оседлав” муссоны, впервые с транспортно-технической точки зрения осилили трансокеанский переход крупного моря (правда, Ратцель был склонен считать его лишь “полуокеаном”), на

более ранние малайскую и арабскую панидеи наложились ныне британская, за которой, однако, становится уже осязаемым индийское притязание на Восточную Африку как “Индийскую Америку”, проникшее при завершении мировой войны в казавшуюся осуществленной британскую империю Индийского моря. Напротив, в *Тихом океане* образовался искусственно вызванный к жизни, но значительный, в основном культурно-политический Пантихоокеанский союз в качестве будущего инструмента осуществления своей панидеи. Но как раз рассмотрение и культурно-политическая оценка этой

крупномасштабной синтетической панидеи самого большого моря — самого огромного географического пространства Земли, одной из всеобщих географических категорий всей ее совокупной поверхности — невольно приводят нас к выводу о пересечении панидей, порожденных не нашим временем, но действующих в нем в полную меру. Ведь и пантихоокеанской идее, которая кажется нам сегодня несколько искусственной в сравнении с естественной и традиционной мощью паназиатской, уже более четырехсот лет. Ее общее торжество вокруг “своего моря” началось в тот день св. Михаила 1513 г., когда

Нуньес де Бальбоа____, перейдя Панамский перешеек, вышел [с.257] к Тихому океану с кастильским флагом, чтобы захватить это море как монопольное испанской короны. Бальбоа сознательно совершил смелый прорыв в будущее ради империи, над которой никогда не должно было заходить солнце, однако его панидея продержалась в Великом океане лишь одно поколение — затем она была нарушена британским мореплавателем Дрейком_в 1578 г. и его последователями.

Создание опорных владений в зоне Индийского океана

Unmittelbarer Besitz — прямое
(непосредственное) владение,
Schutzstaaten u.s.w. —
государства, которым оказывается
ПОМОЩЬ и т.д.

Einflußgebiet, Interessensphären,

Mandate u.s.w. — область влияния, сферы интересов, мандаты и т.д.

Wieder verloren oder aufgegeben
— снова потерянные или признанные таковыми

И все же именно во взаимосвязи паназиатской и пантихоокеанской идей еще больше, чем в связи пан-Европы с какой-нибудь другой панидеей, которая пересекается с мечтами панъевропейцев (вроде панмалайской, евразийской панславизма, великобританской, пананглосаксонской), мы наблюдаем важное, геополитически действующее различие панидей, разделяющее их на *эволюционные* и

революционные. Очевидно эволюционные черты несут в себе, например, пантихоокеанская и в меньшей степени, в противовес ее колониально-испанскому происхождению, современная панамериканская идея, а также большинство “наднациональных” объединительных взглядов, исходящих от островных народов и островных государств. Исключение составляет вновь возродившееся вследствие гнета панмалайское движение, которое может стать эволюционным, лишь склоняясь к идее [с.258] “Великой Японии”, а революционным — обрета мощную поддержку направляемого из

Москвы, а также Китая и Индии революционного паназиатского движения, питаемого антагонизмом в положении цветных и белых в мире, — т.е., например, выступающего за “пан-Африку африканцев”, против “белой Австралии”.

Антагонизмы континентальных и морских панидей и таких, которые надеются скорее посредством преобразования (метаморфоза) или скорее катастрофы (краха) достигнуть своих целей в пространстве, часто ведут к параллельным, но несовпадающим действиям. Поскольку панидеи разветвляются во многих

направлениях, становится, следовательно, необходимым исследовать географическими методами отдельные из них в связи с их политическими инструментами и лозунгами, сопоставив не только во всемирном масштабе, но и в отдельных, по возможности чистых экспериментальных полях.

В качестве средства для такого исследования панидей напрашивается непосредственно вызванная ими к жизни литература, а также сочинения противоположного толка, которые каждую из них стараются тотчас же освободить от пут. Некоторые панидеи располагают сводными программами,

изложенными в таких журналах, как “Pan-Europa”, или “Pacific Affaris” Пантихоокеанского союза, или “Новый Восток” (Москва), “Young Asia”, или в книгах, кои самими соответствующими движениями рассматриваются в качестве своего священного писания, например труд Н.Я. Данилевского “Россия и Европа” — “библия” панславизма или книга Б.К. Саркара “Futurism of Young Asia”. Другие же программы приходится терпеливо искать в протоколах различных конгрессов и движений.

Зачастую для превентивных мероприятий существуют ангажированные оппоненты, коим

обязаны глубоким проникновением в суть пандвижений, как Лотроп Стоддард, автор книги “New world of Islam” (“Новый мир ислама”)—, как те представители паназиатских связностей, которым, например, панъевропейская мысль представляется попыткой колониально-империалистической перестраховки. Более редкими стали спокойные и объективные изложения, в свое время апробированные панамериканским движением (характеристика Зиверсом (1900) его важного инструмента — трансамериканской железной дороги) или Лигой Наций благодаря Говарду Эллису (1928)—.

Литературный уровень свидетельств, характеризующих геополитику панидей, весьма различен: от вершин мировой классической литературы вроде увещеваний Рабиндраната Тагора, который, находясь в Токио, призывал Японию не изменять [с.259] своего азиатского облика, паназиатского письма Сунь Ятсена к Инукаи [27](#), книги Гриффита Тейлора “Environment and Race” (“Окружающая среда и раса”) [vii](#) до безудержного потока листов. И здесь, чтобы отделить истину от фальши — как я попытался это сделать в отношении паназиатского и пантихоокеанского движений и их

физических основ viii, — требуется постоянное наблюдение за силовым полем, где опасные для жизни сверхнапряженности (Hochspannungen) иногда посылают свои разряды друг против друга в совершенно неожиданных направлениях.

Попытка привлекательна, но не безопасна, не легко достижима. И все же она должна стать постоянной, чтобы нас не застали врасплох разрушающие культуру взрывы. Ибо нужно знать, включаются ли ныне эти уже фактически существующие промежуточные образования между “империей”, трансформированной в государство “народностью”, нацией

и мировым сообществом — Лигой Наций в качестве моста или препятствия. Но общее представление об этом можно получить, если бы в геополитической критике современных панидей с такой безучастностью, какая вообще возможна лишь при чисто политико-географическом наблюдении за земной поверхностью, исследовались условия и возможности их существования в пространстве с всеобщей точки зрения — сухопутной и морской. Даже такое интересное и умное исследование, как научный трактат Карла Штруппа , не имеющий

географического фундамента, подвергается опасности, ибо принимает в расчет лишь словесные конструкции и мечтания сторонников некоторых панидей, а не их земные возможности. Однако заслугой Штруппа — автора работы “Worterbuch des Volkerrechts” — остается то, что большинство панидей в его собрании ключевых терминов воспринимались как животворные и поистине творческие силы и были разработаны с такой тщательностью, как это позволяли динамически активное, проникнутое страхом (Woolf. “Revolt against Europe” — Вольф. “Мятеж против Европы”); проблема цветного

населения) и волей к борьбе (Москва; Университет имени Сунь Ятсена)_, осязаемое рабочее поле и опытный образец (Versuchsstuck).

Кто соприкоснулся со становлением борьбы хотя бы одной-единственной среди крупных панидей нашего времени, тот знает, что объективное изложение, достижимое в других областях знания, в данном случае было бы возможно, если описать эту идею чисто ретроспективно, отступив от ее состояния примерно на десять лет (как это фактически имеет место во многих географических и страноведческих работах) и отказавшись от важнейшего — от

взгляда на ее возможность
воздействовать на настоящее и через
определенные ступени на ближайшее
будущее. [с.260]

Именно такое геополитическое
рассмотрение панидей непременно
открывает взгляд на механизм,
силовые линии и экспериментальные
поля *нашего века*, нашего времени —
и тогда предстает в движении
сложная картина связанных, а не
отдельных изолированных событий
— и встает извечный вопрос о
родившемся вместе с нами праве.
Такое рассмотрение панорамы
находящегося на полном ходу
машинного зала — удел не каждого;
кто был приучен к статической точке

зрения, тому такой откровенно выраженный динамический подход покажется не совсем удобным. Однако именно естественные, успешно вырастающие на почве, обусловленные природой основные черты и направления — это и есть то, что остается, более того, укрепляется и сызнова позволяет составить представление о пространственных возможностях определяемых волей маневров. Итак, именно в таком способе рассмотрения я усматриваю единственно возможный противовес обманчивому, путаному — часто из лучших побуждений — потоку речей и словесному камуфляжу, которые

сознательно или неосознанно
затуманивают как тенденции, так и
очертания панидей. Поставив
воздушный замок из бумаги на
твердую почву, мы должны не только
направить на него искусственный
свет, но и подвергнуть его буре и
грозе — устоит ли он в
пространстве, столкнувшись с
иными делами, — лишь тогда можно
проверить его способность
противостоять напору и давлению,
имеющуюся или отсутствующую
оборонительную энергию в качестве
промежуточного сооружения между
народным духом (Volkheit) и Лигой
Наций! [с.261]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.253) Ин. 18:36.

(с.254) Мф. 28:19.

(с.259) *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.

(с.259) *Sarkar B.K.* The Futurism of Young Asia. Berlin, 1922.

(с.259) *Stoddard L.* The New World of Islam. New York, 1928.

(с.259) *Ellis H.C.* Origin. Structure and Working of the League of Nations. London, 1926.

(с.260) *Taylor G.* Environment and

Race. London, u. Oxford, 1927.

(с.260) *Haushofer K.* Das erwachende Asien // “Suddeutsche Monatshefte”, 1926. Munchen; *Idem.* “Geopolitik des Pazifischen Ozeans”. II. Aufl. Berlin, 1928.

(с.260) *Strupp K.* Panismus // “Frankfurter Zeitung”. 7.III.1927; “Pan-Europa”. VI.1929.

У буддистов нирвана — чудное, бесконечное, благословенное место, где нет ни страданий, ни смерти, ни увядания, — место спасения и успокоения. [с.261]

Следует иметь в виду, что археологические и лингвистические изыскания, современная методика научного исследования значительно

отдалили в глубь тысячелетий время
сложения цивилизаций. [с.261]

Светское государство пап —
Папская область, или Вотчина
святого Петра (Patrimonium Petri), —
возникло в 756 г., когда франкский
король Пипин Короткий передал во
владение папе Стефану II
территорию в центре Италии. В
период своего расцвета оно включало
около / итальянских земель. Папская
область как монархическое светское
государство просуществовала более
одиннадцати веков; была
ликвидирована в 1870 г. в процессе
объединения Италии, когда Рим стал
столицей нового государства. С тех
пор возник так называемый римский

вопрос — конфликт между
Ватиканом и Итальянским
государством из-за владений пап.
Как уже упоминалось, конфликт был
урегулирован лишь в 1929 г.
Латеранскими соглашениями,
предусматривавшими образование на
территории Рима суверенного
государства Ватикан. [с.261]

Панамериканский союз был
создан в 1910 г.; с 1948 г. выполняет
функции административного
аппарата Организации американских
государств. [с.261]

Флаг, отмечающий резиденцию
мандарина. [с.261]

“Предвидение без гнева и
пристрастия” (лат.). [с.261]

Нагорная проповедь — проповедь, которую, по преданию, произнес Христос; совокупность нравственных принципов христианской религии. [с.261]

“Помни, ты вершишь власть над римским народом” (*лат.*). [с.261]

По понятиям феодального средневековья, духовный меч — это наднациональный и всеевропейский авторитет “церковь”. В теории “двух мечей” нашли [с.261] отражение основные принципы папской теократии, сформулированные папой римским Григорием VII (между 1015 и 1020 — 1085). Согласно этой теории, папству должна принадлежать не только высшая

духовная власть в мире, но и высшая светская власть. [с.262]

Речь идет об основателе династии Ахеменидов Кире Старшем (? — 530 до н.э.), происхождение которого окутано легендами. Согласно одной из них, он, хоть и царский сын, был подкидышем, воспитанным пастухом. [с.262]

Как уже упоминалось, Ашока — правитель государства Маурья в Индии, вел борьбу с брахманами. Их господству и авторитету нанес сильный удар, объявив государственной религией буддизм. [с.262]

См. [примеч. 2. С. 200](#). [с.262]

Ликторская связка (fasces) —

пучок розог, обвязанный ремнями с секирой посередине, который носили ликторы на левом плече как символ власти в Древнем риме [с.262]

Здесь, вероятно, имеется в виду Италия времен фашистского диктатора Муссолини, который мечтал возродить “Великую Римскую империю” с ее претензией на мировое господство. Итальянские фашисты, исходя из такой “философии истории”, предстали перед современниками с внешними символами и атрибутами Древнего Рима: салютование поднятием вверх правой руки, римский боевой клич “Эйялла”, дикторские знаки,

римское обозначение боевых единиц — легионы, когорты, манипулы, центурии и т.д. Своеобразное значение в фашистском лексиконе приобрело слово “Рим”, фашисты употребляли его не только и не столько в смысле “Рим — столица Италии”, сколько “Рим — столица европейской и мировой цивилизации”. [с.262]

См. [примеч. 6. С. 19](#). [с.262]

В 1054 г. единство христианского мира было нарушено религиозным расколом, католическая церковь стала подчиняться папе римскому, а православная церковь — византийскому патриарху Османские

завоевания и взятие Константинополя турками углубляют это разделение, которое сохраняется и по сей день. Вероятно, автор имеет в виду великий раскол между папствами в Риме и Авиньоне (1378-1417). В результате этого раскола христианская Европа разделилась на две части Испания, Португалия, Франция, королевство Неаполь и Шотландия поддерживали авиньонского папу, другие — папу в Риме. Констанцский собор (1414-1418) решил вопрос о расколе церкви. [с.262]

Панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о

“единстве” мусульман всего мира и необходимости их сплочения в едином мусульманском государстве. Оформился в конце XIX в. [с.262]

Вероятно, имеется в виду создание государств крестоносцев на Востоке по феодальному образцу Западной Европы. Так, участники четвертого Крестового похода основали на завоеванной ими территории Латинскую империю (1204-1260). Эти государства распались под ударами турок. [с.262]

Панславизм — так в Австро-Венгрии и Германии начиная с середины XIX в. называли идеологию западных славян, боровшихся за освобождение из-под

власти турок и немцев, а также действия России в поддержку национальной независимости болгар, сербов, чехов, хорватов, словаков. В современной интерпретации это идея славянской культурно-политической взаимосвязи, находящая выражение в различных концепциях политической философии. [с.262]

Боробудур — буддийский храм на Яве, время его закладки относят к концу VIII в. [с.262]

Многочисленные движения или течения во всемирной истории, в названии которых есть частица “пан-” (от *греч.* — все), употребляемая в сложных словах для

обозначения явления в целом, неоднозначны как по форме, так и по содержанию. Отсюда широкая возможность их оценки и истолкования различными исследователями в зависимости от личных взглядов и убеждений, от желания акцентировать внимание на том или ином аспекте данного пандвижения, ведь оно, как всякое социально-политическое явление, может включать и позитивные и негативные элементы.

Такой подход отчетливо проступает и в рассуждениях Карла Хаусхофера, который осуждает одни пандвижения и позитивно оценивает другие без достаточных на то

оснований, а порой и вопреки очевидной истине. Немецкий геополитик, бесспорно, прав, отрицательно оценивая доктрину панамериканизма. Действительно, [с.262] ее основу составляет ложный тезис о не существующих в реальности географической, экономической и культурной “общности” и “единстве” всех стран Американского континента. Такие “общность” и “единство” в истории Американского континента, где сложились и сосуществовали не одна, а несколько цивилизаций, были и остаются фикцией. Доктрина панамериканизма — не что иное, как политический инструмент

Вашингтона. Примечательно, что
организационный центр
панамериканизма —
Панамериканский союз,
выполняющий функции
административного аппарата так
называемой “Организации
американских государств”, находится
в Вашингтоне.

В ином свете предстает,
например, паниндийское движение,
которое способствовало
консолидации национально-
освободительных сил и сыграло свою
роль в завоевании Индией
независимости. Следует заметить,
что паниндийское движение
Хаусхофер рассматривает с точки

зрения глобальных интересов Германии в ее соперничестве с Англией, обладавшей в то время огромной колониальной империей, на развал которой делала ставку Германия в стремлении укрепить свои позиции в мире.

Когда же речь заходит о пангерманизме, то здесь очевидно откровенное стремление Хаусхофера выдать желаемое за действительное. Он не жалеет красок, чтобы придать привлекательный образ движению, которое за время своего существования в полной мере доказало свою шовинистическую, агрессивную сущность.

Пангерманизм — зародившаяся

в конце XIX в идеологическая доктрина внешней политики Германии, направленная на включение в состав империи “добром или силой” всех земель, где в той или иной мере существовали германские элементы населения. В колониальной политике пангерманцы стремились к созданию большой германской колониальной империи в Африке и Южной Америке.

Организационным центром идеологии пангерманизма стал “Пангерманский союз” (1891-1939), членами которого были видные парламентарии преимущественно консервативного направления,

профессора из числа национал-либералов, юристы, промышленники, генералы и офицеры. Членами Союза являлись основоположники геополитики Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен. Союз финансировался крупными металлургическими фирмами. Его пропаганда постепенно захватывала все более широкие круги.

Союз требовал создания обширной германской колониальной империи, призывал к переделу колоний, рекомендовал начать с малых держав (Португалии и Бельгии), но не останавливался перед захватом колоний Англии и Франции, ограблением и

расчленением России, захватом Прибалтики, Украины и Кавказа. В Европе Пангерманский союз интересовали Скандинавия, Голландия, Дания и часть Швейцарии, которые должны были стать частями Германской империи. Пангерманцев особенно привлекало побережье Па-де-Кале по соображениям стратегическим и железорудные бассейны Брией и Лонгви по соображениям экономическим. Их аппетиты распространялись также на Бельгию и Францию. Пангерманцы советовали не обращать внимание на такие “мелочи”, как международное право, торжественное признание

Германией нейтралитета Бельгии, призывали не церемониться с доктриной Монро, требовали превращения Португалии в немецкую колонию, а междуречье Тигра и Евфрата — в хлопковую провинцию Германии. Притязания пангерманцев затрагивали интересы народов Балканского полуострова, которые должны были стать ее вассалами. Союзную Австро-Венгрию предполагалось объединить с Германской империей. Вместе с Балканами она должна была стать мостом в Турцию, по которому пройдет пресловутый “Drang nach Osten” — “Натиск на Восток”.

Иными словами, Пангерманский

союз занимался активной
пропагандой империалистической
экспансии Германии Неудивительно,
что из арсенала пангерманцев
гитлеровцы заимствовали многие
идеи. [с.263]

Банзе Эвальд (1883-1953) —
немецкий географ и военный
писатель. В 1912 г. опубликовал свои
соображения по поводу
географического деления земной
поверхности. Новый подход был
продиктован стремлением
установить такие крупные области
(Erdteile), в которых географической
среде отвечала бы культурная
индивидуальность. Так, для
“Ориента” (Ближний Восток и

Северная Африка) критериями, согласно Банзе, служат “степи” и ислам, для Монголии — [с.263] не только степной и пустынный характер природы, но также расовые и религиозные признаки В результате получилась эклектичная система, научная ценность которой весьма сомнительна Банзе один из первых среди немецких географов принял нацистскую доктрину Одна из основных работ Банзе — “Пространство и люди в мировой войне”, где он воспевал культ войны. [с.264]

26 сентября 1907 г. британская колония Новая Зеландия получила статус доминиона. [с.264]

Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. Ее суть выражается в формуле “Америка для американцев”. В первой половине XIX в. доктрина Монро имела оборонительный характер и была направлена против какого бы то ни было вмешательства европейских государств, объединенных в Священный союз, в дела Американского континента. Вступлением в первую мировую войну США порвали с одним из руководящих принципов доктрины Монро — невмешательством в дела

Европы. [с.264]

Бальбоа Васко Нуньес (1475-1517 гг.) — испанский мореплаватель-конкистадор. В 1513 г. первым из европейцев пересек Панамский перешеек и открыл Тихий океан. [с.264]

Дрейк Фрэнсис (около 1545 — 1595 гг.) — легендарный английский мореплаватель и пират. Совершил второе после Магеллана кругосветное путешествие (1577-1580 гг.). [с.264]

Министр Японии. [с.264]

В 1925 г. Советское правительство приняло решение (в рамках сотрудничества с Гоминьданом) об учреждении в

Москве Университета имени Сунь Ятсена. Это учебное заведение готовило прежде всего кадры политических работников-революционеров. Отбор будущих слушателей всецело доверялся китайской стороне. На открытии Университета в ноябре 1925 г. выступил Троцкий, проявлявший интерес к китайской революции как практической попытке осуществления “перманентной революции”. Первым ректором Университета был К. Радек, читавший там лекции по истории китайской революции. Известно, что осенью 1926 г. перед слушателями выступали Троцкий и Сталин, между

которыми возникла дискуссия о характере китайской революции. По Троцкому, на повестке дня в Китае стояла социалистическая революция, по Сталину — буржуазная. Исходя из разных посылок, ораторы формулировали исходные принципы. Троцкий считал необходимым разрыв с Гоминьданом, Сталин — сотрудничество с ним. Университет функционировал до 1930 г. [с.264]

ГЛАВА II

ПАН-АЗИЯ — ЕВРАЗИЯ — ПАН- ЕВРОПА

Прочитавший этот заголовок может по праву возразить: ведь пространственно-исторический анализ возможности осуществления панидей на реальной почве должен в сущности принимать во внимание традицию изображения пяти привычных частей Света, тем более что она последнее время

оспаривается Банзе, Обетом, политической сектой евразийцев и др.

Фактически уже с 1900 г. мы находим первую в государственно-правовом смысле консолидированную часть Света — Австралию, первую претворенную в жизнь континентальную панидею лишь в этой пятой части Света, следовательно, вне рамок так называемого Старого Света, равно как и первую организованную на основе международного права пан-Америку. Однако так называемому Старому Свету до сих пор не удалось прийти к схожим устойчивым объединениям, и прежде всего

потому, что от его оспариваемых
переходных ландшафтов по окраине
восточной части романского
Средиземноморья исходит
пространственно-политическая
борьба панидей, бросающая из
прошлого свои тени на нынешние
возможности образований. Эти тени
падают сюда от первых схваток
между сухопутной
(континентальной) и морской
(океанской или, вернее,
талассийской)_панидеями, а именно
от первого паназиатского рывка
(Anlauf) к Персидской мировой
империи и от первой хотя еще и не
панъевропейской, но все же
панэллинской оборонительной

борьбы, которая затем в противодействии идее господства на море некоей восточно-средиземноморской державы переросла в блеск походов Александра Македонского и расцвет эллинизма, затем мировой Римской империи с сильной эллинистической основой.

При этом мы — вопреки нашему собственному убеждению — были несколько щедры с обозначениями “мировая империя”, “часть Света”, потому что не у нас, а у большинства европейцев все еще преобладает и поныне устаревшее, ложное понятие так называемой европоцентристской всемирной истории,

ограничивающейся в сущности лишь историей Средиземноморья, тогда как следовало бы видеть и обозревать мир, взятый в целом. В таком случае масштаб панидей древности — несмотря на их принципиальное значение и влияние вплоть до сегодняшнего дня — существенно уменьшается. Но это принципиальное значение создания некоей первой теории панидей, как и влияние на наше время, все же имеет своим истоком их первое столкновение в регионе переходного ландшафта между Азией и Европой — персидские войны. Именно в его ходе возникли — подобно судьбоносному слогу “пан” для

обозначения народного [с.265] духа и
земного пространства — первые
основные понятия, связанные с
осуществлением панидей,
складыванием самоуправных
(eigenwilligen) государственно-
политических образований — от
свободного государства типа
греческого полиса до действующих
на основе международного права
союзов, консолидации гетерогенных
культурных кругов (как шумеро-
месопотамский, египетский, индо-
серийский_____, иранский) в
монархические пространственные
образования с общим
коммуникационным и
государственным правом, как в

Персидской мировой империи. Пусть останется ей поэтому гордое название первой мировой империи, ибо она первая соединила друг с другом три главных исторических народных ядра человечества — европейское, индийское и восточно-азиатское, хотя и лишь путем контактов с окраинными землями и преходящим включением окраинных ландшафтов.

По сути дела некоторые основные процессы, еще и сегодня создающие главную трудность для оправданного разделения или для более глубокой связи на пути движения идей — пан-Азия — Евразия — пан-Европа,

обнаруживаются уже в фундаменте Персидской империи и ее культурного круга: не преодолимые ее динамикой и статикой, взорвавшие в конце концов ее союз силы. Когда позже эллинизм выступил в рамках этой великой империи в роли преемника власти и (согласно “Законам пространственного роста государств” Ратцеля) должен был на ее почве обосноваться и ей уподобиться, тогда панэллинскому Зевсу пришлось не лучше, чем ранее великому монарху Ирана. Античная техника коммуникаций была недостаточной для устойчивого закрепления огромных пространств, и гений Александра Македонского

распылился, — найдя, разумеется позже, причудливое историческое возрождение в идеях ислама о власти и в македонском вопросе. Правда, его македонцы имели мало общего с их нынешними славяно-болгарскими наследниками в центральном балканском ландшафте_. И тем не менее эти последние живут в отблеске первого, довольно-таки брэнного соединения Ату и Эреба_в некоей евро-азиатской панидее, так что ее полемическое произведение “La Macedonie” (“Македония”) воспринимается с большим благоговением, чем его обычно проявляют балканские меньшинства. Здесь первый луч света падает на

призрачное вторичное появление
кажущихся мертвыми панидей в
современной истории и — в
хвалебных песнях (Kant).

Но обольстительный блеск
образа самого великого македонца
(который еще и сегодня обеспечивает
македонскому вопросу большее
международно-политическое
внимание, чем то, каким, например,
пользуется украинский, несмотря на
огромное различие между обоими,
учитывая численность и силу
[соответствующих народов], кроется
обоснованно в том, что в своем
крайне преходящем
пространственном творении
Александр Македонский соединил

то, что пространственный инстинкт его времени признавал несовместимым на длительный срок с техническими средствами античности: центральный ландшафт обширной степи [с.266] и периферийное восточно-средиземноморское побережье и островной мир эллинов — две разноустремленные пространственные стихии, и что он устранил третью пространственную стихию — властителем которой не стали ни центральный Иран, ни периферийная Средиземноморская империя и от которой для обоих позже пришла гибель из-за гениального заблуждения на двух

окраинах — на Дунае и Яаксарте_, — так что эта стихия, а именно зона сармато-скифских невосприимчивых к образованию и порядку странствующих бродяг, не повредила его ставшей эфемерной панидее!

Однако в ее неприязненном отношении как к периферийной Европе, так и к способной к образованиям Центральной Азии, ко всем прочным, длительным связям враждебной по форме стихии таится исходный пункт того, что в XIX и особенно в XX в. имеют обыкновение понимать под евразийским движением. Собственно говоря, необходимо различать великоевразиаатскую и

младоевроазиатскую (евразийскую) точки зрения. К первой следовало бы отнести ту, которая рассматривает Европу всего лишь как одну из важнейших крупных структур, полуостров-колыбель народов наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией. Эта точка зрения обнаруживается многократно представленной в паназиатском движении, а также в весьма крупнопространственных воззрениях из сферы Советского Союза — и она лежит в основе предостережений тех географов, которые полагают, что значимость Европы как части Света вовсе не в документально подтвержденном пространстве, а в ее

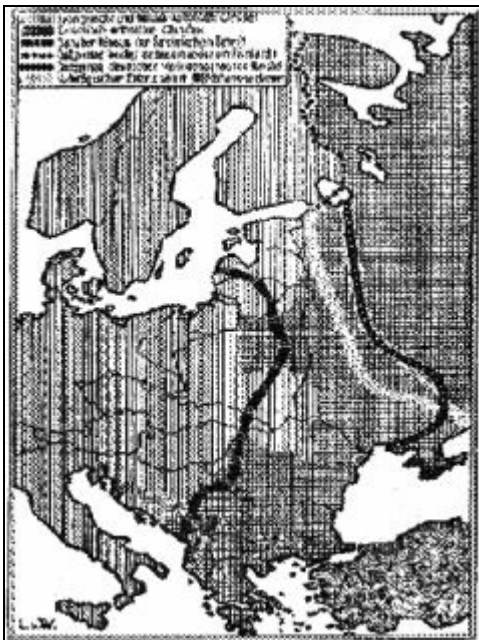
способности постоянно обновлять полученное наследство, имеющее духовную устойчивость.

Собственно евро-азиатская школа “евразийцев” прежде всего отсекает Россию от Запада (Abendland) и устремляет взор на Восток, следовательно, желает по-иному провести границу Европы, а именно не по Уралу или болотно-лесной зоне Припяти, а между Финским заливом, Чудским озером и устьем Дуная, оказываясь, стало быть, в антагонизме и с панславизмом, и с европейскими склонностями сарматов.

В большой трудности провести убедительную границу между

Европой и Азией, в противоречии с
намного легче покоренной
оформившимися в пространственном
отношении панидеями переходной
зоной между Азией и Африкой
(которая, разумеется, также от
Суэцкого канала примерно до рубежа
Петра — Акаба является зоной
сверхнапряженности!) — зерно
проблемы Евразии и трудность
соглашения (Auseinandersetzung)
между пан-Азией и пан-Европой.
Новейшая история культуры,
изучавшая североазиатский
миграционный пояс,
простирающийся от Маньчжурии До
Карпат, по праву рассматривает его
как обширное единство,

подверженное перемещениям, но бедное убедительными разграничениями. Этот миграционный пояс как трасса переселения народов и перемещения идей контактного метаморфоза простирается к первому затору на подобном бастиону выступе Карпат [с.267]

*Трудности разграничения для
Евразии и Промежуточной Европы*

Evangelische und römisch-
katholische Christen —
евангелические и римско-
католические христиане

Griechisch-orthodoxe Christen —
греко-православные христиане

Darüber hinaus der lateinischen
Schrift — в добавление к этому
латинский шрифт

Ostgrenze beider nebeneinander (in
Finnland) — восточная граница
сосуществования обоих (в
Финляндии)

Ostgrenze deutscher
Verkehrssprache i. Handel —
восточная граница немецкого языка
делового общения в торговле

Waragischer Grenzsaum —

пограничное предполье варягов

Mohammedaner — пограничное
предполье мусульман

и ступенчатым землям Дуная,
вдоль Средненемецких гор, отсекая
Гарц, и далее к Кельнской и
Мюнстерской низменностям, к
Рейну и вдоль фламандского
Коленвальда к морю Понтийские
странники растительного и
животного мира проникают в узкие
полосы земли, а также в плоскогорья
южнее, вплоть до Бургундских ворот,
до рубежа Рейн — Рона. Здесь
осаждаемый при случае бродячими
ордами сарматов нордический и
средиземноморский человек

сражается более двух тысяч лет, будучи не в состоянии установить постоянные пограничные рубежи. Фробениус прозорливо показал, как сталкиваются друг с другом на этом разделе заложенные с благой целью границы культурного круга, как велика постоянная опасность того, что на Рейне будут проходить решающие схватки по поводу образований пан-Азии — Евразии — пан-Европы в культуре, власти и экономике.

Сегодня мы называем удачно выбранным термином “Промежуточная Европа” (Zwischeneuropa) ту ее часть, которая расположена между обращенным

лицом к пан-Азии и спиной (Ruckfront) к Европе Советским Союзом и сильно пронизанными романским духом творениями нордических рас во Внутренней Европе с зоной руин (примерно та, которую называет минералог Breccien) сарматской закладки, европейской отделки, и мы тем самым вводим себя в заблуждение о том, что “Восточная Европа”, лежащая за “Промежуточной Европой”, уже давно больше не ценит европейские связи, и меньше всего некую пан-Европу.

Но Восточная Европа не только понимает, если очень хочет ввести в заблуждение, но и поняла, как умело

сглаживать различия между пан-Азией и русским империализмом под личиной Советского Союза, так что под тем же самым флером появляется то облик загадочного сфинкса паназиатского вопроса, то хорошо знакомый старый панславизм. Ведь искусная игра широкой русской натуры со слишком непосредственно преподнесенными Западом или Востоком идеологиями, ее склонность к софистике в угоду сиюминутной политике и использование азиатской затаенной обиды (Ressentiment) отнюдь не новы. На этот знакомый, умный прием азиат попадается реже, панъевропеец, напротив, чаще, ибо

ОН ВНОВЬ И ВНОВЬ превратно
ИСТОЛКОВЫВАЕТ неожиданное
сосуществование рядом друг с
другом [с.269] мистики и
легкомыслия, свойственных
восточноевропейским смещениям
рас.

Однако большое различие,
наброшена ли всерьез в масштабе
Евразии на несовершенные творения
Земли огромная драпировка
платонической идеи и она почти
подавлена, или же эта драпировка
используется лишь в качестве
обманной завесы, подобной
покрывалу Майя_, которое спадает,
если под его защитой прекратился
излюбленный, в высшей степени

земной панславистский или
великорусский или же
большевистский промысел: будет ли
манипулировать покрывалом
ясновидящий или шарлатан.

Рассмотренные в таком свете
взгляды “евразийцев”, о чем нам
поведали Н.С. Тимашев_или доктор
Н. фон Бубнов, — это в одном случае
взгляд, пожалуй, даже серьезный,
честный и высокоценимый, а в
другом — ловко используемый
занавес, промежуточная кулиса,
прикрывающая опасное пограничное
предполье между пан-Азией и пан-
Европой как раз в самых
напряженных местах переходов или
миграций, когда где-то воздвигнут

сарматские кулисы и декорации ради новых эффектов.

Основательное резюме “идеи Евразии” предлагает Ф.-В. фон Бергхоф___. Он определяет сферу “Евразии” как пространство между образуемой Чудским озером — Неманом и Днестром западной границей, азиатскими складчатыми горами и Северным Ледовитым океаном с четырьмя большими длинными полосами — тундра, лес, степь и пустыня — пространство, которое довольно точно изображает Макиндер как “центральную ось истории” древних степных империй.

В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве

евразийцы воздвигают свои
воздушные замки будущего, в равной
мере отходя и от западноевропейской
и от азиатской культуры, хотя и с
противостоящей в религиозном
отношении Советам, но родственной
геополитически идеологией, с
совещательной надстройкой при
избираемом декоративном царе, с
непреложностью церкви, с
культурной и экономической
автаркией: пока мечта эмигрантов!

Иными словами, такие взгляды
евразийцев подталкивают по сути
дела к тому, чтобы внушать русским
полный разрыв с Европой; это
способствовало бы четкому
разграничению между

расположенными друг против друга крепостями Ордена тевтонских рыцарей и сармато-татар на Нарве вдоль Чудского озера и болотно-лесной зоны до пояса Черноземья — если не дальше к югу, между Днестром, Бугом и Дунаем, где в точно определенном фон Улигом бессарабском пространстве было бы невозможно прийти к согласию, и если на другой стороне панславистские притязания и мечты о распространении мировой революции, хотя бы на Запад, а советско-российские претензии в направлении Азии, далеко за пределы рубежей Советов, не переходили бы границы статус-кво в

паназиатской, равно как и в коммунистической, агитации. [с.270]

Но так как пан-Азия, соприкасающаяся на Востоке и Юге с Советским Союзом, беззастенчиво провозглашает и утверждает свое право на революционизирование на Аравийском полуострове, в Индии, Китае, а пан-Европа в проповедях Бриана и Куденхове-Калерги точно так же, как и Священный союз Меттерниха, сделала ставку на сохранение status quo и во всяком случае взяла на себя ответственность за французские и голландские владения внутри пространства, на которое претендует пан-Азия (Сирийский мандат, Индонезия,

Индокитай); так как Лига Наций по крайней мере воспротивится насильственному вмешательству враждебной силы в британские владения в Азии, то нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования (Abkehr) между пан-Азией и пан-Европой. “Кротость не годится, чтобы разнять ухарей”, но этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать многим панъевропейцам, не сгущая краски, сколь сурово паназиатское лицо Советов, Университета имени Сунь Ятсена в Москве, своего рода

гениальной организации ячеек в девятнадцати советских районах в Китае_, пассивного, а на самом деле весьма активного сопротивления в Индокитае и Индии. Лишь в Персии, Афганистане и Ангоре_паназиатская деятельность Советов носит более мягкий характер и не занимается тем, чем могла бы, без сомнения, заниматься и там.

Причина этого в том, что Ближний Восток с его нынешней во многом глубоко феодальной структурой (общую динамику этого региона нам столь точно изображает Ганс Кох) в Москве считают не созревшим ни для хозяйственного, ни даже для политического

использования в интересах какой-либо панидеи, но что эту структуру можно разрушить ранней индустриализацией (по образцу поспешных реформ Амануллы-хана в Афганистане), а затем, используя метод большевистских ячеек, во влиятельных кругах рабочего класса насадить социальные группы в определенных центрах власти. Следовательно, чрезмерно азиатская черта в облике Ближнего Востока мешала, наперекор Лоуренсу и панарабской идее, впрячь его в услужение корректируемой политикой Москвы паназиатской агитации, которая была нужна социологически восприимчивым

группам.

Однако антагонизм, выросший на расовой основе, а также коммунистическое проникновение в ислам и панчаят_, были для этого недостаточны: более приемлема корпоративная организация китайского образца.

Высказанное Снуком Хургроньесом мнение о том, что “самое плохое правительство из цветных для туземного населения всегда приятнее, чем самое хорошее европейское”, дает верный ключ к присущей паназиатской идее способности сопротивляться, которую она испытывает вследствие вытеснения азиатов, как позднее и

панафриканской идеи, в ее противоречии с другими империалистическими панобразованиями, которые нанесли им [с.271] обеим к настоящему времени значительный пространственный урон. Нельзя забывать, однако, что великоарабское и панисламское движение, всеиндийское, великокитайское и призрак будущей малайско-монгольской идеи, как, впрочем, и пан— или великорусское, все еще империалистическое пространственное мышление Советов в Северной и Средней Азии, стремились в полной мере воспользоваться паназиатскими

идеями в качестве дополнительной тяги, но все же чтобы однажды попытаться воплотиться прежде всего за их счет.

Перед такой дилеммой оказывается любой крупный паназиатский лидер нового времени, к числу которых — наряду со столь знаменитыми и образованными, как Сунь Ятсен, индийский публицист доктор Таракнат Дас — по праву должен быть отнесен Веллингтон Ку . Среди японцев особенно выделяются М. Тояма, граф Комура, барон Макино и граф Окума. Среди индийцев, разумеется, Т. Дас, самый неразговорчивый, однако есть и способные расшифровывать заумные

высказывания, например Ладжпат Рай и Бридж Нараян в Лахоре_, не говоря уже о Ганди_и его окружении, но слишком индифферентных к Советам.

Напротив, передовые борцы муссонных стран пользуются, естественно, где они могут, и пантихоокеанскими организациями, и их мощными голосами в общественном мнении, попутно содействуя паназиатским целям. Такие мотивы звучат в книге Кавакамы “Asia at the door” (“Азия у порога”), как и в умелых высказываниях китайского генерала Хуанфу о “пантихоокеанском движении”_, откровенно связавшего

необходимость более тесной совместной работы народов зоны Тихого океана со стремлением Китая к свободе и равенству и убеждавшего своих христианских слушателей созвучием конфуцианских и христианских проповедей наподобие “Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе!”. Резкое предостережение представителя Индии в Женеве лорда Литтона по поводу малой эффективности и пользы Лиги Наций для Индии и вообще для народов Востока также побудило считать ее непригодной для паниндийских или паназиатских целей.

Если основательно изучить

“Weltanschauung” (“Мировоззрение”),
“Die politische Lehre der Eurasier”
 (“Политическое учение евразийцев”)
(Тимашев), то предстанут они как
закутанные в шкуру панславизма
паназиаты — только насвистывают
они свой лейтмотив в минорном
тоне, а не трубят его в мажорном, как
Данилевский, — действуя до такой
степени вяло и нерешительно (силы
и мужества не хватало даже
Толстому и Достоевскому), как и
необоснованно изъясняясь и
произнося речи. Строгановы_, Ермак,
Иван IV_, Потемкин_, Пржевальский_,
Ленин были пансарматами в
мажоре... Это сразу же проявилось в
новых захватах или повторном

приобретении пространств, в то время как евразийцы — определенно вопреки желаниям — в салонах [с.272] Западной Европы и на базарах Востока играли им прелюдии, настраивая на восточную мистику и открывая ворота, которые в обычных условиях были бы осмотрительно закрыты. Подтачивание исконного образа мышления теми, кто проповедует истинное христианство в соответствии с их взглядами и формой, и национальное чувство расслабленного евразийца в миноре гораздо больше содействовали панславистам и паназиатам в мажоре в их практической деятельности по

приобретению пространства и земель. А кто способствует размягчению костей и мозга естественных защитников некоей панидеи в пространстве, удастаиваются чести нести вперед ей противостоящую, ее вытесняющую воинствующую мысль.

Но стремятся ли теперь представители переходной зоны Евразии в направлении пан-Европы или пан-Азии или же к той и другой или хотят проникнуть в одну из них, они утверждают, что это — широкая промежуточная зона и никакого четкого различия между обеими нет. Неверно желание представлять жесткий антагонизм “Азия —

Европа” (Т. Лессинг), скажем, в виде неумимо подвижной, экспансивной “головы” по отношению к выступающему, постоянно получающему лишь импульсы туловищу или же вместе с Персивалем Ловеллом усматривать главную сущность Востока только в безликости. Природа не следует такому грубому клише противопоставления “черное — белое”. Высокообразованные представители Азии имеют обыкновение отвечать на такие обобщения чаще всего ссылкой на то, что почти все значительные мировые религии возникли на азиатской почве, или же достоверной

констатацией факта, что огромное впечатление своей культурой и особенно своей толерантностью произвели на многих путешественников раннего средневековья арабские дворы, на братьев Поло — Китай Хубилайхана, а на посланца [английской] королевы Елизаветы Фатипур Сикри Акбар, наконец, что изображаемая часто как типично застывшая китайская четырехтысячелетняя история являет знатоку пример многостороннего развития.

Любая “желтая опасность” пробуждает на другом конце Евразии “белую”, так же как вопль с одной стороны — такой же вопль с другой!

Однако истина в том, что компромисс пан-Азия — пан-Европа ставит, пожалуй, высочайшее требование к созданию первых ступеней будущей структуры всего человечества, способных выдержать нагрузку хотя бы из-за простого численного давления по меньшей мере в ведущих слоях подлежащего уравниванию населения — свыше одного миллиарда против почти полмиллиарда (480 млн...), из коих по меньшей мере 150 млн... сомневаются в своей принадлежности к промежуточной области Малой Евразии.

Стало быть, вопрос о Евразии требует семейного выяснения для

трех четвертей человечества, прежде чем они начнут стучаться в другие двери. Ныне становится очевидным, почему мы поставили вопрос о пан-Азии — Евразии — пан-Европе во главу [с.273] ряда соображений о возможностях осуществления панидей: потому что фактически Европа и Азия обязаны продвинуть важнейшее решение о том, смогут ли панидей (не говоря о захолустных пространствах Земли) и впредь плодотворно сказываться на дальнейшем развитии человечества и позволят они или нет соорудить встройки между всей совокупностью Земли (очевидно, не готовой еще для единообразной структуры) и

слишком малопространственными, во многом автаркичными, а поэтому нежизнеспособными пространственными образованиями.

Первое, что, разумеется, нужно сделать, — попытаться использовать старые [традиционные] части Света в качестве основания для этого.

[с.274]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.270) “Staatsschiff” № 13
(15.V.1930). S. 512.

(с.272) “North China Herald”.
5.V.1928.

Евразийство — идейно-политическое и философское течение в российской эмиграции 20-30-х годов XX в. Впервые заявило о себе выходом сборника “Исход к Востоку” (София, 1921). Его авторами и инициаторами были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В разработке идеологии евразийства активно участвовали также Н.Н.

Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. В трактовке идеологов евразийства Россия — особая страна, органически соединяющая в себе элементы Востока и Запада, срединный материк между Европой и Азией (Евразия) и особый тип культуры. Евразийцы утверждали, что большевики, вопреки своим политическим целям, вывели страну на самостоятельные духовные пути, которые вскоре будут осознаны народом. В евразийстве выразилась мечта многих поколений о всеедином человечестве, сохраняющем национально-индивидуальные черты. В конце 20-х годов произошел раскол движения, а

с середины 30-х годов оно прекратило свое существование. В современный период, с момента распада Советского Союза и образования России как самостоятельного государства, идеи евразийства активно участвуют в политическом процессе и частично выполняют функции мировоззренческого обоснования политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве. [с.274]

Талассократия (*греч.*) — власть посредством моря или морское могущество. [с.274]

Имеются в виду в том числе греко-персидские войны (500-449 до

н.э.) — войны между
объединенными силами
древнегреческих полисов и
Персидской державой. Закончились
победой греков. [с.274]

Серы (*греч, лат. Seres* —
шелковые люди) — у греков и
римлян название китайцев,
производивших шелк и известных им
по контактам на внутриазиатских
дорогах, где проходили караваны с
шелком. Птолемей писал о серах на
севере и синах на юге Китая.
“Синами” называли тех китайцев,
путь которых лежал по морю в
страны Средиземноморья. [с.274]

Македония Древняя —
историческая область на севере

Балканского полуострова В течение V в. до н.э. здесь сформировалось государство во главе с наследственным монархом. Окончательное оформление Македонии как централизованного государства завершилось при Филиппе II (382-336 до н.э.) которого принято считать подлинным создателем македонского могущества. При его сыне Александре была покорена Персидская держава и создана мировая империя. После ее распада на возглавляемые так называемыми диадохами царства Македония стала одним из крупнейших эллинистических государств, на территории которых

часто велись опустошительные войны. Вплоть до 200 г. до н.э. ей удавалось сохранить господствующее положение в Греции, со 148 г. до н.э. Македония — римская провинция, с XIV в. находилась под турецким господством, после Балканских войн 1912-1913 гг. была разделена между Сербией, Болгарией и Грецией. С 1945 по апрель 1992 г. Македония входила в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии в качестве одной из [с.274] шести республик. 8 сентября 1991 г. население республики на референдуме высказалось за независимость и суверенитет Македонии, а 17 ноября 1991 г.

принятием Конституции Республики Македонии был завершён процесс оформления её государственности.

Македонцы — наименование жителей исторической области Македония, различных по своей этнической принадлежности. В современной Македонии состав населения выглядит так: македонцы — 66,5%, албанцы — 22,9, турки — 2,3, сербы — 2, славяне-мусульмане — 2,1%. [с.275]

Ату (*греч.*) — олицетворение мгновенного безумия, затуманивающего рассудок человека и богов; Эреб (*греч.*) — олицетворение вечного мрака; автор же имеет в виду связь между

Востоком и Европой. [с.275]

Яксарт — древнее название Сырдарьи. Был неизвестен античному миру вплоть до поздней античности.

Александр Македонский, основавший на Яксарте Александрию Крайнюю, принял Яксарт за верхнее течение Дона и назвал его поэтому Танаисом.

Имеются в виду народы, населявшие Сарматию. В период Римской империи это территория Восточной Европы, прилегающая к Германии или Дакии восточнее Вислы и севернее Карпат. Наряду с европейской Сарматией имелась также азиатская Сарматия, лежавшая за Доном (сарматские ворота на

Кавказ), а также область сарматских язигов к югу от Карпат, между Дунаем и Тисой. [с.275]

См. [примеч. 13. С. 54.](#) [с.275]

Скрывающая пелена, которая мешает ясно видеть что-либо, покров таинственности. [с.275]

Майя (*санскр.*) — букв, “иллюзия”, “видимость”, “обман”, понятие из индийской философии веданты, согласно которой реальный эмпирический мир — лишь иллюзорное проявление абсолютного духа, бога Брахмы. [с.275]

Тимашев Николай Сергеевич (1886-1970) — социолог, правовед, историк. В 1914 г. получил в Петербургском университете степень

доктора права, в 1918 г. стал профессором университета. С 1921 г. жил в эмиграции в Германии, сотрудничал в ежедневной газете “Руль”, выходившей в 1920-1931 гг. в Берлине (редактировалась лидером кадетской партии Г.В. Гессеном и В.Д. Набоковым), и в других изданиях. Читал лекции в университетах разных стран. Считается одним из основателей политической социологии. Его “Теория социологии” (1955) стала во многих странах официальным университетским учебником. [с.275]

Бриан Аристид (1862-1932) — французский государственный и политический деятель; автор проекта

создания пан-Европы.

В конце 20-х — начале 30-х годов вновь оживилось панъевропейское движение (см. [примеч. 9. С. 239](#)), получившее поддержку на правительственном уровне в виде так называемого плана Бриана. В 1930 г. Аристид Бриан выступил с идеей создания европейского федерального союза и обратился к 27 европейским государствам с таким призывом. По сравнению с предложениями Куденхове-Калерги (см. [примеч. 9. С. 239](#)) план Бриана был более реалистичным, ибо опирался на реальное развитие Европы и соотношение сил в ней. Согласно

замыслу Бриана, новый союз должен был представлять собой некую конфедерацию европейских стран с целью их экономической интеграции и политического взаимодействия. В нее не должны были входить США и Великобритания как неконтинентальные государства, а также Советский Союз, якобы не являющийся европейской страной. Бриан стремился тесно соединить создаваемый союз с Лигой Наций. Однако большинство европейских стран отвергло инициативу Бриана.

[с.275]

Священный союз — договор о союзе между императорами России и Австрии и королем Пруссии.

Заклучен 26 сентабры 1815 г. в Париже. Имел своей задачей охрану мирового порядка, созданного договорами 1815 г. (Венский конгресс), и взаимную помощь европейских монархов в борьбе с национально-освободительным движением. К первоначальным участникам Союза примкнули затем все европейские монархи. Вследствие противоречий между державами и развития революционного движения фактически распался уже в конце 20-х — начале 30-х годов.

Меттерних Клеменс (1773-1859) — австрийский государственный деятель и дипломат. В 1821-1848

гг. — австрийский канцлер. Будучи председателем Венского конгресса 1814-1815 гг., добился принятия решения о создании Германского союза во главе с Австрией. Стремился изолировать Россию [с.275] и заключил против нее Тройственный союз во главе с Великобританией и Францией. [с.276]

В 1928-1930 гг. в ряде районов Китая были созданы контролируемые коммунистами территории, где сформировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был созван съезд Советов, образовавший Китайскую Советскую Республику, просуществовавшую, однако, недолго. [с.276]

Старое название Анкары. [с.276]

Амманула-хан (1892-1960) —

афганский король в 1919-1929 гг. Возглавил освободительную войну против Великобритании, добился полной независимости Афганистана, его реформы способствовали развитию экономики и культуры страны. [с.276]

Лоуренс Томас Эдвард (1888-1935) — британский археолог и писатель, мастер угодных Лондону заговоров и переворотов на Ближнем Востоке. Получил известность под именем Лоуренса Аравийского. Будучи британским агентом в Арабском бюро в Каире (отделение “Интеллидженс сервис”), завязал

контакты с Хусейном ибн Али, правителем Мекки из династии Хашимитов, и в мае 1916 г. организовал успешное восстание арабов против Османской империи. Разрабатывал идею захвата Ближнего Востока и создания на арабской территории “цветного доминиона” в составе Британской империи. Свою полную приключений жизнь на Ближнем Востоке (1910-1916) Лоуренс впоследствии описал в книге “Семь столпов мудрости” (1936). [с.276]

Панчаят (букв, “совет пяти”) — фактически совет из любого числа лиц. В сельских общинах Индии — орган общинного самоуправления,

возглавляемый сельским старостой.
[с.276]

См. [примеч. 6. С. 245](#). [с.276]

См. [примеч. 5. С. 245](#). [с.276]

См. [примеч. 87. С. 418](#). [с.276]

Строгановы — крупнейшие русские купцы и промышленники XVI-XX вв. Наследники казачьего атамана Аникея Федоровича (1497-1570), были организаторами похода Ермака (1581 г.), начавшего освоение Сибири Русским государством.
[с.276]

Иван IV Васильевич Грозный (1530-1584) — великий князь “всея Руси” (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.). При нем были покорены Казанское (1552) и

Астраханское (1556) ханства, в 1558-1583 гг. велась Ливонская война за выход к Балтийскому морю, началось присоединение Сибири (1581), возникло Русское многонациональное государство.
[с.276]

Потемкин Г.А. (1739-1791) — русский государственный и военный деятель, фаворит и ближайший помощник Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья. После присоединения Крыма в 1783 г. к Российской империи получил титул святейшего князя Таврического.
[с.276]

Пржевальский Н.М. (1839-1888)

— русский путешественник, исследовал Центральную Азию, руководил экспедицией в Уссурийский край (1867-1869) и четырьмя экспедициями в Центральную Азию (1870-1885). [с.276]

В 1260-1266 гг. венецианские купцы Никколо и Маттео Поло предприняли путешествие в страну татар, в Бухару и Китай. Однако особой заслуженной известностью пользуется Марко Поло (см. [примеч. 4. С. 289](#)). [с.276]

Хубилайхан (1215-1294) — пятый монгольский великий хан (с 1260 г.), внук Чингисхана. В 1279 г. завершил завоевание Китая. [с.276]

См. [примеч. 8. С. 19](#). [с.276]

ГЛАВА III

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЧАСТЕЙ СВЕТА В СТАРОМ СТИЛЕ

**Пан-Азия, пан-
Европа, пан-
Америка, пан-
Африка и пан-
Австралия как**

ВОЗМОЖНОСТИ географической обособленности

Первой частью Света, ближе всего подошедшей в процессе исторического развития к объединению (*Zusammenfassung*), была *Азия* — колыбель народов, из бескрайних степей которой поднимались одна за другой великие империи, стремившиеся сплотить периферийные культурные круги или же соединить их друг с другом с помощью существующей власти. Первого государственно-правового

объединения в условиях
далекоидущих возможностей
обособленности добилась в 1900 г.
(геологически одна из старейших, но
самая молодая с точки зрения
заселения высокоорганизованными
расами часть Света) — *Австралия*
под скромным названием
Содружества (Commonwealth) без
важного островного дополнения —
Новой Зеландии и без настоящего
внутреннего удовлетворения в
несколько искусственной ситуации
союза. К первому международно-
правовому объединению и
образованию совместных
консультативных органов подошла
Америка после подготовительной

работы в 1810-1822 гг. в латиноамериканских государствах по внедрению идеологии, увенчанной в 1823 г. доктриной Монро, первой конференции 1826 г. (Боливар)_, рассматривавшей вопрос о третейском разбирательстве, а также ряда встреч в 1889 г. (Вашингтон), 1902 г. (Мехико), 1906 г. (Рио), 1910 г. (Буэнос-Айрес), 1923 г. (Сантьяго-де-Чили), 1928 г. (Гавана)_. В 1902 г. был принят принцип третейского разбирательства, а война объявлена крайним средством (*ultima ratio*), в 1910-1912 гг. началась кодификация международного права, заложены основы международного частного права и учреждено бюро

Панамериканского союза, в котором
сходятся, по возможности негласно,
все нити панамериканизма_. В этом
состоянии слабопослушного, но
испытанного опытом
консультативного органа находится
пан-Америка и по сей день: это
меньше, да лучше, чем может быть
сказано о пан-Азии и пан-Европе, но
гораздо лучше, чем о пан-Африке.
Хотя в конце XIII в. Марко Поло_с
золотой печаткой Великого
Монгольского ханства,
обеспечивавшей его безопасность,
объехал пан-Азию через Анатолию_,
Ирак, Персию, Афганистан, Памир,
через китайский дикий Запад —
регион, где сегодня идут бои_, через

Индонезию и Индию, но от этой безопасности были весьма далеки тогдашняя Европа, да и подобный путь в нынешнюю Азию, которая в настоящее время находится под контролем чужеземных западноевропейских колониальных держав в муссонных странах и Советов на Севере, хотя последние ведут себя как [с.277] хранители и участники паназиатской идеи. Над Китаем, где Сунь Ятсен оценил эту идею во всей ее масштабности, довлеет начавшийся в 1911 г. внутренний раздор, и только Япония, Сиам, Восточный и Западный Иран, Турция и Аравия Ибн Сауда_смогли, опираясь на собственное право,

решиться на возможность сотрудничества в духе панидеи.

Пан— Европа, практическое начало которой дали круги преимущественно французских государственных деятелей (Сюлли__, Сен-Пьер__, Наполеон, Бриан), а теоретическое -немецкие идеологи (Лейбниц__, Кант__), до сих пор, несмотря на знаменитых панъевропейских провозвестников, все еще остается сокровенной мечтой (в рамках Лиги Наций), но ее передовые борцы глубоко заблуждаются прежде всего относительно возможного размера ее пространства — примерно 4,5-5 млн... кв. км. *Пан-Африке*, большая

часть пространства которой разделена между Британской империей, Францией, Бельгией, Португалией и Италией, ближе всего мысль о расовой эмансипации с более сильным арабским и индийским акцентом, чем чистая дискуссия между пан-Европой и пан-Африкой.

Но в какой мере вообще эта соответствующая старому школьному делению частей Света череда панидей обладает достаточной способностью к обособленности, гарантирующей им на согласованно долгое время права стоящих выше других (so übergeordneter) географических индивидуумов?

Вторая глава нашего исследования показала несовершенство традиционных, уходящих в прошлое представлений о разграничениях Европы и Азии по Геллеспонту и финикийскому и критскому Восточному Средиземноморью, а военная история проливов — неудовлетворительность разделения Азии и Африки по Суэцу и Баб-эль-Мандебу. Пять частей Света разделены совершенно неубедительно, и их границы оспариваются, хотя сама критика до сих пор не предложила более убедительные разграничения. К тому же Америка, а также Азия и Африка быстро присоединились к упреку, что

новые деления имели бы целью лишь увековечить несправедливые разделы (Aufteilungen) в пользу Европы и завуалировать преимущество скромного размера ее территории. И все же яркая память об окружавших Средиземноморье государствах Запада (Abendland) и Востока (Morgenland) затуманивает представление о разделяющей силе даже наводящего мосты романского Средиземного моря образованием французской, итальянской и испанской колониальных империй.

А сколько иронии обоснованно высказано и в отношении пологих склонов Урала как рубежа частей Света! Как и в отношении другой

разделяющей силы, которая прячется в исчезнувшей речной долине между Фракией__и Анатолией или в песчаной полосе между перешейком Газы и Синаем, несмотря на Суэцкий канал, в окраинах Ирана, в могучей стене горной гряды от Кабульского прохода до лежащих по ту сторону меридиональных речных рубежей с гласисом Тибета и Такла-Макана__, или [с.278] в поясе пустынь! Дальше всех пошел Э. Банзе_, предложивший 14 частей Света в противовес традиционным. Нельзя отрицать, что его уменьшенная уже в 1912 г. “Европа” соответствует нынешнему остатку Европы, что его “Большая Сибирь” накрывает Советский Союз,

что, само собой разумеется, “Австралия” и в прошлом, и сейчас — воплощение олицетворенной панидеи; что его “Ориент”, его “Индия”, его “Восточная Азия” соответствовали возможным объединениям частей пан-Азии, а его “Негрития” совпадает с частью Африки, где впервые приобрел остроту вопрос цвета кожи. Конечно, предложенная Банзе часть Света — “Монголия” является континентальным, а принадлежность Индонезии и переходных ландшафтов Юго-Восточной Азии к менее жизнестойкой Индии — океанским выходом из затруднительного положения. В

делении Нового Света на четыре части не принято во внимание его политико-географическое развитие; все же “Большая Калифорния” и “Анды” обнаруживают влияние тихоокеанской зоны, которая в Новом Свете в политическом отношении дальше протягивает руку и более самостоятельна, чем атлантическая; и в “Америке” на Севере и в “Амазонии” на Юге выявляются сами по себе спокойные, океански менее активные, хотя и более обширные пространства.

Стало быть, из статьи Банзе о возможности и географической обоснованности обособления в некоторых панобразованиях можно

узнать многое. К сожалению, политическая география восприняла импульс весьма апатично и вместе с классификацией частей Света, предложенной Зейфертом, сползла в русло, где совершенно нет места геополитике, потому что это механическое решение явно континентальные части, такие, как Декан, Западная Аравия, Кхмерское плато, Внутренняя Аргентина, бывшие государства буров (Трансвааль и Свободное Оранжевое государство), отнесло от главной части (остова) к периферийным частям, а периферийные присоединило к остову, совершив над всеми политическое насилие. С

гениальной меткостью импровизации, которую после южноафриканской [т.е. англо-бурской] войны подсказал англосаксам Бернард Холланд в, казалось бы, несопоставимой конфликтной ситуации “*impenum aut libertas*” — для умиротворения буров и сохранения в империи крупного доминиона: заменить в этой формуле *aut* (или) на *et* (и), что и выбрала — не обремененная предложениями Банзе о новом делении частей Света — комиссия Саймона (1930)_, приняв растяжимое понятие “*субконтинент*”. Описание ею сущности индийской проблемы начинается с акцента на том факте,

что Индия, имея в двадцать раз большую территорию, чем Великобритания, и население в два с половиной раза более многочисленное, чем Соединенные Штаты, — не “страна”, а “субконтинент”, населенный людьми различных рас и мировоззрений, где находится в процессе становления и роста чувство единения, чувство [с.279] общности. Схожее говорили в 1914 г о субгерманском, субяпонском земном пространстве.

Здесь, следовательно, “субконтинент” прямо представлен в качестве основы существования частичного образования пан-идеи Азии — паниндийской, или

великоиндийской, именно теми, кто, с одной стороны, вытеснял ее и боролся против нее, а с другой — с помощью централистского объединения делал ее прежде всего жизнеспособной по духу

Вероятно, впервые в англо-индийской истории выделяется и британский интерес, заключающийся в том, что лучше трансформировать субконтинент Индии в жизнь— и торговоспособный, чем позволить ему прозябать в расширяющемся паназиатском тигле в роли нынешнего монопольного владения (из которого, по данным лорда Ротермира , каждый британец

получал пятую часть своих доходов).

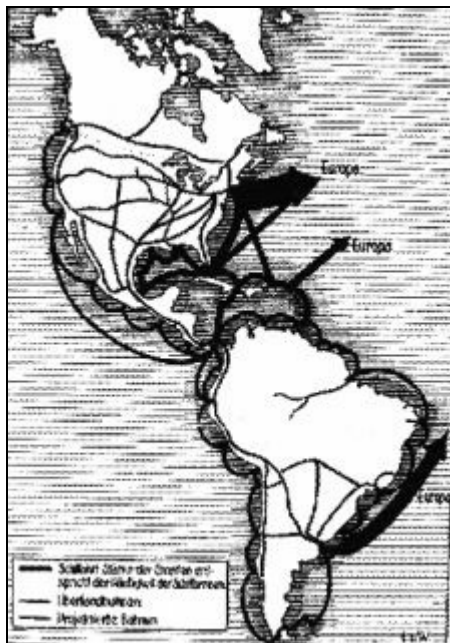
Похоже, что из массы британского [колониального] наследства выделяется еще один “субконтинент”, о чем намекнул южноафриканский премьер-министр одному бельгийцу в государстве Конго, сказав, что по меньшей мере по всей Южной Африке поймут идиому — *Plait der Wasserkante* (на языках африкаанс, фламандском): это была бы “Негрития” Банзе — только со слишком тонким верхним слоем белых. “Амазония” соответствует мечтам бразильцев о будущем. Иными словами, “субконтинент” следовало бы иметь в виду как вид понятия (*Formbegriff*).

Однако способности к обособленности частей Света или континентов в старом стиле и их пригодности как основы воплощенных панидей более всего угрожает не существование внутриконтинентальных обособленных образований со много большей разделяющей силой, какой обладают, например, Урал и Манычская впадина, Северо-Каспийская степь, Геллеспонт [Дарданеллы], Эгейское море, Суэцкий перешеек, Красное и Антильское моря, а быстро растущее превосходство связывающей народы власти моря над его некогда разделявшей их силой (которая более

действенна лишь при очень больших расстояниях) К тому же ведется прогрессирующее строительство посадочных полос на окраинных землях для авиалиний, а именно от мандатных территорий Ближнего Востока в направлении Индонезии и Австралии, а также через Аляску и Курилы, затем через североазиатскую анэйкумену и вдоль американского восточного побережья. Насколько большее панамериканское значение приобрели по сравнению с преобладавшим в 1900 г американским проектом трансконтинентальной железной дороги зигзагообразная петля единого морского грузового

сообщения от Нью-Йорка через Панамский канал в направлении тихоокеанской Южной Америки, а также трансконтинентальный восточный авиамаршрут, быстро становящийся транспортной связью из Нью-Йорка через Флориду — Антильские острова — Рио — Буэнос-Айрес — Мар-дель-Плата! Как действительно панафриканской становится также восточноафриканская меридиональная транспортная [с.280] линия: вначале как смешанное железнодорожно-речное предприятие, а затем как воздушная трасса из Египта через район озер вдоль западного побережья

британского меридионального владения в Южную Африку; сколь серьезно она будет противостоять попыткам отделить Судан от Египта по широте, но к сожалению, [с.281] и различной трактовке ландшафта Кении и Танганьики (мандат на Германскую Восточную Африку)!

*Панамериканские коммуникации
и их пробелы*

Schiffahrt. Starke der Streifen
entspricht der Häufigkeit der
Schiffreisen — судоходство.
Интенсивность линий соответствует
частоте рейсов кораблей.

Überlandbahnen — линии между
населенными пунктами.

Projektierte Bahnen —
проектируемые линии.

Итак, именно развитие
коммуникаций показывает все же
постоянную переоценку таких
кажущихся долговременными в своем
значении запечатленных
географических факторов благодаря
динамическому моменту в
политической географии и
антропогеографии и оправданность

стремления это подверженное
благодаря людям непрерывным
изменениям значение — при
заблуждениях или слишком упорной
точке зрения могущих стать
пагубными для целых государств и
народов — также относить главным
образом на счет людей, оценивать
геополитически и признавать их
примат во время огромных
трансформаций человеческих
образований.

*Панафриканское мышление в
сфере коммуникаций и препятствия*

Erweiterungen der vormaligen
deutsch. Kolonien zu einem Mittelafrica
— встройка бывших немецких

колоний в Центральную Африку.

Englischer Besitz — английские владения.

Die geplante Kap-Kairo Bahn — запланированная трасса Кап — Каир.

Уже было показано, какое решающее значение для облегчения континентального панобразования имеют убедительные [с.282] соображения и работа по установлению мощной или (прямой) транзитной связи (Groß-oder Durchgangsverkehr). На содействие панамериканскому мышлению указывалось в связи с проектом железной дороги вдоль тихоокеанского побережья (примерно параллельно мощному,

непрерывному формообразующему
хребту Кордильеров — Андов), а
панафриканскому — в связи с
трассой и идеей Кап — Каир (Сесил
Родс!). Для Евразии — пан-Азии без
обиняков проливает свет
превосходство связи по линии Запад
— Восток в противовес
направлению Север — Юг из-за
благосклонности природы по
отношению к трассе, по которой шло
переселение скифов и сарматов, а
ныне проходит Сибирская
магистраль, как прежде пролегал
Сибирский тракт, но также
превосходство древнего Шелкового
пути через перевал Юмон.
Характерно, что на излюбленном

пути индо-серийской культуры (Гандхара, Турфан), зачастую петляющем, на естественно обусловленном маршруте Юго-Запад — Северо-Восток вновь и вновь встречаются прогоны в направлении Восток — Запад.

Несомненно, не только англо-русское соперничество и подозрительность в отношении прокладки железной дороги с Севера на Юг, но и мощный физико-географический, впоследствии — геополитический мотив создали здесь препятствия: не только между Ферганой — Мервом — Балххом и Пешаваром — Кандагаром — Кветтой, но и между Кашгаром и

Читралом, между Тибетом и Непалом, Сиккимом и Бутаном, между Бамо и Талифу. Это — проверенные историей препятствия, которые принимались в расчет еще во время похода Александра Македонского путем осуществления особо предусмотрительных мероприятий для их преодоления (Аорн)__, как — в противовес сквозной Юньнаньской дороге — запутанная связь Бирма — Сычуань, трасса Дарджилинг — Лхаса и еще в недавнем прошлом обычный объезд Кинчинджинга. Когда-нибудь произойдет соединение через Персию или Афганистан, как были недавно преодолены помехи на

трассе авиалинии вдоль персидского побережья благодаря островным опорным пунктам (и здесь континентально-океанский антагонизм!). Однако более мощный процесс панобразований есть и остается на линии Запад — Восток; поэтому особое образование, наиболее вероятное среди частичных образований паназиатской идеи — паниндийское.

Для многочисленных геополитических и ставших историческими отклонений, которые противятся формированию пан-Европы, как и для “незавершенного” процесса (Колин Росс), который упорно навязывается Австралии,

характерно, что и пан-Европе, и пан-Австралии в равной мере недостает убедительных панидей в сфере коммуникаций. Можно было бы сослаться на Монт-Сениз, затем на намерения относительно железной дороги через Сен-Готард, — которые в транспортно-географической литературе своего времени, хотя и в скромных масштабах, казалось, имели схожее значение для панмышления своей части Света, как первая железная дорога через перевал Земмеринг — или же на [с.283] проекты фон Листа относительно системы германских государственных железных дорог.

Однако на линии Монт-Сениз —

Сен-Готард тотчас же обнаруживается пробуждающий соперничество (Eifersucht) инерционный поворотный момент, который выступает западнее рубежа Юра — Вогеzy на линии связи Париж — Лион — Средиземное море, восточнее идущих с Севера на Юг основных транспортных магистралей Рейнской долины. Но для связей частей Света по линии Запад — Восток разделение 1919 г. означало отбрасывание к катастрофе, на что, между прочим, обратил внимание Герман фон Виссман_. Это разделение прямо привело к нарушению и разрыву существовавшего железнодорожного

сообщения Запад — Восток, например в районе Вильно, в Мариенвердере, как и плана Гамбург — Берлин — Константинополь — Багдад, который при всем том был крупнoprостранственной геополитической идеей в сфере коммуникаций.

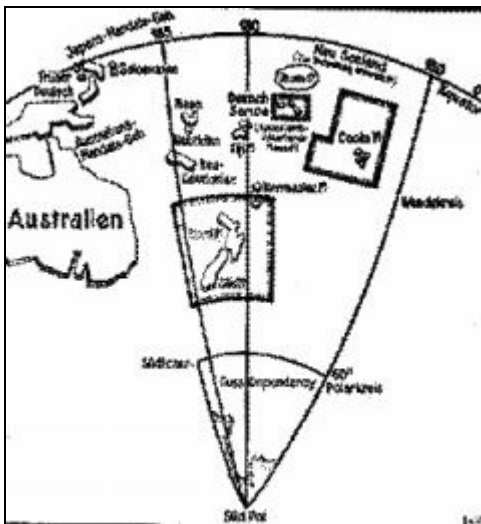
Для пан— Австралии проведенная через необжитую центральную часть страны транстелеграфная линия оказалась недостаточной связью; но железнодорожный вопрос был запутан из-за различной ширины многочисленных колеи на побережье, и обнаруживается (отмеченное и осужденное Гамильтоном и

Китченером во всей полноте его опасности) бессистемное выпрямление тупиковых железнодорожных линий, идущих в глубь страны, которые затем довели до единства с помощью широко задуманной воздушной связи. Для завершенности австралийского континентального мышления воздушное сообщение имеет значение, которое едва ли можно переоценить. Только оно делает возможным разделение неподатливой массы, из которой лишь теперь получает свой импульс прогресс западных, как и северных, железнодорожных линий (Алис-Спрингс, 1930). Таким образом,

необратимый процесс в отношении североамериканских железных дорог к Тихому океану больше содействовал идее Восток -Запад на американском Севере, чем панидеем, подобно тому как Миссисипи больше пошла на пользу североамериканским континентальным настроениям в штатах, производящих пшеницу, кукурузу и хлопок, чем континентальному объединению.

Внешний импульс со стороны этой мощной третьей естественной связи Северной Америки по линии Север — Юг — наряду с восточным побережьем и тихоокеанской меридиональной грядой, —

разумеется, проявил себя прежде всего как политическая опасность для американцев, живущих в центральных штатах, пробудив не только на восточном и западном побережьях, но и в крупных внутренних, производящих пшеницу и кукурузу штатах, на фермерских землях устремление на Юг, куда именно Мэхен направлял их взоры. Там прежде всего маячил как цель Панамский канал, которой в Южной Америке дальше к востоку недоставало убедительного продолжения, над чем среди прочих работали ученые Петер Пауль Бауэр и Гамильтон Райс. [с.284]

*Австралия как сообщество с
Новой Зеландией в качестве
аутсайдера*

Итак, мы видим, что геополитическая польза

убедительных крупных транспортных магистралей и последствия менее убедительных возможностей для их прокладки или слишком запутанный избыток местных интересов, как в Европе, играют огромную роль в возможности образования панидей по отношению к частям Света в старом стиле. Эта роль не умалется большей рационализацией благодаря железным дорогам, телеграфу, авиасообщению. Ибо чем сильнее становится влияние большинства народов на политическое формирование населенных пространств, а также при претворении в жизнь панидей, тем больше мы ощущаем потребность в

ясной, убедительной поддержке его мировидения посредством фильмов, наводящих карт, где показ главных силовых линий сочетается с методами популярного ознакомления масс.

Это волей-неволей признали и установивший отношения с геополитически мыслящими кругами Куденхове-Калерги, явно вколачивавший во многие европейские мозги панъевропейское мышление, по меньшей мере в собственной интерпретации как [с.285] смутный постулат, и, пожалуй, в еще большей степени, но увереннее Бриан, пытавшийся эту идею столь же суверенно, как в свое

время герцог Сюлли и позднее Наполеон, поставить на службу политике одной части европейского пространства. Что же писал Наполеон? “Наша цель — создать в Европе обширную федеративную систему, соответствующую духу столетия и благоприятствующую прогрессу цивилизации”. Это звучало даже более красиво, чем то, что высказали Сюлли в своем “grand dessin” (“великом замысле”) и позже кардинал Альберони в своих панъевропейских планах. Но великий корсиканец написал процитированные слова впервые 22 апреля 1815 г., на пороге катастрофы. Почему же не поверили ему народы

Европы? Не распознали ли они под шкуркой лисы притаившегося льва?

Северное пространство пан-Америки, протянувшееся меридионально от пояса пустынь и степей, окаймлено длинной цепью гор; в ее южном пространстве расположены мощные горные хребты, на Западе ландшафты плоскогорий, окаймленные хребтами, на Востоке гилея — лесные районы с богатой тропической растительностью, которые человечеству еще предстоит освоить. От этих двух препятствий уклонились убеждающие проекты панамериканских коммуникаций: увлекательно описанная в 1900 г.

Зиверсом панамериканская трансконтинентальная железная дорога с ее непомерно высокой стоимостью; обнимающая прежде всего восточную окраину авиалиния Соединенных Штатов Нью-Йорк — Антильские острова — Рио — Буэнос-Айрес — Мар-дель-Плата (1930). Здесь охват по окраине стал больше объединительной связью. По-иному в Старом Свете, рассеченном в широтном расположении разделяющим поясом пустынь с индивидуально весьма различными пустынными пространствами. Этот пояс и сегодня серьезно угрожает панидеям в Азии и Африке, а через их обратное действие

(противодействие) и в Европе. Ибо возникает обсуждаемый с чисто географической точки зрения вопрос: не слишком ли велика Азия, не слишком ли бесформенно, неблагоприятно расчленена Африка, чтобы каждая была в состоянии выдвинуть одну панидею и придать ей образ?

Мы видим также, что фактически в обоих наднациональных объединениях поднят большой шум о географически четко разделенных историей и современностью частях пространств. В их числе чаще всего закрепившие в своих именах и приставки “все” или “пан” —

всеиндийская, великокитайская
области; в Африке французская
колониальная империя,
простиравшаяся с Запада на Восток
и разорванная со времени Фашоды
британской восточноафриканской, и
развивающаяся скорее с Севера на
Юг британская — западный фланг
пан-Индийской морской империи, в
котором, следовательно,
совмещаются структуры западного
фланга морского пространственного
мышления и восточного —
континентального.

Имела последствия и
панарабская традиция,
пробудившаяся к новой жизни
благодаря Гертруде Белл, смелому

авантюристу [с.286] Лоуренсу и политическим проискам в мировой войне. Однако решающий вопрос относительно всех этих отдельных панобразований все же, пожалуй, в том: столь ли они значительны, что их вмешательство решительно повлияет позитивно или негативно на более крупные панобразования? На этот вопрос нам отвечают, например, своей “Чжунхуа миньго” не только ее воссоздатель — Сунь Ятсен, но и один из лучших знатоков в Соединенных Штатах, Холькомб, мило и откровенно заявивший: “Проблема Китая не является более внутренней проблемой китайцев. Это международная проблема,

затрагивающая мир во всем мире!” Следовательно, одна панпроблема, как и всеиндийская, точно такая же, спрашиваем ли мы лорда Ирвина, Саймона, Китченера, Крэддока, Тагора, Саркара, Таракнат Даса.

Поднимается ли Ближний Восток на тот же уровень, какой, как мы видим, занимают Средний Восток (рафинируя британское геополитическое искусство за счет приращения близлежащего, например, проникновения в Ирак) и Дальний Восток. Поднимаются ли трансконтинентальное панвсероссийское объединение Северной Азии и Восточной Европы (“Великая Сибирь” Банзе) и дуга

Тихоокеанских островов с их в совокупности 150 млн... родственников в расовом отношении жителей? Аравия длительное время была центром некоей панидеи, а именно с тех пор, когда в VII в. арабский язык вытеснил вульгарно-эллинский из долины Инда и овладел Индийским океаном, став хозяином Востока, вплоть до того, как “трижды приостанавливался ход всемирной истории: когда Карл Мартелл разбил арабов, когда не удалась осада Вены турками и, наконец, когда лорд Клайв победил вассалов Великого Могола у Плесси” (как излагает ход событий история ислама), прежде чем начались утрата

Индией самоопределения_и падение последнего халифата_.

В настоящее время панарабский вопрос для формирования панидеи, пожалуй, еще располагает пространством, но не людской силой: по крайней мере со времени падения халифата, раскола между Египтом, Ангорой, Ираком, Трансиорданией и Палестиной собственно полуостров кажется на долгое время непреодолимым — вопреки книге Лотропа Стоддарда “New world of Islam” (“Новый мир ислама”). Однако все эти пространственные организмы хотят предоставить Европе, обладающей ограниченным пространством, но

густонаселенной, а Австралии, обладающей большим пространством, но малонаселенной, лишь право на координацию (Nebenordnung), а не на руководство (Uberordnung), что еще больше осложняет панобразованье в Старом Свете и обременяет его препятствиями.

Рассматривая ретроспективно положение дел с осуществлением панконтинентальных панидеи, мы оказываемся перед некоей аномалией, если не сказать антиномией: “пятая” часть Света, где позже всех замерцала мысль об объединении, которое Колин Росс совсем недавно, как уже упомянуто,

по веским причинам назвал “незавершенным”, первой достигла [с.287] государственно-правовой, а не только международно-правовой консолидации. Разумеется, этому объединению недостает океанского дополнения в виде Новой Зеландии, и в этом отношении оно остается “незавершенным” как панорганизм. За ним последовал Новый Свет как очередное воплощение панидеи части Света по крайней мере благодаря общим международно-правовым учреждениям (разумеется, точно установленным как неполитические при соотношении двенадцать крупных и шесть малых стран).

Далеко позади от
международно-правового и даже
государственно-правового
панконтинентального воплощения
остался Старый Свет, где впервые
возникли панидеи части Света, где
два тысячелетия панмышление
крупных ландшафтов пробивало себе
путь к осуществлению, но,
разумеется, и росли основания для
сильнейшей исторической
усталости. Однако часть Света,
некогда искавшая панобразование
преимущественно на авторитарных
путях с помощью Персидской,
Китайской, Великой Монгольской и
прочих империй, ищет его сегодня на
самом революционном из всех: пан-

Азия! Революционер, ломающий структуру и границы, — это звучит одинаково, обращаемся ли мы к идеологии Москвы в образе Радека или Сен Катаямы_или к идеологии Кантона с заклинаниями в духе Сунь Ятсена, либо к той, которая до 1919 г. в рамках Британской империи обнадёживала доверчивого Ганди_, либо даже к образу тайного советника Рабиндраната Тагора; или же с цепи островов слышим голоса не только Тан Малаки_, но и не принимаемых во внимание японским императорским правительством японских сторонников пан-Азии Ghikai или Dobunkai. И пан-Европа, как и изнасилованная ею пан-

Африка, за исключением крошечной территории, все еще очень далеки от того в некотором смысле удовлетворительного решения, какое давно нашли менее взыскательно “новые” части Света. Они ни разу не проникались простейшей врачебной мудростью: “Non nocere”_, ибо после такого разбега пантворение, снова превратившееся в иллюзию, не только не идет на пользу, но и вредит самой идее! [с.288]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.279) “Petermanns Mitteilungen”.
1912. Kte.

(с.284) “Geopohtik”. 1925. Bd I.

Речь идет о Панамском конгрессе, созванном по инициативе Боливара (1783-1830) — военного и государственного деятеля, одного из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. [с.288]

Здесь перечислены состоявшиеся к моменту написания данной книги межамериканские конференции — периодические конференции государств

Американского континента,
созывавшиеся с 1889 г. До 1948 г.
назывались международными
конференциями американских
государств или панамериканскими
конференциями. [с.288]

Панамериканизм —
внешнеполитическая доктрина
США, обосновывающая претензии
Соединенных Штатов Америки на
гегемонию в Западном полушарии
посредством тезиса о “единстве”
расположенных в этом регионе
государств, которое якобы
определяется их географической
близостью, экономической
взаимозависимостью и “духовной”
общностью. Основные положения

доктрины были выдвинуты на рубеже XVIII-XIX вв. известным государственным деятелем США А. Гамильтоном (1757-1804). [с.288]

Поло Марко (1254-1323) — итальянский путешественник, венецианец. В 1271-1295 гг. совершил путешествие через Центральную Азию в Китай, где прожил около 17 лет. В 1292-1295 гг. вернулся морем в Италию, проплыв вокруг Южной Азии. [с.289]

Анатолия — установившееся со средних веков греческое название Малой Азии. [с.289]

Революция 1911 г. в Китае свергла Цинскую династию. В 1924-1927 гг. в стране развернулась первая

гражданская революционная война.
[с.289]

Ибн Сауд (1880-1953) — король
Саудовской Аравии в 1932-1953 гг.
[с.289]

Сюлли Максимильен де Бетюн
(1560-1641) — французский
государственный деятель.

Хаусхофер неоднократно
упоминает о международном проекте
начала XVII в. — плане
политического переустройства
Европы — “Великом замысле”
Сюлли, ближайшего помощника
французского короля Генриха IV.
План исходил из необходимости
лишить Габсбургов их могущества и
противопоставить их стремлению к

всеевропейской империи иную концепцию общественного порядка. Основными элементами этого плана были: сохранение за Габсбургами только испанской короны, превращение Европы в умиротворенную федерацию 15 государств с “общим советом” и региональными советами, разрешающими все международные конфликты, признание всех трех вероисповеданий (католицизма, лютеранства и кальвинизма), установление таким путем вечного мира в христианской Европе. Сюлли исключал Московию из содружества христианских государств Европы, причем мотивировка этого тезиса

выглядит искусственной. Ее необозримое пространство, утверждал Сюлли, раскинуто более в Азии, чем в Европе, своим положением она тесно связана с Татарией, Турцией и Персией, чтобы бороться против них вместе с европейцами; обитающие в ней народы — дикари и варвары, христианство русских слишком не похоже на европейское и, напротив, слишком похоже на азиатское, т.е. на христианство греков и армян, пребывающих “под турком”. В этом плане наряду с прогрессивной задачей — предотвращением на будущее самой возможности габсбургской агрессии

прослеживается и тенденция передать в руки Франции некое наследство Габсбургов вместе с европейской гегемонией, которое, естественно, досталось бы Франции как создателю “нового порядка”.

Сен-Пьер Шарль де Ирен (1658-1743) — аббат, автор “Проекта вечного мира” и экономических теорий. [с.289]

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646-1716) — немецкий ученый, которому принадлежат выдающиеся научные достижения во многих областях знаний: в философии, истории, юриспруденции, лингвистике, логике, математике, физике, геологии и др. Основатель и

президент Бранденбургского
научного общества (позднее —
Берлинская Академия наук).
Занимался проблемами правовой и
политической реформы Священной
Римской империи. По просьбе Петра
I разработал проекты развития
образования и государственного
управления в России. [с.289]

Кант Иммануил (1724-1804) —
немецкий философ, родоначальник
немецкой классической философии.
В 1794 г. был избран иностранным
членом Петербургской Академии
наук. Как ученого его привлекали и
проблемы устройства общества. В
“Идее всеобщей истории” (1784)
Кант рисует общественный долг

человека как движение “от грубости к культуре” и “достижению всеобщего правового гражданского общества”. В последние годы жизни много размышлял над определением целей человеческих стремлений на социальном и глобальном уровнях: создание всемирной федерации свободных государств, поддержание вечного мира, прогресс науки путем достижения гармонии между различными ее ветвями, прогресс общества путем предоставления людям условий свободы. [с.289]

Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелл. [с.289]

Пролив, соединяющий Персидский залив с Индийским

океаном. [с.289]

Фракия — историческая область на востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями (от названия древнего населения — фракийцы). [с.289]

Такла-Макан — обширная песчаная пустыня на западе Китая, занимающая центральную часть Таримской впадины. [с.289]

“Империя или свобода” (лат.).

Саймон Джон Аллесбрук — английский политический деятель. В 1927-1930 гг. возглавлял комиссию, созданную британским правительством в связи [с.289] с ростом национально-

освободительного движения в Индии. Доклад комиссии рекомендовал расширить круг избирателей в Индии и ввести ответственность министров в провинциях перед местными парламентами. [с.290]

Вероятно, Ротермир Гарольд Сидней (1868-1940) — газетный магнат, владелец ряда центральных и провинциальных английских газет, в частности “Дейли мейл” и “Дейли миррор”, председатель английской ассоциации владельцев газет. [с.290]

В переводе на русский язык — “плоский урез воды”. Так называют плоские пляжи Северной Германии. [с.290]

Африкаанс — язык африканеров (буров — от *голл.* “бур” — крестьянин), в основном потомков голландских, а также французских и немецких колонистов, часть из которых осела на юге Африки еще в XVII в. [с.290]

См. [примеч. 18. С. 67.](#) [с.290]

В 1922 г Египет получил фиктивную независимость, но продолжал оставаться под английской военной оккупацией. Английское господство на этой земле было ликвидировано в 1956 г. Что касается Судана, то он еще в конце XIX в был превращен в британский заповедник. Режим кондоминиума в Судане был в одностороннем порядке

отменен Англией в 1925 г., но по договору 1936 г. восстановлен.
[с.290]

Имеется в виду Капская провинция — провинция на крайнем юге Африканского континента.
[с.290]

Родс Сесил (1853-1902) — один из самых влиятельных капиталистов Англии. В 1880-1896 гг. премьер-министр Капской колонии, инициатор захвата в Африке колонии, получившей название Родезия. В 1899 г. прибыл в Европу, где вел переговоры с бельгийским королем Леопольдом и германским императором Вильгельмом II о сооружении железнодорожной и

телеграфной линий от Капа до Каира. [с.290]

Аорн близ истоков Инда — мощная цитадель на скале, перед которой глубокая пропасть, а единственная дорога, ведущая к ней, узка и неудобна, стратегически важный пункт, где Александр Македонский встретился с сильным сопротивлением во время своего похода в Индию. [с.290]

Земмеринг — горный хребет в Штирийских Альпах в Австрии. Через него из долины реки Лейта в долину реки Мюрц в 1842-1854 гг. была проложена первая европейская железнодорожная линия Глогниц — Мюрццушлаг. Железная дорога

соединила Вену со Штирией и даже Италией. На трассе было построено в общей сложности 15 тоннелей и 16 виадуков. [с.290]

Т.е. Версальский договор 1919 г.
[с.290]

Багдадская железная дорога — кратчайший путь из Европы в Индию. Ее строительство началось в 1899 г., когда Германии удалось добиться у турецкого султана концессии. По замыслам империалистических кругов, Багдадская железная дорога должна была стать мощным орудием в германском “движении на Восток” (“Drang nach Osten”), Она угрожала подорвать господство Англии в

Индии и создавала препятствия России на пути к овладению проливами Это усилило объединение Англии и Франции (англо-французское соглашение 1904 г.), Англии и России (англо-русское соглашение 1907 г.) Первая мировая война прервала строительство Багдадской железной дороги, которое так и не было закончено. [с.290]

Альберони Жюль (1664-1752) — итальянский аббат, кардинал и министр при испанском короле Филиппе V. [с.290]

Речь идет о Фашодеком конфликте между Англией и Францией в 1898 г в связи с борьбой за раздел Африки Договором,

подписанным в 1899 г., Франция признала исключительные права Англии на долину Нила, а Англия — права Франции на все западные области Судана. [с.290]

См. [примеч. 18. С. 276.](#)

Чжунхуа миньго — Китайская Республика. [с.290]

Мартелл Карл — предводитель французов, одержавших победу в 732 г в битве у Пуатье — самой северной точки на территории Франции, куда проникли арабы, пройдя Испанию. [с.290]

В 1683 г турецкие войска под командованием Кара Мустафы осадили Вену, но были отогнаны от города благодаря помощи польского

короля Яна Собеского. [с.290]

В битве при Плесси (Бенгалия) в 1757 г. английский генерал Роберт Клайв разбил индийские войска. [с.291]

Завоевание Индии началось в XVI в. (португальцы, голландцы, французы, англичане) К середине XIX в она была полностью подчинена англичанами. [с.291]

В VII в. арабы, заселявшие Аравийский полуостров, начали военные походы, завершившиеся завоеваниями стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Египта Было создано обширное феодально-теократическое государство — Арабский халифат В

712 г арабы вторглись в Индию и завоевали Синд — область по нижнему течению Инда, в 711-714 гг. захватили большую часть Пиренейского полуострова. При Аббасидах (750-1258) были захвачены Сицилия, Мальта, Крит, велись непрерывные войны с Византией. Халифат прекратил свое существование в середине XIII в., когда его столицу покорили монгольские завоеватели (1258 г.).
[с.291]

См. [примеч. 28. С. 264](#). [с.291]

Сен Катаяма (1859-1933) — профессиональный революционер, организатор первого профсоюза в Японии, общества по изучению

социальных проблем. [с.291]

Имеются в виду события в апреле 1919 г., когда британские войска подавили мирную 10-тысячную демонстрацию в Амритсаре (Пенджаб). 400 демонстрантов были убиты, около 1200 ранены.

Спустя несколько месяцев, 23 декабря 1919 г., был обнародован акт об управлении Индией. Этим актом Великобритания намеревалась предоставить Индии большую автономию. Реформа предусматривала, что Индия со временем сформирует собственное “ответственное” правительство. В соответствии с принципом диархии

(двоевластие) в компетенции местных властей должны были находиться вопросы медицины, образования, местной промышленности, а контроль над наиболее важными сферами — финансами, юстицией, обороной — в руках британских губернаторов провинций.

Как видно, Индии предстоял еще долгий путь освободительной борьбы за свою независимость (1947). [с.291]

Тан Малака (1894-1949) — индонезийский коммунистический деятель. [с.291]

“Не навреди” (*лат.*). [с.291]

ГЛАВА IV

ПРОРЫВЫ КАЖУЩЕГОСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ ПАНОБРАЗОВАНИЯ

Где мы видим на поверхности Земли отображение нарушений воплощенных панидей, кажущихся наиболее естественными, связанными с традиционными частями Света, другими, точно такими же или более мощными

идейными кругами,
предопределенными пространством
или образом мыслей,
укоренившимися на суше или
порожденными морем или же
вызванными чисто духовно —
мировоззрением или общественной,
экономической идеологией, чье
распространение все-таки можно
нанести на карту земной
поверхности и таким образом
сделать географически понятным и
измеримым?

Прежде всего речь идет о
противостоянии ислама, локально и
пространственно более отчетливо
постижимого, чем численно более
мощные мировоззрения

христианства и буддизма, в основном связанного с поясом пустынь Старого Света и примыкающей к нему степной окраиной, однако далеко простираясь и распространяя свое влияние за его пределы, который — в противоположность другим крупным, возникшим в Старом Свете мировоззрениям — отметил себя печатью исключительности своими панисламскими течениями (Richtungen).

Ведь ислам назвали религией пустыни, и о нем написаны труды, связавшие его с этим видом растительности более тесно, чем можно было бы в действительности связать (Индонезия! Восточная

Бенгалия!). Однако фактом является то, что никакое другое духовное движение человечества не оказало в такой степени влияние на осложнение других истинных панобразований в Старом Свете, как распространение ислама вблизи пояса пустынь Старого Света и в районах искусственного орошения на его окраинах, через все без исключения переходные зоны (Landbrucken) между пан-Азией, пан-Европой и пан-Африкой. Другими культурно-политическими разрушителями панскрижалей являются эллинизм, культура Гандхары и индо-серийская культура; миграции малайцев, “бродячих

людей” (orang malaiu)_, которые “при самой малой численности оказывали огромное влияние” (Ратцель); нарушителями, опирающимися на силу, были талассийские, средиземноморские имперские образования римлян, океанские — иберов [испанцев и португальцев], голландцев, французов и британцев, по мощи и экономической политике втиснувшийся между Азией и Европой Советский Союз.

Разрушительно по отношению к идеям организации частей Света или континентов в традиционном понимании неоднократно действовали и такие части создаваемого пространства, [с.292]

которые на основе имперского мышления выросли в более крупные связности. Так случилось, когда первоначально прибрежные образования, как старая Генуя или Венеция, вышли в море и вовлекли окраинные острова Леванта___, отделившиеся прибрежные полосы в государственные образования, чье попечительство, как нередко было с венецианским, быстро принесло европейцам худую славу (что уже испытала и Англия со своим японским союзом_); или когда более чем близкое к внешнему завершению паниндийское пространственное образование Восточной и Южной Африки, которое виделось как

Индийская Америка и мечтам о котором предавалось полмиллиона переселившихся туда индейцев, было втянуто в тихоокеанский и австрало-азиатский островной мир.

Разрушающе действовало также преходящее имперское образование царской России на северном побережье Тихого океана, которая стремилась превратить Окраинное море (Берингово море) в закрытое русское море — в “*mare clausum*” и еще в первой трети XIX в., дабы преградить англосаксам доступ к тихоокеанскому побережью Северной Америки, заключила с испанской Южной и Центральной Америкой договоры, которые

перекрывали Золотые ворота Сан-Франциско_. Итак, новым является в действительности транстихоокеанская позиция США, позиция “primus inter pares”_, первого среди партнеров, лишь с большим трудом поддерживающих видимость равенства на самом большом океане! Своеобразие этой позиции мы докажем при последующем рассмотрении морских панидей. Сейчас же ограничимся констатацией, что проникновение финикийцев в западную часть Средиземного моря воспринималось, само собой разумеется, как разрушение строгого разграничения между Азией, Европой и Африкой,

как и последующее наступление эллинов в Азию, римлян — в Азию и Африку в противоположном смысле; разрушителями строгого деления на части Света явились и следовавшие один за другим чужеземные “покорители Индийского океана” (Баллард), и преодолевшие тихоокеанские просторы Бальбоа, Магеллан, Кук, Перри и многие другие. Они помогли подготовить разумное образование Пантихоокеанского союза, которое ныне угрожает подорвать панамериканские, как и паназиатские, интересы, австралийские желания обособления и великокитайские, паниндийские и

великояпонские или малайские идеи в равной мере. Разрушителями скрижалей с паннадписями традиционного стиля являлись также — и это само собой понятно — великие трансконтинентальные переселения и военные экспедиции, оставлявшие за собой в некотором роде долговременные последствия, вызывавшие, правда в отдаленной перспективе, действия зачастую совершенно иных сил, чем те, что были призваны ими вначале.

Все же совсем нелегко в отдельных симптомах — описанных как великое переселение народов — кочевых перемещений в Старом Свете с амплитудой от Великой

Китайской стены до [с.293]
наскальных рисунков в Северной и
Западной Европе и
южноафриканских стенных росписей
— распознать совокупность. Однако
уже именно от этих переселений
отпочковывается серия контактного
метаморфоза и передвижений, коими
насыщены Европа, Старый Свет.
Поход Александра и нашествие
монголов выступали, с одной
стороны, носителями пандвижений,
а с другой — в еще большей степени
разрушителями панобразований, и
далеко не в единственном смысле. В
конце концов первые письма
пантихоокеанского региона
(Umrandung) — на нечеткие следы

которых напали интеллектуалы, такие, как Гриффит Тейлор, Фробениус, Фридеричи, Заппер_и другие, — были принесены палеоазиатами из Северо-Восточной Азии — от пещерных форм тихоокеанского американского побережья до культуры майя, ацтеков и кишуа; следы, с которыми встретились, вероятно, по другую сторону островной дуги (Inselwolken) с последней промежуточной высадкой на острове Пасхи малайцы и полинезийцы и жители Юго-Восточной Азии.

Кажется почти чудом, что, несмотря на очень сильный натиск и ломку правил, представление о

частях Света в традиционном стиле могло удерживаться так долго как основание для формирования панидей, как и то, что оно то тут, то там распадалось под мощным толчком и осколки или части пространств отчуждались тем или иным наднациональным имперским образованием. Такие утраченные части территорий, вроде бы мимолетно отделенные от части Света, порой отторгались в полном смысле слова на сотни и тысячи лет. Возврат к прежней окружающей среде им часто приходилось оплачивать наступлением упадка и краха, как пережили это Александрия, Циндао и как еще

предстоит испытать Сингапuru или Шанхаю. Таковую же участь разделили даже центральные ландшафты и их деловые центры — Афины, Дели или Рим.

Кого из знатоков жизни удивит, что в наступлении (im Aufkommen), в первом ударе нарушители гибких естественных порядков, которые кажутся прочно стоящими на Земле и в пространстве, временно, in statu nascendi_, оказываются сильнее, чем сопротивляющиеся, стремящиеся лишь удержать существующее? Только во временной протяженности геополитический фактор доминирует над бурным желанием, сводит средний уровень к средней

норме, ибо “крайности не продлевают вид, породу, расу” (Челлен).

Для способности панпорядков поддерживать новые пространственные законы, которые в первую очередь разрушают старые, решающее значение имеет, обладают они или нет пространственным инстинктом, биологическим умением приспособляться. В этом направлении удивительно то, что чисто духовные пан-движения, например великие мировые религии, полагались в этой сфере на благоразумие, как обдуманно вели себя они по отношению к сугубо насильственным движениям,

народным волнениям или даже “с военной точки зрения из рук вон плохо [с.294] руководившемуся предприятию всемирной истории” — крестовым походам_.

Как рассудительно и гибко принимает в расчет возникшая в Передней Азии, сложившаяся в Средиземноморье традиция христианства климатические условия северогерманцев и их представления о разделении политических пространств! Насколько податливой к изменениям показала себя буддийская панидея в своем продвижении, с одной стороны, по ландшафту Центральной Азии по пути Махаяны_, а с другой — по

прибрежным морским путям учения
Хинаяны__, что точно раскрывает
доктор Вюст в своем исследовании
ламаизма как формы культа
ландшафта Центральной Азии. Как
отчетливо прослеживаются прежде
всего при зарождении и
распространении пандвижения
ислама отдельные фазы и повороты,
при которых бурно выраженные
паузы необходимого
пространственного приспособления
сменяются волевыми импульсами
движения вперед (Weitertragen)
сквозь преграды естественных
пространств. Очень немногие
пандвижения, как ислам — так
называемая религия пустыни,

находились под наблюдением и
прослеживались столь внимательно с
момента его зарождения
панобразованиями, которым
угрожала опасность, поэтому ислам
по праву служит прототипом
нарушающего пандвижения. Он
следовал по многим путям
предшествовавшей ему
эллинистической культурной волны
и раскрывает нам тем самым
процесс, характерный для всех
пандвижений, а именно при всем
желании к обновлению они охотно
пользуются геополитически уже
опробованными путями. Так,
эллинистический торговый язык
увлек за собой в регион устья Инда

арабский, а с возвращавшимися по муссонным трассам арабами, китайцами, японцами проник иберийский — ни один, ни другой не оставили бы отзвука, не заставили бы без него как-либо вступить на почву, где победитель следовал в пространстве за побежденным, приспособляясь к нему.

Мы видим это до определенной степени на примере экспансии морских, как и степных, народов в морские и степные пространства, являющиеся двумя воспитателями крупнопространственного мировоззрения, сильнейшими политико-пространственными соблазнами, побуждающими к

разработке проектов образований панидей.

Этот процесс можно проследить в последнее время на примере самой молодой крупнoprостранственной панидей, посредством которой американская культурная политика соорудила от панамериканского к паназиатскому образованию через смелое пантихоокеанское несколько искусственно связывающую дугу (Wolbung).

При этом и пантихоокеанская идея следовала по уже имеющимся опорным камням и разумно использовала их в меру пригодности для строительства. Доказательством этого, вероятно, является блестящая

мысль сделать день памяти испанца
Нуньеса де Бальбоа, 29 сентября
1513 г. впервые возвестившего [с.295]
о возможности такого
панстроительства, днем поминания
идеи на всех тихоокеанских
ландшафтах. Это, наверное,
неожиданно для сведущих в истории,
что на Филиппинах, которые в 1571
г. были включены в систему
испанского господства на Тихом
океане, в современном Шанхае, в
Японии (чей великий сёгун Иеясу
еще задавался вопросом, почему ему
следовало бы бояться короля
Испании, ведь он достаточно овладел
искусством воина и способен ему
противостоять) еще и сегодня в день

св. Михаила можно видеть, как отмечают память человека, которого корона Испании позволила казнить в 1517 г. Эта скромная процессия (Zug) содержит в себе, пожалуй, гораздо больше доказательной силы превосходящей власти идеи, а также пространственной идеи в противовес краткосрочному насилию, чем многие другие доводы, которые мы могли бы привести далее на сей счет.

Отношение американцев Соединенных Штатов к пантихоокеанской идее — один из грандиозных примеров — подобного переменному току — воздействия духовного движения, родившегося из крупнопространственного

мышления, на пространственное образование и обратного воздействия, что становится ощутимым на поверхности Земли, хотя и лишь в планах, проникнутых новым, наводящим духом. Это углубляющееся ощущение пространства наряду с его растущим покорением было неминуемо, как все такие движения, носителями которых поначалу были лишь одиночки, и требовались сильные изъятия, чтобы увлечь многих. И это все же заслуга тех, кто с готовностью вступили на этот путь крупнопространственного мышления и держали ответ вместе, как обычно большинство. Духовное движение за

преодоление пространства было
налицо еще до того, как появилась
возможность осуществить его на
практике, даже до того, как
пространственные владения
Соединенных Штатов приблизились
к Тихому океану. Его образование
объясняется, по нашему мнению,
слиянием духа, построившего из
океанского инстинкта Британскую
мировую империю, с импульсом
преодолевавшего континент
“Westward ho” (“Вперед на Запад”),
который увлек прежние прибрежные
штаты времен Войны за
независимость в глубь материка, во
все большие пространства, ставя
каждый раз более широкие

пространственные проблемы так, что они, распространившись по другую сторону прерий и тихоокеанского “раздела” (главного водораздела части Света) на самом большом мировом море, переместили побуждающий к движению момент с прерий на океанские просторы и добавили к нему другой импульс к расширению [пространства], явно океанский, шедший от восточного побережья. Эти же проблемы пробудили вначале и японского соперника по другую сторону Тихого океана и ему ставили в упрек странный поворот (это слово, вероятно, родилось в австралийских устах) относительно его убеждения в

“ошибке Иеясу”: что греховным упущением японцев и их мудрого сегуна было то, что они не хватались за тихоокеанский трезубец и возможность освоения тихоокеанских [с.296] островов и окраинных земель, а это обеспечило бы [Японии] многовековое превосходство. Правда, с начала XIX в. Соединенные Штаты Америки наверстывали упущенное: в 1813 г. отважными, полными приключений тихоокеанскими плаваниями, в 1842 г. — еще до того, как американцы добились права на тихоокеанское побережье, — декларацией о Гавайских островах, затем, в 1845-1858 гг., пробившись вначале

северным, затем калифорнийским клином к побережью Тихого океана и сломав русско-испанский сговор_, направленный на их сдерживание, наконец, покупкой Аляски и приобретением островных опорных пунктов завершили провидческий поворот к Тихому океану.

В повороте Соединенных Штатов лицом к Тихому океану прослеживаются на протяжении длительного времени два направления: одно, с отчетливо каботажной окраской, берущее начало в отношении мореплавателей восточных штатов к тихоокеанским островам, а именно к Гавайским, к Южным морям и Японии; и другое,

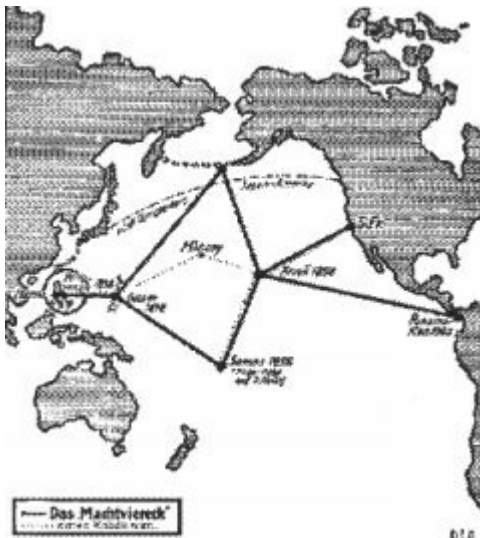
более решительное, исходившее от импульса тихоокеанских прибрежных штатов, в особенности от Калифорнии. Это ведет к их в известной мере основанному на силе государственно-политическому объединению благодаря Мэхену и Рузвельту____, к экономико-политическому — благодаря Бруксу Адамсу в последнем десятилетии XIX в.; наконец, к длительное время вызывавшей возбуждение культурно-политической консолидации, главными выразителями которой с самого начала были прозорливые тихоокеанские миссионеры. Своего апогея данное объединение достигает в блестящем успехе

культурно-политического
Тихоокеанского союза,
Тихоокеанского института в Гонолулу
и журнала “Pacific Affairs” с их
тихоокеанскими конгрессами.

В культурно-политическом
объединении был постепенно
преодолен насильственный,
бросавшийся в глаза грубый нажим
тихоокеанских прибрежных штатов, а
именно в пререканиях школ и
запретах въезда в страну и в
препятствиях даже для такого
духовного лидера, как Рабиндранат
Тагор (которому потому дали
поворот от ворот Калифорнии!). Не
случайно США направили послом в
Японию Уильяма Р. Касла, ярко

выраженного умиротворителя, сына человека, который оставил руководящий пост на Гавайских островах, не пожелав содействовать политизации миссии в пользу аннексионистского движения. Он родился еще при Калакауа — последнем туземном короле Гавайских островов, получил прекрасное образование в США и был направлен на ответственный пост за границу. Не случайно и то, что сенат Соединенных Штатов Америки — отступая от фронта очевидного политического и экономического империализма в западной части Тихого океана — готов теперь предоставить

Филиппинам__обещанную свободу,
правда сохранив там в силе,
несмотря ни на что, военно-
политическое и экономическое
преимущество США. И все же в этом
скрыта нелегко добытая победа
компромиссного пан-тихоокеанского
культурного движения — вопреки
могущественному государственному
секретарю Стимсону. [с.297]

*Пантихоокеанские силовые
направления США: Американский
четырехугольник*

Das Machtkreis —
четырехугольник, дающий власть

(всемогущество)

Amer.

Kabellinien

—

американские кабельные линии

В таких событиях ослабления напряженности ясно проступает отчетливо переносимая из чисто духовной позиции в пространственно-политическую область трансформированная и картографически зримая, находящаяся на подъеме сила культурно-политической панидеи, чья опорная точка для перенесения — прежде “сего благоприятное расположение Гавайских островов и неразумность включения Филиппин, принадлежащих к Восточной Азии, в

силовую структуру западной части Тихого океана, даже если это зафиксировано в столь убедительной с военно-политической точки зрения форме, как “Американский четырехугольник” (“American Qudrilateral”) на больших морских просторах. Особый вопрос (Anhafterpunkt), имеющий трансокеанское морское значение (впадина!), также непременно сохраняется, упраздняется лишь пространственно-политическая нагрузка архипелага: иными словами, победа океанской тенденции над континентальной, над [с.298] пространством вместо состояния с трогательной примесью

империалистического духа.

Несомненно, пантихоокеанская идея — охватывающая в равной мере и сам океан и прилегающие к нему районы и побережья, — чисто географическая панидея, являлась как бы континентальной; в то же время для паназиатской, как и для панамериканской, исключительности она имеет нарушающее, наступательное воздействие; и, конечно, пантихоокеанскую компромиссную мысль ощущали некоторые панидеи старого стиля в их стремлениях к власти, как колониальные империи и осколки колониальных империй Великобритании, Франции,

Голландии, Португалии, а также
великояпонские, малайско-
монгольские мечты о будущем и
жаждущие обновления носители
сохранившегося в памяти китайского
имперского мышления.

И все же мы считаем
Тихоокеанский союз как морское,
панокеанское движение самым
сильным сегодня на Земле, в своем
роде доступным пониманию,
несмотря на кажущееся
картографически более
впечатляющим формирование
империи Индийского моря,
внутренняя, идеологическая
несвязность которой слишком
очевидна и которая, как ее многие

предтечи в Индийском океане, в конце концов растворилась в сети особых опорных пунктов, отдельные из коих рано геополитически выделились и стали весьма устойчивыми, даже меняя своих хозяев. Пантихоокеанское движение, в особенности с британскими идеями морской империи, занимающими второе место на буксире, со склонностью к эволюции, является будущим достойным противником крупнейшей революционной континентальной панидеи: и та и другая исходят от держав, не входящих в Лигу Наций!

Наконец, в какой высокой

степени охватывающая весь мир, объединенная океаном совокупность рассеянных владений, как Британская империя, в меньшей степени предшествовавшие ей заморские образования с опорными пунктами или крупные опорные части империи, нарушая, проникали в чужеземные панобразования, пока они сами не стали таковыми (пан-Британия, Великая Британия) или таковыми сумели себя сотворить (австралийское Сообщество), об этом свидетельствует любая добротная карта империи, любая из многих, здесь не названных работ, которые рассматривают такое строительство, вероятно лучше всего — статья в

“Economist” “The evolution of the colonial empire” (“Эволюция колониальной империи”). Ведь эта статья справедливо напоминает об остатке территории колониальной империи, которая после эволюции крупных доминионов в Британское Содружество наций все еще сохраняется (после принятия новой конституции Цейлона) , которая, раскинувшись по всей планете, считает все же своими основными жемчужинами тропический регион сообразно дополнительным потребностям метрополии. [с.299] Однако *primum mobile* является “the human factor”. Но в этом же месте обнаруживается и нарушающее

пересечение с объединяющими
местными или обусловленными
морем локальными пан-
устремлениями, а именно почти со
всеми, где сосредоточивается
большое затруднение для
британского имперского союза. Пан-
Азия, пан-Африка, пан-Америка,
пан-Европа, все крупные
организации частей Света (только не
пан-Австралия, которая на 96%
британская, но очень
малозаселенная); пантихоокеанское
движение (в которое искусно
включились, но относятся к нему все
же с недоверием как на
представляющее тайные
преобразовательные тенденции,

угрожающие империи Индийского моря) и отказ со стороны США гарантировать владения в Атлантике; соображения о надгосударственной организации всех трех Срединных морей: панидеи старейшей христианской церкви, буддизма и ислама, ближневосточные, арабские, паниндийские, великокитайские, малайско-монгольские и советские суждения, даже предстоящая в будущем панафриканская эмансипация — все они так или иначе сталкиваются с этой колониальной имперской цепью, прочные и гибкие узы которой образует следующая за атмосферой по пространственному охвату

географическая сила Земли —
Мировой океан! [с.300]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.299) “Economist”. 28.VII.1928.
Р. 164-165.

(с.299) Parliamentary paper.
3131/28.

См. [примеч. 6. С. 143](#). [с.300]
“Лесные малайцы” (*малайск.*).
[с.300]

Левант (*фр.* — Levant, *итал.* — Levante — Восток) — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря, в узком смысле — Сирия и Ливан.
[с.300]

Англо-японский союз (1902-1921) представлял собой

совокупность договоров. Первый договор о военно-политическом союзе между Англией и Японией был подписан в Лондоне 30 января 1902 г сроком на пять лет. Предусматривал “особые интересы” Англии в Китае, а Японии в Китае и Корее. Договор был крупной победой японской дипломатии, дававшей Японии возможность начать борьбу с Россией, не опасаясь вмешательства третьих держав. 12 августа 1905 г в Лондоне был подписан второй союзный договор сроком на 10 лет, а 13 июля 1911 г — третий договор. На Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. США добились расторжения этого союза. Его заменило

соглашение четырех держав (США, Англия, Япония и Франция) о взаимных гарантиях неприкосновенности их островных владений в Тихом океане. [с.300]

Золотые ворота — пролив, соединяющий бухту Сан-Франциско с океаном. См. также [примеч. 9. С. 65](#). [с.300]

“Первый среди равных” (*лат.*).

Магеллан Фернан (около 1480 — 1521) — португалец, мореплаватель на испанской службе, совершивший первое кругосветное плавание. Кук Джеймс (1728-1779) — английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания, исследовал восточный

берег Австралии. Перри Мэттью
Калбрайт (1794-1858) —
американский морской коммодор,
добившийся прорыва самоизоляции
Японии. [с.300]

Поход Александра Македонского
начался в 334 г. до н.э. В результате
завоевания Персидского царства
Ахеменидов и проникновения в
Индию Александр создал мировую
империю, простиравшуюся от Дуная
до Инда. См. также [примеч. 15. С.
225](#). [с.300]

Заппер Карл — видный
немецкий географ, сотрудничавший с
Хаусхофером в журнале “Zeitschnft fur
Geopolitik”. [с.300]

“При рождении” (лат.). [с.301]

Крестовые походы — чисто завоевательные мероприятия, осуществленные под религиозными лозунгами. В результате первого крестового похода в Палестине было основано Иерусалимское королевство по образцу европейских феодальных государств. [с.301]

Направление в буддизме, возникшее в I в. в Северо-Западной Индии. [с.301]

Южная ветвь буддизма с центром в Канди (Шри Ланка). [с.301]

Иеясу (1543-1616) — первый сёгун из династии Токугава, завершил борьбу за политическое объединение феодальной Японии.

[с.301]

См. [с. 60](#) [данного издания.](#)

[с.301]

Речь идет о Теодоре Рузвельте (1858-1919) — тридцать шестом президенте США (1901-1909). **[с.301]**

Калакауа был королем Гавайских островов с 1874 по 1891 г.

[с.301]

Еще закон Джонса (29.VIII.1916), одобренный конгрессом США, предусматривал возможность предоставления Филиппинам независимости только при условии создания стабильного правительства. В последующие годы под влиянием массового патриотического движения на Филиппинах и в

соседних с ними районах Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, начавшегося мирового экономического кризиса США вынуждены были пойти на уступки. Одной из первых акций “нового курса” Ф.Д. Рузвельта было предоставление Филиппинам статуса автономии.

Окончательно независимость Филиппин была провозглашена 4 июля 1946 г. [с.301]

Стимсон Генри Льюис (1867-1950) — государственный деятель США, в 1928-1929 гг. — генерал-губернатор Филиппин, в 1929-1933 гг. — госсекретарь. [с.301]

Британское Содружество наций (1931-1947) — объединение в

составе Великобритании и ее бывших колоний, получивших независимость. Оформлено Вестминстерским статутом 1931 г., который предусматривал установление суверенитета доминионов в рамках Британской империи. Согласно статуту, законодательство каждого доминиона получало суверенную силу, даже если оно противоречило законам метрополии. Доминионы приобретали право проводить самостоятельную внешнюю политику, решать вопросы войны и мира, включая вопрос об участии в войне на стороне метрополии.

[с.301]

ГЛАВА V

МОРСКОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПАНИДЕИ

Море и части морей, разделяющие сухопутные пространства, придают значимость океанским, талассийским, прибрежным мотивам [в отношениях] между государствами лишь на национальной основе и в

наднациональной организации;
Внутренние и Срединные моря уже
способны пробудить имперские
идеи, равно как и панидеи.
Организация целых океанов ведет к
империи Индийского моря, к
тихоокеанской позиции
Соединенных Штатов: к
четырёхсторонности (Quadrilateral)!
Противоречие между заокеанской
силовой и культурной политикой
проявляется, например, на
Филиппинах, которые служат
своеобразным манометром! До сих
пор неудача подстерегает только
Атлантику в отличие от Тихого
океана с его несомненно
конструктивной геополитикой!

Однако морской империализм, вооруженный и бряцающий оружием, самопроизвольно не готов возникнуть подобно Афине (Палладе) из головы Зевса, а именно, потрясая трезубцем, сделать мысль о превращении части моря, Внутреннего или Окраинного моря, затем Срединного моря, наконец, Океана или же их совокупности — Мирового океана с его серебряным поясом связующей геополитической силой некоей панидеи. Идея господства над морями развивалась в ходе трехтысячелетней схватки с идеей свободы морей, в конечном счете в грандиозной попытке к соединению обеих. И все же эта

мысль о господстве значится также как символ в мудрейших словах римлянина Саллюстия_, полагавшего, “что любая позиция силы могла бы утверждаться лишь теми средствами и искусством, благодаря которым она была изначально приобретена”. В глубь ранней истории человечества уходит мысль о создании заокеанской Британской империи: к финикийцам, критянам, эллинам в Восточном Средиземноморье, индошумерам в Персидском заливе; к первому разбегу Понтийского царства_и пестрому ряду “dominien maris baltici”_____северо-германцев; к созданию могущественной, охватывавшей Средиземноморье

Orbis Romanus_и к морской мощи Венеции (сохранившейся как Венеция!), которую британцы так часто находили родственной по образу мыслей. В таинственном дуализме природа и искусство сотворили на Востоке Старого Света то, что поначалу было Внутренним морем, затем Японским морем и в конце концов стало тем, что японцы называли Nan-Yo — Южным морем, обширной Японской империей; а между странами Заходящего (Abendland) и странами Восходящего Солнца (Aufgangsland) через Индийский океан прокладывали пути “наездники муссона” — финикийцы, эллины, арабы, китайцы, малайцы,

связывая цепи окружающих острова торговых пунктов, на которых поднялось первое океанское окаймление (Umrandung) — [с.302] империя Индийского моря. Позже был переброшен мост через бездну Атлантики к североатлантической империи культуры англосаксов, к строительству иберийских народов в южноатлантической зоне. Задолго до этого россыпь островов в Тихом океане связывала между собой народы и служила путем продвижения культуры. Но первые панидеи на этот счет осуществила Испания лишь в 1514-1570 гг., малайцы и полинезийцы были для этого слишком неорганизованными,

морскими бродягами, не обладавшими чувством истории.

Итак, нам остается бегло пройти по истории, начиная от потока культур Нильской долины и ландшафтов Двуречья (Тигра и Евфрата) и Инда и шедшего в том же направлении, давно иссякшего родственного потока на Мемфис, Ур, Хараппу и Мохенджо-Даро и ретроспективно увидеть в четвертом тысячелетии до нашей эры противостояние морских панидей континентальным образованиям и их прорывы.

“Самое важное, что может быть сказано по поводу отношений между народами” (Ратцель) кроется в этом

противоборстве, в поступи твердой суши через прибрежную жизнь к талассийс-кому и океанскому существованию. Многие жизненные формы в процессе этого движения остались мимоходом включенными в прибрежную и талассийскую действительность. Разумеется, при этом всегда устанавливался предел: как далеко простирается в глубь страны обоснованное влияние на Мидгардского змея_, на серебряный пояс, на морскую силу, на морскую мощь, т.е. каково так называемое право территориальных вод. Где сухопутному пространственному мышлению части Света удавалось оттеснить его, наконец, бесследно

проложить путь обратно в море к другим, не защищенным от грабительских набегов открытым побережьям?

Лорд Пальмерстон_, безусловно свободный от стесняющих предрассудков, в последние годы своей жизни предостерегал и предупреждал свою господствовавшую на морях родину относительно Суэцкого канала, полагая, что он обременит ее в регионах Ближнего и Среднего Востока, империи Индийского моря большей континентальной ответственностью, чем могло бы нести островное государство. События последнего времени

указали Японской империи границы и рубежи (Корея, Маньчжурия), подобные тем, которые часто открывались старой Венеции в ее связи с terra firma, а позже в родственной форме, но в неизмеримо большем масштабе Британской империи. Полагали, что вместе с графом Гото_после тяжелой борьбы можно в конце концов осуществить в Маньчжурии справедливое разграничение с русскими, соединив континентальное и морское влияния: куда труднее с китайцами! Русско-японская линия раздела на основе конвенции 1925 г._нам известна_. Однако в пику китайцам К. Хонда говорил в 1928 г. о “Маньчжурии как

первой линии [с.303] обороны Японии”, а Т. Кикучи — о ней как о “дочери Японии”. Где же тут право Китая, направившего в этот район за одно поколение 30 млн... человек в сравнении с 240 тыс. японцев, 160 тыс. русских?

Было бы захватывающе интересно и поучительно установить на основании многих исследований, таких, как исследование Лаутензаха “Mittelmeere als Kraftfelder” (“Срединные моря как силовые поля”), или Мерца “Nord und Ostsee” (“Северное и Балтийское моря”), или мое “Geopolitik des Pazifischen Ozeans” (“Геополитика Тихого океана”), насколько глубоко панидеи,

опирающиеся на море или части морей, могли успешно противостоять панидеям, возникшим на суше, при медленном уравнивании сил, или же они не могли больше взять верх. Такая попытка могла бы дать необычайно ценные точки опоры для оценки силы геополитических факторов, способных утвердиться на длительный срок в деяниях и воле по сравнению со средним уровнем. Вероятно, наиболее распространенная ошибка наших атлантов и их школы — представлять исключительные достижения Александра Македонского, Цезаря, Хубилайхана, Наполеона в покорении пространства как само

собой разумеющийся, достойный
памяти образец. Однако, воспитывая
на таких примерах культ героев,
можно легко проглядеть главных
действующих лиц в грядущем, то,
какой огромной мощью и
стойкостью сопротивления обладают
привычное в пространстве и по
форме, долговременная сила
геополитики. Океанский человек
более открыт судьбоносным
учениям, чем косный,
континентальный, более
проницателен в понимании
возможностей пространства. Это
является основой способности
океанских народов (Ратцеля больше
всех поражали малайцы) при крайне

малой численности действовать с максимальным эффектом. В этом, вероятно, и основа того, почему имперские образования, равно как и панидеи, опирающиеся на прибрежные и талассийские силы, легче претворяются в жизнь, почему в своем воображении мы отдаем предпочтение охватывавшему Средиземноморье панобразованию в Римской империи перед сравнительно небольшим имперским центром — Ираном. Римская империя с внешней стороны ближе подходит нашей идее панобразования, чем внутренне столь полиморфная первая Великая держава Ближнего Востока, которая

все еще и сегодня блуждает в мыслях о будущей консолидации. Перед обширными континентальными картинами по обеим сторонам трассы переселения скифов в так называемые средние века ослабла, правда, никогда не забывавшаяся, а в *fascio* [итальянском фашизме] вновь возродившаяся римская средиземноморская имперская традиция. До борьбы за Индийский океан и морские империи Европы были малопространственными, хотя, как и венецианская, образцовыми по структуре, так что их стойкость помогла устоять против мощного натиска турецкой силы.

В книге “Границы” (гл. VI) я

постарался сопоставить восприятие границы и ее защиты людьми и народами, подверженными [с.304] морскому влиянию, отношение к морю. Читатели найдут там также классически выраженное, совершенно иное отношение морской панидеи, воплощенной лишь в одном отдельном городе, в Венеции, в тексте надписи над порталом ее магистратуры *sulle acque* — над водой____. Исследуя представления европейских стран о связанном с морем государственном и хозяйственном организме, мы еще и сегодня обнаруживаем в них отражение понятий и опыта старой морской державы — Афин,

грабительских войн Рима на море и classic frumentaria, но прежде всего беспрецедентного насилия средневековой Венеции в отношении германских имперских городов и их культуры Возрождения с более полнокровной жизнью, чем у избороздивших весь мир англосаксов и близких к ним малай-монголов. Это — большее сродство малоземельных с малоземельными, хотя сам опыт противоположный.

Но такие факты выдают, что слишком односторонняя, в историческом и юридическом смыслах понятная, а в биологическом роковая ретроспективная склонность сильно

затрудняет понимание не только современных и будущих океанских панидей (таких, как имперские британские, американские — Соединенных Штатов, англосаксонские культурно-политического Сообщества, тихоокеанские), но и отношение к морю вообще, не понятому, как утверждает Тирпиц, немцем. Безусловно, надо также принять во внимание тот факт, что только еще одна крупная культурная нация — китайская — пережила сходное с немецкой нацией катастрофическое сокращение морского побережья в ходе строительства государственной власти: за одно столетие береговая

линия Китая сократилась с 17 тыс. км до 7100 км, а Германии со времени Гогенштауфенов__, затем Ганзы, Германского союза, Германо-Австрийского согласия и до настоящего времени с более чем 5000 км до 3300 км, затем 2700 км и, наконец, до немногим более 1000 км. Такие цифры говорят сами за себя!

Сколько стоило усилий довести, но не к началу мировой войны, до сознания подавляющей массы континентальных немцев, что театром военных действий явится область, соседствующая с побережьем и заливами, затем романское Средиземноморье; как по-континентальному читали они свою

военную карту, на которой неизменно под Центральной Европой в сущности понималось занимаемое ими пространство, в то время как в поле зрения океанских противников всегда находилась карта мира. Тем не менее было фактом, что единственное более крупное взаимосвязанное морское пространство, решающее для длительного сопротивления Центральных держав, — Балтийское море, смогло избежать блокады, хотя и существовала возможность закрыть его как Черное море_. В Японии знают, что означает для поддержания жизнеспособности островного государства абсолютное господство

сначала над территориальными водами, а в русско-японской войне — над Японским морем, в будущем же безопасность пространств между Татарским проливом, проходом [с.305] Цугару, дугой островов Рюкю и Формозским (Тайваньским) проливом, даже когда остается необеспеченным пространство архипелага на Юго-Востоке.

Пример: четкая прорисовка Челленом в его работе “Schweden” (“Швеция”) увядания морской имперской идеи, вроде шведской, могла бы стать предостережением всему северному германству, куда ведет при малом пространстве отсутствие последовательного

отношения к выходу в море. Однако то, что мы можем привести как исторические примеры морских жизненных форм, было всегда лишь имперским мышлением к началу эпохи, которую ошибочно именуют империалистической. И империя Индийского моря в конце мировой войны, откуда угрожали быстро выпасть удерживавшие ее свод увесистые камни — Индия Египет, была в сущности имперской идеей, а вовсе не панидеей.

В качестве морской панидеи в духе нашего времени мы должны признать лишь пантихоокеанскую. Это делает образование понятий, учитывая неповторимость

противостоящей ему проблемы, столь трудным, что этим следовало бы заняться прежде всего пантихоокеанским конгрессам, журналу “Pacific Affairs” ввиду беспримерности конструкции, которая хотя и знает предтечу, но не имеет прецедента.

Реализовать ослабляющую напряженность силу огромных морских просторов Земли наряду с их сближающей народы способностью как активное, позитивное средство к установлению наднациональных сношений — разумеется, в самом широком масштабе своего бассейна — это грандиозная культурно-политическая

идея. Несомненно, враждебное отношение к ней не только ставит нападающего в положение противозакония, но — что, вероятно, более действенно, — и наносит ему ущерб. Он причаливает к противоположному берегу, в силу суровой целесообразности используя язык моряков Соединенных Штатов, с пустыми бункерами и полными трюмами, т.е. испытывая большие трудности в пополнении топливом, и с уменьшившейся скоростью и работоспособностью (на память приходит безумный рейс Рождественского)_. Там он должен тотчас же рассредоточить свои силы и в ответ на короткий

оборонительный удар подвергшихся нападению небольших, но более сплоченных, чем нападающие, действующих из высокого морального сочувствия нейтралов высадить морские и воздушные силы. Провал означает уничтожение: также и моральное! Это соображение во многом способствовало тому, что именно на самом крупном океане впервые было осуществлено действительное сокращение наступательных и оборонительных морских вооружений (Вашингтонская конференция 1922 г.)_и дальнейшие предложения исходят от прибрежных государств этого региона (1930)_. Именно опыт

этого региона подтвердил, что национальная предупредительная забастовка, бойкот товаров враждебной страны, невзирая на то что массы потребителей бедны, а транспорт парализован, — разумеется, более эффективное средство будущих перемещений силы, чем поднятые на столь [с.306] чудовищную высоту еще в мировой войне прямые средства насилия. Но и авиация без стабильной наземной организации бессильна. Это убедительно показали полеты над морем через Курилы, вдоль Иранского побережья, над Индией и из Индии в Австралию. В результате растет стремление оградить законом

прежде всего отдельные моря, наконец, попробовать, как вообще могло бы использоваться в качестве понятия-приманки “Открытое море” на службе крупных политических форм или при взаимном компромиссе между панобразованиями.

Такой подход, конечно, создавал угрозу превратить малопространственные ландшафты в недееспособные, каковыми стали эллинские мелкие ландшафты внутри Orbis Romanus и эллинистического культурного содружества, да к тому же и в сравнительно короткое время.

Надо признать, что —

рассмотренные в таких измерениях — как панъевропейская, так и панавстралийская мысль, видимо, уже утратили, если не под угрозой утратить свою панмасштабность для государственных деятелей, мыслящих широкими пространствами реальных частей Света, континентов и океанов. Именно парадоксальным образом, потому что первую слишком многие люди на слишком малом жизненном пространстве воспринимают как ограниченную слишком малой способностью нести нагрузку, в то время как державы, владеющие большими пространствами, могут маневрировать, обладая пространством, производящим

продовольствие; вторую слишком малое число людей на слишком обширном, изголодавшемся по населению пространстве воспринимают так, что при существующем где-то в другом месте давлении массы, со свойственным ей пространственным эгоизмом, они могли бы всерьез и надолго лишиться его. В еще большей степени это относится, пожалуй, к новозеландцам, которые, не имея даже 1,5 млн... населения при плотности 5 жителей на кв. км территории (в целом 207 500 кв. км), считают своей часть суши и моря, превосходящую ту, что занимает Японская империя с ее 90 млн...

населения.

Чтобы эволюционным путем сгладить такие несоразмерности внутри одного океанского бассейна, потребуется, вероятно, еще посредничество одной панидеи между столь различно сформировавшимися членами Лиги Наций. Однако этой сглаживающей функции противостоят, к сожалению, как мощнейшее препятствие, очень устойчивое страстное желание более чем миллиарда людей в Азии, вмешательство держав, которые с помощью насилия создали столь несправедливое право и ныне пытаются удержать его посредством юридических построений, по

меньшей мере закрепить оставшиеся у них территории. Это — силы азиатского и африканского континентального мышления, противящиеся революционным путем любой самой большой океанской сглаживающей панидее. Прежде чем мы рассмотрим места, где оба этих мышления противостоят друг другу на пересечениях, известных крупными стычками на протяжении столетий, и докажем [с.307] наличие борьбы между океанским и континентальным панобразованиями, нам следует остановиться именно на морских пан-представлениях чужеземного происхождения во внутренней стране

и исследовать, могут ли они развиваться в противовес связям между традиционными частями Света, какими они ныне являются.

Главными выразителями развития панокеанского мышления являются северогерманцы (норманны, англы, саксы)_и малай-монголы или малай-полинезийцы. Только сменявшие друг друга и (как сказал бы Ратцель) скорее прибрежные и талассийские, чем океанские, вносят свою долю финикийцы, эллины, римляне и романские народы, иберы, а затем французы; арабы (плавая в своем индоокеанском регионе от китайцев и обратно) совершенствуют то, что

адмирал Баллард в своей книге “The rulers of the Indian Ocean” (“Властители Индийского океана”) описал как идеологию Индийского океана, а ранее ею поочередно овладевали иберы [испанцы и португальцы], голландцы, французы, британцы; в “Тангалoa” — учении полинезийцев, в японском мифе о происхождении синто для нас сохранились лишь остатки того, насколько сильным было океанское влияние на все мышление и восприятие народов восточноазиатской островной дуги — архипелага Южного моря до того, как туда проникла белая раса. Потребовалось длительное время,

пока они не пришли в себя после такого потрясения и не вернулись к своей первоначальной геополитике; и началом этого, видимо, является поворот японской политики вовне, ее медленный подъем от неудачи, вызванной насильственным взломом самоизоляции Японии североамериканцами (1854)___, к победе над северотихоокеанской Российской империей (1905).

В восточной Евразии в роли естественного воспитателя пан-морских взглядов мы видим австрало-азиатское Срединное море, внутренние воды Японии, Японское море, а также кратковременно существовавшее славянское

образование в северной части Тихого океана — Берингово и Охотское море, в западной Евразии — Зунд, Балтийское море, Северное море, Эгейское море, Красное море и Персидский залив, романское Средиземное море; совсем недолго, но трижды в истории Черное море также выполняло такую роль. Стало быть, это два, хотя и разорванных пояса Окраинных морей, которые вопреки всякому океанскому противодействию естественному соединению частей Света служат своеобразными заповедниками. Оба этих пояса огибают Цейлон у южной оконечности Индии, играя славную посредническую роль для всех

“наездников муссона” в политике и экономике, в легендах и сказках. Указатели смены курса Малакка — Сингапур на Востоке, пространство между Аденом — Маскатом и Занзибаром на Западе.

В противоположность открытому островному миру Индонезии с ее пантихоокеанскими и индоокеанскими связями в значительно рассредоточенном австрало-азиатском Срединном море [с.308] индийская континентальная панидея — явно обособленческая, центростремительная, автаркичная, материковая. Поэтому европейцы смогли, прежде чем в Индии воочию заметили, соорудить свои важнейшие

оплоты — опорные пункты на побережье чуждой коренной стране империи Индийского моря. Далее, все ветви географии признают особые океанские индо-тихоокеанские связи и связности: морфология (Рихтгофен)_, климатология (краски муссонных земель Кёппена!), океанография, в особенности сведения о растительном и животном мире (Дофлейн), антропология (Мартин и др.; цветные народы в окружении Индийского моря и западной части Тихого океана). Этим связям и связностям противостоит пришлое с Атлантики, чуждое господство над Индийским морем! Это ведет к тому,

что выходит наружу длительная, постоянно скрытая напряженность между Британской империей Индийского моря и пантихоокеанской, как и малайско-монгольской, идеями; носителями этой напряженности становятся цветные народы континента и островов. Это позиция некоего неизбежно лабильного состояния: ведь на пороге между далями Индийского и Тихого океанов северогерманские белые власти в лице всего около 200-250 тыс. белых господствуют над пространством в 7,85 млн... кв. км с 390 млн... цветного населения, часть которого принадлежит к древним культурным

расам, а 90 млн... соседних, расовородственных жителей третьей по мощи мировой державы на суше и море [т.е. Японии] наряду с 450 млн... старейших, в настоящее время находящихся вместе в имперских рамках культурного альянса на постоянной основе, должны надолго оставаться нейтральными и безучастно наблюдать за происходящим. Отсюда дальновидное намерение в Соединенных Штатах Америки своевременно предотвратить скандал, связанный с управлением из-за рубежа вопреки их воле Филиппинами_____как жертвой пантихоокеанской идеи! Но будет ли

усиливаться опасность для
традиционных колониальных держав
из-за наступления примерно в то же
самое время, с 1911 и 1919 гг.,
паназиатской идеи на открытое
Мировое море, за которой — 328
млн... индийцев и 450 млн...
китайцев и вместе с ним
разоблачение (демаскирование)
будущих стычек между самой
крупной и жизнеспособной
континентальной панидеей Старого
Света — паназиатской и самой
крупнопространственной,
несомненно связанной
геополитически и культурно-
географически с судьбой Нового
Света, противостоящей ей панидеей

Океана — тихоокеанской с ее
обратным индо-тихоокеанским
воздействием! [с.309]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.303) “Geopolitik”, 1929.

Саллюстий (84-34 гг. до н.э.) — римский историк, один из наиболее проницательных и точных римских писателей. [с.309]

Имеется в виду Понтийская Каппадокия (область в Малой Азии), которая в 280 г. до н.э. стала самостоятельным царством и во времена Митридата VI [с.309] (132-63 гг. до н.э.) пережила пору своего наивысшего экономического и политического расцвета (с 63 г. до н.э. — римская провинция, с 40 г. до н.э. до 64 г. н.э. снова

самостоятельное царство, затем снова римская провинция). [с.310]

“Владения на Балтийском море” (лат.). [с.310]

Римская империя, которая к концу республиканского периода охватывала, в понимании римлян, весь тогдашний мир — Orbis terrarum. Она характеризовалась своим особым расположением по отношению к Средиземному морю. Именно отсюда Рим распространил свое влияние, присоединив к себе одну за другой территории на континенте. Эта цивилизация занимала пространство от Испании до Сицилии и провинций Северной Африки. [с.310]

Мемфис — древнеегипетский город (к юго-западу от Каира). Основан в 3-м тысячелетии до н.э.; столица Египта в 28-23 вв. до н.э.

Ур — город в Месопотамии (Ирак), в 3-м тысячелетии до н.э. город-государство.

Хараппа — один из главных центров Хараппской цивилизации в Пенджабе (Пакистан) (середина 3-го и первая половина 2-го тысячелетия).

Мохенджо— Даро -город в Пакистане (3-2-е тысячелетия до н.э.) — один из центров хараппской цивилизации. [с.310]

Мидгарский змей в германской мифологии олицетворял Мировой океан. [с.310]

Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784-1865) — британский государственный деятель и дипломат, в 1846-1851 гг. министр иностранных дел, в 1855-1858 и в 1859-1865 гг. премьер-министр. Главным противником Великобритании считал Россию. [с.310]

Твердая земля, суша (лат.). [с.310]

Гото Симпей (1856-1929) — японский государственный деятель и дипломат. Возглавлял японо-советское общество культурного сближения. [с.310]

Речь идет о Конвенции об основных принципах взаимоотношений (Пекинский

договор 1925 г.) между Союзом ССР и Японией. [с.310]

См. [примеч. 13. С. 78](#). [с.310]

Frumentum — хлеб (зерно) (лат.). Кризис на закате Римской республики привел к раздаче хлеба беднейшим слоям населения, а плодородные провинции были обязаны поставлять Риму хлеб как натуральную подать. [с.310]

Гогенштауфены — династия германских императоров и императоров Священной Римской империи (1138-1254). С конца XII в. владели Южной Италией и Сицилией. Стремление Гогенштауфенов — Фридриха I Барбароссы, Генриха VI и Фридриха

II — создать мировую империю привело их к борьбе с папами, с католической церковью. [с.310]

См. [с. 234](#) данного издания.

[с.310]

Речь идет о блокировании Дарданелл в годы первой мировой войны, что сделало невозможным использование для поддержки России морских путей, проходящих через Черное море. Русский флот был заблокирован там, так как Дарданеллы находились в руках противника. Русский флот в свою очередь блокировал Босфор, чтобы не допустить прохода немецких кораблей в Черное море и обстрела побережья России. [с.310]

Автор имеет в виду 2-ю Тихоокеанскую эскадру русского флота под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского, совершившую во время русско-японской войны переход из Балтийского моря на Дальний Восток и разгромленную в Цусимском сражении (1905 г.).
[с.310]

На Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. пять ее участников — США, Англия, Япония, Франция и Италия — подписали договор об ограничении морских вооружений, установивший максимально допустимый тоннаж для линкоров и крейсеров, а также максимальный

калибр их артиллерии. См. также [примеч. 8. С. 103](#). [с.310]

Как уже упоминалось, Вашингтонская конференция не положила конец гонке морских вооружений. На Лондонской конференции 1930 г. было узаконено формально равенство флотов США и Британской империи. [с.310]

Англи, саксы — германские племена, участвовавшие в завоевании Британии в V-VI вв. [с.310]

Тангалoa (Тангароа) — у полинезийцев и микронезийцев (острова Гилберта) небесное божество, в ряде мифов Западной и Восточной Полинезии само небо, а также радуга и дождь, бог морской

стихии. [с.311]

См. [с. 61-62](#). [с.311]

Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм (1833-1905) — немецкий ученый, представитель естественно-научного направления в географии. Его выдающиеся научные результаты — путешествие по Китаю (1868-1872). Решительно отстаивал взгляд на географию как науку естественную. [с.311]

См. [примеч. 18. С. 301](#). [с.311]

ГЛАВА VI

ПРОТИВОСТОЯНИЕ УСПЕШНО РАСТУЩИХ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ И МОРСКИХ ПАНИДЕЙ

Противостояние

континентальных и морских панидей
как один из сильнейших
долговременных мотивов в истории

человечества раскрыл в 1904 г. Макиндер (воспитавший за долгие годы своей деятельности не одно поколение сотрудников британской внешнеполитической службы) в гениальном научном трактате “The geographical pivot of history” (“Географическая ось истории”) и на одной из первых солидных геополитических и безупречных в географическом отношении карт, представленных одному из первых научных форумов планеты — Королевскому Географическому Обществу в Лондоне. Государственные мужи на континенте, должно быть, проглядели этот способ

рассмотрения, иначе после 1905 г. они сделали бы из этого выводы и предприняли все, чтобы избежать войны, принявшей форму мировой, тогда как они, предпочитая двигаться ощупью, вползли в петлю дальнозорких игроков, и именно во всех predetermined материковой принадлежностью жизненных формах, в результате чего стали в той или иной мере данниками более гладкого превосходства океанской панидей.

Но что можно было требовать от государственных мужей Центральной Европы, если столь прозорливые воспитатели взглядов на мир, как Ратцель, написали в 1895 г.:

“Образование нового крупного островного государства есть самое осязаемое и прежде всего решающее в выступлении северо-тихоокеанской державы, с которой должно считаться государственное искусство Европы”. Это резюме относилось тогда к Японии и вызвало пристальный интерес к изучению островных народов и островных государств. Но разве это “новое” островное государство существовало не с 660 г. до н.э.? Разве уже с 1892 г. и позже не была очевидной подготовка Соединенных Штатов к весьма агрессивному островному государственному образованию, в результате которой уже в 1898 г. было

закончено геополитическое
строительство, между “внешним
полумесяцем” (“au?erem Halbmond”) —
которого или “внутренней точкой,
опоры (“innerem Drehpunkt (Pivot)” —
осью) — Центральная Европа должна
была “оптировать”, т.е. выбирать,
между которыми она не должна была
больше беспорядочно колебаться, —
если это на пути к их обоим
панобразованиям в то же время не
воспринималось обременительным и
требующим жертв или если это не
могло даже прокладывать новые пути
к панобразованиям более высокого
порядка (скажем, в Гааге)? Время
для этого было бы между 1898 и 1902
гг., вероятно, при очень смелой игре

еще до 1904-1905 гг., при дерзкой — даже до июля 1914 г. (сравните русский совет Германии: “Lachez l’Autriche, comme nous lacherons la France!”) [с.312]

Что сосредоточение сил к противоборству, в котором мировая война являлась лишь предупредительным жестом, было очевидно уже в 1904 г. в свете восходящего панобразования, это доказывает карта мира, предложенная Макиндером, которую мы воспроизводим здесь упрощенно, а обстоятельно разобрали в книге “Geopolitik des Pazifischen Ozeans” (“Геополитика Тихого океана”). Но Центральная Европа этого не

увидела. Все-таки это свершилось, и сегодня пантихоокеанская культурная политика уже не под руководством Британской империи, а Соединенных Штатов в их гигантской борьбе с древнейшим пространственным мышлением “оси истории”, центральной степной империи Старого Света. Ход развития его главного современного поборника — Советов происходит в условиях удивительного смешения вытесненных в Восточную Европу византийского и варяжского влияний, великорусской зоны скудной земли (подзол), подчинившей плодородные почвы (чернозем), выкованного монголами и татарами

панславистского и царистского мышления, которое ныне задрапировано в одежду Советов, но осталось все тем же пространственным мышлением и пользуется паназиатским стремлением к расширению пространства, чтобы окраинные ландшафты (периферийные__, по определению Рихтгофена) поставить на службу центральной панидеи Евразии. Эта борьба будет доведена до конца прежде всего на реальной почве континентальной части муссонных стран. Успешное интегрирование древних культур Юго-Восточной Азии в мировую культуру, взаимные плодотворные

обмены либо неудавшийся мировой пожар Старого Света, быть может, с обновлением в его пекле — такова и там и тут цена победы; во всяком случае здесь находится самая важная культурно-политическая задача XX в. Стало быть, стоит усилий исследовать поближе отношение хода мыслей Макиндера к нынешней демонстрации самых успешно растущих в пространственном отношении панидеи. Немногие события в такой степени пригодны для образования полярного разграничения также сообразно эволюционным и революционным основополагающим процессам. К тому же на сцену выходит одно

важное, почти закономерное явление для оценки будущего панидеи, а именно что морские панидеи как государственное мышление более способны приспособливаться, преобразовываться, эволюционировать, реагировать на окружение, чем континентальные, склонные к разрыву с прошлым, к рывку вперед, к насильственной смене “небесного мандата” (Китай, гоминь). Неудивительно, что этот эмпирический факт яснее всего обнаруживается в Восточной Азии, ибо почти нигде в мире, даже в пространствах с родственным климатом, нет такой континентальной державы (как

Китай) и такой талассийской (как Япония) — четко разделенных всего лишь коридором прибрежного моря, — чтобы можно было указать на трехтысячелетние, вполне сопоставимые экспериментальные порядки, лишь трижды нарушавшиеся войной_. В западной Евразии Средиземное море и Альпы фальсифицируют (verfalschen) [с.313] последствия, хотя Макиндер даже и здесь старается отыскать закономерные явления — только больше с примесью произвола и свободы воли.

главные пространства давления во
внешнем полумесяце местных
государств

Pfandraume im au?. Halbmond
randstandiger Mächte — закладные
пространства во внешнем
полумесяце периферийных
государств

Haupt— Kultur-Mächte des inneren
od. Randhalbmondes -главные
культурные государства внутреннего
(или окраинного) полумесяца

Wusten— und Steppen-Gürtel -
пояс пустынь и степей

Было бы абсурдным
пространственное мышление
Японской империи (несмотря на ее

нынешнюю военную мощь и ее мировые позиции) ставить в один ряд с великокитайским, великорусским и паназиатским в советской чеканке или с американским Соединенных Штатов (панмотивами американского Срединного моря, усиленными пантихоокеанскими и панамериканскими), — если бы позади едва способного нести нагрузку великой державы японского скелета земельного пространства не лежали обширные морские пространства, натиск 90-миллионного народа, но прежде всего грядущая океанская возможность образования

великомалайско-монгольского культурного круга, включающего Японскую империю с ее нынешним, превышающим 90 млн. населением, Филиппины — с населением 12 млн., но способные прокормить 60, и Индонезию с нынешними 60 млн., но с возможностью прокормить по меньшей мере 100, вероятно, еще окраинные ландшафты австрало-азиатского Срединного моря, так что около 150 млн. бесспорно расовородственных, одинаково мыслящих, быстро растущих народов обрели планетарные масштабы!

Итак, мы видим, что между борьбой паназиатской идеи в советской окраске со скрытым за ней

всероссийским империализмом, хотя и в экономико-политическом одеянии, и между старым колониальным мышлением рассеянных заморских имперских образований нынешних колониальных держав более раннего образца, а также пантихоокеанской культурной политикой Соединенных Штатов в известной мере вклинивается вышедшее из более ранних панидей более крупное имперское мышление муссонных стран — великокитайское, паниндийское, а также великояпонское. При этом приходит конец представлению о непривлекательных, непригодных для

проживания зонах на самых разных широтах: на самый дальний Север тянется желательная для русских граница, доставляя беспокойство американским проектам железной дороги от Аляски в Северную Сибирь, как и в Маньчжурию. Менее далеко на Север простирается уже граница панидей у китайцев, которая охватывала как раз и долину Амура. Еще менее далеко на Север распространяется японская панидея, которая вплоть до настоящего времени все еще инициирует весьма несовершенную колонизацию и освоение северных островов собственной островной дуги в результате соперничества с

надвигающимися в северную часть Тихого океана континентальными панидеями. Индийское движение уже полностью останавливается на Гималаях и на линии их северных альпийских видов растительности, не переставая мечтать о прорыве в туркменский хлопковый пояс, но не подчеркивая это. Здесь, следовательно, были бы возможны естественные разграничения, наименее убедительные в Маньчжурии, где Японии и Советам еще предстоит разобраться с линией границы. Чувство более [с.315] сильной климатической и естественной общности у народов мус-сонных стран, как и у

находившихся длительное время с ними в соприкосновении панидей других народов, несомненно, обнаруживается в более легком разграничении на Востоке, чем на Западе Евразии, — если бы Советская система отказалась от попыток распространить свое экономическое мышление на весь мир. В противном случае внутри Старого Света, к сожалению, появится как будущее поле борьбы океанских и континентальных панидей пространство в зоне трех рек в Центральной Европе — между Вислой, Дунаем и Рейном (проблема Трехречья, как ее обозначил Челлен) и в Северо-Восточной Азии —

между Амуром, Ялу и Ляохэ, два пространства, обремененные схожими потрясениями. Серьезность такой возможности в будущем следует иметь в виду в отношении обеих переходных и подверженных потрясениям областей.

*Первые шаги панидей в рамках
Старого Света*

Malaio— mongolische Ansätze -
малайско-монгольские старты
(начала)

Mongolisches Reich —
Монгольская империя

Islam — ислам

Hellenisches Reich —
Древнегреческое государство

Romisches Reich — Римская
империя

Как естественные,
подверженные потрясениям
ландшафты еще большего масштаба
Макиндер представил в своей
провидческой схеме четыре, то тут,
то там разрывавшиеся большие

жизненЕые пространства, между давлением “разбойников степи” и “разбойников моря”, которые он называл “внутренним полумесяцем” Старого Света: Центральная Европа, Ближний Восток, Индия и Китай, с малоутешительной информацией, что они могли бы выдержать планетарное давление в объединении с сильной властью, с великоимперскими или панидеями, а слабые среди [с.316] них (Макиндер явно намекает на Австрию и Турцию!) были бы сломлены.

При этом давящее и вызывающее потрясения подталкивание (Nachhiebe) из некогда монгольской, позже царской “pivot of

history” (“оси истории”), равно как и из “внешнего полумесяца” островных или океанских держав. Макиндер оценил еще в 1904 г. благосклонно, твердо надеясь, что “они не будут оттеснены на обочину”. Он считал также необходимым, чтобы Англия, как и Япония, заручилась при этом союзником на материке, дабы уравнивать различие в пространственной мощи, и рекомендовал в таком качестве Францию, хотя в то время он все еще верил, что, вероятно, речь могла бы идти и о Германии.

*Наступление русских и
ответные удары на пути к
евразийским панобразованиям*

Ausbreitungsrichtungen —
направления экспансии
Ausbreitungsrichtungen ohne
(dauernden) Erfolg — направления
экспансии без прочного

(постоянного) успеха

Verloren gegangene Gebiete u.
Einflußgebiete — потерянные области
и сферы влияния

Erschließungsbahnen —
освоенные трассы

Невзыскательно и грубо,
придерживаясь скорее
общепринятого в данной стране
представления, изобразили
родственную проблему Фейргрив для
Англии, Боумен для Соединенных
Штатов Америки, с объективной
точки зрения и на более высоком
уровне это же пытался сделать для
Центральной Европы шведский
ученый Рудольф Челлен, которого, к

сожалению, слышали слишком поздно. [с.317]

Конечно, не случайно, что острейшее, следующее один за другим столкновение морских и континентальных панидей в настоящее время готовится в Индии, т.е. в регионе, окруженном с двух сторон частями морей, — Арабским морем и Бенгальским заливом Индийского океана, — в откровенно континентальном пространственном организме — Гондване, который как замковый камень свода втиснулся в Мировое полуморе Индийского океана, будучи разделенным ландшафтами двух больших рек с древней культурой основной части

Центральной Азии.

Возникшая перед английским панмышлением в 1930 г. необходимость выяснить основы существования этой перенаселенной части Империи раскрыта в насыщенном содержательными подробностями, но бедном, к сожалению, руководящими идеями докладе комиссии Саймона — отличном вспомогательном средстве, помогающем внести ясность относительно этого важного силового поля в огромном континентально-океанском противостоянии, связанном с панобразованием.

Абсолютно по праву во

“Франкфуртер цайтунг” от 14 июня 1930 г. в умной обобщающей статье, посвященной демократизации Индии, говорится об “острой конфронтации Европы и Азии”, которая, как кажется, несколько утрачивает свое значение в отношении, например, Ганди, “высокопочтимого Махатмы, кающегося и пророка”. И справедливо, ибо Ганди видел проблему своей страны прежде всего как социологическую, а не пространственно-политическую и, кроме того, упустил возможность составить себе ясную картину основных направлений будущего, которые пространственное

мышление его англо-индийских противников, вероятно, представляло совсем иными. Поэтому суждения всего окружения Ганди, включая его европейского пророка — Ромена Роллана____, имели столь мало убедительной силы для панаспекта всеиндийского вопроса, который в общем и целом должен решаться в пространстве, и прежде всего в отношении 562 княжеских владений, и охватывать упорядоченное сожительство в одном и том же пространстве 223 млн. индусов и 70 — 86 млн. мусульман.

Однако	именно
староиндийскому	мышлению
противостоит	обусловленный

пространством процесс. Безусловно правы лорд Керзон и его школа, что уже перенос столицы из Калькутты в Дели явился, по-видимому, началом конца величественной океанской традиции господства британских вице-королей в Индии, поскольку в этом переносе узнаваемо убедительное доказательство превосходства континентальной идеи над океанской идеей местоположения и власти. Тот, кто воспринял как свои собственные мысли лорда Керзона о необходимости индийского гласиса по всей линии Бирма — Сычуань — Тибет — Афганистан — Персия, а именно Ал. Картхилл, смог по праву

написать в 1923 г. книгу с сенсационным названием “The lost dominion” (“Утерянное господство”).

Разумеется, после чудовищного поражения, которое нанесли континентальным идеям (не только центральноевропейских [с.318] держав, но и России и косвенно Китая [21 требование Японии!_]_) господствующие на морях океанские державы, отличающиеся большей выносливостью и экономической энергией, когда империя Индийского моря, имевшая отношение к этому потрясющему успеху, казалась, видимо, наградой британского соучастника (этим восхищались и немецкие авторы [Дикс, Вючке_и др.]

как приобретению пространства и власти), последовал смертельный удар по идее империи Индийского моря из крошечного по сравнению с мировой империей сухопутного пространства Центральной Азии — из Афганистана.

Третья Афганская война 1919 г. показала изумленному миру, что вся англо-индийская военная мощь едва достаточна для того, чтобы удерживать собственный тыловой район в Пенджабе, но не для того, чтобы отбросить отважного, сравнительно организованного нападающего (с беспокойной Индией как хинтерландом). Иран на Востоке и на Западе — где Персия

сорвала попытку удушить ее — обеспечил себе континентальную независимость_. Волна откатилась назад! Она продолжала откатываться назад, когда в бескровных схватках национальной предупредительной забастовки и бойкота Южного Китая в отношении очень сильной экономически и процветающей колонии короны — Гонконга, а затем — в победе движения младокитайцев в Кантоне над районом Янцзы и Северного Китая — были сданы Ханькоу и одна за другой господствующие, пробившиеся в направлении материка позиции морских держав.

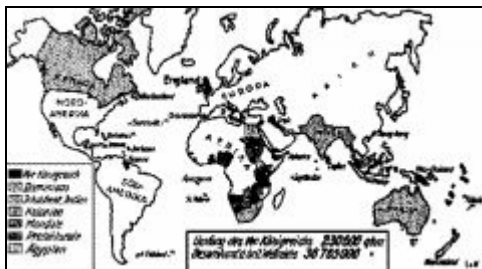
То Япония получила со скрытой

злорадной помощью англосаксов, например, в 1922 г. на конференции в Вашингтоне удар (Шаньдун, Цинпу), то Англия (Кантон, Гонконг), то вспыхнул бунт на подозрительно закрытой границе Французского Индокитая, то международные потрясения поразили наиболее умно маневрирующие Соединенные Штаты. Однако морским державам, вместе взятым, не удалось больше прийти к осознанию того, что отдельные отступления расшатывали общий океанский престиж и в конечном счете разрушали представление о преобладающей унаследованной мудрости заокеанских союзов держав. Многие

насторожились, когда дерзко прозвучали слова Чан Кайши: “Следующая революция вслед за успешной в Китае произойдет в Индии”, сказанные первоначально, чтобы успокоить японцев в отношении Кореи. В самом деле, и сам Сунь Ятсен предостерегал младокитайцев от столкновения с силами японского национализма.

Ведь неопровержимо, что уже через десять лет после триумфального выдвижения империи Индийского моря в пространство и ее слияния — путем похищения мандата — с Германской Восточной Африкой — до кульминации некоей панидеи пошатнулись не только

самые важные камни (Египет, Аравия, сама Индия), но и соседние строительные части, которые нельзя напрочь отделить, — Индонезия, Индокитай. [с.319]

Британская империя между третьим и четвертым изменением своей структуры

Ver. Konigreich — Соединенное

королевство

Dominions — доминионы

Irish. freist. — Ирландское
свободное государство

Indien — Индия

Kolonien — колонии

Mandate — мандаты (мандатные
территории)

Protektorate — протектораты

Agypten — Египет

Umfang des Ver. Königreichs —
площадь Соединенного королевства
230.600 кв. км

Gesamtumfang d. brit. Weltreichs
— общая площадь Британской
империи 36.765.000 кв. км

Итак, в момент внешней

кульминации успеха морских панидей в противовес континентальному мышлению, стремящемуся раздвинуть пространство (Берлин — Багдад — Персидский залив или Москва — проливы), после насилия над Персией в исходной позиции океанских держав появились шатания, за исключением позиции Соединенных Штатов, опиравшихся на две панидеи. Британская империя пыталась противостоять удару судьбы путем перегруппировки, не слишком замаскированной частичной реорганизации, которая, однако, не коснулась чуждого в расовом отношении самого крупного

будущего доминиона — Индии
Гордая довоенная Британская
империя, впервые так сильно
почувствовавшая ослабление своей
панидеи, оказалась вынужденной
искать сближения с культурной
политикой США, посчитав более
безопасным пойти на болезненную
жертву ради восприятия собственной
имперской идеи.

В этом состоянии равновесия —
передышки или изнурения —
находится ныне схватка между
континентальными и океанскими
панидеями за самую большую часть
Света и окружающие ее моря.
Эффект тщательно прослеживаемой
информационной игры ведет к тому,

что более сильная энергия status nascendi находится ныне в континентальной панидее. Всегда легче нападать во взбудораженной среде, нежели защищать сверхнапряженный статус-кво в мире.

Вероятно, это неблагополучие, если одна, в значительной мере не очень-то довольная этим статус-кво, часть Центральной Европы примыкает к защитникам существующего, слишком доверившись словам, как, по-видимому, случается, когда при “конфронтации Азии с Европой” чрезмерно связывают себя с океанской стороной “Метаморфоз

Индии может стать неслыханным зрелищем воплощения демократических идей и их высшей проверки; но он может быть в дальнейшем и скорбным зрелищем краха этих идей, разбившихся о скалы Азии Радость или трагедия для всех европейцев...” Так противоречиво рассматривает неслыханный государственно-биологический процесс ведущая газета западногерманской демократии Она полагает, что с крахом английского империализма и сама [эта демократия] понесла бы ущерб. Но кто [с.321] в сущности назвал этот процесс империализмом, чтобы навязать его блага тем,

которые ничего не хотят о них знать?
Beneficia non obtruduntur! Как раз за
навязывание европейским
пространством экспансивного
товара, экспансивного духа в
противовес собственным
центростремительным,
самодостаточным процессам не без
основания упрекает его
тихоокеанское, равно как и восточ-
ноазиатское, пространство.
Океанские панидеи — это то, что с
четвертого века тревожило
континентальные, исключая
сарматские равнины. Вправе ли их
поборники сожалеть, если
представители атакуемого ими
континентального

пространственного мышления теперь от таких безучастных пространств, как Центральная Европа, ждут по меньшей мере беспристрастного нейтралитета? Ведь большего они от нас не требуют... пока что! [с.322]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.319) *Wutschke J.* Der Kampf um den Erdball. Munchen, 1922.

По терминологии Макиндера, с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в самом центре этого континента — географическая ось истории, или осевой ареал (совпадает с территорией России). Внешний полумесяц (или островной полумесяц) охватывает Северную и Южную Америку, Африку южнее экватора, тихоокеанские острова и Австралию. [с.322]

Отступите от Австрии, и мы

отступимся от Франции (*фр.*). [с.322]

Т.е. пространства и земли, не имеющие самостоятельной геополитической ориентации. [с.322]

Имеются в виду: 1) англо-китайская война 1840-1842 гг. (так называемая первая опиумная война), положившая начало превращению Китая в полуколонию; закончилась Нанкинским договором 1842 г.; 2) англо-франко-китайская война 1856-1860 гг. (так называемая вторая опиумная война); Китаю были навязаны Тяньцзиньские договоры 1858 г. и Пекинские договоры 1860 г.; 3) японо-китайская война 1895 г. [с.322]

Гондвана — район Индии к

северу от реки Годавари (Годи), страна гондов, одного из дравидийских народов Центральной Индии. [с.322]

Роллан Ромен (1866-1944) — французский писатель и общественный деятель, участник пацифистского движения; ему были близки взгляды Ганди, биографию которого он издал в 1924 г. [с.322]

См. [примеч. 36. С. 46.](#) [с.322]

В 1911 г. правительство Британской Индии перенесло резиденцию из Калькутты в Дели. Застройка Нового Дели как столицы Британской Индии велась несколько десятилетий, начиная с 1913 г. [с.322]

“Двадцать одно требование Японии к Китаю” о предоставлении ей особых экономических и политических прав в Китае предъявлено последнему 18 января 1915 г. Свыше четырех месяцев в Пекине между правительствами Японии и Китая велись переговоры, сопровождавшиеся с японской стороны угрозами, провокациями, применением силы. 27 апреля 1915 г. японские требования были ультимативно вручены китайскому правительству, а 9 мая по совету США и Англии Пекин принял ультиматум. После первой мировой войны из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения “4 мая” на

Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные территории. [с.322]

Как уже упоминалось, третья Афганская война против британских колонизаторов в 1919 г. была неудачной для англичан и завершилась Равалпиндским миром. См. также [примеч. 6. С. 171](#). [с.322]

Хаусхофер часто обращается к проблемам Ближнего Востока, в частности Ирана, не углубляясь в конкретную историю этого региона. При оценке положения Ирана в системе международных отношений первой половины XX в. надо иметь в виду следующее.

На протяжении длительного времени, начиная с XVI в., Иран вел борьбу за свою самостоятельность, противодействуя вмешательству в его дела извне. [с.322] В конце XIX в. Россия и Англия практически поделили между собой сферы влияния в Иране: север страны находился под сильным политическим влиянием России, район Персидского залива почти целиком зависел от англичан. Фактически Иран превратился в полуколонию Англии и России. В 1912 г. шахское правительство признало англо-русское соглашение 1907 г. о разделе страны на сферы влияния.

С началом первой мировой войны юг Ирана (под предлогом охраны стратегически важного района Персидского залива и перекачивавшего иранскую нефть в Средиземноморье нефтепровода) был оккупирован англо-индийскими войсками. В марте 1915 г. было подписано очередное англо-русское соглашение о разделе Ирана на сферы влияния. Ответом на эти действия было усиление национально-освободительного движения в Иране. Одновременно в этом районе укреплялись позиции Германии. Что же касается иранского правительства, то оно уже с начала 1915 г. было откровенно

германофильским. Осенью 1915 г русские войска оккупировали Тегеран и Кум. В марте 1918 г. Советская Россия вывела свои войска из Ирана, что привело к установлению здесь полного английского контроля и заключению кабального англо-иранского соглашения в августе 1919 г., по условиям которого Иран фактически стал английским протекторатом. Это еще более усилило национально-освободительные тенденции. В результате произошедшего в стране 21 февраля 1921 г. переворота к власти пришло правительство, сделавшее ставку на политическую консолидацию страны. В декабре

1925 г. новым шахом Ирана был провозглашен Реза Пехлеви. Стремясь ограничить англичан, шах охотно принимал помощь Германии. В области внешней политики он ориентировался на силы, которые могли противостоять англичанам. Такой силой была Германия, которая постепенно усиливала здесь свои позиции, рассматривая Иран как военный плацдарм на случай военных действий на Ближнем Востоке. [с.323]

Германская Восточная Африка — германская колония в Восточной Африке в 1891-1919 г. По Версальскому мирному договору часть ее территории — Танганьика

перешла под мандат
Великобритании. См. также [примеч.
10. С. 13.](#) [с.323]

Привилегии не обременяют
(лат.). [с.323]

ГЛАВА VII

ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПАНИДЕЙ В ИСТОРИИ И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В НЕЙТРАЛИСТСКОЙ ИЛИ

ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ ФОРМЕ

В поразительном противоречии со своей нынешней неспособностью добиться на деле панобразования Европа с ее более крупной панидеей уже с давних пор — по сути одновременно с крахом средиземноморской панидей римско-эллинистической античности, Orbis Romanus, — была занята включением северных областей, которые, находясь по ту сторону границы распространения благородного каштана и винограда, казались римлянам чем-то вроде

“анэйкумены”, не представляющей ценности для заселения.

Великие готы и франки — Теодорих и Карл и их советники — были, кажется, первыми панъевропейцами, усвоившими мысль об объединении своей части земной поверхности, хотя и в раннероманском, жестком стиле. До одного дошла из Византии времен Юстиниана _____ последняя агония пансредиземноморской идеи, его планы панъевропейского объединения посредством династических браков. Перед другим из средиземноморского жизненного круга вырос в лице папского престола (Patrimonium Petri)

склонный к западноевропейскому имперскому мышлению, дипломатически далеко превосходящий его противник.

Однако с того времени некоторые наиболее благородные умы и бывалые мизантропы и властители Европы, снова и снова пытавшиеся найти для этого цель или инструмент, были связаны с панидеей своей части Света и отчасти придали ей примечательные оттенки: это проповедники крестовых походов и клюниасенсеры ; Данте_, Карл V, Сюлли, аббат Сен-Пьер, кардинал Альберони, Лейбниц, Кант, Наполеон I, даже Меттерних и Бисмарк с их системами, вплоть до

Куденхове-Калерги и Бриана могут быть названы при этом, не вдаваясь в оценку вклада каждого. Возникает некая связь, некое взаимодействие с идеей вечного мира. Истины ради скажем, что против некоторых чеканщиков классических формул образования панъевропейских идей (одну из самых красивых Штрупп раскопал достойным похвалы образом у Наполеона I) единодушно выступила вся Европа, чтобы обезвредить ее, — как Эллада против Филопомена_, последнего античного панэллина.

Непроизвольно происходит так, как показал еще Ратцель, при европейском малопространственном понимании

панидей — нечестивая схватка за
единомыслие вокруг панэллинского!
Еще более вопиющим, чем в
панъевропейском движении, в
панэллинском было несоответствие
между тесными, малыми
пространствами и широким полетом
духа; это [с.324] несоответствие
приобрело значение, ибо идеи не
могли более столь тесно
сосуществовать друг подле друга, но
жестoko сталкивались с делами в
пространстве. Так было — несмотря
на то, что этими делами занимались
такие умы, как Кимон_, Перикл_ и его
друзья, победитель Лисандр____,
несмотря на то, что существовали
культовые союзы и проводились

общегреческие игры и последующие действия в Эгейском море, несомненно, тянутся в современность, — -при единственном кратковременном объединении благодаря гениальной руке — благодаря Александру [Македонскому]. Это объединение, конечно, раскрыло, какая неслыханная энергия таилась в преграждавшейся полтысячелетия идее, когда она однажды была развязана как динамическая сила: одно из величайших политико-географических чудес всех времен! Как таковая эта сила высится словно гигант и перед азиатским воображением, которое рожденную в

Европе фразу “Aut Caesar aut Diabolus” безрассудными деяниями на протяжении долгих времен в широких пространствах перечеканило в “Джины или Искендер (Демоны или Александр) сделали это”.

Такой взаимосвязанной историей идей, какую имеет панъевропейское развитие, не обладает паназиатское; зато оно может в большей мере достичь крупных свершений, и по крайней мере, согласно моему японскому опыту (который я изложил в “Dai Nihon”), нужно было бы весьма недооценивать идеологическое влияние, например, Азии Gikai или

Азии Dobunkai, если хотели
всмотреться в него сквозь плотную
тьнь лозунгов японского
национализма, или, к примеру,
пренебречь паназиатским посланием
Сунь Ятсена Инукаи в 1914 г. —
наряду с неизбежным особым
развитием Китая. Послание Сунь
Ятсена к Инукаи в начале [первой]
мировой войны с призывом вступить
в войну на стороне Центральных
держав во имя освобождения Азии,
книга Б.К. Саркара “The Futurism of
Young Asia” и речь Рабиндраната
Тагора в Токио с напоминанием
Японии оставаться верной своему
азиатскому облику могут
рассматриваться наравне с лучшими

европейскими образцами осуществления панидей в Старом Свете. Но и они страдают из-за огромной трудности, а именно выбора подходящих путей перехода панидей от насильственной к государственно-правовой основе.

Здесь сталкиваются с ошибкой, характерной для идеологов и сугубо гуманитарных ученых всех времен, которые слишком редко обращаются как исследователи к географически понятному явлению. Эта ошибка кажется равносильной неизбежному откату назад, к прецеденту, событию, обращенному к *lex lata* взгляду юриста, основанному на авторитете богослова, и ему милее все терпящая

бумага, а ранее ослиная шкура, чем шероховатая, нетронутая ночва, на которой созидают философы или мечтатели-социологи. И тем не менее при наличии доброй воли большую часть опыта человечества с нейтралистским или федералистским устройством наднационального пространственного организма и их обоюдную устойчивость и стабильность можно [с.325] осмыслить на земной тверди с помощью объективных средств карты, географических явлений на поверхности Земли. Могут, конечно, возразить: внутри обеих больших противоположностей существует

чудовищное различие между строгим централизмом французской или японской государственной системы и великодушным обхождением с различными колониальными пространствами, или между федерализмом типа Конфедерации Юга США и федерализмом северных штатов при Линкольне___, или федерализмом Священной Римской империи германской нации и федерализмом Бисмарка; или между безжалостным хозяйственным централизмом и видимостью культурно-политического федеративного устройства внутри Советов. Да, такие тонкие нюансы карта не фиксирует.

Как представляется, важным спорным пунктом является, однако, преобладают ли централистские или федералистские главные черты в структуре, в образовании панидей, и тут кроется препятствие в строительстве фундамента: идеолог обожествления государства — по самой своей природе централист! Затем во всяком случае следует, по его мнению, “децентрализованное единое государство” — *contradictio in adjecto* — противоречие в самом себе, которое сталкивается с огромными практическими помехами, коренящимися в повадках и своенравии человеческой натуры. И все же в так называемом

территориальном вопросе (Landerfrage) имеется богатый опыт Великого Китая, США, Австралийского сообщества, Британского имперского объединения (которое движется в направлении, противоположном централизму), Советского Союза; и, строго говоря, факт состоит в том, что во всяком случае все эти планетарные образования в пространственном оформлении складывались по необходимости как федералистские, а сама Лига Наций и инициативы Бриана по созданию Соединенных Штатов Европы были также задуманы на основе ясно выраженного федералистского

принципа_.

Лишь романские жизненные формы и Японская империя — эта после длительного федералистского прошлого, при мощных федералистских процессах в структуре, — отдали предпочтение централизму, поступая весьма щедро в отношении государственного устройства новых встраиваемых пространств.

Но кто не может хотя бы единожды создать и поддерживать собственное государство по образцу водонепроницаемой системы (Schottensystem), будет ли он способен участвовать в играх в системах союзов и структур,

охватывающих крупные пространства, — или же к присоединению даже благосклонных сопредельных пространств, не говоря уж о сопротивляющихся?

Здесь обнаруживается то, на что указывает уже Ратцель в своей “Политической географии”, и это мы должны учитывать, говоря об эллинском и европейском жизненном пространстве, также для индийского: что для строительства панобразования Эллады, Центральной Европы и Индии имеются особые родственные трудности, связанные с территориальным вопросом [с.326] (Landerfrage), которые в другом месте

будут совсем непонятны, не могут быть полностью осознаны, ибо в истории других жизненных пространств отсутствуют как предпосылка к этому [т.е. строительству панобразования] ограниченность и узость пространства. Из концентрации слишком большой духовной энергии на слишком малом пространстве выросли исторически обремененные образования, каждое из которых имеет столь различные основы, как если бы животных девонского и силурийского периодов собрали в одном зверинце вместе с животными каменноугольного, юрского и ледникового периодов и с

современными — не говоря уже о различиях между травоядными и хищными. Так, фактически в стесненных условиях находились греческие города-государства, на более крупных землях — страны Центральной Европы и на еще более крупных — 562 политических ландшафта индийской народной почвы. Уходящие в глубь тысячелетий древние племенные государства (Stammstaaten), сложившиеся на базе дружин, сопровождавших вождя, наряду с образованиями последнего столетия (Спарта с двумя царями и демократические Афины, древняя Бавария и новый Баден, феодальный Удайпур-Мевар и “выскачка”

Хайдарабад_). Как совершенно по-иному были расположены в сопредельном пространстве внутренне одинаковые 49 штатов США, тем не менее с каким трудом завладели они надежным предохранительным клапаном от центральной власти президента в лице негиббамового, влиятельного сенатского корпуса, в котором и самое большое, и самое малое государственное образование представлено двумя голосами с равным правом.

В действии включенных в конституции Соединенных Штатов и Австралийского сообщества уместных предохранительных

положений, с одной стороны, во взаимопереплетении монархических, аристократических и демократических мотивов в становлении римской церкви — с другой (причем в двухтысячелетнем опыте их было бы невозможно обосновать показанными Рошером (“Естественная история монархии, аристократии и демократии”) симптомами перерождения: тиранией, исключительностью или массовым гнетом), все составители новых программ могли бы найти много исходных пунктов и для образования панидей. В противопоставлении с этой возможностью был законным вывод

Ратцеля, что победитель при таких идейных сражениях, равно как и побежденный, когда-нибудь с огромным рвением предпочитал вступить на землю противника. Так, победители в мировой войне, якобы настроенные на преодоление милитаризма, не говоря уже о всеобщей воинской повинности, подражали по эту сторону многим другим запрещенным по ту сторону организациям (генеральные штабы, военные академии), в то время как побежденные были обязаны спешно копировать политические организации победителей, испытанные в совершенно иных обстоятельствах, в надежде, что —

несмотря на большое различие в структурах — вместе с таким буквализмом будет приобретен необходимый опыт. Самое [с.327] простое соображение политической географии подсказывает, например, что некоторые учреждения, прекрасно действующие в островных государствах и у островных народов в силу их изолированной замкнутости и значительной удаленности от частей Света, для проницаемых [государств], сплошь да рядом не защищенных нигде надежными естественными границами в переходных областях внутри частей Света, могут оказаться роковыми. Доказательством этого являются

полезная игра двухпартийной системы в Японии и США по британскому образцу XVIII в., но ее полная осечка в Центральной Европе, особенно в мировоззренчески разобщенных пространственных организмах с шизофреническим (умственнорасколотым) состоянием народной души. Это несоответствие едва ли будет понято, например, японцами, которые весьма далеки от мысли, что их островное чувство единения с родным ландшафтом может быть подорвано различиями в мировоззрении. К тому же действует и инстинкт безопасности, с помощью которого островная

империя нащупала к настоящему времени свой путь между пятью пандвижениями: паназиатским, пантихоокеанским, соглашением с Советами и — при многих разногласиях, но все же без опасных для жизни столкновений — с Китаем, не испытывая полного разочарования и в будущем малайской идеи в Nan-Yo.

Но еще Гильдебранд сослался на эту свойственную и японцам, и англосаксам способность быть наготове в отношении сосуществующих бок о бок политических движений, тогда как немец приспособлен лишь к движимой страстью перемене,

вдобавок причиняющей вред из-за исповедания радости, если не сказать тяги к исповеданию, в то время как англосаксонская и японская партийные программы, равно как и программы пандвижений, в значительной мере преднамеренно настолько близки, что могут уклоняться от преждевременных обязательств и подменять друг друга.

Такое различие в святом усердии, с которым обсуждаются основы писанных конституций на одной стороне, вплоть до неспособности приспособиться к жизни, и в биологической приспособляемости, которая сегодня

позволяет Британской империи даже без конституции, главным образом благодаря социокультурной общности, выходить из положения, должно, естественно, глубоко влиять на законность форм панобразований, более всего на прочность уз между наиболее крупными среди них, а именно стремящихся к планетарному сообществу, к чему наиболее близко подходит Лига Наций. Не содержится ли, как полагают в Женеве, в панъевропейской инициативе Бриана точно такой же разлагающий фермент для гуманитарных основ мирового сообщества, как во враждебном отношении к нему паназиатских и панафриканских,

вообще цветных расовых элементов, и в равнодушии носителей панамериканских, пантихоокеанских идей?

Не исчезнет ли форма энергии *status nascendi*? Не ограничит ли она поэтому последующее развитие, прежде всего в региональных панобразованиях? [с.328]

Слабость Лиги Наций с точки зрения пространственно-политического мышления в отношении несомненно превосходящих ее своей привлекательностью отдельных панидей, — ее явно выраженная юридическая, построенная на *lex lata*, беспомощная по отношению к

устойчивому духу политико-географическая динамика, которая больше отмечает ее печатью союза правительств и государств. Лига Наций является отчасти придатком пространственно-политического мышления безопасности тех государственных мужей Франции, Великобритании и США (география Земли и населения этого государства, как полагают, должна вновь стать экспансионистской лишь в 1950 г.), кто главным образом участвовал в ее строительстве, постоянно или преходяще удовлетворенных пространством с точки зрения роста их населения, тогда как Англия и Франция обладают сверхбольшим

пространством в сравнении с тем, какое они могли бы заполнить своей сокращающейся или урбанизирующейся народной силой.

Отсюда чувство тревоги в отношении Италии и Японии, Китая и за все еще на деле испытывающей унижение, подавленной в своем стремлении к развитию Центральной Европы — все еще. Отсюда и желания перестраховаться как раз в угрожаемых колониальных областях вследствие давления народов муссонных стран — в “золотой бахrome на нищенском рубище Азии”, как сказал лорд Керзон. Конечно, хочется, чтобы “золотая бахрома” сохранялась

застрахованной, но избавившись от ответственности за нищенское рубище и за ее голодные и территориальные кризисы. Но именно с такими кризисами связано стремление к переменам у тех, кто мало или вообще ничего больше не ждет от статус-кво, а полагается во многом на собственное движение, — или у тех, кто желает удержать большие пространства пусть даже за счет компромиссных панидей — пантихоокеанской, панамериканской, исходя из предвидимой опасной силовой игры (entanglement) . Через отрицание (durch nichts) становится более ясным различие между паназиатской динамикой и

панъевропейской статикой, чем через трудность выработать в паназиатской сфере деятельности определенные указания относительно разграничения и принадлежности политических пространств, которые отчасти имеют сверхъевропейские размеры, как территория китайского народа и китайской культуры (3,9 или около 10 млн. кв. км?), Монголии или Тибета (1,5 или 3 либо 4 или же 8-10 млн. жителей?), степени суверенитета Маньчжурии, китайского Запада, Танну-Тувы, затем индийских штатов-княжеств или создающих затруднительное положение структур вроде кондоминиумов (Новые 1ебриды)

или Трансиордании, совокупности мандатных территорий Ближнего Востока.

Мы лишь констатируем, что Лига Наций с ее основами власти, силы и права несостоятельна как в отношении индо-тихоокеанской динамики и ее хода развития, так и в отношении очевидных устремлений панамериканских и пантихоокеанских институтов, таких дел, какие они в своей локальной и наднациональной части [с.329] пространства считают исключительно личным делом своей части поверхности Земли и хотят улаживать их по собственному праву без вмешательства извне. Исходя из

этого опыта, лорд Литтон публично заявил в Женеве, что, как полагают на Востоке, у Лиги Наций не лежит сердце к восточным народам, а также мало целеустремленности в отношении них. Поэтому Лига Наций отстранилась в вопросе о Гран-Чако_, как и в вопросе о Такна-Арика_, а пан-Америка остереглась возложить ей на алтарь также и доктрину Монро. Вопрос о Сингапуре и равенстве тихоокеанских флотов в общем и целом был продвинут в Вашингтоне, а не в Женеве или Гааге, где они могли быть разрешены. Сингапур давно рассматривается в качестве общего опорного пункта

англосаксонства в австрало-азиатском Срединном море, вероятно, как возможное связующее звено будущей англосаксонской культурной панидеи, прелюдию к которой сыграли Киплинг_, лорд Брайс, а Рамсей Макдональд подновил капитуляцию лейбористов важной интеллектуальной и добровольной жертвой, отправившись с прошением в Питсбург от имени ультракапиталистического кабинета миллионеров. Но такой наднациональный пространственный организм мог бы существовать лишь как федералистский или же вообще не существовать; и даже при таких

перспективах на будущее
сталкиваются в “территориальном
вопросе”, в данном случае,
разумеется, гигантски
расширяющихся частичных
ландшафтов, романская,
централистская, унитарная форма
образований с противоположной
англосаксов (в США; доминионы, а
также австралийское Сообщество) в
Китае, внутри Советов. Именно в
1930 г. младокитайцы из-за
непостижимого централизма “через
силу” переживают необычайное
обрушение по причине тамошнего
древнего мышления. Японии в
настоящее время ближе идея
единства государства, которая как

раз трудно поддается расширению, а Индии и Центральной Европе — федералистская идея, обе сталкиваются с абсолютно родственными трудностями между этими с точки зрения пространства технически несовместимыми направлениями.

Существуют ли все же возможности компромисса между ними? Насколько далека, прежде всего сегодня, слишком окостеневшая Лига Наций от направления, ведущего к изменениям, приспособлению, чем могла бы доказать свое право на длительное биологическое существование? Какой пример подают ей другие,

более старые панидеи?

“В Необходимостях — Единство, в Сомнительности — Свобода, во Всем, однако, Любовь!” — этим лаконичным, основанным на опыте прекрасным триптихом католическая церковь соединила двухтысячелетнюю мудрость с образованием некоей панидеи, тем самым соприкоснувшись с изречением Конфуцияа, который преподнес опыт китайской государственной философии в краткой формуле: “Всякое понимание приходит к нам только через любовь”, и в этой антипатии к насилию как неопровержимой угрозе любому постоянному устройству

соприкоснулась, кроме того, с не [с.330] вполне родственным по духу Лао-цзы_в высшей точке культуры муссонных стран, в мудрости Дальнего Востока.

Но в федералистском устройстве наднационального пространственного организма больше простора для такого вида любви, чем в централистском. Прочно обладая этим эмпирическим фактом науки о пространстве, добытым чисто географическим путем, и будучи убежденными в том, что в Центральной Европе мы должны по чисто географическим причинам преодолеть трудность развития, которую в настоящее время

разделяем лишь с Индией, а в прошлом делили с великим эллинизмом, — всегда обладавшим, однако, свободой ходить за моря, — просто потому, что никакая другая часть Света не имеет столь подверженного избыточному давлению центра, — обращаемся мы к проблеме отношения пан-идей к международной организации и исследуем отношение Лиги Наций и национализма и вековую способность панобразований как промежуточных ступеней между национальным государством и империей и мировым сообществом наводить здесь мосты. [с.331]

ПРИМЕЧАНИЯ

Теодорих Великий (454-562) — король остготов и основатель их государства в Италии. Проводил политику сближения с франками, вестготами, бургундами, вандалами и особенно с римлянами. [с.331]

Империя Карла Великого (ок. 742 — 814) — короля франков и первого императора Священной Римской империи — представляла собой новую геополитическую зону, простиравшуюся от Северного моря до Центральной Италии, от Пиренеев до Эльбы. Проводил политику сближения с римской курией, принял

императорскую корону из рук папы Льва III, превратив церковь в опору своей центральной власти. [с.331]

Юстиниан I (527-565) — византийский император. [с.331]

Сторонники реформы церкви, предложения о которой исходили из аббатства бенедиктинцев в Ключи, основанного в 910 г. [с.331]

Данте Алигьери (1265-1321) — итальянский поэт, оказавший большое влияние на развитие европейской культуры. Автор философских и политических трактатов. Разработал идею и понятие “civitas” — общечеловеческого единства, которое находится “над” отдельной

личностью, “над” отдельными группами людей, “над” целыми народами. Великий флорентиец вкладывал в свои представления прежде всего тот смысл, который диктовало христианское миросозерцание, однако его идея оказалась более широкой и провидческой. [с.331]

Филопомен (253-183 до н.э.) — глава Ахейской лиги, пытался сохранить единство Эллады в условиях наступления Рима. [с.331]

Кимон (около 510 — 450 до н.э.) — афинский государственный деятель, участник борьбы за создание Афинского морского союза. [с.331]

Перикл (499-429 до н э) — афинский государственный деятель, с его именем связан высший подъем Эллады. [с.331]

Лисандр — спартанский военачальник, наварх. В 404 г. до н.э. с помощью олигархов ликвидировал демократический режим в Афинах. [с.331]

Линкольн Авраам (1809-1865) — шестнадцатый президент США (1861-1865). [с.331]

Противоречие между определяемым словом и определением (*лат.*). [с.331]

См. [примеч 13. С. 275](#). [с.331]

Девонский период — четвертичная система (период)

палеозойской эры геологической истории, наступившая после силурийского периода и предшествовавшая каменноугольному (408-360 млн... лет тому назад) В течение этого периода появились первые земноводные и леса. [с.331]

Силурийский период — геологический отрезок времени, третий период палеозойской эры, предшествующий девонскому (438-408 млн... лет тому назад). В течение этого периода появились первые наземные растения и первые челюстные рыбы. [с.332]

Бавария — земля на юге Германии, до 1919 г. королевство в

составе Германской империи, затем республика. [с.332]

Баден — бывшее великое герцогство, с 1919 г. республика на правом берегу Рейна. [с.332]

Удайпур — город в штате Раджастан (Северо-Западная Индия). Основан в 1586 г. Удай Сингхом как столица княжества Мевар. [с.332]

Хайдарабад — одно из крупнейших по площади княжеств (штатов) Индии. [с.332]

Затруднительное положение (*англ.*). [с.332]

Летом 1932 г. вспыхнула война между Боливией и Парагваем из-за спорной области Гран-Чако, богатой нефтью. Закончилась в 1935 г.

разделом Чако. [с.332]

Такна-Арика — портовый город на границе между Перу и Чили, из-за которого возник конфликт между этими странами. [с.332]

Киплинг Джозеф Редьярд (1865-1936) — английский писатель. [с.332]

Макдональд Джеймс Рамсей (1866-1937) — британский государственный и политический деятель, в 1924-1935 гг. премьер-министр Великобритании. После образования так называемого национального правительства (1931) проводил линию на создание блока западных держав и фашистской Германии против СССР. [с.332]

Конфуций (Кун-цзы, 551-479 до н.э.) — древнекитайский философ, создатель этико-политического учения, составляющего цивилизационный фундамент всего Древнего Востока. Конфуцианство определяло систему ценностей страны и народа, принципы жизни китайцев, основы их мировоззрения и менталитета. Наивысшим смыслом существования людей, согласно конфуцианским догматам, считалось достижение социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства. [с.332]

Лао-цзы — древнекитайский философ, живший, согласно преданиям, одновременно с

Конфуцием или раньше его.
Традиция приписывает ему авторство
текста “Дао дэ цзин” — одного из
важнейших и почитаемых в Китае.
[с.332]

ГЛАВА VIII

ПАНИДЕИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ; МЕЖДУ ЛИГОЙ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМОМ

Придирчивое исследование показывает, что панидеи, учитывая время и пространство их рождения, получали различные по

пространственным потенциам
жизненные ростки в зависимости от
того, какая тенденция брала верх в
отправной точке —
рационалистическая или же
идеологическая, в зависимости от
того, каким было родовое (Kernraum)
пространство — узким или
широким, малым или большим,
испытывающим избыточное
давление центром, как Европа, или
же обескровленным и пустым,
изголодавшимся по людям (dead heart
Азии, Австралии; “wide lone lands”
Северной Америки и Австралии;
гилей Южной Америки, Африки).
Можно также различать
искусственно вызванные к жизни

продуманной государственной мудростью в качестве инструмента упомянутые панидеи вроде пантихоокеанской, которые по природе своей являются эволюционными (как в большинстве случаев океанские образования), и порожденную недовольством, революционную по природе вроде паназиатской, которую, конечно, никто не назвал бы искусственной в силу ее изначальной спонтанности.

Однако сообразно своему происхождению и унаследованному характеру панидеи в совершенно различной степени подходят для поддержки международной организации в зависимости от того, к

чему они ближе — к Лиге Наций или к национализму. Панидеи островных частей Света, крупных ландшафтов, как панамериканский или панавстралийский, вполне самодостаточны, склонны к автаркии, к изоляции: они забывают о том, что миллиарды людей не захотят умирать с голоду, не смирятся с “недопущенными к заявке” (“ausgeclainten”) резервными пространствами, закрашенными в атласе красным цветом, — только потому, что эти пространства когда-то, во время успешных морских разбоев, были приобретены под видом главного правоос-нования, когда не поступало иных

настойчивых заявок, продиктованных высочайшей заботой о лучшем использовании пространства и уходе за ним. Носители морских панидеи, чья сила основана на разбросанном владении (Streubesitz), с трудом понимают, что целые части Света неохотно расстаются со своей “золотой бахромой на нищенском рубище” (Азия, согласно лорду Керзону) и требуют прекращения чужеземной эксплуатации. Оттого и трудности для иберов, голландцев, французов, британцев воздать должное паназиатскому движению, которое со своей стороны используется Советами, чтобы “держат в брожении” обширные

азиатские пространства (ленинский завет Китаю!).

Далее, из выражений “*mare nostrum*” и “*orbis terrarum*”, присущих мышлению Древнего Рима, понятно, что в господствовавшем там латинском языке нет общепринятого обозначения для понятия “наднародный”, “наднациональный”, воспроизводимого как международное. Однако

примечательно: ведь органически живущая линия развития, которой принесли политико-морфологическую жертву и централизованно сплоченные нации, а не только прочие, чужда латинскому пространственному

мышлению. Об этом напоминает принимавшая разные формы, потерпевшая крах панидея, слишком трудная в его восприятии.

Германское государственное мышление (Staatsdenken) испытало на собственном опыте одно такое панобразование, ставшее неумным (panlustig) лишь благодаря норманнской закваске англосаксонства, хотя и весьма способном к преобразованиям. Вопреки всем воплям по поводу Пангерманского союза и его влияния, которое было весьма скромным, это мышление никогда не проникало на европейскую континентальную почву в виде некоего панпредставления. В

своей старинной “Священной Римской империи германской нации” собственную народную энергию к огромному ущербу для себя оно принесло в жертву “наднациональной” имперской идее, пока та не превратилась в иллюзию.

Из столь различных опытов становится ясно, что уже в Центральной Европе в этом коренном вопросе — о возможности будущего панъевропейского образования — нет понимания и еще меньше его в выработке понятия “права меньшинств”[—], в связи с чем Мелло Франко обнародовал потрясающе простое в латинском восприятии решение: целесообразно

как можно быстрее ассимилировать меньшинства! Вероятно, Южная Америка еще познает в связи с проблемой цветного населения, как такое решение скажется на ее собственной шкуре; но пока, правда, обнаруживается, что правомочие чуждых региональных сил участвовать в разработке пан-Европы на пути, проходящем через Лигу Наций, должно быть так же отклонено, как его отклонила пан-Америка и ему отказывает пан-Азия.

Поэтому из многих трудностей, противостоящих образованию пан-Европы после создания Лиги Наций, с непредвзятой, географической точки зрения, выделены особенно

легко постижимые.

Внутри и вне Европы слишком мало осознали, насколько важен вопрос о том, могут ли из ее круга предложить некое более или менее удовлетворительное региональное решение для Европы (как бы оно ни называлось ныне — пан-Европой, или Соединенными Штатами Европы (СШЕ), или всего лишь панъевропейским Таможенным союзом) наряду с подтверждением пригодности, свидетельством оправданности существования Лиги Наций, чтобы поспешное учреждение пан-Европы не стало все больше и больше работающей на холостом ходу говорильней,

ярмаркой тщеславия на фоне
поистине эффективных
региональных крупных организаций.
[с.334]

Ибо принципиальное
содействие жизнеспособной
структуре панорганизации
человечества (Pangliederung der
Menschheit) должно быть все-таки
свидетельством способности новых
жизненных форм включиться в
происходящий на поверхности
планеты процесс становления и
исчезновения! Конечно,
пространство для развития от
территорий к государствам, от
недостаточно жизнеспособной,
нуждающейся в опеке части земель к

практичному союзу земли и народа — даже и в США! — ограничено. Но доминирующим процессам роста — повсеместно рассматриваемым в сравнении (карта жизнеспособности Заппера!) — противостоят все же процессы истощения, все еще далекие от состояния равновесия.

Итак, кто же представляет в Лиге Наций право, которое родилось вместе с нами и рождается ежедневно с новыми поколениями? В пантихоокеанском, в паназиатском движениях имеются форумы, где это право на существование может быть доказано. И при этом также необычайно трудная разграничиваемость основных

азиатских жизненных форм! Как велик, к примеру, Тибет? Имеет ли он 1,5 млн. жителей (Gotha), 3-4 (Sven Hedin)_, 8 (Chin. Jahrbuch)? Кому принадлежат с точки зрения международного права Танну-Тува, Монголия, Тибет? Какова территория самого Китая — менее 4 или же 10 млн. кв. км? Такие вопросы наводят ужас на панъевропейца. Однако поборники других панидей стараются найти приближенное значение, разумно правдоподобное для компромиссных договоренностей, исследовать, какая сила стоит за новыми образованиями. Но кто раскусит с этих точек зрения, с таким широким

“видением” (“Vision”) индийский, китайский, центральноевропейский вопросы, во многом столь родственные территориально, или же только динамику 562 индийских земель размером от государства до деревни, которая (динамика) должна обрести свое право при формировании панструктуры (Pan-Gestalt). Учитывая региональный характер панидей и возможность их трансформации, существующая структура Лиги Наций, следовательно, слишком формальная, окостеневшая, противоречащая также неуправляемой жизни, которая — при всех эксцессах — пронизана национализмом. Это должно внушать

сомнение по поводу будущей силы и одного, и другого образований, и наиболее жизнеспособные панидей все больше склоняются к поиску согласия и компромисса с национализмом, чем с Лигой Наций и творчеством ее юристов и дипломатов. Что же из этого получится, если вдруг за ее спиной будут стоять не народы, а лишь правительства и юридические фикции? Как бесследно исчезли из современной истории бюрократически выродившийся германский бундесрат, несмотря на все собранные в нем таланты, и многие иные немощные собрания, даже если “Золотая (почетная)

книга” о наследниках завершена и изгородь из параграфов поручилась за их вечность, за продолжение списка бессмертных?

Географическая наука выполняет компромиссную, посредническую роль между миром природы и миром духа, жизнью [с.335] и бумагой, но проявляет недоверие там, где она обнаруживает, что природа улетучивается из конструкций, а неудовлетворенные пытаются на свой страх в другом месте взять свое. Она следит за проявлениями жизни на нетронутой Земле с большим доверием, чем за явлениями на бумаге, и находит в нынешней международной

организации слишком много
бумаготворчества, слишком много
“ценного материала” и слишком
мало жизни, а в развивающихся
панобразованиях больше жизни, зато
меньше бумаги, что иногда
затрудняет их охват, их историческое
разъяснение. Это с особой силой
проявляется в паназиатском вопросе,
от значения которого в китайских
делах в противовес автору, однако же,
долго отмежевывались, пока
священный огонь с Юга в 1927 г. не
перекинулся через Янцзы. Тогда,
разумеется, негодовали по поводу
противоправных способов борьбы
Советов, младокитайцев,
младоиндийцев, а также, конечно,

геополитики, но лишь тогда научились сопоставлять себя с ней, ибо она существовала в гуще жизни, в мире, хотя еще и не в делах.

Истолкование международного права применительно к Лиге Наций содержится во многих публикациях, наиболее выразительно это сделал, например, Штрупп_ ; вместе с тем имеются многочисленные жизненные проявления на поверхности Земли, о которых не говорится в книгах, но которые тем не менее следует знать и описать: они существуют, как существовали драконы острова Комодо, хотя наука отрицала это.

Налицо антропогеографический

и геополитический факт: две из великих держав планеты, наиболее настойчиво занимающиеся внедрением панидей, вероятно, поэтому остались вне Лиги Наций — Советский Союз и Соединенные Штаты Америки; по каким прочим причинам, оставляю здесь неисследованным. И еще один факт в том, что одна великая держава — Советский Союз — не хотела пожертвовать своим местом в панрусской, вероятно, в еще незабытой панславистской, а также в евро-азиатской и паназиатской идеях без переходного периода (Ubergang) между великой державой и планетарным союзом; другая —

Соединенные Штаты Америки — не хотела пожертвовать своим отношением к панамериканскому, и прежде всего к пантихоокеанскому, кругу идей; она придавала значение американскому Срединному морю и Тихому океану, а не трансатлантическим связям.

Представление русских об осуществлении некоей панидей является чисто континентальным, даже надконтинентальным, трансконтинентальным наступательным движением из пан-Азии и далее в Европу, если вообще не панъевразийским, в их надеждах на мировую революцию — по меньшей мере.

Но в упоминавшемся американском панвоззрении воплощается континентальная панидея, идея “Нового Света”, и охватывающая Океан, в лучшем смысле “тихоокеанская” культурно-политическая и хозяйственно-политическая [панидея] в более высоком единстве, представляющем собой большую часть земного шара, надстроенную двумя его важнейшими, наиболее замкнутыми [с.336] едиными пространствами. Ясно, что носителям столь крупнопространственных надежд жертва далась бы с большим трудом; и во всяком случае показательно, что все государства, либо еще не

присоединившиеся к Лиге Наций, либо безразличные к ней, уже при малейших разногласиях угрожавшие выходом из нее, либо отказывавшиеся платить свои взносы, короче говоря, питавшие к ней ничтожную степень привязанности, — за исключением Бразилии, — это все основные области, расположенные вокруг пантихоокеанского силового поля: Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Китай, Мексика, Япония, Австралия, Перу, Боливия, Эквадор и некоторые государства Центральной Америки — вероятно, с неосознанным, а некоторые наверняка с глубоко осознанным

чувством особого права (Reservatgefühlen) в пользу иных возможностей панобъединений, которыми они не хотели просто пожертвовать.

С этой имманентной силой двух самых крупнопространственных и мощнейших панидей должна будет, следовательно, считаться Лига Наций, как и пан-Европа, и, вероятно, смириться с ограничениями своего влияния в будущем.

Ввиду статического приданого и склонности Лиги Наций все же, несомненно, существует более сильное избирательное сродство (Affinitat) статически задуманных

или ставших таковыми панобразований в противовес динамичным. *Австралийское панобразование* с одним голосом (вместо семи, которые следовало ожидать по другим представлениям — например, по канадскому и упоминавшемуся американскому) под руководством Британской империи, в то время уже находившейся на стадии расчленения на доминионы, вошло в Лигу Наций и получило от нее мандат. При этом, правда, стало ясно, что пан-Австралия не была в полном значении панидеей, завладевшей вниманием частью Света, но — вследствие нехватки населения —

оставалась в сущности лишь панидеей части пространства, штата среди равноценных союзных штатов. Как таковая пан-Австралия сидит на одной скамье рядом с Южной Африкой, Новой Зеландией, Канадой, никогда не домогавшимися ранга панобразований.

Пан— Европа, хотя и была встречена при первом с точки зрения международного права выступлении в Женеве с недоверием, все же вышла из среды Лиги Наций и была задумана в качестве антидинамического хранителя статус-кво; по крайней мере пока что в связке с Африкой, а не с иными владениями, рассыпанными в других

частях Света.

Пан— *Америка* представляет собой в чистейшем виде региональный промежуточный тип между народностью, нацией, империей и всей поверхностью Земли; она вела себя учтиво, когда в Лиге Наций рассматривался конфликт между Боливией и Парагваем или вопрос о Чили -Перу — Боливии, но весьма категорично заявляет, что вопросы “Нового Света” Новый Свет желает улаживать без, разумеется, бестолкового вмешательства (ср. Мелло Франко и европейские меньшинства!) других крупных ландшафтов, т.е. отвергает операции, на которые, с другой

[с.337] стороны, претендует как на свое право часть панамериканцев с далеко идущими целями в отношении хитроумного, малопространственного сооружения Европы.

Напротив, ясно выраженная воинственная позиция *панидеи Азии* — и многих частей ее пространства, стремящихся к панобразованию, — объективно определима в противоположность [позиции] так легко от всего отказывающейся, неспособной к динамике Лиге Наций (греко-турецкие, китайско-японские разногласия; вопросы Бургенланда, Италии, греческий, мемельский вопросы, проблема

Верхней Силезии, китайско-русский спор); *пантихоокеанская* идея в противовес панамериканской принимает Лигу Наций с поднятым еще на одну ступень безразличием и неприятием. Она решительно ставит Тихоокеанский регион над планетарной структурой и признает за США преимущественное право транстихоокеанских обязательств перед трансатлантическими.

Если мы сопоставим степень оформленности панидей в соответствии с их формальным проведением в жизнь (статикой) и их потенциальной энергией (динамикой), которую они способны высвободить, то получается совсем

иной порядок по величине и субординации.

Признанная извне в международно-правовом отношении и структурно определившаяся внутри в государственно-правовом отношении, пока как существенная незавершенная часть Света, готовая к инкарнации, хотя также и звено более крупного, на глазах сливающегося целого — такова *Австралия*; однако еще включенная как звено в австрало-азиатский обширный комплекс и в тихоокеанское окружение.

Признанная извне в международно-правовом отношении (ибо всё подчинено доктрине

Монро), но лишь на отдельных направлениях внутри обособившаяся и выстроенная, определенно объявленная неполитической — такова *панамериканская идея* с реальным англосаксонско-иберийским, преждевременно родившимся расколом внутри и отягощенная серьезными проблемами, касающимися расовых отношений и жизненной силы.

Проявляющая инициативу в международно-правовом отношении, но без гарантии на успех, глубоко увязшая в трудностях, коренящихся в национальном принципе и чувстве национального суверенитета (идеи самоопределения), и отягощенная

почти неразрешимыми проблемами меньшинств — такова *пан-Европа*.

Однако далеко превосходящая по жизнеспособности все три, занятая контригрой с огромным по численности населением, становящимся революционным, с советской идеей, с одной стороны, связанная со стремлением к самоуправлению миллиарда жителей муссонных стран — с другой, — такова *паназиатская идея*; и культурно-политическая, явно искусственно вызванная, но геополитически обоснованная пантихоокеанская компромиссная идея. На их пересечениях народятся в будущем крупные политические и

социологические движения
человечества, здесь [с.338]
сконцентрированы самые большие
культурно-политические задачи
столетия, а именно интеграция
древней азиатской культуры в
мировую культуру и повторное
включение 22 млн. кв. км русских
земель в мировое хозяйство.

Наиболее сильно отстает в
пандвижениях Африка — несмотря
на случайный шум в литературе,
который зачастую исходит от
американских негров, — и, пожалуй,
дальше всего отстоит любая
возможность частичной организации
паназиатских структур — вопреки
Лоуренсу — на Ближнем Востоке

(мозаика мандатов; Палестина; борьба среди арабов; панисламизм; Суэц).

Азия (самое большое сухопутное пространство) и *Тихий океан* (самое большое морское пространство) голосами своих местных лидеров ясно ставят, однако, свои особые вопросы через Женевскую всемирную организацию. Раздраженные этим, а также опасаясь за владения, расположенные в районах, где действуют таким образом особые региональные образования, представители панъевропейского мышления испытали желание ускорить роды. Именно Бриану

пришлось, естественно, облечь с немалым трудом свой отказ от добрых услуг Парагваю в благоую форму; во Франции достаточно дальновидных колониальных политиков, усмотревших в визите флота США “разрушительное действие для французского престижа в Океании”, а в волнениях в Южном Китае и в последствиях предоставления свободы Филиппинам _____ и нынешнюю опасность, и осложнения в будущем для Индокитая.

Еще острее вырисовывается опасное положение дополнения пан-Европы в австрало-азиатском Срединном море в противовес

эволюционному компромиссному
стремлению пантихоокеанско-го
направления, как и в противовес
революционному, бьющему ключом
паназиатскому развитию событий;
при этом наследники права на власть
или экономические
империалистические владения —
старые колониальные державы стали
бы, естественно, еще больше теснить
друг друга, а Британская империя,
особенно под руководством
лейбористов, предпочла бы
компромиссный ход событий и ищет
путь присоединения к американцам.
Однако США умеют уклоняться от
нерегионального колониального
фронта; другие же без тяжелейших

потерь — нет.

Обнаруживается относительное бессилие государственных и международно-правовых конструкций в отношении народных и расовых пристрастий преимущественно там, где обостряются расовые и классовые противоречия, как в важных частях Южной Америки (Боливия, Мексика, Бразилия...), а также в американских южных штатах, в Южной Африке (вопрос о банту_и индийцах_), на стыке австралийского Сообщества с муссонными странами. Далее, в соответствии с законом пространственного роста государств обнаруживается, что силовые поля,

где противоречия должны доходить до конца, сильно расширяются и из государства и империи перемещаются в региональные ответвления паноб-разований. Это наиболее сильно и болезненно ощущается [с.339] в скромных по размерам пространствах Европы и Ближнего Востока, а также в изувеченных жизненных пространствах, лишенных влияния за морями и воздействия на растущие автаркические крупные пространства.

От “Града Божьего” (“De civitate dei”), от “действующего закона” (“de lege lata”) не ведет больше никакой путь ни к пятилетке (пятилетний

план Советов), ни к Неру, ни к Сунь Ятсену; доклад Саймона появился слишком поздно как основа “*lex ferenda*” —. Сможет ли пан-Америка, сможет ли пантихоокеанский круг, — который мог бы быть посредником, — преодолеть свое равнодушие к крупнейшей панорганизации или нет? Это вопрос о всемирном союзе!

Выполнит ли Лига Наций в своем нынешнем составе, хотя бы в свете способности классифицировать панидеи, — здесь осознанно не рассматриваемые ни в каком ином ракурсе, — требования, которые она должна была бы выполнить в духе естественных наук,

а не формально-гуманитарным путем, для образования этого важного регионального промежуточного звена между “подданством” (“гражданством”) (“Nationalitat”) и мировым союзом или же не выполнит? Приблизит ли ее промежуточное образование вроде инициативы Бриана к этой цели государственно-биологической жизненной необходимости или нет?

Таковы, собственно, два главных вопроса, которые Европе следовало обдумать по крайней мере как самые важные между Троицыным днем и 15 июля 1930 г. Уже постоянное запаздывание британского парламента, находящегося под

двойным бременем — как внутренних вопросов, так и вопросов строительства империи, — могло бы побудить к частичному ответу. Это не дело, что тот же самый консультативный организм в одном своем качестве служит более крупному, широкому и многоликому пространству на всей поверхности Земли, а в некоем другом (в то время как Америка, Азия, Австралия исключаются) — непосредственно небольшой части пространства: Европе! От законов пространственного мышления должна страдать то одна, то другая функция; идет ли ныне речь об отношении Афинского народного

собрания к городской казне и к казне Делосского союза_ (когда в Афинах в конечном счете были построены мраморные здания вместо кораблей для Союза); или о римском сенате (верили, что необходимые социальные успехи империи возможны при римской городской склонности убивать ножками стула); или же о британском имперском парламенте (который быстро забыл про улицы собственного отечества из-за восстания в Индии_или о своевременных реформах трудовых отношений, затрагивающих 325 млн. человек); или о принятии во внимание возвышенных советов в адрес Женевы, с одной стороны, для

всего мира, а с другой — только для Европы и Африки! Тот, кто мыслит категориями частей Света, не может быть дома соразмерным строительной моде маленького центральноевропейского городка; тот, кто ценит лишь европейские условия труда и [с.340] культурные факторы, в муссонных странах попадет впросак и окажется несостоятельным. Это констатирует без какого-либо укора географ, которому не свойственно представлять сверхчеловека в усредненности, и поэтому он хотел бы ради будущего человечества освободить от нее и Лигу Наций для великих планетарных целевых

установок, и пусть это делается через
региональные подвижки
изборожденных панидей и их
носителей. [с.341]

ПРИМЕЧАНИЯ

Мертвое сердце (*англ.*). [с.341]

Обширные пустые земли (*англ.*).

[с.341]

Mare nostrum (*лат.*) —

обозначение Тирренского моря после завоевания Сицилии (241 до н.э.),

Сардинии и Корсики (238 до н.э.).

Orbis terrarum — синоним Orbis

Romanus — Римская империя. [с.341]

См. [примеч. 21. С. 262-263.](#)

[с.341]

В данном случае автор выражает свое отношение к “Акту о меньшинствах”, положения которого, касавшиеся защиты и обеспечения

национальным, религиозным или языковым меньшинствам справедливых и приемлемых условий жизни, были включены в мирные договоры, завершившие первую мировую войну, а также в договоры, заключенные в более позднее время “главными союзными и объединившимися странами”. [с.341]

Свен Гедин — шведский исследователь. Совершил несколько экспедиций в Азию. Первая была посвящена исследованию Тянь-Шаня, Памира и пустыни Такла-Макан, во время второй (1902) прошел через эту пустыню до тибетского священного города Лхасы, переодевшись монахом. Путевые

заметки Гедина вызвали широкий общественный интерес. [с.341]

См. [с. 339](#). [с.341]

См. [с. 260](#). [с.341]

См. [примеч. 18. С. 276](#). [с.341]

См. [примеч. 18. С. 301](#). [с.341]

Банту — крупнейшее племя Экваториальной и Южной Африки. [с.341]

См. [примеч. 7. С. 349](#). [с.341]

Автор имеет в виду прежде всего Германию. [с.341]

См. [примеч. 17. С. 289-290](#).

[с.341]

С точки зрения закона, издание которого желательно (*лат.*). [с.341]

См. [примеч. 12. С. 78](#). [с.341]

29 декабря 1929 г. Индийский

Национальный Конгресс выдвинул требование к правительству Великобритании о предоставлении Индии независимости. После того как это требование не было выполнено, Ганди организовал кампанию гражданского неповиновения. [с.341]

Имеется в виду предложенный Аристидом Брианом проект пан-Европы. [с.341]

ГЛАВА IX

ПЛАНЕТАРНОЕ БУДУЩЕЕ ПАНИДЕЙ

Решающий ответ на вопрос о правомерности существования панидей между современными великими и малыми державами и поистине дееспособной всемирной организацией, которой у нас еще нет, будет попросту зависеть от того, смогут ли панидей служить мостом или препятствием к решению

главной проблемы физической антропогеографии: справедливого распределения становящейся все более тесной Земли сообразно ее производительности для всемерного развития деятельности по освоению пространства и его способности нести нагрузку. Приведет ли такое развитие к подлинному миру во всем мире или же снова ввергнет его в борьбу за существование только уже между более крупными пространствами и с еще более страшными последствиями для человечества?

Как относятся отдельные панидей к проблеме цвета кожи и к расовой проблеме и к тому, что

совершенно по-иному должны использоваться богатые водными ресурсами тропические земли — единственный крупный естественный резерв питания быстро растущего человечества? Можно ли вообще привести панидей к общему знаменателю, упорядочить их на одной плоскости, и как они противостоят при этом становящемуся все более тесным пространству, все более жгучей на другой стороне настоятельной воле к жизни, — не говоря о некоторых немногих местах, по сравнению с целым ничтожных, жизненно важных лишь для озадаченных?

Является ли равное уважение ко

всему братскому роду человеческому, любовь к ближнему (в чем христианство совпадает дословно с подобным в государственной философии Конфуция, а именно “что между истинно образованными нет никаких расовых различий”) до образования панидей в пространстве убедительной истиной или же красиво звучащей ложью? Заключительный аккорд в последнем вопросе о планетарном будущем панидей затрагивает самые глубины индивидуальной и массовой души, куда мы должны проникнуть, если хотим быть честными и исчерпывающе обсудить нашу важную тему.

Конечно, мировая война — в этом отношении лишь простое звено каузальной цепи, ни причина, ни голый симптом, ни даже завершение — с ее и во зле, и в добре повсеместно возрастающим влиянием вызвала также развитие опыта пространственных образований панидей и таким образом уплотнила годы и десятилетия, что, вероятно, без этой поддержки еще десятилетия и столетия не спешили бы. Но ее способ безжалостного раскручивания исторически происходящего уподобляется в этом отношении [с.342] изображению пшеничного поля или луга с

помощью цайтраффера: в самом по себе процессе и биологическом насилии над ним или политической бесцеремонности ничто не изменится от сильного уплотнения вследствие замедленной киносъемки или нерезкого растягивания с помощью ускоренной.

“The rising tide of colour against white supremacy” (“Вздымающаяся волна цветных против господства белых”) (Стоддард) — ведь ни на одной глубоко вовлеченной в волнение во время мировой войны территории она (волна) не просматривалась и так беспощадно не изображалась, как в выигравшем войну Нью-Йорке, равно как в труде

Мэдисона Гранта “The passing of the great race” (“Кончина великой расы”), который подобно Л. Стоддарду “Race realities of Europe” (“Расовые реальности Европы”) считал вправе именно Германии высказать так много неприятного относительно ее “альшнизации”. Следовательно, большая доля преувеличений в расовом вопросе была привнесена к нам из Америки со всей непосредственностью, свойственной США.

А на другой стороне — содержательная, добротнейшая работа В. Шаллмейера “Vererbung und Auslese” (“Наследственность и отбор”), где на основе опыта, в том

числе и моего, высказаны
соображения о расовой гигиене
(Rassenhygiene) древнейшей из
культурных наций (китайской) и об
объединении государств в интересах
расовой гигиены, остается почти без
последствий. Уже такое
противоречие могло бы вызвать у нас
подозрение, должны ли мы
безоговорочно доверять
преувеличениям ускоренного
цайтраффера в вопросе панидей.
Некоторые определенно
широкозадуманные американские
работы по расовым вопросам были
сознательно рассчитаны на успех и
исходили из совершенно ясных
посылок, связанных с политическим

влиянием законодательства США об американских переселенцах. Это благое право их авторов: только не следует думать, что эти работы возникли на пустом месте.

Тот, однако, кто воспринимает Землю как единое целое, отдает себе отчет в том, что при растущей перенаселенности ее поверхности и попытках оценить ее почвы превалирующую роль, согласно Пенку_, играет последний, самый крупный резерв обильно увлажненных тропических земель, который следовало бы непосредственно принять во внимание. Кто же может в таком случае вспахать и обработать

пригодные для культивации тропические земли, подобно тому как были освоены в течение двух тысячелетий плохие в своей основе земли Германии, пока они не стали приносить урожай, многократно превышающий получаемый в других местах? Ответ таков: тот, кто сумел до сих пор приспособиться к этим почвам или в лучшем случае — слишком устремленная, смешанная раса, которая [с.343] соединит хорошие качества, воспитанные умеренной зоной, с работоспособностью в тропиках.

С этой точки зрения волей-неволей следует иными глазами посмотреть в свете будущих панидей

на некоторые вопросы заокеанских расовых смешений и переселений и сказать себе: абсолютная исключительность расы обрекает ее на гибель в результате инцухта_и на долгое время исключает из широких земных пространств.

Таков ход мыслей, которые мне убедительно преподнесли выдающиеся знатоки заморских тропических областей в теории и на практике (например, Шлюбах, Заппер, К. Росс). Если белая раса, Европа и Северная Америка — о горстке белых в Австралии и Океании речь не идет — будут длительное время держаться в стороне от этих идей, то они понесут

такие потери пространства в
решающих для будущего,
производящих продовольствие
землях, что в конце концов белая
раса захиреет от безработицы в
нескольких промышленных
резервациях, изолировав себя от
самодостаточных экономических
организмов, основанных на
враждебных Европе панидеях, и
будет пользоваться лишь их
излишками.

Такие процессы происходят не
так быстро, как морочили голову в
перегретой и взвинченной
послевоенной атмосфере. Италия
времен поздней Римской империи
также сумела выжить в своем

крестьянском состоянии и в течение нескольких столетий кормить самую себя. Однако в конце концов загубила себя, как Ирак, ставший городским поселком вокруг Багдада, как Кампанья, из которой великий город Рим высосал жизнь, не заботясь об обновлении. Другие части империи, разоренные ранее с жизнеспособной панидеей, еще держались вместе и обеспечивали себе пропитание благодаря флоту, перевозившему зерно, и караванам с данью столичной черни там и здесь, пока эти части империи не наводнили фореиторы новых панидей или устали кормить дармоедов. И тогда рано или поздно появлялся какой-

нибудь [человек], кто кричал, обращаясь к слишком многим: “Чем гуще трава, тем легче косьба”; и он косил в местах скопления беззащитных и ничего не стоящих людей — Александр, Аларих, Чингисхан, Наполеон, Ленин. Если бы это был способный к созиданию человек, то за ним, вероятно, последовала бы тень, которая связала бы по духу через настоящее с будущим затонувшую панидею, как это сделали гениальный китайский министр монгольского завоевателя или паназийцы Университета имени Сунь Ятсена в Москве_.

Перед новыми властями всегда возникала в таком случае задача

освоения изнутри захваченных
штурмом пространств; и на этом
поле мы можем воспользоваться
ценным четырехтысячелетним
опытом китайской культуры с ее
преодолением и ассимиляцией столь
многих панидей, а не только опытом
застывшей Китайской стены, которая
защищала поистине
великокитайскую идею путем
животворного пояса высокоразвитой,
способной обороняться
крестьянской зоны. [с.344]

Всегда существуют способность
к живой, гибкой, а не застывшей
охране границы, к охраняемой
жизни, а не к безопасности на
бумаге, с одной стороны, и захват

земель по внутреннему праву — с другой, право на землю, исходя из глубочайшей, основанной на обычае, кровной связи, углубления (Vertiefung) в нее самое, что, как нам кажется, гарантирует прочность пространственных образований при осуществимых панидеях.

В этой связи играет выдающуюся роль их способность присоединять пространства иного рода, приходить к добровольному сотрудничеству, использовать в общих интересах как вид альменды. “Не заграждай рта волу, когда он молотит!” Древняя хозяйственная мудрость Ближнего Востока преподносит здесь замечательный,

часто игнорируемый ключ также к успешному формированию панидей в их естественных и расчлененных пространствах.

Одной из более или менее всесторонне обдуманых частных проблем из числа главных в физической географии, как и планируемой во всемирном масштабе внешней политики и мирового хозяйства, выступает проблема совместного использования колоний панобъединений, как это было предложено пан-Европой в особенности в отношении Африки. Однако и она, видимо, — после неожиданной развязки ситуации с

остатком разбросанных владений европейских континентальных держав — положена в основу отношений владения внутри других панобразований, на карте пан-Европы Куденхове-Калерги обозначенных черным цветом. Здесь находится нравственно и материально в высшей степени трудное и ответственное решение для не обремененной больше империализмом части панобъединений.

Нельзя при этом допустить, чтобы эта часть панобъединений оказалась под влиянием — по-разному манипулирующих теорией и практикой — идеологии Советского

Союза или лицемерия англосаксов!
На все вновь и вновь декларируемый
и так мало соблюдаемый
нравственный уровень этих
владеющих огромными
пространствами земли ростовщиков
(22, 36,3 или, быть может, 30,2 млн.
кв. км плохо ухоженных, в
значительной мере малозаселенных
полезных площадей) пан-Европа
никогда не могла бы вознестись,
даже если бы она разместилась на
26,5 млн. кв. км с пришедшими к
согласию 430 млн. населения, как
полагает Куденхове-Калерги_____.
Вероятно, должно быть не более 4,5
млн. кв. км! Но нужно было бы —
при четком деловом контроле столь

безобидных набросков, как карта пан-Европы, — исследовать, где пространства действительно нуждаются в развитии с помощью чужеземных сил, чтобы выполнить свои обязанности по использованию земли, или где гнев, вызванный подавлением права на самоопределение, как, например, в Индонезии, Индокитае, рецидив естественного длительного натиска вопреки ее природе на 11,78 млн. кв. км якобы 408 млн. населения (в действительности 540!!) ужатой Восточной Азии такое совместное использование обременяет ответственностями, которые станут скорее еще большей обузой в

будущем, чем какой-либо нынешней выгодой, [с.345] и угрожающие динамические переоценки напрашиваются сами собой. В этом вопросе в отношении пан-Европы сразу же началась бы географическая критика в стиле той, которой упражнялись на тихоокеанских встречах.

Однако если мы исследуем, учитывая эти точки зрения, что, например, должна вложить Франция — инициатор панъевропейского объединения, самая богатая колониями среди континентальных держав пан-Европы, в европейское панпредприятие при таком колониальном дебете и кредите, да

еще имея приданое, находящееся
внутри пантихоокеанского,
паназиатского и до поры до времени
обозначенного лишь в общих чертах
панмалайско-монгольского и
панамериканского бассейнов, то
обнаружится даже при беглом
рассмотрении, что выравнивание по
ценности и бремени вовсе не
понятно. Здесь пан-Европа владела
бы лишь находящимися под угрозой
внешними постами, для которых в
дальнейшем потребовалось бы
основательное силовое
подкрепление.

Иначе обстоит дело с
внушительной пространственной
массой замкнутой

североафриканской колониальной области, имеющей приблизительно 3.739.202 пригодных для обитания кв. км и примерно 13,5 млн. человек населения (при средней плотности 3,62 человека на кв. км, которая ни в одной части области не превышает 10 человек на кв. км, с приростом 1,25 млн. человек за пятилетие, т.е. 10,24%). Там расположено в общей сложности 10 колониальных городков, насчитывающих примерно 145 тыс. жителей, среди которых едва 7000 белых (причем результат выглядит еще слишком благоприятным в Дакаре — опорном пункте полетов: на 34 тыс. населения до 3 тыс. белых); для них характерна

недостаточная жизнеспособность, отсутствующее обеспечение людей ответственной колониальной властью; давление населения направляется в южную половину континента, на окраину гилей. Такова колониальная картина, и только в результате очень сильного перемещения предприимчивого населения развивающейся страны можно было бы ожидать здесь плодов воспитания; без такого избытка вербуемой силы наступит откат назад. Следовательно, в этом случае действовал бы в роли спасителя более крупный союз с более сильным пополнением, сумевший в других случаях выступить в роли встречного

потока для местных, более компетентных панобразований, — если он чувствует себя сильным и смотрит в будущее с достаточным оптимизмом.

Полезно произвести сходные разумные расчеты для государства Конго, Индонезии, а также для 1,5 млн. белых в Южной Африке в сравнении с быстро растущим большинством (20 млн.!) чернокожих и коричневых (индийцев)__, дабы понять угнетенное состояние (Beklemmung), которое вызывает у “лежащих и имущих” внезапно пробудившееся стремление к самоопределению у всех народов, и их готовность делить

ответственность, а не прибыли
внутри пансоюзов.

Доктор Оскар Ауст вполне
справедливо сослался на
чрезвычайно важный факт
экономического и политического
значения: [с.346] а именно, что
свыше 1 млрд. человек живут в
тесноте на пространстве 11 млн. кв.
км, т.е. примерно равном Сибири или
Австралии с их убывающим
населением. Этот факт больше, чем
многие тома, объясняет, какие
резервы пространства сумели
обеспечить себе посредством
бесцеремонных захватов Советский
Союз на правах наследника царей и
Британская империя и как морально

невозможно строить надолго
панобразования или даже
единственное пансооружение
человечества на окостеневшем
статус-кво, на плодах человеческой
мудрости того преступного вида,
которая царила в предместьях
Парижа в 1919 г.

Стало быть, решающим для
будущего остается то, что
построенные на такой основе пан-
Азия или пан-Европа были бы
творением оппортунистической
сиюминутной лжи, лишенным какой-
либо внутренней долговременной
устойчивости.

Как мне кажется, вопреки этой
трудности пантихоокеанское

движение в противовес избегающей ответственности на этих полях Лиге Наций, вопреки всем ее советам должно вступить на единственный достойный будущего человечества путь под руководством лучших и мудрейших — путь свободного, равноправного разговора не о второстепенных, а именно об откровенно щекотливых, труднейших, по большей части спорных проблемах. В этом направлении пантихоокеанские встречи отличаются как день и ночь от того, что мне известно по европейским конгрессам. Доказательством этого служит то, каким образом Гриффит Тейлор разъяснял, разумеется,

брюзжащим в глубине души
англосаксонским колониалистам в
Шанхае проблему миграции в Тихом
океане, или то, как отважились в
Киото японцы, китайцы и русские
пойти на обмен мнениями с глазу на
глаз по вопросу о Маньчжурской
железной дороге. Но перед этим
форумом оказалось
несостоятельным именно насилие в
любой форме, и только взвешенное,
доказуемое, нравственное
внутреннее право имеет перспективы
убедить испытанных представителей
региональной совести, какая в
Женева должна быть совестью мира.
И все же спросите участников
тамошних конгрессов меньшинств,

насколько реальность соответствует этой идеальной картине; вероятно, больше всего пока еще в Международном бюро труда (Weltarbeitsamt).

Однако к идеям панорганизации планеты и постоянной или преходящей будущей возможности региональных панобразований, как всегда, в Лиге Наций относятся либо как к стоящим рядом с ней, либо как к подчиненным ей. В качестве нынешней позиции твердо то, что крупная панидея — панамериканская, хотя и протестует против любого вторжения Лиги Наций в ее собственный регион, но в другие вмешивается как

совокупность или же через своих
мощнейших представителей, как еще
совсем недавно более крупные
латино-тихоокеанские государства
Южной Америки также
недвусмысленно подчеркивали свое
право вмешательства в
тихоокеанские вопросы в противовес
Японии и Китаю. Далее твердо и то,
что представители паназиатской
[с.347] идеи относятся к Лиге Наций
с глубочайшим недоверием, что
пантихоокеанская идея преследует
особые региональные
миротворческие цели (совсем
недавно это было подтверждено
Томасом в Женеве), панафриканская
идея в своем становлении ищет

опоры прежде всего у противников колониализма, а следовательно, у противников пан-Европы в ее нынешнем обличье, но не питает полного доверия к пан-Америке — поскольку претворение в жизнь ее идей означало бы также упрочение господства белых в южной и центральноамериканской областях смешения рас.

Пан— Австралия, правда, как и Новая Зеландия, -член Лиги Наций, но однажды она уже угрожала выходом из нее при обсуждении спорного вопроса о ее границах и отвергает возникающие время от времени к ней претензии, отстаивая свой панхарактер ссылками на свой

государственный суверенитет.

Итак, мы видим, что все без исключения организованные к настоящему моменту или готовые к организации панидеи витают в лимбе между планетарной организацией и национальными государственными образованиями народного духа (Volksheiten), но внутри этого большого свободного пространства — почти все на разных плоскостях и с глубокими пересечениями. Исключение составляет панамериканская идея, современное положение которой можно было бы обозначить, скажем, в средней плоскости лимба панидей. Иные ищут будущее человечества на

столь противоположных путях, что это может привести к трениям между паназиатской, панбританской имперской идеями и пантихоокеанскими компромиссными устремлениями, — а пан-Европа с колониальными придатками глубоко вторгается в любые зоны трений.

Из такого положения вещей вытекает всемирная гражданская обязанность — наилучшее просвещение, и не только по вопросу о нынешнем местоположении и контурах (статике) панидей, но и о направлении их движения (динамике) между национальной и действенной всемирной

организацией. Этому помогают по ту сторону многих абсолютно себялюбивых устремлений все добросовестные распространители геополитического и международно-политического просвещения, которые, разумеется, часто прилагают большие усилия, отделяя в потоке новостей пшеницу от плевел.

Этому помогают такие простые и ясные ориентиры, как “Библиотека мировой политики”, в которой данное сочинение представляет собой один из краеугольных камней, такие журналы, как “Geopolitik”, “Zeitschrift für Politik”, “Europäische Gespräche”, “Pacifik Affairs”

(Гонолулу), “Новый Восток” (Москва), и многие другие — все было бы невозможно перечислить. К тексту присовокуплен краткий обзор источников, содержащий дополнительные данные о сочинениях по этому вопросу или же об особенно точных образцах соответствующего вида литературы. [с.348]

Данный обзор, как и данный скромный том, дает лишь обозрение проблемы в ее нынешней многообразной форме. Но его предметы — как достойная цель нашего исследования — принадлежат к самым крупным и самым значительным формам,

которыми может быть поглощено
воображение занимающего огромное
пространство человечества,
состоящего из
государствообразующих,
организованных народов. Даже там,
где мы ничего не можем изменить в
превращении формы панидей,
рассматривая их лишь с удивлением
и глубоким благоговением как
великие явления природы, там
становится благородным занятие
столь крупной темой в духе
формирующихся фантазий и мира
идей; на суше и на море оно
воспитывает склонного к
размышлениям наблюдателя и
углубляет его взгляд на мир путем

обозрения широкого пространства,
которое открывает ему возможность
идти по следам панидей и их
трансформаций во времени и в
пространстве. [с.349]

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.343) *Penck* A. Das Hauptproblem der physischer Antropogeographie // “Geopolitik”, 1925. S. 330-348.

Инцухт (нем. Inzucht) — близкородственное скрещивание организмов. [с.349]

Фореитор (нем.) — верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом. [с.349]

В 1280 г. Китай целиком оказался под властью монголов. Китайским императором стал великий хан Хубилай монгольской династии Юань (1280-1368). Время

правления этой династии было едва ли не самым тяжелым для Китая. Монголы были готовы истребить всех, кто отказывался добровольно сдаться; позже возник план истребить китайцев пяти самых распространенных фамилий. Эти чудовищные планы не были осуществлены благодаря киданину Елюй Чу-цаю, который был советником хана и настойчиво рекомендовал ему не уничтожать тех, кто может приносить регулярный доход. [с.349]

См. [примеч. 28. С. 264](#). [с.349]

Автор имеет в виду решения Версальской конференции по поводу судьбы германских колоний См.

примеч. 10. С. 13. [с.349]

Куденхове-Калерги приводит такие данные:

млн. человек	в млн. кв²	млн. человек	в млн. кв²
"Большая Европа"		Советский Союз	
431	25,6	141	22
"Большая Америка"		Британская империя	
282	30,2	434	56,3
Восточная Азия			
588	11,78		[с.349]

Автор имеет в виду то обстоятельство, что после бурской войны для освоения Южной Африки англичане завозили в эту страну в качестве рабочей силы индийцев. Именно в Южной Африке было начато М. Ганди движение "ненасильственного сопротивления". [с.349]

См. примеч. 49. С. 368-370.
[с.349]

Автор имеет в виду Версальский мирный договор 1919 г, а также Сен-Жерменский (с Австрией), Нейиский (с Болгарией), Трианонский (с Венгрией), Севрский (с Турцией), т.е. совокупность договоров, положенных в основу системы международных отношений после первой мировой войны. [с.350]

Международное бюро труда было учреждено при Лиге Наций Версальским договором. В течение всего периода существования Международного бюро труда (1920-1939) его деятельность ограничивалась принятием проектов всевозможных международных конвенций по охране труда —

проектов, которые затем
правительствами обычно не
утверждались. [с.350]

Статус-кво и обновление жизни

Книга, поставившая цель увидеть и почувствовать мир в состоянии “вспашки” (Umbruch)__, которая обновляет старое жизненное пространство и готовит будущие всходы, неизбежно вступает в противоречие со всеми непреклонными хранителями прежнего состояния (status quo). Она обязательно должна найти опору, отправную точку к встречному движению у всех, кто занимается приращением пространства на Земле, сохраняет в политических

интересах залежное поле в качестве резервного пространства, предпочитает настаивать на своем, пока более мощная сила не принудит их к радикальным переменам (Umsturz), заставив своевременно открыть свои неиспользуемые обширные пространства для неизбежной “вспашки”. Всем, кто сам вспахивал свою землю, должна быть дорога сила движения, устремленного вперед, в будущее, и открывающего ему (будущему) лоно Земли; им досадно, что новая жизнь остается отстраненной от страждущей земли, которую отгораживают забором и стеной, оставляют порожней,

необработанной, удерживают в застывшем, статическом состоянии. Ибо любая неподвижность равносильна смерти, жизнь же означает неумолимое влечение к обновлению, даже если оно может быть достигнуто лишь посредством “вспашки”, “перелома”.

Там, где люди живут в уплотненном до предела, слишком тесном жизненном пространстве, вынужденные терпеть перегруженность земли, которая их кормит, — как с начала века в Центральной Европе и Италии, издревле в Китае, Индии, Японии, — там быстро крепнет понимание необходимости беспрестанной

“вспашки”, включения всех пригодных к севу и жатве земель ради всех тружеников. По-иному там, где дерзкое насильственное действие и умное предвидение подготовили в минувшие эпохи большие резервы пространств, которые сам владелец, вероятно, никогда не сможет использовать, но и не позволит это сделать другим прилежным, работающим в поте лица. Защитив бумажными договорами утратившее силу за давностью лет грабительское право, эти неумолимые стражи прошлого, давно устаревшего состояния, — “статус-кво”, изжившего себя “lex lata” препятствуют достижению

подлинного равенства и мира на Земле. Иными словами, они становятся причиной переворота — вместо “вспашки” и обновления жизни, революции — вместо эволюции, притворясь, что ей (эволюции) якобы служат параграфы Устава Лиги Наций.

Принадлежность к одной или другой группе государств в большинстве случаев откровеннее всего доказывает статистика [с.355] плотности населения. Сопоставление карты плотности населения планеты с геополитической картой позволяет также выявить такие места на Земле, где некоторые метрополии, как

Бельгия, Англия, Голландия, хотя и страдают по причине очень высокой плотности населения со всеми сопутствующими ей явлениями: ослаблением воли к жизни, урбанизацией, неравномерным расселением, особенно заметным на картах народонаселения, но имеют возможность ослабить давление за счет обширных колоний или иных подвластных территорий (доминионов) — по крайней мере для всех обладающих крупными пространствами людей (Британская империя, Франция, Бельгия, Голландия, Португалия).

Державы с наибольшими пространствами метрополии —

Советский Союз и США — в силу своей государственной идеологии уже давно испытывают колебания: к какой из двух групп им следовало бы примкнуть. Россия тем временем сделала выбор, вступив в Лигу Наций, и своим выбором, столь сурово порицавшимся маршалом Фошем, встала рядом с традиционными колониальными державами, чьи жизненные основы она одновременно стремится подорвать с помощью Коминтерна, таких людей, как Бородин, и умных голов в высших школах инсургентов в Москве и Центральной Азии, IV Интернационала.

Убедительные образцы этого

обнаружены в Шанхае, Индокитае, в последнее время в Палестине__, Черной Африке и Южной Америке, ощущаются они в Индии и на Яве, затем привели к гибели людей в Испании.

Соединенные Штаты вместе с латиноамериканскими властями (которые в Аргентине, Бразилии, Чили, Уругвае и других странах точно так же соприкоснулись с опытом двойственной аграрной политики Советов) ищут для Нового Света собственные, региональные пути к сотрудничеству. С этой целью они время от времени изо всех сил поддерживали приблизительно с 1892 по 1932 г. общий для

колониального империализма стиль далеко идущей долларовой политики . Итак, охранителями статус-кво любой ценой остаются прежде всего Франция и дружественные ей военные альянсы, а также связанная с ней Британская империя, которой все более и более неуютно при столь основательных утратах ее лучших устоявшихся традиций.

Правда, и во Франции все громче звучат голоса, которые позволяют понять, что вся дымовая завеса — результат проводившейся в огромных масштабах французской культурной политики — не может надолго помешать зреющему во всем мире политическому благоразумию.

Пуанкаре_и Барту_перевернулись бы сегодня в гробу — как в свое время при рассмотрении вопроса о приеме России в Женеву_[т.е. Лигу Наций] изворачивался Фош, — когда министр иностранных дел Дельбос сказал: “Порядок — это не застой, а движение, и он должен господствовать среди государств, как и среди индивидуумов, но это отнюдь не тот пассивный статический порядок, который основан на страхе и злоупотреблении властью, порядок, царивший на руинах [с.356] (например, Гейдельбергского замка_) или на дорогах, пройденных Атиллой_” (тем не менее Франция заключала союзы

с велико-турками, равно как с белыми и красными царями. — *К.Х.*)
. “Мы не называем порядком оцепенение порабощенных масс, молчание порабощенных меньшинств” (ср. новейшее пражское законодательство и прочее).

Как охотно соглашаемся мы с ним, ведь дальше было сказано: “Пакты, договоры являются не орудиями угнетения (а разве не было демилитаризации Рейнской зоны? — *К. Х.*)—, но, подобно гражданским законам, — формулами умиротворения. Не запрещено их улучшать... Констатируя эту основную истину, мы тем не менее отнюдь не принижаем не стареющие

с годами права на жизнь и не домогаемся их ограничения какой-либо абстрактной юрисдикцией”.

Конечно, от идеологических речей к действию, свободному от средств принуждения, — дистанция огромного размера: в сущности предисловие к книге “Welt in Gahrung” (“Мир в брожении”)__не имеет иных задач, кроме как помочь государственным мужам вроде Дельбоса перейти от одного к другому. Более многочисленные и серьезные, чем во Франции, которая выражает свое истинное сердечное мнение через Титулеску____и посредством авиационных приготовлений советских генералов в

Чехословакии, раздаются голоса в Англии: по весомости и значению, видимо, лордов Лотиана_(14 июля 1936 г.) и Лондондерри_или сэра Фредерика Мориса, наконец, то, что (вслед за Болдуином_как свое личное мнение) изложил в Претории 13 июля 1936 г. южноафриканский министр обороны Пиров_: “Весьма влиятельные круги в Англии едины в том, что не может быть никакой постоянной основы для мирного соглашения с Германией, пока немцы не получают соответствующего возмещения за свои колонии, что подразумевает территориальные возмещения — и, конечно, не где-то на Земле, а в Африке. Я обнаружил

сильную поддержку мнению, что сотрудничество Германии в Африке жизненно важно для сохранения цивилизации в этой части Света”.

Сегодня это действительно отражает суть дела, если, разумеется, исходить из сугубо практических соображений, которые как раз были следствием последних выводов из японской “вспашки” в 1931-1934 гг. и позже, как и из итальянской, возвещенной фанфарами дуче в 1935-1936 гг., вовсе не являющегося “собирателем пустынь”. Но и третью из ущемленных стран, т.е. Германию, министр Пиров, разумеется, не сочтет за “собирателя пустынь”. Он, однако, знает, что на длительный

срок ни горстка белых в Южной Африке не сможет удержать свое пространство, ни Австралия, ни Новая Зеландия — свои раскрашенные на карте красным цветом незаселенные пространства, если не удастся в той или иной форме добиться общей ответственности всех мужественных наций за поддержание культурного уровня. [с.357]

Однако ради этого стражам сохранения существующего положения следовало бы переступить или перепрыгнуть зияющую бездну и не цепляться за статус-кво. Прокладка коридора для Красной Армии к сердцу

Центральной Европы — отнюдь не подходящий для этого путь. Скорее всего такие шаги подтолкнут к центральноевропейскому оборонительному блоку, к чему не стремятся ни Италия, ни Великая Германия, ни Венгрия и чего, как утверждают, хочет избежать каждый благоразумный британец. Однако невозможно подготовить поле к возделыванию, если по нему вдоль и поперек проходят борозды. Линия Киев — Буковина — Прага обуславливает оборонительный рубеж Рим — Будапешт — Варшава — Кенигсберг, который рассекает Чехословакию в узком месте. Такой представляется самая новая

“вспашка” в Центральной Европе — с точки зрения пахаря-практика, действующего на международно-политическом силовом поле. 1938 год принес доказательства этому.

Итак, мы можем отметить, разумеется, как хорошее предзнаменование готовности мира к “вспашке”, к приему семян для новой весны народов тот факт, что никто, даже Франция, не желает выступать в роли поборника сохранения любой ценой существующего, основанного на насилии положения. Это отверг уже предшественник Дельбоса Лаваль_, лишь Барту еще раз провозгласил запрограммированную, формально-

правовую неуступчивость, саботируя равенство в вооружениях_, которое было бы намного выгоднее Европе, чем нынешнее положение.

Присягнувшие пакту_великие державы предоставляют поэтому своим менее влиятельным попутчикам (Gefolgsleute) возможность говорить о том, что есть, тогда как их собственные представители произносят благозвучные мечтательно-вожделенные речи о том, что должно быть.

Однако упрямый факт в том, что жесткая привязка к изжившим себя пактам четырех и девяти держав_, к которым, к счастью, Германия не

имела отношения, в сущности привела к обману Китая, доверчиво полагавшегося на помощь Лиги Наций, а затем — к маньчжурской катастрофе, ударившей по его “престижу”. И США по привычке в таких случаях покидают тех, кто верил их заявлениям, были ли таковыми на Западе заявления Вильсона_, а на Дальнем Востоке — Хейя, Нокса и Стимсона_.

Упрямый факт в том, что при паре дюжин ошибочных решений Лиги Наций роковая навязчивость в отношении существующего состояния почти всегда приводила к “вспашке”, или переворотам, или нарушениям права, как в Мемеле, не

говоря уже о “службе двух господ” — Палестине.

Упрямый факт в том, что все услуги на бумаге по защите Эфиопии с помощью санкций окончились плачевным провалом; ведь нападавший располагал достоверными сведениями, что британский флот не был готов к сражению, которое могло бы с большим размахом осуществить “перепашку” по меньшей мере Средиземного моря. Так подтвердилось, что сохранение [с.358] прежнего положения и поддержание мира любой ценой, также на длительный срок невозможных состояний, привело

именно к тому, чего желали избежать, — к “вспашке”!

Что особенно осложняет положение старых колониальных держав и их особых оборонительных альянсов (за исключением идущей с ними в ногу, но собственным путем Советской державы) в осуществлении ими роли “присягнувших на положение вечного стража”, так это живое воспоминание об их разностороннем прошлом, когда они сами в стремлении к расширению пространства не боялись собственной “вспашки” и пользовались совершенной другими.

Достаточно того, что

руководители Британской империи недавно вспомнили о незабвенной практике Каннинга_____и лорда Пальмерстона, об игре с самоопределением малых народов, на которых соответственно пытались распространить самоопределение, предоставлявшееся становящимся более крупными, как арабы, и совсем крупным, как китайцы, немцы и индийцы, — пока влиятельная, известная всему миру газета в отчаянии не воскликнула: все послевоенные бедствия происходят от злополучной фразы, которой не позволили достаточно быстро и незаметно исчезнуть за кулисами.

Франция всегда, если

“священные” договоры наносили ущерб ее чувству собственного достоинства или ее интересам, действовала против них всеми средствами культурной, силовой и экономической политики, как в 1814-1859 гг. против Парижского мира_или в 1871-1919 гг. против несомненно не вредившего ее жизни Франкфуртского мира__, усиливая свои происки против всех каким-либо образом связанных с ней договорами о партнерстве союзных держав. Если ей ничего не удавалось в этом отношении, то знаменитая книга Андре Шерадама “L'Europe et la question d'Autriche” (“Европа и австрийский вопрос”) (Париж, 1901!)

тут же предложила рецепт разрушения Габсбургской монархии при как можно большем расчленении населявших ее немцев (существуют и другие подобные многочисленные попытки), в таком случае этот прецедент был бы достаточным, чтобы оправдать все, что предпринималось до сих пор “Третьим рейхом” для восстановления сближения примерно 30 млн. немцев за его пределами и могло бы быть предпринято еще более далекоидущее. Не было также недостатка в предупреждениях, слетавших с уст британцев (Сетон-Уотсон_, Остин Чемберлен_) в адрес

Праги, столь дружественной Парижу.

Бодрствуют нечистая совесть держав, упорствующих любой ценой, их собственное подспудное чувство, что они стоят на пути, который как раз может привести к тому, чего они трусливо хотели бы избежать: пересмотра несправедливого распределения земного пространства в пользу всемерного развития и имеющихся для этого жизнеспособных сил, но нет также недостатка в голосах, которые пробудили бы это, когда возникла угроза заснуть вечным сном. [с.359]

Письмена на стене, начертанные предостерегающим перстом_, — это для Франции и ее колоний, с одной

стороны, упадок жизненной воли вообще и малодушие рантье, а с другой — Народный фронт___, забастовки в жизненно важных отраслях производства, ослабление служебной дисциплины; однако для метрополии Британской мировой империи это более чем внезапное, как, впрочем, и на Севере Германии, падение рождаемости, поддерживаемая ею повсюду на Земле болезнь урбанизации. В отличие от германской, где на слишком тесном пространстве сгрудилось многочисленное население, она является добровольным заболеванием, точно обозначенным Картхиллом в

формуле “lost dominion”_, а именно ослабевший дух господства, размягчение национальной воли. Ибо урбанизация обнаруживается и в девственных областях, как Австралия и Новая Зеландия, где она при наличии обширных, пустующих, слабозаселенных пространств поднимает рост населения более чем на 50%, или же в молодых образованиях, как Соединенные Штаты, где почти половина населения Калифорнии сосредоточена в двух городах.

Попытка, невзирая ни на что, закрасить на карте обширные пространства Земли в соответствующие цвета, а на деле

оставить их пустующими, в чем преуспевают Франция, Англия и их ближайшие сателлиты, а теперь примкнувший к ним Советский Союз (самый большой обладатель земельных пространств в качестве наследника царской империи), должна побудить живущих в тесноте, обреченных на голод и упадок при наличии достаточных земельных пространств к взрывам, прорывам и “вспашкам” вслед за Японией и Италией: обе с привлекательным успехом для потомков. По этой же причине в 1938 г. произошло слияние Великой Германии с природной силой_.

При

вопиющей

несправедливости вследствие устаревших грабительских прав собственности (потому что ведь по-иному не возникали, за немногими исключениями, притязания старых колониальных держав на заморские владения) возрождается как раз естественное право на существование в пространстве, обеспечивающем приложение рук каждого родившегося на Земле человека; прежде всего он старается путем уговоров и убеждения, изображения несправедливости добиться лучшего права на свое существование и жизнь, в противном случае он укоротит ее, прежде чем почувствует в мировой истории

благоприятные повороты, чтобы на неводеланной земле проложить новые борозды.

Таково нынешнее состояние стомиллионного немецкого народа, от которого начиная с первых десятилетий XX в. отрешились японцы и итальянцы.

Не каждому народу свойственно, как в Советском Союзе, избавиться от грядущего перенаселения с помощью ВЧК, а затем ГПУ (которым мы благодарны за приводимые цифры), в результате умерщвления 6 млн. человек, смерти от голода за два года (1922 и 1931 гг.) 4 млн., изгнания приблизительно 22 млн. из их [с.360] домов и подворий,

и все же численность населения снова поднимается до 160-170 млн.; или же иноземным народам, как в Китае, где численность населения посредством “выбраковки” в коммунистическом семейном доме сократилась в отдельных провинциях (Гуанси) до 6-10 млн.

Небольшие пространства с высокой культурой, как Япония, Италия или Германия, исключают подобное лечение кровопусканием; они питают к тому же слишком большое уважение к культурным достижениям отдельной человеческой жизни, чтобы обращаться с людской массой образом, который, собственно,

должен был еще больше отдалять демократии европейского Запада и по ту сторону Атлантического океана от совместных действий с носителями таких принципов политики народонаселения, как часто критикуемые их прессой за произвол диктатуры или вождистские государства. Следует, например, вспомнить о великих монголах и Людовике XIV_, чтобы увидеть, как планомерно в качестве средства облегчения политики народонаселения использовались массовые убийства и опустошение земель в огромных масштабах.

Когда совсем недавно одна уважаемая британская газета

сослалась на крупные территориальные потери России на Западе и превозносила ее добропорядочность за сдержанность в вопросах территориальных захватов, то следовало бы сказать, что как раз пространственные расширения царской империи на Запад происходили на основе грабительских договоров (часто вопреки желанию соответствующих народов) и это раскрывает не вызывающим возражений образом маршал Пилсудский_в первом томе своих трехтомных мемуаров; но на Дальнем и Среднем *Востоке* русские вознаградили себя захватническим образом, что де-факто на их счет

должны быть отнесены более 3 млн. кв. км; так велик был грабеж Россией земель с 1911 г., несмотря на потерю Маньчжурии, даже если Танну-Тува, Внешняя Монголия и Китайский Туркестан продвинулись на уровень мнимого государственного существования, которое, однако, ничуть не лучше марионеточного положения Маньчжоу-го, так раздражавшего Лигу Наций и ее верного слугу Литвинова.

Если сегодня нас убеждают в том, что остров Сахалин и побережье около Владивостока — это древняя священная русская земля, то она не более священна, чем все то, что с 1850 г. приобрели Англия и Франция

или король Леопольд_ ; сравните с
тысячелетней принадлежностью
левобережных рейнских альпийских
областей к германской земле, с
судьбоносной общностью на Дунае и
в Альпах, с неделимостью Шлезвиг-
Гольштейна_, и для знатоков такая
основа для удержания областей,
отторгнутых дерзким грабежом от
японского кольца островов в 1875 г. и
маньчжурского побережья в 1849-
1851 гг., есть не что иное, как злая
шутка, рассчитанная на
историческую и географическую
неосведомленность ничего не
подозревающих делегатов Лиги
Наций_. [с.361]

Существует огромное различие

между “вспашкой”, цель которой снова восстановить прежние права, и вторжением в чужую по сути страну, которое использует свое военное превосходство и из вчерашнего грабительского преступления творит параграфы права завтрашнего, что послезавтра Лига Наций должна будет защищать вопреки справедливому порицанию и негодованию ограбленных. Не грабеж и меч создают прочное право на пространство, а работа, воспитание (культура) и плуг.

Исходя из широкого и основательного геополитического знания большинства спорных вопросов, касающихся

предназначенных для “вспашек” пространств Земли или связанных с этим опасений, осмелимся утверждать, что попытка злоупотребить единичным ударом в силовой игре (подобным тому, что имел место в 1918 г.) в расчете на прочное урегулирование, а следовательно, из действия, продиктованного пристрастием, ненавистью, гневом и поразительным невежеством, выводить прочное право, неизбежно должна вести к взрыву, как до сих пор шаг за шагом приводила она к справедливым расчисткам межей, когда внутреннее жизненное право брало верх над буквоедским.

Судетское немецкое землячество было в 1938 г. последним примером в этой цепи.

Можно ли допустить, что народ государства, насчитывающего около 75 млн., смирится с тем, что на его глазах постоянно чинят надругательства над 3,5 млн. людей, родственных ему по крови? Такое ежедневно происходило там, в Судетах, в отношении немцев с помощью искусства управления, от которого шаг за шагом сконфуженно избавляют в Женеве друзей, курдов, ассирийцев, потому что в 1919 г. в интересы одной крупной державы-рантье входило создание привратника для системы малого

альянса посредством угнетения трех других наций 51. Такие попытки равновесия дают импульс к раскачиванию маятника в противоположном направлении, точно так же как искусственное образование в виде двух плохо управляемых Лигой Наций республик в устьях Вислы и Мемеля 52, которые не хотели вести искусственно навязанное им существование. Верит ли народ со столь здравым смыслом, каким некогда обладала старая Англия, что можно безнаказанно называть (как это делают ее люди между собой) политическое сооружение “поясом дьявола” (“Промежуточной

Европой”) и в возвышенно-ходульной фразеологии Лиги Наций требовать для того же самого сооружения священной неприкосновенности? Эта контригра лицемерия, лжи и понимание того, что есть, побудили наш узкий круг посвятить первый раздел этой книги [53](#) о “вспашке” главным действующим лицам и сорвать с них маски, потому что они такими вводящими в заблуждение образованиями подрывают собственные полевые укрепления и открывают не поддающимся учету подрывными действиями проходы и лазы — несмотря на ясное представление, что вся их европейская крепость не выдержит

второго конфликта образца 1914 г., включая их собственные главные долговременные оборонительные сооружения (Kernwerk). [с.362]

Но так как мы сами должны охранять и защищать грубо исковерканное сокровенное дело европейской культуры, власти и экономики, нам не могут быть безразличны самоубийственная деятельность или, более того, бездеятельность западных держав, столь тесно связанных с нашей историей, и живущего в столь несчастных условиях крупного восточного народа. Напротив, любому глобальному рассмотрению должно было предшествовать

исследование их положения, чтобы обновить представление о том, как их искусные, изощренные властные и экономические структуры могут оказать сопротивление потрясениям, которые исходят от находящихся в брожении мест Земли, идущих от одной новой “вспашки” к другой.

Беда Лиге Наций, пожелавшей надолго стать стражем и “собирателем скорее для тления, чем для свободы”. Уже то, что она как новая форма развития человечества была на протяжении определенного периода времени связана с силовыми отношениями, стало для нее тяжелым бременем; более того, она полностью попала под влияние

держав — носителей косности, которые к тому же не стеснялись привести в действие свои реальные и ее собственные средства власти, чтобы сохранить вчерашнее положение. Кто следил в то время за общественным мнением Южной и Северной Америки, Восточной Азии, Индии, а также за потоком издевок “Правды” и “Известий”, хотя и являющихся печатными органами одного из сильнейших членов Лиги Наций, по поводу бессилия Женевы, тот был в состоянии констатировать страшную потерю лица Лиги Наций, причиненную ей упорствующими державами. Однако волны восстаний, вначале прокатившиеся

по Южной Америке, затем по странам Народного фронта — Испании и Франции, создали также опасную ситуацию в Аравии, Палестине, Греции, заставили вздрогнуть Индию, где Джавахарлал Неру 54 как лидер молодежи взлелеян ими. Эти волны не разбились о силы косности. Напротив, они показали, каким семенам позволило созреть упрямое сдерживание ими преобразования (эволюции), обновления, своевременной “вспашки”, а именно: Коминтерну и IV Интернационалу!

Когда из немецкой земли (во время самого дурного, жестокого обращения с ней со стороны сил

косности) во многих сочинениях, а также в одном из них, посвященном “новому подъему Юго-Восточной Азии к самоопределению”, были сделаны предостережения, подкрепленные еще и голосами византийца Прокопия [55](#), англосаксов Джильберта Рейда и Мессингхэма, когда (в связи с Рапалльским договором [56](#)) раздался клич: “Flechtere si nequeo superos Acheronta movebo” [57](#) — и, несмотря ни на что, словно почти ничего не произошло для облегчения сокрушающего тело и душу гнета, — тогда не только в Германии началось движение, осознанно и добровольно устремившееся к “вспашке”. Так как

она распространила ее на Центральную Европу, как Япония — на Дальний Восток и Новый Рим — на [с.363] Средиземное море, это движение подобно встречному огню во время степного пожара сделало собственное изнуренное жизненное пространство невосприимчивым к огню с чужбины. В то время как на казавшихся безопасными пространствах, таких, как Испания, он действовал разрушительно, Германия сумела растоптать ливень искр и рядом с плугом, который проложил борозды, снова обнажить меч, чтобы защитить пахаря.

В таком свете должен немец видеть проблему своего подхода к

новой “вспашке”, к выжиманию максимума возможного из своей искалеченной и урезанной земли, исходя из чувства, что он должен соединить кровь и почву [58](#) в такое нерасторжимое единство, что любому должна стать ясной невозможность новых грабительских захватов на этой земле, как нечто такое, что обойдется любому захватчику дороже, чем мог бы принести ценного каждый успех. Это — создание сил косности, которые из германской земли, из конгломерата государств первой Священной Римской империи германской нации, из чисто государственно-политически

связанной, мелкомасштабной Второй германской империи 59 заставили ныне выковать и закалить такой народно-политический стальной блок, от которого нельзя больше ничего отторгнуть без того, чтобы весь блок не обрушился на голову покушающегося. Быть может, столь нежелательное превращение государства, некогда принимавшегося за географическое понятие, покажется злонамеренному соседу переворотом. Но он сам подтолкнул к такому блоку.

Переворот в отношении беззащитного в прошлом состояния Центральной Европы неминуем; столь же неминуем, как

предрасположенность Индии к перемене состояний, которые существовали еще перед первой мировой войной; столь же неминуем, как осознание того, что неблагоприятно управлять даже китайским кули с помощью палки или оскорблять японскую расовую гордость и делать многое другое, что некогда спокойно творили старые колониальные державы, пока мир по их собственной вине не оказался во многих местах в состоянии “вспашки”.

Однако в таких случаях вина повсюду лежит на том, кто добивается невозможного — “сидеть на штыках” — единственное, чего

(как учил Францию один из ее самых великих государственных мужей, Талейран [60](#)) с ними нельзя делать, — а потому и не следует делать. Иначе “вспашка” штыками, используемыми вовсе не “для сидения”, лишь намечает борозды по пару, которые, охраняемые только оружием и видимостью прежнего, устаревшего права, вызывают у устремленного в будущее попечителя земли, пахаря, искушение как неиспользуемое поле. Маршал Фош был, конечно, другом статус-кво — но эта мысль заставляет его переворачиваться в гробу. Ныне вопреки издевке, с которой ушедший из жизни лидер союзных войск

переливал эту мысль, выступает Советский Союз — правозащитник в Лиге Наций; и против всех санкций немецкая стража вновь стоит на Рейне [61](#) и Дунае, а Италия — на артериях Британской империи со [с.364] стремлением к колонизации, которое никто более не остановит. “Вспашки” без вооруженного столкновения произошли в центре Европы вопреки сдерживающей руке, их защита на бумаге, обещанная Версалем, Женевой и выдвигавшаяся где-либо еще против нарождающейся жизни, пошла ко дну.

Следовательно, там, где в центре наполненной жизнью мировой истории части Света на наших глазах

совершилась “вспашка”
стоимиллионного народа на жалком
пространстве оставленной ему
земли, которая, вероятно, только со
временем достигнет по своему
значению восточноазиатской и
индийской “вспашки”, — там она
развернулась, преодолевая
множественные препятствия,
вопреки мощи хранителей косности;
в образцовом порядке, взвешивая, что
должно быть перепахано, какие при
этом опасность, горе, нужда
неминуемы. И сегодня пахарь вновь
поднимает зябь, держа в руке им же
самим выкованное оружие. Это,
конечно, мешает ему трудиться, ведь
он не может работать обеими

руками, со всей присущей ему энергией, а должен быть начеку по отношению ко всем силам, которые препятствуют этому.

Однако из этого принуждения произрастает его право и долг тщательно наблюдать за всеми местами в мире, где обычно еще совершается “вспашка” к худу или добру, уметь на заброшенном поле вырастить пшеницу или отобрать хорошие семена для посева. Такое право и такой долг стали стимулом к написанию этой книги, которая начинается темой столкновения с силами косности, упорствующими любой ценой, их неизменной вины в отношении любого обновления и

любого роста, любого народного
посева и выращивания народной
поросли. [с.365]

ПРИМЕЧАНИЯ

В христианской мифологии мотив пахоты (и сева) приобретает смысл духовного труда во имя спасения. Как убедится читатель, ознакомившись с текстом данного сочинения, под безобидными метафорами “вспашка”, “сев”, “всходы” и т.п. автор по существу понимает передел мира. [с.365]

Т.е. действующий закон (*лат.*).
[с.365]

В 1934 г., после выхода из Лиги Наций фашистской Германии и Японии, Советский Союз принял предложение 30 государств — членов

Лиги Наций о вступлении в эту организацию. [с.365]

См. [примеч. 25. С. 79](#). [с.365]

Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884-1951) — в 1923-1927 гг. по приглашению Сунь Ятсена работал главным политическим советником ЦИК Гоминьдана. [с.365]

Так называлось международное троцкистское объединение, учрежденное в 1938 г. в Париже. [с.365]

Палестина — историческая область в Западной (Передней) Азии. В 1917 г. территория Палестины была оккупирована Англией, которая в 1920 г. добилась мандата Лиги Наций на управление ею. [с.365]

Хаусхофер имеет в виду то обстоятельство, что в 1892 г. США приступили к осуществлению мер по установлению своего контроля над Гавайскими островами. Что же касается 1932 г., то эта дата связана с пересмотром президентом Ф. Рузвельтом внешней политики США в либеральном направлении. [с.365]

Пуанкаре Раймон (1860-1934) — французский политический деятель, трижды занимал пост премьер-министра, в 1913-1920 гг. — президент Франции. [с.365]

Барту Жан Луи (1862-1934) — французский государственный деятель и дипломат; министр иностранных дел в 1934 г.;

инициатор “Восточного пакта”, поддержанного СССР; был убит в Марселе вместе с югославским королем Александром хорватскими террористами. [с.366]

См. [примеч. 3. С. 365](#). [с.366]

Дельбос Ивон (1885-1956) — министр иностранных дел Франции (1936-1938). Проводил политику “умиротворения Европы”. [с.366]

Гейдельберг — город на притоке Рейна Неккаре (земля Вюртемберг). Известен с конца XII в. Имеется в виду замок в старой части города на горе, где некогда высился храм Одина. Отсюда поверье о замке и горе как святыне. В средние века резиденция князей Рейнского

Пфальца; в XVI-XVIII вв. замок курфюрстов. Разрушен во время второй мировой войны. Один — в скандинавской мифологии верховный бог, покровитель воинской дружины; у континентальных германцев соответствует Водану (Вотану) — носителю магической силы. [с.366]

Атилла (умер в 453 г.) — предводитель гуннов, при нем гуннский союз племен (куда входили также остготы, герулы, аланы) достиг наивысшего могущества. Атилла разгромил и захватил римские провинции на Балканах. [с.366]

Автор имеет в виду тесные связи

Турции с Францией, существовавшие до 1908 г., когда к власти в результате буржуазной революции пришли младотурки, втянувшие Турцию в первую мировую войну на стороне Германии. Что касается “белых” и “красных” царей, то здесь имеется в виду русско-французский союз, сложившийся в 1891-1893 гг. и просуществовавший до 1917 г., а также Договор 1935 г. о взаимной помощи между СССР и Францией. [с.366]

Намек на “угнетенное” положение судетских немцев. [с.366]

Напомним еще раз, что по Версальскому договору 1919 г. территория Германии по левому

берегу Рейна и на глубину 50 км по
правому подлежала
демилитаризации. В марте 1936 г.
Гитлер открыто нарушил это
положение и ввел войска в
демилитаризованную зону. [с.366]

Автор имеет в виду свое
предисловие к названной книге.
[с.366]

Титулеску Николае (1882-1941) — румынский государственный деятель и дипломат; в 1927-1928 и в 1932-1936 гг. министр иностранных дел, в 1928-1936 гг. постоянный представитель Румынии в Лиге Наций. В 30-е годы выступал за создание в Европе системы коллективной безопасности. [с.366]

Лотиан Филипп Генри Керр (1882 -?) — лорд, журналист, занимался издательской деятельностью в Южной Африке, в 1916-1921 гг. — секретарь премьер-министра Ллойд Джорджа. В апреле 1939 г. направлен послом Великобритании в США. [с.366]

Лондондерри Чарлз Стюарт Темпест, маркиз (1878 -?) — английский политический деятель, в 1931-1935 гг. министр авиации, после 1935 г. — лорд-хранитель печати и председатель палаты лордов; представитель так называемой “клайвденской клики”, располагавшей огромным влиянием на политику консервативной партии

Англии и разработавшей стратегию “умиротворения” фашистской Германии. Так, за месяц до ввода германских войск в Рейнскую зону Гитлер имел беседу с лордом Лондондерри, а Геринг принимал его в своем охотничьем замке. [с.366]

Британский премьер-министр в 1935-1937 гг. [с.366]

Министр обороны ЮАС Пиров, неоднократно ездивший к Гитлеру и публично его восхвалявший, к началу второй мировой войны привел армию ЮАС в состояние полной небоеспособности, чтобы помешать ее участию в военных действиях на стороне Англии. [с.366]

Автор имеет в виду начавшийся

в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. захват Японией Южной Маньчжурии. Что касается Италии, то в октябре 1935 г. ее войска вторглись в Эфиопию. Так началась “перепашка” карты мира фашистскими агрессорами.

Этой формулой Хаусхофер искажает смысл и направленность советско-французского договора 1935 г., предусматривавшего оказание помощи Чехословакии. [с.366]

Автор имеет в виду мюнхенский сговор между англо-французскими “умиротворителями” и фашистскими державами Германией и Италией о разделе Чехословакии. [с.366]

Лаваль Пьер (1883-1945) —

французский политический деятель,
в 1934-1935 гг. — министр
иностраннх дел. Входил в
правительство Петена в Виши. В
октябре 1945 г. казнен как изменник.
[с.367]

На международной
конференции по разоружению в
Женеве в 1932-1935 гг. Германия и
Италия настаивали на равенстве в
вооружениях. [с.367]

Автор, вероятно, имеет в виду
пакт Бриана — Келлога (1928) об
отказе от войны как орудия
национальной политики. [с.367]

Имеется в виду договор между
Англией, США, Францией и
Японией, заключенный на

Вашингтонской конференции в 1922 г., а также договор девяти держав о принципе “открытых дверей” в Китае; см. [примеч. 8. С. 103](#). [с.367]

См. [примеч. 14. С. 193](#). [с.367]

Хей Джон Милтон (1838-1905) — государственный секретарь США. Нокс Филандер — государственный секретарь США, сторонник долларовой дипломатии и “открытых дверей” в Китае. О Стимсоне см. [примеч. 19. С. 301](#). [с.367]

Санкции — меры, принимавшиеся Лигой Наций в отношении нарушителей договора. [с.367]

Каннинг Джордж (1770-1827) — британский государственный деятель

и дипломат; представлял Англию защитницей малых стран от посягательства на их независимость. Опираясь на мощь английского флота, Каннинг демагогически выступал против контрреволюционных интервенций, направленных на подавление национально-освободительной борьбы народов, более того, он заявлял, что “все народы должны пользоваться теми же свободами”, которые давно установились в Англии. В 1825 г. Англия признала новые государства — Мексику, Аргентину и Колумбию, а затем и бывшую португальскую колонию Бразилию. В 1823 г. Каннинг

выступил в защиту греческих повстанцев, сражавшихся против Турции, за независимость страны. Главный враг Каннинга Меттерних называл его “якобинцем”. [с.367]

Парижский договор 1814 г. между Францией и участниками шестой антифранцузской коалиции (Россия, Англия, Австрия и Пруссия), по замыслам союзных держав, должен был стать фундаментом нового политического устройства Европы после Великой французской революции конца XVIII в. и создания империи Наполеона Бонапарта. Сохранявший Францию в границах 1792 г., он вместе с тем создавал вокруг нее кольцо

враждебных ей государств, которые должны были противостоять возможности французской экспансии. После “Ста дней” союзники заставили Францию принять более тяжелые условия мира, что было закреплено в Парижском мирном договоре 1815 г. [с.367]

Да простит нас читатель за пространный комментарий, но тема франко-прусской войны 1870-1871 гг., завершившейся Франкфуртским договором 1871 г., заслуживает того, чтобы напомнить его основные условия, правильно оценить рассуждения автора. Согласно договору, к Германии отходили

французские области Эльзас и Восточная Лотарингия. Германия аннексировала железорудный бассейн к западу от Тионвилля, взамен чего возвратила Франции крепость Бельфор. Договор устанавливал новую франко-германскую границу, и это создавало постоянную опасность войны между двумя странами. Кроме того, на Францию была наложена контрибуция в 5 млрд франков. Франция принимала на себя все расходы по содержанию германских оккупационных войск, которые оставались на ее территории до окончательной выплаты контрибуции. Согласно

дополнительным условиям договора, германское правительство приобретало право на железные дороги Эльзаса и Лотарингии, а также на принадлежащие Франции железнодорожные линии в Швейцарии. Договор сохранял силу до начала первой мировой войны.
[с.367]

Сетон-Уотсон (Ситон-Ватсон) (1879-1951) — видный английский историк, публицист и общественный деятель. Одним из первых среди авторов, пишущих на английском языке, стал изучать историю югославянских народов Габсбургской монархии XIX — начала XX в. Результатом его исследований

явились работы “Югославянский вопрос и Габсбургская монархия” (1911), “Становление наций на Балканах” (1917), “Сараево” (1926) и др. После первой мировой войны занимался изучением внешней политики Великобритании и других держав в XIX-XX вв. Один из основателей школы славянских исследований при Лондонском университете, где в 1922-1945 гг. руководил кафедрой истории стран Центральной Европы. [с.367]

Чемберлен Остин (1863-1937) — английский политический деятель, сторонник политики “умиротворения” Гитлера. [с.367]

Библейская аллюзия. Имеются в

виду слова “мене, мене, текел, упарсин” на стене чертога последнего вавилонского царя Валтасара. По преданию, в ночь взятия Вавилона персами он устроил пир (валтасаров пир). В разгар пира таинственная рука начертала на стене непонятные слова. Вавилонские мудрецы не сумели их прочесть и истолковать. Призванный по совету царицы иудейский мудрец Даниил сделал это, предсказав гибель Валтасара и раздел Вавилонского царства между персами и мидянами. [с.368]

Народный фронт — форма организации общественности для борьбы за демократию, мир и

социальный прогресс. Впервые
возник во Франции в 1935 г. [с.368]

“Утерянное владычество”
(англ.). [с.368]

Автор имеет в виду подписание
Мюнхенского соглашения о
расчленении Чехословакии. [с.368]

Речь идет о следующих
событиях. 26 апреля 1915 г. Италия
подписала в Лондоне секретное
соглашение с Австрией, Францией и
Россией, взяв на себя обязательство
вступить в войну на стороне держав
Согласия при условии ряда
компенсаций, которые союзники
обещали ей предоставить после
победы над Германией и Австро-
Венгрией. 23 мая 1915 г. Италия

объявила войну Австро-Венгрии. 23 августа Япония объявила войну Германии. Военные действия японцев ограничились взятием небольшой арендованной Германией территории Циндао в Шаньдуне. [с.368]

См. [примеч. 13. С. 111](#). [с.368]

Пилсудский Юзеф (1867-1935) — диктатор Польши в 1926-1935 гг. В 1934 г. заключил союз с гитлеровской Германией. [с.368]

Старое название западных провинций Китая. [с.368]

Речь идет о Леопольде II (1835-1909), бельгийском короле с 1865 г. Организовал захват обширной территории в Центральной Африке

(Свободное государство Конго).
[с.368]

См. [примеч. 3. С. 200-201.](#)

[с.368]

Проявляя очевидную тенденциозность в отношении России, Хаусхофер приписывает ей “грабеж земель”, в результате которого Российская империя и ее правопреемник — Советский Союз якобы стали обладателями обширных пространств. Историческая истина заключается в том, что, несмотря на реакционный характер внешней политики русского царизма в целом, нет оснований обвинять его в навязывании восточным сопредельным государствам

неравноправных договоров. Будучи заинтересованной в определении выгодной границы с Китаем и в том, чтобы в этом регионе не устанавливалось влияние государств, способных действовать во вред российским интересам, Россия мирным дипломатическим путем добивалась такой цели.

Вторжение в Китай британского, американского и французского капиталов и заключение неравноправных договоров тревожили Россию. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, убежденный в том, что “Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура”,

предупреждал Петербург о необходимости предотвратить появление в устье Амура и на Сахалине британцев и французов (забегая вперед, добавим, японцев и американцев).

Хаусхофер пытается представить, будто неправомерно говорить о восточносибирских землях, о Сахалине как об исконно русских землях. Но такое утверждение находится в противоречии с опытом истории, поборником которого выступает автор, с международным правом, имеющим определенные нормы признания “исконности” прав. Ведь именно русские морские экспедиции

в первой половине XIX в. исследовали устье Амура, остров Сахалин, в результате чего было объявлено о принадлежности Приамурья и Сахалина России.

По Айгунскому договору 1858 г. Китай признал владением России Приамурье, а по Пекинскому договору 1860 г. — Южно-Уссурийский край. Закрепление этих территорий обеспечило опору для сохранения в руках России ее владений в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1860 г. был основан Владивосток. Пекинский договор 1860 г. определил также общее направление границ России с западными владениями Китая, а

дальнейшее их уточнение было закреплено Чугучакским протоколом 1864 г. и установкой пограничных знаков в 1869 г.

Что касается Японии, то она до середины XIX в. была закрытой страной, отвергавшей попытки других государств завязать с ней торговые и дипломатические отношения. Как уже отмечалось, в 1854 г. США, угрожая войной, заставили Японию подписать неравноправный договор, открывавший страну для [с.368] иностранного капитала. Россия установила дипломатические отношения с Японией в 1855 г. В то время еще не были определены

границы между Россией и Японией.

В переговорах о разграничении Россия настаивала на признании ее прав на остров Сахалин и Курильские острова, издавна принадлежавшие России. По договору о торговых и дипломатических отношениях, подписанному с российской стороны вице-адмиралом Путятиным в 1855 г., Курильские острова оставались за Россией, а Сахалин признавался “неразделенной” территорией между Россией и Японией. Японцы пытались колонизировать Южный Сахалин, но к 70-м годам все их попытки потерпели неудачу.

После “революции Мэйдзи”

(1867-1868 гг.) пришедший к власти буржуазно-помещичий блок повернул страну к агрессивной внешней политике, основными задачами которой были не только пересмотр договоров, заключенных в 50-х годах, но и подчинение и захват близлежащих территорий Китая и Кореи.

В 1872 г. Япония захватила острова Рюкю, находившиеся в вассальной зависимости от Китая, а в 1879 г. эти острова были превращены в префектуру Окинава. В 1874 г. японское правительство предприняло набеги на принадлежавший Китаю остров Тайвань с целью его захвата при

неприкрытом пособничестве американских политиков.

Помимо вооруженных захватов Япония приобретала территории методами дипломатического давления. Так, в 1875 г., используя слабость царской дипломатии, она получила от России Курильские острова как “компенсацию” за отказ от своих претензий на южную половину Сахалина. Курильские острова оказались, таким образом, надолго отторгнутыми от России, несмотря на то что русские мореплаватели, ученые и переселенцы отдали немало жизней для их исследования и освоения.

Одной из первых в орбиту

японских завоевательных устремлений попала Корея, ставшая жертвой японской военной вылазки в 1875 г. В 1876 г. Япония навязала Корее первый неравноправный договор, положивший начало ожесточенной борьбе Японии с Китаем за обладание Кореей. Оказавшись между двух огней, корейские руководители попытались опереться на Россию и в 1885 г. заявили о своем желании принять ее протекторат. Царское правительство не стало рисковать и отклонило предложение. Почувствовав слабость России, пекинское правительство стало с 70-80-х годов заселять Маньчжурию и концентрировать

войска в пограничных областях, прилегавших к Южно-Уссурийскому краю. Однако обстановку удалось разрядить и подписать соглашение в Хунчуне, подтвердившее русско-китайские границы 1860 г.

Если Россия стремилась к политическому разрешению возникавших проблем, в том числе территориальных, то Япония все круче поворачивала к захватнической политике, намереваясь превратить Корею в свою колонию и в плацдарм для дальнейшей агрессии на континенте против Китая и России. Так возникла японо-китайская война 1894-1895 гг. Поводом к ней послужило народное восстание в

Корею, направленное против феодальной верхушки и непосредственно против японцев. Китай и Япония оказали “помощь” в подавлении восстания, однако при этом Япония потребовала ее формального допуска к решению внутренних корейских вопросов. Почувствовав себя хозяевами положения, японцы подтолкнули регента Кореи к объявлению войны Китаю. За этим последовало объявление японо-китайской войны, завершившейся поражением Китая. По Симоносекскому договору 1895 г. он признал полную независимость Кореи от Китая, “уступил” Японии Тайвань, Пескадорские острова и

южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров) с прилегающими островами. В качестве гарантий выполнения всех статей договора Япония оккупировала Вейхайвэй.

Восхваляя колониальные “достижения” Германии, К. Хаусхофер не комментирует тот факт, что под шумок японо-китайской войны она захватила на подступах к Тихому океану часть побережья Новой Гвинеи, кстати сказать исследованную русским ученым Миклухо-Маклаем, и Соломоновы острова. В 1897 г. германский десант занял Циндао, и Германия потребовала передачи ей в

аренду бухты Цзяочжоу. Уже названных фактов достаточно, чтобы понять необоснованность утверждений немецкого геополитика о “сдержанности” Японии и Германии в отношении колониальных приобретений.

Хаусхофер выражает весьма слабое неудовольствие по поводу англо-японского союза 1902 г. Направленный в своей основе против России, этот договор [с.369] явился этапом подготовки Японией войны против России, а также и против Китая. Однако он разрешал также и задачу укрепления позиций Великобритании против Германии. Открывалась возможность

концентрации британского флота в европейских морях вместо увеличения военно-морских сил Англии на Дальнем Востоке.

Захватнические притязания Японии в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг хорошо известны и поэтому нет необходимости комментировать их. К тому же история внесла свои коррективы.
[с.370]

В апреле 1938 г. главарь немецко-судетской партии Гёнлейн провозгласил программу из 8 пунктов, суть которой заключалась в фактическом создании нацистского государства в Судетской области Чехословакии. [с.370]

51 Имеется в виду Франция, получившая от Лиги Наций мандат на Сирию и Ливан, где жили упомянутые народности. [с.370]

52 Под республикой в устьях Вислы имеется в виду Данциг, объявленный вольным городом. Что касается Мемеля (Клайпеды), то Версальский мирный договор как уже упоминалось, лишь отделял его от Германии, не устанавливая его государственной принадлежности. Передача Мемеля Литве состоялась в 1923 г. В марте 1939 г. Клайпеда была оккупирована фашистской Германией. [с.370]

53 Речь идет о книге “Probleme des Weltpohtik in Wort und Bild”

(Leipzig, 1939), в которой опубликован данный текст К Хаусхофера. [с.370]

54 Неру Джавахарлал (1889-1958) — политический деятель Индии, один из лидеров партии Индийский Национальный Конгресс, после получения Индией независимости (1947 г) — первый премьер-министр страны. [с.370]

55 Прокопий Кесарийский (около 500 — после 565) — византийский писатель-историк, автор “Истории войн Юстиниана”. [с.370]

56 Рапалльский договор между РСФСР и Германией был подписан 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской

конференции. Он аннулировал все претензии между двумя государствами, предусматривал восстановление дипломатических отношений и развитие экономического сотрудничества.
[с.370]

57 “Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я”. Ахеронт — в греческой мифологии одна из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших.
[с.370]

58 Здесь Хаусхофер явно следует нацистским формулам, в свою очередь заимствованным у тевтонов.
[с.370]

59 Имеется в виду превращение

Северо-Германского союза под эгидой Пруссии после франко-прусской войны 1870-1871 гг. в Германскую империю. [с.370]

60 Талейран Шарль Морис (1754-1838) — французский политический деятель и дипломат. Отличался дипломатической изворотливостью и беспринципностью, позволявшими ему служить и Наполеону, и Людовику XVIII. [с.370]

61 Здесь использовано название стихотворения “Стража на Рейне”, написанного в 1840 г. Максом Шнеккенбургером. Положенное позднее на музыку, оно стало песней солдат прусской армии. Особой

популярностью песня пользовалась во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. Напомним также о том, что наступательная операция немецких войск на Западном фронте в районе Арденн в декабре 1944 — январе 1945 г. носила кодовое наименование “Wacht am Rhein” (“Стража на Рейне”) [с.370]

Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония 1

КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Самым крупным и самым
важным поворотом в современной

мировой политике, несомненно, является формирование мощного континентального блока, охватывающего Европу, Северную и Восточную Азию.

Однако все такие значительные образования и структуры не возникают готовыми из головы какого-нибудь великого государственного мужа, подобно знаменитой греческой богине войны в ее величаво-одухотворенном образе. Сведущий человек знает, что создание подобных образований — процесс длительный. С удовольствием признаюсь молодым коллегам-географам, что я, пожалуй, больше чем кто-либо из старших

представителей географической науки обязан привести свидетельства по поводу становления новой, евро-азиатской континентальной политики. Ибо на первых порах это были приятные случайности, а позже — целеустремленный поиск политических связей, заставлявший меня иногда присматриваться к тому, как оформлялись они в кузнице судеб, и то тут, то там принимать скромное полезное участие.

Прежде всего я хочу сделать достоянием каждого принцип геополитики, доносящийся к нам из седых времен становления Римского государства: *“Fas est ab hoste doceri”*

.

При возникновении важных политических образований противник часто уже на ранних этапах инстинктивно чувствует грозящую ему опасность, проявляя тонкое чутье на расстоянии, которое выдающийся японский социолог Уэхара приписывает всему своему народу. Подобное национальное своеобразие весьма ценно. Всякий изумится, узнав, что первыми, кто увидел забрезжившую угрозу такого континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как мы сами, даже во Второй империи, еще долго не имели

представления о том, какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии [т.е. Японией] через необъятную Евразию. Один из преуспевающих и могущественных империалистических политиков, лорд Пальмерстон, в момент кризиса кабинета, приведшего к его отставке, первым возразил премьер-министру [Джону Расселу]: как ни неприятны были бы теперь отношения с Францией, мы должны их поддерживать, ибо на заднем плане угрожает Россия, которая может связать Европу и Восточную Азию, а одни мы не можем этому

противостоять. Эти слова были сказаны в 1851 г. [_____](#), когда викторианская Англия переживала блестящий расцвет, когда Соединенные Штаты, преодолев основательный внутренний кризис, [с.373] впервые вычеканили жесткую формулу — “политика анаконды”, и мы должны ее хорошо усвоить, ибо это весьма неприглядная картина: гигантская, способная удушить змея до тех пор обвиняет другое живое существо, пока не переломает ему все кости, не давая своей жертве свободно дышать. Если представить себе оказавшееся перед такой угрозой пространственное тело Старого Света, то становится ясно,

каким же большим и мощным оно должно быть, чтобы “политика анаконды” дала осечку. Из эпохи расцвета викторианской мировой империи снова доносится предостерегающий голос другого империалиста, Гомера Ли, — автора знаменитой книги о мировых делах англосаксов. В этой книге относительно мнимого расцвета Британской мировой империи можно прочесть, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем, определяющим судьбу англоязычной мировой державы, гибелью богов.

Через всю эпоху процветания Британской империи проходит этот

жуткий страх перед единственной в своем роде связью, вызывающей ощущение, что силы блокады и изоляции — эти поразительно управляемые искусства, каковыми мастерски владела еще средневековая Венеция, могли быть обречены на провал в противостоянии с крупным образованием. Самое сильное предупреждение в наше время исходит от сэра Хэлфорда Макиндера, который в 1904 г. написал сочинение относительно “географической оси истории”. В его представлении, это огромная степная империя, центральная часть Старого Света, все равно, кем бы она ни

управлялась: персами, монголами, великотюрками, белыми или красными царями. В 1919 г. он предостерег в очередной раз, предложив посредством переселения из Восточной Пруссии на левый берег Вислы навсегда разделить немцев и русских. А за несколько дней до молниеносного наступления в Польше_в “New Statesman” было выдвинуто обвинение против узкого круга геополитиков, будто мы из его кузницы извлекли самые эффективные инструменты, которые служат расшатыванию Британской империи и [британского] империализма. Мы можем быть довольны тем, что умеем

использовать такие инструменты в целях нашей обороны, особенно когда противная сторона строит нам козни. Сказанное можно дополнить беседой со старым Чемберленом_, предвидевшим опасность того, что в конечном счете Англия принудит Германию, Россию и Японию к совместному сопротивлению за необходимые им жизненные условия, и поэтому высказался за англо-германо-японское сотрудничество. Еще в 1919 г., когда мы были разоружены, а потому казались неопасными, подобный страх перед германо-русским сотрудничеством инициировал предложение посредством крупномасштабного

переселения из Восточной Пруссии на запад от Вислы сделать так, чтобы Германия и Россия больше не имели общих границ. Большое разочарование у Макиндера и его школы вызвал Рапалльский договор. Так, через всю историю Британской империи проходит уже с самого начала узнаваемо, [с.374] а позже все яснее — чем больше ее лидеры утрачивали былой кругозор и умение смотреть фактам в лицо — становящийся все более острым страх перед тем, что могла означать для нее такая континентальная политика Старого Света. Но *“страх и ненависть — плохие советчики!”*.

Подобные симптомы мы

наблюдаем и в Соединенных Штатах. Один из наиболее значительных и дальновидных экономистов и политиков, *Брукс Адамс* , еще перед приобретением Германией Цзяочжоу указал на то, сколь опасной для растущего англоязычного мира должна стать грандиозная трансконтинентальная политика железнодорожного строительства с конечными пунктами в Порт-Артуре и Циндао, посредством которой будет создано обширное германо-русско-восточноазиатское единство — то, против чего были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие акции.

Таким образом, мы могли бы поучиться у противника тому, о чем с радостью узнали при повторной “блокаде”: очень сильный континентальный блок способен парализовать “политику анаконды” в военно-политическом, военно-морском и экономическом отношениях.

А как смотрят ныне на дело те, кто оказался в выигрыше, чьи столь далекоидущие планы стали известными уже в момент приобретения Цзяочжоу? К стыду нашему, следует признать, что в Японии и России было намного больше, чем в Центральной Европе, умов, которые уже на рубеже веков

представляли себе эту картину, эту возможность и внесли свою лепту. Как мы знаем из истории первого образования англо-японского союза — который Англии был гораздо выгоднее, чем Японии, — восточное островное государство испытывало чувство, будто оно вступило в сделку со львом [т.е. в безрассудную сделку]. Обеспокоенная такой ситуацией, Япония позаботилась при содействии Германии установить противовес двойной мощи британского флота_. Два года шли переговоры с неизменной попыткой вовлечь и Германию в союз, ибо Япония понимала, что в одиночку она не сможет возобладать над

тогдашним британским морским могуществом, а это создаст одностороннюю напряженность.

“Если германский и японский флоты будут действовать совместно с русскими сухопутными силами, морская договоренность с Англией станет не сделкой со львом, а договором *inter pares*”_. Такую точку зрения высказывали дальновидные японцы, с которыми я обсуждал эту тему, но она была доказана гораздо раньше. Озабоченный комбинацией Япония — Россия — Германия, японский князь Ито_отправился в путь через Петербург, но — чтобы помешать его континентальным планам — с ним сыграли

неприятную шутку, изменив в его отсутствие шифровальный ключ (код), и он не мог получать новости с родины. Во Фридрихсру__хотели подложить во время этого визита контрмину под англо-японский союз. Уже оттуда в 1901/02 г. [с.375] картина возможностей была ясна, и она основательно изучалась в Японии. В 1909 и 1910 гг. об этом говорили уже довольно открыто. Нашим отличным посредником в установлении контактов с высокопоставленными японскими кругами — с князем Ито, с наиболее разумным членом свиты графом Гото , с тогдашним премьер-министром Кацурой_, с наиболее влиятельными

и авторитетными лицами в кругах
генро — был личный врач японского
двора Эрвин фон Бельц из
Вюртемберга, превосходный знаток
Дальнего Востока, пользовавшийся
особым доверием. Но когда он
захотел выступить на конгрессе
немецких врачей с докладом о
психических и физических
особенностях японцев, председатель
конгресса заявил, что подобная тема
не представляет интереса! По-иному
обошлась бы Англия с человеком,
принадлежавшим к личным
советникам микадо. Однако для нас
беседы на такие темы обычно
заканчивались ссылкой на то, что
германский императорский дом

испытывает, к сожалению, непреодолимую неприязнь к сотрудничеству с Дальним Востоком. Это всегда означало: европейцы, храните свои священные блага. Ведь свободе и равенству прав европейцев желтая раса угрожала меньше, чем представители находившейся рядом с нами белой расы.

Важнейшим промежуточным звеном в этой большой политике была Россия. Здесь был главный носитель замыслов, имевший немецкие корни, Витте — создатель Транссибирской железной дороги, один из выдающихся русских министров финансов. Во время [первой мировой] войны он ратовал

за сепаратный мир с Германией и
затем в 1915 г. умер или был
умерщвлен при загадочных
обстоятельствах. В России всегда
существовало направление,
понимавшее пользу и возможности
германо-русско-японского
сотрудничества. И когда после войны
один из наших наиболее
значительных и страстных
политических умов, Брокдорф-
Ранцау_, захотел вновь ухватиться за
нить и я был причастен к этому, то с
русской стороны такую линию
распознали две личности, с
которыми и пытались готовить для
нее почву. Итак, надо было
переломить в себе многое, желая

сблизить политические интересы японцев и русских в поисках благоразумного пограничного урегулирования и через него обеспечить свободный тыл на других направлениях политической деятельности. Тот, кто участвовал в этой игре, должен был смириться с обстановкой: ночами напролет находиться в помещениях, усеянных окурками сигарет и залитых чаем, вести изощренные дискуссии в духе древних каверз, которыми изобиловала каждая такая беседа. Казалось, еще два-три часа дискуссии — и суть дела будет ясна, но диалектика снова брала верх, и снова три часа подряд противник,

прибегая к тому же способу обсуждения, утомлял и усыплял.

Во времена Второй империи мы слишком лояльно противостояли британской колониальной политике, исходя из жестких и здравых геополитических возможностей союза с отдаленным зарубежьем и полагая, что они приведут к благополучному [с.376] концу. Они обуславливали необходимость двойного нажима. Вторая империя отказалась от этого. Здесь таилась огромная опасность.

Сегодня мы знаем: можно построить очень смелые конструкции из стали, если их фундамент устойчив и надежен, если

важнейшие несущие опоры тоже из настоящей прочной стали, эластичной и упругой, но все же пружинящей на концах, а сама структура конструкции настолько устойчива, что ни один камень, ни один шарнир не тронется с места. Такая конструкция, естественно, обладает в условиях мировой бури совсем иной прочностью — если к тому же под нее будет подведен солидный фундамент, подобный новым мостам, сооружаемым нашим дорожным ведомством, представляя собой надежный блок, охватывающий пространство от Балтийского и Черного морей до Тихого океана.

Мы весьма трезво расцениваем

шансы Германии в такой континентальной политике. Один из шансов был упущен во время контактов Ито с Бисмарком. Схожую попытку предпринял в отношении Тирпица начальник Генерального штаба Цусимского флота адмирал Като_. В том же направлении шли и мои скромные попытки. Предпосылкой для всех нас, занятых этим важным делом на благо всего Старого Света, было германо-японское взаимопонимание.

Японский государственный деятель Гото говорил мне: “Вспомните о русской тройке. В ней над санями вы видите большую дуговую упряжь с бубенцами, а в

центре идет крепкий, норовистый и
вспыльчивый конь,
выкладывающийся больше всех, но
справа и слева бегут две лошади,
которые сдерживают коня
посредине, и такая тройка в
состоянии ехать”. Заглянув в атлас
Старого Света, мы отмечаем, что
такую тройку образуют три
окраинных моря. Одно из них,
политически очень близкое к нам
именно сейчас, — Балтийское море,
его морское пространство; второе,
гораздо более выгодное его
сопредельным владельцам, чем нам
Балтийское море, — Японское море;
и третье, которым завладела
Италия, — замкнутая с юга

Адриатика с ее влиянием на восточное Средиземноморье. Все эти окраинные моря расположены перед важнейшими для России выходами в открытое море. Что же касается ее выхода на Крайнем Севере, то его использование зависит от капризов теплого атлантического течения Гольфстрим.

Обладающие надежным инстинктом японцы последовательно удерживали в тактике охвата моря регион пункта, пригодного для выхода русских, — Владивосток, оказывая едва заметное дружественное воздействие вокруг, т.е. поступали совсем иначе, чем германцы в Балтийском море — их

расовой колыбели, их родовом пространстве.

Еще в 1935 г. мы предприняли в Швеции нечеловеческие усилия, пытаясь переубедить самоуверенные, убежденные в своей правоте социал-демократические правительства в Стокгольме и Осло, что их жизнь под эгидой Лиги Наций не столь уж безопасна, как это кажется, и что им самим следует кое-что сделать для защиты своего обширного пространства и в этом они [с.377] встретят полное понимание с нашей стороны. Однако наши усилия были напрасны. Предложенные пакты о ненападении не были приняты, и в таком смысле пространство

Балтийского моря виделось немцам куда менее благоприятным, чем Японское море — японцам. Виновата в этом отчасти преимущественно социал-демократическая идеология северных правительств, которой недостает инстинкта безопасности в отношении жестких геополитических фактов. Разумеется, лишь немногие в Швеции полностью понимали грядущие угрозы и возможности. И когда немецкие политики осознали, что не найдут в этом направлении у авторитетных шведских и норвежских правительственных кругов взаимности, дабы смягчить или задержать ряд неприятных явлений,

они по необходимости избрали курс большой континентальной политики, невзирая на то что были пущены по ветру все предпринимавшиеся дружественные попытки: ведь ради одиночного аутсайдера мы не могли угрожать “тройке”, способной вытащить Старый Свет из “петли анаконды”.

Впрочем, поиски японско-русского согласия как предпосылки такой грандиозной континентальной политики тоже не новы. Они начались, собственно говоря, уже в 1901-1902 гг. После русско-японской войны, когда я в 1909 и 1910 гг. был в Японии, попытки вновь оживились в контактах с Ито как носителем таких

идей. В то время Соединенные Штаты сделали необычное заявление: чтобы устранить главные трудности в отношениях между Китаем, Японией и Россией, они предложили выкупить все железные дороги Маньчжурии и передать их во владение американскому капиталу, сближая таким способом русских и японцев. В колеблющемся общественном мнении Японии это понимают так: железной рукой в бархатных перчатках легче надеть узду на жеребца. Особые стремления затем проявила Италия. Для этой роли здесь пригодился Ричарди, вдохновивший Муссолини идеей создания Института Среднего и

Дальнего Востока, посредством которого хотели осторожно взять на политический поводок самые ценные культурные круги Китая и Японии. На это не тратили большие финансовые средства, но зато Институту был передан один из роскошных дворцов эпохи Ренессанса. Риму свойственно особо впечатляющее умение убеждать. Институтом Среднего и Дальнего Востока управляют сенатор Джентиле, эрцгерцог Туччи и герцог Аварнский, сын бывшего посла при Венском императорском дворе. Обладающие трезвым умом, эти руководители проделали отличную работу, воздействующую на

общественную психологию; не особенно углубляясь в сферу филологии, они занимались активной, в высшей степени важной и близкой народу культурной политикой, умело используя при этом длинный поводок.

Из самых недавних подготовительных попыток следует отметить большую роль графа Мусакодзи и хорошо известного барона Осима_. Мы знаем, что на протяжении всей войны с Китаем Япония сражалась лишь одной левой рукой, а правая постоянно находилась наготове в виде сильной резервной армии [с.378] [Квантунской армии] в Маньчжурии.

В результате этого были связаны силы, чья длительная скованность была нам не по душе. Урегулирование на границе произошло отчасти при весьма искусном приспособлении к обстоятельствам. Здесь имел место, к примеру, инцидент в Монголии_, где японцы и русские пять месяцев вели ожесточенные бои, сопровождавшиеся большими потерями. В то время обе воюющие стороны одновременно получили приказы — одна из Москвы, другая из Токио — положить конец распрям. Затем состоялась впечатляющая церемония, когда в чисто японской традиции на ранее

оспариваемом пространстве проводился совместный ритуал поминовения душ павших воинов, во время которого, — несмотря на его религиозный характер и мировоззренческую несовместимость, — присутствовавший там советский генерал Потапов вел себя безукоризненно. Японцы обставили ритуал как явление высшего психологического порядка. Во главе войск, маршировавших по полю с развернутыми знаменами к алтарю, шел убеленный сединами командующий. Каждый японец непреклонен в убеждении, что души павших воинов присутствуют в этот

момент около алтаря, внимая посланию императора. Свидетельством чести советского генерала и сопровождавших его офицеров является выдающееся умение приспособиться к обстоятельствам, сохранить приличия, вынести столь длительную церемонию. Недопустимо, чтобы ее участники повернулись спиной к духам; они должны были отходить на значительное расстояние от алтаря, повернувшись к нему лицом. Было бы кощунством повернуться спиной к мысленно присутствующим духам предков. Этот проникнутый абсолютной верой ритуал, в высшей

степени интересный и убедительный с точки зрения психологии народа, произвел глубокое впечатление на присутствующих, умудренных большим опытом в международных делах. Они могли также убедиться, что здесь весь народ без исключения твердо верит в переселение душ, в то, что благодаря подобающим поступкам на благо отчизны во время короткого земного существования в загробной жизни можно разместиться наверху, а из-за промахов упасть вниз. Чувство, что весь народ — за исключением немногих вольнодумцев, стремящихся скрыть свои ощущения, — проникнут таким

убеждением, дает ему невиданную силу, сплоченность, готовность к самопожертвованию___. Наконец, в трансконтинентальном соединении в силу мировой политической необходимости геополитика с ее безмерно достигаемыми и достижимыми пространственно-политическими преимуществами преодолела идеологическое сопротивление. Такому ходу событий помогла и даже толкала к нему не в последнюю очередь двойная игра британской политики. Хилая линия европейского сотрудничества была поддержана лордом Галифаксом___, вероятно, для вида, намного более сильная при противниках

Чемберлена подготовила войну, и она до тех пор оттягивалась, пока вооружение не продвинулось достаточно далеко. [с.379]

Рассмотрим совершенно трезвым взглядом геополитическую силу Евразийского пакта в связи с переговорами о торговом договоре между Японией и Россией, начавшимися 7 декабря на конференции в Чите. Здесь мы имели на своей стороне Союз Советских Республик с политически весомым пространством 21.352.571 кв. км (без отошедшей к нему Новой Земли), с 13 тыс. км береговой линии и 182 млн. населения. Мы имеем Японию с ее примерно 2 млн. кв. км

территории (без учета того, что выходит за ее собственные границы, и надежных союзников), протяженной береговой линией и 140 млн. населения.

Костяк собственно рейха с военно-политической точки зрения составляют лишь 73 млн. человек, однако в его распоряжении рабочая сила в 140 млн... В противовес этому мы действуем на западном фланге блока прежде всего своим интенсивным вкладом в культуру и экономику, а не пространственно-политическими размерами, как другие партнеры. В нашем распоряжении 1 млн. кв. км (а также право еще на 3 млн. кв. км в

колониях) и 87-100 млн. населения. Италия (уязвимая со стороны моря и стоящая перед необходимостью переноса центра тяжести на морские и воздушные силы) находится в центре между океанскими и континентальными условиями бытия, ее береговая линия составляет 25 тыс. км, а людские резервы — 57-60 млн. человек. Если мы суммируем эти цифры и сравним их с тем потенциалом, на который опирались в [первую] мировую войну центральные державы Европы, ввязавшиеся в подобную игру, то становится очевидной с точки зрения геополитических данностей неслыханная разница между “тогда”

и “сегодня”.

Открываются огромные перспективы, если удастся выстроить этот смелый курс большой евро-азиатской континентальной политики и довести его до конца, используя все заложенные в нем огромные возможности, побочным процессом которого являлась бы самостоятельность и независимость Индийского государства. От молодежи и пожилых людей я не слышал мнение, будто Индия хочет получить лишь статус доминиона и защиту со стороны британских вооруженных сил. Но не об этом идет речь среди авторитетных умов и личностей, с которыми я лично

знаком; во всех поисках их конечная и самая сильная цель — независимость. Только одному они не верили никогда, а именно что мы всерьез намерены оказать ей помощь в борьбе за независимость.

Мы видим неслыханную перемену в общественном мнении Индии, когда впервые стало известно о заключении между Германией и Россией пакта о ненападении. До этого момента фразеология англо-индийских газет была пронизана мыслью сделать весь мир безопасным для демократии; ради этой цели Индия готова отправиться в окопы. Но мнение радикально изменилось с появлением

внушительной тени европейской континентальной политики. С тех пор дело продвигается дальше. Советы могут определенно обострить для Англии трудности в Индии. Достаточно уже того, если туда будут поступать деньги, а через перевалы — оружие. [с.380]

Внушительная демонстрация европейско-азиатской континентальной политики — столь ослепительной в своем влиянии на массы — была подготовлена многими отдельными акциями; это не прыжок в неизвестность, а осмысленное осуществление важной необходимости. [с.381]

ПРИМЕЧАНИЯ

Из всех произведений К. Хаусхофера, включенных в данный том, работа “Континентальный блок”, несомненно, является наиболее спорной. Здесь ученый-эрудит вступает в противоречие с ангажированным публицистом, взявшим на себя явно несостоятельную задачу, а именно оправдать политику гитлеровской Германии, развязавшей вторую мировую войну. В итоге здравые мысли и рассуждения автора перемежаются с искаженными фактами, а то и откровенным

ВЫМЫСЛОМ.

Трудно, да, пожалуй, просто невозможно высказать более или менее близкое к истине предположение о мотивах, побудивших К. Хаусхофера выступить с рассуждениями на тему о “континентальном блоке”. Как вытекает из текста работы, она написана в 1940 г., т.е. уже после начала второй мировой войны.

Может быть, мысли о “континентальном блоке”, об “оси” Берлин — Москва — Токио были навеяны эйфорией, охватившей окружение Гитлера после подписания советско-германского договора о ненападении 23 августа

1939 г. Однако у гитлеровской Германии имелись планы и обязательства и в отношении другого возможного участника “континентального блока” — Японии. Ведь еще в 1936 г. с ней был заключен так называемый Антикоминтерновский пакт, официальной целью которого объявлялось сотрудничество в борьбе против Коминтерна. Пакт состоял из трех статей и “Протокола подписания”. Стороны обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести борьбу против него и приглашали третьи государства “принять оборонительные меры в духе этого

соглашения или присоединиться к настоящему пакту”.

“Протокол подписания” обязывал стороны “принимать суровые меры... против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала”.

Предусматривалось создание постоянной комиссии для борьбы против Коминтерна. [с.403]

Последующие события подтвердили, что Германия, играя на антисоветских, антикоммунистических настроениях в разных странах, под предлогом борьбы с Коминтерном готовилась к

войне за “мировое господство”. В
ноябре 1937 г. к
Антикоминтерновскому пакту
присоединилась Италия. Германия и
Италия подтвердили свою
солидарность с захватнической
политикой Японии на Дальнем
Востоке. Они официально признали
правительство, созданное японцами
в оккупированной ими Маньчжурии.

В 1939—1940 гг.
Антикоминтерновский пакт был
превращен в открытый военный союз
между Германией, Италией и
Японией.

Рассуждения Хаусхофера носят
на себе отпечаток идей британского
геополитика Макиндера и могут

рассматриваться как их своеобразное развитие в специфических условиях начала второй мировой войны. Возникновение такой теории на британской земле, внешне кажущееся парадоксальным, по-своему закономерно. Обладавшая бесспорным превосходством в промышленном производстве и господствовавшая на морях благодаря своему флоту Британия опасалась за свои позиции со стороны той державы, которая установит свой контроль над “мировым островом”. Между тем такие опасения носили скорее теоретический, чем практический, характер, ибо на этом “острове” зародились три

крупнейшие цивилизации,
объединение которых было
немыслимой задачей.

Хотел того или нет Макиндер,
но своей теорией “географической
оси истории” он посеял тревогу в
англосаксонском мире, выдвинув
положение, что контролирующий
сосредоточие континентальных масс
Евразии получает благоприятный
географический плацдарм для
контроля над всем миром. А эта
евразийская масса в тогдашних
условиях прежде всего Советский
Союз.

Таким образом, можно
предположить, что выступление
Хаусхофера с идеей

“континентального блока” преследовало пропагандистскую цель еще глубже вбить клин между Советским Союзом и западными державами.

Вместе с тем было бы неправильным не признать справедливость и разумность идеи “континентального блока”. Эта идея по сути дела является логическим ответом на геополитические итоги первой мировой войны, изменившей соотношение сил в пользу англо-французской коалиции, к которой в 1917 г. примкнули Соединенные Штаты. Борьба за восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними странами и защита

завоеванных другими во многом определяла международные отношения в Европе и в мире. В образовании евразийского альянса Хаусхофер усматривал мощный противовес англо-франко-американской коалиции.

Однако логика Хаусхофера как ученого, подсказывавшая необходимость добрососедских отношений между Берлином и Москвой, вступает в противоречие с политическими и идеологическими установками нацистского руководства. Зараженный параноидальным расизмом, Гитлер считал самым важным фактором расовую близость, а не особенность

географического или
геополитического положения.
Вполне понятно, что придворному
геополитику приходилось
подстраиваться к взглядам фюрера.

И все же между строк работы
Хаусхофера можно заметить
удовлетворение по поводу
заключения пакта о ненападении
между СССР и Германией, который
подкреплял правоту основной мысли
о евразийском блоке. Вместе с тем
нельзя исключать и элемента
двуличия, ведь Хаусхофер был тесно
связан с высшими эшелонами власти
гитлеровской Германии и поэтому
мог быть в курсе действительных
планов в отношении Советского

Союза. В этой связи обращает на себя [с.404] внимание тот факт, что создание “оси” Берлин — Рим — Токио Хаусхофер преподносит как своего рода предварительный шаг на пути к Евразийскому блоку. Не мог же он не понимать, что антикоммунистическая направленность этой “оси” и подключение к ней Италии вместо Советского Союза, находящегося в центре Евразии, превращали “континентальный блок” в карикатуру.

Так или иначе идея “континентального блока”, подчеркивавшая роль и значение Советского государства в мировой

политике, открывала ему дополнительные возможности для дипломатических маневров с целью оттянуть начало войны, создать наиболее благоприятные внешнеполитические условия для укрепления обороноспособности страны. Благодаря советско-германскому пакту о ненападении удалось почти на два года отсрочить начало войны.

Нельзя пройти мимо попыток Хаусхофера представить Германию жертвой западных держав, у которой якобы не оставалось другого выхода, как силой оружия разорвать удавку, брошенную на шею немецкого народа. Между тем хорошо известно,

к каким провокациям прибегла германская сторона, начиная вторую мировую войну, с какой жестокостью действовал вермахт, попирая все нормы гуманности. Нельзя не сказать и о том, что Англия и Франция, обладавшие совокупным превосходством над вермахтом, не пришли на помощь Польше и тем самым способствовали успехам фашистской военной машины на начальном этапе второй мировой войны. Оставшаяся в одиночестве польская армия была разгромлена за две недели.

Работа

Хаусхофера

“Континентальный

блок”

заслуживает внимания не только в

плане пережитых исторических событий. Идея мощного евразийского блока сохраняет свое значение и в наши дни. Отнюдь не случайно возрождение интереса к ней, придающее данной идее новые аспекты, достойные изучения.

Имеется в виду Афина — в греческой мифологии богиня мудрости и справедливой войны, которая появилась из головы Зевса в полном боевом вооружении и с воинственным кличем. [с.405]

Священный долг учиться у противника (*лат.*). [с.405]

Рассел Джон (1792-1878) — граф, премьер-министр Великобритании в 1846-1852 и 1865-

1866 гг. [с.405]

Год апогея реакции в Европе.
Канун Крымской войны 1853-1856 гг.
[с.405]

Образ, заимствованный из
тетралогии немецкого композитора
Рихарда Вагнера “Кольцо
Ниibelунга”, последняя часть
которой называется “Гибель богов” и
представляет собой
космогоническую картину всеобщей
гибели. Хаусхофер разделяет здесь
взгляды Ницше, изложенные в его
работе “Антихристианин” (см.
“Сумерки богов”. М., 1990). [с.405]

Имеется в виду агрессия
Германии против Польши, ставшая
началом второй мировой войны.

[с.405]

Имеется в виду Джозеф Чемберлен (1836-1914) — министр колоний Великобритании в 1895-1903 гг., идеолог британского империализма, сторонник англо-германского блока. В 1906 г. отошел от политической деятельности. 29 марта 1898 г. во время встречи с германским послом в доме Ротшильда Чемберлен без всякого зондирования предложил Германии заключить союз. Но Берлин отклонил английский демарш, ибо понял, что заключением союза с Германией английская дипломатия рассчитывала втянуть ее в конфликт с Россией.

8 ноября 1899 г. во время визита Вильгельма, прибывшего в сопровождении канцлера Бюлова в Виндзор, Чемберлен снова заговорил с немцами о союзе. Но [с.405] кайзер и Бюлов, как и в 1898 г., отклонили предложение, не желая ссориться с Россией. [с.406]

См. [примеч. 56. С. 370.](#) [с.406]

См. [примеч. 5. С. 54.](#) [с.406]

См. [примеч. 19. С. 134-135.](#)

[с.406]

См. [примеч. 4. С. 300.](#) [с.406]

Давнишний принцип морской политики Великобритании состоял в том, что английский флот должен быть сильнее соединенных флотов двух других морских держав. На

Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. и Лондонской конференции 1930 г. Англия отказалась от этого принципа.

Между равными (*лат.*). [с.406]

Ито Хиробуми (1841-1909) — японский государственный деятель и дипломат. Сторонник соглашения с Россией. Выдвинул идею “обмена” Кореи на Маньжурию, т.е. взаимного отказа от всяких притязаний Японии на Маньжурию, а России — на Корею. В 1906 г. занял пост генерального резидента Японии в Сеуле. В октябре 1909 г. убит корейским националистом.

В июне 1901 г. в Японии пал сравнительно умеренный кабинет

Ито. К власти пришли милитаристские круги во главе с Кацурой. Тем же летом Япония возобновила переговоры с Англией о союзе. Лондон проявлял нерешительность. Тогда в Токио предприняли обходной маневр, используя Ито, известного противника войны с Россией. Ему было поручено начать переговоры о русско-японском соглашении. (В составе дипломатических миссий в 1871 г. он посетил Европу, в 1882 г. совершил поездку по Европе, а в 1901 г. посетил Петербург.) Но лидеры милитаристских кругов Ямагата и Кацура вовсе не стремились довести их до конца.

Миссия Ито была для них только средством нажима на Англию. Переговоры в России не увенчались успехом. Война между Россией и Японией встала на очередь дня. [с.406]

Фридрихсру — имение и место захоронения Отто фон Бисмарка в округе Лауенбург (Гольштейн), символ культа Бисмарка в среде германской буржуазии. [с.406]

Гото Симпей (1856-1919) — японский государственный деятель и дипломат. См. также [примеч. 9. С. 310](#). [с.406]

Кацура Таро (1847-1913) — японский государственный деятель, генерал. [с.406]

Генро — старейший государственный деятель (яп.) — титул, дававшийся в конце XIX — начале XX в. ограниченному кругу наиболее приближенных к императору лиц. От генро зависело в значительной мере решение важнейших вопросов политики, в том числе смена и назначение премьер-министров, объявление войны, заключение мира. Титул и государственная роль генро не были предусмотрены никакими законодательными актами. Генро были выходцами из военно-дворянской среды. Институт генро прекратил свое существование в 1940 г. [с.406]

В данном случае Хаусхофер перефразирует курьезную надпись германского императора Вильгельма II к рисунку, изображавшему дракона: “Народы Европы, охраняйте ваши священные права”. Повинуясь своему влечению к театральным позам и напыщенным фразам, Вильгельм тем не менее ясно выразил один из принципов своей политики: втравить в борьбу с “драконом” Россию и этим освободить свой “восточный фланг” и надолго развязать себе руки в Европе. [с.406]

Германская дипломатия всячески покровительствовала проекту англояпонского союза, дав Японии устное заверение, что в

случае русско-японской [с.406]
войны Германия будет соблюдать по
отношению к Японии
благожелательный нейтралитет.
Поистине политика не знает
пределов лицемерия. Ведь в то же
самое время Вильгельм подстрекал
Россию к агрессии на Дальнем
Востоке. В переписке с Николаем II
германский кайзер убеждал его
выполнить историческую роль
заступника Европы от “желтолицых”
и обещал, что обеспечит ему тыл на
европейской границе. Но обо всем
этом Хаусхофер умалчивает и сводит
сложнейшие перипетии
международных отношений на
Дальнем Востоке в конце XIX —

начале XX в. к упоминанию
разрозненных, субъективно
оцениваемых фактов. [с.407]

Витте Сергей Юльевич (1849-
1915) — выдающийся русский
государственный деятель. Один из
наиболее энергичных вдохновителей
строительства Транссибирской
магистрали, упрочившей влияние
России на берегах Тихого океана.
[с.407]

Брокдорф-Ранцау Ульрих (1869-
1928) — граф, германский дипломат,
руководитель германской делегации
на Парижской мирной конференции
1919-1920 гг., противник подписания
Версальского мирного договора. В
1922-1928 гг. первый посол

Германии в СССР; действовал в направлении политического и экономического сближения Германии и России. [с.407]

Като Томосабуро (ум. 1923) — японский адмирал, государственный деятель и дипломат. Приобрел репутацию “отца современного флота Японии”. На посту премьер-министра вел осторожную внешнюю политику. [с.407]

Сенатор Джованни Джентиле — один из идеологов фашистского движения в Италии. [с.407]

Осима Хироши — посол Японии в Берлине в 1938-1939 и 1940-1945 гг. [с.407]

Японская экспансия в

Маньчжурии, которая рассматривалась как первая линия “обороны” Японии, стала принимать широкие размеры уже после русско-японской войны 1904-1905 гг. Притязания Японии обосновывались так называемой паназиатской доктриной “Азия для азиатов”. Военное вторжение в Маньчжурию началось в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. [с.407]

Имеются в виду события в районе реки Халхин-Гол (1939 г.), представлявшие собой попытку японской военщины прощупать военную мощь Советского Союза, с тем чтобы в благоприятном случае начать более крупные операции на

Дальнем Востоке. Исход столкновений у реки Халхин-Гол — 30 августа 1939 г. 6-я японская армия, вторгнувшаяся в пределы МНР, была полностью уничтожена — способствовал заключению договора о ненападении между Японией и СССР 13 апреля 1941 г. [с.407]

Потапов Михаил Иванович (1902-1965) — комбриг, генерал-полковник (1965). [с.407]

Писатель Константин Симонов, бывший в то время корреспондентом “Красной звезды” на Халхин-Голе, так рассказывает об этих событиях:

“Четырнадцатого или пятнадцатого сентября был последний большой воздушный бой.

Только в поле нашего зрения в разных местах упало, по крайней мере, полтора десятка самолетов, а всего, кажется, за этот день мы сбили их не то тридцать, не то сорок.

На следующий день с утра мы помчались на Хамардабу. Были получены сведения, что сегодня в нейтральной зоне начинаются переговоры с японцами. «...»

Место будущих переговоров представляло собою гряду невысоких песчаных холмов с узкими лощинами между ними. «...» [с.407]

Полковник Потапов, заместитель Жукова, согласно предварительным переговорам по радио, должен был в этот день

встретиться с японцами в нейтральной зоне, между нашей колючей проволокой и их окопами, для того чтобы договориться о месте ведения дальнейших переговоров. «...»

Потапов был худощавый, высокий, чуть-чуть резковатый, но при этом подтянутый и в чем-то самом главном безукоризненно корректный человек, то, что называется “военная косточка”. Этот день был для него последним его полковничьим днем. В ходе переговоров выяснилось, что японцы намерены направить завтра в качестве главы своей комиссии по переговорам генерал-майора. Жуков,

не желая заменять Потапова кем-то другим и в то же время не считая возможным, чтобы наш представитель был в меньшем звании, чем японец, запросил Москву, и там присвоили Потапову очередное звание комбрига, в котором он на следующий день и явился на переговоры.

Мы, человек десять или двенадцать, перевалили через сопочку, спустились по ее откосу и подошли к нашим проволочным заграждениям. «...»

Прошло несколько минут ожидания. Японцев не было. Потом на гребне других холмов, метрах в трехстах или четырехстах, появились

машины; оттуда вышли японцы и быстро пошли навстречу нашим. Когда они прошли три четверти расстояния, Потапов и еще двое пошли навстречу им. Нам было велено остаться, и мы остались около прохода в колючей проволоке, на несколько шагов выйдя вперед за нее.

Встреча произошла шагах в тридцати от нас. Японцы отсалютовали саблями, наши отдали честь. Произошел короткий разговор. Японцы повернулись и пошли к своим машинам, и наши тоже повернулись и пошли назад.

Как выяснилось, переговоры были назначены на завтра; место

было выбрано здесь же поблизости, на маленьком плато, в нейтральной зоне, в километре от наших позиций и на таком же расстоянии от японских. «...»

Число членов делегаций с обеих сторон было определено, кажется, по пять человек.

«...» Три дня переговоров с японцами, на которых мне тогда пришлось присутствовать, изобиловали многими любопытными, а подчас и значительными подробностями. Не хочется сейчас придумывать, пользуясь памятью, как канвой, а поэтому — только о том разрозненном, что действительно

помню.

Вторая половина сентября в Монголии в тот год была уже по-зимнему холодной и ветреной. «...» Ветер гнул траву, высоко над горизонтом стояло по-зимнему холодное и неяркое солнце; вдали виднелись желто-серые отроги Хингана, а до них тянулась гряда больших и малых желтых холмов. Невдалеке за ближними из этих холмов что-то курилось, может быть, стояли походные японские кухни, а может быть, жгли трупы убитых.

В лощине, где вчера встретились парламентареры, уже стояли три палатки: ближняя — наша, к ней был проведен телефон из штаба, потом,

метров за сто, центральная — большая шелковая палатка, похожая по форме на что-то очень знакомое — не то на памятные по детским книжкам рисунки княжеских походных шатров, не то на шатры из половецких плясок в “Князе Игоре”. Еще дальше стояла третья — японская — палатка.

Участники переговоров, наши и монголы, все наутюженные, начищенные, уже вылезли из машин и небольшой группкой стояли возле нашей палатки. Японцы целой толпой теснились вдалеке около своей палатки. Нас было явно меньше. [с.408]

Сначала произошла небольшая

заминка. Обе стороны, несмотря на все предварительные строжайшие и точнейшие инструкции, все-таки не совсем точно знали, что им делать, в какой именно момент шагнуть вперед и когда приложить руку к фуражке.

После этой заминки все вдруг разом двинулись. Мы, не теряя времени, пошли следом.

Навстречу нам шли японцы. Они были почти все в отличавших северную Квантунскую армию зимних шинелях с большими лохматыми собачьими воротниками. Шинели были перепоясаны портупьями с мечами. Впереди шел генерал, за ним два или три

полковника и несколько младших офицеров. Их сопровождала целая толпа журналистов, фотографов и кинооператоров.

Обе группы, наша и их, встретились перед центральной палаткой. Все обменялись приветствиями и откозыряли. Японские фотокорреспонденты и кинооператоры засуетились: они приседали, забегали вперед, слева и справа, беспрерывно щелкая затворами и снимая всех нас вместе и порознь.

Через минуту или две этого стояния японские солдаты отогнули шелковый полог, и члены делегации вошли в палатку. Там внутри стоял

длинный и довольно широкий стол и два десятка стульев. С обеих сторон, посередине, стояло по мягкому креслу для руководителей делегаций, остальные расселись по бокам, наши — с одной стороны стола, японцы — с другой. «...»

В первый же час переговоров выяснилось, что наши переводчики годятся только на самый худой конец. Основным переводчиком на переговорах стал японский майор со штабными аксельбантами: маленький, юркий, хихикающий, скалящий зубы, словом, совершенно похожий на тех японцев, каких любили изображать в кино наши актеры. Он говорил по-русски с

сильнейшим акцентом и в то же время с идеальным литературным знанием русского языка. При переводе и еще больше в вольных беседах в перерывах между переговорами он щеголял идиомами и русскими поговорками: “Куда конь с копытом, туда и рак с клешней”, “Тише едешь, дальше будешь” и т.д. и т.п., причем все это очень забавно звучало в его устах. Улыбался он беспрестанно.

Между прочим, любопытная подробность: в первый же момент, когда я увидел японцев, я заметил, что офицеры при встрече с нами почти все улыбались подчеркнуто и напряженно. А стоявшие позади них

солдаты вовсе не улыбались, их лица были спокойны и серьезны. Тогда это показалось мне результатом дисциплины, повиновения. Потом, шесть лет спустя, уже в Японии, я понял, и, кажется, правильно, что пресловутая, не сходящая с губ японская улыбка и быстрая мимика, которые, пока не привыкнешь к ним, кажутся ужимками, — все это отнюдь не общенародная привычка или обыкновение. Это скорее результат современной японской цивилизации в наиболее поверхностном ее выражении, признак воспитания, принадлежности к определенным привилегированным кругам.

А переговоры тем временем шли. Основные вопросы были, разумеется, уже решены при подписании перемирия в Москве, хотя на всякий случай наши и монгольские войска здесь, на Халхин-Голе, продолжали оставаться в повышенной боевой готовности.

Здесь, на месте, переговоры сводились главным образом к вопросам порядка и времени демаркации границы, на которую вышли наши и монгольские войска, к вопросу о том, на какое расстояние к ней можно и нельзя приближаться, и, наконец, к вопросу о взаимной передаче пленных и выдаче трупов.

[с.409]

Этот последний вопрос стал камнем преткновения на переговорах.

О формальностях, связанных с временной демаркацией границы, и о взаимной передаче пленных договорились быстро. Что же касается выдачи трупов, то тут переговоры затянулись надолго.

Так как все бои происходили на территории Монголии и почти все убитые с обеих сторон были убиты на монгольской территории, то теперь, когда мы повсюду вышли на линию границы, японцы должны были предъявить нам, согласно нашему заявлению, всего-навсего не то сорок два, не то пятьдесят два

трупа наших и монгольских бойцов, убитых за пределами монгольской территории в тот момент, когда мы замыкали кольцо вокруг окруженных японских войск. А японских трупов, зарытых на монгольской территории, насчитывалось, по нашим соображениям, пятнадцать — двадцать тысяч.

Здесь придется сделать оговорку. Общее число японцев, погибших за все время боев, было еще больше. Но доставка на родину тела убитого, а вернее, его сожженного праха, — для японцев ритуал, освященный религией и традициями. Поэтому до самого последнего момента, пока не замкнулось наглухо наше кольцо,

японцы вывозили и вытаскивали в тыл тела своих убитых и стали зарывать их на месте только в последние пять-шесть дней боев, когда были совершенно окружены нами. Попало их в это кольцо около двадцати тысяч. Сдалось нам около двухсот человек. Из этих цифр нетрудно догадаться о степени ожесточенности боев и об упорстве сопротивления японцев.

Как выяснилось впоследствии, дерясь и погибая в этом окружении, японцы тем не менее хоронили своих, ведя специальные карты, а точнее, рисованные от руки планы, на которых они помечали, где, в каком месте, на какой глубине и

сколько похоронено трупов.

То, чему я стал свидетелем, говорит мне, что, очевидно, какое-то количество офицеров и унтер-офицеров еще в дни боев по ночам, в одиночку, пробиралось к своим из района окружения через расположение наших войск, имея при себе эти планы.

Забегая вперед, скажу, что потом, когда разрывали эти могилы, я видел японского поручика, бледного, видимо еще страдающего от раны, с забинтованной и подвязанной к шее рукой и с планом в руке. Это было на той самой Ремизовской сопке, штурм которой я наблюдал. Он стоял и следил за

работой своих солдат, проверяя по плану, где зарыты трупы. По некоторым признакам я заметил, что он сверяется не только с планом, но и с собственной памятью. Он смотрел в разные стороны, отмечал какие-то подробности, потом опять заглядывал в план. Я спросил его, был ли он здесь. Он сказал, что да, он был здесь. Я спросил его, как давно. Он назвал день, в который мы брали эту сопку, день, в который я тоже был здесь.

Возвращаюсь к переговорам. Японцы оказались в затруднении. Они, конечно, знали примерную общую цифру своих убитых, оставшихся на монгольской

территории; одна часть этих убитых была похоронена ими самими, и это было нанесено на карты и планы. Другая часть была похоронена тоже ими самими, но планов не имелось: люди с планами не дошли — погибли. И, наконец, очень много японцев, погибших в самые последние дни, было зарыто уже после боев нашими похоронными командами.

События на Халхин-Голе, кончившиеся разгромом 6-й японской армейской группы, были небывалым позором для командования Квантунской армии, хотя сама по себе японская пехота, надо отдать ей должное, дралась в

этих боях выше всяких похвал. Японское командование, по ходу дела представлявшее [с.410] то победоносные, то уклончивые — реляции, боялось того, что в печать и общество просочатся сведения об истинных размерах неудач и потерь. Эти сведения, кстати сказать, все-таки просочились потом, хотя и в неполном виде. Где-то, кажется в “Асахи”, было напечатано, что японцы потеряли на Халхин-Голе не то пятнадцать, не то восемнадцать тысяч убитыми. Но даже и эта сильно приуменьшенная цифра произвела тогда в Японии сенсацию.

И вот, прося о передаче им трупов солдат, представители

Квантунской армии, с одной стороны, в силу традиций, хотели, чтобы им было передано возможно большее количество трупов, а с другой стороны, выставляя свои требования, они не хотели указывать, какое количество их солдат и офицеров было в действительности убито. Тогда бы их заявка фигурировала как официальный документ. По этому поводу и шли длинные и хитроумные переговоры.

С советско-монгольской стороны тоже были некоторые затруднения. Нам и не хотелось заставлять своих бойцов выкапывать японские трупы и в то же время не хотелось пускать на монгольскую

территорию для раскопок японские похоронные команды. Войска стояли в боевой готовности, район был укреплен, и предоставить японцам возможность осматривать его нам вовсе не хотелось.

Так возникли первые препирательства. Наконец мы согласились на то, чтобы японцы вырывали трупы своими силами. Тогда они предъявили карты, где были указаны погребения буквально во всех сколько-нибудь важных с военной точки зрения пунктах нашего расположения. Среди этих сорока — пятидесяти пунктов одни соответствовали действительности, другие могли соответствовать, а

третьи были абсурдными.

Начались новые
препирательства. Наконец
договорились о том, что японцам
будет разрешено выкопать трупы в
десяти основных пунктах. При этом
мы затребовали от них цифру,
сколько всего их солдат погребено на
нашей территории. Японцы заявили,
что, по их подсчетам, на монгольской
территории осталось три тысячи
трупов, но так как мы ограничиваем
возможность раскопок только
десятью пунктами, то такого
количества трупов они вырыть не
надеются.

Затем пошли переговоры о
составе команд. Выяснилось, что

японцы хотят послать десять команд по сто человек в каждой. Японцы попросили, чтобы из уважения к умершим, которых будут откапывать их товарищи, мы бы дали возможность солдатам, которые будут работать, иметь при себе тесаки.

Мы согласились.

Тогда японцы попросили, чтобы их офицеры, которые будут руководить работами, могли иметь при себе огнестрельное оружие, а затем и позондировали почву, не могут ли и солдаты иметь при себе карабины. Потапов разозлился и спросил: не входит ли в церемониал их военных почестей стрельба из

пулеметов, не желают ли они прихватить с собой и пулеметы?

Вот тут— то, насколько мне помнится, майор-переводчик и произнес русскую поговорку: “Куда конь с копытом, туда и рак с клешней”, -прикрыв этой иронией отступление.

В конце концов договорились: у солдат будут тесаки, а у офицеров — мечи.

Новый спор возник о том, сколько же дней нужно десяти командам по сто человек, чтобы вырыть три тысячи трупов. Опять началась торговля. Японцы [с.411] назвали не то двадцать, не то пятнадцать дней. Наши давали два

дня, потом три, наконец согласились на пяти. Наши ссылались на то, что, исходя из сообщенной самими японцами цифры, каждый из тысячи их солдат должен за пять дней вырыть всего три трупа. Японцы в ответ говорили о трудностях поисков, о тяжелом грунте и о чувствах солдат, которые будут вырывать из земли трупы своих товарищей и должны делать это осторожно, чтобы не задеть их тела лопатами и кирками.

Никогда в моем присутствии столько не говорили о трупах: с утра до вечера склонялось слово “трупы” — “трупы”, “на трупах”, “при трупах”. “При трупах” употреблялось главным образом в смысле оружия.

Японцы настаивали на том, что если при трупах будет найдено оружие, то это оружие они имеют право взять с собой. Наши возражали и говорили, что все оружие, которое осталось на территории Монголии, считается трофейным. Наконец, кажется, договорились на том, что все найденное холодное оружие заберут с собой японцы, а все огнестрельное останется у нас.

Дальше пошел разговор о документах, планшетах, полевых сумках и т.д. Он тянулся нескончаемо, пока не договорились, что увезено будет только то, что окажется в карманах обмундирования; все планшеты,

полевые сумки и прочее, найденное при раскопках, останется у нас.

К концу третьих суток осатанели все — и наши и японцы. Кончили переговоры, по-моему, на четвертые сутки, днем. Потом был маленький перерыв, а вечером в честь окончания переговоров наши дали ужин японцам в той же самой палатке, где мы три дня беспрерывно говорили о трупах. «...»

На следующий день был ответный ужин, который давали японцы, но туда я уже не попал.

На вторые сутки после окончания мирных переговоров началась процедура передачи трупов. Было сделано десять проходов в

колючей проволоке и организовано десять маршрутов с махальщиками на поворотах. На всякий случай вдоль маршрутов выставили побольше пулеметов во всех удобных, а иногда и неудобных местах.

Десять колонн японских машин с белыми флагами в один и тот же час двинулись через наше расположение. Раскопки продолжались сначала пять, потом три дополнительных дня, о которых попросили японцы, и еще два дня, которые мы добавили сами, — в общем всего десять дней. Если не ошибаюсь, японцы выкопали восемь с лишним тысяч трупов и могли бы копать еще и еще. Теперь мы бы им

это охотно разрешили, имея на то особые причины.

Действовавшая на Халхин-Голе 6-я армейская группа генерала Камацубара была полностью уничтожена в боях, и тысячу человек, предназначенных для рытья трупов, японцам пришлось взять из состава тех двух или трех новых японских дивизий, которые к этому времени подтянулись к монгольской границе. Говорили даже, что поначалу японцы специально взяли этих людей из разных дивизий с целью возбудить у новичков гнев и жажду мщения за погибших товарищей. Получилось же совершенно обратное.

В дни раскопок, как назло

японцам, вдруг вновь установилась сухая и по-летнему жаркая погода. Трупы были похоронены уже давно. Как только вскрывали какое-нибудь место погребения, вокруг распространялся тяжкий смертный смрад. По мере того как трупы наваливали в грузовики, а солнце поднималось к зениту, смрад все усиливался, и к вечеру, когда грузовики, наполненные трупами, уезжали, становилось просто невыносимо дышать. [с.412]

Сначала японские солдаты, перед тем как, согласно отмеченному на плане кресту, начать раскапывать могилу, становились в строй в положении “смирно”,

снимали свои каскетки, опускали их до земли, кланялись, потом надевали их и осторожно принимались за работу для того, чтобы, копая, не задеть тела погибших. Так было в первый день.

Но уже на третий или на четвертый день картина переменилась. Трупов было такое множество, смрад стоял такой страшный, солнце палило так немилосердно, что солдатам уже ничто не могло помочь, даже надетые на рот и нос просмоленные черные повязки. Солдаты знали теперь только одно: как бы поскорей развязаться с тем или другим погребением и закончить работу,

назначенную им на сегодняшний день.

Вместе с лопатами теперь в ход пошли железные крюки, которыми подцепляли трупы. Лопатами рыли теперь уже вовсю, с маху, кроша землю и тела. Крюками поддевали, как дрова, и швыряли в машины полусгнившие лохмотья человеческих тел.

Картина эта была поистине чудовищной в своей бесконечности. Сделавшись тягостно-привычной, она все больше утрачивала свою первоначальную связь с уважением к останкам погибших товарищей. Теперь это была просто нескончаемая черная, страшная

работа гробокопателей, что не замедлило сказаться на японских солдатах, несмотря на всю их дисциплину. Согласно полученным нами сведениям, солдаты похоронных команд были деморализованы. Во всех дивизиях пошли разговоры о том, какое громадное количество трупов похоронено там, в Монголии, и какое, значит, поражение понесли там японские войска.

Сначала японцы попробовали бороться с этим, прекратив посылку солдат из разных дивизий и назначив во все команды солдат из одной дивизии. Потом и это не помогло — слухи продолжали расходиться, и,

несмотря на желание японцев
выкопать как можно больше трупов,
на десятый день они сами
прекратили работы, вопреки нашей
готовности разрешить их
продолжение

Так и стоит перед глазами эта
картина: жаркий осенний день, даже
не жара, а какой-то острый сухой
зной. Легкий ветерок колеблет уже
засохшую, полужелтую траву. В
лощине стоят желто-зеленые
японские грузовики с открытыми
бортами, и на них навалено что-то
черное и зеленое, на что страшно
взглянуть и что еще страшнее
представить себе, закрыв глаза.

На скате холмика, над лощиной,

где зияет разрытая земля и в этой земле видны какие-то непонятные куски и пятна, надо всем этим, на скате, сидят и отдыхают несколько десятков японских солдат. Их каскетки у одних сдвинуты на затылок, у других положены рядом; смоляные повязки сдвинуты со рта и оставлены только на носу; солдаты жуют связки сушеной рыбешки и мелкие японские галеты. Поодаль сидит офицер. Он не ест и не снимает повязку, он развернул на планшете план погребения и что-то отмечает на нем. Так и вижу все это перед собой, как будто это было вчера.

Итак, на десятые сутки с

мертвыми было покончено. Осталась последняя процедура — с живыми — передача пленных”. [с.413]

Галифакс Эдуард Фредерик Вуд, лорд Ирвин (1881-1959) — британский государственный деятель и дипломат. Во время Парижской мирной конференции 1919 — 1920 гг. подписал в числе 200 членов парламента телеграмму Ллойд Джорджу с протестом против мягкого обращения с Германией. В 1926 г. был назначен вице-королем Индии. В 30-х годах примыкал к так называемой клайвденской клике, добивавшейся соглашения с Германией. Захват Австрии и Мюнхенское [с.413] соглашение

имели место в бытность Галифакса министром иностранных дел Великобритании. [с.414]

Так в тексте. В действительности длина береговой линии (с островами) Советского государства (начало 80-х годов) составляла свыше 108 тыс. км. [с.414]

Уязвимость Италии с моря очевидна. В целях как обороны, так и агрессии (Эфиопия, Испания) Италия встала на путь развертывания авиации (“Фиат”, “Капрони”). [с.414]

Здесь Хаусхофер пытается выдать желаемое за действительное. Между тем в книге Джавахарлала Неру “Открытие Индии” мы читаем:

“...в Европе совершались перемены, появились Гитлер и нацизм. [Индийский Национальный] Конгресс немедленно отозвался на эти перемены и осудил их, ибо Гитлер и его доктрина казались прямым воплощением и усилением того самого империализма и расизма, против которых Конгресс вел борьбу. Японская агрессия в Маньчжурии вызвала еще более сильную реакцию ввиду нашей симпатии к Китаю. Японо-китайская война, события в Абиссинии, Испании, Чехословакии и Мюнхен усиливали все эти настроения и напряженность в связи с приближением войны”

(Джавахарлал Неру. Открытие
Индии. М., 1955. С. 454). [с.414]

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Прежде чем рассуждать о важном деле — о геополитических колониальных возможностях и описывать его, следовало бы сначала подумать и разобраться, осознав при этом три абсолютно различные в своей основе, далекие друг от друга ответственности. Первый исходный пункт — твердо придерживаться вопроса чести (Ehrenpunkt), сформулированного фюрером в качестве незыблемого требования

правового возврата наших старых колоний___. В вопросе чести нет никаких геополитических сомнений и никаких геополитических споров.

Второй исходный пункт — трезвое рассмотрение колониальных возможностей с точки зрения геополитики.

Все, что мы говорим, следует говорить “без гнева и пристрастия”_, как советовал в древности Тацит, говорить честно, со знанием дела и полной личной ответственностью.

Я придерживаюсь того же в нашем нынешнем разговоре: иноэтнические расы и пространства нужно видеть и показывать такими, каковы они в реальности, а не в

воображении. Такой подход, уберегая от чреватых тяжелыми последствиями заблуждений, предполагает, что никогда не надо пытаться, исходя лишь из локального опыта, рассматривать и определять колониальный вопрос, существенный для будущего нашего народа и его позиции в чужеземных пространствах. Более того, размышляя о колониальных проблемах в целом, мы должны иметь в виду картину пространства и народных общностей всей планеты и ясно представлять себе, как в этой всеобщей картине, при таком всеобщем давлении клочок земли, имеющий значение для народа или

расы, выдерживает испытание. Это имеет силу не только для возможности колониального решения, но и для того строительства в жизненном пространстве нашего отечества, которое предстоит в ближайшее время и в том роде, как образцовым образом изложил гаулейтер Вагнер, а именно каждая гау____, каждый самый мелкий политический ландшафт должен строиться с учетом сильного внешнего давления, уметь его выдержать, как если бы они были одной из ячеек, которые должны устоять против враждебного давления на самой последней границе народного организма. Это

дает нам указание ценнейшего свойства для возможности колониальной деятельности, но, к сожалению, и ограничивает до весьма скромных размеров пространства, в которых вообще мы можем после этой исполинской борьбы полностью сохраниться. Задумываемся ли мы о том, что уже теперь так [с.381] называемый Новый Свет как целое создал вокруг себя зону безопасности глубиной в 500 км! Это притязание на территориальные воды, окружающие огромное мировое пространство, которое там хорошо парализует британский морской разбой. Отсюда и резкий протест Лондона. Поэтому

для будущего и возможности колониальной деятельности нам остается пространство, жестко с точки зрения здравого разума ограниченное Старым Светом. Еще больше нас ограничивают здесь невиданные изменения последних лет.

То, в каком необычном образе, в колониально-политическом свете, предстала в жизни важная идея о совместно управляемой Еврафрике (как это я сам пережил начиная с 29 сентября 1938 г. до ноябрьских дней того же года, кульминацией чего была конференция по Африке в Риме, где я участвовал), остается в данном направлении важным

исходным пунктом. На этой конференции, проходившей с 3 по 12 октября (куда были приглашены европейские “авторитеты”, наделенные весьма важными на их усмотрение культурно-политическими полномочиями), всплыла возможность воссоздать в пределах наших бывших африканских колониальных владений связную, почти сопоставимую по размерам западноафриканскую колониальную империю.

Напротив, Англия и Франция были явно готовы к тому, чтобы начать территориальные спекуляции и несколько изменить свои

первоначальные предложения об устранении неудобств и помех, пока, разумеется, мы не будем удовлетворены. В итоге возможности оказались неиспользованными. Мы знаем, что еще раньше был момент, когда разумный и дальновидный французский премьер-министр — действительно хороший европеец_ в отличие от тех, кто себя так называл, не будучи таковым, — выразил готовность возвратить все вырванные Францией у немцев колониальные владения в Африке в обмен на постоянный мир и прочные гарантии на Рейне, которые в течение ряда лет фюрер щедро предоставлял Франции как реальные_. Однако помехой тогда

было лишь британское своекорыстие. Позднее это установит более определенно и обстоятельно колониальная история мира, назвав имена виновных.

Многим памятно утверждение английского журнала “New Statesman and Nation”, будто немецкая геополитика обслуживается неким инструментом, заимствованным ею у английского империализма. Через несколько дней они получают нужный ответ, который подтвердит: у нас была лишь убежденность, что в обширном арсенале, предложенном английским и французским колониальным империализмом, имелись хорошие инструменты,

какими могли с таким же успехом воспользоваться и не владеющие пространством, и нищие. Нас обвиняют, будто мы вынашивали зловещие замыслы, поддерживая движения за широкое самоопределение, натравливали цветные культурные народы против их “законных” хозяев в Индии и Индокитае и, основываясь на идеях англичанина Макиндера, внушали миру, что связь [с.382] между нынешними державами “оси” — Германией — Россией — Японией — якобы единственная возможность неоспоримо противостоять британо-американской силе, приверженной методам “политики анаконды”. Когда

за четыре недели до [второй мировой] войны один известный журналист — представитель держав Запада, высказал мне такой упрек, я возразил, что любой, кто подвергается сильному воздействию тактики “анаконды” со стороны государств, которые еще со времени Американской войны за независимость твердят о методах “анаконды”, также имеет право получить помощь в своем противостоянии противнику, стремящемуся к аннексии огромных пространств. Журналист упомянул, что следовало бы говорить не о “блокаде”, а о “вале мира”. Это евразийское мышление, которое

воплощается в политическом пространстве, всем нам предоставляет возможность долговременного расширения жизненного пространства и с некоторых пор будоражит многие умы. То, о чем упомянуто в “New Statesman and Nation”, отражено до известной степени и в некоторых моих книгах, в частности в “Dai Ninon” (1913).

Следовательно, прежде чем детально рассуждать о колониальной политике, мы должны уяснить международное положение в целом, его динамику и давление извне. Пора бы меня спросить, почему я не говорю о прежней Германской

империи Южных морей, условия существования которой я хорошо знаю, о положении в Цзяочжоу, в Новой Гвинее, откуда путем хищнической эксплуатации выжимают сегодня столь большие ценности.

В противовес этому я должен констатировать: кто не может плавать в этом регионе, имея военно-морской флот водоизмещением в 1 млн. *t* и идущий позади необходимый торговый флот водоизмещением в 1-1,5 млн. *t*, не обращая внимания на пути отхода, тот остается с носом в отношении того, что находится в Тихом океане севернее экватора. Только одна

Япония имеет торговый флот водоизмещением в 5,6 млн. *т* и намерена увеличить его до 7,5 млн. *т*. А между тем эти острова с тех пор, как мы их потеряли, заселили 70 тыс. японцев, численность которых уже примерно на 20 тыс. человек превышает туземное население, и они настолько расово близки, что высокопородистые экземпляры вряд ли можно отличить друг от друга. Это были области, где мы имели в качестве господствующей прослойки лишь высокообразованный корпус чиновников, торговцев и моряков, мыслящий, разумеется, широкими пространствами. Именно Тихий океан был крайне важен для

обучения нации мыслить такими категориями. Однако северная часть наших бывших владений там находится в руках тех, у кого их можно было бы вырвать лишь с помощью ранее названных средств, какими, к примеру, не располагают ни Союз [США], ни Англия, последняя к тому же имела глупость связать себя в Европе. Впрочем, мы можем констатировать, что пространство архипелагов севернее экватора очень хорошо использовалось японцами по линии нашей предварительной работы, что оно отлично развивается, тогда как [с.383] южная часть наших прежних владений, ныне принадлежащая

Британской колониальной империи и более богатая сырьем и способными к развитию естественными ресурсами, ужасно заброшена. Используются, да и то лишь хищнически, сырьевые богатства Новой Гвинеи, прежде всего золото. Нашим долгом было указать на это, и его охотно выполнили наука, политика и пресса Германии. Однако, основываясь на наших прошлых культурных достижениях в Тихом океане, мы должны получить право духовного сотрудничества, которому следует придать большую ценность и которое все публицисты, главные редакторы и руководители ведомств должны иметь в виду. К

тому же стремится и Италия, а именно вновь принять участие в научно-культурном и политико-экономическом контроле над тихоокеанским пространством. Мы снова начинаем там широкое международно-политическое сотрудничество, и именно на основе наших прежних огромных достижений в данном пространстве, и это позволяет нам зорко следить с близкого расстояния за событиями всемирно-политического и колониально-политического развития. Это — опытное пространство, лаборатория человечества, имеющая важнейшее значение. Если на этом направлении

существует сотрудничество и проявляется осведомленность, тогда есть гарантия от всевозможных неожиданностей. Впрочем, у Италии нет по сравнению с нами больших колониально-политических средств для столь отдаленных областей, но она создала в Риме отличные институты, которые изучают развитие событий на Дальнем Востоке и в Тихом океане и уже добились значительных научных достижений. Нам, немцам, все еще недостает института Тихого океана или Южных морей. В этом направлении проявил активность один из наших самых деятельных журналистов, Моссдорф, который

недавно участвовал вместе с коллегами в поездке в Японию. К такого рода акциям следует прибегать чаще.

Для распространения и расширения колониально-политического мышления у нас есть отличные общества и отдельные институты, но нет крупного объединенного Института Африки, а также необходимых средств. Как много отдельных достижений и сил еще не вложено в это исследование! Однако трудность подготовки геополитических возможностей в сфере колоний состоит в том, что любой отдельный замечательный человек и любой мелкий союз

должен начинать все сызнова, вместо того чтобы идти вперед, основываясь на платформе комплексной научной подготовительной работы. Обет, Тролль, Вин, Герман фон Висманн всегда справедливо сетовали, что для подготовки научного фундамента возможностей в области колониальной политики каждый должен был начинать сначала, из-за чего было много напрасной работы, которую загодя или одновременно исполнили другие, только не ведая об этом. Обеим областям немецких колониальных достижений в прошлом недостает такой сосредоточенной, суммирующей итоги организации. Так как я не

[с.384] верю, что мое поколение в обозримое время способно к этому, то я прошу вас, молодых, продвинуть данное дело дальше и лучшим образом. Позаботьтесь, чтобы эти важные организации были созданы в Германии даже в такое время, когда для этого нет никаких финансовых средств и все усилия должны быть сосредоточены на оборонной и продовольственной деятельности.

Здесь следовало бы еще кое-что сказать о возможностях европейского сотрудничества и о геополитических колониальных возможностях, о том, что я сам пережил под впечатлением событий осени 1938 г. на состоявшейся в Риме встрече 200

авторитетов, представлявших все важные области власти, культуры и экономики Европы. На этой встрече вышло на передний план прежде всего наше требование о том, что необходимо справедливо поступать с вопросом чести. Там мы столкнулись *теоретически с приятной неожиданностью*: за исключением 3 или 4 генерал-губернаторов, не желавших, по понятным причинам, отдать свои административные области колоний, в целом в речах подчеркивалось, что без немцев невозможно прийти к знаменательному европейскому сотрудничеству, и Африка рисковала бы потерять действительное

руководство со стороны белой расы. Такая опасность становится ясной не в последнюю очередь вследствие сильного давления в Америке в пользу эмансипации негров и влияния индийской иммиграции_в Южной и Восточной Африке. Здесь сказывается практика Британской империи, находившаяся в абсолютном противоречии с мышлением белых жителей двух ее крупных южных доминионов — Австралии и Африки. Однако за этим скрыта мысль, суть которой в том, чтобы, сталкивая индийцев и семитов, отбить у немцев охоту к возвращению в Восточную и Западную Африку_и нейтрализовать

нижнегерманские элементы в Южной Африке. Южноафриканцы обратили на это внимание, однако было не ясно, рассчитывали ли они как ничтожный верхний слой белых — около 2 млн. против 9 млн. быстро растущего притока черного населения, — на безусловную поддержку белых — людей своей расы, которые не стали полностью жертвой урбанизма и не обосновались в Капштадте или Йоханнесбурге, но хотят начать широкую борьбу за пространство. Некоторое время казалось, будто в Южной Африке министр обороны Пиров пожелал занять иную позицию. Но поскольку ему

пришлось раскрыть свои карты, мы обнаружили теперь во всех речах утверждение, что именно немцам следовало бы вернуться в Африку, ибо без этого нельзя прийти без излишних жертв к необходимому сотрудничеству белых. *Итак, не было готовности отдать Германскую Юго-Западную Африку, а также ничего не хотели знать о Германской Восточной Африке.* А это необходимо, чтобы Южная Африка обрела прочный фундамент. Ведь удерживается также обширная горнорудная область от Йоханнесбурга до Уганды с ее потребностью в рабочей силе, вызывая исход из деревень и

запустение среди чернокожих.
[с.385]

И тут мы подходим к пункту, где скрещиваются и очень тесно переплетаются геополитические суждения с этнополитическими, и поэтому их следует принимать во внимание одновременно. В сравнении с хорошо знакомыми нам областями большая часть Африки недостаточно заселена. Это регион, где разрыхление народонаселения, его отчуждение от земли именно из-за горнорудных предприятий в британском и бельгийском владениях невиданно продвигается, точно так же как опустошение африканских лесных угодий, когда при сильных

ливневых потоках смывался слой плодородного грунта.

Это — результат того же самого хищнического хозяйствования, как в *Северной Америке* и в *муссонных странах*. Среди крупных народов Земли лишь немногие бережно обращаются с лесом. К таким народам относимся прежде всего мы, немцы, хотя именно сейчас мы уже частично вынуждены заниматься хищничеством; к таким народам относятся японцы и шведы; но в целом опустошение лесов охватило весь мир, и там, где земля первой лишается леса, происходит лабильное перемещение населения и бегство из деревень в результате

индустриализации и увеличивается опасность запустения. Это очень сильно проявляется в Африке, так что сегодня нам пришлось бы возвращаться в наши прежние колонии, где состав населения совершенно изменился. Самое важное изменение произошло по причине иммиграции индийцев в Танганьiku, известной практики в Германской Юго-Западной Африке, которая представляет собой еще весьма недозаселенный ландшафт, пространство без народа, так что мы ни при каких обстоятельствах не должны вернуться туда с теми же самыми представлениями, с какими покинули наши старые колониальные

области, на прежнем уровне
научного, экономического
проникновения. Здесь образовался
бы разрыв, существующий между
признанным старым, ныне по
большей части пережившим самого
себя поколением и молодежью,
которой предстоит передать
практически эту работу; этот разрыв
трех поколений, одно из которых
переходное, если мы не позаботимся
основательно о наведении мостов в
воспитательном теоретическом и
практическом смысле, скажется
роковым образом. Однако эта часть
проблемы должна быть, безусловно,
поставлена в чужеземную динамику.
Мы должны уяснить себе, что в

одной из самых ценных областей — в старой Германской Восточной Африке, которая, между прочим, как технический опорный пункт для авиации плотно окружена, напор волны индийского населения с его евро-азиатской динамикой оказывается в противоречии с мышлением Еврафрики. Поучительно наблюдать в этом направлении, как само собой разумеющейся акцией — вопреки огромным сложностям в сознании из-за пребывания под чужим господством, — с которой выступил Индийский [Национальный] Конгресс за равноправие этого немногочисленного населения в

Африке, как движением бойкота, движениями откола более мелких сил и властей вроде Занзибара_ставят в конце концов [с.386] британскую колониальную службу на колени. При этом число индийцев в Африке сравнительно ничтожно: *их совокупная численность там составляет не более половины числа немцев, вынужденных Польшей в течение двух лет к исходу через коридор в рейх. Это для огромной народной почвы Индии с ее 370-миллионным населением до смешного малый процент. Однако эти миллионы как потребители, как люди, осуществляющие бойкот, не повинующиеся воинским и трудовым*

порядкам, могут в таком качестве оказать давление на британскую колониальную службу, заставить ее вступать в противоречие с самым сильным и в человеческом отношении полным надежд на развитие доминионом. В такой связи находится сопротивление Индии, Африки и Австралии воинскому порядку, подобно тому как это происходило в 1914-1915 гг.

Можно констатировать полное изменение пользы колоний, и мы должны в этом отношении достичь ясности, прежде чем подумаем о том, чтобы в важных пространствах взять на себя руководство. Мы можем составить очень хорошие схемы, в

соответствии с которыми связь именно для военно-воздушных сил держав “оси” через Триполи до восточной оконечности Африки и в примыкающую Германскую Восточную Африку и Танганьiku снова обеспечивает нам позицию в Индийском океане и колоссальную возможность влияния, но это обстоятельство хорошо видят и в Англии, воздействующей на нас или стремящейся убедить большинство, что такие столь важные с авиационно-технической и стратегической точек зрения ландшафты, как Германская Восточная Африка или Камерун, нельзя когда-либо снова вернуть

потенциально враждебной державе [т.е. Германии].

Здесь [деятельность] каждой отдельной организации, каждое усилие в сфере колониальной политики необходимо уяснить с точки зрения колониально-политических возможностей, в контексте общей картины мира. Мы никогда не должны рассматривать отдельные карты в атласе колоний, не положив рядом геополитическую или политическую карту мира. Мы все время должны задавать себе вопрос: возможно ли с геополитической, этнополитической и социополитической точек зрения то дело, к которому стремимся, или

же совершаем ошибку?

Перед войной мы были одержимы ценностью колоний, возврат которых в настоящее время был бы для нас крайне затруднительным. Если бы часом я обратился к фюреру с глазу на глаз с вопросом: должны ли мы принять Цзяочжоу, если бы нам предложила его международная конференция, то я сам сказал бы: нет, поищем другую компенсацию. Тот, кто обосновывается в центре, — хотя бухта очень удобна, — где развивается натиск в целях обороны столь густо заселенного китайского ландшафта с древней культурой при плотности населения 230 человек на

кв. км, тот накликает на себя беду в столь опасном в перспективе месте независимо от колорита — японского или китайского. Ведь немецкому народу невдомек, что владение Цзяочжоу с позицией [с.387] Шаньдуна и его океанская империя Южных морей, которой в такой открытой форме никогда не владел в Тихом океане никакой другой европейский народ, находились в непримиримом геополитическом противоречии. Положение Шаньдуна было бы прочным при осуществляемой вместе с Россией континентальной политике, которая распространяется теперь также в сфере железнодорожного

строительства от Берлина до Тихого океана, так что огромная евроазиатская глубина нашего континентального “хинтерланда” при умелом политическом руководстве может приобрести невиданно ценное пространственно-политическое значение. Наш свободный от власти Запада “хинтерланд” охватывает 23 млн. кв. км и заканчивается на Тихом океане. Такая глубина пространства гарантирует нашу позицию на Востоке, покуда мы понимаем, как поддерживать этот огромный связующий пространственный организм между восточноазиатской и центральноевропейской окраинами

пространства. Таково предварительное условие. Но нужно быть готовыми к трудностям. И все же всем нам, трем державам, нужна эта глубина пространства, чтобы вырваться из “петли анаконды”. И мы вырвались из нее. Однако это накладывает пространственно-политические обязательства.

Вскоре после приобретения Германией Цзяочжоу в Америке была составлена докладная записка, где упоминалось об опасности того, что если немцы осознают свою выгоду, найдут понимание с Японией и Россией, тогда возникнет такой рычаг, с помощью которого они могут поставить Соединенным

Штатам мат. Однако наша старая империя Южных морей может сохраняться только на океанском пути, только с крупными океанскими средствами или же с помощью такой искусной политики лавирования, какую проводят Нидерланды, — разумеется, с большими жертвами. Но имеется и обратная сторона такой океанской, трансокеанской колониальной империи для одновременно сильно ориентированного на внутренние земли государства с жизненным пространством, округленным на Востоке. Это означает для нее пути на ногах, вынуждая заключать компромиссы с действительно

океанскими державами.

Правда, я должен признать, что именно тогда мы, пойдя на компромиссы с океанскими державами, которые в конце концов в 1939 г. вновь стали их отрицать, могли бы, вероятно, приобрести крупную, сплоченную западноафриканскую колониальную империю, обладающую ценным тропическим сырьем, но путем компромиссов, которые можно достигнуть *лишь* с лицами, способными придерживаться *bone fide* — доброй воли в этом вопросе. Но для этих добрых побуждений нет личностей, включая и нижнегерманские элементы в

Южной Африке, в том числе Пирова, которому еще два года назад мы верили, что он готов принять нас в Африке с распростертыми объятиями. Однако это была лукавая игра, и она обнаружилась во время маневров с целью нашей изоляции. Возможности колониальной политики [с.388] на этом пути без военного противостояния с нашим самым крупным, самым опасным колониально-политическим противником — британцами, если бы и могли быть реализованы, были бы непрочными и привели бы к шатким компромиссам. Многие красивые мечтания будут разрушены этим геополитическим

соображением. Некоторые мечтатели надеялись, что можно без крови и пота вернуть нашу старую колониальную империю, лишь на основе справедливости, и что приведенный в 1915 г. в качестве подсадной утки в Географическом журнале Королевского общества проект Джонстона мог бы быть реализован за счет Бельгии и Португалии. Однако этой мечте я противопоставил довод, что люди никогда не уйдут добровольно из захваченных колоний. Итак, мы могли бы добиться наших колоний и удержать их лишь благодаря сильному давлению, только сражаясь лицом к лицу с колониальной

державой, и лишь в таком случае действительно возможно новое, совершенно равноправное участие в сотрудничестве в Африке, какое имел в виду фюрер, когда перед нашей поездкой в Рим сформулировал вопрос чести. Этот вопрос включает восстановление признания *полного* права на равенство; но он подразумевает и равноправное участие в общем развитии пустующих пространств Земли, что невозможно без мощной, обеспеченной нам европейским жизненным пространством на Востоке поддержки, с которой мы так сильны, что должны пойти на уступки западные державы,

навязавшие нам в настоящее время борьбу за существование из-за страха перед непобедимостью действительно единого немецкого народа и его прочной жизненной волей. И именно она может обеспечить нам естественное право на расширение жизненного пространства, чтобы перевести дух в нашей безысходной тесноте.

Если сохранится жизненная воля, будут возвращены и колонии: другого не дано!

“Bis peccare in bello non licet!”
Так уже Древний Рим, внушающий уважение образец новоримской империи, строго осуждал то, что Польша и Англия, как и Франция,

делали в атлантическом пространстве, повторив в борьбе за существование те же самые ошибки, к тому же в полностью изменившихся условиях, в то время как немцы и русские решили не допускать второй раз просчетов, причинивших обоим тяжелый ущерб.

При этом, стало быть, произошел решающий геополитический поворот 1939 г. Польша не может быть сохранена Западом наперекор двум наиболее многочисленным народам Европы, коль скоро она проводила безумную самоубийственную политику между Востоком и Западом, а внутренний разлад вместо миролюбивого

единства заполнил ее пространство. Таков обстоятельный геополитический опыт Европы со времени трех первых разделов Польского государства — гибрида, не сумевшего пространственно обеспечить свой народ. *Bis peccavit — iterum perit*.

Евразия не может быть “окружена”, если ее два самых крупных народа, обладающие огромным совокупным [с.389] пространством, не позволят использовать себя в междоусобной борьбе, в которую они были втянуты во время Крымской войны [1853-1856 гг.] или в 1914 г., и никакая дымовая завеса не сможет скрыть

этот факт. Такова вторая аксиома европейской политики с геополитической точки зрения. Но к разыгрываемой в Лондоне пропагандистской шумихе весьма подходит суровая поговорка: “Единожды солгавшему не поверят, даже если он скажет правду”. Тем более если он *умалчивает истину* и поет для ее сокрытия в 1939 г. те же песни, что и в 1914 г. Эти песни комиссар по иностранным делам Молотов беспощадно развенчал в Москве__перед всем миром. Нет нужды нам что-либо делать. Мир знает со времени последних выступлений Молотова и точного изложения *Вирзинга*, столь

мастерски разобравшего по косточкам британскую “Голубую книгу”, что Англия и Франция по чисто империалистическим причинам — агрессоры и разрушители исходившего перед крахом Польши и после него от Германии и России честного предложения международного мира на ясных геополитических основаниях; они не являются идеологическими крестоносцами вроде Людовика Святого_, чтобы “сделать мир безопасным для демократии”, а как бы между делом из-за болезненного тщеславия и экономической зависти разгромить Центральную Европу, затем Японию

и до нее или после нее Италию, дабы и дальше беспрепятственно эксплуатировать и пиратствовать.

Такова картина реальности, по крайней мере в атлантическом пространстве, и мир должен с этим покончить. В отношении этого населяющие данное пространство народы должны были в 1940 г. занять позицию и сохранить ее в 1941 г.

В этих условиях две появившиеся на английском языке работы в качестве последних резюме, вероятно, безвозвратно ушедшего геополитического положения в атлантической зоне приобретают непреходящую ценность: *Раймонд Лесли Буэлл:*

Польша. Ключ к Европе. Нью-Йорк — Лондон. 1939 и “Политические и стратегические основы Соединенного Королевства: Очерк”. Лондон — Нью-Йорк — Торонто. 1939_. Вероятно, Польша и в самом деле была ключом к новой Европе. Э.П. Хансон, американский критик Буэлла, выделяет высказывание И. Боумана в “The New World”: “Положение Польши и международные отношения жизненно важны для будущей стабильности Европы”. Все дело в том, чего хотели: как Англия, *неустойчивого равновесия*, при котором и дальше можно было бы сталкивать друг с другом

континентальных европейцев, что в Лондоне понималось как “баланс сил”, или же искали *стабильного равновесия*, которого желают немцы и русские? И те и другие должны были через польскую систему “качелей” соединиться в единстве воли, чтобы покончить с ней как вековым беспокойством; они могли длительное время [с.390] мириться лишь с тем, что имеют между собой стабильное, постоянное, устойчивое образование, каким была или могла бы быть, скажем, Польша Пилсудского или полковника Славека, а отнюдь не охваченное смутой многонациональное государство,

ставшее игрушкой западных держав. Как раз если бы Польша уяснила свои геополитические трудности, а именно подвижные границы, щепетильное отношение к доступу к морю, центробежные устремления мародерствующих “друзей народа” в отношении ее обоих крупных соседей, на восемьдесят процентов урбанизированное еврейское население в аграрной стране, ей следовало бы стремиться к состоянию покоя и закреплению прав, а не становиться орудием британского возмутителя порядка.

Обе книги в совокупности дают ключ к пониманию того, на какой гибельный путь толкнула

Великобритания своего протекте, как она, начиная с 1914 г., оказывала давление на армян, на жителей земли обетованной, на ею стесненных, раздробленных и рассеченных границами арабов, на греков, чехословаков, в 1939 г., вероятно вслед за Польшей, из-за кулис на неосторожную Турцию и в 1940 г. на Север Европы, ландшафты устья Рейна в Нидерландах и на прилегающую к Ла-Маншу Францию.

Один крупный английский военный геополитик пишет: “Ныне сердце нашей империи стало самым ранимым органом”. Не должно ли это предупреждение призывать к

мирным решениям, как и другое военно-геополитическое предупреждение: “Стомильный канал от Суэца до Порт-Саида протянулся к двухтысячемильному каналу от Порт-Саида до Гибралтара”. Многие схожим образом обесценено из того, что некогда было британской силой, и новые трещины и разрывы зияют в здании самой большой мировой империи.

К тому же звучит погребальная песня Гомера Ли о том, что судный день англосаксонства забрезжит тогда, когда немцы, русские и японцы объединятся (мотив из “The day of the Saxon”).

С другой стороны, многие окраинные острова — когда-то прочные опоры мощи, бесспорные по ценности базы флота — стали благодаря авиации и телемеханике доступными для наступательных операций на большие расстояния, которым не может более с уверенностью противостоять никакой флот: Гибралтар, Мальта, Гонконг, даже Скапа Флоу; Бермуды, Багама, Ямайка, Британский Гондурас, Фолклендские острова либо оказались в 500-километровом американском оборонительном поясе, либо стали объектом американской алчности.

Нефтяные месторождения, как

линия Киркук — Хайфа, как Абадан, были гораздо больше открыты для континентального наступления, чем казалось при их приобретении, и обнажены для смертоносной схватки на суше; но компания “Датч-Шелл” боится океанской державы [т.е. Японии], которая уже давно больше не робеет перед атлантическими силами Европы, но хотела бы сдерживать Соединенные Штаты, и поэтому туда был направлен послом мудрейший экономист и политик Мацуока, которого сменил адмирал Номура. [с.391]

Плацдармы Англии на Балтике для высадки войск стали русскими сходнями. Итак, подтверждается

предсказание Китченера, высказанное по другому поводу, что британцы и немцы ведут друг с другом войну ради американцев и японцев, а все издержки приходится на Европу, которой, естественно, и *Южная Америка* как клиент не верна, торгуя с Северной Америкой и Восточной Азией. Удушение торговли Малой и Средней Европы Англией, чего с удовольствием хотел добиться Черчилль посредством ее втягивания в войну с самыми крупными и самыми сильными европейскими государствами и о чем он и Осуцкий и их израильские друзья шепчутся между Лондоном и Прагой, — секрет полишинеля. Им

неприятно, что война велась гуманно, и они полагают, что “должен же кто-нибудь начинать с опустошения открытых городов, с тем чтобы возникла необходимая ненависть”¹.

С важной, не потерявшей силу за давностью лет претензией на свое справедливо приобретенное участие в доступе к тропическим сырьевым ресурсам своих бывших колоний в атлантическом и тихоокеанском пространствах Германия вступила в 1940 год.

Эта претензия недавно подтверждена доказательствами, которые приводит неутомимый исследователь леса Ф. Хеске в своем

известном во всем мире журнале “Zeitschrift für Weltforstwirtschaft”, в замечательном авторском обобщении “Тропический лес как источник сырья” —, представляющем собой несравненный синтез эстетики и экономики и воинствующих разъяснений против хищничества и опустошения, в чем повинны старые колониальные державы, например, в Африке. Ныне Смэтс топчет там все добрые посевы немецкого и южноафриканского происхождения, о которых заботился Герцог.

То, что сделано Хеске для сохранения растительного покрова поверхности Земли, обзревает Карл Заппер в интересах переселенцев

(иммигрантов) в резюме “Об акклиматизационных способностях белых в тропиках”_, признавая особо благотворные достижения Вилли Гельпах, Роденвальдта, Клауса Шиллинга и др. в области тропической гигиены, Фишера и др. Здесь поколение корифеев смыкается со средним поколением в полной боевой готовности решительно отстаивать не потерявшие силу за давностью лет права нашего народа на содействие улучшению земли на всем земном шаре сообразно ее продуктивности, а не в рамках оставленного пустующим, захваченного грабежом владения как следствие наглых разбойничьих

действий в былые минуты слабости всемирной истории. Такие действия не могут быть основаны на прочном праве, а берут начало еще в дерзком пиратстве “разбойников моря” или “разбойников степи”. [с.392]

Эту правдивую характеристику, данную британцем Макиндером, нужно помнить всегда: все-таки она оправдывает внутри разодранной немецкой сферы всевозможные усилия по ее вооружению и раскрывает причины расчленения Ближнего Востока, близкого к завершению освобождения Индии от рабства, а также “нового порядка” в Восточной Азии. Каждое из таких пострадавших пространств на свой

манер избавляется от засилья британцев!

Когда— нибудь народы поймут, кто их эксплуатирует, -кто снова и снова заставляет их проливать кровь и покушается на их земли!

Это должно было вести к губительнейшим самообманам для Малой Европы (подлинные передовые борцы которой были незамедлительно ограничены проводившейся западными державами кампанией ненависти против жизненного пространства Центральной Европы и ее возможности дышать и пространственных успехов Советского Союза), если смотреть

сквозь пальцы на то, что предстоят и готовятся на международной арене геополитические перемены огромнейшего масштаба.

К таким переменам относятся не только внушительное продвижение *Советского Союза в Европу* на всем протяжении его западной границы, отграничение Нового Света посредством гибкого оборонительного морского и территориального пояса, который, смотря по потребностям, согласно разъяснению Панамы, расширяется до 500 км, а согласно другим разъяснениям государственного секретаря Хэлла — всего лишь до 5 км. К таким переменам относится и

тот факт, что *Канада*, вероятно, вмешается в войну в Европе, но на другой стороне, как составная часть Америки, защищенная доктриной Монро. Правда, в 1914-1919 гг. *австралийцы* и *новозеландцы* также проявляли ничем не спровоцированную враждебность; однако на сей раз они держатся в стороне, испытывая страх перед Японией — “the Smell of the East in the Northwind”_, и это давление идет так далеко, что опубликованное в газете “Stampa” сообщение из Сингапура может дать повод поверить всерьез, будто в качестве ответного дара японцам предлагались австралийские

гарантии Новой Гвинее и окружающим ее островам. Японцы вновь строят перегон железной дороги протяженностью 580 км для перевозки руды и угля во Внутреннюю Монголию как часть задуманной магистрали, которая должна пойти на Запад через Западный Китай, Памир, Афганистан и Иран. С другой стороны, Япония ищет новые торговые пути в Южную и Центральную Америку, где Мехико самым ординарным способом пытается завладеть спасенным там немецким пароходом, подобно тому как “Ниппон Юзен Кайса” принадлежит от 60 до 200 тыс. *m* немецкого тоннажа, укрытого в

безопасном месте на Дальнем Востоке — хотя Япония уже имеет 5,6 млн. *т* торгового тоннажа. Рукопашная схватка в Малой Европе ослабляет всех ее участников перед предстоящей борьбой, даже если Англия списывает [с.393] со счетов Балтийское море как сферу немецкого господства, подобно тому как весь восточноазиатский прибрежный морской коридор стал частным морем Японии.

При последующем развитии японо-русских отношений на рубеже 1939-1940 гг. в хорошие и лучшие для согласованной политики в Евразии нам не следует забывать, что старты аналогичных попыток 1902, 1909-10,

1917, 1922, 1925 и 1933 гг. препятствовали открыть двери к миру участникам войн 1904-1905 и 1918-1922 гг., между которыми, собственно говоря, с 1937 г. не прекращались пограничные бои. Имеются в виду столкновения у Чжанго фын [сопка Заозерная] [62](#) и Номон-Хан [район Номон-Кан Бурд Обо — 16-20 км восточнее реки Халхин-Гол], о которых громче всех раструбили по миру, из них последнее продолжалось пять месяцев, пока 20 сентября 1939 г. в Чанчунь-мяо не состоялось захватывающее зрелище богослужения по павшим, на котором присутствовали высшие

советские и японские офицеры, что делает честь военно-философской гибкости генерала Потапова [63](#).

Более широкопространственное и геополитическое мышление и меньшее увлечение идеологией позволили бы избежать на всем протяжении “оси” Берлин — Москва — Токио с 1901 по 1940 г. многих, часто в сущности совсем ненужных жертв и трений. Как еще в 1896 г. американцы Брукс Адамс и Мэхен проницательно заметили, насколько широко могла бы способствовать Япония согласию с Россией и Германией, так же писала “New York Times” в 1939 г. по поводу урегулирования пограничного

конфликта у Номон-Хана: “Оно [урегулирование] может стать первым шагом к “новому порядку” между державами на далекую перспективу, причем Советский Союз, Германия и Япония пришли бы к общему соглашению о своих методах и мотивах с потенциальными последствиями невиданного значения и важности для всех других наций” (“which might take Japan far” [64](#)), — написал с прозорливостью недоброжелателя в середине того промежутка времени снова американец.

Но действительно ли Япония и Германия держат в руках транстихоокеанский и

трансатлантический бинокль и используют его, чтобы распознать столь близкую геополитическую выгоду, которую обсуждали со мной еще в 1909 г. такие крупные государственные мужи, как советники японского императора Ито, Кацура, Ямагата, и откровеннее всего граф Гото, а затем учитывал ее, несмотря на Портсмут (США) [65](#), видный инициатор строительства Сибирской железной дороги Витте и которая убедила Радека и Чичерина, — ибо “the Soviets will be realistic and see that their own interest are furthered” [66](#). А они по крайней мере обладают тонким слухом, чтобы понимать данное геополитическое

преимущество и при этом отбросить идеологические предрассудки и при заключении любого пакта с теми, кто достаточно умен, всегда учитывать собственные выгоды. [с.394]

Только партнер должен быть надежным, способным отклонить нежелательные, не сходные по духу идеологические товары. Однако это внутренний вопрос духовной стабильности и духовной структуры народа и того, чему прежде всего доверяют с культурно-политической точки зрения, учитывая производительную и творческую силу, для обновленной Восточной Азии Великая Япония, а для укрепившейся на новых

направлениях Центральной Европы — Великая Германия.

Поэтому та странная война, которая на Западном фронте Центральной Европы направлена в сторону моря, а на Западном фронте Японии и культуры Восточной Азии — в сторону суши, в гораздо большей степени культурно-политическая и хозяйственная, чем военно-политическая схватка, и как чисто военный акт она завершилась с распадом Польши на Западе Евразии и эвакуацией правительства [Чан Кайши] в Ханькоу [67](#) на ее Востоке. В 1940 г. перед всеми тремя евро-азиатскими партнерами стояла прежде всего задача позаботиться о

новой устойчивости лучшей, признанной даже противниками взвешенной организации приобретенных пространств. Ведь каждая победа в конечном счете выражена в пространстве и приз победы — приобретенная территория. Но она должна быть действительно приобретена и стать таковой.

Итак, пространственно-политический прогноз зависит в первую очередь от высокого качества новой пространственно-политической реорганизации и улучшения национально-политической структуры, от способности больших сухопутных

пространственных организмов
Старого Света окончательно
исключить опасность извечных
трений для малопространственного
рассеянного поселения. Но на это
уйдут не годы, а десятилетия. Да и
затем еще сохранятся остаточные
состояния, требующие доброй воли.

Они коренятся не в последнюю
очередь в явлениях роста городов
(урбанизм).

Военно— геополитическая
опасность урбанизации для каждого
вида борьбы за существование и
беспомощность и беззащитность
крупного города в войне ярко
обнаруживаются в судьбе *Варшавы*.
Только с позиции предупреждений,

высказывавшихся на протяжении многих лет журналом “Geopolitik” в этом смысле и вытекающих из пережитого Смирной, Шанхаем, Ханькоу, Чанша, Мадридом и Кантоном, объяснимо правдивое высказывание “Journal de Geneve”:

“Еще сегодня на улицах Варшавы можно видеть следы баррикад, окопов и минных гнезд. Каждая улица — окоп, каждый дом — крепость. Я осмотрел некоторые четырехугольники домов, которые были оборудованы по всем правилам искусства для уличных сражений. Простенки были снабжены выходами, так что защитники из этого целого четырехугольника домов

могли уйти, не пересекая улицы. Кроме того, между собой дома были связаны подземными переходами”__.

[с.395]

Если история действительно имеет смысл, то судьба Варшавы служит предупреждением всем военачальникам: открытые города 68 не следует превращать в укрепленный лагерь, чтобы ограничить ненужные жертвы среди гражданского населения и ужасы войны.

Таких геополитических предостережений делалось, разумеется, задолго вполне достаточно.

В данном случае быстрое

разрушение городского водоснабжения немецкой авиацией сократило, пожалуй, единственно возможным, скорейшим, а поэтому гуманным образом страдания скопившихся в Варшаве двух миллионов жителей; вообще немецкая полевая военно-медицинская служба проявила весомое, достойное похвалы участие в быстром преодолении следов “блицкрига” и в обезвреживании эндемических и эпидемических очагов заболеваний в большей части отошедшей к Советскому Союзу Восточной Польши, над чем, как мы знаем, успешно трудился бесстрашный поборник

геомедицинского мышления профессор Цейц. В рейхе понимали военно-геополитические опасности урбанизации и делали все возможное для того, чтобы противостоять ей. Не удивительно, что Англия с ее на 95 процентов урбанизированным населением (против 60-73 процентов в старой Германской империи) испытывает неприятные чувства при сравнении этих цифр.

Принявшие городской вид ландшафты являются ныне более благоприятными, чем открытая страна, инкубаторами истерии и других духовных и душевных массовых заболеваний, а также пандемических и эндемических

психических эпидемий — главных объектов военной медицины. Напротив, сопротивление на протяжении трех лет *Китая*, обладающего явно недостаточными военно-техническими средствами, было бы невозможным без его стойкого иммунитета против урбанизации при соотношении приблизительно 80 процентов оседлого сельского населения против лишь 20 процентов не привязанного к земле, странствующего; вместе с тем можно обнаружить множество известных с древности городских центров — носителей культуры, например, в *Индии*. Быстрая урбанизация нынешнего советского

пространства (33 процента) — при плотности населения всего лишь 8 человек на кв. км, максимум 70 человек на Украине, — рассматриваемая с геополитической точки зрения, — вероятно, опаснейший признак на самом по себе удовлетворительном, слабозаселенном гигантском пространстве, возросшем с одной седьмой части обитаемой поверхности Земли до одной шестой. Следовательно, в государствах с высокой плотностью населения важно сделать их урбанизированные части устойчивыми к кризисам. В отношении Польши, разумеется, оправдались мудрые слова одного

британского дипломата о том, что “немецкая военная сила проскользнет на Восток как нож сквозь масло”. Но при всей беспорядочности политических связей польское пространство тяготеет все [с.396] же скорее к условиям существования Малой Европы, чем Евразии, в пользу которой оно потеряло в 1939 г. 13 млн. населения [69](#). Как и в 1812 г., все своеобразие восточного русского театра военных действий с военно-геополитической точки зрения проявилось лишь по ту сторону Немана и Вилии [70](#) и Буга. “Гласис” Карпат как целое, конечно, относился в значительной мере к

военно-политическим условиям Малой Европы. В нем новое разграничение разрывает сегодня старую оборонительную линию и военную дорогу Краков — Лемберг (Львов) — Черновцы — Констанца на Буге и Днестре, которая так долго была “закрытым путем” Центральной Европы, перед Трансильванским бастионом и сырыми окопами на Висле, Сане, Днестре и Пруте.

Британский господствующий слой сражается против Центральной Европы за право “каждому [иметь] свое”; а немецкий народ, напротив, — за последнюю возможность жить в условиях

свободы и чести. Сообразно с этим оценивается участие каждого. Европа повсюду несет расходы и оплачивает их прежде всего остатками своей позиции в мире.

На рубеже 1908-1909 гг. в форте Уилльям у Калькутты лорд *Китченер* сказал, когда мы сидели у камина, что если бы Англия и Германия повели между собой войну лишь ради американцев и японцев, а при завершении ее были бы, по меньшей мере в Тихом океане, скорбящими родственниками, то он вряд ли предчувствовал, в какой мере его мудрое высказывание воплотится в реальность. Еще меньше он предвидел, сколь внушительное

положение посредника с
возможностью давления на все три
океана вернули бы России всего лишь
преждевременные родовые схватки
второго издания этой войны 1939 г.,
чтобы она — вопреки всем
предостережениям сэра *Хэлфорда*
Макиндера — снова стала, по
крайней мере для Старого Света,
“географической осью истории”
благодаря ошибочной британской
политике. В отношении Индии
следует лишь признать индийское
самоопределение, оказать поддержку
шаху Ирана, если он захочет снова
взять в свои руки нефтяные
месторождения и Абадан или,
наконец, если Турция предпримет

обманный ход, чтобы направиться маршем на Киркут через Армению для освобождения армян и курдов, перерезать жизненный нерв военного флота властителей Индии [т.е. Англии], поскольку он не может привозить нефть из Америки или же должен быстро убираться из Индонезии почти под дулами японских пушек. Но если Япония достигнет компромисса с Советским Союзом, то русским вовсе не надо будет добиваться на Тихом океане роли третьего радующегося; в таком случае старая дальневосточная островная империя позаботится обо всем, что может в дальнейшем произойти в Китае и Океании в

ущерб обеим империалистическим державам, в свое время ввергнувшим Россию вместе с Турцией в Крымскую войну.

“Политический выигрыш в результате европейской войны 1939 г. может в 1940 г. быть весьма большим для всех способных к самостоятельным действиям владельцев индо-тихоокеанского [с.397] пространства, так что нам самим и другим вовсе не надо воевать, чтобы наполнить наши амбары”. Примерно так думают многие в индо-тихоокеанском пространстве. Один из выразителей этих взглядов раскрывает данные намерения в скромном приложении

к журналу “Oriental Economist”: “Japan prepares for Continental Construction” 71. Приложение содержит всего 40 страниц, но достойно прочтения и обдумывания всеми хорошими и плохими европейцами, которые все еще не выходят за рамки чисто атлантической оценки событий 1939 г., но способны размышлять о конструктивной созидательной политике Старого Света.

Когда был подготовлен к печати октябрьский номер “Oriental Economist”, экономические круги, давшие ему старт, еще надеялись, что *Япония* под первым впечатлением германо-русского соглашения о

складывающемся евразийском блоке [72](#) отойдет от старых колониальных держав и их восточноамериканских сторонников. Под знаком таких надежд был напечатан “Обзор международного положения” с достойной благодарности короткой историей “Инцидентов”, которые вновь раскрыли геополитическую несовместимость путей к конечным целям западных держав и Японии.

Восстановление треугольника Берлин — Рим — Токио 27 сентября 1940 г. [73](#) проложило ясную дорогу на более высоком уровне.

К тому же если бы удалось смело согнутую дугу треугольника Берлин — Рим — Токио привести к

обоюдной выгоде в соответствии с солидным массивом пространства и изобилием сырья в Советском Союзе и таким образом придать этому треугольнику неприступную глубину “хинтерланда” и устойчивость, тогда все старания “третьих держав” (как мило говорит “Oriental Economist”) были бы исчерпаны, что уже прогнозировали Гомер Ли и сэр Хэлфорд Макиндер; Евразия и западная часть Тихого океана могли бы освободиться от англосаксонской опеки и достичь действительного самоопределения, к чему в то время самостоятельно стремились также Индия и, возможно, сопредельный с ней мир.

Такое рассуждение должно было раскрывать всем участникам их естественные, геополитические точки зрения. Затемнение путей, ведущих к этому, было главной целью британской и французской пропаганды в области культуры и экономики. По той причине, что последним завершающим итогом враждебной Европе насильственной политики ее западных держав могло также стать их самоизгнание из Азии.

Но при такой перспективе допускалось в широком плане взаимопонимание между Японией и даже Китаем в рамках “нового порядка” в Восточной Азии, Россией

как азиатской державой, младоиндийцами с их евро-американскими склонностями и мечтами о самоопределении, арабами, исламом с желательными решениями азиатских вопросов в качестве предварительного этапа к последующему согласованию их совместного натиска, направленного против хозяев “золотой бахромы на нищенском рубище Азии”. Ведь об этом контрасте знал не только лорд [с.398] Керзон, он был также особенно очевиден жителям *Азии* “в нищенском рубище”. Не зря же многие годы смотрят они со скудных высокогорий на лежащие внизу плодородные земли, беззащитные

ходят под пальмами лишь с легкой повязкой на бедрах и наблюдают, как их богатства — алмазы, пряности, олово, хлопок — к чужой выгоде уплывают в другие части Света. Все это должны были бы признать владельцы богатейших частей Азии, *прежде чем* начинать корыстную войну против Havenots — неимущих, очень плохо замаскированную, как большинство всех империалистических войн, превентивную наступательную войну, и ее вели против бедных народов Земли великие империи, с пиратского облика которых Молотов сорвал добродетельные маски [74](#).

Население *индо-тихоокеанского*

пространства по-иному относится ко
второй, открыто
империалистической войне
грабительских держав, чем к первой,
как войне разбойников, в которой
народы Азии часто неосознанно
действовали против собственных
интересов. Осознание же
действительных целей войны не
позволит, как в 1914-1919 гг.,
набросить завесу или заставить
государства с малым пространством
выступать в роли псевдонеутралов.
Это осознание благодаря трем
великим державам разливается
широким потоком по Земле, даже
если оно будет с далеко идущими
целями фальсифицироваться в США.

В Москве, Риме и Токио знают, как, используя печать и радио, найти путь к еще недостаточно развитому общественному мнению индо-тихоокеанского пространства и миллиарду его населения, и по меньшей мере добиваются того, что оно не служит ни пассивно, ни тем более активно своим эксплуататорам. Но такое развитие сдерживает также военную помощь европейским театрам военных действий, которая могла бы быть направлена им, особенно из заселенных белыми доминионов в индо-тихоокеанском пространстве, и не только в виде произведенных на их территории и в США смертоносных средств наряду с

елейными клятвами патрона. Мир цветных видит это хотя бы теперь и потому задумывается.

То, что делает пока еще непонятными для западных держав Европы процессы расширения Германией и Японией своих “жизненных пространств” по сравнению с такими же процессами в находящейся в центре [Британской] империи, — так это мессианское мышление, которое пронизывает эти процессы, и пространственное единство, в котором оно излучается, в противовес тому пространственно-политически чисто внешнему рассеянному владению, что в высшей степени характерно для Британской

империи и в меньшей степени для основанной преимущественно в Еврафрике Французской империи.

Напротив, Итальянскую империю, как полагают, легче сдерживать, несмотря на провал санкций [75](#), с ней можно бороться более знакомыми средствами, так как прежде всего бросается в глаза разобщенность разделенных Средиземным морем ее [с.399] составных частей, отсутствие между Альпами и восточным мысом Африки цементирующей воедино идеи, которая толкает к связи через Средиземное море по воздуху, воде и в конечном счете также по суше или же по меньшей мере к безопасности

сообщения (Суэцкий канал и Трансафриканская авиалиния).

При таком положении очень важно использовать и закрепить любой симптом, делающий более определенными сведения о пространственно-политических представлениях наряду с идеологическими, которые создавала Япония своей восточноазиатской миссией.

Важный мотив звучит в журнале “Cultural Nippon” (“Японская культура”) [vi](#), где Ямасаки-Сейдзун весьма открыто высказывается на тему “The New East Asia and Capitalism” [76](#), ибо выдвинутая там теория строительства единства в

Восточной Азии (Тоакюдотай), основанная на сотрудничестве, находится в непримиримом противоречии с эксплуататорскими методами крупных демоплутократий; в то же время представляется вполне возможным довольно гибкое сосуществование с другими крупными или малыми азиатскими и евроазиатскими державами, включая Советский Союз.

Возможно, многих удивит в этом обзоре резкое осуждение применяемых Японией методов откровенной эксплуатации сырьевых ресурсов Китая, злоупотребления дешевой рабочей силой и монополистическим образом

действий на китайском внутреннем рынке и отчетливое признание неизбежно выросшей на этой основе длительной, смертельно опасной для любой совместной работы озлобленности полмиллиарда китайцев: распространенные аргументы, с помощью которых демоплутократий весьма активно работают против Японии.

“Национализм не игрушка капитализма, как об этом трубят марксизм. Напротив, национализм показывает большую потребность в реформировании капитализма”. По этим причинам Япония верит, что нельзя чувствовать себя в безопасности, если соседний Китай

будет строиться как орудие дичайшего крупного капитализма, насаждаемого плутократическими закулисными заправилками, как в сущности не могла бы существовать в Центральной Европе в безопасности Германия, покуда плутократические западные державы во всех малых, лишь кажущихся самостоятельными национальных государствах — наследниках “европейского промежуточного пояса” в любое время плутократическим способом могли готовить против Германии, как и против России, базы нападения и мину замедленного действия.

Но такую проницательность невероятно трудно пробудить у

Китая, ибо нужно преодолеть ожесточение последних трех лет и вызвать повсюду потребность в основательном обновлении образа мыслей, выстроить для Восточной Азии “новый тип национализма”, как это попытались сделать в Европе фашизм и национал-социализм. “Империалистическое мародерство, [с.400] повсюду в мире не отличающееся существенно от грабежа, — это дело прошлого”, — думает японский автор. Но как раз за сохранение этого основного властного принципа государств — морских разбойников идет война западных держав против обновляющейся Европы; причем

выявляется, что их устаревшие методы приведут к провалу, если Япония, не совершая отрыв от капиталистических методов (в рамках которых во время революции Мейдзи [77](#) совершалось ее обновление), перейдет к методам немецкого и итальянского обновления вполне родственным самоосвобождением от старого колониального стиля. Сможет ли правительство Ван Цзинвэя [78](#) сделать понятным в Китае подобное японское преобразование?

Такое благоразумие начинает пробуждаться в широких кругах Японии, и об этом возвестили буревестники вроде того, что

появился в “Cultural Nippon”. Правда, отдельные буревестники помогают так же мало очищающей воздух весенней грозе, как одна ласточка приходу весны. Но налицо уже много признаков, позволяющих предположить, что Япония склонна навсегда дистанцироваться от британско-французских плутократических эксплуататорских методов прежнего колониального стиля, сколь бы соблазнительными они ни казались многим японцам на политико-географических, размалеванных старыми красками картах мира. Рим рос по-иному, чем Карфаген, но держался лучше и даже колебался в выборе между

обдуманном имперским мышлением Сципиона Старшего [79](#) и Юлия Цезаря, пока не был найден компромисс Октавиана [80](#).

Обе восточноазиатские державы древней культуры все еще не уяснили себе, на каких путях они должны искать иные решения, чем те, к каким прибегали прежние колониальные державы в своих попытках ассимилировать пространства, даже желают ли они попытаться это сделать больше на континентальном или на океанском основных направлениях. Доказательством этого служит основание в Японии нового *Тихоокеанского института*, который,

разумеется, должен больше работать прежде всего в направлении Южного моря, Nan-Yo и стремится подготовить там более справедливое распределение доступа к земельным и сырьевым богатствам.

Сие, естественно, страшит современных владельцев, всех “Haves” [81](#).

Создание такого института — предвестник направления, которое по меньшей мере неизбежно подходит для *западной части Тихого океана* и венца ее островов, чтобы вырвать из рук умно придуманного Соединенными Штатами Америки инструмента в виде Тихоокеанского института и его журнала “Pacific

Affairs”, журналов, как “Amerasia” и другие [82](#), по крайней мере их понятие Восточной Азии как первой ступени восточноазиатской доктрины самоопределения, которая должна была бы точно так же исключить Америку по меньшей мере из Старого Света, как она сама вытесняет Старый Свет из судьбы и экономической структуры Нового Света. [с.401]

И такое геополитически неизбежное развитие толкает Японию, хочет этого или нет ее нынешнее руководство, на сторону поборников евро-азиатской идеи самоопределения против вечного вмешательства западных окраинных

держав Европы и их
трансатлантических дочерних
образований.

27 сентября 1940 г. закрепило
прорыв в таком представлении.

Сопутствующее обострение
классовой борьбы ограбленных или
доведенных до нищеты народов
против богатых, сытых имеет свою
конечную причину в
самонадеянности “имущих” (Haves)
по отношению к “неимущим”
(Havenots), которое впервые через
верхнюю палату отразило этот
антагонизм словами, быстро
нашедшими доступ к
эксплуататорским кругам крупных
мировых финансовых центров. Со

своей стороны уже “Japan Times” предупреждает не только европейцев, но и *американцев*: “Лучше оставайтесь в Америке. Старая Япония с неограниченной возможностью ушла в прошлое”. (А также старая Азия, местами даже и старая Африка в процессе исчезновения! Таково знамение.) “Каждый год новоприбывший находит, что идет борьба все острее за соперничество и все суровее за возможность выигрыша”. Это как раз означает: “Восточная Азия — для восточных азиатов” или “Азия для азиатов” даже там, где, как в *индийском пространстве*, так долго казалось, что есть легкие пути к

уважению, более свободному образу жизни, экономическому подъему.

Было бы заблуждением полагать, что перемены во всемирно-политической точке зрения в таких пространствах, как *Индия*, на Востоке могли бы происходить почти с такой же военно-политической молниеносной быстротой, как кампания в Польше осенью 1939 г. Даже там, где заблуждения припирают к стенке на столь близких расстояниях, как от Кабула до индийской северо-западной границы, они разрешались с 1915 по 1919 г., пока не наступила такая перемена в результате третьей Афганской войны

83. Конечно, организация

Индийского Национального Конгресса с тех пор стала мощно развитой, конечно, с тех пор сложился исламский союз Саадабада 84 между Ираном и проливами.

Однако не следует забывать, что многолетние пропагандистско-технические британские военные приготовления оказали влияние на радикальных руководителей *индийского* общественного мнения, а также *Египта* и *Ирака*, создав у них абсолютно ложную картину держав “оси” и еще более ложное представление о бескорыстии истинных поборников демократии, даже если они наблюдали своими глазами противоположное. Иными

словами, они легче готовы к сотрудничеству с Москвой, чем с Берлином, Римом или Токио, хотя этот треугольник в силу геополитической необходимости должен был бы автоматически оказать мощную поддержку своей упряжкой на запасном пути индийского самоопределения [85](#). Но такое понимание должно приблизить к ней Джавахарлала Неру, Боса [86](#) и их последователей только окольным путем через Москву; а Ганди, между прочим, заработает для себя право — благодаря препятствиям, [с.402] которые он ставит Конгрессу, несмотря на “пассивное сопротивление и неповиновение” [87](#)

, на британское имперское гражданство за спасение “british raj” — британского правления от многих потрясений, в которых без этого содействия Ганди иной вице-король не знал бы, что делать дальше; начиная с лорда Ирвина [88](#), который сегодня, как Галифакс, оказался в стесненных обстоятельствах, защищая странную этическую практику политического убийства из-за угла, которую он как вице-король Индии должен был ради своей хорошей репутации отклонить.

Но не только в немецких и японских коридорах переговоров, но и в индийских джунглях переговоров — на родине [бенгальских] тигров —

очевидна эта примета
поднимающегося страстного гнева
народа, все более и более угрожая
некоторым, до сих пор все еще
открытым путям к компромиссам и
переговорам. Между тем “год зайца”
восточноазиатского цикла переходит
в 1940 год как “год дракона”. “Годы
дракона” легко дают созреть
драконовым посевам.

1941 год, согласно
дальневосточному знаку зодиака, —
“год змеи”; затем 1942 год — “год
лошади”, которая могла бы снова
вытащить на сухое место многое из
того, что сегодня еще стоит на
зыбкой почве.

Чем дальше от воды почва на

суше, тем она лучше и безопаснее.
[с.403]

ПРИМЕЧАНИЯ

(c.390) *R.L. Buell*. Poland. Key to Europe. New York — London. 1939; “Political and Strategie Outlines of the United Kingdom: An Outline”. London — New York — Toronto. 1939.

(c.392) “Zeitschrift für Weltforstwirtschaft”. Bd VI. H. 7.

(c.392) “Petermanns Mitteilungen”. № 10. 1939.

(c.394) “Manchester Guardian”. № 29033.

(c.394) “Journal de Geneve”. 17.X.1939.

(c.400) “Cultural Nippon”. Vol. VII. N 2/39. P. 1-14.

О чести Гитлера можно говорить лишь в порядке иронии. [с.414]

Колониальные владения Германии в начале XX в. охватывали территорию в 2,9 млн. кв. км с населением 12,3 млн. человек. Это Того и Камерун, Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка (Танганьика), Земля имени Вильгельма, архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова, Самоа, Палау, часть острова Новая Гвинея, Цзяочжоу, Каролинские, Маршалловы, Марианские острова. Иными словами, Германия в это время была уже не только торговым конкурентом Англии как самой крупной колониальной державы

мира, но и ее соперником в борьбе за раздел еще свободных колониальных территорий.

О том, что стало с колониями Германии в результате ее поражения в первой мировой войне и подписания Версальского мира см. [примеч. 10. С. 13.](#) [с.414]

“Sine ira et studio, quorum causas proscue habeo” (лат.) (Тацит. Анналы. Т. 1.). [с.414]

Гау — основная единица административно-территориального деления “Третьего рейха” с 1933 по 1945 г. [с.414]

Дата подписания Мюнхенского соглашения о расчленении Чехословакии. [с.414]

Речь идет, видимо, об Эдуарде Даладье (1884-1970) — французском премьер-министре, проводившем политику “умиротворения” фашистской Германии. [с.414]

В декабре 1938 г., во время визита Риббентропа в Париж, была подписана франко-германская декларация, объявлявшая “окончательными” границы между двумя странами. [с.414]

Индийцы ввозились в колонии под британским контролем в качестве дешевой рабочей силы. [с.414]

Т.е. бывшие германские колонии. См. [примеч. 10. С. 13.](#) [с.414]

Имеется в виду богатый медной рудой и редкоземельными металлами район Восточной и Южной Африки. [с.414]

В 1890 г. Германия решила отдать Англии Занзибар, Уганду и Виту, где незадолго до этого был объявлен германский протекторат. За эти уступки Германия получила Гельголанд — очень важный в стратегическом отношении остров у немецких берегов в Северном море. Считалось, что Германия исходила из [с.414] политики дальнего прицела — налаживания союза с Великобританией (см.: *Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. Т. III. М., 1941). [с.415]

Имеется в виду зондаж попытки сговора между Великобританией и Германией о переделе колоний. Подобная мысль возникала не раз, в частности канцлер Бюлов предлагал еще в 1898 г. поделить португальские колонии в Африке. Был даже заключен 30 августа 1898 г. соответствующий договор, но он не был проведен в жизнь. [с.415]

См. [примеч. 35. С. 414](#). [с.415]

“Дважды ошибаться на войне нельзя!” (лат.). [с.415]

Единое Польское феодальное государство в бассейне рек Одра, Висла и Варта сложилось к XIV в. Наличие общего врага — государства Тевтонского ордена — привело к

династической унии 1385 г. между Польшей и Литвой. В 1410 г. в Грюнвальдской битве соединенными польско-литовско-русскими силами Тевтонский орден был разгромлен. По Люблинской унии 1569 г. между Польшей и Литвой образовалось двуединое государство — Речь Посполита, которое на протяжении всей своей истории раздиралось внутренними противоречиями. В 1772 г. произошел первый раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией. В 1793 г. Пруссия и Россия осуществили второй раздел Речи Посполитой, на который польский народ ответил восстанием под руководством Т.

Костюшко. После поражения восстания произошел третий раздел (1795 г.) между Австрией, Пруссией и Россией, и Польша перестала существовать как независимое государство. [с.415]

Ошибиться дважды — значит погибнуть (*лат.*).

Имеется в виду речь В.М. Молотова по радио 17 сентября 1939 г. [с.415]

Людовик IX Святой (1214-1270) — французский король с 1226 г. Возглавил седьмой (1248) и восьмой (1270) крестовые походы. [с.415]

Компания “Ройял Датч”, основанная в 1890 г. в Голландии, занималась эксплуатацией

месторождений в Индонезии. В 1907 г. слилась с английской компанией “Шелл”, основанной в 1898 г. Перед второй мировой войной владела 10% мировой добычи нефти. [с.415]

Мацуока Иосуке (1880-1946) — японский дипломат, один из главных японских военных преступников; Номура Кичисабуро — японский посол в США с февраля 1941 г. [с.415]

Осуцкий Стефан — чехословацкий дипломат, участник многих международных конференций, представитель Чехословакии в Лиге Наций, противник мюнхенского сговора. [с.415]

Уинстон Черчилль писал в своих военных мемуарах: “Мы видели великолепный образец современного блицкрига: тесное взаимодействие на поле боя армии и авиации; усиленная бомбардировка коммуникаций и городов, представлявших сколь-нибудь заманчивую цель; вооружение активной пятой колонны; широкое использование шпионов и парашютистов и главное — непреодолимый натиск огромных масс танков. Поляки были не последними, на чью долю выпало это тяжелое испытание” (*Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. М., 1955. С. 405-406*). [с.415]

Смэтс Ян Христиан (1870-1950)

— премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919-1924 и 1939-1948 гг., британский фельдмаршал с 1941 г., как считается, соавтор устава Лиги Наций (выдвинул идею мандатной системы). [с.415]

Герцог Джеймс Барри Мюнник (1866-1942) — лидер Национальной партии, возглавлял правительство Южно-Африканского Союза в 1924-1939 гг., [с.415] выступал за нейтралитет Южной Африки во второй мировой войне, не был поддержан парламентом, в 1940 г. отошел от политической жизни. Был известен своими симпатиями к

гитлеровскому режиму (в 1935 г. он даже выступал с предложением превратить Либерию в подмандатную территорию и передать ее под немецкое управление). [с.416]

Термин “новый порядок” был впервые применен японскими геополитиками в отношении перераспределения влияния в Тихоокеанском регионе. [с.416]

Хэлл Кордуэлл (1871-1955) — политический деятель и дипломат США; в 1933-1944 гг. — государственный секретарь США. [с.416]

Запах с Востока в ветре с Севера (*англ.*). [с.416]

62 Имеется в виду столкновение в районе озера Хасан у границы с Китаем и Кореей в июле — августе 1938 г., вызванное вторжением японских войск на территорию СССР и захватом ими сопок Безымянной и Заозерной. [с.416]

63 Хаусхофер обращает внимание на второстепенные детали. Важнее то, что 16 сентября 1939 г. в результате переговоров между В.М. Молотовым и японским послом в Москве Сигэнори Того было заключено соглашение по поводу конфликта на монголо-маньчжурской границе. [с.416]

64 “Что может далеко завести Японию” (*англ.*). [с.416]

65 Имеется в виду

Портсмутский мирный договор 1905 г., который был подписан в Портсмуте (США) С.Ю. Витте и Р.Р. Розеном со стороны России и Комуры и Такахирой — со стороны Японии; завершил русско-японскую войну 1904-1905 гг. Портсмутский мирный договор ликвидирован в результате разгрома Японии в 1945 г. [с.416]

66 “Советы будут реалистами и

позаботятся о том, чтобы соблюдались их собственные интересы” (англ.). Цит. по: “Transpacific”. Tokio, 1939. Bd XXVII. N 39. Nomonhan Settlement. [с.416]

67 Город в Юго-Восточном

Китае, куда было эвакуировано на первом этапе правительство Чан Кайши во время японо-китайской войны. [с.416]

68 Открытый город — в международном праве это город, который одним из воюющих государств объявлен незащищенным, необороняемым в целях его сохранения и потому не может быть зоной военных действий. Правовое положение “открытого города” отражено в Гаагской конвенции (1907), а также в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954). В годы второй мировой войны открытыми городами были

объявлены Париж и Рим.

В свете исторического опыта не трудно понять, что, рассуждая о гуманности, Хаусхофер в сущности манипулирует понятием “открытый город”. Напомним о варварских действиях фашистской Германии и вандализме на оккупированных ею территориях во время второй мировой войны.

69 Имеется в виду распад Польского государства в результате агрессии гитлеровской Германии в сентябре 1939 г. [с.416]

70 Виляя (*лит.* Нярис) — река в Белоруссии и Литве, правый приток Немана. [с.416]

71 “Япония готовится к

континентальному строительству”
(англ.). [с.416]

72 Автор имеет в виду советско-германский пакт о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 г. Однако это совершенно искусственная трактовка соглашения, не имеющая ничего общего с действительностью. [с.416]

73 Имеется в виду трехсторонний пакт, подписанный в Берлине 27 сентября 1940 г. Германией, Италией и Японией. Он зафиксировал претензии трех [с.416] агрессивных государств на мировое господство, на передел мира и был еще одной ступенью в подготовке Гитлером войны против Советского

Союза. [с.417]

74 Вероятно, Хаусхофер имел в виду сообщение ТАСС от 14 декабря 1939 г., опубликованное в связи с исключением СССР из Лиги Наций. В сообщении говорилось, в частности: “Англия и Франция держат в своем подчинении давно уже захваченные ими громадные территории в Азии, в Африке. Они совсем недавно решительно отклонили мирные предложения Германии, клонившиеся к быстрейшему окончанию войны... правящие круги Англии и Франции лишили себя и морального и формального права говорить о чьей-либо агрессии...” (“Известия”.

16.XII.1939 г.). [с.417]

75 5 декабря 1934 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию с целью реализовать план Муссолини об образовании “большой” колонии, которая включала бы Эфиопию, Эритрею и Сомали. Лига Наций применила для пресечения этой агрессии “санкции”, не сыгравшие своей роли. [с.417]

76 “Новая Восточная Азия и капитализм” (*англ.*). [с.417]

77 Революция 1867-1868 гг. в Японии, в результате которой к власти пришел буржуазно-помещичий блок. [с.417]

78 Ван Цзинвэй (1881-1944) — китайский политический деятель,

один из лидеров Гоминьдана. Открыто перешел на сторону Японии и возглавил в 1940 г. марионеточное правительство в Нанкине на оккупированной японцами территории. [с.417]

79 Сципион Африканский Старший, Публий Корнелий (235-183 до н.э.) — победитель Ганнибала при Заме в 202 г. до н.э. [с.417]

80 Внучатый племянник Юлия Цезаря, с 27 по 14 г. до н.э. — император Цезарь Август. Его форма правления, формально сохранявшая республиканские учреждения, получила название принципата. Во внешней политике деятельность Цезаря Августа была направлена на

укрепление могущества Рима при отказе от новых завоеваний. [с.417]

81 “Имущие” (*англ.*). [с.417]

82 Здесь Хаусхофер явно идет на преувеличения ради преследуемых им политических целей. [с.417]

83 См. [с. 220-221](#). [с.417]

84 Речь идет о Саадабадском пакте 1937 г., подписанном сроком на пять лет между Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном в Саадабадском дворце под Тегераном. Содержал обязательства сторон уважать неприкосновенность общих границ, не совершать актов агрессии, не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Хаусхофер недоволен этим пактом, потому что его

заклучению способствовала Англия, усилившая тем самым свое влияние на Ближнем Востоке. С началом второй мировой войны пакт утратил свою силу. [с.417]

85 Определенные национальные силы в Индии неверно понимали природу фашизма, надеясь с помощью держав “оси” освободиться от колониализма. Такая позиция была характерна для группы Субхаш Чандра Боса (см. ниже). Индийский Национальный Конгресс, лидером и теоретиком которого в вопросах внешней политики был Джавахарлал Неру, занимал четкую антифашистскую позицию. [с.417]

86 Бос Субхас Чандра (1897-

1945) — видный деятель национально-освободительного движения Индии. В конце 1938 г. выдвинул так называемый План действий, намечавший предъявление английскому правительству ультиматума о предоставлении Индии полной независимости. После начала второй мировой [с.417] войны покинул Индию и создал в 1941 г при содействии оккупировавших Бирму японцев “правительство свободной Индии” и в 1942 г Индийскую национальную армию (ИНА) из взятых в плен японцами индийских солдат, поставив целью свержение английского господства в Индии с помощью японских войск. В августе

1945 г. погиб в авиационной катастрофе. [с.418]

87 Объективности ради нужно отметить, что Ганди при всей его склонности к частым компромиссам с всесильными колониальными хозяевами был все же непримиримым противником колониализма, непреклонным в достижении конечной цели — национальной независимости Индии. [с.418]

88 См. [примеч. 31. С. 413.](#)
[с.418]

Послесловие

Обострение интереса к тому, что можно отнести к понятию геополитики как научной дисциплины или суммы представлений, помогающих ориентироваться в политической сфере, объяснимо, более того, даже закономерно. Изменения, происходившие и накапливавшиеся на протяжении XX в. и особенно к его исходу в области международных и межгосударственных отношений, ломка и перестройка самой их структуры, повлекшие за собой глубокие сдвиги в расстановке сил на

мировой арене, придали совершенно новый облик миру в целом. Это, естественно, побуждает всех, кому дороги судьбы нашей планеты, а не только специалистов и политиков-практиков задуматься над происходящим, над тем, что ожидает мир в будущем, пересмотреть прежние взгляды на глобальные проблемы мирового развития. Особую актуальность это имеет для России, история которой в XX в. подверглась столь кардинальным трансформациям.

При таком пересмотре мысль неизбежно обращается к поиску и выявлению того, что представляется постоянными составляющими в

обстановке нынешних перемен, что, бесспорно, оказывало влияние на формирование обществ, государств, их взаимоотношений в прошлом, сохраняет свои качества в настоящем и, видимо, сохранит в будущем. К таким составляющим следует отнести положение народов, обществ, государств на Земле, сформировавшееся в процессе длительной эволюции и запечатленное на географических картах. Отсюда первый и, пожалуй, наиболее сильный побудительный стимул обращения к геополитике.

Сам термин “геополитика” был введен в научный оборот в 1916 г. шведским ученым Рудольфом

Челленом, определившим ее как науку о государстве, олицетворяющем собой “географический организм в пространстве”. Челлен не претендовал на роль первооткрывателя, считая своим учителем немецкого ученого Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1897 г. книгу “Политическая география”, где впервые была выдвинута мысль о государстве как живом организме, укорененном в почве. Ранее, в 1882 г., в Штутгарте вышел его фундаментальный труд “Антропогеография”, в котором он сформулировал свои основные идеи о связи эволюции народов и

демографии с географическими условиями жизни, о влиянии природной среды на культурное и политическое становление народов.

Возникшая в качестве научного направления на европейской почве геополитика впервые заявила о себе в Германии, где была создана наиболее сильная школа геополитики. Ее ярким представителем является Карл Хаусхофер, переводы четырех трудов которого, публикуемые впервые, — “Границы в их [с.419] географическом и политическом значении” (1927), “Панидеи в геополитике” (1931), “Статус-кво и обновление мира” (1939) и

“Континентальный блок” (1941) — образуют предлагаемую книгу. Эти работы помогут читателю создать весьма рельефное представление не только о взглядах их автора и школы, к которой он принадлежал, но и о самой геополитике в широком смысле слова. В историю этого направления Карл Хаусхофер вошел как ученый высокой профессиональной квалификации и широкой эрудиции. Он глубоко изучил труды своих соотечественников, а также англичанина Макиндера, шведа Челлена, француза Видаля де ла Блаша, американца Мэхена и других геополитиков. Он не обошел своим

вниманием и русских ученых, прежде всего сочинения выдающегося публициста и социолога Н.Я. Данилевского, главный труд которого “Россия и Европа” был опубликован в Германии в немецком переводе. Следует напомнить, что российские ученые создали собственную школу геополитики, выдвинув доктрину евразийства. К этому надо добавить широкий круг научных дисциплин, к которым Хаусхофер прибегает при изложении результатов своих исследований помимо географии, — историю, антропологию, биологию, право, военную теорию...

Эрудированность Хаусхофера,

его явная склонность к теоретическим обобщениям отнюдь не дают оснований утверждать, что мы имеем дело с кабинетным ученым. Да и может ли вообще настоящий географ, сочетающий разносторонние географические познания с политической деятельностью, замкнуться в башне из слоновой кости? К тому же весьма непростой жизненный путь Хаусхофера наделил его богатым практическим опытом.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 г. в семье профессора. Однако вопреки семейной традиции он решил стать профессиональным военным, более

двадцати лет прослужил в армии, участвовал в сражениях первой мировой войны и вышел в отставку в звании генерал-майора. В 1908-1910 гг. занимал пост германского военного атташе в Японии, что позволило ему вплотную соприкоснуться с проблемами Дальнего Востока и Тихого океана и обратиться к науке. Его первое исследование “Дай Нихон” (“Великая Япония”) было посвящено геополитике Японии и издано в Мюнхене в 1913 г. В 1921 г. Хаусхофер стал профессором географии Мюнхенского университета, где основал Институт геополитики.

В литературе встречаются утверждения, что Хаусхофер был “влиятельным” советником Гитлера. Более того, ему приписывают чуть ли не участие в составлении “Майн Кампф”. Однако реальные факты свидетельствуют о неоднозначности отношений Хаусхофера с нацистским режимом. Действительно, Хаусхофер был лично знаком с Гитлером, такое знакомство состоялось при посредничестве ученика Хаусхофера — Рудольфа Гесса, ставшего впоследствии заместителем фюрера по нацистской партии. Именно Гесс довел до сведения Гитлера идеи Хаусхофера. Ряд его идей, таких, как выход народов и государств на

“естественные” границы, целесообразность и даже необходимость территориальных [с.420] уступок в пользу “ущемленных” в пространстве народов и государств, — на которые, несомненно, обратит внимание читатель публикуемых сочинений Хаусхофера, — был созвучен экспансионистским настроениям нацистских заправил. И все же с достаточным на то основанием можно говорить о том, что Хаусхофер оказал сильное влияние на взгляды Гитлера, а не наоборот, и это подтверждают, например, “Застольные разговоры Гитлера”.

Было бы, однако, если не

антинаучным, то по меньшей мере несправедливым видеть Хаусхофера в роли безусловного адепта правившего в те годы в Германии режима. Истоки его концепций, как уже отмечалось, следует искать в идеях Ратцеля о государстве как живом организме, которое рождается, растет и умирает подобно живому существу. Отдает он дань и взглядам немецкого философа Освальда Шпенглера, который, следуя этой канве, разбивал историю на ряд независимых “культур”, особых сверхорганизмов, имеющих индивидуальную судьбу и переживающих периоды возникновения, расцвета и умирания.

Из мемуаров гитлеровского разведчика Вальтера Шелленберга известно, что Хаусхофер сотрудничал с Рихардом Зорге_, а из мемуаров австрийского писателя Стефана Цвейга, которого случай свел с Хаусхофером на пароходе, следовавшем в Токио, мы узнаем, что эта встреча вылилась в дружбу. Хаусхофер порастил его эрудицией, умением глубоко мыслить и убедительно излагать свои наблюдения, что импонировало Цвейгу как психологу-импрессионисту, автору ряда проникновенных биографий выдающихся личностей. Цвейг понимал, что гитлеровский режим

попытается обласкать Хаусхофера, и, отыскивая причину этого, прозорливо усматривал ее в тех возможностях, какие предоставляла соответствующим образом скорректированная геополитика, дабы прикрыть “философским покровом” стремление к откровенной агрессии.

Действительно, воззрения Хаусхофера и статус его семьи не во всем совмещались с порядками нацистского рейха. “Прежде всего, — отмечает Стефан Цвейг, — жена Хаусхофера не принадлежала к чисто арийской расе, и его сыновья... никоим образом не соответствовали Нюрнбергским законам о

гражданстве и расе”_. Известно, что сын Хаусхофера, Альбрехт, был близок к антигитлеровской оппозиции, участвовавшей в заговоре 20 июля 1944 г., и был арестован. Находясь в тюрьме, написал “Моабитские сонеты”, которые считаются одним из образцов немецкой литературы антифашистского Сопротивления. Накануне капитуляции Германии, в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г., Альбрехт был расстрелян гестапо_.
[с.421]

Что касается самого Карла Хаусхофера, то он не разделял безоговорочно воззрений правящей верхушки. По мнению Цвейга,

читавшего книги своего друга, исходные намерения немецкого геополитика “нацеливались на сближение наций” —, т.е. расходились по существу с планами нацистских идеологов. Поэтому Цвейг категорически отвергает изображение Хаусхофера как некоего демонического “серого кардинала”, который, отойдя на второй план, замышляет самые страшные планы и нашептывает их фюреру.

Представление об авторе публикуемых трудов не будет полным, если не упомянуть о его личных нестыковках с государственным режимом. Первая нестыковка относится к 10 мая 1941

г., когда ближайший сподвижник Гитлера — Рудольф Гесс, пытавшийся как-то нейтрализовать роль Англии в войне против Советского Союза, на истребителе Me-110 совершил перелет в Шотландию и приземлился на парашюте около поместья своего друга — герцога Гамильтона. Изложение мотивов, побудивших Гесса к этому полету, увело бы нас в сторону. Поэтому ограничимся упоминанием некоторых деталей, связывающих полет Гесса с именем Хаусхофера. Так, из воспоминаний В. Шелленберга известно, что Хаусхофер привлекался к расследованию в связи с полетом

Гесса. На Хаусхофера пало подозрение в том, что он якобы вел какие-то “предварительные переговоры” в Швейцарии. Это подозрение не подтвердилось.

Хаусхофер не просто разделял мысли Бисмарка о недопустимости для Германии войны на два фронта — на Западе и на Востоке. Он был сторонником теории британского геополитика Макиндера, выступившего в 1904 г. с докладом “Географическая ось истории”, в котором развивал концепцию о Евразийском континенте как наиболее благоприятном географическом плацдарме для контроля над всем миром.

Отталкиваясь от этой теории, Хаусхофер выступал за блок Германия — Россия — Япония, был противником вторжения в Советский Союз, предсказывал, что германская армия потерпит поражение, “если попытается проглотить обширные земли России”. Как отмечают американские авторы Палмер и Перкинс, за такую “крамолу” Хаусхофер угодил в концлагерь Дахау .

После освобождения в 1945 г., когда война уже окончилась, Хаусхофер возвратился в Мюнхен. Однако пережитое надломило его моральные силы, и 13 марта 1946 г. он вместе с женой Мартой покончил

жизнь самоубийством. Таким образом, Хаусхофер повторил акт, совершенный его другом С. Цвейгом в 1942 г. в Бразилии, куда он эмигрировал, спасаясь от нацистских преследований. [с.422]

Взгляды Карла Хаусхофера, иных геополитиков как немецкой, так и других школ могут показаться в свете изменений, происшедших в мире, и научно-технических достижений — создания ядерного и термоядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет и искусственных спутников Земли — устаревшими и неприменимыми в новых условиях. И с рядом

концепций, выдвигавшихся в прошлом, следует распрощаться. Не следует, однако, забывать, что геополитика зародилась как динамичная дисциплина, творцы и сторонники которой весьма гибко приспособляли свои взгляды к менявшимся условиям. Геополитика как таковая не изжила себя. Более того, процессы развития общества в XX в. раздвинули ее рамки, придав ей новые измерения, и это делает необходимым в наше время иметь ясное представление об ее основах. Тем более к этому призывает само положение России, которая может сыграть роль крупного и полезного моста между Европой и Азией.

Первым его звеном может явиться укрепление и развитие сообщества новых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Чрезвычайный и полномочный
посол в отставке

доктор исторических наук

И.Г. Усачев

ПРИМЕЧАНИЯ

(с.421) См.: “Застольные разговоры Гитлера”. Смоленск, 1993. С. 36-41.

(с.421) *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 161.

(с.421) Нюрнбергские законы о гражданстве и расе (законы гетто) — принятые рейхстагом 15 сентября 1935 г. два закона, определявшие статус евреев в “Третьем рейхе” с целью ограничения их прав в политической и общественной жизни Германии.

(с.421) *Shirer W.L.* The Rise and

Fall of the Third Reich. New York, 1962. P. 1393.

(c.422) *Zweig St.* Le Mond d'Hier. Paris, 1948. P. 222, 223.

(c.422) *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 186.

(c.422) *Palmer N.D., Perkins H.C.* International Relations. The World Community in Transition. Third Edition. Boston, 1969. P. 43.